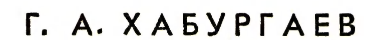
Г.А.ХАБУРГАЕВ

таро-
славянский
язык

Г. А. ХАБУРГАЕВ

Старославянский язык

Допущено Министерством просвещения СССР в качестве учебного пособия для студентов педагогического института по специальности № 2101 «Русский язык и литература»

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1974

Хабургаев Г. А.

Х12 Старославянский язык. Учеб. пособие для студентов пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература». М., «Просвещение», 1974.

432 с. с карт.

Новое учебное пособие по старославянскому языку написано в соответствии с ныне действующей программой по данному курсу, знакомит студентов с фонетикой, морфологией и словообразованием, синтаксисом старославянского языка по данным памятников и сравнительной грамматики.

Х $\frac{60602-396}{103(03)-74}$ 15 — 73 4Р

ОТ АВТОРА

В учебных планах филологических факультетов курс старославянского языка занимает место лингвистического введения в изучение славянских языков, в частности — русского языка и его истории. Эта особенность курса учтена при создании предлагаемого пособия, в котором факты старославянского и праславянского языков рассматриваются в сопоставлении с соответствующими фактами русского и (в меньшей степени) других славянских языков (помимо сопоставлений, необходимых для реконструкции праславянских форм, которые последовательно восстанавливаются для всех уровней языка). Автор полагает, что такое изложение курса должно способствовать более активному усвоению материала старославянского языка студентами-филологами, должно вызывать интерес к нему со стороны будущих русистов, которые найдут здесь объяснение многим особенностям современного русского языка. Эту же цель преследуют и переводы, которыми снабжены все старославянские примеры, что должно помочь читателю почувствовать «внутреннюю форму» того или иного старославянского образования, вникнуть в особенности связи слов в старославянском словосочетании или предложении.

В книге нашли освещение все разделы «Программы» вузовского курса старославянского языка. Вместе с тем от большинства аналогичных пособий, изданных в нашей стране, настоящее руководство отличается более полным охватом материала: здесь рассмотрены все уровни языка, внутри морфологии — все части речи (включая служебные), а внутри разделов, посвященных различным частям речи, достаточно большое внимание уделяется вопросам словообразования. К сожалению, лимитирование объема не позволило автору коснуться всех рассматриваемых вопросов с той степенью полноты, какая казалась необходимой в учебном пособии, предназначенном для студентов-первокурсников.

Большое место занимает в пособии синтаксический раздел, где автор предпринимает попытку описания собственно старосла-

вянских синтаксических явлений, не подгоняя их под схемы, сложившиеся в результате изучения синтаксических черт современных славянских языков. Своеобразием пособия является и очерк научной разработки старославянского языка в России и за рубежом, доведенный до последних лет. Этот материал не предусматривается «Программой», но он дает возможность читателю глубже понять многие проблемы старославянского языка, познакомиться с историей их разработки, с деятельностью крупнейших славистов прошлого и настоящего, что имеет не только научное, но и воспитательное значение.

В пособии нет специального раздела, посвященного старославянской лексике; но этот пробел в значительной степени восполняется материалом по словообразованию, включенным в изложение всех частей речи, что также составляет отличие данного пособия от других аналогичных изданий.

Наконец, следует обратить внимание на библиографические списки, предлагаемые в конце каждого раздела: предназначенные для студентов-первокурсников, они включают только работы, доступные студентам всех наших вузов, т. е. преимущественно изданные в последние годы в Москве и Ленинграде; издания, к настоящему времени ставшие уникальными, зарубежные, а также ведомственные и местные (типа «Трудов» или «Ученых записок»), отсутствующие в большинстве периферийных библиотек, в список не включались. Более подробную библиографию, а также названия изданий, содержащих библиографические списки по старославянскому языку, читатель найдет в упомянутом выше очерке изучения старославянского языка, а также в подстрочных примечаниях.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить свою благодарность ныне покойному доктору филологических наук профессору И. А. Василенко и старшему научному сотруднику Института славяноведения АН СССР доктору филологических наук Н. И. Толстому за те замечания, которые ими были сделаны после ознакомления с рукописью этой книги и которые заставили еще раз задуматься над многими разделами учебного пособия, внести исправления и дополнения. Автор также хотел бы выразить свою признательность научному сотруднику отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина Н. Б. Тихомирову, многочисленные беседы с которым во многом определили характер и особенности этой книги.

Автор надеется, что пособие поможет студентам-филологам в изучении курса старославянского языка, и будет рад получить от своих коллег и читателей замечания и предложения, способствующие улучшению книги.

Декабрь 1969 г.

ПОНЯТИЕ О СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. *Старославянский язык* — это язык древнейших славянских переводов греческих богослужебных книг, которые были выполнены в середине IX в.

Из этого определения следует, что старославянский язык — это *не живой*, разговорный язык одного из славянских народов, а *письменный*, *литературный*, созданный для нужд христианской церкви. В этой функции он и распространился среди ряда славянских народов и под влиянием живой местной речи (болгарской, македонской, сербской, древнерусской) проникался особенностями, характерными для разных славянских языков. С течением времени у каждого из славянских народов старославянский язык стал выступать как бы в местной «редакции». Эти позднейшие местные разновидности старославянского языка принято называть *церковнославянским языком болгарской, сербской, русской* и т. д. *редакций* (или *изводов*).

Таким образом, собственно старославянским (или «классическим» старославянским) следует считать лишь язык первых славянских переводов IX в. Однако древнейшие переводы до нас не дошли. Нам известны списки (копии) этих переводов, выполненные в X—XI вв. и в большей или меньшей степени отражающие местные языковые черты, свойственные речи переписчиков. Все же списки X—XI вв. еще очень близки по особенностям языка к оригиналам, поэтому язык древнейших дошедших до нас списков, а отчасти и оригинальных произведений X—XI вв. мы можем еще считать старославянским. Анализ языка этих списков дает возможность достаточно точно воспроизвести языковые особенности переводов IX в.

Будучи языком переводов с греческого, который к IX в. насчитывал тысячелетие литературного развития, старославянский язык отразил многие достижения литературного греческого языка и поэтому уже в древнейших письменных памятниках выступает как язык богатый в лексическом отношении, с довольно развитым синтаксическим строем, хорошо обработанный стилистически. Это в свое время удачно подметил М. В. Ломоносов, который в трактате «О пользе книг церковных в Российском языке», говоря о достоинствах церковнославянского языка (М. В. Ломоносов называет его «славенским»), писал: «Сие богатство больше всего приобретено купно с Греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с Греческого языка на Славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила Еллинского слова, как высоко почитается; о том довольно свидетельствуют словесных наук любители... Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на Славенском языке...»

Эту особенность старославянского языка следует учитывать при выяснении той большой роли, которую он сыграл в развитии ряда славянских литературных языков, в том числе и русского литературного языка.

§ 2. Для обозначения языка древнейших славянских переводов наряду с термином «старославянский язык» употребляются также термины «древнеболгарский» и «древнецерковнославянский».

Термин «древнеболгарский» следует признать неудовлетворительным, так как он искажает лингвистическую сущность языка

древнейших славянских переводов. Дело в том, что в IX в. «болгарами» назывался народ тюркского (а не славянского!) происхождения, пришедший в VII в. на Балканский полуостров из Азии и покоривший местное население, называвшее себя славянами (точнее словенами). Позднее болгары-тюрки были ассимилированы славянами, которые стали называть себя «болгарами»[1]. Но если даже, учитывая это последнее обстоятельство, считать древнеболгарским язык славян — предков нынешних болгар, то и в этом случае термин «древнеболгарский язык» следует признать неудачным для названия языка славянских переводов IX в., который, отражая многие фонетические и морфологические особенности одного из диалектов балканских славян, существенно отличался от этого диалекта в области лексики, синтаксиса, а отчасти и словообразования.

Более удовлетворительным является термин «древнецерковнославянский язык». Он, правда, не указывает (как и термин «старославянский язык»), к какой славянской группе относится этот язык в своей основе. Зато данный термин довольно точно определяет н а з н а ч е н и е языка первых славянских переводов (он родился как язык христианской церкви) и его отношение к позднейшим местным разновидностям церковнославянского языка (на это указывает элемент *древне-*). Вот почему термин «древнецерковнославянский язык» для обозначения языка первых славянских переводов в течение длительного времени был широкоупотребителен.

Однако в наше время ученые чаще используют термин «старославянский язык», который, характеризуясь тем же недостатком, что и термин «древнецерковнославянский» (он тоже не указывает на живую языковую основу древнейших славянских переводов), имеет и некоторые преимущества. В самом деле, ведь язык этот очень рано (уже в X—XI вв.) начинает использоваться славянами не только как язык церкви, но и как язык науки и литературы, и именно это определило его позднейшее влияние на литературные языки ряда славянских народов. Этот термин с добавлением *старо-*

---

[1] Термин б о л г а р ы в качестве названия с л а в я н с к о г о населения балканской Болгарии (Болгарского царства) впервые отмечен в открытой недавно надписи начала XI в. (см.: Й. З а и м о в. Битольская надпись болгарского самодержца Ивана Владислава 1015—1016 гг. «Вопросы языкознания», 1969, № 6, в частности стр. 132—133).

(чтобы отличить его от других славянских языков и указать на его лингвистическое значение для изучения славянских языков) и будет употребляться в дальнейшем.

Термин «старославянский» имеет еще и то преимущество, что он менее громоздок, чем термин «древнецерковнославянский» (состоит из двух, а не из трех корней), и не дает повода для смешения с названиями более поздних редакций общего литературного языка славян (церковнославянским)[1].

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 3. В. И. Ленин указывал, что главное правило научного подхода к каждому явлению — это «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[2].

Это положение целиком относится и к подлинно научному изучению языка. Защищая историческое изучение родного языка в социалистической школе, Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «„Материя и форма родного языка“ становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам»[3].

Таким родственным мертвым языком, без знания которого невозможно историческое, следовательно, подлинно научное изучение любого славянского языка, в том числе русского, и является старославянский язык.

§ 4. Старославянский язык, появившийся в IX в., п е р в ы м из славянских языков б ы л з а к р е п л е н в п и с ь м е н н о с т и, в то время как памятники других славянских языков

---

[1] В последние годы некоторыми славистами для обозначения церковнославянского языка используется термин «древнеславянский», который относится к языку позднего периода функционировавшему в качестве о б щ е г о литературного языка славян вплоть до XVIII в.

[2] В. И. Л е н и н. Соч., изд. 4, т. 29, стр. 436.

[3] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 333.

дошли до нас от более поздних времен[1]. Уже одним этим определяется его значение при изучении истории любого славянского языка, в том числе и русского.

Нам неизвестно состояние русского языка в IX—X вв. Но мы знаем, что в это время славянские языки незначительно отличались друг от друга (вероятно, не более, чем, скажем, говоры современного русского языка). Знакомясь с особенностями старославянского языка IX—X вв., учитывая его связи с древнерусским и те языковые черты, которые отразились в более поздних по времени создания древнерусских памятниках, мы можем представить себе состояние древнерусского языка в IX—X вв.

Изучение старославянского языка помогает нам восстановить и особенности более ранних периодов развития славянских языков.

Дело в том, что славянские языки в конечном счете образовались в результате распада так называемого праславянского (или общеславянского) языка (подробнее об этом см. ниже). После распада праславянского языка славянские языки пережили ряд фонетических, морфологических и других языковых процессов, заметно изменивших праславянское наследие в каждом славянском языке. Старославянский язык, получивший закрепление в письменности ранее других славянских языков, естественно, пережил к тому времени, когда появились первые старославянские памятники, меньше языковых изменений, чем другие славянские языки (в частности, русский) к тому времени, когда появились первые из дошедших до нас памятников на этих языках. А это значит, что старославянский язык во многих своих особенностях сходен с праславянским языком последних веков его существования. Поэтому изучение старославянского языка помогает достаточно хорошо восстановить облик праславянского языка незадолго до его распада, следовательно, восстановить то языковое наследие, которое получил древнерус-

---

[1] Древнейшие сохранившиеся датированные памятники древнерусского языка относятся в основном к XI в. и большей частью являются списками со старославянских оригиналов; древнесербские памятники начинаются с XII в., древнечешские — с XIII в., древнепольские — с XIV столетия.

ский язык в начале своего самостоятельного развития.

Один из крупнейших специалистов в области славянских языков французский лингвист А. Мейе по этому поводу писал: «...Одно счастливое обстоятельство ставит лингвиста, изучающего общеславянский язык, в более благоприятные условия, чем, например, германиста или кельтолога. В IX в. было сделано несколько переводов текстов, предназначенных для отправления христианского культа... Говор, на который опирался этот письменный язык, содержал в себе множество архаических черт, и, за исключением небольшого числа диалектных особенностей, язык этих текстов тождественен в значительной мере тому, чем был бы общеславянский язык, если бы он был засвидетельствован в письменности. Мы будем называть этот язык старославянским»[1].

Именно поэтому с изучения старославянского языка и начинается историческое изучение любого современного славянского языка, в том числе и русского.

§ 5. Историческим продолжением старославянского языка, как было указано выше, является церковнославянский (см. § 1), который в течение ряда веков использовался многими славянскими народами в качестве языка литературного[2]. У нас на Руси он широко употреблялся еще в XVII в., т. е. в период, когда уже начал складываться национальный русский язык, а в XVIII столетии он сыграл заметную роль в формировании литературного языка русской нации. Поэтому изучение языка произведений древнерусской литературы невозможно без знания старославянского языка.

§ 6. Необходимо учитывать влияние старославянского языка на язык славянской письменности (в частности, древнерусской)

---

[1] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 7.

[2] Вопросы функционирования церковнославянского языка в качестве литературного языка южных и восточных славян разрабатываются в исследованиях Н. И. Толстого: «К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян» («Вопросы языкознания», 1961, № 1), «Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв.» (сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков». М., 1962).

и при использовании древних текстов для реконструкции живой народной речи того времени, когда эти тексты были написаны. Без этого церковнославянизмы (т. е. старославянские по происхождению особенности в лексике, грамматике, а иногда даже и в передаче фонетического облика слов) невозможно отделить от местных, например древнерусских, языковых особенностей, следовательно, невозможно составить правильного представления о живом русском языке древних исторических периодов его развития.

§ 7. Влияние старославянского языка на русский литературный язык заметно не только в наших старых памятниках письменности. Оно отражается и в современном русском литературном языке. Так, целый ряд особенностей современного русского литературного синтаксиса, отличающих его от синтаксиса разговорной русской речи, является наследием или дальнейшим развитием синтаксических черт старославянского происхождения.

Старославянскими по происхождению или образованными по старославянским образцам (словообразовательным моделям) являются многие наши термины, названия отвлеченных понятий. Это обнаруживается как в фонетических, так и в морфологических приметах соответствующих слов. Такими приметами являются:

Сочетания ***-ра-, -ре-, -ла-, -ле-*** между согласными в корнях слов или в приставке (в русском языке им соответствуют ***-оро-, -ере-, -оло-***): *брань, возбранять, безбрежный, пренебрегать, бремя, обременительный, благо, блаженство, поблажка, власть, владеть, область, облако, разоблачать, возвратить, разврат, вредный, главный, оглавление, гражданин, оградить, преграда, гласный, огласить, возглас, древесина, здравствовать, краткий, млекопитающее, нрав, нравственный, прах, срам, среда, средний, сладкий, страна, страница, стража, охладить, прохлада, храбрый, храм* и др. (ср. русские по происхождению: *оборона, берег, беречь, беременность, волость, оболочка, поворот, голова, город, голос, дерево, здоровье, короткий, молоко, норов, порох, середина, солод, сторона, сторож, холод, хоромы* и т. д.).

Начальные сочетания ***-ра-, -ла-*** (в русском языке им соответствуют начальные ***-ро-, -ло-***): *раб, рабство, растение, возраст, равный, равенство, разница, разум, ладья* и т. д. (ср. русские по происхождению: *хлебороб, рост, ровный, порознь, роспись, лодка* и т. д.).

Сочетание ***жд,*** которому в русском языке соответствует ***ж*** (чередуется с ***д***): *вождь, жажда, невежда, между, одежда, гражданин, ограждение, осуждение, рассуждать, насаждать, нужда, принуждать, прежде, происхождение, охлаждение* и др. (ср. русские по происхождению: *вожак, невежа, межа, одёжа, горожанин, сужу, сажать, нужный, опережать, происхожу* и т. д.).

Щ, которому в русском языке соответствует ***ч***: *мощь, помощь, общество, общий, возвращение, превращать, совещание, освещение, обращение, извещение* и т. д. (ср. русские по происхождению: *мочь, поворачивать, отвечать, свеча* и т. д.).

Гласный ***е*** под ударением, которому в русском языке соответствует ***о (ё):*** *небо, одежда, крест, пекло, перст, предмет, мерзкий* и др. (ср. русские по происхождению: *нёбо, одёжа, перекрёсток, испёк, напёрсток, намётка, мёрзнуть* и т. д.).

Имеется и ряд других фонетических примет (о которых будет сказано ниже), указывающих на старославянское происхождение многих слов, являющихся обычными для современного русского литературного языка.

Ряд русских слов образован с помощью старославянских по происхождению суффиксов. Таковы слова с суффиксом ***-тель*** (*предатель, хранитель, учредитель, потребитель, учитель* и т. д.), следовательно и с суффиксом ***-тельн (ый)*** (*страдательный, восхитительный, мучительный, растительный* и т. д.). Старославянскими по происхождению являются также суффиксы ***-ствие*** (*бедствие, содействие, странствие, путешествие, сочувствие* и т. д.), ***-ство*** — при ударении на корне слова (*свóйство, богáтство, госпóдство, брáтство, срéдство* и т. д., а также *кáчество, мнóжество, убóжество, человéчество* и т. д., где сейчас можно выделить суффикс ***-ество***), ***-ение, -ание*** (*строение, страдание, воспитание* и т. д.) и ряд других суффиксов. Нетрудно заметить, что все эти суффиксы широко используются в русском литературном языке для образования новых слов. Немало новых слов образовано и с помощью сложения корней — способа, заимствованного из старославянского языка (который в свою очередь заимствовал этот способ из греческого): *паровоз, пароход, пулемет, миномет, вертолет* и др.

Приведенного материала достаточно, чтобы убедиться в большом вкладе старославянского языка (точнее, церковнославянского языка, являющегося р у с и ф и ц и р о в а н н о й разновидностью старославянского,— см. выше, § 1—2) в развитие русского

литературного языка. Без знания старославянского языка невозможно ни понять, ни объективно оценить этот вклад[1].

§ 8. Следует, наконец, иметь в виду, что церковнославянские элементы, сейчас уже неупотребительные в русском литературном языке, широко использовались и используются до сих пор нашими писателями для придания торжественности произведениям. Так, широко представлены церковнославянизмы в одах М. В. Ломоносова; на церковнославянском языке написаны многие наиболее значительные в идейном отношении главы «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева; немало церковнославянизмов можно встретить в стихах и поэмах А. С. Пушкина, а знаменитый пушкинский «Пророк» написан по существу на церковнославянском, а не на русском языке. Естественно, что без знания старославянского языка, русифицированной разновидностью которого является церковнославянский, невозможно глубокое и правильное понимание не только языка, но и содержания всех этих произведений.

Таковы наиболее существенные моменты, диктующие необходимость изучения старославянского языка будущим учителем-словесником.

СЛАВЯНЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Группировка славянских языков

§ 9. Все славянские языки делят на три группы:

1) восточнославянская группа, включающая русский, украинский и белорусский языки;

2) западнославянская группа, к которой относятся языки основного населения Польши — польский и близкий польскому кашубский; языки Чехословакии — чешский и словацкий; к западнославянской группе относятся также близкородственные серболужицкие языки — верхне- и нижнелужицкий языки национального меньшинства

[1] Старославянскому влиянию на русский язык посвящена специальная работа А. А. Шахматова «Церковнославянские элементы в современном русском литературном языке» (в последний раз эта работа напечатана в сборнике «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку». М., 1952, стр. 245—266).

Германской Демократической Республики; к этой же группе относится и вымерший в XVIII в. язык славян, живших в Германии по нижнему течению р. Эльбы (славянское название — Лаба), по имени которой этот язык называют полабским;

3) южнославянская группа представлена болгарским языком, а также языками народов Югославии — сербско-хорватским, которым пользуются сербы, хорваты, черногорцы, боснийцы и герцеговинцы, словенским и македонским; к этой же группе относится и мертвый старославянский язык.

§ 10. Объединение всех перечисленных языков в единую семью славянских языков основано на их близости: несмотря на специфические особенности каждого из них, все вместе они имеют ряд общих черт, число которых настолько значительно, что близость славянских языков друг другу обнаруживается не только учеными-языковедами, но без труда замечается и самими говорящими на разных славянских языках. Именно это и имеют в виду, когда говорят о родстве славянских языков.

Родство славянских языков обусловлено их происхождением из одного источника, который можно назвать праславянским языком[1].

§ 11. Праславянский язык сложился еще до начала новой эры в результате объединения и последующего совместного развития комплекса древних индоевропейских диалектов или, в соответствии с традиционными представлениями,— из диалектов «индоевропейского праязыка» (или общеиндоевропейского языка-основы) — гипотетического предка обширной семьи индоевропейских языков. Кроме славянских, к индоевропейской семье относятся

[1] Иногда его еще называют *общеславянским*; но этот термин не совсем удачен, так как общеславянскими принято называть языковые особенности или процессы, характеризующие все славянские языки даже после распада праславянского. Иными словами, термин «общеславянский» лучше употреблять в пространственном, а не в хронологическом значении, в то время как термин «праславянский» обозначает «относящийся к определенной эпохе развития славянских диалектов», т. е. имеет хронологическое значение и указывает на период славянского языкового единства.

языки Индии (древнеиндийский, современные хинди, урду, бенгали и ряд других) и Ирана, греческий (начиная с древнегреческого, представленного памятниками I тысячелетия до н. э.), романские (в частности, мёртвый латинский и современные итальянский, французский, испанский и др.), германские (в том числе мёртвый готский и современные немецкий, английский, шведский и др.), балтийские (литовский, латышский и мёртвые языки древних прусов, ятвягов и голяди) и ряд других языковых групп, из которых балтийская особенно близка славянской группе языков.

Близость балтийских и славянских языков уже давно отмечена индоевропеистами и легла в основу гипотезы об эпохе балто-славянского языкового единства, закончившейся распадом балто - славянского праязыка на прабалтийский и праславянский. В последнее время многие ученые развивают идею о том, что праславянский язык сформировался из диалектов, отделившихся от древнебалтийского массива и с определенного времени начавших развиваться самостоятельно [1]. Не все индоевропеисты разделяют эту гипотезу; однако существование периода балто-славянской сообщности или периода контактного развития праславянских и древнебалтийских диалектов ни у кого сомнений не вызывает.

Особенно близки славянским ныне мертвые прусско-ятвяжско-голядские говоры (так называемые «западнобалтийские»), некогда распространенные в юго-восточной Прибалтике, в междуречье Немана и Западного Буга и в междуречье рр. Оки и Москвы, но впоследствии полностью исчезнувшие (в отдельных районах Прибалтики прусские говоры сохранялись вплоть до XVIII в.), но оставившие следы в гидронимике (названиях рек) соответствующих районов. Один из виднейших исследователей балто-славянских языковых связей Б. В. Горнунг, стремясь объяснить эту поразительную близость, выдвинул даже предположение, что предки пруссов, ятвягов и голяди первоначально входили в единый союз с предками славян, но затем оторвались от них и сблизились с предками литовцев и латышей (так называемыми «восточными балтами») [2]. Вопрос этот еще далек от своего окончательного решения; пока лишь очевидно, что по отношению к эпохе формирования и развития праславянского языка «западнобалтийские» говоры (прусско-ятвяжско-голядские) могут быть охарактеризованы как переходные от праславянских к «восточнобалтийским» (литовско-латышским).

---

[1] См.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958, в частности, стр. 39; Т. Лер-Сплавинский. О северо-восточных окраинах праславянского языка. «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 136.

[2] См.: Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, стр. 49 и др. В этой монографии дан обстоятельный обзор как советских, так и зарубежных исследований о балто-славянских языковых отношениях.

Индоевропейская эпоха (т. е. эпоха существования близких друг другу диалектов, из которых в процессе последующего исторического развития оформляются известные нам индоевропейские языки) уходит в глубь тысячелетий. Распространяясь по огромной территории Евразии, где они сталкивались с иноязычными народами, индоевропейские племена теряли связи между собой, а диалекты обособившихся племен (или союзов племен) развивали новые языковые особенности (отчасти под влиянием неиндоевропейских диалектов ассимилированных народов), постепенно всё более расходились в своем развитии, превращаясь в разные языки, сохраняющие, однако, ряд общих черт, обусловленных единством происхождения (генетическим единством). На базе таких индоевропейских диалектов и сложился праславянский язык, распадение которого в свою очередь дало начало новым славянским языкам.

Этот процесс образования родственных языков из одного языка-источника хорошо известен науке; в общем виде он удачно представлен Ф. Энгельсом на примере племен и племенных языков североамериканских индейцев, которых европейцы застали на стадии общинно-родового строя. «На примере североамериканских индейцев, — пишет Ф. Энгельс, — мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчленяясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства»[1].

Древнейшие сведения о славянах

§ 12. Древнейшие исторические сведения о славянах относятся к первым векам нашей эры. По свидетельству римских историков I—II вв. Плиния Старшего и Тацита и александрийского географа Птоломея, славяне, известные римлянам и грекам под именем *венедов* или *венетов*[2], были в это время

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 97.

[2] Некоторые народы Прибалтики до сих пор называют славян этим именем. Так, финские народы (суоми и эсты) зовут русских: *vene*, *venäje*, *venäte* (ср. еще фин. *puhua venättä* «говорить по-русски»). Средневековые немцы еще в XVIII в. называли лужицких сербов *Wenden*, а словинцев (поморян) — *Winden*. Сопоставление всех этих наименований позволяет восстанавливать исходное звучание корня **vent-*. Есть основания предполагать, что первоначально *венетами* назывались племена южной Прибалтики, и лишь позднее это имя было перенесено германцами на остальных славян и в этом более широком значении стало известно (от германцев?) греко-римским писателям.

«великим народом», заселявшим обширные территории к северу от Карпат и Дуная — вплоть до Балтийского моря. Известны также сообщения III—V вв., которые позволяют предполагать присутствие в это время славяноязычных племен на среднем и нижнем Дунае[1].

Славянская принадлежность «венетов» подтверждается вполне достоверными сообщениями авторов VI в. Правда, византийские историки этого времени Прокопий из Кесарии (в истории войн с готами, написанной в 551—554 гг.)[2], автор «Стратегики» конца VI в. (приписываемой императору Маврикию[3]), Феофилакт Симокатта и др. упоминают о двух славянских «народах» — антах (Ἄνται, Ἄντες) и «склавенах» или «склавинах» (Σκλαβηνοί), т. е. *словенах;* но гот Иордан, выросший в Византии и писавший на латинском языке, в истории своих предков (написанной в 551 г.)[4] называет три славянских группировки: антов, словен («склавен») и венетов (Antes, Sclaveni, Veneti). Эти сведения, как и археологический материал, относящийся к VI—VII вв. н. э., должны указывать на то, что к середине I тысячелетия н. э. уже произошел распад праславянского объединения, что и обусловило распад праславянского языка.

Распад праславянского племенного союза произошел, видимо, незадолго до VI в., так как в это время и самими славянами, и их соседями осознавалось родство образовавшихся славянских племенных групп. Византийские историки единодушно отмечают, что анты и словене — это родственные народы: они поль-

[1] Обзор этих сведений см.: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 36—38, 52—54 и др.

[2] См. последнее издание: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

[3] Поскольку достоверных сведений о принадлежности «Стратегики» императору Маврикию нет, то автора этого сочинения обычно именуют Псевдомаврикием (т. е. «якобы Маврикием»).

[4] См. последнее издание: Иордан. О происхождении и деянии гетов *(Getica).* М., 1960. Тщательный анализ сообщений Иордана о славянах (являющихся наиболее полными для периода перехода от античности к средневековью) см. в статье: Е. Ч. Скржинская. О славенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне (из комментария к Иордану). «Византийский временник», XII, 1957.

зуются одним общим языком, у них сходный быт и обычаи, одинаковые верования, одинаковая внешность; они объединяются в походах на пограничные византийские провинции. Иордан, упоминающий о трех славянских племенных союзах, также подчеркивает их родство, их происхождение от одного племени. Венеты,— пишет Иордан,— «происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов и склавенов». Особенно интересно указание Иордана на то, что славяне в VI в. составляли отнюдь не три племенных объединения, а значительно больше; «склавены» и «анты» — это наименования группировок, селившихся вдоль северных и северо-восточных границ Византии, следовательно, наиболее известных греко-римским авторам. «...На безмерных пространствах,— поясняет Иордан,— расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, всё же преимущественно они называются склавенами и антами».

Исторический и археологический материал середины I тысячелетия н. э. характеризует славян этого времени как многочисленный народ, находящийся на стадии так называемой военной демократии[1], хорошо приспособленный к ходьбе, живущий в лесных районах вдоль рек и озер на равнинных местах в открытых поселениях в полуземлянках с каменной или глинобитной печью в дальнем от входа углу, пользовавшийся толстостенной и почти без орнаментовки лепной керамической посудой домашнего изготовления, знакомый с охотой и рыбной ловлей, но в основной своей массе до середины I тысячелетия еще вряд ли перешедший к земледельческому труду. Сведения о географическом расселении славян в VI в. у упоминавшихся выше авторов также совпадают: и византийские историки, и Иордан указывают на то, что словене и анты занимали области от среднего Дуная до Днепра, причем анты располагались восточнее словен и вместе с ними штурмовали берега Истра (так называли в Византии нижнее течение Дуная), вторгаясь на восточные Балканы. Что же касается венетов, то они, по сведениям Иордана (которые, вероятно,

[1] Подробную характеристику особенностей славянских родовых объединений этого времени см. в работе А. М. Селищева «Славянское языкознание» (ч. I. М., 1941, § 2—4, стр. 6—16).

почерпнуты им из старых готских преданий[1]), занимали северные склоны Карпат и бассейн Вислы. Археологические открытия последних лет полностью подтверждают эти сообщения: на обширной территории от Эльбы до Днепра и от Вислы до Балканского полуострова сейчас хорошо известны древности V—VII вв., характеризующиеся некоторым своеобразием в отдельных районах, но еще очень близкие другу другу и полностью соответствующие позднейшим безусловно славянским реалиям[2].

Таким образом, середина I тысячелетия н. э. может быть охарактеризована как конец праславянской эпохи.

§ 13. Конец праславянской эпохи — это время разложения родового строя у славян и зарождения новых общественных отношений, которые приводят к появлению первых государственных объединений.

Возникновение первых государств у различных групп славянских народов относится к периоду VII—VIII вв. н. э. В частности, в 70-х годах VII в. в придунайских землях, на севере Балканского полуострова, складывается «Союз семи славянских племен», который вскоре был покорен болгарской (тюркской) ордой хана Аспаруха, объявившего себя главой государства. В 679 г. государство Аспаруха было признано Византией. Этот год принято считать началом Первого Болгарского царства, основное славянское население которого спустя два-три столетия полностью ассимилировало (поглотило) болгар-тюрков (по терминологии современных болгарских историков — «протоболгар»), сохранив лишь их имя.

---

[1] Во II в. н. э. объединения древнегерманских племен во главе с готами продвинулись из бассейна нижней Вислы в северо-западное Причерноморье, где ими было основано разноплеменное государство, просуществовавшее до IV в. Обобщение историко-археологических данных о Готской монархии II—IV вв. см. в книге: П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности (в серии: «Материалы и исследования по археологии СССР», № 179). Л., 1970, стр. 43-50, 92—93.

[2] См. новейшие обзоры исторического и археологического материала о ранних славянах: П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 250—253; И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 152. Л., 1968, стр. 5—22, 154—175; В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 163. М., 1970, стр. 63—73 и др.

В 865 г. официальной религией Болгарии было признано христианство византийской разновидности.

В первой половине VII в. появляется первое известное нам государство и у западных славян («Княжество Само»), распавшееся, однако, после смерти его основателя. В 830 г. здесь создается сильное Великоморавское княжество, объединившее чешские и моравские племена (предков современных чехов и словаков). Распалось Великоморавское княжество в 906 г. под ударами кочевников-венгров. Незадолго до этого (в 895 г.) из Великоморавского государства обособилась Чехия, вскоре ставшая одной из наиболее богатых и экономически развитых областей Центральной Европы.

К VII—IX вв. относится появление раннефеодальных государств у восточных славян, где со временем складывается одно из крупнейших государственных объединений раннесредневековой Европы — Киевская Русь.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Деятельность славянских первоучителей

§ 14. Возникновение старославянского языка и известной нам славянской письменности тесно связано с историческими условиями жизни славян в IX в., в частности с борьбой западных славян против захватнической политики Священной Римской империи и латино-немецкого духовенства.

Великоморавское княжество, возникшее в 830 г., вело интенсивную борьбу с германскими императорами. В ходе этой борьбы один из моравских князей, князь Ростислав, решил опереться на союз с Византией, в которой он рассчитывал найти могучего союзника. С этой целью князь Ростислав согласился принять христианство в его восточной, византийской разновидности, между прочим, отличавшейся от католической (римской) разновидности христианства тем, что Византия допускала отправление религиозных обрядов и богослужение на р о д н о м языке народа, исповедующего христианство (римская церковь практически признавала богослужение лишь на латинском и греческом языках).

В 862 или 863 г. в Константинополь прибыло посольство от князя Ростислава с просьбой прислать в Моравию проповедников, которые обучили бы славян христианской вере на их родном языке.

На севере Византии к тому времени сложилась напряженная политическая обстановка, и союз Моравии с Византией был выгоден обеим сторонам. Поэтому византийский император Михаил III положительно отнесся к просьбе князя Ростислава и решил отправить в Моравию миссию, во главе которой были поставлены два брата — К о н с т а н т и н и М е ф о д и й. Руководящая роль в этой миссии должна была принадлежать младшему брату Константину, который и явился составителем старославянской азбуки и первым переводчиком греческих богослужебных текстов на язык славян.

§ 15. О жизни и деятельности Константина и Мефодия нам известно из ряда старославянских, латинских и греческих источников. Известны, в частности, «Жития» Константина и Мефодия, написанные на старославянском языке лицами, хорошо знавшими обстоятельства возникновения славянской письменности и деятельности славянских первоучителей. Однако до нас дошли лишь позднейшие списки («копии») этих произведений, содержащие не только достоверный фактический материал, подтверждаемый историческими документами, но и элементы чисто литературные, легендарные. Древнейшая из дошедших до нас копий — «Житие Мефодия» по списку XII в.; древнейший из дошедших до нас списков «Жития Константина» относится к XV в. Из других славянских источников о деятельности Константина следует упомянуть сочинение «О письменах» древнеболгарского писателя X в. черноризца (монаха) Храбра.

Из числа латинских источников, содержащих сведения о начале славянской письменности, следует отметить грамоты римских пап Иоанна VIII и Стефана V, сообщение одного из папских приближенных Анастасия, который, кстати сказать, лично знал Константина и восхищался его ученостью и особенностями его характера, а также ряд других документов, порой явно тенденциозных, защищающих интересы латино-немецкого духовенства.

На греческом языке написано «Житие» Климента — одного из наиболее талантливых учеников Константина и Мефодия.

Все эти материалы, вместе взятые, дают возможность составить более или менее определенное представление о личности составителей старославянской азбуки, об обстоятельствах, связанных с возникновением и начальным развитием старославянской письменности и старославянского языка.

§ 16. Мефодий и Константин были уроженцами города Фессалоники, находившегося в центре греческой колонии на территории македонских славян. И в самом городе и особенно в его окрестностях проживало многочисленное славянское население, на языке которого город назывался С о л у н е м. Жители Солуня хорошо знали язык местного славянского населения. Знали его и Мефодий и Константин, хотя по национальной принадлежности они были греками[1]. Указание на знакомство братьев с языком местных славян содержится в напутствии императора Михаила, который, по свидетельству «Жития Мефодия», обращаясь к братьям, сказал: **«Вы бо еста селоуныанина да селоуныане вьси чисто словѣньскъı бесѣдоують»** [=«Вы оба солуняне, а все солуняне хорошо говорят по-славянски»].

Старший из братьев, Мефодий, по-видимому, не был лишен организаторских способностей и имел навыки административной деятельности: в течение ряда лет он был правителем какой-то славянской области в Византии, возможно на юго-востоке в Македонии.

Младший брат, Константин, получил блестящее по тому времени образование. В источниках он обычно упоминается с эпитетом «философ». Некоторое время Константин работал хартофилаксом (библиотекарем) при патриаршей библиотеке, а затем удалился в уединенное место для занятий. Спустя некоторое время он получил назначение **«оучити философии своѩземьца и страннъıѩ»** (т. е. «местных людей и приходящих из других стран»). На Константина дважды возлагалась миссия в Малую Азию, а затем в Хозарию с целью проповеди христианского учения. В Хозарию Константин ездил вместе с Мефодием. До поездки он прожил некоторое время в монастыре Олимп (в Малой Азии), где в то время находился Мефодий. В монастыре Константин вновь сосредоточился на книжных занятиях (**«токмо книгами бесѣдоуѩ»**). Здесь он мог познакомиться с древнееврейской и коптской письменностью[2].

Во время поездки в Хозарию Константин останавливался в Крыму, в греческой колонии в Херсонесе. Здесь он познакомился с какими-то книгами (евангелием и псалтырью), написанными

---

[1] Впрочем, некоторые исследователи высказывают предположение, что солунские братья были славянами, а называют их во всех известных источниках греками по принадлежности к греческой церкви.

[2] К о п т ы — принявшие христианство потомки древних египтян.

«русскими» буквами[1], и быстро научился читать эти книги. Последнее обстоятельство дает повод предполагать, что книги были написаны на языке, известном Константину[2]. Здесь же он за несколько дней выучился читать «без порока» самарянские книги[3], что предполагает предварительное знакомство с древнееврейской письменностью.

Возвратившись в Константинополь, Константин начал работу по составлению славянской азбуки и переводу богослужебных книг на язык славян. По единодушному свидетельству обоих «Житий», эта работа была начата до прибытия посольства из Моравии. Сообщение это правдоподобно, так как за короткое время между назначением Константина главою миссии и отъездом в Моравию почти невозможно было бы составить столь совершенную, хорошо приспособленную к особенностям славянской речи азбуку, какой является старославянская, и перевести несколько книг. Более того, возможно, что одной из причин назначения Константина руководителем моравской миссии как раз и было то обстоятельство, что работа над составлением азбуки и переводом книг им была уже начата. И если это так, то в своей работе Константин должен был ориентироваться на хорошо знакомую ему речь солунских (македонских) славян. Знакомство с речью моравских послов должно было показать ему, что их язык мало отличался от языка македонцев, так как в середине IX в., как уже говорилось, славянские языки очень незначительно отличались друг от друга.

Не позднее 864 г. миссия Константина и Мефодия отправилась в Моравию.

§ 17. В первые годы пребывания в Моравии Константин и Мефодий, а также другие лица, прибывшие с ними, готовили

---

[1] В разных списках «Жития Константина»: **роусьскими писменъı, роуш'ки(м) писмене(м), роусъскъı писменъ.** Обстоятельный анализ этого сообщения см.: Т. А. Иванова. Еще раз о «русских письменах». «Советское славяноведение», 1969, № 4.

[2] Известно мнение, что в первоначальном тексте «Жития Константина» было **сурьскими писменъı,** что позднейшими переписчиками и было осмыслено как **роусьскъıми** и в таком виде дошло до нас в списках XIV—XV вв. (см. доказательства в указ. статье Т. А. Ивановой).

[3] Самария — область на Ближнем Востоке, населенная древнееврейскими племенами.

кадры священников из числа коренных жителей Моравии и продолжали работу по переводу христианской канонической литературы на язык славян. Именно язык этих переводов и следует считать классическим старославянским языком (см. § 1).

Деятельность Константина и его миссии в Моравии была враждебно встречена со стороны латино-немецкого духовенства, утверждавшего в письменности и в церковном ритуале латинский язык. Это побудило братьев отправиться в Рим, чтобы заручиться поддержкой своей деятельности со стороны папы; здесь они собирались посвятить в священники и своих учеников.

По пути в Рим Константин и Мефодий остановились в Паннонии[1], где их тепло принял князь Коцель, возглавлявший борьбу паннонских славян против посягательств со стороны германских феодалов. По просьбе князя Коцеля, признававшего авторитет славянских первоучителей, Константин и Мефодий обучили славянскому письму и священным книгам около 50 учеников из числа жителей Паннонии.

Следующую остановку братья совершили в Венеции. В «Житии Константина» рассказывается, что здесь, в Венеции, Константин вел горячие споры с «треязычниками», отстаивавшими догмат о законности письменности лишь на трех языках: древнееврейском (на котором создавалась древнейшая христианская литература), греческом и латинском. В этих спорах Константин доказывал право каждого народа на свою письменность и законность этой письменности, ссылаясь на тексты из «священного писания» и на опыт ряда народов (армян, персов, иверов, т. е. грузин, готов, аваров, хозар, арабов, сирийцев и др.), издавна имеющих свою письменность.

В Риме Константин и Мефодий были приняты очень торжественно. Папа Адриан II, учитывая их большой авторитет среди славян и надеясь с помощью братьев укрепить собственное влияние в славянских странах, признал славянский язык в письменности и литургии. Константин и Мефодий получили официальную поддержку папы, а их ученики были посвящены в священники.

Из Рима Константин не вернулся: он заболел и умер 14 февраля 869 г., в возрасте 42 лет. Незадолго до смерти Константин постригся

---

[1] Паннония — бывшая римская провинция в районе между реками Дравой и Дунаем, в настоящее время представляющая западную половину Венгрии, а в IX в. населенная предками словенцев.

в монахи, приняв в постриге имя Кирилл. Под этим именем он и был впоследствии причислен к лику святых в христианской церкви.

§ 18. После смерти брата Мефодий некоторое время продолжал его работу в Паннонии. Вскоре, в связи с признанием в Болгарии византийской разновидности христианства, папа, стремясь укрепиться в Паннонии и Моравии, учредил здесь особую славянскую епископию, назначив епископом авторитетного среди славян Мефодия. Однако по приказу ряда немецких епископов Мефодий был схвачен и посажен в тюрьму в Баварии или Швабии, где просидел в течение двух с половиной лет.

Мефодий вернулся в Моравию, сохраняя сан епископа. Здесь он и жил с 873 г., продолжая свою деятельность.

В 885 г. Мефодий скончался. Его ученики были изгнаны из Моравии, где старославянский язык перестали употреблять в богослужении в официальной церкви, а переводы Константина, Мефодия и их учеников подверглись уничтожению.

Впрочем, в Моравии и в отколовшейся от нее в 895 г. Чехии славянская письменность не совсем прекратилась. Нам известны, хотя и очень немногочисленные, старославянские памятники, написанные здесь в X и даже в XI вв. (Киевские листки, Пражские отрывки и некоторые другие). Все эти памятники написаны глаголицей (см. ниже).

§ 19. Ученики Мефодия, изгнанные из Моравии, отправились частью на юг — к хорватам, где в это время складывалось независимое славянское государство, частью на юго-восток — к болгарам и македонцам. Там они и продолжили дело славянской книжности.

Особенно благоприятные условия для развития славянской письменности складываются на юго-востоке. В Македонии создается ряд рукописей, продолжающих традиции кирилло-мефодиевских переводов (так называемая Охридская школа). Из числа работавших здесь писателей наиболее известен Климент, один из талантливейших учеников Мефодия.

На востоке Болгарии центром старославянской книжности становится Преслав — столица Болгарии в период правления царя Симеона (893—927 гг.), покровительствовавшего развитию

славянской письменности. Из круга писателей симеоновского периода, который иногда называют «золотым веком» старославянской письменности, наиболее известен экзарх[1] болгарский Иоанн, перу которого принадлежит ряд произведений. В Болгарии работал и черноризец Храбр, автор широко известного произведения «О письменах», где рассказывается о начале славянской письменности.

Известные нам произведения преславских книжников написаны так называемой кириллицей (см. ниже).

Народно-разговорная основа старославянского языка

§ 20. Осуществляя свои первые переводы, явившиеся образцом для последующих славянских переводов и оригинальных произведений, Константин (Кирилл), несомненно, ориентировался на какой-то живой славянский диалект. Какой же славянской группе принадлежал этот диалект, положенный в основу языка первых славянских переводов?

Если Константин-философ начал перевод греческих текстов еще до поездки в Моравию (см. выше § 16), то, очевидно, он должен был ориентироваться на известный ему славянский диалект. А таким был диалект солунских славян, который, можно думать, и является живой основой языка первых переводов[2].

В пользу такого утверждения свидетельствуют не только обстоятельства возникновения старославянской письменности, но и языковые особенности старославянских памятников.

Как уже указывалось, славянские языки в середине IX в. были очень близки друг другу, различались весьма немногими чертами. И эти немногие черты указывают на болгаро-македонскую основу старославянского языка. В частности, можно указать на две фонетические особенности старославянского языка, которые могли

[1] Экзарх — в церковно-административной терминологии — глава отдельной церкви.

[2] Выдвинутая в середине XIX в. так называемая «паннонская теория», утверждавшая, будто язык первых переводов ориентирован на диалект паннонских славян, в настоящее время никем не поддерживается (см. о «паннонской теории» ниже, в разделе «Из истории разработки старославянского языка», § 40).

характеризовать диалект солунских славян — предков нынешних македонцев.

1) Мягкие согласные, чередующиеся с [д] и [т], в старославянских памятниках передаются соответственно как *жд* и *шт* (подробнее о происхождении этих звуков см. в § 129). Звуки [ж͡'д'] и [ш͡'т'] свойственны болгарским и македонским говорам. Мораване в соответствии с этими согласными произносили [д͡'з'] (в совр. чешск. *z*) и [ц'] (*c*)[1], а предки словенцев, т. е. жители Паннонии, должны были произносить [j] и [ч'] (*č*); ср. старослав. **межда, свѣшта**, чешск. *meza*, *svice*, словенск. *meja*, *sveča*.

2) В древнейших старославянских памятниках, написанных так называемой глаголицей (см. ниже), даже если они моравского происхождения, используется одна буква для обозначения гласного ['а] (после мягкого согласного) и гласного [ē] особого происхождения (из долгого *е* или из дифтонга — см. § 79, 95). По-видимому, составитель азбуки не слышал здесь разных гласных звуков, а слышал лишь один гласный [ä] (переднего образования). Именно так и обстоит дело в болгарских и македонских диалектах в окрестностях Солуня, в то время как у мораван и жителей Паннонии во втором случае звучали гласные типа *э* (различного качества) или *и*, отличающиеся от ['а]; ср. старослав. **грѣхъ** [гр·äхъ], чешск. *hřích*, словацк. *hriech*, словенск. *grêh*.

На принадлежность старославянского языка болгаро-македонской группе указывает и состав народных (не книжных) греческих заимствований, что могло характеризовать лишь язык славян, постоянно общавшихся с греками (см. § 40).

Славянские азбуки и их происхождение

§ 21. Известные нам старославянские тексты написаны двумя азбуками, одну из которых называют г л а г о л и ц е й, другую — к и р и л л и ц е й. Азбуки эти по начертанию букв, по характеру письма очень не похожи одна на другую (см. фотокопии отрывков

---

[1] Именно эти согласные находим в Киевских листках (например: **дазь, обѣцѣлъ**; в других старославянских памятниках **даждь, обѣшталъ**) и Пражских отрывках (например: **розьство, въпъюце**; обычно в старославянских памятниках **рождьство, въпиѭште**), что и указывает на моравское происхождение этих памятников (см. § 18).

Кириллическая азбука в сопоставлении с византийским унциалом и глаголицей

Византийский унциал IX—X вв.	Кириллица				Буквы глаголицы
	Буквы кириллицы X — XI вв.	Название букв	Звуковое значение	Числовое значение	
Α	А	азъ	[а]	*1*	Ⰰ
—	Б	букы	[б]	—	Ⰱ
Β	В	вѣди	[в]	*2*	Ⰲ
Γ	Г	глаголи	[г]	*3*	Ⰳ
Δ	Д	добро	[д]	*4*	Ⰴ
Ε	Є	єсть	[е]	*5*	Ⰵ
—	Ж	живѣте	[ж’]	—	Ⰶ
—	Ѕ, Ꙃ	ѕѣло	[д͡з’]	*6*	Ⰷ
Ζ	Ꙁ	земля	[з]	*7*	Ⰸ
Η	И	ижеи	[и]	*8*	Ⰹ
Ι	І	иже	[и]	*10*	Ⰺ, Ⰻ
—	(Ђ)	(г’ервь)	[г’]	—	Ⰼ
Κ	К	како	[к]	*20*	Ⰽ
Λ	Л	людиє	[л]	*30*	Ⰾ, Ⰾ
Μ	М	мыслите	[м]	*40*	Ⰿ
Ν	N	нашь	[н]	*50*	Ⱀ
Ο	О	онъ	[о]	*70*	Ⱁ
Π	П	покои	[п]	*80*	Ⱂ
Ρ	Р	рьци	[р]	*100*	Ⱃ
Ϲ	С	слово	[с]	*200*	Ⱄ
Τ	Т	тврьдо	[т]	*300*	Ⱅ
ΟΥ, ȣ	ОУ, Ꙋ	оукъ	[у]	*(400)*	Ⱆ
Φ	Ф	фрьть	[ф]	*500*	Ⱇ
Χ	Х	хѣръ	[х]	*600*	Ⱈ

Византийский унциал IX—X вв.	Кириллица				Буквы глаголицы
	Буквы кириллицы X—XI вв.	Название букв	Звуковое значение	Числовое значение	
ω	ω	отъ (омега)	[о]	*800*	Ⱉ
—	Ц	ци	[ц']	*900*	Ⱌ
—	Ч	чрьвь	[ч']	*90*	Ⱍ
—	Ш	ша	[ш']	—	Ⱎ
—	Щ	шта	[ш͡'т']	—	Ⱋ
—	Ъ	єръ	[ъ]	—	Ⱏ, Ⱏ
—	ЪI, ЪИ	єры	[ы]	—	ⰟⰊ, ⰟⰉ
—	Ь	єрь	[ь]	—	Ⱐ, Ⱐ
—	Ѣ	ıать	[æ]	—	Ⱑ
—	Ю	—	[’у], [jу]	—	Ⱓ
—	Ꙗ	—	[’а], [jа]	—	—
—	Ѥ	—	[’е], [jе]	—	—
—	Ѧ	юсъ малыи	[ę]	*(900)*	Ⱔ
—	Ѩ	—	[’ę], [ję]	—	Ⱗ
—	Ѫ	юсъ большии	[ǫ]	—	Ⱘ
—	Ѭ	—	[’ǫ], [jǫ]	—	Ⱙ
ξ	Ѯ	кси	[кс]	*60*	—
ψ	Ѱ	пси	[пс]	*700*	—
θ	Ѳ	ѳита	[ф]	*9*	Ⱚ
ϒ	Ѵ, Ѵ	ижица	[и], [в]	*400*	Ⱛ

Числовые значения глаголических и кириллических букв не совпадали (в глаголице числовое значение соответствовало порядку буквы в азбуке, причем порядок букв в глаголице и в кириллице не был одинаковым). Буква «гервь» в кириллической азбуке отсутствовала.

из глаголических и кириллических памятников, а также таблицу «Кириллическая азбука в сопоставлении с византийским унциалом и глаголицей» на стр. 28—29).

Какая из двух азбук является более древней? Какая из них создана Константином (Кириллом)? Как и когда появилась другая азбука (раньше или позднее)? Решение этих вопросов затруднено тем, что переводы самих славянских первоучителей, осуществленные в IX в., до нас не дошли, и мы не знаем, какой азбукой они были написаны.

В середине XIX в. было высказано мнение о большей древности кириллицы по сравнению с глаголицей. Однако дальнейшие открытия заставили многих исследователей отказаться от этого мнения и признать глаголицу более древней системой славянского письма. Этой точки зрения сейчас придерживается подавляющее большинство языковедов-славистов.

В пользу большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей говорят следующие факты:

1. Памятники, написанные глаголицей, связаны с Моравией (например, уже упоминавшиеся Киевские листки и Пражские отрывки) и Паннонией, т. е. как раз с теми областями, где протекала деятельность славянских первоучителей, а также с Хорватией и Македонией, где работали непосредственные ученики Константина и Мефодия, изгнанные из Моравии. Древнейшие же из известных нам кириллических памятников написаны, как правило, на востоке Балканского полуострова, где непосредственного влияния солунских братьев не было; причем расцвет кириллической письменности начинается с конца IX — начала X в.

2. Памятники, написанные глаголицей, как правило, более архаичны по языку, чем кириллические тексты, что должно указывать на их связь с первыми славянскими переводами.

3. Глаголица менее совершенна по составу букв, чем кириллица; например, в ней используется одна буква для обозначения открытого [ē] и [’а], очень близких по звучанию; в кириллице же для каждой из этих фонем введена своя буква: ѣ и ꙗ. Это значит, что составители кириллицы уже имели опыт использования письма для записи славянской речи.

4. В кириллице используется ряд букв, обозначавших звуковые сочетания, которые могли появиться у славян лишь с конца IX —

начала X в. Это заимствованные из греческой азбуки буквы ѯ [кс] и ѱ [пс]; в глаголице таких букв не было, так как в середине IX в. у славян не могло быть соответствующих звукосочетаний.

5. В памятниках, написанных кириллицей, нередко встречаются отдельные слова или предложения в глаголической записи; это должно свидетельствовать о том, что соответствующий кириллический текст списан с глаголического. Напротив, все известные нам кириллические приписки в памятниках, написанных глаголицей, позднейшего происхождения.

6. Основным писчим материалом у славян служил п е р г а м е н[1], который представлял собой специальную обработку кожи молодого животного (теленка, козленка, ягненка). Самый тонкий и изящный пергамен изготовлялся из кожи ягнят, в частности мертворожденных. Это был довольно дорогой писчий материал, поэтому нередко прибегали к использованию материала старой книги для записи нового текста. С этой целью старый текст смывался (или соскабливался), и по нему писали новый. Такой текст называется п а л и м п с е с т о м. Все известные нам палимпсесты — это кириллические рукописи, нередко написанные по смытой глаголице, что опять-таки указывает на более раннее использование глаголицы по сравнению с кириллицей.

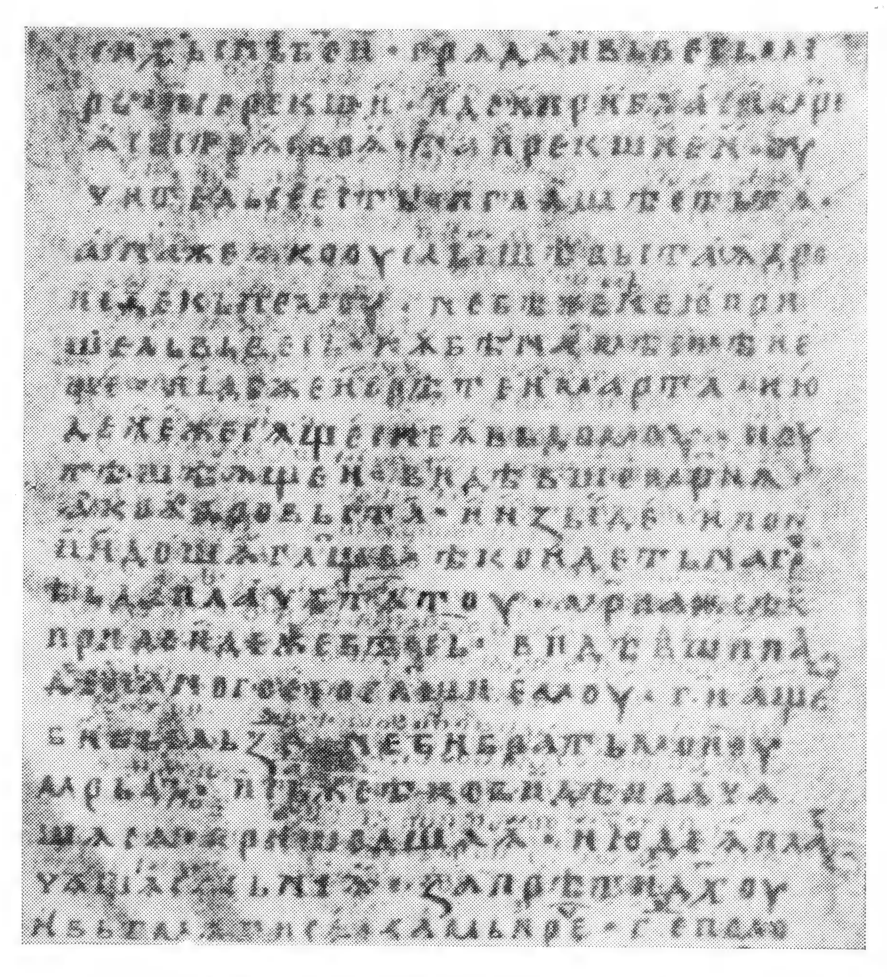
Если глаголица возникла ранее кириллицы, то была ли именно она составлена Константином-философом?

§ 22. Для ответа на этот вопрос, кроме указанных выше данных, необходимо также принять во внимание и с т о ч н и к и каждой из старославянских азбук.

И с т о ч н и к к и р и л л и ц ы ни у кого не вызывает сомнений: в основу этой азбуки положен в и з а н т и й с к и й у н ц и а л (торжественное, уставное письмо, которым писались богослужебные книги). При этом начертание букв кириллицы обычно сближают с начертаниями букв греческого унциала X в. (ср. буквы кириллицы и византийского унциала в таблице на стр. 28—29). Очевидно, что кириллица могла быть составлена в конце IX или в X в. лицами, хорошо знакомыми с греческим письмом и, возможно, имевшими опыт пользования им.

---

[1] Это название связано с малоазиатским городом П е р г а м о м, где, по преданию, во II в. до н. э. при пергамском царе Евмене II было усовершенствовано изготовление этого писчего материала. Отсюда его латинское название *charta pergamena*, т. е. «пергамская бумага».

Образец палимпсеста *(Боянское евангелие)*

Кириллица использует почти все буквы греческого унциала, в том числе и такие, которые не были необходимы для передачи славянских звуков. Поскольку в славянской речи были звуки, отсутствующие в греческом языке, для их обозначения использовались буквы (**ш, щ, ж, ү, ц, б, ѫ, ѧ, ꙑ** и др.), не заимствованные из греческой азбуки, а взятые из какого-то другого источника. Любопытно, что многие из них очень сходны с соответствующими буквами глаголицы (см. таблицу на стр. 28—29), из которой они

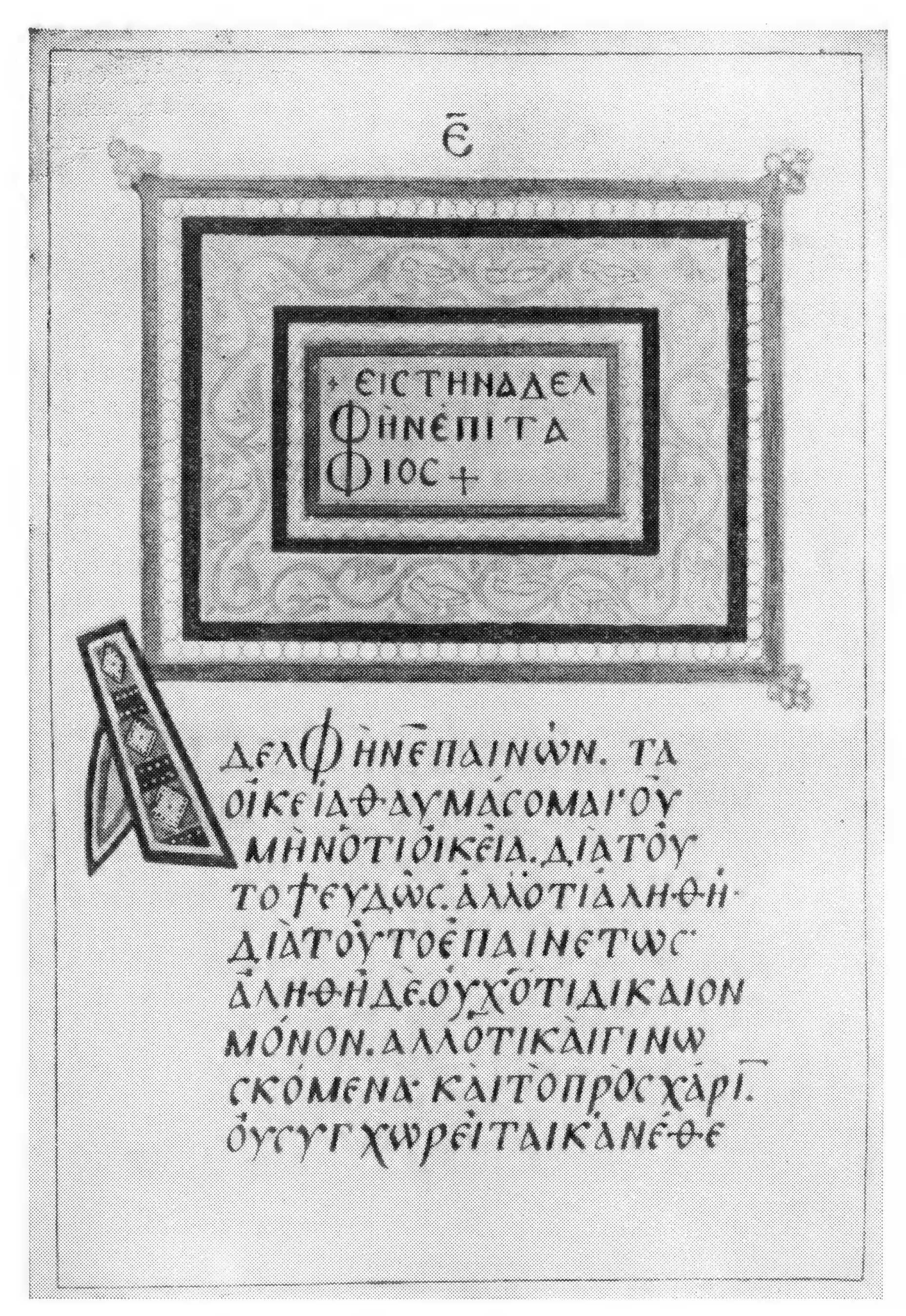
могли быть заимствованы, если признавать, что глаголица была в употреблении раньше кириллицы. Тщательное сопоставление графики древнейших глаголических и кириллических надписей убеждает в том, что глаголические буквы, необходимые для передачи специфически славянских звуков, проникая в славянские записи греческими буквами, постепенно видоизменялись под стиль греческого унциала, превращая собственно греческую азбуку в славянскую кириллицу[1]. Таким образом, появляется возможность утверждать, что кириллица — это греко-византийский унциал, дополненный соответствующим образом видоизмененными глаголическими буквами, необходимыми для обозначения специально славянских фонем, отсутствовавших в греческой речи[2].

§ 23. Источники глаголицы вызывают много споров. Были попытки сблизить ее с греческим минускульным (т. е. скорописным, курсивным) письмом, которое обычно использовалось при составлении деловых документов. Однако более или менее удовлетворительно с византийским минускулом сближаются очень немногие буквы глаголицы. Кроме того, глаголическое письмо существенно отличается от греко-византийского минускула по своей манере: для греческой скорописи было характерно наличие элементов букв, выступающих за верхнюю или нижнюю линию строки, слитные или связные написания букв, запетление букв с целью ускорения письма; для глаголицы характерна случайность элементов, выступающих за линии строки, раздельное написание букв (см. фотокопии отрывков из глаголических рукописей на стр. 41, 43, 44), использование петель как графических элементов букв.

---

[1] См.: И. Гошев. Развитие на негръцките кирилометодиевски буквени знации в т. нар. кирилица. В сб.: «Хиляда и сто години славянска писменост». София, 1963.

[2] Возвращаясь к анализу графики старейшей русской надписи X в., А. С. Львов высказал мысль о том, что начертание букв этой надписи «отражает ту стадию развития кириллицы, когда в нее (собственно, в греческий алфавит) в Болгарии после 885 г. вначале почти без изменения, а потом видоизменяя под стиль греческих унциальных букв, включали глаголические буквенные знаки...» («Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова», «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXX, 1971, вып. 1, стр. 50).

Є

ΕΙСΤΗΝΑΔΕΛ
ΦΗΝΕΠΙΤΑ
ΦΙΟС

ΑΔΕΛΦΗΝΕΠΑΙΝΩΝ. ΤΑ
ΟΙΚΕΙΑΘΑΥΜΑСΟΜΑΙΟΥ
ΜΗΝΟΤΙΟΙΚΕΙΑ. ΔΙΑΤΟΥ
ΤΟΨΕΥΔΩС. ΑΛΛΟΤΙΑΛΗΘΗ·
ΔΙΑΤΟΥΤΟΕΠΑΙΝΕΤΩС
ΑΛΗΘΗΔΕ. ΟΥΧΟΤΙΔΙΚΑΙΟΝ
ΜΟΝΟΝ. ΑΛΛΟΤΙΚΑΙΓΙΝΩ
СΚΟΜΕΝΑ· ΚΑΙΤΟΠΡΟСΧΑΡΙΤ
ΟΥСΥΓΧΩΡΕΙΤΑΙΚΑΝΕΘΕ

Образец византийского унциала (уставного письма) IX в.

Образец греческого минускула (скорописи) IX в.

Учитывая все это, многие исследователи пытались сблизить глаголицу с иными системами письма (с хозарским, сирийским, коптским, древнееврейским, армянским, грузинским и др.). В процессе этих попыток становится очевидной связь глаголицы не с одним, а несколькими алфавитами, прежде всего византийским (минускульным), древнееврейским (в основном в его самарянской разновидности), коптским. Ряд глаголических букв не обнаруживает видимого сходства ни с одной из известных нам азбук; возможно, что в основе таких букв лежат знаки не дошедшей до нас письменности.

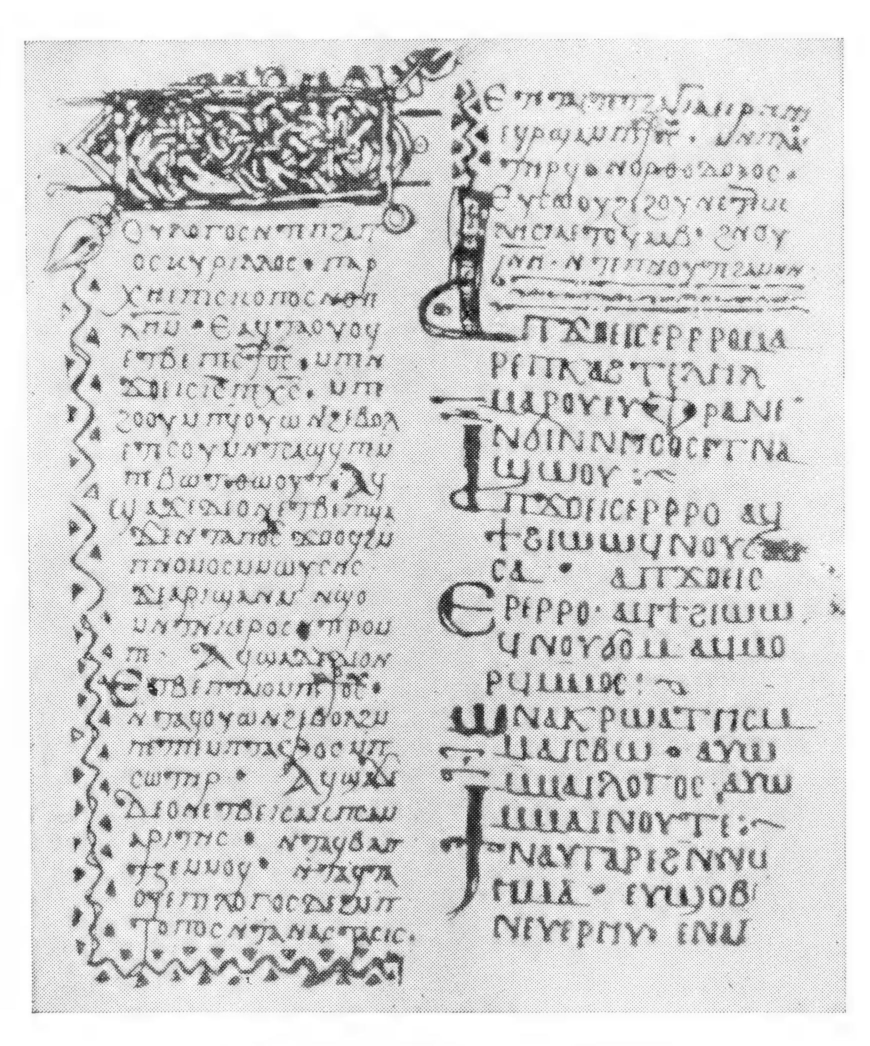
Все это значит, что составитель глаголицы должен был быть знаком с различными восточными системами письма. Именно таким человеком был Константин (Кирилл), который, очевидно, и явился создателем глаголической азбуки[1].

§ 24. В свете всего изложенного история создания глаголицы и кириллицы представляется следующим образом.

Константин (Кирилл), знакомый не только с греческой письменностью, но также с письмом самарянским и коптским, создал оригинальную, хорошо приспособленную к записи славянской

---

[1] См.: В. Кипарский. О происхождении глаголицы. В сб.: «Климент Охридски. Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му». София, 1968.

Образец коптского письма X — XI вв.

речи азбуку. Для звуков, сходных (или тождественных) с греческими, им были использованы несколько видоизмененные греческие буквы (например, буквы, обозначавшие [в], [г], [д], [е], [л], [м], [о], [п], [х] и некоторые другие), в основном в их скорописной (минускульной) разновидности. Для обозначения специфически славянских звуков Константин мог использовать буквы других алфавитов, обозначавшие сходные звуки. Так, например, для

обозначения звука [ш'] была использована древнееврейская — самарянская буква «шин» — **ш**; для обозначения [ц'] в глаголице употреблялась буква ⱌ, явно напоминающая самарянскую «цаде»— ࠑ; А. М. Селищев предполагает самарянское происхождение также глаголических букв, служивших для обозначения звуков [ч'], [к], [б] и некоторых других.

Завезенная Константином и Мефодием в Моравию глаголица закрепилась здесь (а затем и в Паннонии, где братья также работали в течение ряда лет) как специфически славянская азбука, которая именно поэтому продолжала использоваться местными славянскими книжниками после изгнания учеников Мефодия.

Что же касается Болгарии, то здесь, в славянских поселениях, издавна тесно связанных с Византией, еще до появления глаголицы сложилась традиция использования греческого письма (греческих букв) для записи славянской речи[1]. Эта традиция была настолько сильна (а в среде местных книжников и знати она могла поддерживаться еще и греческой образованностью, ориентацией на все греческое), что глаголица, завезенная в Болгарию после 885 г. из Моравии, приживалась здесь с трудом. Следует также учесть, что покровительствовавший старославянским писателям царь Симеон также был большим поклонником всего греческого, в том числе, видимо, и греческой письменности.

Учитывая сложившиеся в Восточной Болгарии традиции письменности, ученики Константина и Мефодия, исходя из многолетнего опыта пользования глаголицей, приспособили греческую азбуку для записи славянской речи (одна из легенд приписывает эту работу ученику Мефодия Клименту). При этом буквы, необходимые для изображения таких славянских звуков, которые отсутствовали в греческом языке, были взяты из созданной Константином-Кириллом глаголицы или составлены по ее образцам (эти буквы составляют 45% старославянской азбуки) с некоторыми изменениями их начертания — по типу угловатых и прямоугольных букв греческого унциала.

---

[1] На это, между прочим, помимо косвенных данных, прямо указывает черноризец Храбр, который пишет, что до изобретения старославянской азбуки славяне **«римскими и гречьскыми писмены нѫждахѫ сѧ писати словенскѫ рѣчь безъ оустроениа... и тако бѣшѧ многа лѣта»**.

Следует при этом учитывать, что в давние времена «кириллицей» называлась азбука, которую мы теперь именуем глаголицей и создание которой приписываем Константину (Кириллу). Название это, видимо, и отражало связь глаголицы (в нашем понимании) с деятельностью славянского первоучителя.

Позднее название «кириллица» стало связываться в народном сознании с более распространенной среди славян новой азбукой,

Греческая скоропись	Глаголица	Кириллица	Греческая скоропись	Глаголица	Кириллица
α	Ⰰ	а	μ	Ⰱ	Б
γ	Ⰳ	г		Ⱍ	Ч, Ц
δ	Ⰴ	д		Ⰷ	Ꙅ, Ѕ
ι	Ⰺ Ⰹ	і		Ⱛ	Ѵ
λ	Ⰾ	л		Ⰶ	Ж
υ	Ⱆ	ꙋ		Ⱎ	Ш
τ	Ⱅ	т		Ⱋ	Щ
σ	Ⱄ	с		Ⱘ	Ѫ, Ѭ
χ	Ⱈ	х		Ⱗ	Ѧ, Ѩ
ϻ	Ⱂ	N		Ⱔ	Ѧ
υ	Ⱓ	ю		Ⱑ	Ѣ
ο	Ⱁ	о		Ⱏ Ⱏ Ⱏ	Ъ
ϵ	Ⰵ	є		Ⱐ Ⱐ Ⱐ	Ь

Сравнительная таблица греческой скорописи, глаголицы и кириллицы (по В. Н. Щепкину)

поскольку само имя Константина (Кирилла) жило в памяти славян как имя создателя славянской письменности вообще. Более ранняя, но почти забытая большинством славянских народов азбука вошла в историю под именем «глаголица», как обычно и именовались системы письма в древних славянских сочинениях[1].

Дополнительная литература к § 9—24

С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I. М., 1961, § 7—17.

А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, § 1—4 (стр. 3—16).

А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, § 1—12 (стр. 7—33), 15—27 (стр. 35—67).

Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962.

Материалы о происхождении славянской письменности собраны в книге:

П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. «Труды славянской комиссии», т. I. Л., 1930.

Новейшие обзоры исследований о возникновении славянской письменности и о деятельности славянских первоучителей см. в статьях:

Т. А. Иванова. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950—1960). «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXII, 1963, вып. 2.

А. С. Львов. О пребывании Константина Философа в монастыре Полихрон. «Советское славяноведение», 1971, № 5.

ВАЖНЕЙШИЕ СТАРОСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 25. Осуществленные во второй половине IX в. переводы Константина, Мефодия и их ближайших учеников до нас не дошли: они были уничтожены после изгнания учеников Мефодия из Моравии. Нам известны в языковом отношении более или менее близкие

---

[1] Собственно глаголица — это не специальное название; в дословном переводе на современный язык «глаголица» значит «буквица, система букв (или звуков)». Поэтому глаголицей можно назвать любую азбуку. Специальным названием определенной системы письма слово «глаголица» становится сравнительно поздно.

к кирилло-мефодиевским переводам старославянские тексты X—XI вв., одни из которых написаны глаголицей, другие — кириллицей.

Дошедшие до нас древнейшие глаголические памятники почти все написаны в Македонии (за исключением отдельных отрывков, видимо, писанных в бывшей Моравии). Эти памятники, судя по всему, являются довольно близкими копиями первых переводов и отражают их высокое качество по сравнению с переводами более поздними. В глаголических памятниках отражен более древний строй языка, чем в памятниках, написанных кириллицей; это касается как звуковой системы старославянского языка, так и его грамматического строя. В лексическом отношении глаголические памятники характеризуются довольно значительным количеством непереведенных греческих слов.

Известные нам кириллические памятники отражают более позднее состояние старославянского языка. В ряде случаев это, вероятно, уже не копии, а новые переводы, между прочим, менее точные в смысле передачи греческого оригинала, чем переводы кирилло-мефодиевские. Лексика многих памятников, написанных кириллицей, содержит ряд тюркизмов, что и дает основание считать эти памятники восточноболгарскими, где тюркское воздействие на славян было значительнее, чем в Македонии.

Почти все известные нам собственно старославянские памятники не датированы, и время их написания восстанавливается приблизительно на основании палеографических данных, а также данных языка.

Глаголические памятники

§ 26. Укажем важнейшие глаголические памятники, дав им краткую характеристику.

1. Киевские листки, представляющие собой отрывок католической обедни (мессы; отсюда другое название памятника — Киевский миссал), что указывает на моравское происхождение текста. На западнославянское происхождение Киевских листков указывает и такая фонетическая особенность, как наличие согласных [ц'] (*c*) и [з'] (*z*), чередующихся соответственно с [т] и [д] (см. выше, § 20, п. 1). От текста сохранилось лишь 7 листов;

Страница из *Киевских листков*

он считается самым древним глаголическим памятником, написанным в X в. Название памятника связано с Киевской духовной академией, где он был открыт в 1874 г. И. И. Срезневским. Лучшее издание осуществлено в 1900 г. И. В. Ягичем в Вене.

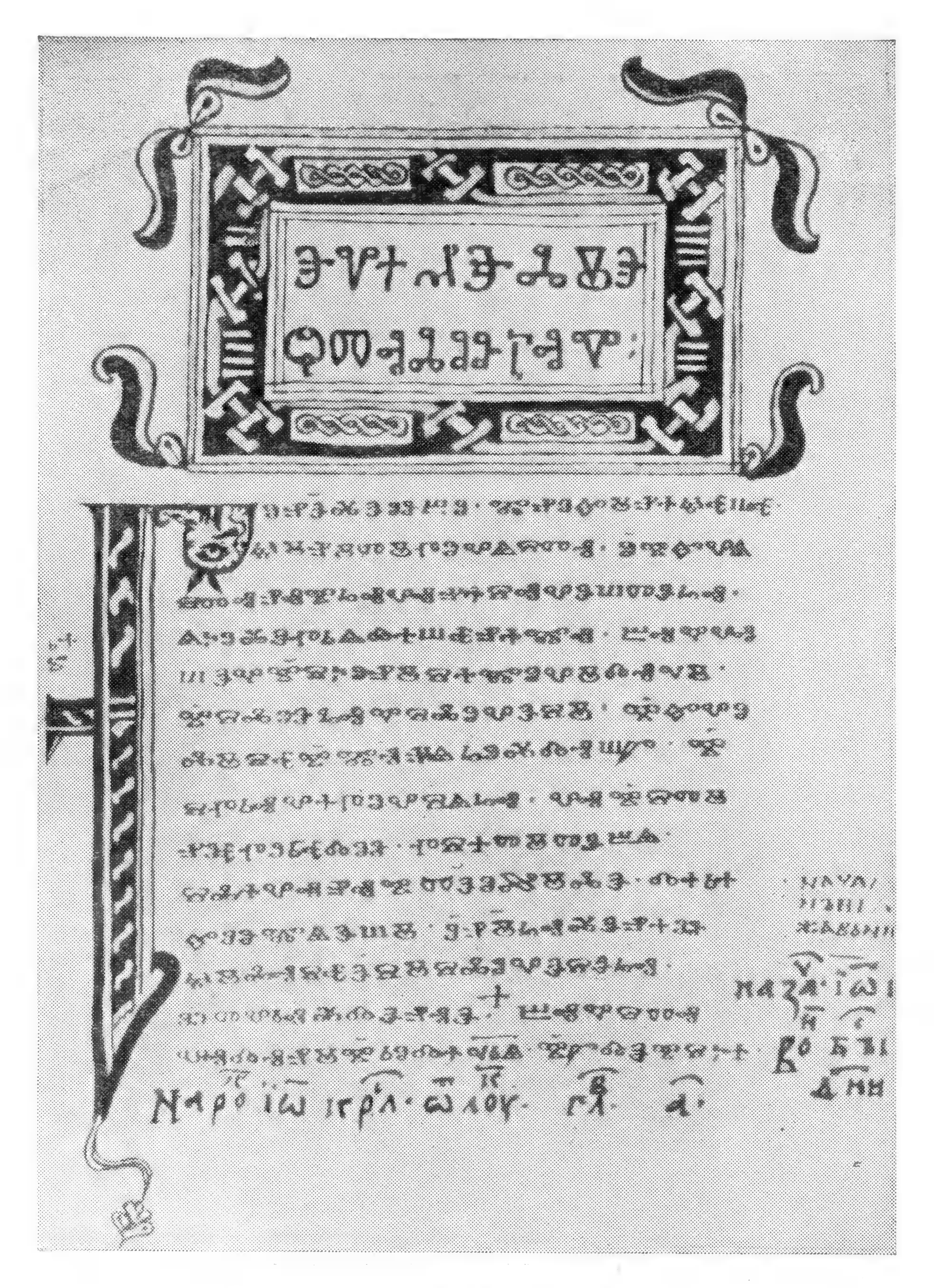
2. Зографское евангелие[1] получило свое название от Зографского монастыря на Афоне[2], где оно в течение длительного времени хранилось. В памятнике имеются позднейшие вставки и приписки, сделанные кириллицей; объем текста — 304 листа. Сохраняя архаические особенности в грамматическом строе, Зографское евангелие отражает ряд позднейших фонетических изменений, которые и заставляют отнести время его написания к XI в. (а не к X в., как думали некоторые ученые). В 1860 г. памятник был подарен Александру II, который передал его Публичной библиотеке (ныне — библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), где он сейчас и хранится. Зографское евангелие издано И. В. Ягичем в 1879 г. в Берлине (переиздано в 1954 г. в Граце).

3. Мариинское евангелие получило свое название от монастыря св. богородицы Марии на Афоне, где этот памятник хранился в течение длительного времени и был найден в 1842 г. В. И. Григоровичем; в настоящее время находится в Москве, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. Мариинское евангелие написано в XI в., видимо, в Македонии; объем памятника — 173 листа. Издан этот памятник В. И. Ягичем в 1883 г. в Петербурге со статьей об особенностях его языка и полным словарем (переиздано в 1960 г. в Граце).

4. Ассеманиево евангелие представляет собой апракос (т. е. сборник евангельских чтений по христианскому календарю). Свое название памятник получил по имени востоковеда Ассемани, вывезшего эту рукопись в XVIII в. из Иерусалима. Хранится Ассеманиево евангелие в Ватикане (в связи с чем его иногда называют еще Ватиканским евангелием). Памятник относится к XI в. и содержит 158 листов. Фототипиче-

[1] Евангелием («благовествованием») называют первые четыре книги так называемого «Нового завета» (христианской части «Библии»), в которых рассказывается о «жизни» и «деяниях» Иисуса Христа. Каждая из четырех книг приписывается разным авторам-евангелистам: Матфею, Марку, Луке и Иоанну. Евангелие лежит в основе христианского вероучения.

[2] Полуостров Афон («Святая гора») — восточный мыс Халкидонского полуострова на северо-востоке современной Греции; славится многочисленными православными монастырями. В афонских монастырях хранится свыше 10 тыс. рукописей (главным образом, греческих и славянских), многие из которых представляют большую ценность. Эти собрания рукописей полностью до сих пор еще не описаны.

Заглавная страница из *Зографского евангелия*

Страница из *Ассеманиева евангелия*

ское издание осуществлено в 1929 г. в Праге И. Вайсом и И. Курцем; там же в 1955 г. И. Курц выпустил новое издание Ассеманиева евангелия кириллицей.

5. Сборник Клоца состоит из 14 листов и представляет собой отрывки из сборника поучений. 12 листов были найдены видным славянским филологом В. Копитаром в библиотеке графа Клоца в Триенте (откуда и название этого памятника) и изданы в 1836 г.; позднее Ф. Миклошичем были найдены в музее в Инсбруке и изданы в 1860 г. еще два листа. Памятник относится к XI в. Полное издание с описанием палеографических особенностей и словарем осуществлено В. Вондраком в 1893 г. в Праге; там же в 1959 г. А. Досталем выпущено новое издание с фотокопиями всех листов и с передачей текста кириллицей.

6. Синайская псалтырь хранится в монастыре св. Екатерины на горе Синай (на Синайском полуострове), откуда и получила свое название. На основании содержания и особенностей языка этот памятник считают связанным с кирилло-мефодиевской эпохой. Лучшее издание принадлежит С. Северьянову и сделано им в Петрограде в 1922 г.; переиздано в 1954 г. в Граце.

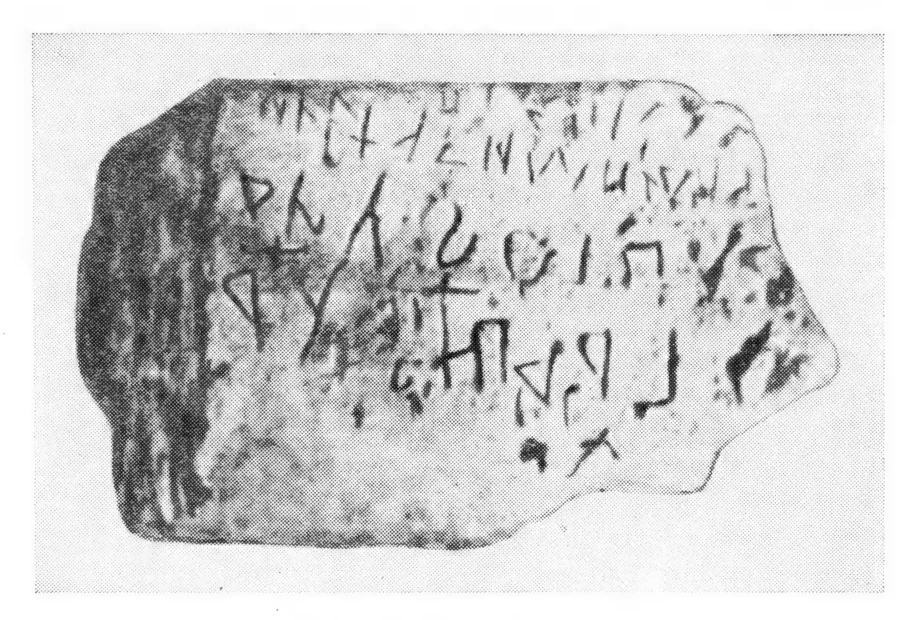
Известен и ряд других, небольших по объему глаголических памятников, время написания которых восстанавливается с меньшей достоверностью.

Кириллические памятники

§ 27. 1. Старейшими славянскими датированными текстами являются надписи (граффити) на могильных плитах, на стенах церквей и т. д., выполненные кириллическими буквами. Древнейшая из них — Добруджанская надпись 943 г., найденная в 1950 г. в Румынии при строительстве канала Дунай — Черное море; надпись разобрана славистом Ф. В. Марешом («Dva objevy starých slovanských nápisů», «Slavia», r. XX, 1951, 3, 4, стр. 512 и след.)[1], который полагает, что она болгарского происхождения. Не датирована, но, судя по содержанию, выполнена не позднее 60-х годов X в., обнаруженная в 1952 г. в Болгарии надпись на могиле чергубыля Мостича, превосходящая по объему большинство древнейших славянских граффи-

---

[1] Прорись Добруджанской надписи см. также в пособии: I. Hamm. Staroslavenska gramatika. Zagreb, 1958, стр. 9.

Добруджанская надпись (фотография)

ти[1]. Однако наиболее интересной для лингвистов остается датированная надпись царя Самуила, высеченная в 993 г. на каменной могильной плите по распоряжению болгарского царя Самуила (11 строк, правый нижний угол плиты отбит, см. воспроизведение надписи на стр. 48); надпись была открыта в 1894 г. и с тех пор издавалась неоднократно. В 1956 г. в южномакедонском городе Битоле при разборе мечети была открыта мраморная плита с довольно большой по объему датированной надписью начала XI в., очень ценная в собственно историческом отношении (в ней впервые славяноязычное население Балканского полуострова названо болгарами); Битольская надпись 1015—1016 гг. публиковалась трижды: А. К. Бурмовым («Пламък», 1959, № 10), В. Мошиным («Македонски јазик», XVII, 1966) и Й. Заимовым; последнему принадлежит наиболее полная публикация (фотоснимок, прорись, наборное воспроизведение и перевод надписи) и тщательный анализ этого памятника (см.:

[1] Надпись чергубыля Мостича полностью опубликована в книге: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 106; здесь же дан перечень славянских текстов X в.

Й. Заимов. Битольская надпись болгарского самодержца Ивана Владислава 1015—1016 гг. «Вопросы языкознания», 1969, №6, стр. 123—133).

Особую ценность, несмотря на подчас крайне небольшой объем, представляют датированные надписи, так как они служат исходным пунктом для определения времени написания недатированных кириллических памятников путем сравнения начертаний букв.

Надпись на могиле чергубыля Мостича (прорись)

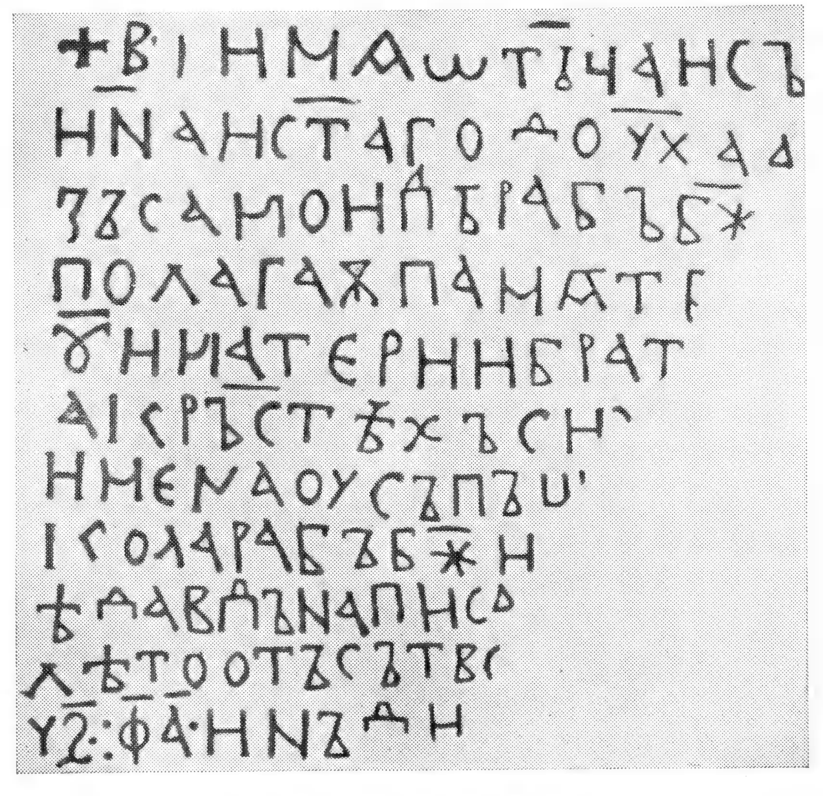
2. Саввина книга — сборник евангельских чтений, имеющий две приписки с упоминанием попа Саввы, по имени которого и назван этот памятник. Рукопись относится к XI в. и по особенностям орфографии считается одним из ранних кириллических памятников. Хранится в Москве, в фонде Типографской библиотеки Главного архива. В 1899 г. вышло исследование В. Н. Щепкина «Рассуждение о языке Саввиной книги», которое содержит тщательный анализ языка этого памятника и считается образцом работ подобного рода. В 1903 г. Саввина книга была издана Щепкиным в Петербурге в «Памятниках старославянского языка» (т. I, вып. 2); переиздана в 1959 г. в Граце.

3. Супрасльская рукопись содержит мартовскую минею, т. е. книгу церковных чтений на все дни марта — жития святых, легенды, беседы Иоанна Златоуста и т. п. Относится к XI в. и включает около 260 листов, составляющих три части. Рукопись была найдена в монастыре в Супрасле, около Белостока (отсюда ее название). Первая ее часть хранится в Любляне, в бывшей лицейской библиотеке; вторая часть находилась в Варшаве; третья часть (16 листов) принадлежала академику И. А. Бычкову и хранится в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Полное

издание памятника осуществлено С. Северьяновым в Петербурге в 1904 г. в «Памятниках старославянского языка», т. II, вып. 1; переиздано в 1956 г. в Граце.

4. Енинский апостол — сборник апостольских чтений, найденный в декабре 1960 г. при реставрации церкви св. Параскевы в селе Енина (откуда название рукописи), близ Казанлыка, в Болгарии. Рукопись содержит 39 листов, большинство из которых очень плохо сохранилось. Издан Енинский апостол в 1965 г. в Софии К. Мирчевым и Хр. Кодовым с фотографическим воспроизведением каждого листа, лингвистическим описанием и словником; по мнению издателей, памятник относится к XI в. и отражает особенности древнеболгарского языка.

Известен и ряд других кириллических памятников, представляющих собой отрывки текстов религиозного содержания, такие,

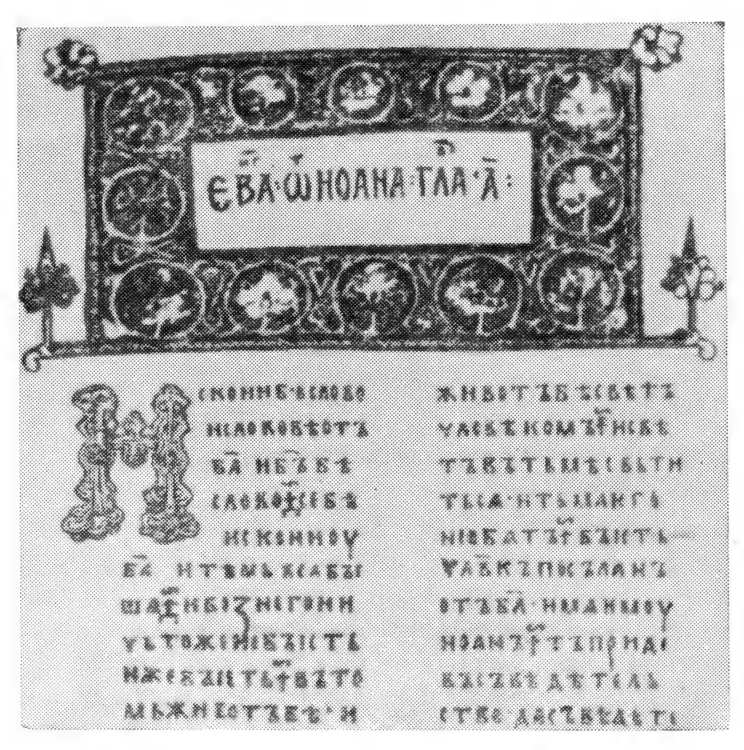
Надпись царя Самуила (прорись)

Страница из *Саввиной книги*

как Хиландарские листки (отрывок поучения Кирилла Иерусалимского; найдены В. И. Григоровичем в Хиландарском монастыре на Афоне), Листки Ундольского (отрывки евангелия; принадлежали книголюбу В. М. Ундольскому), Македонский листок (отрывок текста, напоминающий одно из произведений экзарха Иоанна) и ряд др. В основном эти тексты издавались в серии «Памятники старославянского

Страница из *Супрасльской рукописи*

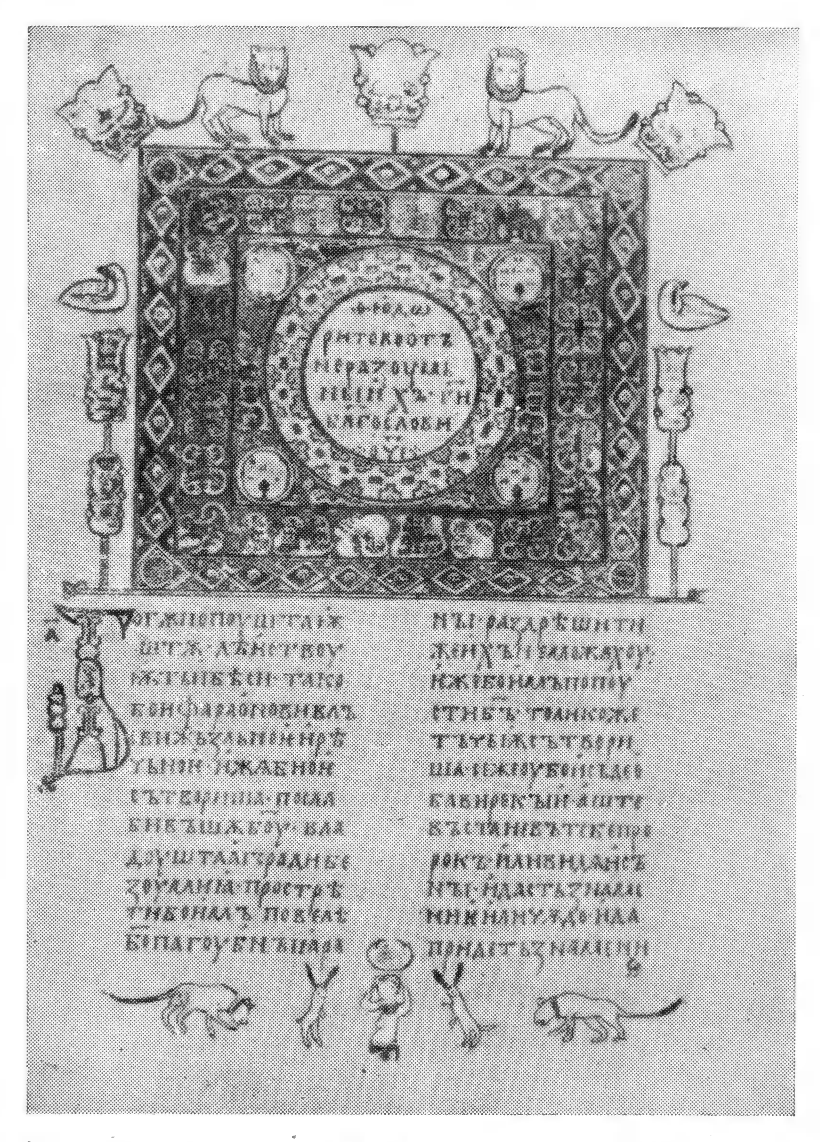
Заглавная страница из *Остромирова евангелия*

языка» в 1900—1906 гг. в Петербурге. Памятники, относящиеся к деятельности Константина и Мефодия, изданы П. А. Лавровым в книге «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» («Труды Славянской комиссии», т. I. Л., 1930).

§ 28. Как указывалось, старославянским языком пользовались книжники ряда славянских стран; при этом, переписывая старославянские тексты, представители различных славянских народов в той или иной степени о т р а ж а л и о с о б е н н о с т и с в о е й р о д н о й р е ч и. В этих случаях, давая известный материал для изучения старославянского языка, памятники письменности требуют предварительного тщательного анализа с целью отделения особенностей местной славянской речи от тех черт, которые отражают особенности языка их старославянского оригинала.

Образец уставного письма X в. (*Остромирово евангелие*)

Заглавная страница из *Изборника Святослава 1073 г.*

Из числа местных славянских памятников, дающих материал для изучения старославянского языка, наиболее многочисленны восточнославянские, среди которых как по времени, так и по качеству выполненной работы выделяется Остромирово евангелие. Это древнейший русский датированный памятник,

написанный в 1056—1057 гг. дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира (откуда название рукописи). Памятник включает 294 листа; он роскошно оформлен и очень хорошо сохранился. Хранится в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Впервые Остромирово евангелие было издано А. Х. Востоковым в 1843 г.; в 1889 г. купцом Савинковым было осуществлено фотолитографическое (3-е) издание.

Из памятников старославянского языка русской редакции можно также назвать Чудовскую псалтырь XI в., Изборник Святославов 1073 г., Изборник 1076 г. и др.

Из памятников чешской редакции заслуживают упоминания глаголические Пражские отрывки, относящиеся к XI—XII вв.

Памятники старославянского языка сербской и среднеболгарской редакций относятся к XII—XIII вв.

Дополнительная литература к § 25—28

С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I. М., 1961, стр. 106—107.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, § 6.

А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I, § 28—35.

КИРИЛЛИЧЕСКАЯ АЗБУКА

Буквы и их звуковое значение

§ 29. Из двух старославянских азбук наибольший практический интерес представляет кириллица, поскольку именно она лежит в основе современной русской письменности, а также письменности украинцев, белорусов, болгар, сербов, македонцев и ряда других народов.

Как указывалось, кириллица составлена на основе византийского унциала и во многом заимствует традиции греко-византийской письменности. В частности, кириллическое письмо в отдельных случаях сохраняет греческий способ передачи звуков, например способ передачи звука [у] сочетанием букв ѹ, хотя, в отличие от греческого языка, в языке славян не было звука, который бы обозначался одной буквой *у* (в греческой письменности эта буква обозначала лабиализованный гласный переднего ряда [ü]). В ряде

случаев в кириллической письменности буквы греко-византийского унциала по существу употреблялись только потому, что за ними было закреплено определенное числовое значение. Так, например, буквы ѯ («кси»), ѱ («пси») и некоторые другие не могли использоваться при записи славянских слов, поскольку сочетания [кс], [пс] в языке славян до X в. были невозможны, а в заимствованных греческих словах такие сочетания могли передаваться (и нередко передавались!) сочетанием букв **кс**, **пс**. Тем не менее буквы ѯ, ѱ и др. сохранились в старославянской азбуке как знаки чисел (соответственно «60» и «700») и иногда использовались при записи греческих слов: **алеѯандръ**, **ѱалъмъ** и под.

Вместе с тем в кириллической азбуке было много букв, обозначавших специфически с л а в я н с к и е з в у к и, которых не было в греческом языке. Таких букв было 13; если же учесть также и лигатуры (т. е. буквы, составленные из комбинации двух букв), отсутствующие в греческом алфавите, то можно насчитать 19 «своих» букв из общего числа 43 букв, входивших в состав кириллической азбуки (см. таблицу «Кириллическая азбука в сопоставлении с византийским унциалом и глаголицей» на стр. 28—29).

§ 30. Кириллические буквы **а, б, в, г, д, є, ж, з, к, л, м, о, п, р, с, т, ф, х, ш** очень незначительно изменились в своих начертаниях и до сих пор обозначают в славянском (в частности, в русском) письме те звуки, которые они обозначали в старославянских памятниках. Некоторые из этих звуков обозначались также дублетными буквами.

Так, звук [о], кроме буквы **о**, мог обозначаться также буквой **ѡ** (греческой «омегой»), которая в звуковом значении употреблялась редко (в греческом языке она обозначала долгий ***о***, в отличие от буквы ο, обозначавшей краткий ***о***) и обычно использовалась для обозначения числа «800». Звук [ф], кроме буквы **ф** («фрьтъ»), изображался также буквой **ѳ** («фита»). Звук этот не был свойствен языку славян, поэтому в собственно славянских словах никогда не встречался. Он мог произноситься лишь в словах, заимствованных из греческого; при этом старославянские книжники произносили как [ф] и греческую φ («фи»), и зубной спирант, похожий на ***т*** с придыханием (близкий английскому ***th***), обозначавшийся в греческом алфавите буквой θ («тета»). Буквы **ф** и **ѳ** в заимствованных из греческого словах писались в соответствии с их грече-

ским употреблением: **Филипъ,** греч. Φίλιππος, но **θома,** греч. Θωμᾶς. Кроме того, **ф** и **θ** имели разное числовое значение.

Буква **ѵ, ѵ** («ижица») в греческой азбуке, как указывалось, обозначала лабиализованный гласный верхнего подъема переднего ряда [ӥ]; старославянскими книжниками этот гласный в соответствующих греческих словах произносился как [и], т. е. как нелабиализованный гласный того же образования: **кѵпарисъ, мѵро** и т. д. В греческой письменности эта же буква использовалась для обозначения второго (неслогового) элемента дифтонга [e͡u̯]; в греческих словах, содержавших этот дифтонг, старославянские книжники произносили букву **ѵ** как [в]: **еѵангелиѥ**, т. е. [јеванъг'ел'ије].

Буква **ѕ** («зело») обозначала звонкую свистящую аффрикату [д͡'з'], изменившуюся затем в мягкий свистящий [з'].

Звук [и] обозначался двумя буквами: **и** (писалась как современная **н**) и **і**, имевшими разное числовое значение, откуда и их широко распространенные названия: «*и* восьмеричное» и «*и* десятеричное», так как первая обозначала число «8», а вторая — «10».

Изменили со временем начертания буквы **ц** [ц'], **ч** [ч'], **н** [н].

Буквы **ъ** и **ь** обозначали очень краткие гласные звуки соответственно заднего и переднего ряда. Буквы **ѧ** и **ѫ** обозначали носовые гласные, произносившиеся как *е* и *о* с носовым оттенком, т. е. [е^н] (буква **ѧ** — «юс малый») и [о^н] (буква **ѫ** — «юс большой»).

§ 31. Многие кириллические буквы были л и г а т у р а м и, т. е. представляли собой соединение двух букв. Кроме уже упоминавшейся буквы «укъ», лигатурами были буквы **щ**, соединявшая **ш** и **т** (т. е. **щ**), и **ъі** или **ъи**, соединявшая **ъ** и **і** или **и** (т. е. **ъ** и одну из двух букв, обозначавших [и]); последняя лигатура иногда писалась с первым элементом **ь**, т. е. так, как она пишется в современной русской азбуке — **ы**.

Лигатурами были также буквы **ѥ, ꙗ, ю, ѩ, ѭ**: они соединяли **і** (т. е. ***и***) и соответственно **е, а, оѵ** (где второй элемент в новой лигатуре был утрачен: **юѵ→ю**), **ѧ, ѫ.** Такие буквы принято называть «йотованными» (или «йотированными») **е, а** и т. д. Йотованные буквы употреблялись как после букв, обозначавших согласные, так и после букв, обозначавших гласные звуки, а также в начале слов. После согласных йотованные буквы указывали на мягкость предшествующего согласного. В начале слов и после гласных йото-

ванные буквы обозначали целый слог, начинавшийся с [j] и содержавший соответствующий гласный, т. е. обозначали сочетание двух звуков: [je], [ja], [jу], [jeⁿ], [joⁿ].

Числовое значение кириллических букв. Надстрочные знаки (диакритики)

§ 32. В соответствии с традициями греческого письма буквы старославянских азбук, как уже отмечалось, служили не только для обозначения звуков, но и для обозначения чисел. При этом, в отличие от глаголицы, в которой числа обозначались буквами в порядке их следования в азбуке, в кириллице числа обозначались, как правило, теми же буквами, что и в греко-византийской письменности, в соответствии с их порядком в греческом алфавите.

В тех случаях, когда буквой надо было обозначить число, над нею ставился надстрочный знак «титло», а с двух сторон — точки. Например, ·а҃· = *1*, ·в҃· = *2* и т. д. Девятью буквами обозначались единицы, девятью — десятки и девятью — сотни (см. числовое значение кириллических букв в таблице на стр. 28—29).

Как и в современной системе числовых обозначений цифрами, десятки добавлялись к единицам, а сотни к десяткам слева: ·к҃в· = 22, (·к҃· = 20, ·в҃· = 2); ·рл҃д· = 134 (·р҃· = 100, ·л҃· = 30, ·д҃· = 4) и т. д. Исключение составляли числа второго десятка: здесь сначала ставился знак единицы, а затем, справа, знак десяти: ·а҃і· = 11, ·в҃і· = 12 и т. д. (это отражено в современных названиях чисел: *двадцать один* — сначала название десятка, а затем название единицы; но *одиннадцать* — дословно «один на десяти» — сначала название единицы, а затем — десятка; аналогично: *двенадцать*, *тринадцать* и т. д.).

Для обозначения тысяч использовались те же буквы, что и для обозначения единиц; но в этом случае слева внизу добавлялся специальный значок тысячи: ҂·а҃· = 1000, ·҂вр҃лг· = 2133 и т. д. Нередко единицы, десятки, сотни и т. д. в старославянских памятниках указываются раздельно: ·м҃· и ·г҃· = 43, т. е. «40 и 3».

§ 33. В старославянской письменности очень широко использовались различные надстрочные (д и а к р и т и ч е с к и е) знаки. Уже было упомянуто о т и т л а х, которые употреблялись при обозначении чисел. Однако указание на числовое значение букв

не было единственной или даже основной функцией титл. Значительно чаще титла использовались для указания на с о к р а щ е н н о е н а п и с а н и е с л о в а.

Необходимость экономии такого дорогого писчего материала, как пергамен, а также экономии времени приводила к тому, что наиболее употребительные слова писались сокращенно. При этом для указания на сокращенное написание слова над ним ставился знак титла: **б҃ъ** = *богъ*, **г҃дь** или **г҃ь** = *господь*, **г҃лъ** = *глаголъ* — «слово» и т. д. Титла могли иметь разные начертания: ‾, ‾, ‾, ~, ⌒ и т. д.

Иногда под титлом вписывалась над строкой одна из пропущенных букв (обычно обозначающая согласный звук); в этом случае титло писалось в виде дужки **бы҇с** = *бысть*, **иерс҇лмъ** = *иероусалимъ* и т. д.

Для обозначения пропуска букв **ъ** («еръ») и **ь** («ерь») использовался особый надстрочный значок ʃ или ˀ, получивший в соответствии со своей функцией название «п а е р о к»: **кʃто** = *къто*, **вˀсѣхъ** = *вьсѣхъ* и т. д.

Специальный надстрочный значок, напоминающий современный апостроф, использовался для указания на мягкость согласных: **кон'ь** или **ко͡нь**, **къ н'емоу**, **вол'а** или **во͡ла** и т. д. (как указывалось в § 31, мягкость согласного могла также обозначаться йотованной буквой: **къ нѥмоу**, **волꙗ**).

§ 34. Старославянские тексты являются переводами с греческих книг. Поэтому в них нередко употребляются знаки, м е х а н и ч е с к и перенесенные из греческих оригиналов и в самих старославянских памятниках ничего не обозначавшие. К таким «пустым» знакам в первую очередь относятся так называемые знаки придыхания, которые ставились над гласными в виде скобочек или запятых: ' или ‘.

Дело в том, что в древнегреческом языке некоторые гласные в начале слов произносились с придыханием. Эти придыхания и обозначались в греческой письменности особыми надстрочными знаками ' или ‘ (они обозначали придыхания разных типов). В греческом языке византийского периода придыхания уже были утрачены, но слова по традиции писались с соответствующими надстрочными знаками. При переводе греческого текста на старославянский язык знаки придыхания могли ставиться над теми же словами,

где они были в греческом, хотя само старославянское слово произносилось не только без придыхания, но и вообще не так, как оно звучало в греческом. Например, греческое ὄνομα (над ὀ знак придыхания, которого в греческом языке византийского периода уже не было: произносилось [ónŏma]) переводится на старославянский ὶмѧ — слово звучит иначе, но над первым гласным, как и при записи греческого слова, ставится знак придыхания. В позднейших дошедших до нас старославянских памятниках употребление знаков придыхания труднообъяснимо и в подавляющем большинстве случаев уже не соответствует их употреблению в греческих оригиналах.

§ 35. Старославянское письмо было сплошным: слова в строке не выделялись, заглавные буквы употреблялись в начале глав, но не предложений (см. фотокопии отрывков из старославянских памятников). Конец главы обычно обозначался комбинацией точек и черточек: ·¦·, ·⁞·, :·, :— и т. д.

Знаков препинания в нашем современном смысле не было хотя отдельные предложения или части предложений могли (но далеко не всегда) выделяться точками, которые ставились не внизу строки, как теперь, а посредине высоты букв.

Приведем типичный пример такого употребления точек в старославянском тексте:

Ꙁиде сѣѧи сѣатъ сѣмене своего ·ἱ егда сѣаше· ово паде при пѫти ·ι попърано бъı ·ι п҇тицѧ небскъıѩ позобошѧ е· ἁ дроугое паде на камене ·ἱ прозѧбъ оусъше ·ꙁане не ἱмѣаше влагъı ·ἁ дроугое паде по срѣдѣ трьньѣ ·ἱ въꙁдрасте трьнье ἱ подави е ·ἁ дроугое паде на ꙁемл'и добрѣ ·ἱ прозѧбъ сътвори плодъ · съторицеѭ· (Зогр. ев., *Л.*, VIII)[1].

[*Вышел сеятель сеять свои семена. И когда сеял, некоторые (семена) упали на дорогу и были затоптаны, и птицы небесные*

[1] Здесь и в дальнейшем имена евангелистов (см. примеч. 1 на стр. 42) указываются, как принято в литературе, в сокращении: *Ин.* — Иоанн, *Л.* — Лука, *Мр.* — Марк, *Мт.* — Матфей; после имени евангелиста указывается номер главы.

поклевали их. А другие упали на камень (на каменистую почву) и, проросши, засохли, поскольку не имели влаги. А иные упали посреди сорняка. И разросся сорняк и заглушил их. А многие упали на хорошую землю и, проросши, дали плод сторицею.]

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 36. Первым известным нам исследованием, посвященным старославянскому языку и славянской письменности, является уже упоминавшийся трактат болгарского книжника X в. черноризца Храбра «О писменах» (см. § 15, 19, 24). Наряду с изложением истории возникновения старославянской азбуки, это сочинение содержит также попытку проанализировать звуковой состав славянской речи, положенный в основу кириллицы; в частности, Храбр отмечает, что в речи славян было 14 звуков, отсутствовавших в звуковой системе греческого языка.

Написанная на заре славянской книжности, работа Храбра в наше время воспринимается больше как источник для изучения старославянского языка, чем как исследование о нем.

§ 37. Использование старославянского языка различными славянскими народами в качестве языка литературного с течением времени привело к образованию церковнославянских языков (см. § 1), которые, отражая ряд особенностей местной славянской речи, вместе с тем продолжали традиции первых славянских переводов. Стремление книжников сохранить эти традиции со временем приводило ко все большему и большему разрыву между местными редакциями (или изводами) церковнославянского языка и живой славянской речью. Возникала практическая потребность в изучении церковнославянского языка (а не только системы букв, как вначале) для того, чтобы иметь возможность пользоваться им как языком церкви, литературы. Эта потребность обусловила появление ряда церковнославянских грамматик, которые создавались по образцу древнегреческих и латинских грамматических трудов.

Древнейшей из дошедших до нас церковнославянских грамматик является краткая грамматика под названием «Осемь честыи слова», считавшаяся переводом болгарского экзарха Иоанна (см. § 19) с греческой грамматики Иоанна Дамаскина;

поскольку в византийской литературе грамматика Дамаскина неизвестна, этот труд получил в науке название «Псевдодамаскина». Древнейший известный список этой грамматики был сделан в Сербии, видимо в XV в.; известны и русские списки XVI—XVII вв. Влияние «Псевдодамаскина» заметно на последующих грамматических трудах, появившихся в славянских странах в XVI—XVII вв.

Из грамматических трудов этого периода наибольшей самостоятельностью отличается появившаяся в 1619 г. в местечке Евю (близ Вильно, т. е. в Белоруссии) знаменитая «Грамматіки Славе́нскиѧ правильное сѵ́нтагма» украинца Мелетия Смотрицкого, которая с некоторыми изменениями и дополнениями в 1648 г. была переиздана в Москве. Церковнославянская грамматика М. Смотрицкого оказала заметное воздействие на многие грамматические сочинения XVII—XVIII вв. по церковнославянскому языку как в России, так и в других славянских странах.

Несомненный интерес представляет «Грамматично наказанје», написанное в 1666 г. хорватом Юрием Крижаничем, который считал основной своей целью восстановление древнего славянского языка, сильно испорченного, по его мнению, к периоду XVII в. Зная ряд славянских языков, Ю. Крижанич обосновывал идею их общего происхождения и связывал с этим необходимость единой славянской грамматики, не искаженной греческим влиянием (именно влияние греческих и латинских образцов не удовлетворяло его в грамматике М. Смотрицкого). В «Грамматичном наказанје» содержится ряд тонких наблюдений, описаний славянских языковых соответствий и исторических интерпретаций. Так, Ю. Крижанич считал ненужными в славянской азбуке буквы і, ω, θ, ъ и йотованные буквы; вместе с тем он заметил звук [j], для обозначения которого вводил латинскую букву *j* (та же буква могла использоваться и для обозначения мягкости согласных). Любопытны замечания Ю. Крижанича об ударении (с ориентировкой на сохраненное сербско-хорватским языком музыкальное ударение), о соответствиях гласных в разных славянских языках; он же первым указал на происхождение полных славянских прилагательных из кратких (а не наоборот, как думали до него славянские грамматисты) и т. д. Вместе с тем в грамматике Ю. Крижанича еще много наивного, ненаучного; кроме того, он нередко смешивал факты разных славянских языков.

§ 38. Особого внимания заслуживают грамматические труды нашего первого ученого-филолога М. В. Ломоносова (1711—1765), который специально старославянским языком не занимался, но оставил ряд интересных соображений о происхождении старославянского языка, его месте и роли в развитии литературных славянских языков (прежде всего русского).

Михайло Васильевич Ломоносов

В «Российской грамматике» (1755 г.), «Предисловии о пользе книг церковных в Российском языке» (1757—1758 гг.) и ряде других работ М. В. Ломоносов высказал немало интереснейших замечаний и наблюдений, предвосхитивших позднейшие языковедческие открытия. В частности, Ломоносов четко представлял различия между старославянским и древнерусским языками периода древнейших памятников; он указал на отражение старославянского влияния в наших летописях, и особенно в памятниках церковного характера,— при отсутствии его в деловой письменности и т. д. Ломоносовым была дана и вполне обоснованная группировка современных славянских языков по признаку языкового родства; в частности, он указал на бóльшую близость «российского» языка южнославянским, нежели западнославянским, что и сейчас подчеркивается многими славистами. Он же отметил языковую близость славянских и балтийских языков.

Таким образом, М. В. Ломоносовым были указаны основные проблемы, пути и источники исторического изучения славянских языков, в частности и старославянского.

§ 39. Начало подлинно научного изучения старославянского языка связано с именем выдающегося русского языковеда А. Х. Востокова (1781—1864), который первым в истории языкознания применил к исследованию славянских языков сравнительно-исторический метод. Работы А. Х. Востокова «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка» (1820 г.), «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума» (1842 г.), первое издание Остромирова евангелия (1843 г.) и др. отличаются научной строгостью и точ-

Александр Христофорович Востоков

ностью в методах исследования и описания материала.

А. Х. Востоков в результате сравнительного изучения различных славянских языков, в том числе и старославянского, сумел дать точное описание фонетической системы, лежащей в основе кириллической системы букв. В частности, он установил звуковое значение букв ѫ и ѧ, а также ъ и ь, что является важным открытием в славянском языкознании для начала XIX в., имевшим большое методологическое значение. Востоков, указав на происхождение славянских языков из одного источника и на их большую близость в период создания первых старославянских памятников, вместе с тем обосновал и положение о том, что старославянский язык не мог быть тем языком-источником, из которого, как думали многие в его время, произошли славянские языки: это было «наречие одного какого-нибудь племени».

В работах, посвященных описанию славянских рукописей, Востоков первым практически разграничил старославянский и церковнославянский языки и первым обратил внимание на существование различных редакций (изводов) последнего, указав на болгарский, сербский, «севернорусский» (т. е. собственно русский) и «южнорусский» (т. е. украинский) изводы церковнославянского языка.

В 1858—1861 гг. А. Х. Востоков издал «Словарь церковнославянского языка» (ч. I—II).

§ 40. Если А. Х. Востокова интересовала прежде всего лингвистическая характеристика старославянского языка, то его современники в других славянских странах занимались изучением старославянского языка в плане общефилологическом, что имеет свое историческое объяснение.

Дело в том, что южные и западные славяне в первой половине XIX в. были лишены политической самостоятельности: большая часть славян входила в состав Австро-Венгерской империи (чехи, словаки, часть поляков, сербы, хорваты, словенцы); остальные

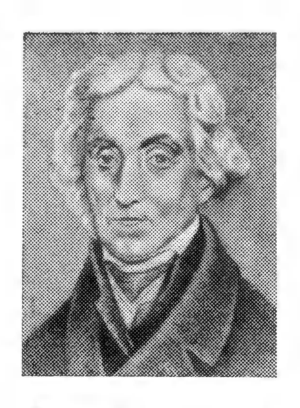
южные славяне проживали главным образом на территории Турецкой (Османской) империи, а западные — в Пруссии и России. Борьба за национальное самоопределение, сопровождавшаяся ростом национального самосознания, обусловливала большой интерес славянских ученых к славянским древностям — истории, литературе и языку древних славян. В этот период широкое распространение получила идея единства и единения славян (как правило, связанная с повышенным вниманием к роли русских в этом историческом процессе, так как Россия в то время была единственной славянской страной не только политически самостоятельной, но и выдвинувшейся в число величайших держав Европы).

В плане изучения славянских древностей южно- и западнославянские филологи первой половины XIX в. исследовали и старославянский язык, в первую очередь интересуясь вопросами его происхождения и народно-разговорной основы.

Основоположником такого широкого изучения старославянского языка считается выдающийся чешский ученый Й о з е ф Д о б р о в с к и й (1753—1829), автор знаменитых «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» («Основы древнего наречия славянского языка»), вышедших в 1822 г., т. е. спустя два года после опубликования «Рассуждения» А. Х. Востокова[1], а также других работ по славянской филологии. В своих «Основах» Й. Добровский впервые дал систематическое изложение грамматики собственно старославянского языка (а не церковнославянского) и указал на его южнославянское происхождение (он называл язык первых переводов «несмешанным болгаро-сербо-македонским»). Имея в своем распоряжении крайне ограниченный круг памятников и не располагая достаточно точными сведениями о южнославянских диалектах, Й. Добровский обосновывал свою точку зрения о болгаро-македонской языковой основе старославянского языка лишь общим соображением о том, что Константин и Мефодий, являвшиеся уроженцами Солуня, должны были знать язык солунских славян, а следовательно, и ориентировались на него, создавая первые славянские переводы.

---

[1] Между прочим, Й. Добровский, ознакомившийся с «Рассуждением» А. Х. Востокова уже тогда, когда его собственный труд был подготовлен к печати, под влиянием работы Востокова внес в него ряд изменений и дополнений.

Йозеф Добровский

Точка зрения Й. Добровского в то время не получила широкого распространения. Гораздо больший отклик в середине XIX в. получил иной взгляд на происхождение старославянского языка, высказанный впервые словенцем В. Копитаром (1780—1844). В 1836 г. Копитар опубликовал найденный им древний глаголический памятник, получивший в науке название Сборника Клоца («Glagolita Clozianus»). В предисловии к изданию этого памятника он сформулировал свои взгляды на происхождение старославянской письменности и языка, завоевавшие большое число сторонников. Копитар выдвинул гипотезу о бóльшей древности глаголицы по сравнению с кириллицей, считая именно глаголицу изобретением Константина-философа.

Касаясь вопроса о народно-разговорной основе старославянского языка, Копитар сформулировал знаменитую «паннонскую теорию», согласно которой языком первых славянских переводов был язык паннонских славян, а не славян Македонии. Копитар исходил из того соображения, что Паннония (княжество Коцеля) составляла часть епархии славянских первоучителей. В то же время он обратил внимание на наличие в старославянском языке ряда заимствований из немецкого или из латинского через посредство немецкого языка (например, **постъ** — из древневерхненем. *fasta*, **попъ** — из древневерхненем. *pfaffo*, **оцьтъ** («уксус») — из лат. *acetum*, **цѣсарь** — из лат. *caesar*, древневерхненем. *kaisar* и др.), что могло быть свойственно лишь языку паннонских, а не македонских славян, не соприкасавшихся с германцами. При этом Копитар опирался на совершенно необоснованное, как оказалось впоследствии, мнение немецкого историка Дюммлера, согласно которому в IX в. не только Паннония, но и левый берег Дуная были заселены предками словенцев, а не чехов и словаков.

Новые открытия старославянских памятников способствовали распространению взглядов В. Копитара на соотношение глаголицы и кириллицы. Большую роль в обосновании мнения о сравнительной древности глаголицы сыграла деятельность русского филолога, профессора Новороссийского университета в Одессе В. И. Григо-

ровича (1815—1876). В 40-х годах В. И. Григорович предпринял поездку по Балканам и Афонскому полуострову с целью разыскания древних славянских рукописей. Эта экспедиция увенчалась блестящими успехами: среди множества старославянских и среднеболгарских рукописей, открытых В. И. Григоровичем, были такие ценнейшие памятники, как глаголические Зографское и Мариинское евангелия, а также памятники XII—XIII вв., представлявшие кириллические рукописи либо по смытой глаголице (палимпсесты), либо с глаголическими вставками, свидетельствующими о том, что они переписаны с глаголических памятников, и греческое «Житие» св. Климента, в котором сообщается, будто ученик Мефодия Климент (см. § 15, 24) изобрел новую, «более ясную» азбуку. Многие из этих рукописей (в том числе и Мариинское евангелие) В. И. Григоровичу удалось приобрести и частично издать.

Павел Йосеф Шафарик

Открытия В. И. Григоровича дали толчок новым разысканиям в области старославянской письменности и языка. Обоснованную теорию происхождения славянской письменности, лежащую в основе современного взгляда на этот вопрос, в середине XIX в. сформулировал один из крупнейших славистов словак П. Й. Шафарик (1795—1861). Первоначально Шафарик поддерживал мнение Й. Добровского о позднем происхождении глаголицы (этот взгляд нашел отражение в его «Славянских древностях», относящихся к 1826 г.). Однако под влиянием открытий В. И. Григоровича, а также обнаруженных в 1855 г. глаголических Пражских отрывков с чешскими особенностями в языке Шафарик изменил точку зрения. В его статьях «Rozkwět slowanské literatury w Bulharsku» («Расцвет славянской письменности в Болгарии», 1848 г.) и «Uber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus» («О происхождении и родине глаголитизма», 1858 г.) сформулированы три основных положения: 1) глаголица древнее кириллицы; 2) именно глаголицу изобрел Константин-философ; 3) кириллица была изобретена учеником Мефодия Климентом в период расцвета славянской письменности в Болгарии. При

этом Шафарик допускал, что потомки могли смешать первоначальные названия славянских азбук, приписывая создание кириллицы Константину-Кириллу. Шафарик нашел даже фактическое подтверждение этому: в позднем списке «Книги пророков» скопирована запись оригинала, сделанная в 1047 г. переписчиком рукописи попом Упырем Лихим, который сообщает, что переписывал **«книги сиѩ ис коуриловицѣ»**, в то время как в самом списке встречаются глаголические буквы и даже целые слова, свидетельствующие о том, что оригинал был написан глаголицей. Очевидно, что в XI в. поп Упырь называл кириллицей азбуку, которую сейчас именуют глаголицей. Утверждение же черноризца Храбра о том, что в азбуке Константина-философа часть букв составлена **«по чиноу гръчьскъхъ писменъ»**, Шафарик трактовал как указание на соответствие части славянских з в у к о в звукам греческого языка, а не на совпадение начертаний букв.

П. Й. Шафарик примкнул к В. Копитару и по вопросу о паннонской языковой основе старославянского языка, отказавшись от своего первоначального мнения, совпадавшего с точкой зрения Й. Добровского.

Большую роль в утверждении «паннонской теории» происхождения старославянского языка сыграли работы крупнейшего слависта середины XIX в. ученика В. Копитара и также словенца по происхождению Ф. М и к л о ш и ч а (1813—1891), автора капитального труда «Vergleichende Grammatik der slavische Sprachen» («Сравнительная грамматика славянских языков». Вена, 1852—1874, в трех томах; в 1889 г. часть этой работы вышла в русском переводе под названием «Сравнительная морфология славянских языков»), завершившего целую эпоху в развитии славянского языкознания. Миклошичу принадлежит также фундаментальный «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum» («Старославянско-греко-латинский словарь». Вена, 1862—1865) и, наконец, первый этимологический словарь славянских языков («Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen», 1886), в свое время явившийся большим событием в славистике.

Обращаясь к исследованию старославянского языка, Миклошич по существу продолжал развивать взгляды своего учителя В. Копитара, доказывая невозможность болгаро-македонского происхождения старославянского языка. В этой связи он обратил внимание на различия в судьбе сильных [ъ] и [ь], которые в старо-

славянских памятниках отражаются как [о] и [е], в то время как в болгарском языке гласный [ъ] в сильном положении сохранился, а в ряде болгарских говоров выступает также и на месте сильного [ь]. Миклошич указывал на отсутствие в болгарском языке носовых гласных и на наличие в болгаро-македонских говорах мягких [г'], [д'], [к'], [ч'] в соответствии со старославянскими **жд** и **шт**. В то же время он приписывал языку древнего населения Паннонии и носовые гласные (хотя в большинстве словенских говоров они не оставили следов), и сложные шипящие согласные [ж͡'д'] и [ш͡'т'], ориентируясь при этом на язык современного населения Паннонии — венгерский, в котором встречаются славянские заимствования со следами носовых гласных и сложных шипящих согласных. Наконец, именно Миклошич пытался лингвистически обосновать упоминавшееся выше утверждение Дюммлера о том, что в Моравии в IX—X вв. жили не предки чехов и словаков, а предки словенцев.

Лишь в конце XIX в. «паннонская теория», долгое время поддерживавшаяся авторитетом Миклошича, была опровергнута; при этом решающий удар по ней был нанесен соотечественником Ф. Миклошича словенцем В. Облаком (1864—1896), которому, в частности, принадлежит исследование о языке Киевских листков и Пражских отрывков («Zur Provenienz der Kijewer und Prager Fragmente»). Облак подверг специальному изучению македонские говоры в районе Солуня и обнаружил в них все те особенности, которые отличают старославянский язык от других славянских языков (ср. § 20): [ж͡'д'] и [ш͡'т'] — в соответствии со старославянскими *жд* и *шт*, произношение [ä] — в соответствии со старославянским **ѣ**; в македонских говорах близ Солуня на месте сильных редуцированных, как и в старославянском языке, произносятся гласные [о] и [е] (в то время как в словенских говорах оба редуцированных в сильном положении совпали в одном гласном [а] или [е] — в разных говорах по-разному); наконец, Облак обратил внимание на следы носовых гласных в виде сохранения в определенных условиях носовой артикуляции [типа *рендове* («ряды») — старослав. **рѧдъ**, *пендесет* («50») — старослав. **пѧть десѧтъ** и т. п.], а в говоре дер. Сухо на месте носовых гласных им были отмечены слоговые носовые согласные: [зм̥п] («зуб») — старослав. **зѫбъ**, [гм̥ба] («губа») — старослав. **гѫба**, [рн̥ка] («рука») — старослав.

ржка и т. д.[1]. Результаты этих разысканий были опубликованы в работе «Macedonische Studien» («Македонские исследования») в 1896 г., который можно считать годом окончательного падения «паннонской теории», продержавшейся в славянском языкознании более полувека.

После исследований В. Облака оставшиеся неопровергнутыми аргументы сторонников «паннонской теории» потеряли всякую ценность, а частью были опровергнуты другими исследователями. В 1906 г. славистом М. Фасмером (1886—1963), автором этимологического словаря русского языка, в интересной статье «Греко-славянские этюды» было предложено еще одно доказательство болгаро-македонского происхождения старославянского языка: некоторые грецизмы в старославянских памятниках отражены в такой форме, в какой они могли быть заимствованы только народной речью (например, старослав. **сѫбота** соответствует греч. диалектн. [sámbatŏn], а не литературному σάββατον [sávvatŏn < < sabbatŏn], **кревато** («кровать») соответствует диалектн. [krévvata], а не литературному κράββατος [krávvatŏs < krábbatŏs], **левг'итъ** соответствует диалектн. [leu̯gítis], а не литературному греч. λευείτης [leu̯ei̯tis < leu̯ei̯tēs] и т. п.); это обстоятельство указывает на живую связь с греками тех славян, язык которых был положен в основу старославянских переводов; а это могли быть только македонские, а не паннонские славяне.

§ 41. В России изучение старославянского языка продолжалось в направлении, начатом А. Х. Востоковым, т. е. шло по линии углубленного лингвистического исследования и описания старославянских текстов. В этом направлении работал выдающийся русский филолог И. И. Срезневский (1812—1880), открывший глаголические Киевские листки и Саввину книгу и оставивший ряд описаний старославянских и церковнославянских рукописей и палеографических исследований: «Древ-

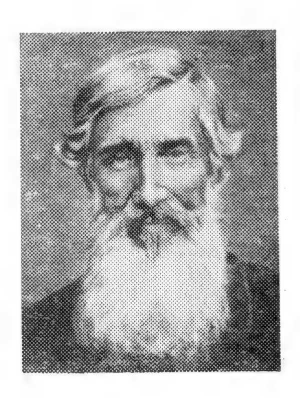
---

[1] Следы носовых гласных в македонских и болгарских говорах отмечались исследователями с середины XIX в.; но именно В. Облак сумел обобщить собранный его предшественниками материал, дополнив его собственными наблюдениями (см.: В. М. Иллич-Свитыч. О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах. «Вопросы славянского языкознания», вып. 6. М., 1962, стр. 76 и след.).

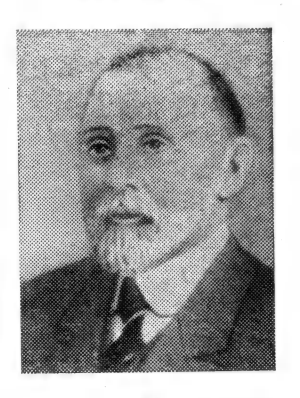
ние письмена славянские» (1848 г.), «Древние глаголические отрывки, найденные в Праге» (1857 г.), «Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы» (1866 г.), «Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка» (1868 г.) и ряд др. В русской филологии Срезневский известен как ученый, впервые наметивший программу исторического изучения русского языка в связи с историей говорящего на нем народа (см. его «Мысли об истории русского языка», 1849 г.). Им же был издан, к сожалению неоконченный, словарь древнерусского языка, с включением в него также и лексики церковнославянских памятников русского извода, начиная с Остромирова евангелия. Словарь И. И. Срезневского, выходивший под названием «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», до сих пор является самым полным и в 1958 г. был переиздан.

Ряд ценных работ, посвященных исследованию старославянских памятников и славянской палеографии, появляется в конце XIX — начале XX в. Здесь выделяются труды В. Н. Щепкина (1863—1920), среди которых особенно следует упомянуть «Рассуждение о языке Саввиной книги» (1898—1899 гг.) и описание Болонской псалтыри (1906 г.), до сих пор считающиеся лучшими образцами лингвистического изучения памятников славянской письменности.

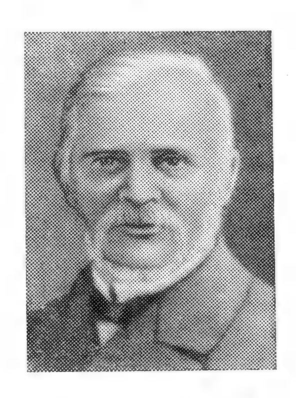
Но, пожалуй, ни одним лингвистом в области изучения славянских языков, в частности старославянского, не сделано

Измаил Иванович Срезневский

Вячеслав Николаевич Щепкин

Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич

больше, чем И. В. (В.) Ягичем[1] (1838—1923), петербургским академиком, хорватом по национальности, являвшимся не только крупным ученым-славистом, оставившим огромное количество трудов по славянской филологии (его перу принадлежит свыше 700 работ), но и выдающимся организатором в области науки. Ягич внимательно следил за научными исследованиями в России и других славянских странах, поддерживая все ценные начинания в области славистики; именно он заметил первые опыты и привлек к сотрудничеству в своем журнале 17-летнего А. А. Шахматова (1864—1920), с именем которого связаны многие выдающиеся достижения в области изучения русского языка; в журнале Ягича были посмертно опубликованы талантливые исследования рано умершего В. Облака; он же способствовал распространению за границей исследований выдающегося русского ученого А. А. Потебни (1835—1891), работы которого, печатавшиеся в провинциальных изданиях, были мало известны даже в России, но очень высоко оценены Ягичем, сумевшим понять их глубже, чем многие его современники.

В 1876 г. Ягичем был основан в Берлине специальный славистический журнал «Archiv für slavische Philologie» («Архив славянской филологии»), издававшийся им на протяжении 42 лет (вплоть до 1918 г.); на страницах ягичевского «Архива...» печатались многие крупнейшие исследования по старославянскому языку (например, исследование самого И. В. Ягича о языке Зографского евангелия — в 1876—1877 гг.; исследование В. Облака о языке Киевских листков и Пражских отрывков — в 1896 г.; исследования А. Лескина о языке Остромирова евангелия — в 1877 и 1905 гг. и мн. др.) и современным славянским языкам и их истории. В период жизни в Петербурге (1880—1886 гг.) Ягич явился инициатором изданий «Исследования по русскому языку», где также увидели свет многие ценные работы по истории русского языка и старославянскому языку. По инициативе Ягича в начале XX в. издавалась капитальная серия «Энциклопедии славянской филологии», для которой им самим было написано исследование «Глаголическое письмо» (1912 г.), где предпринята попытка обосновать новыми фактами гипотезу И. Тейлора о происхождении глаголицы из гре-

[1] Ватрослав Ягич в России именовался Игнатием Викентьевичем.

ческого минускула[1]. В выпусках «Энциклопедии...» приняли участие крупнейшие лингвисты начала XX в., в том числе А. А. Шахматов, написавший для нее «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915 г.), в котором содержится богатый материал, характеризующий фонетическую систему праславянского языка.

Кроме палеографических исследований, Ягич много сделал по изданию и описанию старославянских памятников; в частности, ему принадлежат лучшие издания Зографского и Мариинского евангелий, Киевских листков и ряда других памятников. Издание Мариинского евангелия снабжено «Послесловием», в котором дается палеографическое и лингвистическое описание памятника, и словарем. Внимание И. В. Ягича к вопросам возникновения славянской письменности и к истории славянской книжности нашло отражение в его работах «Рассуждение старины о церковнославянском языке» (1885 г.), «Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина-философа, первоучителя славян св. Кирилла» (1893 г.) и др.

§ 42. С середины XIX в. материал старославянского языка начинает широко использоваться в сравнительно-исторических исследованиях. Начало этому положил немецкий языковед-индоевропеист А. Шлейхер (1821—1863), издавший в 1852 г. фундаментальный труд «Formenlehre der kirchenslavischen Sprache» («Морфология церковнославянского языка»). В этой работе Шлейхер для реконструкции морфологических особенностей дописьменного периода широко использовал материал литовского языка, что впоследствии стало традиционным для славянского языкознания, помогло вскрыть и объяснить целый ряд звуковых и грамматических изменений, имевших место в праславянском языке.

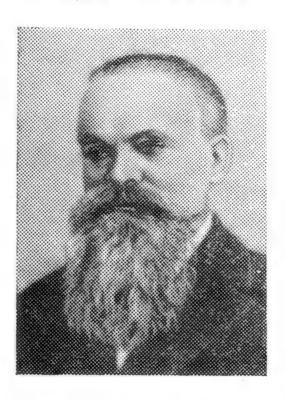
Исследования А. Шлейхера показали ценность материала славянских языков, в частности старославянского, для индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Именно в плане сравнительно-исторических исследований интересовал старосла-

---

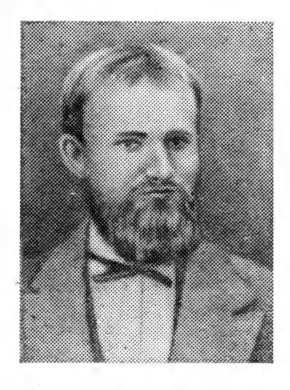
[1] Гипотеза И. Тейлора о происхождении глаголицы из византийской скорописи изложена в его статье „Über den Ursprung des glagolitischen Alphabets" («О происхождении глаголической азбуки»), опубликованной в 1881 г. на страницах ягичевского «Архива...».

Август Шлейхер

Филипп Федорович Фортунатов

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ

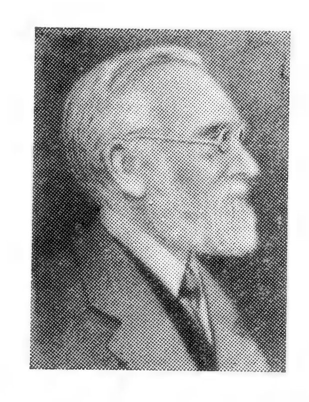
вянский язык и нашего крупнейшего языковеда-индоевропеиста, академика, профессора Московского университета, основателя целого направления не только в русском, но и в европейском языкознании Ф. Ф. Фортунатова (1848—1914). Огромные заслуги принадлежат Фортунатову в изучении ударения (акцентологии) балтийских и славянских языков, где им открыт закон передвижения ударения от начала к концу слова; этот закон получил в языкознании наименование закона Фортунатова — де Соссюра (та же закономерность была открыта Ф. де Соссюром, независимо от Фортунатова, для литовского языка). В течение ряда лет Фортунатов читал в Московском университете лекции по старославянскому языку, в которых главное внимание уделялось характеристике фонетических особенностей и закономерностей праславянского и индоевропейского праязыка. Опубликованы «Лекции по фонетике старославянского языка» были в 1919 г., уже после смерти их автора; а недавно, в 1957 г., они были переизданы во втором томе «Избранных трудов» Ф. Ф. Фортунатова.

Фортунатов редактировал (начиная с 3-го выпуска I тома) серию изданий «Памятники старославянского языка» и напечатал несколько статей, посвященных анализу палеографических и языковых особенностей старославянских памятников письменности: «Состав Остромирова евангелия» (1908 г.), «Старославянское *-тъ* в 3-м лице глаголов» (1908 г.), «О происхождении глаголицы» (1913 г.); ему же принадлежит обстоятельный разбор исследования В. Н. Щепкина о языке Саввиной книги (1900 г.).

Особое место в славянском языкознании принадлежит выдающемуся лингвисту, профессору Казанского, а затем Петербургского университета, основателю так называемой Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэну де Куртенэ (1845—1929). Бодуэн де Куртенэ даже в тех случаях, когда обращался к материалу конкретных языков, решал в первую очередь общелингвистические задачи. Его теории лежат в основе современного языкознания: он обосновал тезис об общественной сущности языка; именно им впервые была сформулирована идея разграничения языка и речи, статического (синхронического, описательного) и динамического (диахронического, исторического) изучения языков; им же была разработана современная теория фонемы, заложены основы структурного изучения языков и т. д.

И. А. Бодуэн де Куртенэ занимался и старославянским языком; в частности, в 1911/12 уч. году читал курс старославянского языка. Ему принадлежат открытия, имеющие значение для изучения старославянского языка: он обратил внимание на праславянскую межслоговую ассимиляцию задненёбных согласных (см. § 122), сформулировал закон переразложения основ (в статье «Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний», 1902 г.; ср. § 144), наметил изоглоссы ряда фонетических и морфологических явлений славянских языков (в статье «Изоглоссы в славянском языковом мире», опубликованной впервые в 1932 г.) и т. д. Но главные заслуги И. А. Бодуэна де Куртенэ не в частных открытиях, а в разработке того направления, в котором развивается после него славянское языкознание.

§ 43. Результаты изучения старославянского языка и реконструкции праславянского находят отражение в руководствах и пособиях, задачей которых является обобщение этих результатов, с тем чтобы они стали доступными для нового поколения исследователей. Первым систематическим и тщательно разработанным пособием по старославянскому языку следует считать книгу немецкого младограмматика А. Лескина (1840—1916) „Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache“ («Руководство по древнеболгарскому (древнецерковнославянскому) языку»), вышедшую первым изданием в 1871 г., а затем заново изданную в сильно переработанном виде в 1886 г. В этот период Ф. Ф. Фортунатов считал «Руководство...» Лескина лучшим учеб-

Август Лескин

ником, отмечая, однако, что недостатком его является ориентировка на язык паннонских текстов. В 1890 г. был опубликован русский перевод учебника Лескина, в котором отмеченный недостаток был частично восполнен дополнениями из Остромирова евангелия, сделанными В. Н. Щепкиным и А. А. Шахматовым («Грамматика старославянского языка А. Лескина, перевод с немецкого с дополнением по языку Остромирова евангелия»). В 1909 г. А. Лескин опубликовал новое руководство по старославянскому языку „Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache“, которое под названием «Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка» было в 1915 г. издано в Казани в русском переводе Н. Петровского.

Большую популярность получило обстоятельное пособие чешского ученого В. Вондрака (1859—1925) „Altkirchenslavische Grammatik“ («Древнецерковнославянская грамматика»), вышедшее первым изданием в 1900 г., а затем значительно дополненное и переработанное для второго издания 1912 г. Важной особенностью пособия Вондрака является раздел, посвященный старославянскому синтаксису, который до этого почти никем не разрабатывался. Этот раздел был переведен Н. Петровским на русский язык и издан одновременно с переводом «Грамматики» А. Лескина отдельной книжкой под названием «Древнецерковнославянский синтаксис» (1915). Учебник Вондрака обобщил интересные исследования этого ученого, посвященные языку ряда старославянских памятников: Киевских листков, Пражских отрывков, сборника Клоца, Супрасльской рукописи и др. (эти исследования публиковались в период 1890—1906 гг.).

Важным вкладом Вондрака в славянское языкознание явилась его двухтомная „Vergleichende slavische Grammatik“ («Сравнительная славянская грамматика»), напечатанная в 1906—1908 гг. и переизданная после значительной переработки в 1924 г. (т. 1) и в 1928 г. (т. 2, переработанный для второго издания известным лингвистом О. Грюненталем). «Сравнительная славянская грамма-

тика» В. Вондрака заменила уже устаревший к тому времени труд Ф. Миклошича; в ней материал славянских языков группируется по языковым фактам (а не по отдельным языкам, как у Ф. Миклошича) и прослеживается в его истории — от праславянской эпохи до современного состояния в разных славянских языках.

Из числа пособий заслуживает внимания также учебник С. М. Кульбакина (1873—1941) «Древнецерковнославянский язык», вышедший первым изданием в Харькове в 1911 г., а в 1917 г. переизданный в третий раз. В 1928 г. в Праге вышло новое издание учебника, переведенное с рукописи на чешский язык известным языковедом Б. Гавранком,— „Mluvnice jazyka staroslovenského"; это издание учебника С. М. Кульбакина представляет интерес из-за введенного в него синтаксиса.

Крупным событием в славянском языкознании явилось опубликование в 1924 г. в Париже руководства французского языковеда А. Мейе (1866—1936) „Le slave commun" («Общеславянский язык»). Мейе был крупнейшим языковедом-индоевропеистом начала XX в., возглавлявшим целое направление («социологическое») во французской лингвистике; его перу принадлежит свыше 550 книг и статей в области индоевропейского, в частности славянского, языкознания; он явился организатором французского Института славяноведения (Institut d'études slaves) и на протяжении ряда лет редактировал его печатный орган „Revue des études slaves".

Еще в начале XX столетия очень широкую популярность завоевал обобщающий труд Мейе по индоевропейскому языкознанию „L'introduction a l'étude comparative des langues indoeuropéennes" («Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков»), впервые появившийся в 1903 г., выдержавший во Франции еще при жизни автора семь изданий и трижды издававшийся в России (в 1911, 1914 и 1933 гг.); во «Введении» большое внимание уделено фактам славянских языков, значение которых для сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, по мнению Мейе, очень велико. Специально славянским языкам посвящен ряд работ ученого, среди которых выделяются „Recherches sur l'emploi de l'accusatif-génitif en vieux slave" (1897 г.) — первая крупная работа Мейе, посвященная возникновению и развитию формы винительного-родительного падежа в связи со становлением категории одушевленности в старославянском и частично в других славянских языках, и двухтомные „Études sur l'etimologie et le voca-

Антуан Мейе

bulaire de vieux slave" (1902 и 1904 гг.), в которых даются многочисленные славянские этимологии[1], исследуются проблемы глагольного вида, словообразования и другие проблемы славянских языков.

Итогом многочисленных работ А. Мейе в области славянского языкознания, как отмечалось, явился «Общеславянский язык», изданный в 1951 г. в русском переводе и с примечаниями П. С. Кузнецова. «Общеславянский язык», широко использующий факты старославянского языка, посвящен реконструкции праславянского языка, его связи с индоевропейским праязыком. Написанный на уровне современного развития науки, выполненный очень тщательно, добросовестно, живо изложенный, труд А. Мейе является, несомненно, лучшим руководством по праславянскому языку[2].

Ряд обобщающих руководств по старославянскому языку издан в различных европейских странах в последние десятилетия.

Из числа таких работ, изданных за рубежом, выделяется „Geschichte der altkirchenslavischen Sprache" голландского слависта Н. Ван-Вейка (1880—1924), опубликованная в 1931 г., а в 1957 г. напечатанная в русском переводе В. В. Бородич под названием «История старославянского языка». Ван-Вейку принадлежит большое число исследований в области славянских и балтийских языков (наиболее значителен его вклад в изучение

[1] Систематический этимологический словарь славянских языков начал издавать в 1908 г. ученик Ф. Ф. Фортунатова Э. Бернекер („Slavisches etymologisches Wörterbuch"). Этот труд, заменяющий устаревший словарь Ф. Миклошича, можно оценить очень высоко; но он, к сожалению, остался неоконченным (вышли выпуски от *A* до *L*).

[2] Из числа других работ, посвященных праславянскому языку, заслуживает упоминания вышедшая в Нежине в 1916 г. объемистая, но доступная по изложению «Праславянская грамматика» Г. А. Ильинского (1876—1938), который, кстати сказать, также является автором многочисленных славянских этимологий.

В 1961 г. опубликована монография известного советского лингвиста, профессора Московского университета П. С. Кузнецова (1899—1968) «Очерки по морфологии праславянского языка», в которых предпринята попытка обобщить исследования последних лет в этой области.

балто-славянской системы ударения и интонации); многие его работы посвящены проблемам старославянского и праславянского языков (языку Супрасльской рукописи и Зографского евангелия, развитию глагольных видов, общеславянским фонетическим закономерностям и др.).

Григорий Андреевич Ильинский

«История старославянского языка» является как бы итогом этих исследований. Особенностью этой книги является то, что в ней почти не затрагиваются процессы, имевшие место в праславянском языке: автор ограничивается фактами и изменениями, отразившимися в старославянских памятниках. Опубликованы разделы «Введение» «Фонетика» и «Морфология» (словоизменение); судя по издательским объявлениям и ссылкам, имеющимся в изданной части книги, существовали также разделы, посвященные словообразованию, синтаксису и лексике, которые, очевидно, и должны были составить вторую часть работы; однако судьба этой части неизвестна.

Ценной особенностью книги Н. Ван-Вейка является подробная библиография работ по каждой главе пособия; в русском издании эта библиография существенно дополнена его редактором Н. А. Кондрашовым.

Близок по типу к «Истории»... Н. Ван-Вейка изданный в 1948 г. в Париже труд известного современного французского слависта А. Вайана „Manuel du vieux slave" («Руководство по старославянскому языку»), который вскоре (в 1952 г.) вышел в русском переводе В. В. Бородич под редакцией и с предисловием В. Н. Сидорова. «Руководство...» Вайана, как и книга Н. Ван-Вейка, лишено сопоставлений материала старославянского языка с фактами других славянских и индоевропейских языков; автор ограничивается внутриязыковыми сопоставлениями и сам называет свой труд описательным. Не ставя перед собой теоретических задач, Вайан скрупулезно собрал в старославянских памятниках все, что может характеризовать старославянский язык как язык первых славянских переводов с греческого. При описании нерегулярных или непродуктивных явлений старославянского языка Вайан стре-

Афанасий Матвеевич Селищев

мится дать по возможности полный перечень соответствующих фактов; это затрудняет пользование «Руководством» как учебным пособием, но зато делает его неоценимым справочником по частным вопросам старославянского языка. Особенно полно представлен в книге такой справочный материал по старославянской морфологии.

В 1950 г. А. Вайаном издана 1-я часть сравнительной грамматики славянских языков — „Grammaire comparée langues slaves".

Крупным событием в истории разработки старославянского языка явилось издание книги А. М. Селищева (1883—1942) «Старославянский язык» (ч. I. Введение. Фонетика — 1951; ч. II. Тексты, словарь. Очерки морфологии — 1952). Первая часть этой работы выдающегося советского слависта представляет обобщение достижений современного славяноведения в области изучения фонетики славянских языков. А. М. Селищев дает детальную характеристику фонетической системы праславянского языка, фонетических изменений, имевших место в праславянский период, прослеживает судьбу гласных и согласных звуков в различных славянских языках после распада праславянского. Многие интерпретации автора являются оригинальными и, в ряде случаев, очень убедительными. Так же было задумано Селищевым и освещение морфологии и синтаксиса старославянского языка; но, к сожалению, преждевременная смерть ученого помешала осуществлению этого замысла. Посмертно, вместе с первой частью, удалось издать лишь часть пособия, предназначенную для практической работы: тексты, словарь к ним и краткий, очень доступный по изложению (в отличие от подробной и сложной по материалу для студента-первокурсника первой части) очерк морфологии.

Незавершенным остался и другой капитальный труд Селищева — «Славянское языкознание». Эта по существу энциклопедия славянского языкознания середины XX в. была задумана в трех частях. В 1941 г., незадолго до смерти автора, вышла 1-я часть, посвященная западнославянским языкам и содержащая «Введение» с обстоятельным историческим очер-

ком древнейших судеб славянских народов. По имеющимся сведениям, А. М. Селищевым была подготовлена к печати и 2-я часть, посвященная южнославянским языкам, к сожалению, не найденная после смерти автора (видимо, рукопись затерялась во время войны).

Николай Сергеевич Трубецкой

В 1954 г. в Вене посмертно была издана „Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem" («Древнецерковнославянская грамматика. Система письма, фонетика и морфология») видного языковеда Н. С. Трубецкого (1890—1938), который известен в мировом языкознании как основоположник современной фонологии (знаменитые «Основы фонологии» Трубецкого в 1960 г. вышли в русском переводе); кроме «Древнецерковнославянской грамматики», его перу принадлежит около десятка статей, посвященных фонетическим особенностям славянских языков, в том числе и праславянского. Именно Н. С. Трубецким впервые был сформулирован тезис о прекращении общеславянских языковых переживаний лишь после падения редуцированных; до этого периода, по его мнению, неверно говорить о распаде общеславянского (праславянского) языка.

Среди пособий, посвященных общеславянским проблемам, следует отметить книги Р. Нахтигала (R. Nahtigal, 1877—1958) «Введение в славянскую филологию» („Uvod do slovenskoj filologii", Ljubljana, 1946—1947) и «Славянские языки» — пособие, дважды изданное в Любляне (в 1938 и 1952 гг.) и в 1963 г. вышедшее в Москве в русском переводе Н. М. Елкиной под редакцией и с предисловием С. Б. Бернштейна. Автор этих пособий словенец Р. Нахтигал — ученик И. В. Ягича, автор многочисленных исследований по славянскому языкознанию. Первая работа Р. Нахтигала была опубликована в упоминавшемся выше журнале Ягича еще в конце прошлого столетия (т. XX, 1898 г.: рецензия на труд Гетца, посвященный деятельности славянских первоучителей Константина и Мефодия). Нахтигал был в числе основателей национального университета в Любляне (в 1919 г.), где он возглавил кафедру славяноведения и старославянского языка, а позднее — Институт

славянской филологии при университете. Ему принадлежат исследования по праславянской морфологии, по старославянскому языку и древней славянской письменности, а также по словенскому и русскому языкам и по сравнительной грамматике славянских языков. Специально следует отметить осуществленное Р. Нахтигалом издание «Синайского требника» („Euchologium Sinaiticum", I. Fotografiski posnetok; II Tekst s komentarjem in prilogo. Ljubljana, 1941—1942), которое может считаться образцовым. Пособие «Славянские языки» представляет собой краткую сравнительную фонетику и морфологию славянских языков, в которой очень подробно рассматриваются процессы позднего периода развития праславянского языка и общеславянские процессы в отдельных славянских языках; особенно широко используется в книге материал старославянского, словенского, сербско-хорватского и русского языков. Много места уделено в книге славянской акцентологии, что делает ее особенно ценной для русского читателя.

Из числа пособий, изданных за рубежом в последние десятилетия, можно еще упомянуть «Очерк грамматики древнецерковнославянского языка» крупного польского лингвиста академика Т. Лера-Сплавинского (1891—1965), известного своими многочисленными работами по проблемам славянской прародины, а также исследованиями в области западнославянских языков. «Очерк. . .» Лера-Сплавинского впервые был издан в 1923 г. в Познани; в 1959 г. вышло 4-е издание („Zarys gramatyki języka staro-cerkiewno-słowiańskiego na tle porównawczym". Wrocław—Kraków), дополненное обширным синтаксическим очерком Ч. Бартули. Годом раньше (в 1958 г.) в Загребе была издана „Staroslavenska gramatika" Й. Хамма, в которой, наряду с описанием графических систем (глаголицы и кириллицы), фонетики и морфологии старославянского языка, дается также и характеристика различных школ старославянской письменности, указываются важнейшие языковые особенности местных изводов.

В 1969 г. в Праге вышел учебник старославянского языка одного из виднейших современных славистов Й. Курца (см. ниже) „Učebnice jazyka stavoslověnského", отличающийся четкостью изложения и богатым набором таблиц.

Ряд пособий по старославянскому языку был издан за последние десятилетия в СССР. Как правило, эти пособия не являются оригинальными и преследуют чисто практическую цель: дать по

возможности доступное изложение известного науке материала по учебному курсу старославянского языка. К числу таких работ относится конспективный учебник С. Д. Никифорова «Старославянский язык», издававшийся несколько раз (лучшими являются стереотипные издания 1952 и 1955 гг.), более подробные пособия Л. В. Матвеевой-Исаевой «Лекции по старославянскому языку» (1958 г.), Н. М. Елкиной «Старославянский язык» (1960 г.), А. И. Горшкова «Старославянский язык» (1963 г.) и др. Из числа периферийных изданий по полноте материала и обстоятельности изложения выделяются «Лекции по старославянскому языку» Б. И. Скупского, выходившие в Махачкале тремя выпусками в период 1958—1962 гг. и затем изданные отдельной книжкой («Старославянский язык», ч. I, 1965; ч. II, 1967).

§ 44. Успехи славянского языкознания XIX — начала XX в. обусловили обстоятельную разработку звуковых и формально-морфологических особенностей старославянского языка. Гораздо меньше повезло старославянскому синтаксису: многое здесь до сих пор остается неразработанным; раздел синтаксиса, имеющийся в некоторых пособиях по старославянскому языку, как правило, представляет собой искусственное наложение на старославянский синтаксический строй тех схем и тех представлений, которые сложились в результате исследования синтаксиса современных славянских языков. Многое еще остается неясным в значениях старославянских грамматических категорий; нельзя считать достаточно разработанными и вопросы лексики старославянского языка, хотя на эту тему и имеется исследование А. С. Львова «Очерки по лексике памятников старославянской письменности» (М., 1966).

Отмеченные пробелы обусловливают появление ряда обстоятельных работ, посвященных наименее исследованным проблемам старославянского языка. Так, многие исследования последних лет касаются значений старославянских глагольных категорий и форм. Среди них выделяются работы Ю. С. Маслова («К вопросу о происхождении посессивного перфекта», 1949 г.; «Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках», 1954 г.; «Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского вида», 1961 г., и др.) и В. В. Бородич («К вопросу о значении аориста и имперфекта в старосла-

вянском языке», 1951 г.; «К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках», 1953 г.; «К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола», 1954 г. и др.), а также обстоятельное исследование И. К. Буниной «Система времен старославянского глагола» (1959 г.) и работы некоторых других авторов. Именам прилагательным посвящено исследование Н. И. Толстого «Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов)» (1957 г.); счетным словам посвящена книга А. С. Супруна «Старославянские числительные» (Фрунзе, 1961 г.); местоимениям — исследование М. А. Гадолиной «История личных и возвратного местоимений в славянских языках» (1963 г.).

Советские слависты уделяют большое внимание изучению падежных значений старославянского языка, что дает возможность проследить развитие падежных значений в различных современных славянских языках. Этой проблеме посвящено несколько крупных исследований последних лет: «Система падежей старославянского языка (1963 г.) и «Падежи с предлогами в старославянском языке» (1971 г.) К. И. Ходовой; «Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке» (1958 г.), «Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках» (1956 г.) и «К вопросу о праславянских значениях дательного падежа» (1957 г.) А. Б. Правдина; «Локатив в славянских языках» (1961 г.) В. Н. Топорова; коллективная монография «Творительный падеж в славянских языках» (1958 г.) под редакцией крупного советского славяноведа С. Б. Бернштейна, автора «Очерка сравнительной грамматики славянских языков» (1961 г.) и ряда других работ по славянскому языкознанию. Появляются также исследования, посвященные старославянскому предложению (например: «Об односоставных предложениях в старославянском языке» С. И. Груздевой, «Причинные союзы и их значения в старославянском языке» Е. Т. Черкасовой и др.)[1].

§ 45. В последние годы большое внимание уделяется изучению старославянского языка в зарубежных европейских странах,

[1] Более подробно об исследованиях советских лингвистов в области старославянского языка см. в статье Н. И. Толстого «Старославянский язык» в юбилейном сборнике «Развитие советского языкознания за 50 лет. 1917—1967» (М., 1967).

в первую очередь — славянских. Особенно плодотворно работают в этом направлении чехословацкие ученые, среди которых следует назвать Й. Курца, Б. Гавранка, В. Ф. Мареша, А. Достала, Я. Бауэра, Р. Вечерку и др.

Й. Курц является автором капитальных исследований, посвященных синтаксическому функционированию имен в старославянских памятниках в связи с развитием члена («артикля»); к этой серии его работ относятся исследования: «K otázce členu v jazycich slovanských se zvláštim zřetelem k staroslověnštině» («К вопросу о члене в славянских языках с преимущественным вниманием к старославянскому»; „Byzantinoslavica", VII, 1937—1938; VIII, 1939—1946), «Problém členu v jazyce staroslověnskem» («Проблема члена в старославянском языке». Praha, 1946 и в сб. «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963). Курцу принадлежат работы по теории старославянской лексикологии и лексикографии, а также ряд программных статей по изучению старославянского синтаксиса, среди которых можно упомянуть «Problematika zkoumáni syntaxe staroslověnského jazyka a nástin rozboru významu částic *i*, *a* apod. . . .» («Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка и набросок разбора значения частиц *и*, *а* и др. . . .»; в сб. «K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků». Praha, 1958) и «Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка», которая является вступительной статьей к сборнику «Исследования по синтаксису старославянского языка» (1963 г.).

Чехословацкий славист А. Достал основное внимание в своих исследованиях уделяет вопросам происхождения славянских глагольных видов. Этой проблеме посвящены работы А. Достала «Studie o vidovém systému v staroslověnštině» («Исследование о видовой системе старославянского языка», 1954 г.), «Několik kritických poznámek k poslednim pracim o vidu slovanského slovesa» («Несколько критических замечаний к последним работам о виде славянского глагола», 1959 г.), «К изучению категорий глагола в старославянском языке» (1963 г.) и др. Глагольным категориям посвящено также обширное исследование «Залог (genera verbi) в старославянском языке в сравнительном плане» (1963 г.) Б. Гавранка, которому принадлежит и ряд других интересных работ по старославянскому языку, в частности монография «Genera verbi v slovanských jazycich» («Залог в славянских языках»; I,

1928 г.; II, 1937 г.). В своих статьях и исследованиях, многие из которых посвящены синтаксическим проблемам, наименее изученным в славистике, Гавранек подчеркивает необходимость сравнительного изучения фактов старославянского языка, особенно в области синтаксиса.

Вообще следует отметить, что проблемы синтаксиса занимают большое место в исследованиях чехословацких славистов. Так, синтаксическому употреблению действительных причастий в старославянском языке посвящена обстоятельная монография Р. Вечерки «Sintax aktivních participií v staroclověnštině» (1961 г.), который является также автором ряда работ, посвященных синтаксическому употреблению числительных («К синтаксису имен числительных в старославянском языке», 1960 г.), синтаксису родительного падежа, синонимике родительного падежа приименного и притяжательных прилагательных, соотношению родительного и винительного падежей при отрицании («Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке», 1963 г.; «Ke konkurenci adnominálního genitivu a adjektiva v staroslověnštině», 1957; «Střidáni záporového genetivu se záporovým akusativem v staroslověnštině», 1958 г.). Синтаксису местного падежа посвящена серия работ Я. Бауэра: «Bezpředložkový lokál v staroslověnských evangeliích» («Беспредложный местный падеж в старославянских евангельских текстах», 1951 г.), «Prostý lokál v středobulharských památkách» («Беспредложный местный в среднеболгарских памятниках письменности», 1954 г.), «Беспредложный локатив в старославянском языке» (1963 г.).

Внимание чехословацких лингвистов к синтаксическим проблемам находит отражение и в ряде программных статей, среди которых, кроме работ Й. Курца и Б. Гавранка, можно отметить также статью Р. Вечерки «K problematice historickosrovnávaciho zkoumáni syntaxe v staršich slovanských jazycich spisovných» («К проблематике сравнительно-исторического исследования синтаксиса в старших славянских письменных языках», 1962 г.), где он, как и Б. Гавранек, обосновывает необходимость сравнительного изучения синтаксических особенностей в старейших славянских письменных памятниках. Необходимости привлечения данных неславянских балканских языков для уяснения развития некоторых синтаксических черт старославянского языка посвящена интересная статья Я. Седлачка «Синтаксис старославянского языка

в свете балканистики» (1963 г.). Синтаксическим проблемам посвящен и упоминавшийся выше сборник «Исследования по синтаксису старославянского языка» (под редакцией Й. Курца), изданный в 1963 г. Чехословацкой Академией наук к V Международному съезду славистов[1].

Исследования чехословацких славистов в значительной мере опираются на материал словаря старославянского языка, который является грандиозным предприятием Славянского института Чехословацкой Академии наук, осуществляемым с 1943 г. в Праге и в Брно. Для словаря обследовано 83 памятника XI—XVI вв.; картотека словаря, представляющая богатейшую коллекцию не только лексического, но и грамматического материала, насчитывает свыше миллиона карточек. «Slovník jazyka staroslověnského» («Словарь старославянского языка») начал выходить в Праге под редакцией Й. Курца с 1958 г. и сразу же получил высокую оценку международной славистической общественности.

Инициатива чехословацких ученых по созданию словаря старославянских памятников нашла широкую поддержку в славистических центрах разных стран. В 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве в докладе Й. Курца был поставлен вопрос о расширении этой работы. В 1961 г. при Международном комитете славистов была учреждена специальная Комиссия по составлению словаря общеславянского литературного (церковнославянского) языка; такой словарь, по мнению многих лингвистов, мог бы явиться естественным продолжением чехословацкого Словаря старославянского языка, используя его положительный опыт. В своей работе по организации материала Комиссия по составлению словаря церковнославянского языка, председателем которой является Й. Курц, опирается на деятельность национальных славистических центров Чехословакии, СССР, Болгарии, Югославии, Польши, Румынии.

Активное участие в разработке вопросов старославянского и церковнославянского языков принимают ученые Болгарии, где начата работа над историческим словарем болгарского языка. В этот словарь, по замыслу его составителей, должна войти и лексика старославянских текстов болгаро-македонского извода.

---

[1] О новейших зарубежных исследованиях по старославянскому языку (до начала 60-х годов) см. в обзоре Й. Курца «Palaeoslovenica, I» („Slavia", т. XXXI, вып. 1, 1962).

В Югославии центром изучения старославянского языка стал организованный в 1950 г. Старославянский институт им. С. Ритига в Загребе (столице Хорватии), который, в частности, поставил перед собой задачу составления словаря хорватских глаголических текстов. Коллектив Старославянского института под руководством Й. Хамма и В. Штефанича в своей лексикографической работе опирается на опыт Славянского института Чехословацкой Академии наук.

Под влиянием Старославянского института интерес к словарной работе распространился и на другие научные центры Югославии. В 1962 г. в Белграде официально оформилась национальная комиссия Словаря церковнославянского языка под руководством П. Джорджича; активная работа над словарем в 1963 г. началась в Институте македонского языка в Скопле.

Наконец, необходимо отметить активное участие в международной славистической деятельности румынских славистов. Интерес к славистическим исследованиям в Румынии связан с тем, что в средневековье в румынских княжествах (Валахии, Молдавии, Трансильвании) вплоть до начала XVI в. языком церкви и культуры был церковнославянский (первый документ на румынском языке датируется 1521 г.). Румынские лингвисты (И. Богдан, Д. П. Богдан, М. Кастэкеску, Г. Михаилэ, А. Элиан и др.) всегда уделяли много внимания публикации и изучению языка славяно-румынских текстов. В начале 60-х годов Ассоциация славистов Румынии начала работу по подготовке материалов для Словаря славяно-румынских рукописей.

Работа над Старославянским словарем и Словарем церковнославянских памятников, помимо большого научного значения, играет важную роль в объединении усилий славистов разных стран, позволяет им совместно решать важнейшие проблемы славяноведения, что подчас не под силу национальным коллективам отдельных стран.

Дополнительная литература к § 36—45

С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904.

П. С. Кузнецов. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.

«Развитие советского языкознания за 50 лет. 1917—1967». М., 1967.

И. В. Ягич. Рассуждение старины о церковнославянском языке. 1885.

И. В. Ягич. История славянской филологии. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 1. СПб., 1910.

Фонетика

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

§ 46. Древнейшие славянские переводы, выполненные во второй половине IX в. Константином (Кириллом) и Мефодием и их ближайшими учениками, до нас не дошли. Однако сравнительное изучение написаний, встречающихся в известных нам памятниках X—XI вв., переписанных с текстов более ранних, дает возможность достаточно точно восстановить фонетическую систему того славянского диалекта, который был положен в основу первых переводов, или систему «классического» старославянского языка (см. § 1).

Под звуковой системой старославянского языка понимается система звуков, характеризовавшая язык славянских переводов второй половины IX в. и восстанавливаемая на основании показаний более поздних старославянских памятников письменности.

§ 47. В старославянской системе гласных звуков можно выделить следующие фонемы[1]: [и] **(и, і)**, [ы] **(ъı, ъи)**, [у] **(оу, ю)**, [е] **(є, ѥ)**, [о] **(о, ѡ)**, [а] **(а, ꙗ)**, [ě] **(ѣ)**, [ь] **(ь)**, [ъ] **(ъ)**, [ę] **(ѧ, ѩ)**, [ǫ] **(ѫ, ѭ)**.

Таким образом, система гласных включала 11 фонем, которые по особенностям артикуляции можно систематизировать следующим образом[2]:

Подъем \ Ряд		Передний	Средний	Задний	
				Нелабиализованные	Лабиализованные
Верхний		[и]	[ы]		[у]
Средний	носовые	[ę][3]			[ǫ][3]
	ротовые	[е] [ь]		[ъ]	[о]
Нижний		[ě]		[а]	

§ 48. Гласные фонемы старославянского языка различались не только по образованию (по качеству), но и по продолжительности звучания (в количественном отношении). По этому признаку можно выделить три группы гласных фонем:

1) долгие гласные: [и], [ы], [у], [ę], [ǫ], [ě], [а];
2) краткие гласные: [е], [о];
3) редуцированные (сверхкраткие) гласные: [ь], [ъ][4].

---

[1] В круглых скобках указываются буквы, которыми соответствующие фонемы изображались в кириллице.

[2] О принципах классификации гласных звуков см.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, § 31 (стр. 177—184).

[3] Старославянскому [ę] в русском языке в основах слов соответствует ['а], а в соответствии с [ǫ], ['ǫ] произносится [у], ['у].

[4] Гласные [ь] и [ъ] в старославянском языке являлись самостоятельными фонемами, т. е. могли произноситься в любой фонетической позиции и при этом выполняли функцию звуков-словоразличителей. Так, слова **сънъ, санъ,**

В старославянском языке длительность (квантитативная характеристика) гласного в принципе не зависела от положения звука в слове, а была таким же постоянным признаком гласной фонемы, как ряд или подъем. Это значит, что, например, гласный [а] произносился как долгий независимо от фонетической позиции — и под ударением, и в предударенных, и в заударенных слогах, а гласный [о] во всех возможных фонетических позициях произносился кратко. Например, в слове **рода** (род. п. существительного **родъ**) находившийся под ударением в первом слоге [о] произносился кратко, а заударенный [а] произносился как долгий гласный (т. е. [р̆од̄а]). Точно так же произносились эти гласные и в слове **садомь** [са̄до̆м·ь] (твор. п. существительного **садъ**), хотя здесь уже под ударением был [а], а в заударенной позиции — [о].

ПОЗИЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ

§ 49. В старославянском языке гласные звуки в меньшей степени изменялись в зависимости от фонетической позиции, чем в современном русском языке. Все же такие изменения происходили. Они обусловливались как положением гласного по отношению к соседним согласным, так и положением отдельных гласных (редуцированных) по отношению к ударению.

Можно, в частности, полагать, что гласные заднего ряда [у], [ǫ], [а] в положении после мягких согласных произносились как гласные среднего ряда [у̇], [ǫ̇], [а̇] (знаком [˙] обозначается более переднее образование гласного); а в положении между мягкими согласными те же фонемы, возможно, произносились как еще более передние гласные [ӱ], [ǫ̈], [ä]. Например, в слове **югъ** корневой гласный мог произноситься как гласный среднего ряда: [ју̇гъ]; в слове **чаша** в положении между шипящими, которые в старославянском языке были мягкими, в первом слоге произносился гласный переднего ряда: [ч’äш’а̇].

Такие позиционные изменения гласных на письме обычно не отражались.

сънъ («сон») различались тем, что в корнях этих слов произносились разные гласные фонемы — [ы], [а], [ъ], находившиеся в одной и той же фонетической позиции (под ударением). Слова **горъка** и **горька** различались гласными в суффиксах — [ъ] и [ь]; при этом **ь** в слове **горька** не обозначал мягкости предшествующего согласного, а служил только знаком гласного звука [ь].

Редуцированные *й* и *ы̆*

§ 50. Наибольшим позиционным изменениям подвергались **редуцированные гласные**. Эти изменения были настолько значительными, что получили отражение на письме.

Редуцированные гласные среднего подъема [ь] и [ъ] под влиянием соседнего средненёбного согласного [j] и перед гласным верхнего подъема [и] в результате аккомодации (приспособления) стали произноситься как гласные **верхнего подъема** и, таким образом, по звучанию (по качеству) совпали соответственно с гласными верхнего подъема *и* и *ы*, оставаясь при этом редуцированными. Так в определенных фонетических позициях в старославянском языке появились редуцированные гласные [й] и [ы̆], которые, в отличие от [ь] и [ъ], не являлись самостоятельными фонемами, а представляли позиционные разновидности фонем [ь] и [ъ].

Для обозначения редуцированных [й] и [ы̆] (или, как их часто называют, **напряжённых редуцированных**) в старославянской письменности обычно использовались те же буквы **и** (или **і**) и **ꙑ** (или **ъи**), которые обозначали и соответствующие долгие гласные фонемы [и], [ы].

Из сказанного очевидно, что буквы **и(і)**, **ꙑ(ъи)** обозначают долгие гласные [и] и [ы] в положении не перед *j* или *и*. Напротив, в тех случаях, когда теми же буквами обозначаются гласные, звучавшие в положении перед *j* и *и*, эти гласные, как правило, были редуцированными.

Например, в словах **имѣниѥ, свиниѭ** (вин. п.), **биѥтъ** и под. буквой **и** обозначены гласные, произносившиеся перед **м** и **н**, и гласные, произносившиеся перед *j;* последние были редуцированными: [им·ен·йjе], [св·ин·йjǫ], [б·йjетъ] (русск. *именье, свинью, бьёт*). В словах **рꙑѭ, хꙑтрꙑи** и под. буквой **ꙑ** обозначается долгий гласный, звучавший перед **т** (в слове **хꙑтрꙑи**), и редуцированные гласные, произносившиеся перед *j* и *и:* [ры̆jǫ], [хытры̆й] (русск. *рою, хитрый*).

Изменение *ь* и *ъ* в *й* или *ы̆* могло происходить не только в середине слова, но и в конце слов, если следующее слово начиналось с *j* или *и*. В этом случае позиционно развившийся напряженный редуцированный также обозначался на письме буквой **и** или **ꙑ**. Так, в Мариинском евангелии читаем: **въдастꙑ и** («отдал его») — вместо **въдастъ и** (т. е. [въдастъй > въдасты̆й]); ана-

логично: **поставитъı и, видѣлъı и еси** и т. д. вместо **поставитъ и, видѣлъ и еси**; в сборнике Клоца: **прѣдамı и** («я предам его») вместо **прѣдамь и.**

§ 51. Редуцированный гласный *й* произносился в старославянском языке также на месте сочетания **jь*, появлявшегося на стыке двух морфем. Редуцированный *й* такого происхождения можно отметить в следующих случаях:

а) в конце форм именительного-винительного падежа единственного числа существительных, местоимений и полных прилагательных мужского рода: **краи** [край] < **krajь*, где *kraj-* основа существительного, а *-ь* — окончание именительного падежа единственного числа мужского рода (ср. **кон-ь, врач-ь**); **мои** [мой] < **mojь*, где *moj-* основа, *-ь* — окончание (ср. **наш-ь, ваш-ь**); **новъıи** [новы̆й] < < **novъjь*, где *-jь* является формой именительного-винительного падежа единственного числа мужского рода указательного местоимения, в котором *j-* основа (ср. [j-его], [j-ему] и т. д.], а *-ь* — окончание (то же, что в **наш-ь**);

б) в окончании родительного падежа множественного числа существительных: **свинии** [св·ин·йй] < **svinьjь*, где *svinьj-* основа, а *-ь* — окончание (ср. **боур-ь, землл-ь**); **имѣнии** [им·ён·йй] < *iměnьjь*, где *iměnьj-* основа, *-ь* — окончание родительного падежа множественного числа (ср. **пол-ь, мор-ь**) и т. д.;

в) в суффиксе сравнительной степени прилагательных: **новѣи** [нов·ей] < **novějь*, **новѣиши** [нов·ейш'и] < **novějьši* и т. д.

Редуцированный *й* < **jь* встречается также в ряде других образований на стыке двух морфем, если предшествующая морфема оканчивалась [*j*], а последующая начиналась [*ь*]. Например, *й* находим в образовании **достоинъ** [достойнъ], являющемся прилагательным с корнем *-стоj-* (ср. **стояти**) и суффиксом [-ьн-] (ср. **вѣчьнъ, вѣрьнъ, сильнъ** и т. д.). Оказавшись в этом образовании рядом, [*j*] и [ь] слились в редуцированный *й*: **dostojьnъ* > [достойнъ].

Сильное и слабое положение редуцированных

§ 52. Редуцированные принято противопоставлять остальным гласным, долгим и кратким, которые обычно называют гласными п о л н о г о   о б р а з о в а н и я. Это противопоставление связано, в частности, с тем, что длительность звучания гласных полного

образования в старославянском языке, как указывалось (см. § 48), не зависела от их положения в слове; напротив, длительность звучания редуцированных гласных в различных фонетических позициях не была одинаковой.

В одних фонетических позициях редуцированные гласные произносились менее четко; такие фонетические позиции принято называть **слабым положением редуцированных**. В других фонетических позициях редуцированные гласные произносились более ясно; такие фонетические позиции принято называть **сильным положением редуцированных**.

§ 53. **В слабом положении редуцированные** гласные были в следующих случаях:

1) В абсолютном конце неодносложного слова:

сынъ — в слове два гласных (**ы** и **ъ**), следовательно два слога; во втором слоге **-нъ** редуцированный гласный в слабом положении, так как находится в абсолютном конце неодносложного слова; **власть** — во втором слоге **-сть** редуцированный в слабом положении, так как в абсолютном конце неодносложного слова; **краи** ([край] — с редуцированным *й* (см. § 51) — во втором слоге редуцированный *й* в слабом положении, так как в конце неодносложного слова.

2) В безударенном положении перед слогом с гласным полного образования:

дъва — в первом слоге **дъ-** редуцированный гласный в слабом положении, так как находится перед слогом с гласным полного образования *а* и на него не падает ударение; **събьралъ** — в слоге **-бь-** редуцированный в слабом положении, так как перед слогом с гласным полного образования *а* и на него не падает ударение; **въ домоу** — в предлоге редуцированный гласный в слабом положении, так как он находится перед слогом с гласным полного образования *о* и на него не падает ударение; **житиѥ** — в слоге **-ти-** редуцированный *й* (см. § 50) в слабом положении, так как он перед слогом с гласным полного образования *е* и на него не падает ударение.

3) В безударенном положении перед слогом с редуцированным гласным в сильном положении:

въздъхъ (русск. *вздох*) — в первом слоге **въ-** редуцированный гласный в слабом положении, так как он перед слогом с редуци-

рованным гласным в сильном положении (см. § 54) и на него не падает ударение; **вѣрьнъи** — в слоге **-рь-** редуцированный в слабом положении, так как находится перед слогом с редуцированным в сильном положении (см. § 54) и на него не падает ударение.

§ 54. В сильном положении редуцированные гласные были в следующих случаях:

1) В положении под ударением:

шьпътъ (русск. *шепот*) — в первом слоге **шь-** редуцированный в сильном положении, так как на него падает ударение; **тъ** («тот») — ударение падает на редуцированный гласный, который и находится в сильном положении; **подърыетъ** (русск. *подроет*) — ударение падает на редуцированный *ы̆* (ср. § 50), поэтому он в сильном положении.

2) Независимо от ударения в положении перед слогом с редуцированным гласным в слабом положении:

шьпътъ — во втором слоге **-пъ-** безударенный редуцированный гласный в сильном положении, так как он находится перед слогом с редуцированным в слабом положении (см. § 53, 1); **къ мънѣ** (русск. *ко мне*) — в предлоге редуцированный в сильном положении, так как перед слогом с редуцированным гласным в слабом положении; **вѣрьнъи** — в слоге **-нъи-** редуцированный *ы̆* (см. § 50) в сильном положении, так как он находится перед слогом со слабым редуцированным *й* (см. § 53).

Падение редуцированных

§ 55. Дошедшие до нас старославянские памятники XI в. отражают изменения, которые произошли с редуцированными гласными в живой речи славянских писцов. Изменения эти связаны с усилением различий в произношении слабых и сильных редуцированных.

В слабом положении редуцированные гласные к XI в. совсем перестали произноситься. Так, вместо **сынъ** [сынъ] в XI в. начинают произносить [сын], вместо **горъка** [горъка] начинают произносить [горка], вместо **къто** [къто] > [кто], вместо **чьто** [ч'ьто] > [ч'то], вместо **имѣние** [им·ѐн·йје] > [им·ѐн·је].

Редуцированные гласные, находившиеся в сильном положении, к XI в. совпали с гласными полного образования (прояснились в гласные полного образования). При этом [ь] > [е],

а [ъ] > [о]: **тєльць** [т·ел·ьц'ь] > [т·ел·ец'], где после [л·] на месте сильного [ь] (перед слогом с конечным слабым редуцированным) в XI в. начинает произноситься [е]; **крѣпъкъ** [кр·ӗпъкъ] > [кр·ӗпок], где после [п] на месте сильного [ъ] начинает произноситься [о]; **шьпътъ** [ш'ьпътъ] > [ш'епот], где на месте [ь] в сильном положении (под ударением) в XI в. произносится [е], а на месте [ъ] в сильном положении (перед слогом со слабым редуцированным) произносится [о].

Редуцированные *й* и *ы̆* в сильном положении совпали с соответствующими гласными полного образования: **новъи** [новы̆й] в XI в. начинает произноситься [новыи̯], где на месте сильного редуцированного *ы̆* звучит гласный полного сбразования [ы]; **свинии** [св·ин·йй] (род. п. мн. ч.) начинает произноситься [св·ин·ии̯] — с гласным полного образования [и] в слоге **-ни-**, где когда-то был редуцированный *й* в сильном положении.

В некоторых старославянских памятниках на месте сильных редуцированных *й* и *ы̆* находим гласные полного образования [е] и [о], как на месте сильных [ь] и [ъ]. Так, в Мариинском евангелии читаем: **господеи** (вм. **господии**), **болеи** (вм. **болии**), **нарицаемои** (вм. **нарицаемъи**) и т. д. Объясняется это, видимо, тем, что еще до падения редуцированных в этих формах в результате грамматической аналогии стали произносить *ь* и *ъ* вместо *й* и *ы̆*: **господьи** [господ·ьй] — под влиянием **господь**, **больи**, [бол·ьй] — под влиянием **боль**, **нарицаемъи** [нар·иц'ajемъй] — под влиянием **нарицаемъ** и т. д. В XI в. в этих формах *ь* проясняется в [е], а *ъ* — в [о], как и во всех других случаях.

§ 56. Падение редуцированных, т. е. исчезновение слабых и прояснение сильных редуцированных в гласные полного образования, было процессом, характеризовавшим живую речь славян. Что же касается старославянской письменности, то ее орфография в основном оставалась традиционной. Это значит, что, произнося [сын], [кто], [т·ел·ец'], [им·ӗн·je] и т. д., писцы XI в. продолжали писать по традиции **сынъ** (а не **сын**), **къто** (а не **кто**), **тельць** (а не **телец**), **имѣнис** (а не **имѣньє**, как мы пишем теперь) и т. д.

Однако в отдельных случаях писцы под влиянием своего живого произношения ошибались в употреблении букв, обозначавших когда-то редуцированные гласные звуки, т. е. писали эти

буквы не там, где они писались в то время, когда служили обозначением редуцированных гласных. Эти ошибки и дают нам возможность утверждать, что в XI в. редуцированных гласных уже не было в живой речи старославянских книжников, работавших в Болгарии и Македонии.

Так, в ряде памятников XI в. можно заметить пропуск букв, обозначавших когда-то слабые редуцированные [ь] или [ъ]. Например, в Зографском евангелии читаем: **много** (вм. **мъного**), **всегда** (вм. **вьсегда**), **вса** (вм. **вьса**), **днысь** (вм. **дьньсь**) и т. д.; в Мариинском евангелии: **птицъ** (вм. **пътиць**), **многъ** (вм. **мъногъ**), **книжникъ** (вм. **кънижьникъ**) и т. д. В Ассеманиевом евангелии пропуск букв **ь** и **ъ** встречается даже в конце слов, где обычно писцы продолжали употреблять эти буквы довольно последовательно, так как нетрудно было усвоить или запомнить, что слово должно оканчиваться не на согласный, а на **ь** или **ъ**; см. в Ассеманиевом евангелии: **вѣровах** (вм. **вѣровахъ**), **плачет** (вм. **плачеть**), **был** (вм. **былъ**) и т. д.

Поскольку в XI в. буквы **ь** и **ъ** уже не обозначали гласных звуков и писались по традиции, то старославянские писцы в это время нередко их смешивают. Например, в Зографском евангелии читаем: **сьде** («здесь») и **съде**,— писец после **с** не произносит никакого звука (о чем говорят указанные выше его же написания **много, вса** и др.), но знает, что должен быть написан значок **ь** или **ъ**; для него уже безразлично, какой из этих значков употребить. К тому же в ряде южнославянских диалектов [ь] и [ъ] еще до падения редуцированных совпали в одном гласном звуке, что приводило к их смешению и в том случае, когда они обозначали редуцированные в сильном положении. В силу указанных причин переписчик Зографского евангелия пишет на разных страницах **дьньсь** и **дънъсь**, **подобьно** и **подобъно** и т. д.; в Мариинском евангелии: **мьздѫ** и **мъздѫ**, **вѣрьни** и **вѣрънꙑ** и т. д., в Ассеманиевом евангелии: **къто** и **кьто**, **правьдѫ** и **правъдѫ**, **пришедъ** и **пришедь** и т. д.; ср. **ъ** на месте сильного [ь] в Енинском апостоле: **дънъ**, **силънъ**, **тъмнаѣ** (вм. **тьмьнаѣ**) и т. п.

Утрата слабого редуцированного *й* в старославянских памятниках письменности отражается в виде замены буквы **и**, некогда обозначавшей слабый редуцированный [й], буквой **ь**, употребляющейся для «отделения» гласного от согласного, так как между ними произносится *j*, перед которым и утратился слабый редуцированный [й].

Например, вместо **костиѭ** [кост·йјǫ] начинают произносить [кост·јǫ] и для «отделения» [ǫ] от [т·] (между ними произносится [ј]) пишут **костьѭ**; вм. **имѣниѥ** пишут **имѣньѥ**, так как стали произносить [им·ен·је], и т. д.

Прояснение сильных редуцированных в гласные полного образования отражается в старославянских памятниках письменности в виде употребления букв **є**, **о** на месте бывших редуцированных в сильном положении. Например, в Зографском евангелии: **цръковь** — вм. **цръкъвь**, так как на месте сильного редуцированного (в старом слоге **-къ-**) уже произносится [о]; в том же Зографском евангелии: **пришедъ** (вм. **пришьдъ**), **сѫуецъ** (вм. **сѫукць**), **бисеръ** (вм. **бисьръ**) и т. д.; в Мариинском евангелии: **вѣренъ** (вм. **вѣрьнъ**), **крѣпокъ** (вм. **крѣпъкъ**), **день** (вм. **дьнь**) и т. д.; в Ассеманиевом евангелии: **конецъ** (вм. **коньць**), **день** (вм. **дьнь**) и т. д.; в Енинском апостоле: **дивенъ** (вм. **дивьнъ**), **дънесъ** и **днесъ** (вм. **дьньсь**) и т. д.

Совокупность всех указанных написаний и дает возможность судить об изменениях, которые произошли с редуцированными гласными к XI в.[1].

ГЛАСНЫЕ В НАЧАЛЕ СЛОВА

§ 57. Не все гласные в старославянском языке могли быть в начале слова.

Обычны в начале слова гласные [о], [ǫ]: **осмь**, **отьць**, **око**, **ѫзъкъ**, **ѫгль**, **ѫтроба** и т. д.

Довольно свободно употреблялся и начальный [а]: **агньць** («ягненок»), **авити** («явить», «явиться»), **агода** («ягода»), **азъ** («я») и т. д. Однако в старославянских памятниках встречаются написания, в которых отражается развитие протетического [ј] перед начальным [а]: **ꙗгньць**, **ꙗвити** и некоторые другие. В ряде славянских языков развитие [ј] перед начальным [а] получило очень широкое распространение (например, в русском языке, кроме союза *а* и междометия *ах*, откуда *ахать*, *ахнуть*, нет слов, которые начинались бы с гласного [*а*] и при этом не были бы заимствованными);

---

[1] Несколько позже эти изменения произошли и в древнерусском языке. Вот почему мы сейчас произносим [кон'], [дом], в то время как в древнерусском языке, как и в старославянском, в конце этих слов звучали редуцированные гласные: [кон'ь], [домъ]; мы говорим [сон], [д'ен'] — с [о] и [е], хотя в древнерусском языке до падения редуцированных в корнях этих слов произносились [ъ] и [ь]: [сънъ], [д·ьн·ь].

однако в старославянском языке случаи с [j] перед начальным [а] сильно ограничены.

В старославянских памятниках письменности употребление буквы ꙗ (в глаголических памятниках ⰡⰡ) в начале слов обусловлено позицией после [и]. Так, например, в Мариинском евангелии **ѣзъ** [jазъ] объясняется соседством **и: въпрошѫ и ѣзъ вы** («спрошу и я вас») (*Мр.*, XI); так же следует объяснять и **ѣште** [jаш͡т'е] (вм. **аште**) в предложениях **и ѣште любите** («и если любите») (*Л.*, VI), **и ѣште идѫ** («и если приду») (*Ин.*, XIV), **ѣбие** [jаб·йjе] (вм. **абиѥ**) в сочетании **и ѣбие** («и тотчас») (*Л.*, V) и т. д.

В ряде слов начальный [j] перед [а] не является протетическим, т. е. фонетически развившимся, а издавна входил в состав основы; в этих случаях [jа] не может противопоставляться начальному [а]. Сюда относятся такие слова, как **ꙗръ, ꙗрость, ꙗма, ꙗже** («которая») и некоторые другие.

Протетический [j] обычен в старославянском языке перед [у]: **югъ, юноша, ютро, юже** и т. п. Однако возможно и начальное [у] (без протетического [j]): **оутро, оуже, оучити** (и производные).

§ 58. Последовательно развивался протетический [j] перед начальными [ę], [ĕ], [е]: **ѩзыкъ, ѩдро** («быстро»), **ѩти** («взять») (но ср. **възѧти** — не в начале слова [j] в том же корне отсутствует) и т. д.; начальный [ĕ] после развившегося перед ним [j] изменился в [а]: **ꙗсти, ꙗдь** (ср. древнерусск. *ѣсти*, совр. русск. *еда*), **ꙗзва** (из **jĕzva*) («рана»), **ꙗдра** («грудь») (ср. не в начале слова — после приставки: **вънѣдра**, русск. *внедрить*, *недра*, где *н* от приставки **вън-**), **ꙗхати** (ср. древнерусск. *ѣхати*, совр. *ехать*). Протетический [j] последовательно развивался и перед кратким [е]: **ѥсмь, ѥзеро, ѥдинъ, ѥлень** и т. д.

Практически в старославянском языке были невозможны слова с начальными [ę], [ĕ], [е]. Лишь в отношении некоторых полузнаменательных слов, по природе своей начальных в предложении, можно предполагать, что они произносились с начальным [е], а не [jе]: **еда** [еда] (но не [jеда]) («если, разве, неужели»), **енъ** [енъ] («да»), **есе** [ес·е] («вот»), **етеръ** [ет·еръ] («некий») (впрочем, возможно и **ѥтеръ** [jет·еръ]). Именно эти слова пишутся с **е**, а не **ѥ** в Супрасльской рукописи и Остромировом евангелии — памятниках, довольно последовательно различающих буквы **е** и **ѥ** для обозначения [е] и [jе]. В других памятниках старославянской письменности

употребление буквы **є** в начале слов не показательно, так как нередко она используется и для обозначения [je]. Тем более это относится к памятникам глаголическим, в которых вообще не было специальной буквы для обозначения [je], поэтому написания **єго**, **єдинъ** и т. п. в них следует читать как [jего], [jед·инъ] и т. д.

§ 59. Совершенно были невозможны в начале слова гласные [ь], [ъ], [ы].

П е р е д [ь] в н а ч а л е с л о в а р а з в и в а л с я п р о т е т и ч е с к и й [j], при этом начальное [jь] > [и]; в середине слов (после согласных) [ь] в тех же морфемах сохраняется: **имѫ** (из **jьmǫ*), но **възьмѫ** (русск. *возьму*), где после **з** сохраняется **ь**; см. также: **игрь** (из **jьgrь*) («игра»), **игълинъ** («игольный») (от **jьgъla*) и т. д.

Полагают, что протетический [j] развивался и перед [и] любого происхождения, т. е. **ити** («идти») произносили [jит·и], **илъ** («ил глина») произносили [jилъ] и т. д. Но, близкие по образованию [jи-] слились в один гласный [и-], как это произошло и в тех случаях, где начальный [j] перед [и] не был протетически развившимся, например в формах **имъ**, **ихъ** и т. д. — из **jimъ*, **jiхъ*, где [j-] — основа местоимения (ср. [j-его], [j-ему] и т. д.).

П е р е д г л а с н ы м и [ъ] и [ы] в с т а р о с л а в я н с к о м я з ы к е п р о и з н о с и л с я п р о т е т и ч е с к и й [в] (из **u̯*): **въпль**, но ср. после согласного в том же корне: **възъпити** («завопить, закричать»), **вън-** (приставка, обозначающая движение внутрь; но ср. в той же морфеме отсутствие [в], не развившегося перед гласным, образовавшимся из **ъn:* **ѫтрь** («внутри»), где [ǫ] < **ъn* до развития перед *ъ* протетического *в*); **выкнѫти** («учиться») (но ср. в том же корне при чередовании гласных [ы] // [у]: **наоука** [на-ук-а], **оучити**), **выдра**, **высокъ** и т. д.

Во всех рассмотренных случаях перед гласными в начале слов развивались неслоговые гласные **i̯* и **u̯*, которые затем и изменялись в согласные: **i̯* > [j], **u̯* > [в].

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

§ 60. Система согласных звуков «классического» старославянского языка (см. § 1) была представлена следующими ф о н е м а м и[1]:

---

[1] Как и в § 47, в круглых скобках указываются б у к в ы, которыми соответствующие фонемы изображались в кириллице; буквы для обозначения [j] в кириллице не было.

[б] (б), [п] (п), [в] (в), [м] (м), [д] (д), [т] (т), [з] (з), [с] (с), [с'] (с, с'), [л] (л), [л'] (л, л'), [н] (н), [н'] (н, н'), [р] (р), [р'] (р, р'), [д͡'з'] (ѕ, ʒ), [ц'] (ц), [ч'] (ч), [ж'] (ж), [ш'] (ш), [ж͡'д'] (жд), [ш͡'т'] (шт, щ), [j], [г] (г), [к] (к), [х] (χ); в греческих словах встречались также согласные [ф] (ф, ѳ), [г'](г', в глаголице буква «гервь», передаваемая при перепечатке глаголических памятников кириллицей знаком ђ), а также [к'] и [х'][1].

§ 61. В старославянском языке сонорными были [м], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р']; первые три ([м], [н], [н']) были носовыми, остальные — ротовыми. Ротовые сонорные ([л], [л'], [р], [р']) являются наиболее звучными согласными; именно они в старославянском языке могли быть слоговыми. Эти согласные принято называть плавными.

Все остальные согласные являются шумными.

§ 62. Согласные принято классифицировать по способу образования, т. е. в зависимости от того, каким образом (каким способом) воздушная струя преодолевает воздвигнутую на ее пути преграду. В старославянском языке шумные согласные по способу образования могут быть выделены в следующие группы:

1) фрикативные: [в], [з], [с], [с'], [ж'], [ш'], [х], [j]; кроме того, в словах, заимствованных из греческого, встречается также фрикативный согласный [ф] (см. § 30, 60);

2) взрывные (смычно-взрывные): [б], [п], [д], [т], [г], [к];

3) аффрикаты (или смычно-проходные, которые соединяют взрыв и фрикацию): [ч'], [ц'], [д͡'з'] (эта аффриката позднее изменилась в [з']); в период, предшествовавший появлению письменности, в славянских языках была также аффриката [д͡'ж'], на месте которой в старославянском языке находим фрикативный [ж'];

4) сложные, которые соединяли фрикацию и взрыв: [ж͡'д'], [ш͡'т'].

---

[1] Об артикуляционных отличиях согласных звуков от гласных и о принципах их классификации см.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, § 29, стр. 165—168.

§ 63. Все согласные по *участию голоса* делятся на звонкие и глухие. В старославянском языке все сонорные согласные были звонкими. Шумные согласные могли быть как звонкими, так и глухими: они образуют соответственные пары:

звонкие	[б]	[в]	[д]	[з]	[з’]	[д͡з’]	[ж’]	([д͡ж’])	[ж͡д’]	[j]	[г]	—
глухие	[п]	([ф])	[т]	[с]	[с’]	[ц’]	[ш’]	[ч’]	[ш͡т’]	—	[к]	[х]

Как указывалось, звук [ф] не был свойствен фонетической системе славянских языков и встречается только в заимствованных (греческих) словах; звонкая аффриката [д͡ж’] славянскими языками (в том числе и старославянским) была очень рано утрачена: в эпоху древнейших старославянских памятников на ее месте уже находим [ж’]. Фонема [j] не имела соответственной глухой пары, а фонема [х] — соответственной звонкой пары. Звонкий [з’] появился позднее на месте [д͡з’].

§ 64. В зависимости от того, *где*, какими *органами речи* образуется преграда на пути воздушной струи, согласные классифицируются *по месту образования*.

По активному органу речи согласные принято делить на *губные* и *язычные*.

Губными в старославянском языке были согласные [м], [б], [п], [в], причем первые три, несомненно, были *губно-губными* (или *билабиальными*). Что касается согласного [в], который произошел из неслогового *u̯ и, следовательно, первоначально также был билабиальным, то возможно, что в произношении ряда старославянских книжников он уже был губно-зубным. *Губно-зубным* был согласный [ф], который, как указывалось, произносился лишь в заимствованных словах.

Все остальные согласные были *язычными*, т. е. образовывались в результате сближения передней (*переднеязычные*), *средней* (*среднеязычные*) или *задней* (*заднеязычные*) части языка с зубами или нёбом.

Система согласных фонем старославянского языка может быть представлена в целом следующим образом:

Место образования / Способ образования		Губные	Язычные					Акустическая характеристика
			Переднеязычные			Среднеязычные средненёбные	Заднеязычные задненёбные	
			Зубные	Нёбно-зубные	Передненёбные			
Фрикативные		[в] ([ф])	[з] [с]	[з’] [с’]	[ж’] [ш’]	[j]	[х]	Шумные
Смычные	Взрывные	[б] [п]	[д] [т]				[г] [к]	Шумные
Смычные	Аффрикаты			[д͡’з’] [ц’]	([д͡’ж’]) [ч’]			Шумные
Смычные	Сложные				[ж͡’д’] [ш͡’т’]			Шумные
Смычные	Носовые	[м]	[н]		[н’]			Сонорные
Смычные	Боковые		[л]		[л’]			Сонорные
Смычные	Дрожащие				[р] [р’]			Сонорные

Позиционные изменения согласных

§ 65. В системе согласных фонем старославянского языка, в отличие от системы согласных русского языка, очень слабо представлены твердые и мягкие пары согласных. В подавляющем большинстве случаев согласные в старославянском языке были либо твердыми ([в], [б], [п], [м], [д], [т], [г], [к], [х]), либо мягкими ([ж’], [ш’], [д͡’з’], позднее [з’], [ц’], [ч’], [ж͡’д’], [ш͡’т’], [j]); при этом после мягких согласных в старославянском языке были невозможны гласные [о], [ъ], [ы], а [ě] употреблялся лишь после мягких [д͡’з’], [ц’] и [с’].

Лишь немногие согласные могли быть как твердыми, так и мягкими: [н] — [н'], [л] — [л'], [р] — [р'], а также [с] — [с'] и [з]—[з'] (развившийся на месте [д'з']). Однако и в этом случае твердые и мягкие согласные не образовывали соотносительных пар: те и другие характеризовали разные слова и даже разные морфемы и не соотносились друг с другом в формах одного слова; если в той или иной морфеме согласный [с], [з], [н] и т. д. был твердым, то он ни в каких фонетических позициях не произносился мягко. Иными словами, мягкость старославянских палатальных согласных функционально не обусловливалась фонетической позицией, а была их постоянным качеством.

Что касается твердых согласных, то они могли по-разному произноситься в зависимости от фонетической позиции. В частности, условием, которое влияло на произношение твердых согласных фонем, было положение перед гласными переднего или непереднего ряда. Перед непередними гласными согласные [б], [п], [в], [м], [д], [т], [з], [с], [н], [л], [р], [г], [к], [х] произносились твердо; перед гласными переднего ряда твердые согласные фонемы (кроме задненёбных) произносились полумягко. Так, например, **бити, пьнь, видѣти, синии** и т. д. произносились в старославянском языке: [б·ит·и], [п·ьн·ь], [в·ид·ěт·и], [с·ин·ий] — с полумягкими [б·], [т·], [п·], [н·], [в·], [д·], [с·] в положении перед гласными переднего ряда [и], [ь], [ě].

Особое место в системе твердых согласных в старославянском языке занимали задненёбные [г], [к] и [х], которые в славянских по происхождению словах никогда не произносились перед гласными переднего ряда, следовательно, не могли быть даже полумягкими. Перед гласными переднего ряда задненёбные произносились лишь в греческих словах, при этом, видимо, мягко, т. е. как согласные средненёбные: **кѵпарисъ** [к'ипар·исъ], **кесарь** [к'есар'ь], **ангелъ** [анг'елъ], **хѵтонъ** [х'итонъ] и т. п. В глаголице для обозначения мягкого [г'], произносившегося в заимствованных из греческого словах, существовала, как отмечалось выше, даже специальная буква.

§ 66. Другим позиционным изменением согласных в старославянском языке была ассимиляция некоторых шумных согласных под влиянием последующего шумного. Так, согласный [з], если он оказывался перед глухим согласным, ассимилируясь, изменялся

в [с]. Обычно это можно наблюдать в приставках **из-**, **раз-**, **без-** и под.: **исходити** (ср. **изити** — перед гласным оглушения не происходит), **растоучити** (ср. **разбоиникъ**), **бесплътьнъ** (ср. **безвѣстьнъ**) и т. д.

Конечный согласный тех же приставок в положении перед последующим [з], [с], [ж'], [ш'] или [ц'] подвергался ассимиляции по месту образования и сливался с начальным согласным корня: **безаконик** (вм. ожидаемого ***беззаконик**), **исъхнѫти** (вм. ожидаемого ***иссъхнѫти**), **бежизньнъ** (вм. ***безжизньнъ**), **ишьдъ** (вм. ***исшьдъ**), **ицѣли** (вм. ***исцѣли**, что, впрочем, иногда встречается в старославянских памятниках письменности). То же происходило и при соединении предлога со знаменательным словом: **бестраха** (т. е. **бес страха**), **исънъмишта** (т. е. **ис сънъмишта** [= «из собрания»]) и т. д.

Позднейшие изменения согласных

§ 67. В памятниках старославянской письменности конца X — XI вв. отражаются изменения, произошедшие в произношении шипящих согласных. Одним из таких изменений является о т в е р д е н и е   ш и п я щ и х, в связи с чем на письме после букв, обозначавших отвердевшие шипящие, начинают писать нейотованные буквы **а**, **оу**, а также **ъ** (вм. **ь**). Например, в Мариинском евангелии: **и недѫша**, **можааше**, **въходѧшта**, **сѫштоу**, **вълѣзъшоу**, **отъроучьна**, **пришъдъ**, **недѫжънънѧ**, **лежаштъ**, **даждъ**, **оугождъши** и т. д. Такие написания в памятниках XI в. регулярны.

Впрочем, А. М. Селищев высказал предположение, что такие написания могли появиться и до отвердения шипящих как отражение «диспалатализации» гласных, т. е. продвижения гласных назад после сильно смягченных согласных, какими первоначально были шипящие. Это мнение основано на том, что в тех же памятниках (например, в том же Мариинском евангелии) встречаем написания с буквой **ю**: **шюица** [= «левая рука»], **сънъмиштю**, **междю** и т. д. Однако такие написания могут быть и традиционными, отражающими правописание кирилло-мефодиевского периода, когда шипящие были еще мягкими (не надо забывать, что позднейшие памятники переписаны с памятников более ранних).

В старославянских памятниках письменности XI в. отражается также и з м е н е н и е   а ф ф р и к а т ы [д͡з'] > [з'] с   п о с л е д у ю щ и м   о т в е р д е н и е м [з'] > [з]. Об этом можно судить на осно-

вании смешения букв ꙁ (обозначавшей [з]) и ѕ (первоначально служившей для обозначения аффрикаты [д͡з'] и в дошедших до нас памятниках X в., например в Киевских листках, употребляющейся только там, где была эта аффриката), позволяющего предполагать, что звуковое значение этих букв совпало. Например, в Зографском евангелии: **польза** (вм. **польѕа** или даже **польѕꙗ**), **пѣнѧзь** (вм. **пѣнѧѕь**), **стьзѧ** (вм. **стьѕѧ**), **мнози** (вм. **мъноѕи**) и т. д.; в Мариинском евангелии: **кънѧзи** (вм. **кънѧѕи**), **врази** (вм. **враѕи**), **мьнозѣхъ** (вм. **мъноѕѣхъ**) и т. д.

§ 68. Очень широко отражается в старославянских памятниках письменности XI в. у п р о щ е н и е н е н а ч а л ь н ы х с о ч е т а н и й [бл'], [пл'], [вл'] [мл'], происходившее в ряде южнославянских говоров. Изменение этих сочетаний связано с ослаблением артикуляции [л'] в положении после губного согласного, в результате чего на месте [л'] появляется [j], который впоследствии утрачивается: [бл'] > [б'j] > [б'], [пл'] > [п'j] > [п'] и т. д. Появление [j] на месте [л'] после губных (так называемого „l-epentheticum" — «вставочного *л*») отражается в написаниях **бь**, **пь**, **мь**, **вь** перед гласными; например, в Саввиной книге: **земьꙗ** (вм. **землꙗ**), т. е. [з·ем'ja < з·емл'а]; в Супрасльской рукописи: **дивьꙗхѫсѧ** (вм. **дивлꙗхѫсѧ**), **любьꙗше** (вм. **люблꙗше**), **томьѥниѥ** (вм. **томлѥниѥ**), **капьѭ** (вм. **каплѭ**) и т. д. В большинстве дошедших до нас памятников старославянской письменности **ь** после **б**, **п**, **м**, **в** отсутствует, что, видимо, отражает исчезновение [j] после губных. Например, в Мариинском евангелии читаем: **ослабенъıѩ** (вм. **ослабленъıѩ**); в Зографском евангелии: **престав'ѥньѥ** (вм. **представлѥниѥ**); в Ассеманиевом евангелии: **въ кораби** (вм. **корабли**) и т. д.

§ 69. Некоторые позднейшие изменения согласных связаны с падением редуцированных гласных.

Одним из последствий падения редуцированных было р е г р е с с и в н о е с м я г ч е н и е с о г л а с н ы х, что отражается на письме в постановке буквы **ь** после бывшего твердого согласного. Например, в Зографском евангелии, наряду с пропуском букв **ъ** и **ь** (см. § 56), находим: **вьнѣ**; до падения редуцированных было **вънѣ** [вън·ě], после падения редуцированных — [вн·ě]; оказавшись перед [н·], согласный [в] подвергся ассимиляции — стали произносить в·н·ě], что и побудило писца написать после **в** букву **ь**. По той

же причине в памятниках XI в. пишут: **вьзиде** (вм. **възиде**), **сь нимь** (вм. **съ нимь**).

Оказавшиеся после утраты слабых редуцированных рядом два одинаковых согласных сливаются в один; например, в Синайской псалтыри: **подъ ꙗзъікомоимъ**, т. е. **ꙗзъіком моимъ** (вм. **ꙗзъікомь моимь** — конечный слабый редуцированный утратился), **поклонітіса**, т. е. **поклонит ти са** (вм. **поклонитъ ти са**) и т. п.

Реже отражаются в старославянских памятниках письменности другие изменения согласных звуков, происшедшие в XI в.

СТРОЕНИЕ СЛОГА

§ 70. Одной из характерных особенностей старославянского языка является однотипность в построении слогов: в с е с л о г и с т р о и л и с ь п о п р и н ц и п у в о з р а с т а ю щ е й (или в о с х о д я щ е й) з в у ч н о с т и.

Н а и б о л е е з в у ч н ы м и являются г л а с н ы е звуки. Напряженные неслоговые гласные ([и̯], [у̯]) менее звучны, чем соответствующие слоговые. И з с о г л а с н ы х з в у к о в наиболее звучными являются сонорные, среди которых выделяются п л а в н ы е ([р] — [р'], [л] — [л']) — самые звучные из всех согласных; при определенных условиях плавные сонорные в старославянском языке могли быть слогообразующими.

Носовые сонорные менее звучны, чем плавные, поэтому в старославянском языке они обычны в положении перед последними (например: **нравъ, мрѣти, землꙗ** и т. д.).

Неслоговые гласные практически равны по звучности сонорным. Поэтому в старославянском языке [в] < **u̯* оказывается возможным перед плавными (как любой другой согласный: **врата, ловлѭ** и т. п.) и вместе с тем, как и сонорный, может находиться после любого шумного согласного перед гласным (**творити, сквозѣ** и т. п.).

В современном русском литературном языке происхождение [в] из неслогового гласного отражается в том, что глухие согласные перед [в], как и перед гласными и сонорными согласными, не озвончаются; ср.: [з·б'ит'], [з'д'е́лът'], но [свʌл'и́т'], как [сруб'и́т'] (а не «[звʌл'и́т']»).

М е н е е з в у ч н ы м и являются все остальные, ш у м н ы е согласные, причем звонкие согласные, естественно, являются более звучными, чем глухие. Но и различные по способу образования

звонкие или глухие шумные согласные, в свою очередь, неодинаковы по звучности: смычные согласные оказываются более звучными, чем фрикативные.

Замечательно, что славянские языки того периода, когда тенденция к построению слогов по принципу возрастающей звучности была актуальной (в частности, старославянский язык), очень чувствительны к малейшим различиям звуков речи по звучности. Так, например, в то время как задненёбные смычно-взрывные согласные перед носовыми сонорными в старославянском языке были обычны (**двигнѫти, крикнетъ** и под.), более звучные передние смычно-взрывные перед теми же смычными носовыми сонорными, к которым они ближе по звучности, чем задние согласные, оказывались невозможными: праслав. **dadmь* > старослав. **дамь**, русск. *дам;* праслав. **sъpnъ* > старослав. **сънъ**, русск. *сон* — с утратой переднеязычного смычно-взрывного перед носовым сонорным (подробнее см. ниже, § 136).

Таким образом, звуки речи внутри одного слога в старославянском языке могли располагаться только в таком порядке:

Начало слога → конец слога

<table>
<tr><th colspan="4">Согласный</th><th rowspan="2">Гласный</th></tr>
<tr><th>фрикативный</th><th>смычный (взрывной или аффриката)</th><th>носовой сонорный или в</th><th>плавный</th></tr>
</table>

Это, конечно, не означает, что в каждом слоге должны были быть *все* типы звуков. В слоге могло не быть согласного (например, **о-стро-въ, ѫ-зъ-къ** — см. первые слоги этих слов), мог быть один согласный (например, **се-стра, бы-стръ, сто-лъ, сла-ва** — первые слоги в первых двух словах, последние — в двух последующих), два согласных (например, **сто-лъ, сла-ва, дрь-ва, дво-ръ, нра-въ, тво-ри-ти** — см. первые слоги) и даже три согласных (**о-стро-въ, бы-стръ, се-стра, въ-здра-сте, ро-ждь-ство, скво-зѣ** и т. д.). И если в слоге оказывалось более одного согласного, они следовали друг за другом только в указанном порядке: *более звучный звук, как правило, был невозможен в положении*

перед менее звучным или равным ему по звучности[1].

Поскольку в каждом слоге есть слоговой звук, который при этом является самым звучным, то в результате действия принципа возрастающей (или восходящей) звучности каждый слог в старославянском языке оканчивался гласным или слоговым сонорным согласным (если в слоге не было гласного). Это явление принято называть «**законом открытого слога**».

§ 71. Построение слога в соответствии с требованиями принципа возрастающей звучности для старославянского языка было настолько всеобщим, что распространялось даже на слова, заимствованные из греческого языка, если в них были сочетания звуков, противоречившие требованиям указанного принципа. Обычно в таких сочетаниях перед менее звучными согласными после более звучных **развивался гласный призвук**, впоследствии совпавший с [ь] или [ъ]. Например, в греч. Αἴγυπτος [ajgüptŏs], содержащем сочетание [pt] — с одинаковыми по звучности согласными, в старославянском языке развился [ь], и слово стало произноситься **егупьтъ** [ег'ип·ьтъ] — с последующим прояснением сильного [ь] в [е]; **егупетъ**. В греч. ψαλμός [psalmŏ́s] принципу возрастающей звучности слога противоречили обе группы согласных — [ps] и [lm], так как в обеих более звучный согласный находится перед менее звучным; слово начинает произноситься **пъсалъмъ** [пъсалъмъ], после падения редуцированных — **псалом(ъ)**. По той же причине греч. Παῦλος [paṷlŏs], где перед плавным произносился неслоговой гласный, в старославянском языке стало звучать **павьлъ** [пав·ьлъ]; после падения редуцированных — **павел(ъ)**.

Вместе с тем заметна тенденция избегать резкого возрастания звучности внутри слога, в связи с чем в тех случаях, когда рядом оказывались «крайние» по звучности согласные — свистящий и плавный, в ряде славянских диалектов между ними развивался смычно-взрывной: [зр] > [здр], [ср] > [стр]. Это находит отражение во многих старославянских памятниках: **въздрасте** («возрос, вырос») — между приставкой **въз-** и корнем **-раст-** развивается [д], который не относится ни к одной из этих морфем; **въздрадовати сѧ**

[1] Впрочем, есть исключение: **исходити, въсходити**, где [с] перед фрикативным [х]; образовались эти случаи морфологически: приставка оканчивалась на [с], а корень начинался с [х].

(приставка **въз-**, корень **-рад-**), **раздрѣшити** (приставка **раз-**, корень **-рѣш-**), **страмъ** (вм. **срамъ**, ср. древнерусск. *соромъ*) и т. д.

§ 72. В старославянском языке, как указывалось выше, слоговыми могли быть не только гласные, но и плавные сонорные согласные [р̥] и [л̥], например в словах [вр̥хъ] — «верх», [тв̥рдъ] — «твердый», [гр̥дъ] — «гордый», [дл̥гъ] — «долгий», [вл̥къ] — «волк» и т. д. На письме слоговой характер плавного в таких случаях обозначался постановкой буквы **ъ** или **ь** после **р** или **л**. Так, приведенные слова в старославянских памятниках обычно пишутся: **връхъ** или **врьхъ**, **твръдъ** или **тврьдъ**, **грърдъ** или **грьдъ**, **длъгъ** или **дльгъ**, **влъкъ** или **влькъ** и т. д. Во всех этих случаях **ръ**, **рь**, **лъ**, **ль** оказываются между согласными (внутри корня). В современном русском языке таким написаниям всегда соответствуют ***-ер-***, ***-ор-*** или ***-ол-*** между теми же согласными: старослав. **връхъ**, русск. ***верх;*** старослав. **тврьдъ**, русск. ***твердый;*** старослав. **грърдъ**, русск. ***гордый;*** старослав. **длъгъ**, русск. ***долгий;*** старослав. **влькъ**, русск. ***волк*** и т. д.

Иногда буква **ъ** или **ь** в корнях таких слов вообще не писалась: **врхъ**, **твердъ**, **грдъ**, **длгъ** и т. д. Однако эти написания в старославянских памятниках сравнительно редки: славянские книжники ясно чувствовали слоговое деление этих слов и для указания на границу слога после **р** или **л**, обозначавшего конечный слоговой звук, ставили знак **ъ** или **ь**, соответствовавший до известной степени едва заметному гласному призвуку, который всегда сопутствует произношению слогового плавного.

Дополнительная литература к § 46—72

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 15—47.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. § 8—10, 14—15, 20, 22—24, 27—28.

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 93—101 (стр. 65—70).

А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. 1, § 36—37, 87, 93—99, 149—151, 171—197, 200а, 213—217.

ЗВУКИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

§ 73. Как указывалось выше (см. «Введение», § 10—11), славянские языки образовались в результате распада праславянского языка. Это значит, что славянские языки унаследовали ту языковую систему, в том числе и систему звуков, которая сложилась в праславянском языке ко времени его распада. Так как генетически она является общей для всех славянских языков, то ее можно назвать общеславянской. В основных своих чертах эта звуковая система сохранялась в старославянском языке, очень рано получившем закрепление в письменности. Сложилась общеславянская звуковая система в процессе развития праславянского языка под влиянием ряда своеобразных тенденций, действовавших в праславянскую эпоху; следовательно, она существенно отличалась от звуковой системы праславянского языка начального периода его существования.

В свою очередь, праславянский язык, как указывалось (см. § 11), сформировался из индоевропейских диалектов, следовательно, в период образования (в начальный праславянский период) располагал языковой системой (в частности, звуковой), близкой системам балтийских, индо-иранских, германских, италийских, древнегреческих и т. д. диалектов эпохи образования праславянского языка[1]. Сопоставляя общеславянские (т. е. генетически свойственные всем славянским языкам) звуки, оформившиеся в результате праславянских языковых изменений и в значительной степени отразившиеся в старославянских памятниках, с соответствующими им звуками других индоевропейских языков (балтийских — литовского, латышского, прусского; индо-иранских, — в частности, древнеиндийского, древнеперсидского; германских — готского, немецкого и др.; латинского, древнегреческого и т. д.), можно восстановить систему фонем, характеризовавшую те индоевропейские диалекты, из которых сложилось праславянское языковое единство.

---

[1] Новейший обзор и анализ различных мнений см. в книге: Б. В. Горнунг. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; об опыте реконструкции начальной праславянской языковой системы см.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958.

Поскольку звуковые изменения, в результате которых ранняя («исходная») праславянская фонетико-фонологическая система преобразовалась в позднюю (общеславянскую), восстанавливаются с помощью сравнительно-исторического метода и не могут быть прослежены по письменным памятникам, их абсолютная хронология (т. е. более или менее точное время, например, век) далеко не всегда может быть определена. В этом случае большую роль играет относительная хронология, т. е. определение времени развития той или иной языковой черты по отношению к другой или другим языковым особенностям. Так, например, устанавливается, что [ě] в праславянском языке развился из дифтонга позднее, чем образовались мягкие шипящие согласные; а [ц'] появился после того, как развился [ě] дифтонгического происхождения (см. ниже).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Система гласных звуков праславянского языка

§ 74. Праславянский язык сформировался из индоевропейских диалектов, характеризовавшихся следующей системой гласных звуков:

долгие гласные: *ī, *ē, *ā, *ō, *ū;

краткие гласные: *ĭ, *ĕ, *ă, *ŏ, *ŭ;

дифтонги: *ē̆i̯, *ā̆i̯, *ō̆i̯, *ē̆u̯, *ā̆u̯, *ō̆u̯, (*ŭu̯).

Обращают на себя внимание две особенности этой системы:

1) наличие пар долгих и кратких гласных одного качества (одинакового образования);

2) наличие целой системы дифтонгов; при этом следует заметить, что первоначально дифтонги могли содержать как краткие, так и долгие слоговые гласные (т. е. *ĕi̯ и *ēi̯ и т. д., за исключением дифтонга *ŭu̯, в составе которого слоговой гласный был только кратким); позднее долгие и краткие гласные в составе дифтонгов перестали различаться.

Кроме перечисленных дифтонгов, для праславянского языка в начальный период его развития были характерны сочетания гласных с сонорными, которые в закрытом слоге имели дифтонгический характер: *er, *or, *ir, *ur, *el, *ol, *il, *ul, *en, *on, *in, *un,

**et* и т. д. (как с краткими, так и с долгими слоговыми гласными, следовательно, всего 40 сочетаний).

В ряде случаев праславянский язык унаследовал из индоевропейского одиночный слоговой сонорный *r̥, *l̥, *n̥, *m̥, который также мог быть как долгим, так и кратким. В праславянском языке при этих сонорных, образовывавших слог, развились гласные (сначала очень краткие, редуцированные), и они совпали с дифтонгическими сочетаниями с плавными или носовыми сонорными: *r̥ > *^{a}r̥ > **ar* (или *or*), *l̥ > *^{e}l̥ > *el* и т. д.

Именно эта система, подвергшись в дальнейшем изменениям, и преобразовалась в общеславянскую систему гласных звуков, в основном характеризовавшую и старославянский язык периода первых переводов.

В ряде случаев результаты этих изменений зависели от особенностей ударения (интонации), в связи с чем о нем необходимо сделать несколько замечаний.

Интонация (ударение)

§ 75. В праславянском языке ударение было не силовым, как в современном русском и ряде других современных славянских языков, а интонационным (тоновым, или музыкальным). Это значит, что ударенный слог отличался от безударенных не силой выдоха, а движением тона.

В одних случаях ударенный гласный произносился с повышением тона, который несколько понижался к концу слога. Такую интонацию принято называть восходящей. В середине слов восходящая интонация (или восходящее ударение) в праславянском языке имела место в слоге, гласный которого происходил из индоевропейского долгого гласного, из дифтонга с долгим гласным (впоследствии сократившимся) или из долгого слогового сонорного (т. е. из *r̥̄, *l̥̄, *n̥̄ или *m̥̄).

В других случаях ударенный гласный произносился с понижением тона, который несколько повышался к концу слога. Такую интонацию можно назвать нисходящей. В середине слов нисходящая интонация (или нисходящее ударение) в праславянском языке имела место в слоге, гласный которого происходил из индоевропейского краткого гласного, из дифтонга с кратким гласным или из краткого слогового сонорного.

Впоследствии большинство славянских языков утратило интонационное ударение, заменив его силовым (экспираторным, или динамическим). Лишь сербскохорватский и словенский языки и сейчас представляют под ударением различные интонации: в одних словах ударение бывает восходящее, в других — нисходящее (впрочем, не всегда в соответствии с праславянскими интонациями).

Следы давних интонационных различий сохраняют многие славянские языки, в том числе и русский. Так, например, там, где раньше в дифтонгических сочетаниях *or, *er, *ol, *el интонация была восходящей, в русском языке находим *-оро́-*, *-ере́-*, *-оло́-* (с ударением на втором гласном): *воро́на*, *вперёд*, *боло́то*. Там же, где раньше те же дифтонгические сочетания произносились с нисходящей интонацией, в русском находим *-о́ро-*, *-е́ро*, *-о́ло-* (с ударением на первом гласном): *го́род*, *во́рон*, *бе́рег*, *го́лод*[1].

Судьба долгих и кратких гласных

§ 76. В праславянском языке количественное (квантитативное) различие гласных (долгота гласных) начинает постепенно утрачивать значение дифференциального признака, различающего гласные фонемы. Тенденция к утрате квантитативных различий между гласными завершилась уже в истории отдельных славянских языков, в праславянском же языке она проявилась в качественной дифференциации долгих и кратких гласных. Это значит, что гласные, различавшиеся в квантитативном отношении, превращаются в гласные разного качества (разного образования). В отдельных случаях это приводило к качественному совпадению некогда различных, но близких по образованию гласных, одинаковых по долготе. Так развились славянские гласные звуки из индоевропейских долгих и кратких гласных.

§ 77. [a] < *$\bar{a}$, *$\bar{o}$. Славянский долгий гласный [a] произошел из индоевропейских долгих гласных *$\bar{a}$ и *$\bar{o}$, совпавших в гласном одного качества. В языках, сохранивших эти индоевро-

---

[1] Подробнее о праславянском ударении см.: А. М. Селищев Старославянский язык, ч. 1, § 154—160; Мейе. Общеславянский язык, п. 174—186 (стр. 126—148).

пейские гласные, славянскому [а] в одних словах соответствует [ā], в других — [ō]: старослав. **мати**, русск. *мать*, ср. лат. *māter*, греч. μάτηρ, [mátēr][1]; старослав. **братръ**, русск. *брат*, ср. лат. *frāter*, греч. φράτωρ [frátōr]; старослав. **дати, даръ**, русск. *дать*, *дар*, ср. лат. *dōno* («дарю»), *dōnum* («подарок»), греч. δίδωμι [*di-dōmi*] («дарю»), δῶρον [*dṓrŏn*] («дар»); старослав. **знати**, русск. *знать*, ср. лат. *cognōsco* (где *g* соответствует славянскому [з]), греч. γιγνώσκω [*gignṓskō*] («узнаю»).

['а] < *ē. В положении после исконносмягченных согласных долгий гласный ['а] может происходить из индоевропейского долгого* *'ē*: старослав. **жаль**, русск. *жаль*, ср. лит. *gélti* («больно»), gelonìs («пчелиное жало»).

Связь ['а] с гласным *ē после мягких согласных обнаруживается в ряде старославянских суффиксов. Например, в суффиксе основы инфинитива глаголов II спряжения после полумягких согласных находим [ě] (**ѣ**) < *ē, после мягких согласных — только ['а]: **видѣти, сѣдѣти, горѣти** и т. д., русск. *видеть*, *сидеть*, *гореть;* но после мягких согласных: **дъшати** (из *dyš'ēti*), **кричати, дрьжати, стояти** и т. д., русск. *дышать*, *кричать*, *держать*, *стоять* [стʌjáт']; в суффиксе сравнительной степени прилагательных: **новѣиши, сильнѣиши** и т. д., русск. *новейшая*, *сильнейшая;* но после шипящих: **мъножаиши, крѣпъчаиши** и т. д., русск. *ближайшая*, *крепчайшая*, *величайшая* и т. д., в суффиксах существительных: **гыбѣль**, русск. *гибель*, но **печаль** (из* *peč'ēlь*), русск. *печаль*.

§ 78. [о] < *ă, *ŏ. Славянский к р а т к и й г л а с н ы й [о] произошел из индоевропейских кратких гласных *ă, *ŏ, совпавших в гласном одного качества[2]. В языках, сохранивших эти индоевропейские гласные, славянскому [о] в одних словах соответствует [ă], в других — [ŏ]: старослав. **ось**, русск. *ось*, ср. лат. *ăxis*, греч. ἄξων [áksōn], лит. *ašis*; старослав. **море**, русск. *море*, ср. лат. *măre*, готск. *marei;* старослав. **домъ**, русск. *дом*, ср. лат. *dŏmŭs*, греч. δόμος [dómŏs] («строение»); старослав. **око**, русск. *око*, *окно*, ср. лат. *ŏcŭlŭs* («глаз»), греч. ὄσσε [óssĕ].

[1] Как здесь, так и везде в дальнейшем в транскрипции греческих примеров указывается д р е в н е г р е ч е с к о е (а не современное) произношение.

[2] Многие лингвисты предполагают, что сначала оба гласных совпали в одном кратком *ă.

§ 79. [е] (ѣ) < *$\bar{e}$. Как было уже отмечено в § 77, славянский долгий гласный переднего ряда [ě], обозначавшийся в кириллице буквой ѣ, произошел из индоевропейского долгого гласного *$\bar{e}$, который и соответствует ему в языках, сохраняющих различие *$\bar{e}$ и *$\breve{e}$: старослав. **сѣмѧ**, русск. *семя, семени*, ср. лат. *sēmen*, лит. *sémenys;* старослав. **звѣрь**, русск. *зверь*, ср. лит. *žvēris*, греч. θηρός [thḗrŏs].

Гласный [ě] (ѣ) появляется и в тех случаях, где в праславянском языке было обычным удлинение гласного и где на месте краткого *ŏ в результате удлинения находим [а] < *ō, а на месте краткого *ĕ находим [ě] (ѣ) < *ē: как **градъ** < **grōdъ* < **gŏrdŏs* (где удлинение *ŏ сопровождало перестановку звуков), так и **брѣгъ** < < **brēgъ* < **bĕrgŏs*. Ср. также старослав. **нѣстъ** (русск. *нет*) из **ne-estъ* (т. е. «не есть»).

Кроме того, славянский гласный [ě] (ѣ) мог образоваться и из дифтонгов на *į (см. об этом ниже, в § 95).

§ 80. [е] < *ĕ. Славянский к р а т к и й г л а с н ы й [е] (є) произошел из индоевропейского краткого гласного *ĕ, который и соответствует ему в языках, сохраняющих различие *ē и *ĕ: старослав. **берѫ**, русск. *беру*, ср. лат. *fĕrō*, греч. φέρω [fḗrō] («несу»); старослав. **небо**, русск. *небо*, ср. лат. *nĕbula* («туман»), греч. νέφος [nḗfŏs] («туча, туман»), нем. *Nebel* («туман»); старослав. **медъ**, русск. *мед*, ср. лит. *medùs* («мёд»), греч. μέθυ [mḗthü] («опьяняющий напиток, вино»), μεθύω [mĕthǘō] («я пьян»), нем. *Met* («мёд-напиток»).

[’е] < *’ŏ. В ряде слов и форм славянский [ĕ] появился на месте индоевропейского *ŏ в положении после мягких согласных. Так, например, в им. п. ед. ч. ср. р. в соответствии с [о] после твердых согласных в положении после мягких согласных находим [е]: **село, окъно, ново** и т. д. (ср. русск. *село, окно, новое*), но после мягких согласных: **поле, море, сине** и т. д. (ср. русск. *поле, море, синее* и т. д.).

§ 81. [и] < *ī. Славянский долгий гласный [и] произошел из индоевропейского долгого *ī, который и соответствует ему в языках, сохраняющих этот гласный: старослав. **пити**, русск. *пить*, ср. греч. πίνω [pínō] («пью»), древнеинд. *pītaḥ*; старослав. **живъ**, русск.

живой, ср. древнеинд. *jīváḥ* («живой»), лит. *gývas*, лат. *vīvus* («живой»)[1].

[и] < *'ū. В ряде славянских форм долгий гласный [и] развился из индоевропейского долгого *ū в положении после мягкого согласного, в частности после [j]: *'ū > *'ü, а после утраты лабиализации *ü > [и]: старослав. **шити**, русск. *шить*, ср. древнеинд. *sịūtáḥ* («шитый»), готск. *siūjan*, лит. *siúti* («шить»).

[и] < *jь. Как указывалось в § 59, в начале слов славянский [и] мог происходить из более раннего праславянского сочетания *jь, в котором *ь происходит из индоевропейского *ĭ или *ŭ после *j (см. ниже, § 82): старослав. **иго**, русск. *иго*, ср. лат. *jŭgŭm*, древнеинд. *yugám* («иго»).

В ряде славянских слов [и] < *jь, где *j развился как протетический перед начальным *ь (см. § 59).

Кроме того, славянский гласный [и] может происходить из дифтонгов на *i̯ (см. ниже, § 96).

§ 82. [ь] < *ĭ. Славянский редуцированный гласный [ь] происходит из индоевропейского краткого гласного *ĭ, который и соответствует ему в языках, сохраняющих старое качество этого гласного: старослав. **вьдова**, русск. *вдова* (из древнерусск. *вьдова*), ср. древнеинд. *vidhávā*, лат. *vĭdua* («вдова»); старослав. **мьзда**, русск. *мзда* (из древнерусск. *мьзда*), ср. готск. *mizdo* («плата»), осетинск. *mizd*; старослав. **мьнии**, русск. *меньше* ([е] < [ь] под ударением), ср. лат. *mĭnor* («меньше»), греч. μινύθω [minŭthō] («уменьшаю»); старослав. **гость**, русск. *гость* (из древнерусск. [гост'ь] — «купец, приезжий»), ср. лат. *hostĭs* («враг, чужеземец»).

['ь] < *'ŭ. В ряде слов и форм славянский [ь] появился на месте индоевропейского *ŭ (обычно изменявшегося в [ъ] — см. § 84) в положении после мягких согласных. Так, в окончании именительного-винительного падежа единственного числа мужского рода после твердых согласных находим [ъ] (из *ŭ): **столъ, рабъ, новъ** и т. д., после мягких — [ь]: **ножь, корабль, синь.**

[ь] < *ĕ (j). Славянский [ь] находим также и на месте индоевропейского *ĕ в положении перед [j] в дифтонге *e͡i̯, если этот дифтонг находился перед гласным (впоследствии этот [ь] перед [j] изме-

[1] В транскрипции древнеиндийских форм знаком ḥ принято обозначать глухое придыхание, выступающее в абсолютном конце слова на месте индоевропейского свистящего.

нился в редуцированный [ŭ] — см. § 50—51): старослав. **виѭ** (из [в·ъјǫ]), русск. *вью*, ср. лит. *vejù;* старослав. **трик** (из [тр·ъје] («три»), ср. греч. τρεῖς [trei̯s].

§ 83. [ы] < **ū*. Славянский долгий гласный [ы] происходит из индоевропейского долгого гласного **ū*, который и соответствует ему в других индоевропейских языках; при этом долгий **ū* находим в соответствии со славянским [ы] в положении перед согласным или в конце слова: старослав. **дꙑмъ**, русск. *дым*, ср. лит *dúmai* (мн. ч.), древнеинд. *dhūmáḥ*, лат. *fūmŭs* («дым»); старослав. **сꙑнъ**, русск. *сын*, ср. лит. *sunùs*, древнеинд. *sūnŭ́ḥ* («сын»); старослав. **тꙑ**, русск. *ты*, ср. лат. *tū*, нем. *du* («ты»).

В положении перед гласным индоевропейский **ū* в праславянском языке переходил в дифтонг **ŭu̯*, который впоследствии в славянских языках стал произноситься как [ъв]; ср. **бꙑти — забъвенъ** (перед согласным — [ы], перед гласным — [ъв]), **крꙑти — кръвь** (вин. п.), **свекрꙑ — свекръвь.**

[ы] < **ū* < **ō*. В окончаниях [ы] происходит из **ū*, развившегося на месте индоевропейского **ō* в закрытом слоге. Например, в именительном падеже единственного числа **камꙑ** («камень») некогда произносилось **ōn* (ср. греч. ἄκμων [ákmōn]), следовательно, индоевр. **kamōn* в праславянском языке изменилось в **kamūn*, а после утраты конечного **n* (по «закону открытого слога») **kamūn* > **kamū* > **камꙑ** (в конечном закрытом слоге перед группой согласных **ō* мог происходить и из **ŏ* в результате удлинения; например, в окончании винительного падежа множественного числа существительных мужского рода **-ŏns* > **-ōns*).

§ 84. [ъ] < **ŭ*. Славянский редуцированный гласный [ъ] происходит из индоевропейского краткого гласного **ŭ*, который и соответствует ему в других индоевропейских языках: старослав. **дъва**, русск. *два* (из древнерусск. *дъва*), ср. древнеинд. *dŭvā́*, греч. δύω [dū́ō] («два»); старослав. **мъхъ**, русск. *мох* ([о] < [ъ] под ударением — древнерусск. *мъхъ*), ср. лит. *musaĩ* (мн. ч.) («плесень»), лат. *mŭscŭs* («мох»); старослав. **сꙑнъ** (см. конечный **ъ**), русск. *сын* (из древнерусск. *сынъ*); ср. лит. *sunùs*, древнеинд. *sūnŭ́ḥ* («сын»).

[ъ] < **ŭ* < **ŏ*. В некоторых окончаниях славянский [ъ] происходит из **ŭ*, развившегося на месте индоевропейского **ŏ* в конечном закрытом слоге. Так, если в приведенном выше **сꙑнъ**

конечный [-ъ] из *ŭ, то, например, в слове **сънъ** (русск. *сон*), относившемся к другому типу склонения, конечный [-ъ] на месте индоевропейского *ŏ (ср. греч. ὕπνος [hŭpnŏs]): *sŭpnŏs > *sŭpnŭs (ср. **съп-ати**), а после утраты конечного *s и упрощения *pn > [н] (см. ниже, § 136) *sŭpnŭs > **сънъ**; старослав. **даръ**, древнерусск. *даръ*, ср. греч. δῶρον [dōrŏn], следовательно, *dōrŏn > *dōrŭn > [даръ] (вин. п.).

Древнейшие чередования гласных

§ 85. Судьба индоевропейских долгих и кратких гласных отражается в общеславянских чередованиях гласных звуков, связанных с индоевропейскими чередованиями.

Под чередованием понимается закономерная мена звуков, происходящая при словообразовании или словоизменении в одной и той же морфеме (корне, приставке, суффиксе или окончании)[1]. Если чередование уже не связано с изменением фонетической позиции звука, то оно обычно используется как дополнительное (а иногда и как основное) морфологическое средство. Такие чередования принято называть морфологическими.

Праславянский язык унаследовал от индоевропейской эпохи ряд морфологических чередований гласных звуков, которые впоследствии видоизменились в соответствии с изменением самих индоевропейских гласных в праславянском языке. Эти чередования могли быть количественными и качественными.

Количественными принято называть чередования одинаковых по качеству (по образованию), но разных по продолжительности звучания гласных (например, чередование *ī и *ĭ, т. е. долгого и краткого гласных одного качества).

Качественными принято называть чередования

---

[1] Следует при этом учитывать, что чередованием можно считать лишь такую мену звуков, которая наблюдается в определенную эпоху функционирования языка. Так, славянский [ь] < *ĭ, следовательно, первоначальное *mĭglā изменилось позднее в праславянском языке в *mьgla (откуда потом старослав. **мьгла**, русск. *мгла*). Однако это не дает права говорить о чередовании *ĭ//*ь в праславянском языке, так как эти звуки произносились в корне приведенного выше слова в разные периоды развития праславянского языка, а не одновременно.

одинаковых в количественном отношении (по продолжительности звучания), но разных по качеству (по образованию) гласных звуков (например, чередование *ĭ и *ĕ, т. е. двух кратких гласных разного образования — верхнего и среднего подъема).

Если чередующиеся гласные различаются не только качественно, но и по продолжительности звучания, то говорят о качественно-количественном чередовании.

а) Количественные чередования

§ 86. Наиболее распространенными были индоевропейские количественные чередования, унаследованные праславянским языком и соответствующим образом в нем изменившиеся.

*ŏ//*ō > **[о]//[а]**. Такое чередование характеризовало глагольные основы со значением недлительного, однонаправленного действия (краткий гласный) и длительного, иногда — повторяющегося действия (долгий гласный); это же чередование можно наблюдать и в основах существительных, образованных от глаголов. Так как в праславянском языке позднего периода *ŏ > [о], *ō > [а] (см. § 77—78), то индоевропейское (раннее праславянское) чередование краткого и долгого *о изменилось в общеславянское качественно-количественное чередование [о]//[а]: старослав. **скочити — скакати** (в начале праславянской эпохи *-skŏk-//*-skōk-), русск. *вскочит — скачет;* старослав. **просити — въпрашати,** русск. *просит — спрашивать;* старослав. **горѣти — гарь,** русск. *гореть — гарь, загар.*

§ 87. *ĕ//*ē > **[е]//[ě] (ѣ).** Морфологическое значение этого чередования то же, что и предыдущего. Так как в праславянском языке позднего периода *ĕ > [е], а *ē > [ě] **(ѣ)** (см. § 79—80), то чередование краткого и долгого *е изменилось в общеславянское чередование [е]//[ě]: старослав. **летѣти — лѣтати** (в начале праславянской эпохи *-lĕt-//*-lēt-); старослав. **плести, плетѫ — сълѣтати; седьло — сѣдѣти.**

§ 88. *ĭ//*ī > **[ь]//[и]**. Морфологическое значение то же, что и значение предыдущих чередований. Так как в праславянском языке позднего периода *ĭ > [ь], а *ī > [и] (см. § 81—82), то чередование краткого и долгого *i изменилось в чередование [ь]//[и]: старослав. **бьрати — събирати** (в начале праславянской эпохи *-bĭr-//*-bīr-), русск. *брать* (из древнерусск. *бьрати) — собирать;*

старослав. **стьлати — застилати,** русск. *стлать* (из древнерусск. *стьлати*) — *застилать;* старослав. **рьци** (повелительное наклонение, «скажи») — **отърицати.**

§ 89. **ŭ//*ū* > [ъ]//[ы]. Морфологическое значение то же, что и значение предыдущих чередований. Так как **ŭ* > [ъ], **ū* > [ы] (см. § 83—84), то чередование краткого и долгого **u* изменилось в чередование [ъ]//[ы]: старослав. **сълати, посълъ — посылати** (в начале праславянской эпохи **-sŭl-//*-sūl-*), русск. *слать, послать, посол* (из древнерусск. *посълати, посълъ*) — *посылать, посылка;* старослав. **дъхнѫти — дышати,** русск. *вздохнуть, вздох* (из древнерусск. *дъхнути, въздъхъ*) — *дышать, дыхание;* старослав. **съпати, сънъ — засыпати,** русск. *спать, сон* (из древнерусск. *съпати, сънъ*) — *засыпать, усыпить.*

б) Качественные чередования

§ 90. Из унаследованных праславянским языком качественных чередований наиболее распространенными были следующие.

ĕ//*ŏ* > [е]//[о]. Это самое распространенное качественное чередование, широко представленное не только в славянских, но и в других индоевропейских языках. Полагают, что оно возникло как чередование позиционное в связи с передвижением ударения с корня на соседний слог (к началу или концу слова), причем исходной была ступень **ĕ*. Ступень [е] обычно характеризует первичные глагольные основы, а ступень [о] — отглагольные имена и вторичные глагольные основы: старослав. **берѫ — съборъ (в праславянском языке **-bĕr-//*-bŏr-*), русск. *беру — сбор;* ср. греч. φέρω [fĕrō] («несу») — φόρος [fŏrŏs] («несущий»); старослав. **стелѭ — столъ,** русск. *стелит — стол;* старослав. **нести — ноша, носити,** русск. *нести — ноша, носит;* старослав. **ведѫ — водити,** русск. *веду — водит, повод.*

Это же качественное чередование могло быть представлено долгими гласными, т. е. **ē//*ō*. Так как в праславянском языке **ē*>[ě], а **ō* > [а], то качественное чередование на ступени долготы изменилось: **ē//*ō* > [ě] (ѣ)//[а]: старослав. **сѣдѣти — садъ, садити** (в начале праславянской эпохи **-sēd-//*-sōd-*), русск. *сел — сад, посадит.*

Так как после мягких согласных **'ē* > ['а] (см. § 77), то в этом случае чередование долгих **ē* и **ō* представлено в славянских языках одним гласным [а] после старого мягкого и твердого согласного: старослав. **жаръ — гаръ** (в праславянском языке **-gēr-* >

> *-ž'ēr-//*-gōr-), старослав. **чадъ — кадило** (в праславянском языке *-kēd- > *-č'ēd-//*-kōd-)[1].

§ 91. **ŭ//*eu̯* > [ъ]//[у], [ов]. Морфологическое значение этого качественно-количественного чередования аналогично предыдущему: ступень **ŭ* (старослав. **ъ**) первоначально характеризовала первичные глагольные основы, ступень дифтонга **ou̯* (старослав. **оу** или **ов** — см. § 97) — основы отглагольных имен и вторичных (производных) глаголов. Старослав. **дъхнѫти — доухъ, доушити,** русск. (*вз*)*дохнуть* (из *дъхнути*) — *дух, душить;* старослав. **съхнѫти — соухъ, соушити;** русск. *сохнуть* (из *съхнути*) — *сухой, сушить.*

§ 92. **ĕ//*ĭ* > [е]//[ь]. Это чередование первоначально сопровождало глагольное формообразование. Полагают, что ступени **ĭ* (старослав. **ь**) — результат редукции **ĕ* в безударном положении. Изменившись в качественно-количественное, это чередование характеризовало глагольные корни с исходным **ĕ* (см. § 90): старослав. **берѫ** (основа наст. вр.) — **бьрати** (основа инфинитива; в начале праславянской эпохи: **-bĕr-//*-bĭr-*), русск. *беру — брать* (из древнерусск. *бьрати*); старослав. **стелитъ — стьлати,** русск. *сте́лит — стлать* (из древнерусск. *стьлати*); старослав. **рекѫ** («скажу») — **рьци** (из **rьkoi̯*) («скажи»).

Гласный **е* мог быть представлен на ступени долготы, что приводило к появлению качественно-количественного чередования, в котором ступень **ē* характеризовала как глагольные, так и именные основы, а ступень **ĭ* — глагольные основы со значением единичного, недлительного действия. Так как **ē* > [ě] (ѣ), то в праславянском языке позднего периода чередование изменилось: **ē//*ĭ* > > [ě]//[ь]: старослав. **свѣтити, свѣтъ — свьтѣти** («светиться»), **освьнѫти** (из **svьtnǫti*) («рано встать, увидеть рассвет») (в праславянскую эпоху **-svēt-//*-svĭt-*); старослав. **блѣскъ — бльснѫти,** русск. *блеск — блеснуть.*

Известно и аналогичное чередование в корнях с исходным *ŭ* > [ъ] (см. § 91): старослав. **зъвати — зовѫ, зовъ** (в раннем праславянском **-zŭv-//*-zōv-*), русск. *звать* (из *зъвати*) — *зову, зов.*

в) Цепи чередований

§ 93. Поскольку каждый из пары чередующихся звуков мог находиться в чередованиях с другими гласными звуками, то возможны

[1] Об изменении **g* > [ж'] и **k* > [ч'] перед гласными переднего ряда см. ниже, § 117.

цепи чередований, например *ĭ//*ī//*ē//*ĕ//ŏ//ō; в результате изменений, произошедших с этими гласными в праславянском языке, к концу праславянской эпохи эта цепь представлена чередованиями гласных: [ь]//[и]//[ě]//[е]//[о]//[а].

Как правило, не все звенья этой цепи (не все ступени этого ряда чередований) могут быть восстановлены для каждой морфемы; однако в некоторых корнях восстанавливается большинство звеньев: старослав. **грьбѣти** («быть погребаемым») — **грибати — погрѣбати, грѣти** (из *grebti) — **гребѫ — гробъ — грабити**; старослав. **рьци — нарицати — издрѣкати — рекѫ — рокъ, пророкъ**; ср. древнерусск. *рьци* — русск. *прорицатель, отрицать — речь* (древнерусск. *рѣчь*) — *изреку, отрёкся — рок, пророк;* старослав. **(съ) бирати — бьрати — берѫ — съборъ**; русск. *собирать — брать* (из древнерусск. *бьрати*) — *беру — сбор.*

Монофтонгизация дифтонгов

§ 94. Как указывалось (см. § 70), старославянский язык в строении слогов отражал требования принципа возрастающей звучности слога. По тому же принципу до падения редуцированных строились слоги в древнерусском и других славянских языках. Таким образом, построение слога по принципу возрастающей звучности — явление общеславянское, отражающее процессы, имевшие место в праславянскую эпоху.

В начале праславянской эпохи не все слоги соответствовали принципу возрастающей звучности. В частности, этому принципу противоречили слоги, содержавшие дифтонги или дифтонгические сочетания (см. § 74), поскольку в их составе более звучный слоговой гласный предшествовал менее звучному неслоговому гласному или сонорному согласному. Когда в процессе развития праславянского языка начала проявляться тенденция к построению слогов по принципу возрастающей звучности, то под ее влиянием стали происходить изменения в слогах, противоречивших этой тенденции. Это значит, что были вызваны к жизни фонетические процессы, сильно изменившие не только строение слогов, но и звуковую систему языка.

Одним из следствий тенденции к перестройке слогов по принципу возрастающей звучности было изменение индоевропейских дифтонгов и дифтонгических сочетаний, некоторые из которых образовали новые гласные звуки.

Образование гласных из дифтонгов или сочетаний дифтонгического типа происходило в том случае, если дифтонг находился в положении перед согласным или в конце слова.

Например, корень **-poi̯-*, содержавший дифтонг **oi̯*, под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности в праславянском языке стал звучать по-разному в разных образованиях. В том случае, если после дифтонга следовал гласный звук, происходило перемещение слоговой границы, в результате чего дифтонг распался на два звука: **o*, оказавшийся теперь в конце слога, и **i̯*, который стал начинать новый слог и в положении перед слоговым (более звучным!) гласным изменился в [j]: **poi̯-e-tъ* > > **po-i̯e-tъ* > **поєтъ** [по-jе-тъ], русск. *поет.*

Если же дифтонг находился в положении перед согласным или в абсолютном конце слова, то оба элемента дифтонга сливались в один гласный звук: дифтонг монофтонгизировался; в частности, в результате монофтонгизации дифтонга **oi̯* образовался гласный [ě] (ѣ), который и находим в том же корне в положении перед согласным: **poi̯-ti* > **пѣти** [п·ě-т·и], русск. *петь;* **poi̯-snь* > **пѣснь** [п·ě-сн·ь], русск. *песня.*

То же происходило и в конце слова, где неслоговой **i̯* закрывал слог; например, сравнивая старославянскую форму местного падежа **столѣ** и греческую λύκοι [lúkoi̯] («о волке»), можно предположить, что старославянское окончание этого падежа **-ѣ** [ě] происходит из дифтонга **oi̯*, сохранившегося в греческом окончании.

В результате монофтонгизации индоевропейских дифтонгов в праславянском языке образовался ряд новых гласных звуков.

§ 95. [ě] **(ѣ)** < **ōi̯*, **āi̯*. Индоевропейские дифтонги **oi̯* и **ai̯* в положении перед согласным, а также в конце слова (при восходящей интонации — см. § 75)[1] в результате ассимиляции слогового

[1] Можно напомнить, что дифтонг имел восходящую интонацию в том случае, если некогда содержал долгий слоговой гласный (т. е. **ōi̯*, **āi̯*). В праславянском языке долгие гласные в составе дифтонгов сократились (стали краткими), сохранив след былой долготы лишь в качестве интонации. Еще до монофтонгизации краткие **ŏ* и **ă*, как известно, совпали в одном гласном **o*; следовательно, **ōi̯*, **āi̯* > **oi̯*, поэтому и судьба дифтонгов оказалась одинаковой.

гласного последующему неслоговому и произошедшего затем слияния обоих гласных в один изменились в долгий гласный переднего ряда [ě], совпавший с гласным, произошедшим из *ē (см. в § 79), в связи с чем этот гласный в старославянских памятниках обозначался той же буквой ѣ («ять»). Так, при сопоставлении старославянского **цѣна** (русск. *цена*) с литовским *kaìnà* («цена, возмездие, месть») можно предположить, что в праславянском языке произносилось **koi̯na* (или **kai̯na*): в положении перед согласным дифтонг *oi̯ > [ě], откуда **kěna* (затем **цѣна**[1]). Элементы дифтонга в том же корне сохранились в положении перед гласным, например в глагольном образовании **каıати** [кајат·и] < **kai̯ati* (с тем же корнем *-kai̯- с первоначальным значением «порицать, оплакивать, мстить»). То же и в ряде других основ и в окончаниях: старослав. **тѣсто**, русск. *тесто*, ср. греч. σταῖς, род. п. σταιτός [stai̯tŏ́s] (из **tai̯st-* в результате перестановки) («тесто из пшеничной муки на воде»), ирланд. *tāis* («тесто»); старослав. **берѣте, несѣте** и т. д. (повелит. накл., русск. *берите, несите)*, ср. греч. φέροιτε [fĕ́roi̯te] («несите»); старослав. **столѣ, влъцѣ** и т. д. (местн. п. ед. ч., русск. *на столе, о волке*), ср. греч. λύκοι [lŭ́koi̯] («о волке») οἴκοι [òi̯koi̯] («до́ма», т. е. «в доме»).

То же произошло и с ранними заимствованиями, содержавшими дифтонг *ŏ͡i̯ или *ă͡i̯. Например, имя римского императора, заимствованное славянами (через германское посредство) в качестве нарицательного наименования монарха, первоначально звучало **kai̯sarjŏs* (лат. *caesar*; ср. нем. *Kaiser* — «царь», сохранившее дифтонг); в результате монофтонгизации дифтонга *a͡i̯ перед согласным **kai̯sarjŏs* > **kěsar'ь* > **цѣсарь** (с изменением *k > [ц'], как и в **цѣна**); со значением «римский император» (а не «монарх вообще») старославянские памятники употребляют слово **к'ѣсарь**, переводя так греч. καῖσαρ [kai̯sar] (старослав. **цѣсарь** является переводом греч. βασιλεὺς [basileu̯s], греч.-византийск. [vasileu̯s] — «царь»).

§ 96. [и] < *ŏ͡i̯, *ă͡i̯. Те же дифтонги в конце слова, если они находились под нисходящей интонацией (см. § 75), изменялись не в [ě], а в долгий гласный [и], такой же как и [и] < *ī (см. § 81). Наблюдается это только в окончаниях:

---

[1] Об изменении *k > [ц'] см. ниже, § 119.

старослав. **ти** (русск. *те*), **столи, вльци** и т. д. (им. п. мн. ч. муж. р., русск. *волки, кони*), ср. греч. τοί [toį] («те»), λύκοι [lúkoį] («волки»), οἶκοι [oįkoį] («дома»); старослав. **бери**, русск. *бери*, ср. греч. φέροι [féroį] («неси»).

[и] < *eį. В ряде славянских слов [и] находим на месте индоевропейского дифтонга *eį, который в конце слова или перед согласным монофтонгизировался после ассимиляции слогового *e последующему неслоговому *į: старослав. **видъ**, русск. *вид*, *видеть*, ср. лит. *véidas* («лицо»); старослав. **тихъ**, русск. *тихий*, ср. лит. *teisùs* («справедливый»); старослав. **ити**, русск. *идти*, ср. лит. *eĩti*, греч. εἶμι [eįmi] («иду»); старослав. **вити**, русск. *вить*, ср. древнеинд. *váyati* («плетет»), ирланд. *feith* («волокно»).

§ 97. [у] < *ŏų, *āų. Судьба индоевропейских дифтонгов *ŏų и āų (оба совпали еще до монофтонгизации в одном дифтонге *oų) аналогична судьбе дифтонгов *ŏį, *āį: в положении перед гласными они распались (причем *ų в положении перед гласным изменился в [в]); в положении перед согласным или в конце слова эти дифтонги монофтонгизировались. В результате ассимиляции слогового гласного последующему неслоговому *ų дифтонги *oų и *aų, монофтонгизируясь, изменились в [у]: **soų-a-ti* > **so-ųa-ti* > **со-ва-ти**, русск. *совать* (ср. лит. *šáuti*, *šáuju* — «стрелять»); но **soų-non-ti* > > **suų-nǫ-ti* > **соу-нѫ-ти**, русск. *сунуть*.

То же и в других случаях, где в славянских языках [у]: старослав. **оухо**, русск. *ухо*, ср. лит. *ausìs*, готск. *auso*, лат. *auris* (из *aųsis*) — «ухо» (о происхождении [х] < *s см. ниже, § 113); старослав. **плоути** [плут·и] (плыть, течь»), ср. лит. *pláuti* («мыть, полоскать»), древнеинд. *plavás* («лодка»), ср. сохранение элементов дифтонга в славянских языках перед гласными: **пловѫ, плавати, плавь** («корабль»), русск. *пловец*, *плавать;* старослав. **слоути** [слут·и] («слыть, иметь известность»), но перед гласным **слово, слава** (из **sloųo*, **slaųa*).

[’у] < *eų. Дифтонг *eų, соответствовавший дифтонгу *oų (или *aų) после мягкого согласного, также изменился в [у] — с сохранением мягкости предшествующего согласного: старослав. **блюсти** [бл’уст·и], русск. *блюсти* [бл’ус’т’и], *наблюдать*, ср. греч. πεύθομαι [peųthŏmaį] («наблюдаю, бодрствую»); следовательно, **блюсти** <

< *bjeu̯dti, где дифтонг *eu̯ (после *j) в положении перед согласным изменился в [’у] (относительно [бл’] < *bj см. ниже, § 131); старослав. **блюѭ**, русск. *блюю* [бл’уjу], *блюет*, ср. лит. *bliáuti* («реветь»), греч. φλέω [fl̆ĕō] («я полон, теку через край»), ср. перед гласным: **блевати**, русск. *блевать*.

Чередования, обусловленные монофтонгизацией дифтонгов

§ 98. Различная судьба дифтонгов в зависимости от положения в слове отражается в общеславянских чередованиях гласных звуков дифтонгического происхождения с сочетаниями звуков, входивших некогда в состав дифтонгов и сохранившихся в положении перед гласными. Например, образование [ě] (**ѣ**) из дифтонга *oi̯ (или *ai̯) в слове **цѣна** отражается в чередовании [ě]//[aj] (из дифтонга *ai̯ в положении перед гласным): старослав. **цѣна** [ц’ěна], русск. *цена* — **каıати** [каjат·и], русск. *раскаяние;* см. также чередование [ě]//[oj]: старослав. **пѣти**, русск. *петь*, *петух* — **поıѫ** [поjǫ], русск. *пою*; старослав. **вѣнокъ**, русск. *венок* — **повои**, русск. диалектн. *повойник* [«женский головной убор, повязка»]; старослав. **дѣтѧ**, русск. *дéти* — **доıѫ** [доjǫ], русск. *дою*, *доить*.

Происхождение [и] < *ei̯ также отражается в соответствующем чередовании, причем в положении перед *j гласный *ě > *ĭ > [ь] (см. § 82), который впоследствии перед [j] изменился в редуцированный [й]. Таким образом, дифтонгическое происхождение [и] отражается в чередовании [и]//[йj] (<[ьj] <*ĭj < *ěj): старослав. **вити**, русск. *вить* — **виıѫ** [в·йjǫ], русск. *вью;* старослав. **бити**, русск. *бить* — **биıѫ** [б·йjǫ], русск. *бью*.

Происхождение славянского [у] из дифтонгов *ou̯, *au̯, *eu̯ также отражается в соответствующих чередованиях [у]//[ов], [ав], [ев]: старослав. **соунѫти**, русск. *сую*, *сунуть* — **совати**, русск. *совать*, *засов* (из древнерусск. *засовъ*); старослав. **слоути** — **слово**, **слава**; старослав. **плоути** — **пловѫ**, **плавати**.

Такое чередование возможно и в окончании: старослав. **сыноу** [сыну] (род. п.) — **сынови** (дат. п.)[1].

---

[1] В русском языке это чередование широко представлено в глагольных основах: *беседую* — *беседовать*, *рисую* — *рисовать* и т. д.; оно настолько продуктивно, что характеризует даже новообразования: *телеграфирую* — *телеграфировать*, *проектирую* — *проектировать*.

После мягких согласных [’у]//[ев]: старослав. **плюѭ** [пл’ујǫ], русск. *плюю* — **плевати,** русск. *плевать;* старослав. **горюѭ** [гор’ујǫ]. русск. *горюю* — **горевати,** русск. *горевать.*

§ 99. В составе дифтонгов слоговые гласные могли вступать в обычные для них чередования.

Например, в глаголе **вити** — гласный [и] < **ei̯*, а в корне существительного **вѣнокъ** — гласный [ě] < **oi̯* (см. § 98), следовательно, некогда в этих образованиях корень звучал **-vei̯-//*-voi̯-*, где было представлено известное качественное чередование **e//*o* в составе дифтонга (ср. § 90).

Ср. аналогичное чередование: старослав. **гнити,** русск. *гнить* — **гнѣвъ,** русск. *гнев,* где происхождение [ě] < **oi̯* обнаруживается в чередовании **гнѣвъ — гнои** [гнојь], русск, *гной;* старослав. **цвисти** («цвести») — **цвѣтъ,** русск. *цвет;* старослав. **сито**, русск. *сито* — **сѣвъ,** русск. *сев;* то же в окончаниях: **къ соуши** (где [и] < **ei̯*) — **къ водѣ** (где [ě] < **oi̯*) и т. д.

В ряде корней монофтонгизации подвергся лишь один из чередовавшихся дифтонгов: старослав. **бити,** русск. *бить* (где [и] < **ei̯* — см. § 98) — **бои** [бојь], русск. *бой:* ступень **e* представлена гласным [и] (из **ei̯*), ступень **o* отражена в сохранившемся [oј].

Чередование дифтонгов **ŏu̯, *ău̯* с индоевропейским гласным **ū* или дифтонгом **ŭu̯* (см. § 83) отражается в славянских чередованиях [ы]//[ъв]//[ов], [ав] или [у] (из **ou̯* или **au̯*), при этом [ы] и [у] — перед согласным или в конце слова, а [ъв], [ов] или [ав] — в положении перед гласным: старослав. **крыти,** русск. *крыть* — **кръвь, съкръвенъ,** русск. *кровь, сокровенный* — **покровъ,** русск. *кров;* старослав. **рыти,** русск. *рыть* — **ровъ,** русск. *ров;* старослав. **слышати,** русск. *услыхать* — **слоухъ,** русск. *слух.*

Так как [ы]//[ъ] (см. § 89), а [ъ]//[у] (см. § 91), то отмеченный ряд чередований может быть продолжен: старослав. **дъхнѫти,** русск. *вдохнуть* (из древнерусск. *въдъхнути*) — **дъшати,** русск. *дышать* — **доухъ,** русск. *дух;* старослав. **съхнѫти,** русск. *сохнуть* (из древнерусск. *съхнуть*) — **засыхати,** русск. *засыхать* — **соухъ, соуша,** русск. *сухой, суша;* то же в окончаниях: **сын-ъ — сын-ы — сын-оу — сын-ове**; ср. в русском языке: *мёд* (древнерусск. *медъ*) — *меды* — *в меду* — *медовый.*

Образование носовых гласных

§ 100. Носовые гласные [ę] (ѧ) и [ǫ] (ѫ), унаследованные из праславянского языка не только старославянским, но и другими славянскими языками, образовались в праславянском языке из дифтонгических сочетаний с носовыми согласными **en*, **em*, **on*, **om* и т. д. (см. § 74). Судьба этих сочетаний аналогична судьбе дифтонгов: они сохранились в положении перед гласными, но изменились в положении перед согласными и в конце слова. Изменение это заключалось в том, что конечный в слоге носовой согласный утрачивался, а предшествующий гласный приобретал носовой оттенок. При этом на месте дифтонгических сочетаний с гласными переднего ряда (из **en*, **em*, **in*, **im*) развился носовой гласный переднего ряда [ę], а на месте сочетаний с гласными заднего ряда (из **on*, **om*, **un*, **um*) развился носовой гласный заднего ряда [ǫ].

В других индоевропейских языках, не знавших тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности, славянским носовым гласным соответствуют сочетания гласных с носовыми согласными: старослав. **ꙁѧть** [з·ęт·ь], русск. *зять*, ср. лит. *žéntas*, следовательно, [з·ęт·ь] < **zentь;* старослав. **десѧть** [д·ес·ęт·ь], русск. *десять*, ср. лит. *dẽšimt*, лат. *decem*, следовательно, [д·ес·ęт·ь] < **desemtь;* старослав. **пѫть** [пǫт·ь], русск. *путь*, ср. лат. *pons*. род. п. *pontis* («мост»), следовательно, [пǫт·ь] < **pontь.*

Такому же изменению подвергались сочетания гласных с носовыми согласными и в праславянских заимствованиях. Так, древнегерманское заимствование *kuning* (ср. нем. *König* — «король, князь») у славян стало звучать **kъnędz͡'ь* (старослав. **кънѧꙃь**, русск. *князь*), где [ъ] < **ŭ*, а [ę] из сочетания **in* перед согласным (об изменении **g* > [д͡'з'] см. ниже, § 119—122). Аналогично образовалось и старославянское **пѣнѧꙃь** [п·ĕн·ęд͡'з'ь] (мелкая монета) — с [ę] на месте германского **in*; ср. древнегерманское *phenning* (нем. *Pfennig*).

§ 101. Поскольку сочетания **en*, **em*, **on*, **om* и т. д. утрачивали носовой согласный лишь в закрытом слоге, а в положении перед гласным сохранялись (при этом происходило перемещение слоговой границы: гласный оказывался в конце слога, а носовой согласный начинал следующий слог), то носовые гласные могут чередоваться с сочетаниями гласных с носовыми согласными, т. е.

с сочетаниями, из которых они и образовались: старослав. **звѫкъ**, русск. *звук* — **звонъ**, русск. *звон* (из древнерусск. *звонъ*), *звонок*: старослав. **пѫты**, русск. *путы*, *опутать* — **запона**, **прѣпоны**, русск. *перепонка* (из *перепонъка*), церковнослав. *препоны*; старослав. **начѧти**, русск. *начать* — **начьнѫ**, **начинати**, русск. *начну*, *начинать*; старослав. **ѩти**, **възѧти**, русск. *взять* — **възьмѫ**, **имѣти**, русск. *возьму*, *заем*, *взимать*; ср. в конце слова: старослав. **имѧ** — **имене** (род. п.), русск. *имя* — *имени*.

Гласные, сочетавшиеся с носовыми согласными, могли чередоваться, поэтому после образования носовых гласных оказывается возможным чередование [ę]//[ǫ], отражающее старые качественные чередования гласных. Так, в словах **звьнѣти** — **звонъ** чередуются [ь]//[о] (ср. **бьрати** — **съборъ**); но в некоторых образованиях эти чередующиеся гласные в сочетании с носовыми согласными были в закрытом слоге и соответственно изменились **ьn* > [ę], **on* > [ǫ]: **звѧкати** — **звѫкъ** (русск. *звякать* — *звук*). См. в других корнях: старослав. **погрѧзнѫти**, русск. *погрязнуть*, *грязь* — **грѫзъ**, русск. *груз*, *погрузить(ся)*; старослав. **трѧсти**, русск. *трясти* — **трѫсъ** («землетрясение»), русск. *трус*, *трусить*; старослав. **сьпрѧгати**, русск. *упряжка*, *запрягать* — **сѫпрѫгъ**, русск. *супруг*.

Возможны и такие случаи, когда один из членов чередования не образовал носового гласного: старослав. **начѧти** ([ę] < **in*; ср. **начьнѫ**, **починъ**, русск. *начать* — *почин*) — **коньць**, русск. *конец*, где сочетание [он], находясь перед гласным, сохранилось.

Чередование носовых гласных возможно также и в аффиксах, например в глагольных окончаниях настоящего времени и в суффиксах причастий: старослав. **несѫтъ**, **ведѫтъ**, **несѫшти**, **ведѫшти**, русск. *несут*, *ведут*, *несущая*, *ведущая* — **просѧтъ**, **видѧтъ**, **просѧшти**, **видѧшти**, русск. *просят*, *видят*, *просящая*, *видящая*.

СУДЬБА СОЧЕТАНИЙ ГЛАСНЫХ С ПЛАВНЫМИ

Развитие неполногласных сочетаний

§ 102. Принципу возрастающей звучности слога противоречили и унаследованные праславянским языком индоевропейские дифтонгические сочетания с плавными **or*, **ol*, **er*, **el* и под. (см. § 74), поскольку более звучный слоговой гласный предшествовал здесь менее звучному плавному согласному.

Как и в рассмотренных выше случаях, дифтонгические сочетания с плавными сохранили последовательность и качество составлявших их элементов в положении перед гласными; при этом в результате перемещения слоговой границы плавный оказался в начале следующего слога. Так, праславянские *prostorъ, *koljǫ > > *kol'ǫ, *orati («пахать») и под. в старославянском языке продолжали звучать **просторъ** (со слоговым делением: [про-сто-ръ], русск. *простор*), **колѭ** ([ко-л'ǫ], русск. *колю*), **орати** ([о-ра-т·и], русск. диалектн. *орати* — «пахать») и т. д.

В положении перед согласным те же сочетания претерпели изменения, по-разному отразившиеся в разных славянских языках и даже в одном и том же славянском языке осуществившиеся по-разному в зависимости от качества слогового гласного и от положения в слове всего сочетания.

В старославянском языке в середине слов (т. е. в положении между согласными) на месте предполагаемых дифтонгических сочетаний кратких *ŏ (или *ă, совпавшего с *о) и *ĕ с плавными (т. е. на месте сочетаний типа *tŏrt, *tĕrt, *tŏlt, *tĕlt, где *t* — условное обозначение любого согласного) развились сочетания типа **трат, трѣт, тлат, тлѣт** (т. е. сочетания плавных с долгими гласными между согласными), которые принято называть неполногласными, так как в восточнославянских языках (в частности, в русском) в тех же морфемах между теми же согласными им соответствуют сочетания типа *тoрoт*, *терет*, *толот* (иногда *т'елот*), которые условно называют полногласными.

§ 103. Возникшие на месте дифтонгических сочетаний с плавными неполногласные сочетания совпали с исконными праславянскими сочетаниями **-ра-, -рѣ-, -ла-, -лѣ-**, находившимися в положении между согласными в одной морфеме. В связи с этим необходимо различать эти одинаково звучащие в старославянском языке, но генетически (по происхождению) различные сочетания.

Происхождение сочетаний типа **трат, трѣт, тлат, тлѣт** (в одной морфеме) обнаруживается в результате сопоставления однородных фактов разных славянских языков, в частности старославянского, с одной стороны, русского — с другой.

Исконные сочетания **-ра-, -рѣ-, -ла-, -лѣ-** являются общеславянскими, т. е. одинаково звучат во всех славянских

языках. Например, старославянским **правьда, крѣпъкъ, слабъ, слѣдъ** и под. в русском языке соответствуют слова, в корнях которых произносятся те же сочетания: ***пра**вда*, ***кре**пкий* (из *крѣпъкъ*), ***сла**бый*, ***сле**д* (из *слѣдъ*); ср. то же в польском (западнослав.): *prawidło, krzepki, słaby, ślad* (< *slědъ*, где [ě] > [a] после мягкого *l*), чешск. *pravidlo, křepký, slabý, sled*. Одинаковое произношение сочетаний в языках разных славянских групп и указывает на их исконность, т. е. на такое же произношение и в праславянском языке: **pravъ*, **krěpъkъ*, **slabъ*, **slědъ* (слог здесь всегда был открытым).

Если же слово содержит старославянское неполногласное сочетание **-ра-, -рѣ-, -ла-** или **-лѣ-** (между согласными в одной морфеме), развившееся из праславянского **ŏr*, **ĕr*, **ŏl* или **ĕl* в положении перед согласным, то на его месте в славянских языках других групп должны произноситься иные сочетания, так как в восточнославянских языках в положении между согласными **ŏr* > [оро], **ĕr* > [ере], **ŏl*, *ĕl* > [оло], а в западнославянских языках (кроме чешского и словацкого), например в польском, **ŏr* > [ro] (или *ró* [ru]), **ĕr* > [že] (из **re* > [rž'e]), **ŏl* > [*ło*], **ĕl* > [le].

На то, что в праславянском языке на месте старославянских неполногласных сочетаний произносились краткие гласные перед плавными, указывают факты других индоевропейских языков, сохранивших эти сочетания:

Старослав.	Русск.	Польск.	Другие индоевропейские языки	Праслав.
брада	*борода*	*broda*	нем. *Bart* («борода»)	**bŏrda*
градъ	*огород*	*gród*	нем. *Garten* («сад»)	**gŏrdъ*
врата	*ворота*	*wrota*	лит. *var̃tai* («ворота»)	**vŏrta*
брѣгъ	*берег*	*brzeg*	нем. *Berg* («гора»)	**bĕrgъ*
брѣза	*берёза*	*brzoza*	лит. *beržas*, нем. *Birke* («берёза»)	**bĕrza*
глава	*голова*	*głowa*	лит. *galvà*, лат. *calva* («череп»)	**gŏlva*
гласъ	*голос*	*głos*	нем. *Hals* («шея»)	**gŏlsъ*
сладъкъ	*солод*	*słodki*	лит. *saldùs* («сладкий»)	**sŏldъ*
млѣко	*молоко*	*mleko*	нем. *Milch* («молоко»)	*mĕlko*

Поскольку в положении перед согласным унаследованные праславянским языком сочетания *$\breve{o}r$, *$\breve{e}r$ и т. д. противоречили принципу возрастающей звучности слога, они к концу праславянской эпохи стали подвергаться изменениям. В большинстве славянских языков под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности произошла перестановка (метатеза) звуков внутри рассматриваемых сочетаний: *$\breve{o}r$ > *ro, *$\breve{e}r$ > *re и т. д. (см. польск. *broda* < *$b\breve{o}rda$, *głowa* < *$g\breve{o}lva$ и т. д.); при этом в языках южнославянских, в том числе и в старославянском (а также в чешском и словацком), метатеза сопровождалась удлинением гласного звука; таким образом, в положении перед согласным *$\breve{o}r$ > *$r\bar{o}$ > [ра] (так как *$\bar{o}$ > [а]), *$\breve{e}r$ > *$r\bar{e}$ > [р·ѣ] (т. е. **рѣ**, так как *$\bar{e}$ > [ѣ]), *$\breve{o}l$ > *$l\bar{o}$ > [ла], *$\breve{e}l$ > *$l\bar{e}$ > [лѣ].

Например, в праславянском *$b\breve{o}rda$, где первый слог был закрытым (*$b\breve{o}r$-da), произошла метатеза, сопровождавшаяся удлинением переместившегося в конец слога гласного звука: *$b\breve{o}r$-da > $br\bar{o}$-da, в результате чего закрытый слог стал открытым; как и в других случаях, *$\bar{o}$ > [а], поэтому в старославянском языке *$br\bar{o}da$ > **брада**. Точно так же праславянское *$b\breve{e}rg$ъ (*$b\breve{e}r$-gъ) > *$br\bar{e}g$ъ (*$br\bar{e}$-gъ — с открытым первым слогом) > **брѣгъ**; *$g\breve{o}lva$ (*$g\breve{o}l$-va) > *$gl\bar{o}va$ (*$gl\bar{o}$-va) > **глава**; *$m\breve{e}lko$ (*$m\breve{e}l$-ko) > $ml\bar{e}ko$ (*$ml\bar{e}$-ko) > **млѣко**.

В древнерусском языке (как и в лехитских диалектах, т. е. польских, кашубских, сербо-лужицких и полабских) метатезированный гласный остался кратким; но здесь между плавным и согласным (после которого оказался плавный в результате перестановки) развился новый гласный *о* или *е* — аналогичный прежнему (как полагают — из гласного призвука, произносившегося между оказавшимися рядом согласными): *$b\breve{o}rda$ > *$b^{ə}r\breve{o}$-da > *bə$roda$ > *борода* [бо-ро-да]; *$b\breve{e}rza$ > *$b^{ə}r\breve{e}$-za > bə$r\breve{e}za$ > *береза* [б'е-р'о-за]. В лехитских языках этот призвук был утрачен: *$b\breve{o}rda$ > *$b^{ə}r\breve{o}$-da > польск. *broda*; *$b\breve{e}rza$ > *$b^{ə}r'\breve{e}$-za > польск. *brzoza*.

Ту же судьбу имело в славянских языках сочетание *$\breve{a}r$ (с кратким *$\breve{a}$ > *$\breve{o}$) перед согласным в имени германского императора Карла Великого (771—814 гг.), которое было заимствовано славянами в качестве нарицательного наименования монарха: герм. *Karl* в южнославянских языках и в чешском звучит *kral*, в польском *król*,

в русском *король*. Этот факт указывает на то, что в конце VIII— начале IX в., когда славяне могли познакомиться с именем основателя Священной Римской империи, принцип возрастающей звучности слога еще был живой закономерностью.

§ 104. Различная судьба дифтонгических сочетаний гласных с плавными в старославянском и в русском языках позволяет выделять в составе русского литературного языка старославянские по происхождению (а точнее церковнославянские, см. § 1) слова, содержащие неполногласные сочетания, противопоставленные русским (восточнославянским) полногласным сочетаниям. Так, церковнославянское происхождение таких широко употребительных в нашем литературном языке слов, как *в**ра**тарь*, *пред**отвра**тить*, *об**ра**щение*, *в**ра**щать*, *ог**ра**да*, *ог**ра**ждение*, *прег**ра**дить*, *приб**ре**жный*, *г**ла**ва*, *г**ла**вный*, *ог**ла**вление*, *г**ла**варь*, *возг**ла**вить*, *г**ла**сный*, *ог**ла**сить*, *г**ла**сность*, *провозг**ла**шение*, *возг**ла**с*, *м**ле**копитающее* и др., свидетельствуется наличием в корнях этих слов неполногласных сочетаний *-ра-*, *-ре-*, *-ла-*, *-ле-*, которым противопоставлены в тех же морфемах русские полногласные сочетания *-оро-*, *-ере-*, *-оло-*: *в**оро**та*, *в**оро**тить*, *пов**оро**т*, *в**оро**т*, *ог**оро**д*, *г**оро**д*, *изг**оро**дь*, *пере**го**р**о**дить*, *б**ере**г*, *поб**ере**жье*, *г**оло**ва*, *пог**оло**вно*, *г**оло**с*, *г**оло**сить*, *м**оло**ко* и т. д. Нетрудно заметить, что слова с неполногласными сочетаниями употребляются в литературном языке обычно с отвлеченным или переносным значением, а также в качестве терминов, в то время как слова восточнославянского происхождения, как правило, употребляются для обозначения конкретных предметов, действий; ср., с одной стороны: *обращение* (товаров), *оградить* (от нападок), *глава* (правительства), *провозглашение* (республики) и т. д., с другой стороны: *поворот* (направо, налево), *перегородить* (комнату), *голова* («часть тела»), *голос* («звуки человеческой речи») и т. д.

Традиция использовать старославянизмы (точнее, церковнославянизмы) при обозначении отвлеченных понятий для русского литературного языка оказывается настолько устойчивой, что в ряде случаев русские корни с абстрактным значением оказались вытесненными церковнославянскими. Так, мы сейчас употребляем только корни *благо* (*блаженство*, *благородный* и т. п.), *враг* (*вражеский*, *вражда*), *вред* (*вредный*, *повредить*), *время* (*временный*, *повременить*, *современный* и т. д.), *плен* (*пленник*, *пленить*), *храбр* (*храбрость*)

и т. д., забыв о соответствующих древнерусских словах: *болого* (ср. название станции *Бологое*), *ворогъ* (ср. *ворожить*), *вередъ*, *веремя* (ср. *веретено*), *полонъ* (ср. *полонить*), *хоробръ* (ср. сохранившееся в былинах — *дружинушка хоробрая*).

Начальные сочетания перед согласными

§ 105. Судьба дифтонгических сочетаний **or*, **ol* в начале морфем (корней или приставок) несколько отлична от судьбы тех же сочетаний в середине слова.

В положении перед гласным эти сочетания, как и во всех других случаях, не подвергались изменению, так как плавный отходил к началу следующего слога и оба звука (гласный и плавный) сохранялись в первоначальной последовательности: праслав. **ŏrati* (**ŏr-a-ti*) > старослав. **орати**, русск. диалектн. *орати* (*о-ра-ти*); ср. то же сочетание в греч. ἀρόω [arṓō] («пашу»), лат. *arō* («пашу»), лит. *árti* («пахать»).

В положении перед согласным то же сочетание под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности подверглось изменению. В старославянском языке изменение было таким же, как и в положении между согласными: **ŏrt-*, **ŏlt-* (где *t* — любой согласный) > **rōt-*, **lōt* > **рат-**, **лат-** (где [a] < **ō*). Так же изменились эти сочетания и во всех других славянских языках, но только в том случае, если находились под восходящей интонацией (т. е имели некогда долгий гласный, впоследствии сократившийся).

Например, в образованиях с корнем **-or-* (что и *орати*) перед согласным в славянских языках находим: праслав. **ŏr-ta-jь* > > **rōtajь* > старослав. **ратаи** («пахарь»), русск. диалектн. ***ратай***; праслав. **ŏrdlo* > **rōdlo* > старослав. **рало**, сербск. *рȁло*, древнерусск. ***рало***, чешск. *rádlo*, ср. лит. *árklas* («соха»).

Под нисходящей интонацией те же сочетания в речи восточных и западных славян изменялись без удлинения гласного, т. е. в *рот-*, *лот-*, а не в *рат-*, *лат-*, как в старославянском и других южнославянских языках. Факты других индоевропейских языков подтверждают предположение о происхождении таких сочетаний из дифтонгических сочетаний гласных с плавными:

Праслав.	Другие индоевропейские языки	Старослав.	Русск.	Польск.
*ŏrbъ	нем. *Arbeit* («работа»)	**рабъ**	*хлебороб*	*robota*
*ŏrvьnъ	лат. *arvum* («пашня»)	**равьнъ**	*ровный*	*równy*
*ŏrstъ	греч. ὀρσοδάκνη [*ŏr-sŏdáknē*] («росток»)	**растъ**	*рост*	*rosły*
*ŏldĭji	лит. *aldijà* («лодка»)	**ладии**	*лодка*	*łódka*
*ŏlkъtь	лит. *alkū́n·e* («локоть»)	**лакъть**	*локоть*	*łokieć*

Любопытно, что в отдельных старославянских памятниках отражено иное изменение подобных сочетаний, что, видимо, имело место в языке болгарских славян: гласный перед плавным сохраняется, но после плавного развивается редуцированный. Например, праслав. **ŏlkati (*ŏl-ka-ti)* («ощущать голод») (ср. лит. *álkati*) вместо ожидаемого ***лакати** (ср. чешск. *lákati*, сербск. *ла̏ком*) в старославянском языке отражается в виде **алъкати, алъчьнъ**; праслав. **ŏldĭji*, наряду с **ладии,** в старославянских памятниках отражено также и в виде **алъдии.**

§ 106. Различная судьба праславянских дифтонгических сочетаний перед согласными в начале морфем в разных славянских языках при нисходящей интонации также дает возможность выделить старославянские заимствования в составе русского литературного языка. Так, наличие сочетаний *ра-*, *ла-* в словах *раб*, *равный*, *растение*, *ладья* и под., противопоставленных русским *роба*, *робот*, *ровный*, *рост*, *прирост*, *лодка*, позволяет говорить о словах типа *раб*, *равный* как старославянских заимствованиях, которые обычно используются для обозначения отвлеченных понятий в отличие от русских соответствий, выступающих с конкретным значением: *равные* (величины) — *ровное* (поле), *растение*, *возраст* («время жизни») — *рост* («размеры»), *рослый* и т. д.

Сочетания плавных с редуцированными

§ 107. В старославянских памятниках следует различать д в а т и п а сочетаний плавных с редуцированными между согласными (т. е. сочетаний **трът, трьт, тлът, тльт**) в корнях слов. Эти два типа сочетаний различались не только происхождением, но и звуковым значением.

Различия в происхождении и звуковом значении между двумя типами написаний **трът** и под. обнаруживаются в результате их сопоставления с фактами других славянских языков, в частности русского.

а) В одних случаях старославянским написаниям **трът, трьт, тлът, тльт** в русском языке соответствуют сочетания *торт*, *терт*, *толт*, т. е. такие, в которых гласный предшествует плавному.

Например, старослав. **грьдъ, гръло, кръмъ** — русск. *гордый*, *горло*, *кормить*; старослав. **врьхъ** или **връхъ, првъ** или **прьвъ, прьстъ** или **прьстъ** — русск. *верх*, *первый*, *перст*; старослав. **вльна** или **влъна, влькъ** или **влъкъ, дльгъ** или **длъгъ** — русск. *волна*, *волк*, *долг*.

б) В других случаях старославянским написаниям **трът, трьт, тлът, тльт** в русском языке соответствуют сочетания *трот*, *трет*, *тлот*, *тлет*, т. е. такие, в которых гласный следует за плавным.

Например, старослав. **бръвь** (вин. п.), **кръвавъ** — русск. *бровь*, *кровавый*; старослав. **крьстъ, брьвьно** — русск. *крест*, *бревно*; старослав. **блъха, глътъка** — русск. *блоха*, *глотка*; старослав. **сльза, бльснѫти** — русск. *слеза*, *блеснуть* и т. д.

§ 108. Происхождение сочетаний плавных с **ъ** или **ь**, которым в русском языке соответствуют сочетания типа *торт*, обнаруживается в результате сопоставлений фактов славянских языков с данными других индоевропейских языков:

Старо-слав.	Русск.	Другие индоевропейские языки	Предполагаемое праславянское
гръдъ[1]	*гордый*	лат. *gŭrdus* («глупый»)	*gъ̥rdъ < *gŭrdŏs
гръло	*горло*	лат. *gŭrgulio* («дыхательное горло»), лит. *gurklȳs* («зоб»)	*gъ̥rdlo < *gŭrdlŏs
врьхъ	*верх*	лит. *viršus* («верх»)	*vьr̥xъ < *vĭrsŭs
прьстъ	*перст*	лит. *piřštas* («палец»)	*pьr̥stъ < pĭrstŏs

[1] О написаниях **-ръ-** или **-рь-** и т. д. см. ниже.

Продолжение

Старо-слав.	Русск.	Другие индоевропейские языки	Предполагаемое праславянское
длъгъ	*долгий*	лат. *indŭlgeo* («быть снисходительным, долготерпеливым»), древнеинд. *dirghā́ḥ* («длинный»)	**dъ̯l̥gъ < *dŭlgŏs*
влькъ	*волк*	лит. *vil̃kas*, древнеинд. *vr̥kaḥ* («волк»)	** vь̯l̥kъ < vĭlkŏs*
плънъ	*полный*	лит. *pìlnas* («полный»), древнеинд. *pr̥nā́ti* («наполнять»)	** pь̯l̥nъ < *pĭlnŏs*

Сопоставления указывают на то, что в праславянском языке в сочетаниях рассматриваемого типа редуцированный гласный произносился перед плавным (где сейчас в русском языке произносится [е] или [о], развившийся из этого редуцированного): **gъrdъ*, **vьrxъ*, **dъlgъ*, **vьlkъ* и т. д.[1].

Поскольку сочетания, оканчивавшиеся плавным согласным, противоречили принципу возрастающей звучности слога, если далее следовал согласный звук, то они в праславянском языке претерпели изменение: конечный в слоге плавный стал слоговым звуком, а предшествовавший ему редуцированный стал произноситься как неслоговой призвук, т. е. как звук менее звучный, чем последующий слоговой плавный: **gъr-dъ > *gъ̯r̥-dъ*, **vьr-xъ > *vь̯r̥-xъ* и т. д. В дальнейшем неслоговые **ъ̯* и **ь̯* перед слоговыми плавными совсем перестали произноситься: [гр̥дъ], [вр̥хъ], [дл̥гъ], [вл̥къ]; в старославянских текстах это отражается в смешении букв **ъ** и **ь** после **р** и **л**: **грьдъ** или **грьдъ**, **връхъ** или **врьхъ**, **длъгъ** или **дльгъ**, **влъкъ** или **влькъ**.

Слоговые плавные сохранились после утраты неслогового редуцированного в ряде славянских языков: сербско-хорватском, сло-

[1] Вспомним, что *ъ < *ŭ*, а *ь < *ĭ*. Можно предполагать, что в ряде корней литовские и ранние праславянские сочетания **ŭr*, **ĭr*, **ŭl*, **ĭl* образовались на месте индоевропейских слоговых плавных **r̥* и **l̥*.

венском, чешском, словацком: старослав. **гръдъ** [гр̥дъ], сербск. *гр̏дан* («безобразный, противный»), чешск. *hrdý* [hŕ̥dȳ] («гордый»); старослав. **врьхъ** [вр̥хъ], сербск. *вр̑х*, чешск. *vrch* [vr̥x]; старослав. **зрьно** [зр̥но], сербск. *зр̏но*, чешск. *zrno* [zŕ̥no]; старослав. **влькъ** [вл̥къ], сербск. *вŷк*, чешск. *vlk* [vl̥k].

В других славянских языках, в частности в древнерусском, плавные в разное время утратили способность образовывать слог, а редуцированный гласный вновь стал слоговым; при этом в древнерусском языке он оказался в сильном положении и в дальнейшем прояснился в гласный полного образования: **vьr̥xъ* > древнерусск. *вьр̥хъ* > совр. *верх*; **zьr̥no* > *зьр̥но* > *зерно* и т. д.

§ 109. Закрепившиеся в старославянских памятниках письменности написания типа **тр̥ът, тр̥ьт, тл̥ът, тл̥ьт,** обозначавшие слоговые плавные в положении между согласными, совпали с такими же написаниями, отражавшими исконные (общеславянские) сочетания плавных с редуцированными в положении между согласными.

О том, что написания **ръ, рь** и т. д. в ряде корней отражают исконные общеславянские сочетания и потому обозначают два звука — плавный и слоговой редуцированный гласный, свидетельствуют параллели из индоевропейских языков:

Старослав.	Русск.	Другие индоевропейские языки	Предполагаемое праслав.
бръвь (вин. п.)	*бровь*	лит. *bruvìs* («бровь»), древнеинд. *bhrūḥ* («бровь»)	**brъvь* < **brŭu̯ĭs*
кръха	*кроха* *крошить*	лит. *krùšti* («толочь»), греч. κρούω [krū́ō] («стучу»)	**krъxa* < **krŭsa*
крьстъ	*крест*	из древненем. *Krist* («Христос»)	**krьstъ* < **krĭstŏs*
брьвьно	*бревно*	галльск. *briva* («мост»), нем. *Brücke* («мост, половик»)	**brьvьno* < **brĭu̯-*

Старослав.	Русск.	Другие индоевропейские языки	Предполагаемое праслав.
плъть	*плоть*	лит. *plutà* («корка, толстая кожа»)	**plъ̥tь < *plŭtĭs*
блъха	*блоха*	лит. *blusá* («блоха»)	**blъ̥xa < *blŭsa*
бльснѫти	*блеснуть*	лит. *blizgéti* («мерцать»), греч. φλέγω [flĕ́gō] («горю»)	**blь̥sk- < *blĭsk-*

Редуцированный гласный в этих сочетаниях мог быть как в сильном, так и в слабом положении — в соответствии с общими правилами (см. § 52—54): **бръвь, крьсть** и под. — в сильном положении (под ударением); **блъха, сльза** и под. — в слабом положении (в безударном положении перед слогом с гласным полного образования).

Дополнительная литература к §§ 73—109

С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, I. М., 1961, § 10, 20—23, 25—26, 30—32, 39—40, 42—43, 46—47, 65.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, § 12—13.

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, § 51—92 (стр. 39—65), 174—186 (стр. 126—148), 191—197 (стр. 152—159).

А. М. Селищев. Старославянский язык. М., 1951, ч. I, § 44—107, 156—170, 194—197.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Происхождение твердых согласных

§ 110. При рассмотрении системы согласных звуков старославянского языка было обращено внимание на наличие в этой системе несоотносительных твердых и мягких согласных (см. § 65). Славянские твердые и мягкие согласные резко противопоставляются генетически: в то время как мягкие согласные появились в процессе развития праславянского языка к концу праславянской эпохи (см. об этом ниже), твердые славянские согласные в основном

в несколько упрощенном виде продолжают индоевропейские твердые, а иногда и мягкие (палатальные) согласные.

§ 111. Индоевропейским наследием являются праславянские твердые взрывные согласные *b, *p, *d, *t, *g, *k*: они отражают совпавшие в одном звучании индоевропейские простые и придыхательные взрывные согласные и сохраняются в старославянском и современных славянских языках:

[б] < праслав. *b* < индоевроп. *b*, *bh*;
[п] < *p* < *p*, *ph*;
[д] < *d* < *d*, *dh*;
[т] < *t* < *t*, *th*;
[г] < *g* < *g*, *gh*;
[к] < *k* < *k*.

Славянские твердые сонорные согласные непосредственно продолжают индоевропейские сонорные, т. е. старославянские и русские [м] < *m*, [н] < *n*, [р] < *r*, [л] < *l*. В отношении последнего из этих согласных следует отметить, что в праславянском языке он произносился как «средний» (полумягкий) согласный, но в положении перед гласными заднего ряда, а также перед согласным *l* в ряде праславянских диалектов рано отвердел.

§ 112. Сложнее происхождение славянских фрикативных твердых согласных. Как показывают результаты сравнительно-исторических исследований, древние индоевропейские диалекты знали лишь один позиционно не обусловленный фрикативный согласный — *s*; этот согласный в некоторых фонетических позициях (в начале слова, а также в середине слова — после *a*, *e*, *o*, *n*, *m*, *l* перед гласными и в любом случае перед взрывным согласным) сохранился в праславянском языке и продолжает сохраняться в современных славянских языках: старослав. **самъ**, русск. *сам*, ср. древнеинд. *samáḥ*, готск. *sama*; старослав. **сынъ**, русск. *сын*, ср. лит. *sūnùs*, древнеинд. *sūnúḥ*, готск. *sunus*; старослав. **гость**, русск. *гость*, ср. лат. *hostis* («враг»), готск. *gasts*; старослав. **роса**, русск. *роса*, ср. лат. *rōs*, лит. *rasà*, древнеинд. *rasā́* («влажность»); старослав. **носъ**, русск. *нос* (из древнерусск. *носъ*), ср. лит. *nósis*, древнеинд. *nasóḥ*.

В положении перед звонким взрывным согласным фрикативному *s соответствовал индоевропейский звонкий *z, который в этом случае сохраняется и в славянских языках: старослав. **мьзда**, русск. *мзда*, ср. готск. *mizdo* («плата»), осетинск. *mizd*; старослав. **мозгъ**, русск. *мозг*, ср. древнеиранск. *mazga* («мозг»), вин. п. *mazgəm*, прусск. *muzgeno* («костный мозг»).

В конце слов индоевропейский *s в праславянском языке **был утрачен**, так как противоречил принципу возрастающей звучности слога: старослав. **сынъ**, ср. лит. *sūnùs*, готск. *sunus*, следовательно, старослав. [сынъ] < **sūnŭs*, где [ы] < **ū*, [ъ] < **ŭ*, а конечный *s утратился; старослав. **врьхъ**, ср. лит. *viršùs*, следовательно, старослав. [врхъ] < праслав. **vьrxъ* < **vĭrsŭs*, где **ĭ* > [ь], **ŭ* > [ъ], а конечный *s утратился; старослав **гость**, ср. лат. *hostis* («враг»), следовательно, [гость] < **gŏstĭs*, где [ь] < **i*, а конечный *s утратился.

§ 113. [*x*] < *s. В положении после *r, *k, *i (на месте которого в старославянском языке [и], [ь], а также [ě] < **oį, *aį*), **u* (на месте которого в старославянском языке [ы], [ъ], а также [у] < **oų, *aų*) и не перед взрывным согласным индоевропейский фрикативный *s в праславянском языке изменился в *x, что и обнаруживается при сопоставлении фактов славянских языков с данными других индоевропейских языков: старослав. **мъхъ**, русск. ***мох***, ср. лит. *mūsas*, мн. ч. *musaĩ* («плесень»), лат. *mŭscŭs* («мох»), нем. *Moos*; старослав. **оухо**, русск. *ухо*, ср. лит. *ausìs*, готск. *auso*, лат. *auris* (из **ausis*); старослав. **тихъ**, русск. *тихий;* ср. лит. *teisùs* («справедливый»); ср. в окончании **-хъ** < **sŭ*: **гостьхъ, сынъхъ, мѣстѣхъ** и т. д., русск. *гостях*, *местах*, ср. древнеинд. *sūnúsu*, *açvásu*, *vr̥kesu* и т. д., лит. *sunūsù*, *akisù* и т. д.; ср. в формах так называемого сигматического аориста, где перед окончанием, содержавшим взрывной согласный, [с] сохраняется: 1-е л. ед. ч.— **хвалихъ, коупихъ** и т. д., 2-е л. мн. ч.— **хвалисте, коуписте.**

[х] < **kh*, **sg (h)*. В ряде основ славянский задненебный глухой фрикативный согласный [х] образовался из индоевропейского взрывного придыхательного **kh* или, как предполагал В. М. Иллич-Свитыч, из **sg (h)*[1]: старослав. **соха**, русск. *соха* — ср. древнеинд.

[1] См.: В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального *х-* в праславянском (Поправка к «закону Зибса»). «Вопросы языкознания», 1961, № 4. Некоторые слависты отрицают возможность происхождения славянского

çákha, древнеиранск. *šach*, лит. *šakà* («сук, ветвь»); старослав. **прорѣхa** (корень **-рѣх-**; см. также *решето* < **rěx-ětŏn*) — ср. древнеинд. *rēkhā* («черта, линия»), *rikhati* («режет»), лит. *rēkti* («резать хлеб») или *rezgù*, *règsti* («связывать»), латыш. *rekšis*, *režgis* («решето»); старослав. **храбръ**, русск. церковнослав. *храбрый* (из **xŏrb-r-*) — ср. древнеинд. *kharaḥ* («твердый, острый»; по мнению В. М. Иллича-Свитыча,— *kharaḥ* из **skhara-* < **sghara-*), греч. κάρκαρος [*kárxarŏs*] («острый»), латыш. *skar̃bs* («резкий, суровый, гневный»), древнеисл. *skarpr* («жестокий»), древнеангл. *scearp* («острый; резкий»).

§ 114. Из различных индоевропейских взрывных мягких (палатальных) согласных произошли остальные славянские твердые фрикативные согласные.

[з] < **g'*, **g'h*, поэтому в других индоевропейских языках славянскому [з] в одних случаях соответствуют рефлексы индоевропейского **g'*, в других случаях — рефлексы индоевропейского ***g'h***: старослав. **знати**, русск. *знать;* ср. греч. γιγνώσκω [gignṓsko] («я знаю»), лат. *gnōseō* («знаю»), древнеинд. *jānā́ti* («знает»); старослав. **зима**, русск. *зима;* ср. греч. χειμών [xei̯mṓn], лат. *hiems*, древнеинд. *himaḥ*[1].

[с] < **k'*. В ряде слов славянский твердый фрикативный зубной согласный [с] происходит из индоевропейского палатального **k'*, рефлексы которого и соответствуют [с] такого происхождения в других индоевропейских языках: старослав. **съто**, русск. *сто*, ср. греч. ἑκατόν [hĕ-katṓn], лат. *centum*, готск. *hund;* старослав. **десѧть**, русск. *десять*, ср. греч. δέκα [déka], лат. *decem*, готск. *taihund* (ср. материал § 112, где славянскому [с] в других индоевропейских языках соответствует [s]).

Наконец, не раз указывалось, что губной фрикативный согласный [в] развился в праславянском языке на месте неслогового гласного **u̯* в положении перед гласным.

---

x < **kh* (см., например: K. Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955, стр. 105; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958, стр. 12).

[1] В этих соответствиях греческое и латинское *g*, древнеиндийское *j* отражают индоевропейское **g'*, а *x* и *h* отражают индоевропейское **g'h*.

Происхождение мягких согласных

§ 115. В отличие от твердых старые славянские мягкие согласные [j], [ж'], [ш'], [ж͡'д'], [ш͡'т'], [ч'], [д͡'з'], [ц'], а также [н'], [л'], [р'], [с'] развились в праславянском языке из ранних праславянских (не индоевропейских) согласных звуков. Все они были мягкими с самого начала своего появления в праславянском языке, в связи с чем их обычно называют исконносмягченными, противопоставляя согласным, сначала произносившимся полумягко, но затем в некоторых славянских языках (например, в русском) ставшим мягкими.

§ 116. [j] < *i̯. Особо из исконносмягченных следует отметить согласный [j], который мог происходить не из согласного, а из неслогового гласного *i̯ в позиции перед слоговым гласным звуком. Так, например, в слове **поѥть** [појетъ] согласный [j] развился из *i̯, являвшегося неслоговым элементом дифтонга *o͡i̯ (т. е. [појетъ] < **poi̯etъ*, см. § 94—95).

В отдельных случаях *i̯, из которого происходит [j], мог развиться из слогового *i в результате сокращения последнего в положении перед гласным. Например, в причастии **прошенъ**, образованном от основы инфинитива глагола **просити** с помощью суффикса **-ен-** (точнее *-e-n-), [ш'] < *sj (см. об этом ниже, § 129): **прошенъ** < **prosjenъ;* при этом [j] < *i̯ < *i, т. е. образование **prosi-en-* > > **prosi̯en-* > **prosjen-* > **прошен-**.

Из сказанного очевидно, что в праславянском языке [j] мог находиться лишь в положении перед гласным звуком, но был невозможен в положении перед согласным[1].

Все остальные исконносмягченные, кроме [j], произошли в результате смягчения (палатализации)[2] различных праславянских твердых согласных.

---

[1] В начале слова [j] мог быть протетическим, развившимся также из *i̯ (см. § 57—59); в некоторых словах славянский [j] восходит к индоевропейскому **j*: **юнъ**, русск. церковнослав. *юный* [јун-]; ср. древнеинд. *yúvā*, лат. *juvenis*, готск. *juggs*, нем. *jung* («юный»).

[2] Палатализация — от лат. *palatum* — «нёбо (твердое)». Термин «палатальный согласный», т. е. «нёбный», точнее передает особенность образования согласного звука, чем русский термин «мягкий согласный», который не указывает на артикуляционное отличие «мягкого» согласного от «твердого» и по происхождению является метафорой.

§ 117. I смягчение. Как указывалось в обзоре согласных звуков старославянского языка (см. § 65), в древнюю пору развития языка славян существовала тенденция к палатализации твердых согласных перед гласными переднего ряда. В силу этой тенденции твердые губные и переднеязычные согласные перед гласными переднего ряда произносились полумягко, т. е. с небольшим смещением места образования согласного к средней части нёба.

Тенденция к палатализации распространялась и на задненёбные согласные [г], [к], [х], если они находились перед гласными переднего ряда. Однако в этом случае изменение места образования согласного оказывалось настолько значительным, что задненёбный согласный, смещаясь в область твердого нёба, приобретал новое качество и начинал произноситься как палатальный (т. е. нёбный) шипящий согласный. В результате на месте задненёбного фрикативного глухого *x перед гласными переднего ряда начинал произноситься мягкий фрикативный глухой шипящий [ш’]; на месте смычного глухого *k — смычный глухой [ч’]; на месте звонкого *g — звонкий *$\widehat{d\check{z}}$’, рано утративший смычный элемент и изменившийся в [ж’].

Процесс изменения твердых задненёбных согласных в мягкие (палатальные) шипящие согласные *x > [ш’], *k > [ч’], *g > *$\widehat{d\check{z}}$’ > [ж’] в положении перед гласными переднего ряда принято называть **первым переходным смягчением (палатализацией) задненёбных согласных**[1].

Например, в праславянском языке в период I смягчения задненёбных **teixīnā* (где *x < *s, ср. лит. *teisùs* — «справедливый») > > **tišina*, старослав. **тишина** [т·иш’ина]; точно так же: **kędŏ* (ср. нем. *Kind* — «дитя», сохраняющее [k] и сочетание [in] перед согласным) > **čędo*, старослав. **чѧдо** [ч’ędо]; **gĕnā* (ср. лат. *gens* — «род, племя», *gĕnŭs* — «род», греч. γένος [génŏs] — «рождение») > > $\widehat{d\check{z}}$*’ena*, старослав. **жена** [ж’ена].

---

[1] Смягчение называют переходным, если оно приводит к образованию звука нового качества.

Особо нужно отметить положение задненёбных перед *ē: после изменения задненёбных в мягкие шипящие перед праславянским *ē сам *ē после мягких шипящих изменился в [’а] (см. § 77): *krikēti > *krič’ēti > kričati, старослав. **кричати** [кр·ич’ат·и]; ср. **видѣти**, где в том же суффиксе не после мягкого согласного *ē > [ě] (**ѣ**); *mъnogējьši > *mъnožējьši > старослав. **мъножаиши** [мънож’айш’и]; ср. **вѣрьнѣиши**, где в том же суффиксе не после мягкого согласного *ē > [ě] (**ѣ**).

То же можно отметить в корнях слов: *kēdъ > *č’ēdъ > старослав. **чадъ**, русск. *чад*; ср. **кадити**, русск. *кадить*, где перед гласным заднего ряда в том же корне задненёбный сохранился; ср. также греч. κοδομή [kŏdŏmē] («обжигальница ячменя»), лат. *ac-cendo* («зажигаю»); *gērъ > *ž’ēr > старослав. **жаръ**, русск. *жар;* ср. **горѣти**, русск. *гореть*, *гарь*, где перед гласным заднего ряда в том же корне задненёбный сохранился; ср. также древнеинд. *gharmáḥ* («пыл, жар»), древнеиранск. *garəmō* («горячий»), ирл. *gor* («теплота, огонь»), лит. *gāras* («чад, дым»).

§ 118. Первое переходное смягчение задненёбных согласных отражается в славянских языках, в частности в старославянском и русском, в виде ч е р е д о в а н и я з а д н е н ё б н ы х и ш и п я щ и х с о г л а с н ы х: задненёбный согласный сохранился в положении перед гласным заднего или среднего ряда, в то время как перед старым гласным переднего ряда на месте задненёбного согласного оказывается шипящий: старослав. **тихо**, русск. *тихо* — **тишина**, русск. *тишина*, где чередуются [*x*]//[ш’ > ш]; старослав. **ходити**, русск. *ходить* — **шьдъ**, русск. *шедший*, где чередование [*x*]//[ш’ > ш] вызвано чередованием корневых гласных [о]//[ь > е]; старослав. **рѫка**, русск. *рука* — **поржчити**, русск. *поручить*: чередуются [к]//[ч’]; старослав. **кадити**, русск. *кадить* — **чадъ**, русск. *чад*, где чередование [к]//[ч’] вызвано праславянским чередованием гласных в корне: *ō//*ē (см. § 90); старослав. **полагати**, русск. *полагать* — **положити**, русск *положить*, где чередуются [г]//[ж’ > ж]; старослав. **горѣти, гарь**, русск. *гореть*, *гарь* — **жаръ, жьрьць**, русск. *жар*, *жрец* (из древнерусск. *жьрьць*), где чередование [г]//[ж’ > ж] вызвано старыми качественными чередованиями корневых гласных *ō//*ē > [а]//[’а] и *ŏ//*ĭ > [о]//[ь].

Чередования задненёбных с шипящими, возникнув как чередования п о з и ц и о н н ы е (задненёбные — перед задними гласными,

шипящие — перед передними гласными), с течением времени закрепились как чередования исторические, уже не связанные с позицией согласного звука. Переход этих чередований в исторические, традиционные намечается уже в праславянском языке, когда произошло изменение $*\bar{e} >$ ['а] после мягких шипящих: в период древнейших старославянских памятников шипящий в таких образованиях, как **слышати, кричати, чадъ, лежати, жаръ** и под., уже не был перед гласным переднего ряда, который когда-то обусловил его появление в этих словах; а при сопоставлении **слышати — слоуха** (род. п.), **кричати — крика, чадъ — кадити, жаръ — гарь** и т. д. обнаруживаем, что шипящий и задненёбный здесь оказываются в тождественной фонетической позиции — перед гласным [а], который лишь исторически восходит к гласному переднего ряда $*\bar{e}$ в одном случае, к гласному заднего ряда $*\bar{o}$ — в другом.

Переход позиционных чередований задненёбных и шипящих согласных в исторические завершается после падения редуцированных, когда в ряде слов и форм шипящие оказываются в положении перед согласными: **рѫка — рѫчька,** после падения редуцированных — **рѫчка,** где утратился гласный переднего ряда [ь], некогда обусловивший появление [ч'] (из $*k$). Ср. также **ходити — шьла > шла** [ш'ла] — после утраты слабого редуцированного, вызвавшего смягчение $*x >$ [ш'] в форме **шьла,** шипящий оказывается перед согласным, где он позиционно не обусловлен.

§ 119. II смягчение. Когда I переходное смягчение задненёбных уже закончилось, охватив все возможные позиции, под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности в праславянском языке образовались новые гласные переднего ряда [ě] (ѣ) и [и] из дифтонгов $*\widehat{\breve{\bar{o}}i̯}$, $*\widehat{\breve{\bar{a}}i̯}$. Так как дифтонги начинались гласным заднего ряда, то задненёбные согласные перед ними в период I переходного смягчения не претерпевали изменений. Теперь же, когда на месте этих дифтонгов стали произноситься гласные переднего ряда, в ряде слов или форм задненёбные согласные вновь оказались в положении перед передними гласными. И это вновь вызвало передвижение артикуляции задненёбных. В результате на месте задненёбных стали произноситься передненёбные мягкие (палатальные) согласные, но теперь уже не шипящие, а свистящие.

Процесс изменения твердых задненёбных согласных в мягкие (палатальные) свистящие согласные *x > [с'], *k > [ц'], *g > [д'з'] > [з'] в положении перед гласными [ě] (ѣ) и [и] дифтонгического происхождения принято называть **вторым** переходным смягчением (палатализацией) задненёбных согласных.

Например, в период I переходного смягчения задненёбных слово **kŏi̯nā* (ср. лит. *kainà* — «цена, возмездие») не претерпело изменений в звуковом составе, так как задненёбный **k* находился перед гласным заднего ряда. Однако в период действия тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности дифтонг **o͡i̯* в положении перед согласным изменился в гласный переднего ряда [ě], слово стало произноситься **kěna*, где **k* оказался перед гласным переднего ряда. В результате передвижения артикуляции задненёбного **kěna* > **cěna*, старослав. **цѣна**, русск. *цена*.

§ 120. Результаты II переходного смягчения задненёбных в старославянском языке обычны в конце основ, оканчивавшихся задненёбными согласными, так как многие окончания имён, а также глаголов содержали некогда дифтонг **o͡i̯*, изменившийся в [ě], [и]:

а) дательный — местный падеж единственного числа и именительный — винительный падеж двойственного числа существительных и прилагательных женского рода (типа *вода*, *нова́*): **водѣ, ноѕѣ** (где перед [ě] < **o͡i̯* на месте **g* по II переходному смягчению [д͡'з']: ср. **нога**), **рѫцѣ** (ср. **рѫка**), **велицѣ странѣ** (ср. **велика страна**);

б) местный (русский предложный) падеж единственного и множественного чисел существительных и прилагательных мужского и среднего рода: **столѣ, столѣхъ** (русск. *на столе*, *на столах*), **влъцѣ** (где перед [ě] < **o͡i̯* на месте **k* по II переходному смягчению [ц']; ср. **влъкъ**), **влъцѣхъ, сладъцѣ соцѣ** (ср. **сладъкъ сокъ**), **въ оцѣ** (ср. **око**), **мъноѕѣхъ селѣхъ** (ср. русск. *во многих сёлах*);

в) именительный падеж множественного числа существительных и прилагательных мужского рода: **столи, влъци** (ср. **влъкъ**), **оученици** (ср. **оученикъ**), **слоуси** (ср. **слоухъ**), **высоци стлъпи** (ср. **высокъ стлъпъ**);

г) формы повелительного наклонения глаголов: **бери, берѣте** (русск. *бери*, *берите*), **помоѕи, помоѕѣте** (ср. **помогѫ**), **пьци пьцѣте** (ср. **пекѫ**) и т. д.

§ 121. В южных и восточных славянских диалектах задненёбные согласные изменялись в мягкие свистящие согласные и в том случае, если от гласного **ě* или **i* дифтонгического происхождения их отделял согласный **v*: **kvoįtъ* > **květъ* > старослав. **цвѣтъ**, русск. *цвет*; **gvoįzda* > **gvězda* > старослав. **ѕвѣзда**, русск. *звезда*; именительный падеж множественного числа от слова **вльхвъ** («волшебник, предсказатель») **vьlxvoį* > **vьlxvi* > старослав. **вльсви**, древнерусск. *вълсви* (соврем. *волхвы*).

В западнославянских языках такого изменения задненёбных перед [v] не происходило; ср.: русск. *цвет*, польск. *kwiat*, чешск. *květ*; русск. *звезда*, польск. *gwiazda*, чешск *hvězda*.

§ 122. III смягчение. В ряде слов и форм мягкие свистящие согласные на месте задненёбных обнаруживаются не перед [ě] (ѣ) или [и] дифтонгического происхождения, а в иных условиях. Так, невозможно объяснить II переходным смягчением появление мягких свистящих согласных в таких, например, словах, как **нарицати**, русск. *нарицательный*, *порицать* (ср. **рекѫ, нарѣкати**), **овьца**, русск. *овца* (ср. древнеинд. *avikà*), **мрьцати**, русск. *мерцать* (ср. **мрькнѫти**), **зрьцало** (ср. русск. *зеркало*), **лице**, русск. *лицо* (ср. **ликъ, обликъ**), **польза**, русск. *польза* (ср. **льгъкъ**), **кънѧѕь**, русск. *князь* (ср. **кънѧгыни**), и т. д.: во всех случаях после мягкого свистящего следует либо [а], который не из **ē* (так как в этом случае на месте задненёбного был бы шипящий — по I переходному смягчению), либо гласный переднего ряда [е], [ь], который не является старым передним гласным, так как в этом случае на месте задненёбного в период I переходного смягчения развился бы шипящий согласный.

Указанные случаи палатализации задненёбных были впервые отмечены известным русским языковедом И. А. Бодуэном де Куртенэ, который предположил здесь межслоговую ассимиляцию, т. е. влияние на задненёбные предшествующих гласных переднего ряда (следовательно, гласных предшествующего слога). Процесс изменения твердых задненёбных согласных в мягкие (палатальные) свистящие согласные под влиянием предшествующих гласных переднего ряда можно обозначить как **третье** переходное смягчение (палатализацию) задненёбных согласных. Иногда этот процесс характеризуют как

разновидность II переходного смягчения задненёбных, так как результаты обоих процессов совпадают; некоторые лингвисты называют III переходное смягчение бодуэновской палатализацией — по имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, впервые отметившего и попытавшегося объяснить этот процесс.

Ряд деталей III переходного смягчения задненёбных остается пока невыясненным до конца. Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ обратил внимание на то, что имеется немало слов и форм, где палатализация оказалась неосуществленной, хотя для ее осуществления были все условия; полагают, что это зависело от места ударения. Основные же условия были следующими: III переходное смягчение осуществлялось после гласных переднего ряда *i, *ь, *ę (старослав. ѧ), а также после *r̥ (из *ьr̥) перед любым гласным (не передним, так как перед гласными переднего ряда произошел раньше процесс изменения задненёбных в шипящие), кроме *ъ, *y (старослав. ꙑ). Таким образом, на изменение артикуляции задненёбных оказывали влияние только звуки, по своему происхождению связанные с гласным верхнего подъема *i, так как поздний праславянский *i < *ī, *ь < *ĭ, *ę < *in, *r̥ < *ĭr; а фактором, препятствовавшим смягчению, были звуки, по своему происхождению связанные с лабиализованным индоевропейским задним гласным верхнего подъема *u, так как славянские *ъ < *ŭ, *y (ꙑ) < *ū.

§ 123. Результаты III переходного смягчения задненёбных, как и результаты II смягчения, отражаются в славянских языках, в частности в старославянском и русском, в виде чередований свистящих согласных с задненёбными, из которых они произошли: старослав. **нарицати, прорицатель**, русск. *отрицать* ([ц' > ц] < *k в положении после [и] перед гласным [а], т. е. не перед [ъ], [ы] и не перед согласным) — **нарѣкати, издрѣкати**, русск. *изрек*, *пререкаться* ([к] сохранился, так как находился не после [и], [ь], [ę] или [р̥] < *ьr̥); старослав. **лице**, русск. *лицо* ([ц' > ц] < *k в положении после [и] перед гласным [о], на месте которого после палатализации стал произноситься [е], т. е. было *liko > *lic'o > [л·иц'е] — см. об изменении *'o > [е] выше, § 80) — **ликъ**, русск. *облик* ([к] сохранился в положении перед [ъ]); старослав. **мрьцати** [мр̥ц'ат·и] < *mьr̥kati, русск. *мерцать*, *мерцание* ([ц' > ц] < *k в положении после [р̥] < *ьr̥ перед гласным [а]) —

мрькнѫти, русск. *меркнуть* ([к] сохранился перед согласным), *сумерки*, древнерусск. *сумьркы* ([к] сохранился перед [ы]); старослав. **пътица, оулица** и т. д, русск. *ученица, молодица, лестница* (в суффиксе *-иц-а* задненёбный изменился после [и] перед гласным [а]) — **оучєникъ, длъжьникъ,** русск. *старик, ученик, должник* (задненёбный согласный сохранился перед [ъ]); старослав. **кънѧѕа, кънѧѕю,** русск. *князя, князю* ([з' < д͡з'] < *g в положении после [ę] перед гласными [а], [у]) — **кънѧгꙑни,** русск. *княгиня*, древнерусск. *кънягыня* ([г] сохранился перед [ы]); старослав. **польѕа,** русск. *польза* ([з < д͡з'] < *g после [ь] перед гласным [а]) — **льгъкъ,** русск. *легкий*, древнерусск. *легъкъ* ([г] сохранился перед [ъ]; сохранение [г] в русск. *льгота* не совсем ясно).

§ 124. В ряде слов и форм наличие мягкого свистящего на месте задненёбного, не подлежавшего изменению, или, напротив, сохранение задненёбного в условиях, когда он должен был измениться в мягкий свистящий, вызвано **грамматической аналогией.**

Например, в форме именительного падежа существительного **кънѧѕь** не должно быть [д͡з' > з'], так как после задненёбного в праславянском языке следовал [ъ]: **kъnęgъ* (**ь* в этом окончании не было, так как в этом случае произошло бы I переходное смягчение). Появление [д͡з'] (из которого позднее [з']) в именительном падеже вызвано тем, что в большинстве падежей изменение *g > [д'з'] в основе данного существительного было закономерным, так как для этого были необходимые условия: род. п. **kъnęga* > **кънѧѕꙗ**; дат. п. **kъnęgu* > **кънѧѕю**; твор. п. **kъnęgoть* > **кънѧѕємь** (['е] < *'o).

Стремление к обобщению основы привело к вытеснению основы **kъnęg-* и в именительном падеже (т. е. в той форме, где *g сохранился в положении перед *ъ) основой [кънęд͡з'-]; на месте [ъ] в окончании после [д'з'] начинает произноситься [ь], существительное в косвенных падежах получает окончания мягкого варианта, в частности в творительном падеже вместо [-ом·ъ] закрепляется окончание [-ем·ь], в местном падеже вместо [-ě] — [-и].

Возможна и обратная аналогия. Так, в косвенных падежах существительных мужского рода с суффиксом [-ик-] должно было произойти смягчение задненёбного: род. п. **oųcenika* (**k* перед **a*);

дат. п. *oụčenikoụ (*k перед *oụ > [у]) и т. д. Между тем в старославянском языке обнаруживаем: оучєника, оучєникоу (ср. то же в русск.: *ученика*, *ученику* и т. д.) — задненёбный сохраняется. Можно предположить, что здесь на сохранение задненёбного в формах косвенных падежей оказала влияние основа именительного-винительного падежа единственного числа и родительного и винительного падежа множественного числа, где *k находился перед *ъ, *y (ꙑ): *oụčenikъ — сохранение задненёбного закономерно (вин. п. мн. ч. *oụčeniky > оучєникꙑ, где также не могло быть изменения).

§ 125. Переходному смягчению в положении перед гласными переднего ряда подвергались также праславянские сочетания задненёбных и зубных согласных; эти сочетания в зависимости от происхождения последующего гласного переднего ряда изменялись в шипящие или свистящие.

Перед старыми гласными переднего ряда сочетания зубных с задненёбными в старославянском языке изменялись: *sk > [ш'т'], *zg > [ж'д']. Изменения эти непосредственно связаны с I переходным смягчением задненёбных согласных: перед гласным переднего ряда конечный задненёбный согласный в указанных сочетаниях изменялся в мягкий шипящий, которому уподоблялся по месту образования предшествующий зубной свистящий согласный: *sk > > *sc' (т. е. *st'š') > *š't'š'; *zg > *zd'ž' > *ž'd'ž'. Впоследствии в тех южнославянских диалектах, которые отразились в древнейших славянских переводах, конечный шипящий элемент сочетаний был утрачен, поэтому в старославянском языке и находим на их месте мягкие сложные согласные: *š't'š > [ш'т']; *ž'd'ž' > [ж'д']: *voskiti > *voš't'š'iti > старослав. воштити, русск. *(на)вощить*, ср. воскъ, русск. *воск*; *piskitъ > *piš't'š'itъ > старослав. пиштитъ, русск. *пищит*, ср. пискъ, русск. *писк*; *rozgьje > *rož'd'ž'ĭje > старослав. рождиѥ («ветви, лоза»), ср. розга, русск. *розги*; *mъzgiti > > mъž'd'ž'iti > старослав. мъждити («слабеть»), русск. *изможденный*, ср. русск. *промозглый*.

В период II переходного смягчения задненёбных перед новыми гласными переднего ряда *ě, *i дифтонгического происхождения изменение задненёбного в мягкий (палатальный) свистящий в тех же

сочетаниях **sk*, **zg* не приводило к ассимиляции предшествующего зубного свистящего. Поэтому в памятниках встречаем: **къ горѣ елеоньсцѣ** (из **eleonьskě*), ср. **гора елеоньска**; местн. п. **моѕѣ** (из * *mozgě*), ср. **моѕгъ**.

Однако и здесь, в образовавшихся палатальных группах **st's'* (т. е. **sc* < **sk*) и **zd'z'* (из **zg*), могла происходить утрата конечного фрикативного элемента, что и отражается в старославянских написаниях **ст**, **ѕд** (вместо ожидаемых **сц** [ст'с'], **ѕѕ** [зд'з']) перед **ѣ** и **и**, обозначающими гласные дифтонгического происхождения. Например, в Супрасльской рукописи: **римьстѣи (цръкъви)**, т. е. [р·им·ьст'ěй] < [р·им·ьсц'ěй] < **rimьskěĭ*, ср. **римьскаꙗ**; местн. п. **дрѧѕдѣ**, т. е. [др·ęзд'ě] < [др·ęзд'з'ě] < **dręzgě*, ср. **дрѧѕга** («лес»).

§ 126. Переходному смягчению подвергалась также группа **kt* (исконная или из **gt* — в результате оглушения **g* перед **t*) в положении перед гласными переднего ряда. Палатализация **t* в этом сочетании влекла за собой палатализацию предшествующего заднеёбного, что приводило к развитию долгого мягкого (сильно палатализованного) **t't'*, развивавшего шепелявый призвук типа [š] в южных и восточных праславянских диалектах, типа [s] — в западных диалектах. Таким образом, в речи южных и восточных славян **kt'* > **i't'* > **^{š}t'^{š}* > **š't'š'* (в речи западных славян **t't'* > > **^{s}t'^{s}* > **s't's'*).

В дальнейшем в речи южных славян, как и в предыдущих случаях, конечный фрикативный элемент был утрачен, т. е. **š't'š'* > > [ш'т'], что и нашло отражение в старославянских памятниках (в речи восточных и западных славян был утрачен начальный фрикативный элемент, поэтому в древнерусском языке **š't'š'* > [ч'], а в западнославянских языках, например в польском, **s't's'* > [c'], т. е. [*t's'*]): **pekti* (инфинитив от основы **pek-*, ср. **пекѫ**, с суффиксом *-*ti*, ср. **нес-ти**, **писа-ти**) > старослав. **пешти**, русск. *печь*, польск. *piec*; **noktь* (ср. лат. *nox*, род. п. *noctis*, лит. *naktìs*, нем. *Nacht* — «ночь») > старослав. **нощть**, русск. *ночь*, польск. *noc*; **mogtь* > **moktь* (ср. **могѫ**, русск. *могу*, нем. *mögen* — «мочь», *Macht* — «сила, мощь») > старослав. **мощть** (русск. церковнослав. *мощь*), русск. *мочь*, польск. *móc*.

§ 127. Развившийся из неслогового *i̯ праславянский *j первоначально мог находиться как после гласных, так и после согласных. Но еще до распада праславянского языка согласные, находившиеся перед средненёбным *j, под его воздействием подверглись ассимиляции, т. е. стали смещаться по месту образования в направлении твердого нёба — в область образования *j. Результаты этой ассимиляции, вследствие которой *j был утрачен, были различными в зависимости от места образования ассимилированного согласного.

§ 128. а) Переднеязычные сонорные согласные под воздействием последующего средненёбного *j смещались по месту образования к средней части нёба и, сливаясь с *j, начинали произноситься как долгие мягкие (палатальные) сонорные, впоследствии утратившие долготу. Таким образом, **nj* > **n'j* > **n̄'* > [н'], **lj* > [л'], **rj* > [р']: **klonjǫ* (ср. русск. *с-клон*) > старослав. **клонѭ** [клон'ǫ], русск. *на-клоню; *volja* (ср. **велѣти** — с [л·] полумягким, а не мягким, так как после него сохраняется [ě]) > старослав. **волꙗ** [вол'а], русск. *воля; *burja* (ср. русск. *бурный*) > старослав, **боурꙗ** [бур'а], русск. *буря.*

§ 129. б) Зубные и задненёбные язычные согласные, а также группы этих согласных под влиянием средненёбного (тоже язычного) *j смещались по месту образования в направлении средней части нёба и, сливаясь с *j, начинали произноситься как долгие мягкие (палатальные) согласные, развившие шепелявость, а затем, после утраты долготы, изменившиеся в мягкие (палатальные) шипящие согласные [ш'], [ж'], **d͡'ž'* > [ж'], [ч']. [ж͡'д'], [ш͡'т'].

Так появились фрикативные шипящие согласные на месте сочетаний зубных фрикативных с *j — **zj* > [ж'], **sj* > [ш']: **vozjǫ* (ср. **воꙁити**, русск. *возить*) > старослав. **вожѭ** [вож'ǫ], русск. *вожу; *nosja* (ср. **носити**, русск. *носить*) > старослав. **ношꙗ** [нош'а], русск. *ноша.*

Так же изменялись и зубные смычные, под влиянием *j передвигавшиеся в палатальную область и, сливаясь с *j, произносившиеся как долгие сильно палатализованные смычные **dj* >

> *d'j > *d͡'d', *tj > *t'j > *t͡'t'. В дальнейшем долгие палатализованные смычные в западных славянских диалектах развили свистящий призвук, а в южных и восточных — шипящий и в конечном счете изменились в сложные шипящие или аффрикаты (ср. изменение *kt' в славянских языках разных групп — см. § 126): в старославянском языке *tj > [ш͡'т'], а звонкий *dj > [ж͡'д']. В речи восточных славян *tj > [ч'], *dj > [ж] (из *d͡'ž'); в речи западных славян (например, в польском языке) соответственно находим [с'] (*ц*) и [d͡z']: *xodjǫ (ср. **ходити**, русск. *ходить*) > старослав. **хождѫ** [хож͡'д'ǫ], русск. *хожу*, польск. *chodzę*; *sadja (ср. **садити**, русск. *садить*) > старослав. **саждꙗ** [саж͡'д'а], русск. *сажа*, польск. *sadza*; *xotjǫ (ср. **хотѣти**, русск. *хотеть*) > старослав. **хоштѫ** [хош͡'т'ǫ], русск. *хочу*, польск. *chcę*; *světja (ср. **свѣтъ**, русск. *свет*, *светить*) > старослав. **свѣштꙗ** [св·ěш͡'т'а], русск. *свеча*, польск. *świeca*.

Задненёбные согласные под воздействием *j также передвинулись по месту образования в область твердого нёба и в конечном счете совпали с мягкими шипящими согласными: *xj > [ш'], *kj > > [ч'], *gj > *d͡'ž' > [ж']: *souxja (ср. **соухъ**, русск. *сухой*) > > старослав. **соуша** [суш'а], русск. *суша*, *sěkja (ср. **сѣкѫ**, русск. *секу*) > старослав. **сѣча** [с·ěч'а], русск. *сеча*; *stěrgja (ср. **стрѣгѫ**, русск. *стерегу*) > старослав. **стража** [страж'а], древнерусск. *сторожа* («сторожевой пост»), ср. *сторож*.

Аналогичное изменение претерпевали под влиянием *j и праславянские сочетания зубных и задненёбных согласных: смещаясь в палатальную область, конечный согласный этих сочетаний ассимилировал предшествующий согласный, в результате чего развивался сложный мягкий (палатальный) шипящий согласный *š͡'t'š', *ž͡'d'ž'; впоследствии в южнославянских диалектах, черты которых отразились в старославянском языке, конечный фрикативный элемент этих сложных согласных был утрачен и, таким образом, *stj, *skj > [ш͡'т'], *zdj, *zgj > [ж͡'д'], т. е. так же, как сочетания *sk и *zg изменялись в положении перед старыми гласными переднего ряда (см. выше, § 125): *tьstja (ср. **тьсть**, русск. *тесть*) > > старослав. **тьштꙗ** [т·ьш͡'т'а], русск. *тёща*; *iskjǫ (ср. **искати**,

русск. *искать*) > старослав. **ищтѭ** [иш'т'ǫ], русск. *ищу; *prigvozdjǫ* (ср. **гвоздь**, русск. *гвоздь*) > старослав. **пригвождѫ** [пр·игвож'д'ǫ], русск. *пригвозжу* (произносится [ж'ж']).

Старославянские памятники письменности иногда отражают изменение зубных согласных в шипящие в положении перед мягкими сонорными, развившимися на месте сочетаний сонорных с **j*: **mysljenьje* (ср. **мыслити**, русск. *мыслить*) > старослав. **мышлѥниѥ** [мыш'л'ен·йје], русск. *мышление; *vъz-ljubjenъ* (ср. **възделати**, русск. *возделанный*) > старослав. **въжлюблѥнъ**.

Однако в подобных случаях изменение зубных отражается непоследовательно: наряду с **въжлюблѥнъ, съмоштрѭ** (из **sъmotrjǫ*) и т. п., более обычными являются **възлюбити, съмотрѭ** и т. д.

§ 130. Из рассмотрения процессов смягчения (см. § 117—129) очевидно, что старославянские исконносмягченные согласные развились в результате ассимилятивного изменения различных твердых праславянских согласных: [ж'] < **g', *gj, *zj*; [ш'] < **x', *xj, *sj*; [ч'] < **k', *kj*; [д'з'] (> [з']) < **g'*; [с'] < **x'*; [ц'] < *k'*; [ж'д'] < **dj, *zdj, *zg', *zgj*; [ш'т'] < **kt', *gt', *tj, *stj, *sk', *skj*; [н'] < **nj*; [л'] < **lj*; [р'] < **rj*.

Происхождение исконносмягченных согласных из праславянских твердых согласных отражается в славянских языках (в частности, в старославянском и русском) в виде чередований исконносмягченных с теми согласными, из которых они произошли.

§ 131. в) Палатализация губных согласных осуществлялась в результате осложнения губной артикуляции артикуляцией языка, т. е. смещения места образования **j* из средней области в переднюю часть нёба, что привело к совпадению с палатальным плавным [л'], который после любого губного согласного не противоречил принципу возрастающей звучности слога. Так на месте праславянских сочетаний губных с **j* развились сочетания губных с мягким (палатальным) плавным [л'] — „*l* epentheticum" (ср. § 68): **bj* > [бл']; **pj* > [пл']; **mj* > [мл']; **vj* > [вл'].

Это изменение во всех славянских языковых группах отражается в начале корней: **bjudo* (заимствовано из готск. *biudis* — «стол», род. п.; производное от *biudan* — «предлагать») > старослав. **блюдо** [бл'удо], русск. ***блюдо***, польск. *bluda; *pjeųati* (ср. лит. *spiáuti* —

«харкать, плевать») > старослав. **плквати** [пл'ават·и], русск *плевать*, польск. *plunąć*.

В конце основ сочетания губных с [л'] сохраняются лишь в восточнославянских (в частности, в русском) и отчасти в южнославянских (в том числе и в старославянском) языках; в речи западных славян [l] после губных не сохранился[1] (об утрате [л'] после губных в конце основ в южнославянских диалектах см. выше, § 68): **ljubję* (ср. **любити**, русск. *любить*) > старослав. **люблѭ** [л'убл'ǫ], русск. *люблю*, польск. *lubię;*kapja* (ср. **капати**, русск. *капать*) > старослав. **каплꙗ** [капл'а], русск. *капля*, польск. *kapia*; **zemja* (ср. **земьнъıи**, русск. *земной*) > старослав. **землꙗ** [з·емл'а], русск. *земля*, польск. *ziemia; *lovję* (ср. **ловити**, русск. *ловить*) > старослав. **ловлѭ** [ловл'ǫ], русск. *ловлю*, польск. *łowię*.

ДИССИМИЛЯЦИЯ И УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

§ 132. Многие фонетические изменения, имевшие место в праславянском языке, отражают требования принципа возрастающей звучности, согласно которому звуки внутри каждого слога могли сочетаться только в определенной последовательности (см. § 70). Это касается не только сочетаний согласных с гласными, но и сочетаний самих согласных, где фрикативный мог находиться перед любым по способу образования согласным, но не перед фрикативным, смычный — только после фрикативного, но не после смычного же или плавного и т. д.

В связи с этим унаследованные праславянским языком от индоевропейской эпохи (или морфологически образовавшиеся в самом праславянском языке) сочетания согласных в эпоху действия тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности претерпели различные изменения, если не соответствовали этой тенденции. Наиболее широко старославянский язык (как и русский) отражает праславянские изменения в следующих группах согласных.

§ 133. Два фрикативных (одинаковых по звучности) согласных слились в один; если такой группе фрикативных, подвергшейся упрощению, предшествовал краткий гласный, то он удлинялся,

[1] Некоторые исследователи считают, что в речи предков западных славян «*л* вставочного» в конце корней вообще не было: **j* утратился, смягчив предшествующий губной.

в связи с чем в старославянском языке на месте краткого гласного обнаруживаем долгий: *ss > [с], например при образовании сигматического аориста (одной из форм прошедшего времени с суффиксом *s) от глагола **нести** (основа инфинитива **нес-**): *něssъ > *nēsъ > > **нѣсъ**; от глагола **пасти** (основа инфинитива **пас-**): *păssъ > **пасъ.**

Сочетание *zs в результате ассимиляции (оглушения) изменялось в *ss > [с]: *izsoųxiti > *issušiti > **исоушити.**

§ 134. Если перед фрикативным *s находился более звучный смычный согласный, то такое сочетание подвергалось у п р о щ е н и ю, которому, возможно, предшествовала ассимиляция по способу образования, в результате чего предшествующий смычный изменялся во фрикативный и затем сливался с последующим фрикативным. Если группе согласных, подвергавшейся упрощению, предшествовал краткий гласный, то он удлинялся:

*ts (> *ss) > [с]; например, при образовании сигматического аориста от основ на *t: *čĭtsъ > *čīsъ > **чисъ** («я прочитал(а)») (от основы **чьт-** < *čĭt-, ср. **чьтѫ**, русск. ***чту*** < ***чьту***);

*ds > *ts (> *ss) > [с]; например, в том же аористном образовании от основ на *d: *vědsъ > *větsъ > *vēsъ > **вѣсъ** («я привел (а)») (от основы **вед-** < *věd-, ср. **ведѫ**, русск. ***веду***); в форме 2-го лица настоящего времени так называемых нетематических глаголов перед окончанием *-si: *dadsi > *datsi > **даси** («ты даешь») (от основы **дад-** < *dad-, ср., **дадимъ**, русск. ***дадим***);

*ps > [с]: *ŏpsa > **оса** (ср. лит. *vapsà* — «овод»);

*bs > *ps > [с] — в аористном образовании от основы на *b: *grěbsъ > *grěpsъ > *grēsъ > **грѣсъ** («я похоронил (а)») (от основы **греб-**, ср. **гребѫ**, русск ***погребать***).

*ks > *kx > [х]. Индоевропейский *s после *k не перед взрывным согласным, как указывалось выше, изменялся в [х] (см. § 113); в результате ассимиляции по способу образования *kx изменялось в *xx с последующим стяжением в [х]; предшествующий краткий гласный при этом обычно удлинялся. Например, в аористном образовании от основ на *k: *rěksъ > *rěkxъ > *rēxъ > **рѣхъ** («я сказал (а)») (от основы **рек-**, ср. **рекѫ**, русск. ***изреку***); *pěksъ > *pēxъ > > **пѣхъ** («я испек (ла)») (от основы **пек-**, ср. **пекѫ**, русск. ***пеку***).

В положении перед взрывным согласным *s после *k сохранялся, поэтому *kst > [ст] (происходила утрата взрывного *k перед сохранившимся фрикативным *s); ср. в форме 2-го лица множествен-

ного числа того же аористного образования (перед окончанием *-*te*): **rěkstě* > **rēste* > **рѣсте**; **pěkste* > **pēste* > **пѣсте** («вы сказали», «вы испекли»).

§ 135. Если рядом оказывались два одинаковых по месту образования смычно-взрывных согласных (одинаковых по звучности), то в результате д и с с и м и л я ц и и по способу образования предшествующий смычный изменялся во фрикативный, что приводило к образованию группы «фрикативный + смычный», соответствовавшей принципу возрастающей звучности слога:

tt* > [ст]; например, при образовании инфинитива (с суффиксом *-*ti*) от основ на **t*: **plětti* > **плести (от основы **плет-**, ср. **плетѫ**, русск. ***плету***); **mětti* > **мести** (от основы **мет-**, ср. **метѫ**, русск. ***мету***).

dt* > **tt* > [ст]. Звонкий смычный **d* перед глухим **t* оглушался, образуя группу **tt*: **vědti* > **větti* > **вести (от основы **věd-*, ср. **ведѫ**, русск. ***веду***); **vȏldtīs* > **vȏlttīs* > **vlōstī* > **власть** (с корнем **vȏld-* > **-влад-**, ср. **владѣти**, русск. *волость*, церковнослав. ***владеть***, ***власть***)[1].

§ 136. В том случае, когда рядом оказывались два разных по месту образования смычных согласных, группа подвергалась у п р о щ е н и ю — утрачивался предшествующий смычный:

pn*, **bn*, **tn*, **dn* > [н]. Результаты утраты смычных перед ***n* постоянно находим в глагольных образованиях с суффиксом *-*nǫ*- < < *-*non*- (старослав. **-нѫ-**, русск. *-ну-*): **ousŭpnonti* (ср. старослав. **съпати**, русск. *засыпать*) > старослав. **оусънѫти**, русск. *уснуть* (из древнерусск. *усънути*); **(sŭn) gūbnonti* (ср. старослав. **гыбѣль**, русск. ***гибель***) > старослав. **съгынѫти**, русск. *сгинуть*; **osvītnonti* (ср. старослав. **свѣтъ**, русск. ***свет***) > старослав. **освьнѫти** («рано встать, увидеть рассвет»); **vendnonti* (ср. старослав. **оувѧдати**, русск. *увядать*) > старослав. **вѧнѫти**, русск. ***вянуть***.

---

[1] Тот же процесс диссимиляции был пережит и балтийскими языками (в частности, литовским); ср. лит. *vèsti*, но *vedù*. Ссылаясь на это, некоторые языковеды относят (**dt* >) **tt* > *st* к эпохе предполагаемого балто-славянского единства и, следовательно, не связывают с принципом возрастающей звучности слога. Однако славянская и балтийская диссимиляции взрывных могли быть процессами п а р а л л е л ь н ы м и, а не генетически родственными.

*pt, *bt > [т]. Результаты утраты губных смычных перед *t находим в инфинитивных образованиях (с суффиксом **-ти**); **těpti* (ср. старослав. **тепѫ** — «ударяю») > **тети** («ударять»); **pogrěbti* (ср. старослав. **гребѫ**, русск. *погребать*) > **pogrēti* > старослав. **погрѣти** («похоронить»); ср. также в образовании существительного: **dŏlbtŏn* (ср. старослав. **длъбити**, русск. *долбить*) > старослав. **длато**, русск. *долото*.

tm, *dm* > [м]. Результаты утраты зубных смычных перед губным **m* обнаруживаются как в образованиях существительных, так и в некоторых глагольных формах: **vĕrtmĕn* (ср. старослав. **врьтѣти, русск. *вертеть*) > старослав. **врѣмѧ** (т. е. «то, что совершает полный оборот»), русск. церковнослав. *время*, диалектн. *веремя*; **plĕdmĕn* (ср. старослав. **плодъ**, русск. *плод*) > старослав. **племѧ**, русск. *племя*; **dadmĭ* (ср. старослав. **дадимъ**, русск. *дадим*) > старослав. **дамь**, русск. *дам*.

skn* > [сн]. Индоевропейский **s* перед смычным согласным сохранился, но сам смычный перед **n* был утрачен: **blĭsknonti* (ср. старослав. **блескъ, русск. *блеск*) > старослав. **бльснѫти**, русск. *блеснуть*; **toi̯skno* (ср. русск. *тискать*) > старослав. **тѣсно**, русск. *тесно*.

§ 137. В результате ассимиляции по способу образования подверглась у п р о щ е н и ю группа губных согласных **bv* (> **bb*) > [б]: **obvenzati* (приставка **ob-*, корень **-venz-* > **-vęz-*, ср. старослав. **вѧзати**, русск. *вязать*) > старослав. **обѧзати**, русск. церковнослав. *обязать*: **ŏbvŏlkŏn* (та же приставка, корень **-vŏlk-* > старослав. **-влак-**, русск. *-волок-*) > старослав. **облако**, русск. церковнослав. *облако*, ср. русск. *оболочка*.

Все рассмотренные процессы в группах согласных являются общеславянскими, следовательно, отражены в старых (праславянских) образованиях во всех славянских языках. Позднее, уже после распада праславянского языка в различных славянских языках появляются новообразования, содержащие группы согласных, ранее невозможные. Такие группы согласных, например, постоянно встречаются в новообразованиях с суффиксом *-ну-*: русск. *капнуть*, *топнуть*, *боднуть*, *гибнуть* и т. д.; чешск. *sednouti*, *zvadnouti* и др.; польск. *żębnąć*, *stopnąć* и т. д.

В ряде случаев невозможные ранее сочетания согласных появились в новых славянских языках после падения редуцированных; ср. русск. *крупный* < < древнерусск. *крупьныи*, где утратился [ь] в слабом положении; *городской* < древнерусск. *городьскыи*, *обвинить* < древнерусск. *объвинити* и т. д.

§ 138. В южных и восточных праславянских диалектах в результате ассимиляции были утрачены зубные смычные перед зубным плавным **l*: **dl*, **tl* > [л]. Упрощение этих групп согласных отражается в южнославянских (в частности, в старославянском) и восточнославянских (в том числе и в русском) языках; в западнославянских языках группы *dl*, *tl* сохраняются: **vedlъ* (ср. старослав. **ведж**, русск. ***веду***) > старослав. **велъ**, русск. *вёл*, но польск. *wiódł*; **mydlo* > старослав. **мъıло**, русск. ***мыло***, но польск. *mydło*, чешск. *mydlo*; **pletlъ* (ср. старослав. **плетж**, русск. ***плету***) > > старослав. **плелъ**, русск. *плёл*, но польск. *plótł*.

Рассматриваемые группы согласных сохранились в южно- и восточнославянских языках в начале корней (например, русск. ***длина длинный***), в частности в сочетаниях, появившихся в результате метатезы: **длато** (из **dŏlbtŏn*), **длань** (из **dŏlnĭs*, откуда древнерусск. *долонь*, соврем. *ладонь* < *лодонь* — в результате перестановки). В ряде слов и форм группы *-дл-*, *-тл-* появились после падения редуцированных: ***седло*** < ***седьло***, ***светлый*** < ***свѣтьлыи***.

Дополнительная литература к § 110—138

С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, § 20, 24, 27—29, 38, 41, 44.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, § 16—18, 30—31.

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 20—50 (стр. 19—38), 102—113 (стр. 71—80), 135—152 (стр. 102—116).

А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, § 108—147, 203—213.

ЧАСТИ РЕЧИ

§ 139. В старославянском языке все и м е н а (существительные, прилагательные, счетные слова, лежащие в основе современных славянских числительных) в морфологическом отношении представляли единую группу слов, объединяясь общими словообразовательными показателями, что отражалось и в общности их словоизменения. Различия между именами касались их лексического значения и синтаксического употребления, что отражалось и в содержании их грамматических категорий и форм.

К именам близок класс слов, называемых м е с т о и м е н и я м и. Эти слова в предложении выполняли те же функции, что и имена, но характеризовались иными морфологическими показателями, в частности иначе склонялись. Последнее заставляет выделять местоимения в особую часть речи, отличную от имен. Поскольку склонение ряда местоимений отражалось в склонении так называемых членных («полных») форм прилагательных, а также некоторых счетных слов, то целесообразно,

начав с имен существительных, рассмотреть грамматические особенности местоимений ранее, чем давать характеристику остальным именам.

Группе имен был противопоставлен глагол.

Система глагольных форм старославянского языка сложна и многообразна; при этом некоторые глагольные образования (инфинитив, супин, причастия), сохраняя ряд глагольных категорий, по формам и синтаксическим функциям сближались с именами, т. е. представляли группу слов, переходных от глагола к именам.

Собственно наречия в старославянском языке очень немногочисленны и представляют интерес в основном в плане словообразовательном.

Формы местоимений и старые наречные образования могли выполнять в предложении функции служебных слов, пополняя унаследованные от более ранних эпох немногочисленные группы предлогов, союзов и частиц.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

§ 140. Основными грамматическими категориями, характеризовавшими имя существительное в старославянском языке, как и в современном русском языке, были категории рода, числа и падежа. В период древнейших старославянских памятников уже обнаруживается развитие категории лица, отражающейся в современном русском языке в виде так называемой категории одушевленности.

§ 141. Категория рода является наиболее общей из грамматических категорий имени существительного. Она отражается в распределении всех существительных на три разряда (класса) слов.

Один из таких классов принято называть существительными мужского рода. Большинство этих существительных в старославянском языке имело в именительном падеже единственного числа окончание **-ъ** или **-ь** (**сынъ, столъ, отьць, пьнь** и т. д.),

но возможны также и окончания **-а** (**слоуга**), **-и** (**сѫдии** — «судья»), **-ꙑ** (**камꙑ** — «камень»).

Другой класс принято называть существительными женского рода, так как в него, в частности, входили существительные, обозначавшие лиц женского пола (**жена, дѣва, грѣшьница, мати** и т. д.). Большинство существительных женского рода в старославянском языке имело в именительном падеже единственного числа окончание **-а**; но возможны окончания **-ь** (**кость, ношть**), **-и** (**рабꙑни, мати**), **-ꙑ** (**свекрꙑ** — «свекровь», **любꙑ** — «любовь»).

Третью группу слов составляют существительные среднего рода. Большинство существительных этой группы в старославянском языке оканчивалось в именительном падеже единственного числа на **-о** или **-е** (**село, поле**), а некоторые на **-ѧ** (**имѧ, телѧ** — «теленок»).

В основе родовой принадлежности существительных, обозначавших лиц, лежало представление о реальном поле лица. Родовая принадлежность остальных существительных является фактом сугубо грамматическим и определяется формами согласуемых слов (местоимений, прилагательных, причастий). Так, слова **столъ, ножь, краи, камꙑ** и др. относятся к тому же разряду слов, что и **мѫжь, отьць, гость** и т. д., потому что и те и другие определяются согласуемыми словами с одними и теми же окончаниями (например, в им. п. ед. ч. окончания **-ъ** или **-ь**: **нов-ъ столъ, камꙑ** и т. д., как **мѫдр-ъ мѫжь, отьць**). Слова **вода, ꙁемлꙗ, кость, любꙑ** и др. относятся к тому же разряду слов, что и **жена, дѣва, мати** и т. д., так как и те и другие определяются согласуемыми словами с одними и теми же окончаниями (в им. п. ед. ч. **-а**: **чист-а вода, кость, любꙑ**, как **вѣрьн-а жена, дѣва, мати**). При существительных среднего рода местоимения и прилагательные в старославянском языке имели в именительном падеже единственного числа окончание **-о** или **-е**: **нов-о село, поле, имѧ, син'-е море**.

Случаи, когда грамматический род отражался бы в падежном окончании самого существительного (независимо от принадлежности существительного к тому или иному типу склонения), в старославянском языке редки (см. ниже — по типам склонения).

§ 142. Категория числа, как правило, связана с реальным значением слова, которое может обозначать один или не один предмет.

В старославянском языке имена существительные (как и остальные имена и глаголы) имели три числа: единственное, двойственное и множественное.

Единственное число употреблялось обычно в тех случаях, когда речь шла об одном предмете: **братръ, столъ, сестра, село** и т. д.

Двойственное число употреблялось в тех случаях, когда речь шла о двух предметах: **братра** (т. е. «два брата»), **стола** («два стола»), **сестрѣ** («две сестры»), **селѣ** («два села») и т. д. Некоторые существительные в силу своего значения обычно употреблялись в форме двойственного числа: **рога, плешти** (русск. *плечи*) и т. д.; это так называемые парные существительные (обычно имеются в виду два рога, два плеча и т. д.).

Множественное число использовалось, когда речь шла более чем о двух предметах (т. е. о трех, четырех, пяти и т. д.): **братри** (не менее чем три брата), **столи, сестры, села** и т. д. (не менее трех столов, сестер, сел).

В старославянском языке сравнительно небольшая группа слов отражает категорию числа в чисто грамматическом плане, вне связи с количеством называемых предметов. Это так называемые собирательные существительные, которые грамматически имели форму единственного числа, но обозначали множество предметов: **каменик** (ср. р., ед. ч.; то же, что **камене** — «камни»), **листвик** (ср. р., ед. ч., то же, что **листи** — «листья»), **братиıа** (жен. р., ед. ч.; обозначало группу лиц, объединенных принадлежностью к одному сословию, роду занятий и т. д.). Впрочем, привычка к конкретным числовым представлениям в старославянском языке приводила к тому, что при собирательных существительных согласуемые слова нередко употреблялись в форме множественного, а не единственного числа.

§ 143. Категория падежа связана с синтаксическим употреблением существительного. Падеж определяется связью данного существительного с другими словами в предложении, а падежная форма указывает на эту связь.

В старославянском языке (как и в русском) падежей было шесть: именительный (падеж главного члена), винительный (падеж прямого приглагольного дополнения), родительный (падеж несогласованного определения), дательный (падеж косвен-

ного дополнения), **творительный** (падеж орудия или способа действия), **местный**, соответствующий русскому предложному (падеж места действия)[1], который, как и все остальные падежи, мог употребляться как с предлогом, так и без предлога.

Многие существительные мужского и женского родов в единственном числе имели еще одну, седьмую форму, употребляющуюся при обращении, а потому и называемую обычно **звательной формой** (**брате! отьче! сестро! жено!** и т. д.). В двойственном и множественном числах особой звательной формы не было: в качестве обращения употреблялась форма именительного падежа соответствующего числа.

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Типы склонения

§ 144. **Склонением** принято называть изменение имен по числам и падежам. Разные группы имен могут склоняться по-разному, т. е. характеризоваться разными системами падежных окончаний. **Имена, характеризующиеся одной системой падежных окончаний, объединяются в один тип склонения.**

В старославянском языке типов склонения существительных было несколько, и связаны они были не с живыми для старославянского языка грамматическими категориями, а с тем гласным или согласным, который находился некогда в конце основы существительного и обнаруживался в старославянском языке лишь в отдельных падежных формах. Так, например, существительные **даръ, гость** и **сынъ,** относясь к одному роду, в старославянском языке склонялись по-разному (род. п.: **дара, гости, сыноу**, дат. п.: **дароу, гости, сынови** и т. д.), так как первое из них в индоевропейском праязыке имело в конце основы гласный *$\breve{o}$*, второе — *$\breve{i}$* и третье — *$\breve{u}$* (в старославянском языке *$\breve{i}$* > [ь], *$\breve{u}$* > [ъ] — см. § 82 и 84), что и отражается, например, в дательном падеже множественного числа: **дар-о-мъ, гост-ь-мъ, сын-ъ-мъ.**

В индоевропейском праязыке падежные окончания в большинстве случаев были общими для всех имен. Эти окончания к основам,

[1] В скобках указаны наиболее типичные значения соответствующих падежей. Подробную характеристику падежных значений см. в разделе «Особенности управления» (§ 386—407).

за исключением небольшой группы слов, присоединялись с помощью **тематических** (соединительных) гласных *ă, *ŏ, *ĭ, *ŭ, а также *ū. В результате фонетических изменений, имевших место в праславянском языке, индоевропейские тематические гласные были утрачены. Это привело к **переразложению** древних основ, в связи с чем сохранившиеся в некоторых падежных формах тематические гласные (например, в дат. п. мн. ч.) стали восприниматься как элементы окончаний.

Для иллюстрации процесса переразложения индоевропейских именных основ приведем несколько форм двух слов, имевших некогда **одинаковые** падежные окончания, присоединявшиеся к корням посредством **разных** тематических гласных: **даръ** (ср. греч. δῶρον [dṓrŏn] — «дар») и **гость** (ср. лат. *hostĭs* — «враг, чужеземец»). В старославянском языке эти слова в ряде падежей имели разные окончания, например:

им. п. ед. ч.	**дар-ъ**	**гост-ь**
дат. п. мн. ч.	**дар-омъ**	**гост-ьмъ**
вин. п. мн. ч.	**дар-ы**	**гост-и**

Очевидно, что в этих формах к окончанию следует отнести то, что не входит в неизменяемую часть слова. Однако в начале праславянской эпохи граница между основой (неизменяемой частью слова) и окончаниями в этих же формах была иной:

им. п. ед. ч.	**dōr-ŏ-s*	**gŏst-ĭ-s*
дат. п. мн. ч.	**dōr-ŏ-mŭs*	**gŏst-ĭ-mŭs*
вин. п. мн. ч.	**dōr-ŏ-ns*	**gŏst-ĭ-ns*

Можно заметить, что окончания в одном и том же падеже и числе для обоих слов были одинаковыми; основы же оканчивались разными гласными, соединявшими корни с окончаниями.

В праславянском языке индоевропейские гласные подверглись изменениям (см. § 77—84): *ĭ > [ь], *ŭ > [ъ], *ŏ в конечном слоге перед согласным усиливал лабиализацию, т. е. *ŏ > *ŭ (перед конечным *s или *ns); краткие гласные перед носовыми согласными в конечном слоге подвергались удлинению, т. е. *-ŭns > *-ūns, *-ĭns > *-īns; при этом *ū > [ы], а *ī > [и]; наконец, под влиянием тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности (по «закону открытого слога») согласные в конце слов утратились. Таким образом:

dōrŏs* ——→ **dōrŭs* ——→ **dōrŭ* ——→ **даръ
dōrŏmŭs* ————→ **dōrŏmŭ* ————→ **даромъ
dōrŏns* → **dōrŭns* → **dōrūns* → **dōrū* → **дары

*gŏstĭs ——→ **gŏstĭ* ——→ **гость**
*gŏstĭmŭs ——→ **gŏstĭmŭ* ——→ **гостьмъ**
*gŏstĭns → **gŏstins* → **gŏstī* → **гости**

Поскольку в отдельных падежах старые тематические гласные были утрачены (например, в вин. п. мн. ч.), в тех формах, где эти гласные сохранились (например, в дат. п. мн. ч.), они стали восприниматься как элементы окончаний, т. е. изменяемой части слова. В результате граница между основой и окончаниями переместилась на один слог вперед и основа всех имен стала оканчиваться на согласный, после которого следуют разные окончания — в зависимости от того, каким тематическим гласным оканчивалась некогда основа существительного.

Одним из результатов праславянского процесса переразложения основ было появление синонимических окончаний (разных окончаний для разных групп имен в одном и том же числе и падеже)[1], что и привело к образованию нескольких типов склонения, связанных с индоевропейскими тематическими гласными; особо склонялись существительные, основа которых в древности оканчивалась согласным (т. е. не имела тематического гласного).

Основы на *ā, *jā

§ 145. Тематический гласный **ā* в начале праславянской эпохи характеризовал существительные женского рода (такие, как старослав. **жена, сестра, вода, вражьда** и т. д.), а также группу существительных мужского рода, обозначавших лиц мужского пола (старослав. **слоуга, старостa, воѥвода** и под.).

Тематический **ā* мог следовать как после твердого согласного, так и после **j*, например в таких словах, как **ноша** (< **nosj-a*), **ꙁемля** (< **zemj-a*), **воля** (< **volj-a*), **юноша** (< **junosj-a*); [j] сохранялся, находясь в положении после гласных: **свиния** [св·ин·йj-а], **млъния** [млн·йj-и] (русск. *молния*), **сѫдии** [сọд·йj-и] (русск. *судья*) и др. Соответственно различались твердый вариант склонения древнейших основ на **ā* и мягкий вариант склонения (основы на **jā*) — с различными падежными окончаниями, закономерно соответствовавшими одни другим (см. таблицу на стр. 167).

[1] См.: Г. А. Хабургаев. К вопросу об интерпретации падежного синкретизма в русских говорах. «Вопросы языкознания», 1963, № 3, стр. 70.

Число, падеж	Твердый вариант			Мягкий вариант			
	Окончания	Образцы		Окончания	Образцы		
Ед. ч.							
Им. п.	*-а*	жена	слоуга	*-’а, -’и*	ношꙗ	рабꙑни	сѫдии
Вин. п.	*-ǫ*	женѫ	слоугѫ	*-’ǫ*	ношѭ	рабꙑнѭ	сѫдиѭ
Род. п.	*-ы*	женꙑ	слоугꙑ	*-’ę*	ношѩ	рабꙑнѩ	сѫдиѩ
Дат. п.	*-ě*	женѣ	слоуѕѣ	*-’и*	ноши	рабꙑн’и	сѫдии
Твор. п.	*-ojǫ*	женоѭ	слоугоѭ	*-’ejǫ*	ношеѭ	рабꙑнеѭ	сѫдиѥѭ
Местн. п,	*-ě*	женѣ	слоуѕѣ	*-’и*	ноши	рабꙑни	сѫдии
Зват. ф.	*-о*	жено	слоуго	*-’е*	ноше	рабꙑне	сѫдиѥ
Дв. ч.							
Им.-вин. п.	*-ě*	женѣ	слоуѕѣ	*-’и*	ноши	рабꙑни	сѫдии
Род.-местн. п.	*-у*	женоу	слоугоу	*-’у*	ношю	рабꙑню	сѫдию
Дат.-твор. п.	*-ама*	женама	слоугама	*-’ама*	ношама	рабꙑнꙗма	сѫдиꙗма
Мн. ч.							
Им. п.	*-ы*	женꙑ	слоугꙑ	*-’ę*	ношѩ	рабꙑнѩ	сѫдиѩ
Вин. п.	*-ы*	женꙑ	слоугꙑ	*-’ę*	ношѩ	рабꙑнѩ	сѫдиѩ
Род. п.	*-ъ*	женъ	слоугъ	*-’ь*	ношь	рабꙑнь	сѫдии
Дат. п.	*-амъ*	женамъ	слоугамъ	*-’амъ*	ношꙗмъ	рабꙑнꙗмъ	сѫдиꙗмъ
Твор. п.	*-ами*	женами	слоугами	*-’ами*	ношꙗми	рабꙑнꙗми	сѫдиꙗми
Местн. п.	*-ахъ*	женахъ	слоугахъ	*-’ахъ*	ношꙗхъ	рабꙑнꙗхъ	сѫдиꙗхъ

§ 146. Древняя основа на *$\bar{a}$* обнаруживается в именительном падеже единственного числа, в дательном-творительном падеже двойственного числа, в дательном, творительном и местном падежах множественного числа (см. образцы склонения на стр. 167); в остальных падежах древняя основа, слившись с окончанием, в старославянском языке уже не обнаруживается.

Некоторые существительные мужского и женского родов мягкого варианта (т. е. некогда содержавшие в основе **j*) в именительном падеже единственного числа характеризовались окончанием **-и.** Это существительные с суффиксом **-ꙑн-и** (**рабꙑни, гръдꙑни, поустꙑни** и др.), а также слова на **-ии: млънии** («молния»), **ладии** («лодка») (жен. р.); существительные мужского рода **сѫдии** («судья»), **балии** («врач»), **корабьчии** («моряк») и др. Склонялись эти существительные так же, как и те слова мягкого варианта, которые в именительном падеже единственного числа имели в окончании **-а** (т. е. как **ноша, ꙁемла, юноша** и под.).

В дательном и местном падежах единственного числа и в именительном-винительном падеже двойственного числа тематический гласный на ступени краткости входил в состав дифтонга **$\widehat{\breve{o}i̯}$* (из **$\widehat{\breve{a}i̯}$*), который после твердых согласных в конце слова, как известно, монофтонгизировался: **$\breve{o}i̯$* > [ě] (см. § 95): **женѣ** (<**$g\breve{e}n\breve{o}i̯$*<**$g\breve{e}n\breve{a}i̯$*), **водѣ** и под. Если при этом основа существительного оканчивалась заднеНёбным согласным, то перед **ѣ** [ě] дифтонгического происхождения он изменялся в мягкий свистящий: **слоуга — слоуѕѣ, рѫка — рѫцѣ, моуха — моусѣ.**

В положении после **j* начальный гласный дифтонга изменялся в **e*, т. е. *'*oi̯* > *'*ei̯*; как известно, **ei̯* > [и] (см. § 96), поэтому в мягком варианте находим: **ноши, ꙁемли, рабꙑни** и т. д.

О происхождении окончаний основ на *$\bar{a}$* см. ниже (§ 170—171).

§ 147. Окончания твердого и мягкого вариантов различались лишь первым гласным, следовавшим непосредственно после согласного основы. При этом гласные [а], [ǫ] и [у] после согласного основы сохранялись в обоих вариантах: **жена — ноша** [нош'а], **женѫ — ношѭ** [нош'ǫ], **женоу — ношю** [нош'у]. В остальных слу-

чаях гласные разные; но они находились в строгом соответствии один другому:

Первый гласный окончания		Примеры
твердый вариант	мягкий вариант	
[-о-]	[-е-]	жен-ож — нош'-еж
[-ъ-]	[-ь-]	жен-ъ — нош'-ь
[-ě] (ѣ)	[-и-]	жен-ѣ — нош'-и
[-ы-]	[-ę] (ѩ)	жен-ы — нош'-ѩ

§ 148. Существительные с основой на мягкий свистящий согласный, развившийся из задненёбного по III переходному смягчению (см. § 122), в частности, многочисленные образования с суффиксами **-иц-а** [-иц'-а] (из *-*īk-a*) и **-ьц-а** [-ьц'-а] (из *-*ĭk-a*) — **пътица, львица, вьдовица, грѣшьница, двьрьца** и др., в старославянском языке склонялись по мягкому варианту, т. е. по типу **ноша, соуша, сѣча** и под., где исконносмягченные согласные развились из **sj, *xj, *kj* и т. д.

*Основы на *ŏ, *jŏ*

§ 149. Тематический гласный **ŏ* в праславянском языке характеризовал только существительные мужского и среднего родов, что и отражено старославянским языком: **рабъ, столъ, градъ, знакъ, длъжьникъ** и т. д.; **село, иго, богатьство, зрьцало** и т. д. В основах ряда существительных тематическому гласному мог предшествовать **j*, в связи с чем можно выделить твердый и мягкий варианты. Примерами мягкого варианта могут служить существительные **ножь** (из **nŏzj-ŏ-s*), **кон'ь** (из **kŏnj-ŏ-s*), **краи** (т. е. [край]< < [краj-ь] < **krāj-ŏ-s*), **жрѣбии** (т. е. [ж'р·еб·йjь] < **gĕrbĭj-ŏ-s*), **рыбарь** (из **rybārj-ŏ-s*) и др.; **поле** (из **pŏlj-ŏ-n*), **море** (из **mŏrj-ŏ-n*), **плеште** (из **plĕtj-ŏ-n*), **листвие** (т. е. [л·иств·йj-е]), **знамение** (т. е. [знам·ен·йjе]) и т. д.

В некоторых падежах окончания твердого и мягкого вариантов были различными (см. таблицу на стр. 170).

Мужской род

Число, падеж	Твердый вариант (*-ŏ-)			Мягкий вариант (*-j-ŏ-)			
	Окончания	Образцы		Окончания	Образцы		
Ед. ч.							
Им. п.	*-ъ*	**рабъ**	**грѣхъ**	*-'ь* [*-j-ь*]	**ножь**	**краи**	[крај-ь]
Вин. п.	*-ъ*	**рабъ**	**грѣхъ**	*-'ь* [*-j-ь*]	**ножь**	**краи**	[крај-ь]
	(-а)	**(братра)**		*(-'а)*	**(отьца)**		
Род. п.	*-а*	**раба**	**грѣха**	*-'а*	**ножꙗ**	**краꙗ**	[крај-а]
Дат. п.	*-у*	**рабоу**	**грѣхоу**	*-'у*	**ножю**	**краю**	[крај-у]
Твор. п.	*-омь*	**рабомь**	**грѣхомь**	*-'емь*	**ножемь**	**краѥмь**	[крај-емь]
Местн. п.	*-ě*	**рабѣ**	**грѣсѣ**	*-'и* [-ј-и]	**ножи**	**краи**	[крај-и]
Зват. ф.	*-е*	**рабе**	**грѣше**	*-'у*	**ножю**	**краю**	[крај-у]
Дв. ч.							
Им.-вин. п.	*-а*	**раба**	**грѣха**	*-'а*	**ножꙗ**	**краꙗ**	[крај-а]
Род.-местн. п.	*-у*	**рабоу**	**грѣхоу**	*-'у*	**ножю**	**краю**	[крај-у]
Дат.-твор. п.	*-ома*	**рабома**	**грѣхома**	*-'ема*	**ножема**	**краѥма**	[крај-ема]
Мн. ч.							
Им. п.	*-и*	**раби**	**грѣси**	*-'и* [-ј-и]	**ножи**	**краи**	[крај-и]
Вин. п.	*-ы*	**рабы**	**грѣхы**	*-'ę*	**ножѧ**	**краѩ**	[крај-ę]
Род. п.	*-ъ*	**рабъ**	**грѣхъ**	*-'ь* [-ј-ь]	**ножь**	**краи**	[крај-ь]
Дат. п.	*-омъ*	**рабомъ**	**грѣхомъ**	*-'емъ*	**ножемъ**	**краѥмъ**	[крај-емъ]
Твор. п.	*-ы*	**рабы**	**грѣхы**	*-'и* [-ј-и]	**ножи**	**краи**	[крај-и]
Местн. п.	*-ěхъ*	**рабѣхъ**	**грѣсѣхъ**	*-'ихъ*	**ножихъ**	**краихъ**	[крај-ихъ]

§ 150. Древняя основа не претерпела фонетических изменений и обнаруживается в старославянском языке в творительном падеже единственного числа, в дательном-творительном падеже двойственного числа и в дательном падеже множественного числа (см. образцы склонения на стр. 170); при этом в мягком варианте гласному [о] соответствовал [е].

Существительные среднего рода склонялись так же, как и существительные мужского рода, но не имели специальной звательной формы. Специфическими для имен среднего рода были лишь окончания именительного-винительного падежа всех чисел:

Им.-вин. п.	Твердый вариант (*-ŏ-)		Мягкий вариант (*-j-ŏ-)	
	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
Ед. ч.	*-о*	село вѣко	*-'е*	полѥ ꙁнаменьѥ [знам·ен·ӥj-е]
Дв. ч.	-ě	селѣ вѣцѣ	*-'и*	поли ꙁнамении [знам·ен·ӥj-и]
Мн. ч.	*-а*	села вѣка	*-'а*	полꙗ ꙁнамениꙗ [знам·ен·ӥj-а]

Основы на **jŏ* утратили **j* лишь в положении после согласного (например, **nozj-ŏ-* > **ножь**); но после гласных [j] в старославянском языке сохранялся. В именительном и винительном падежах единственного числа и в родительном падеже множественного числа окончание мягкого варианта [-'ь] в этом случае вместе с предшествующим [j] образовало редуцированный [ӥ], что и обнаруживается в соответствующих падежных формах (см. образцы склонения): **краи**, фонетически [край] < **kraj-ь*, **бои** [бой] < **boj-ь* и т. д.

Соотношение окончаний твердого и мягкого вариантов у основ на **ŏ* и **jŏ* то же, что и у основ на **ā* и **jā* (см. таблицу в § 147). Указанных соответствий не находим лишь в творительном падеже множественного числа (**рабꙑ, дарꙑ — ножи, кони**) и в звательной форме. В последнем случае в твердом варианте было окончание **-е**: **рабе! братре!** (или **брате!**) и т. д. Так как гласный переднего ряда здесь старый, то задненёбные согласные перед ним изменялись по I переходному смягчению в шипящие: **чловѣче! дроуже! враже!** и т. д. Основы на **jŏ* имели в звательной форме [-'у]: **коню! врачю! ножю! краю!**

§ 151. В местном падеже единственного числа, как у основ на $*\bar{a}$, некогда в окончании был дифтонг $*\widehat{\breve{o}i̯}$ (где $*\breve{o}$ — тематический гласный), который под восходящей интонацией после твердых согласных изменился в **-ѣ** [ě]: **рабѣ** (из *ŏrbŏi̯), **столѣ, селѣ, дѣлѣ** и т. д. Перед этим **-ѣ** [ě] дифтонгического происхождения задненёбные согласные изменялись по II переходному смягчению в свистящие: **влъцѣ** (им. п. **влъкъ**), **грѣсѣ** (им. п. **грѣхъ**), **враѕѣ** (им. п. **врагъ**), **вѣцѣ** (им. п. **вѣко**), **иѕѣ** (им. п. **иго**), **оусѣ** (им. п. **оухо**) и т. д. В мягком варианте дифтонг *'oi̯ > *'ei̯ > [и]: **ножи, кон'и, пол'и, мор'и, ꙁнамении** [знам·ен·ӣјӣ] (с долгим [-и]). То же в именительном-винительном падеже двойственного числа имен среднего рода: **дъвѣ сѣлѣ, дъвѣ вѣцѣ** («два века») (с изменением *k > [ц'] перед **ѣ** [ě] дифтонгического происхождения), **дъвѣ оусѣ** («два уха») (с изменением *x > [с']), **дъвѣ пол'и** и т. д. Аналогично в местном падеже множественного числа: **рабѣхъ** («о рабах»), **столѣхъ, сѣлѣхъ** и **влъцѣхъ, враѕѣхъ, грѣсѣхъ, вѣцѣхъ**; но после мягких согласных: **ножихъ, кон'ихъ, пол'ихъ, ꙁнамениихъ.**

Дифтонгического происхождения был и [и] в именительном падеже множественного числа имен мужского рода (**раби, столи, ножи** и т. д.), поэтому и в этой форме задненёбные согласные изменились в мягкие свистящие: **влъци** (им. п. ед. ч. **влъкъ**), **грѣси** (им. п. ед. ч. **грѣхъ**), **враѕи** (им. п. ед. ч. **врагъ**). В мягком варианте тот же дифтонг $*\widehat{oi̯}$ после *j изменился в *ei̯ > [и]: *nŏzjŏi̯ > *nŏzjei̯ > **ножи**, также **кони, краи** (фонетически [краји] с долгим, а не редуцированным [и]) и т. д.

О происхождении окончаний основ на *ŏ, *jŏ см. § 170—171.

§ 152. Существительные с мягким свистящим согласным в конце основы, т. е. имена типа **отьць, старьць, лице, крыльце** и под., склонялись в старославянском языке по мягкому варианту (ср. § 148).

Когда-то эти образования имели в конце основы задненёбный согласный и склонялись по твердому варианту, что и отражается в звательной форме: здесь они имели окончание **-е** (а не **-ю**, как у основ на *jŏ), причем перед **-е** на месте задненёбного произносился шипящий (а не свистящий, как в остальных формах), поскольку изменение задненёбного в шипящий согласный в звательной форме произошло раньше (по I смягчению), чем появился мяг-

кий свистящий в остальных падежах (по III смягчению). Так, в звательной форме **отьче!** (им. п. **отьць**), **старьче!** (им. п. **старьць**), **жьрьче!** (им. п. **жьрьць**) и т. д.

Основы на ĭ

§ 153. Тематический гласный *ĭ характеризовал в начале праславянской эпохи существительные м у ж с к о г о и ж е н с к о г о р о д о в. В старославянском языке все эти существительные в именительном падеже единственного числа имели окончание **-ь**, непосредственно продолжавшее старую основу этих существительных: **гость** (из **gŏst-ĭ-s*, где в праславянском языке *ĭ > [ь] — см. § 82), **господь, тьсть, гѫсь** и др. (муж. р.); **кость, вѣсть, ношть дверь** и др. (жен. р.).

Существительные м у ж с к о г о р о д а, относившиеся к этому типу склонения, имели перед тематическим гласным (а в старославянском языке — перед окончанием) п о л у м я г к и й с о г л а с н ы й (а не исконносмягченный, как существительные с основами на **jŏ*, у которых в именительном падеже единственного числа в старославянском языке также было окончание **-ь**). Ср. **гость, господь, гѫсь** и т. д. — основы на *ĭ, где перед **-ь** согласные [т·], [д·], [с·], которые не могли произойти из сочетания какого-либо согласного с **j*; но **ножь, врачь, въпль** и т. д. — основы на **jŏ*, на что указывают исконносмягченные согласные [ж'], [ч'], [пл'], произошедшие из сочетаний различных согласных с **j*.

Существительные мужского и женского родов в творительном падеже единственного числа и в именительном падеже множественного числа имели разные окончания.

Число, падеж	Мужской род		Женский род	
	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
Ед. ч.				
Им. п.	*-ь*	**гость**	*-ь*	**кость**
Вин. п.	*-ь*	**гость**	*-ь*	**кость**
Род. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Дат. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Твор. п.	*-ьмь*	**гостьмь**	*-йјǫ, -ьјǫ*	**костиѭ (-ьѭ)**
Местн. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Зват. ф.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**

Число, падеж	Мужской род		Женский род	
	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
Дв. ч.				
Им.-вин. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Род.-местн. п.	*-йjу, -ьjу*	**гостию (-ью)**	*-йjу, -ьjу*	**костию (-ью)**
Дат.-твор. п.	*-ьма*	**гостьма**	*-ьма*	**костьма**
Мн. ч.				
Им. п.	*-йjе, -ьjе*	**гостиѥ (-ьѥ)**	*-и*	**кости**
Вин. п.	*-и*	**гости**	*-и*	**кости**
Род. п.	*-йй, -ьй*	**гостии (ьи)**	*-йй, -ьй*	**костии (ьи)**
Дат. п.	*-ьмъ*	**гостьмъ**	*-ьмъ*	**костьмъ**
Твор. п.	*-ьми*	**гостьми**	*-ьми*	**костьми**
Местн. п.	*-ьхъ*	**гостьхъ**	*-ьхъ*	**костьхъ**

§ 154. В падежных окончаниях ясно обнаруживается конечный гласный древней основы *ĭ > [ь]: **гост-ь, гост-ь-мь, гост-ь-ма, гост-ь-мъ, гост-ь-ми, гост-ь-хъ** (см. образцы склонения); сюда надо добавить и формы с [й] в окончании, так как перед [j] гласный [ь] > [й], что и находим в таких формах, как **костиѭ** [кост·йjǫ] < < **kostьjǫ*, **гостиѥ** [гост·йjе] < **gostьje* и т. д.

В старославянских памятниках письменности отражается замена редуцированного [й] в отмеченных формах гласным [ь] по аналогии с формами тех падежей, где [ь] не находился перед [j]. Так, вместо **костиѭ** пишут **костьѭ** — такое написание отражает аналогическое появление [ь] под влиянием **кость, костьмъ, костьми**; вместо **гостии** пишут **гостьи** — под влиянием **гость, гостьмъ** и т. д. (см. § 55).

В двух падежах основы на *ĭ мужского и женского родов имели разные окончания, причем древнее окончание сохраняли имена мужского рода, в то время как существительные женского рода развили новые окончания под влиянием основ женского рода на **jā*:

творительный падеж единственного числа: **-ьмь** — для имен мужского рода — **гостьмь, господьмь, тьстьмь** и т. д. (ср. у основ на **ŏ*: **рабомь, селомь** и т. д.); **-иѭ** — для женского рода —

костиѭ, вѣстиѭ, ноштиѭ и т. д. под влиянием **женоѭ** (показатель творительного падежа **-ѭ** [-jǫ] присоединен к древней основе);

именительный падеж множественного числа: **-иѥ** — для мужского рода — **гостиѥ, господиѥ, тьстиѥ** и т. д., что отражает старое индоевропейское окончание; **-и** в именительном и винительном падежах женского рода — **кости, вѣсти, ношти** и т. д.— под влиянием типа **жена — женъı**, где именительный падеж во множественном числе совпадал с винительным.

О происхождении окончаний основ на *ĭ см. § 170—171.

§ 155. Существительные мужского рода в именительном и винительном падежах в единственном числе по форме совпадали с основами на *jŏ, отличаясь от последних лишь качеством предшествовавшего окончанию согласного основы (см. выше, § 153): **гость** [гост·ь], **господь** [господ·ь], **гѫсь** [гǫс·ь] и т. д; **ножь** [нож'ь], **врачь** [врач'ь], **вождь** [вож͡'д'ь], **отьць** [от·ьц'ь] и т. д. Это совпадение послужило причиной с б л и ж е н и я существительных мужского рода, некогда характеризовавшихся разными тематическими гласными.

Наиболее заметно результаты такого сближения в склонении отражают основы на сонорные согласные, которые в старославянском языке могли быть как полумягкими, так и мягкими (см. § 65). Например, слово **огнь** некогда имело основу на *ĭ (ср. древнеинд. *agnĭs*, лат. *ignis*) и произносилось в старославянском языке с полумягким [н·] перед гласным переднего ряда: [огн·ь]. Однако под влиянием существительных типа **кон'ь** (где [н'] < *nj, поэтому мягкий) в старославянских памятниках XI в. отражается мягкое произношение [н'] в слове **огн'ь.** Смягчение сонорного в конце основы приводит к смешению окончаний: в родительном падеже единственного числа вместо **огни** находим **огнꙗ** (как **конꙗ**), в дательном падеже — **огню** (как **коню**). Точно так же появляются формы **звѣрꙗ, звѣрю** вместо **звѣри** (причем с мягким [р'], а не полумягким).

Существительное **господь** в родительном падеже встречается в глаголических памятниках (в Зографском евангелии, Сборнике Клоца, Синайской псалтыри и др.) в форме **господѣ** (т. е. [господ'а], так как в глаголическом письме **ѣ** обозначал ['а] — ср. § 57),

в дательном падеже **господю** — вместо **господи.** А в более поздних кириллических памятниках (Саввина книга, Супрасльская рукопись и нек. др.) отражаются формы с отвердевшим согласным основы: родительный падеж **господа**, дательный падеж **господоу**[1].

Вместе с тем в отдельных формах множественного числа отражено влияние *ĭ- основ на *jŏ-основы. Так, в именительном падеже множественного числа мужского рода в ряде старославянских памятников можно встретить: **коумирие** (Супр. рук.) — вместо **коумири**, **вождие** (Зогр. ев.) — вместо **вожди**; в родительном падеже: **врачеи** (Ассем. ев.) — вместо **врачь** (под влиянием **гостеи, татеи** и т. д. — из **гостии, татии**).

*Основы на *ŭ*

§ 156. Праславянский язык унаследовал из индоевропейского очень небольшую группу существительных с основами на *ŭ*, из числа которых в старославянских памятниках встречается лишь шесть имен мужского рода: **сынъ, волъ, врьхъ, ледъ, медъ, полъ** («половина»). С окончаниями этого типа склонения в старославянских текстах отмечены еще некоторые имена (например, **гласъ, даръ, длъгъ, домъ, миръ, родъ, рѧдъ, садъ, санъ, чинъ, ꙗдъ** и нек. др.), которые были унаследованы праславянским языком с тематическим *ŏ*, а не *ŭ*[2].

Склонение основ на *ŭ* характеризовалось своеобразными окончаниями, отражавшими конечный гласный древней основы.

---

[1] Как церковнославянизмы такие формы известны русскому языку: *господа бога, господу богу.*

[2] См.: Г. А. Хабургаев. Условия унификации мужских субстантивных склонений в праславянском языке. «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 148. Русский язык, вып. 10, 1964.

К старым основам на *ŭ* обычно причисляют и слово **домъ.** Однако это недоразумение, основанное на некритическом использовании фактов латинского языка. Слав. *domъ* — из индоевр. *dŏmŏs (ср. греч. δόμος [dŏmŏs] — «строение», древнеинд. *dámaḥ* < *dŏmŏs), а не *dŏmŭs. Основу на *ŏ это слово имело первоначально и в латинском языке, на что указывают архаические латинские формы родительного падежа *domi*, дательного *domo* (в латинском это слово рано подверглось влиянию основ на *ŭ* — типа *fructus*).

Падеж \ Число	Единственное		Двойственное		Множественное	
	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
Им. п.	-ъ	**сынъ**	-ы	**сыны**	-ове	**сынове**
Вин. п.	-ъ	**сынъ**	-ы	как Им. п.	-ы	**сыны**
Род. п	-у	**сыноу**	-ову	**сыновоу**	-овъ	**сыновъ**
Дат. п.	-ови	**сынови**	-ъма	**сынъма**	-ъмъ	**сынъмъ**
Твор. п.	-ъмь	**сынъмь**	-ъма	как Дат. п.	-ъми	**сынъми**
Местн. п.	-у	**сыноу**	-ову	как Род. п.	-ъхъ	**сынъхъ**
Зват. ф.	-у	**сыноу**	—	—	—	—

§ 157. Гласный старой основы **й* > [ъ] сохранялся в старославянском языке в именительном, винительном и творительном падежах единственного числа, в дательном-творительном падеже двойственного числа, в дательном, творительном и местном падежах множественного числа. В остальных падежах древний тематический гласный выступал на ступени чередования: **й//*ӯ* > [ы], например в именительном-винительном падеже двойственного числа и в винительном падеже множественного числа: **сыны, меды, волы**; **й//*оц͡*, при этом дифтонг **оц͡* перед гласными в праславянском языке дал [ов] (см. дат. п. ед. ч. **сын-ов-и, мед-ов-и, вол-ов-и**; им. п. мн. ч. **сын-ов-е, мед-ов-е, вол-ов-е**; род. п. мн. ч. **сын-ов-ъ, мед-ов-ъ, вол-ов-ъ**); в конце слова **оц͡* > [у] (см. род., местн. и зват. п. ед. ч. **сын-оу, мед-оу, вол-оу**).

§ 158. Еще в праславянском языке небольшая группа основ на **й* (кроме указанных шести слов, с основами на **й*, праславянским языком были унаследованы имена *ilъ*, *olъ* — «пиво», *soldъ* — «солод», которые в старославянских текстах не встречаются, но отмечены в древнейших памятниках других славянских языков) вступила во взаимодействие с многочисленными основами на **ŏ*, к которым относилось подавляющее большинство имен мужского рода. Это взаимодействие началось после того, как завершился процесс переразложения индоевропейских именных основ, в связи с чем у имен одного (мужского) рода совпали формы некоторых падежей (например, им. и вин. п. ед. ч.: **даръ, домъ, родъ, столъ** — основы на **ŏ*, **сынъ, волъ, врьхъ, медъ** — основы на **й*; то же в вин. п. мн. ч.: **дары — сыны**).

В результате взаимодействия основ на *ŭ и *ŏ в старославянских памятниках старые основы на *ŭ нередко отмечаются с падежными окончаниями основ на *ŏ. Например, в родительном падеже единственного числа форма **сына** встречается чаще, чем **сыноу**, в дательном падеже — **сыноу** вместо **сынови**, в местном падеже — **сынѣ** вместо **сыноу**; форма **сына** (вместо **сынъ**) нередко употреблялась в значении винительного падежа (в связи с развитием категории одушевленности). Другие существительные с основами на *ŭ отмечаются реже с окончаниями основ на *ŏ, хотя также возможны (например, в родительном падеже: **врьха, меда** — вместо **врьхоу, медоу**).

Взаимодействие двух типов имен осуществлялось не только в направлении поглощения небольшой группы *ŭ-основ многочисленными основами на *ŏ. В ряде падежей старые основы на *ŏ начинают употребляться с окончаниями основ на *ŭ, причем эти окончания становятся характерными для существительных с односложной основой на твердый согласный, обладавших подвижным ударением, т. е. для имен, характеризовавшихся теми же фонетико-морфологическими особенностями, что и все древние основы на *ŭ: родительный падеж: **рѧдоу, чиноу, дльгоу, родоу, ꙗдоу** (Супр. рук.), **гласоу** (Син. пс.) и др. (вместо **рѧда, чина, гласа** и т. д.); местный падеж: **рѧдоу, чиноу, дароу, дѫбоу, мироу** (Супр. рук.), **станоу** (Син. пс.) и др. (вместо **рѧдѣ, чинѣ, станѣ** и т. д.).

Таким образом, в старославянском языке выделяется многочисленная (включающая более двух десятков слов) группа существительных с односложной основой на твердый согласный и с подвижным ударением, среди которых уже невозможно отделить исконные основы на *ŭ от имен, имевших некогда в конце основы тематический *ŏ, но ко времени распада праславянского языка склонявшихся по типу старых основ на *ŭ.

§ 159. Среди существительных, обозначавших людей (в частности, среди имен собственных), широкое распространение получило окончание **-ови** (по типу **сын-ови**) и развившееся по аналогии с ним для мягкого варианта **-еви** в дательном падеже единственного числа: **б(ого)ви, доухови, мѫжеви, архиереови, кесареви** (Зогр. ев., Мар. ев.); **иосифови, петрови, моисеови** (Мар. ев.) и т. п. (наряду с формами **богоу, доухоу,**

мѫжю, архиереѭ, кесарю, иосифоу, петроу, мосеѭ). У названий предметов окончание **-ови** встречается лишь в случаях их персонификации (олицетворения) и, как правило,— рядом с формой винительного-родительного падежа на **-а** (как у современных одушевленных существительных). Например, в Саввиной книге: **намъ...а не мирови** [= «Нам (т. е. апостолам), а не миру (т. е. не всем людям)»] (*Ин.*, XIV); здесь же винительный падеж **мира: обличитъ мира о грѣсѣ** [= «(Он) обличит мир (т. е. людей) в грехе»] (*Ин.*, XVI); в Супрасльской рукописи: **глаголаше адови** [= «(Он) говорил аду»], здесь же винительный падеж **ада: ада съвѧзана показати.**

Особенно широко окончания основ на *$\check{u}$* распространялись во множественном числе в именительном и родительном падежах существительных мужского рода. Например, в именительном падеже: **доухове, сѫдове, змиеве, зноиве** (Супр. рук.), **попове** (Син. тр.) и др. (вместо **доуси, сѫдии, змии, зноиі, попи**); родительный падеж: **бѣсовъ, плодовъ, зноевъ** (Супр. рук.), **грѣховъ, врачевъ** (Зогр. ев.) и др. (вместо **бѣсъ, плодъ, зної, грѣхъ, врачь**).

Основы на согласные

§ 160. Особенностью существительных, изменявшихся по этому типу склонения, было то, что их основа в именительном падеже (а у среднего рода также и в винительном падеже) единственного числа была на один слог короче, чем во всех остальных падежных формах (см. ниже образцы склонения). Это связано с тем, что конечный согласный основы в именительном падеже единственного числа в конце слова был утрачен под влиянием тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности (например, **сѣмѧ** < < **sēměn*, где в конце слова **-ěn* > [-ę]), в то время как в остальных падежных формах перед гласными окончаний он сохранился (например, в род. п.: **сѣмен-е**).

В старославянском языке бывшие основы на согласные (т. е. нетематические) были представлены именами всех трех родов.

К среднему роду относились образования с суффиксами: **-ес-: слово, тѣло, небо, штюдо** («чудо») — родительный падеж: **слов-ес-е, тѣл-ес-е, неб-ес-е, штюд-ес-е; -ѧт-** (названия детей

и молодых животных): **отроѵа** («ребенок»), **тела, жрѣба, козьла** и мн. др.— родительный падеж: **отроѵ-ат-е, тел-ат-е, жрѣб-ат-е, козьл-ат-е; -мен-: брѣма, врѣма, има, сѣма** и др.— родительный падеж: **брѣ-мен-е, врѣ-мен-е, и-мен-е, сѣ-мен-е.**

Мужской род представлен именами с конечным согласным основы **-н-** типа **камы** («камень»), **пламы** («пламя»), ***ремы** и под.— родительный падеж **кам-ен-е, плам-ен-е, рем-ен-е.** Следует иметь в виду, что в дошедших до нас старославянских текстах лишь два существительных встречаются в старой форме именительного падежа единственного числа: **камы** и **пламы**; все остальные имена мужского рода в памятниках отмечены в форме именительного падежа, равной форме винительного падежа единственного числа, т. е. **ремень** (вместо предполагаемого ***ремы**), **ѩчьмень** (вместо ***ѩчьмы**), **корень** (вместо ***коры** или ***кора**) и т. д.

По системе падежных окончаний к этой же группе имен в старославянском языке относилось и слово **дьнь** (русск. *день*) — единственное существительное этого типа склонения без суффикса **-ен-**, сохранявшее конечный согласный основы и в именительном падеже.

Во множественном числе по типу основ на согласные склонялись существительные с суффиксами **-тел-ь** и **-ар-ь**, которые в единственном числе изменялись по типу основ на *$\breve{j\mathit{o}}$ (**оучитель, дѣлатель, мытарь** — «сборщик налогов» и т. д., им. п. мн. ч. **оучителе, дѣлателе, мытаре**), и существительные с суффиксом **-ан-ин-ъ**, которые в единственном числе склонялись по типу основ на *$\breve{o}$, а во множественном, утрачивая вторую часть суффикса **-ин-**, изменялись по типу основ на согласные (**гражд-ан-ин-ъ**, род. п. **гражданина** и т. д., но им. п. мн. ч. **гражд-ан-е** — «горожане»).

Женский род представлен двумя словами с суффиксом **-ер-**: **мати, дъшти,** родительный падеж **мат-ер-е, дъшт-ер-е.**

Существительные с основами на согласные склонялись одинаково; лишь имена среднего рода, как указывалось выше, в винительном падеже единственного числа имели форму, равную форме именительного падежа, и в именительном-винительном множественного числа характеризовались типичным для среднего рода окончанием **-а**, а в именительном-винительном двойственного — окончанием **-ѣ.** С родом, а не типом склонения в старославянском языке было связано также окончание творительного падежа единственного числа, а для среднего рода — также и окончание творительного падежа множественного числа.

Число, падеж	Окончания	Образцы				
		средний род			мужской род	женский род
Ед. ч.						
Им. п.	*(-о, -ę, -ы, -и)*	тѣло	жрѣбѧ	врѣмѧ	камꙑ	мати
Вин. п.	*(-о, -ę,), -ь*	тѣло	жрѣбѧ	врѣмѧ	камень	матерь
Род. п.	*-е*	тѣлесе	жрѣбѧте	врѣмене	камене	матере
Дат. п.	*-и*	тѣлеси	жрѣбѧти	врѣмени	камени	матери
Твор. п.	*-ьмь, -ӣјǫ*	тѣлесьмь	жрѣбѧтьмь	врѣменьмь	каменьмь	материѭ
Местн. п.	*-е, (-и)*	тѣлесе	жрѣбѧте	врѣмене	камене	матери (-е)
Дв. ч.						
Им.-вин. п.	*-ě, -и*	тѣлесѣ	жрѣбѧтѣ	врѣменѣ	камени	матери
Род.-местн. п.	*-у*	тѣлесоу	жрѣбѧтоу	врѣменоу	каменоу	матероу
Дат.-твор. п.	*-ьма*	тѣлесьма	жрѣбѧтьма	врѣменьма	каменьма	матерьма
Мн. ч.						
Им. п.	*-а, -е, (-и)*	тѣлеса	жрѣбѧта	врѣмена	камене[1]	матери (-е)
Вин. п.	*-а, -и*	тѣлеса	жребѧта	врѣмена	камени	матери
Род. п.	*-ъ*	тѣлесъ	жрѣбѧтъ	врѣменъ	каменъ	матеръ
Дат. п.	*-ьмъ*	тѣлесьмъ	жрѣбѧтьмъ	врѣменьмъ	каменьмъ	матерьмъ
Твор. п.	*-ы, -ьми*	тѣлесꙑ	жрѣбѧтꙑ	врѣменꙑ	каменьми	матерьми
Местн. п.	*-ьхъ*	тѣлесьхъ	жрѣбѧтьхъ	врѣменьхъ	каменьхъ	матерьхъ

[1] Интересно отметить, что в старославянских памятниках письменности вместо форм множественного числа обычно употребляются с о б и р а т е л ь н ы е образования среднего рода (ед. ч.): **камениѥ, корениѥ** и под.

§ 161. Для многих основ на согласные было характерно чередование гласных в суффиксе. Так, основы на **-ĕs-* в именительном и винительном падежах единственного числа имели суффикс **-ŏs-* (без окончания): **tĕlŏs* > **тѣло** (ср. в род. п. **тѣл-ес-е** < **tĕlĕsĕs*); основы на **-en-* мужского рода в именительном падеже единственного числа имели суффикс **-ōn-* (изменившийся в **-ūn* > **-ū* > [-ы] — см. § 83): **kāmōn* > **камы** (ср. в род. п.: **кам-ен-е** < **kāmĕnĕs*); основы на **-ĕr-* в именительном падеже единственного числа имели в суффиксе долгий гласный, т. е. **-ēr-*, изменившийся в конечном закрытом слоге (**-ēr* > **-īr* > [-и]): **mātēr* > **мати** (ср. в род. п.: **мат-ер-е** < **mātĕrĕs*).

§ 162. Уже в праславянском языке склонение основ на согласные начало разрушаться под влиянием более продуктивных склонений, и прежде всего под влиянием основ на **ĭ*. Раньше других такому влиянию подверглись существительные женского рода **мати** и **дъшти** (окончания некоторых падежей, в частности винительного и дательного единственного числа, у тех и других основ издавна совпадали: **матер-ь — кост-ь, матер-и — кост-и**). Результатом воздействия основ на **ĭ* явилось совпадение форм местного падежа единственного числа существительных женского рода с основами на **ĕr* и на **ĭ*: в старославянских текстах слова **мати, дъшти** встречаются в этом падеже только с окончанием **-и** (вместо более древнего **-ĕ*): **матери, дъштери** (как **кости, ношти**).

То же произошло и в именительном падеже множественного числа. Все существительные женского рода в этом падеже еще в дописьменную эпоху получили окончание, сходное с окончанием винительного падежа; под влиянием основ на **ĭ* в старославянских памятниках именительный и винительный падежи множественного числа оказываются **матери, дъштери** (как **кости, ношти**), в то время как в мужском роде именительный падеж — **камене**, винительный падеж — **камени.**

Влияние основ на **ĭ* сказалось и на формах дательного, творительного и местного падежей множественного числа: у обеих основ (как женского, так и мужского рода) окончания этих падежей в эпоху старославянских памятников оказываются одинаковыми: дательный падеж — **каменьмъ, матерьмъ** (как **гостьмъ, костьмъ**), творительный падеж — **каменьми, матерьми** (как

гостьми, костьми), местный падеж — **каменьхъ, матерьхъ** (как **гостьхъ, костьхъ)**.

Основы на согласные среднего рода еще до распада праславянского языка подверглись воздействию со стороны основ на *ŏ, к которым относилось большинство имен среднего рода (типа **село, дѣло** и т. д.). Взаимодействие с основами на *ŏ отразилось на форме творительного падежа множественного числа: **тѣлесъı, жрѣбѧтъı, врѣменъı** — как **селъı, дѣлъı** и т. д.

Раньше других влияние основ на *ŏ испытали основы на *ĕs, совпадавшие с основами на *ŏ не только в именительном-винительном множественного числа (**тѣлеса, словеса** и пр., как и **врѣмена, жрѣбѧта**; ср. **села, дѣла** и т. д.), но и в именительном-винительном единственного числа: **тѣло, слово, дрѣво** и т. д., как **село, дѣло, весло** и т. д. В старославянских памятниках взаимодействие основ на *ŏ и на согласные среднего рода отразилось в смешении падежных окончаний существительных типа **тѣло, слово** с окончаниями по типу **село, дѣло** (обычно с утратой старой основы на -**ес**-): родительный падеж единственного числа — **слова** (Супр. рук.; наряду с **словесе**), дательный падеж — **словоу** (Ассем. ев.; наряду с **словеси**), творительный падеж — **словомь** (Зогр. ев., Мар. ев.; наряду с **словесьмь**).

§ 163. Особого замечания требуют существительные **око, оухо**. Некогда они имели основу на *ĕs (как **тѣло, слово**), а в период старославянских памятников, как и другие древние основы на *ĕs, могли в единственном числе употребляться с окончаниями по типу **село**: дательный падеж — **окоу** (наряду с **очеси**), творительный падеж — **окомь** (вместо **очесьмь**), местный падеж — **оцѣ** (вместо **очесе**).

В двойственном числе существительные **око** и **оухо** склонялись по типу основ на *ĭ:

Им. п.-вин. п.	**очи**	**оуши**
Род. п.-местн. п.	**очию**	**оушию**
Дат. п.-твор. п.	**очима**	**оушима**

*Основы на *ū*

§ 164. Основы на *ū представлены в старославянском языке сравнительно небольшой группой существительных женского рода, в которых *ū перед гласным во всех падежных формах (кроме им. п. ед. ч.) выступал на ступени дифтонга *йu̯ > [ъв]: им. п. **бръı** («бровь»), **боукъı** («буква, записка»), ***кръı** («кровь»), **любъı** («любовь»), **неплодъı** («бесплодная женщина»), **свекръı** («свекровь»), **смокъı** («смоква, винная ягода»), **црькъı** («церковь») и др. (везде -ъı < *ū); род. п. **бръв-е, боукъв-е, любъв-е, кръв-е, неплодъв-е, свекръв-е, смокъв-е, црькъв-е** (везде **-ъв-** < *йu̯ перед гласным).

Число / Падеж	Единственное		Двойственное		Множественное	
	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
Им. п.	*(-ы)*	**смокъı**	*-и*	**смокъви**	*-и*	**смокъви**
Вин. п.	*-ь*	**смокъвь**	*-и*	как Им. п.	*-и*	**смокъви**
Род. п.	*-е*	**смокъве**	*-у*	**смокъвоу**	*-ъ*	**смокъвъ**
Дат. п.	*-и*	**смокъви**	*-ама*	**смокъвама**	*-амъ*	**смокъвамъ**
Твор. п.	*-йjǫ*	**смокъвиѭ (-ьѭ)**	*-ама*	как Дат. п.	*-ами*	**смокъвами**
Местн. п.	*-е*	**смокъве**	*-у*	как Род. п.	*-ахъ*	**смокъвахъ**

§ 165. В единственном числе основы на *ū склонялись в старославянском языке так же, как и основы на согласные (ср. образцы склонения основ на согласные и на *ū). Но в двойственном и множественном числах основы на *ū отражали сильное влияние основ на *ā (типа **жена**): если в именительном, винительном и родительном падежах множественного числа основы на *ū сохраняли падежные окончания основ на согласные женского рода (ср. образцы склонения), то в дательном, творительном и местном падежах окончания те же, что и у существительных типа **жена**, по которому изменялись в основном имена женского рода: **смокъвамъ, смокъвами, смокъвахъ** (как **жен-амъ, жен-ами, жен-ахъ**). То же в дательном-творительном двойственного числа: **смокъвама** (как **жен-ама**).

Лишь одно существительное с основой на *ū — **кры** во множественном числе склонялось с окончаниями основ на *ĭ (как **кость**), сохраняя окончание основ на *ū только в родительном падеже множественного числа: **кръвъ** (как **смокъвъ, боукъвъ**), а не **«кръвии»** (как **костии**).

Категория лица — начальный этап развития категории одушевленности

§ 166. Категорией одушевленности в грамматике принято считать совпадение формы винительного падежа с формой родительного. В современном русском языке это явление наблюдается в единственном числе у существительных мужского рода типа *брат, конь*, а во множественном числе — у существительных всех трех родов. Так, в русском языке слова *брат, отец, конь, гусь, сестра, рыба* и т. д. принято относить к одушевленным существительным, потому что в винительном падеже они имеют окончание родительного падежа: *вижу брат-а, отц-а, кон-я, гус-я;* во множественном числе — *брат-ьев, отц-ов, кон-ей, гус-ей, сестер, рыб;* но ср. неодушевленные существительные: *вижу стол, дом, пень*, во множественном числе — *стол-ы, дом-а, пн-и, стен-ы, земл-и* — как в именительном падеже.

Старославянские памятники отражают начальный этап развития этой грамматической категории. Форму родительного падежа в значении винительного в старославянском языке обычно получали в единственном числе только существительные мужского рода, обозначавшие лиц общественно полноправных (**отьць, братръ, кънѧѕь** — «вельможа», **мѫжь** — «мужчина», **чловѣкъ, клеврѣтъ** — «товарищ», **пророкъ** и т. п., в том числе **богъ**), а также имена собственные мужского рода (**исоусъ, петръ, симонъ** и др.). Это грамматическсе явление можно назвать категорией лица, так как оно распространялось только на имена, обозначавшие лиц.

§ 167. Развитие категории лица связано с появлением необходимости различать формы субъекта и объекта действия. Дело в том, что винительный падеж существительных мужского рода основ на *ŏ (см. образцы склонения на стр. 170) в единственном числе совпадал с именительным, т. е. форма

объекта (прямого дополнения) совпадала с формой субъекта действия (подлежащего). Во многих случаях это не мешало правильно понимать смысл высказывания (сообщения): он подсказывался реальными значениями существительных. Так, в предложении **приꙗтъ ис҃ъ хлѣбъ** совпадение форм не вызывает затруднений в понимании действующего лица и объекта действия, поскольку только *Иисус* мог взять *хлеб*, но не наоборот. Совпадали формы субъекта и объекта и в таких предложениях, как, например, **чловѣкъ етеръ посъла рабъ свои къ дѣлателемъ**; но и здесь затруднений в понимании смысла предложения не возникало, так как *рабъ*—слово, обозначавшее лицо общественно бесправное, — в эпоху старославянских памятников не могло быть подлежащим, указывающим на деятеля, руководящего действиями другого лица. Поэтому совпадение форм подлежащего и дополнения не мешало понимать это предложение как «Некий *человек* послал своего *раба* к работникам».

Иначе обстояло дело с предложениями, где и подлежащее и дополнение обозначали лиц общественно равноправных, каждое из которых могло выступать в качестве субъекта действия. В таких предложениях неразличение форм субъекта и объекта действия при относительно свободном порядке слов могло приводить к неточному, даже двусмысленному пониманию высказывания. Так, предложение **братръ... приведе чловѣкъ нѣмъ** может быть понято двояко: «*Брат* привел немого *человека*» и «*Брата* привел немой *человек*» [1].

Такая же неопределенность смысла возникает и в тех случаях, если подлежащее и дополнение выражены именами собственными (например: **ис҃ъ видѣ симонъ** — «*Иисус* увидел *Симона*» или «*Иисуса* увидел *Симон*»?).

Необходимость различения форм субъекта и объекта действия и привела к использованию при указании на прямой объект ф о р м ы р о д и т е л ь н о г о п а д е ж а, отличавшейся от формы именительного. Так, вместо **призови мѫжь твои** (М а р. е в., *Ин.*, IV) в ряде

---

[1] Следует еще раз подчеркнуть, что такое двоякое понимание высказывания возможно лишь при с в о б о д н о м п о р я д к е с л о в; при фиксированном, постоянном порядке слов субъект всегда впереди объекта. Так, болгарский язык, закрепив позицию подлежащего на первом месте, утратил и категорию лица, ибо предложение *Иванът бие Петър* в болгарском может быть понято только как «Иван бьет Петра».

старославянских памятников встречаем: ... **мѫжа своего** (Зогр., Ассем. ев); вместо **приобрѧштеши братръ твои** [=«Найдешь своего брата»] (Мар. ев., *Мт.*, XVIII) в ряде памятников: ... **брата своего** (Ассем. ев., Сав. кн.) и т. д.[1].

Такие существительные, как **рабъ, сынъ, длъжьникъ, оученикъ** и т. п., обычно употреблялись в старой форме винительного падежа (равной именительному) и лишь спорадически отмечаются в старославянских текстах в форме родительного падежа. Прежде всего здесь следует упомянуть слово **сынъ**, которое нередко употреблялось в винительном падеже в форме **сына** (как **братра**) вместо **сынъ** — при родительном падеже **сыноу** (по типу основ на **й*).

Что касается названий животных и предметов, то они всегда употреблялись в форме винительного падежа, равной форме именительного. И лишь в случае персонификации (олицетворения) названия предметов могли употребляться в винительном падеже с окончанием родительного падежа: **обличитъ мира о грѣсѣ** [= «(Он) обвинит мир (т. е. *людей*) в грехах»] (Сав. кн., *Ин.*, XVI), **ада съвѧзана показати** [= «Показать ад связанным»] (Супр. рук.), **въстанетъ бо ѩзыкъ на ѩзыка** [= «Поднимется же народ против *народа*»] (Зогр. ев., *Л.*, XXI).

Принадлежность к категории лица в старославянском языке выражалась не только формой прямого дополнения, но и отчасти формой дательного падежа. Существительные мужского рода в дательном падеже единственного числа нередко использовали окончание **-ови** (из основ **й*), **-еви** (в мягком варианте), которое характеризовало имена, употреблявшиеся в винительном падеже с окончанием родительного: **богови, мѫжеви, чловѣкови, петрови, мосеови** и т. д.; остальные существительные употреблялись в дательном

[1] Форма родительного падежа для указания на прямой объект была использована потому, что в определенных случаях она издавна выполняла в славянских языках (в том числе и в старославянском) функцию прямого дополнения: 1) при отрицании (ср. в русск. языке: *Я не получал никакого* ***письма;*** при утверждении: *Я получил* ***письмо*** — вин. п.); 2) при указании на охват действием лишь части предмета (ср. русск: *выпил* ***воды;*** но: *выпил всю* ***воду***); 3) родительный падеж соответствует винительному при существительных, образованных от переходных глаголов (ср. русск.: *освобождение* ***города;*** но при глаголе: *освободить* ***город***); 4) в старославянском языке родительный падеж соответствовал винительному падежу при некоторых формах переходных глаголов, например при супине (см. § 314).

падеже с окончанием **-ови(-еви)** лишь в случае персонификации — параллельно с формами винительного падежа на **-а** (см. примеры в § 159).

§ 168. Развитие категории одушевленности (категории лица) сказывалось в старославянском языке и на формах согласуемых слов (прилагательных, неличных местоимений, причастий); они также могли употребляться в винительном падеже с окончанием родительного. Так, если в Мариинском евангелии слово **сынъ** выступает как неодушевленное (не относящееся к категории лица), то и притяжательное местоимение при нем употреблено в винительном падеже в форме **свои: посъла къ нимъ сынъ свои** [= «(Он) послал к ним своего сына»] (*Мт.*, XXI). В Саввиной книге это существительное включается в категорию лица (выступает уже как одушевленное), и притяжательное местоимение при нем в винительном падеже имеет форму **своего: посъла сна своего къ нимъ** (*Мт.*, XXI).

Представление о категории лица замещенного имени сказывалось на форме согласуемого слова и в том случае, если оно относилось к местоимению, хотя само местоимение в винительном падеже имело форму, не сходную с формой родительного падежа. Так, например, в Ассеманиевом евангелии читаем: **оставльше и** (т. е. **чловѣка) елѣ жива** [= «Оставив его еле живого»] (*Л.*, X) — при винительном падеже **и** (род. п. — **кго**) прилагательное употреблено с окончанием родительного падежа.

Происхождение падежных окончаний

§ 169. Как указывалось, появление синонимических окончаний в именном склонении связано с переразложением индоевропейских именных основ в процессе развития праславянского языка (см. § 144). До этого в большинстве падежей окончания были общими для всех имен. Впрочем, в отдельных падежах праславянским языком были унаследованы разные флексии для разных основ.

§ 170. В единственном числе в именительном падеже имена мужского рода основ на *$\breve{o}$, *$\breve{\imath}$, *$\breve{u}$ унаследовали окончание *-*s*, откуда в старославянском языке **сынъ** < *sūn-ŭ-s*, **гость** < **gŏst-ĭ-s* (где [ъ] < *$\breve{u}$ и [ь] < *$\breve{\imath}$ — бывшие тематические гласные); у основ на *$\breve{o}$ тематический гласный в конечном закрытом

слоге усилил лабиализацию, а после *j дал *ĭ (см. § 84 и 82): *dōr-ŏ-s > *dōrŭs > **даръ**, *nŏzj-ŏ-s > *nŏzjŭs > *nŏzjĭs > **ножь**. У нетематических основ флексия именительного падежа присоединилась к согласному основы: *kāmōn-s > *kāmūns > **камы** (см. § 83).

Имена женского рода издавна характеризовались нулевой флексией: *gĕnā < **жена**; *mātēr < **мати** (где конечный **-и** развился из долгого *ē перед плавным в конечном слоге; впрочем, известно и предположение о том, что **мат-и** — под влиянием **рабын-и**).

В винительном падеже единственного числа было унаследовано окончание *-n (-m), которое разделило судьбу окончания именительного падежа (т. е. в конце слова было утрачено), поэтому еще в праславянском языке формы обоих падежей у имен мужского рода совпали: *dōr-ŏ-n (-m) > *dōrŭn > **даръ**, *gŏst-ĭ-n > > **гость**, *sūn-ŭ-n > **сынъ**. У имен среднего рода в именительном и винительном падежах также должно было быть **-ъ**, **-ь** [1]; однако в действительности такие окончания находим лишь в родительном падеже множественного числа: **селъ**, **поль** — как и **даръ**, **ножь**, **женъ**, **ношь**. Окончание именительного-винительного единственного числа среднего рода **-о**, которому в мягком варианте соответствует **-е** (**село**, **дѣло** — **поле**, **знамение**), установилось под влиянием местоименного склонения (т. е. по аналогии с **то** — **наше**). Винительный падеж основ на согласные закономерно отражает слоговой сонорный после согласных: **камень** < *kāmĕnĭn < *kāmĕn-n̥ (-m̥), **матерь** < *mātĕr-n̥ (-m̥). К тому же индоевропейскому окончанию восходит и славянская флексия винительного падежа основ на *ā: **женѫ** (как и **ношѫ**) < *gĕn-ă-n (-m) ([ǫ] < *an в закрытом слоге).

Происхождение флексии славянского родительного падежа единственного числа, объединившего индоевропейские родительный и отложительный падежи, вызывает ряд затруднений; не ясно, к какому из двух падежей восходит славянский родительный у разных типов склонения. Большинство исследователей полагает, что основы на *ŏ отражают старую форму отложительного падежа, характеризовавшуюся формативом *-d, перед которым тематический гласный был долгим: *dōr-ō-d > **дара**, *nŏzj-ō-d > **ножа**.

[1] У имен среднего рода окончания обоих падежей совпадали еще в индоевропейском праязыке (в обоих случаях была флексия *-n (-m), как у имен мужского рода в винительном падеже).

Старым показателем собственно родительного падежа был форматив *-s, который в конце слов славянами также должен был быть утрачен. Тематический гласный у многих основ выступал на ступени дифтонга: *gŏst-ei̯-s > **гости**, *sūn-ou̯-s > **сынoу**; к основам на согласные *s присоединялся посредством -e-: *kāmĕn-ĕ-s > **камене**, *mātĕr-ĕ-s > **матере**.

В творительном падеже единственного числа праславянский язык унаследовал окончания *-m и *-mĭ; последнее находим у основ на *ŏ, *ŭ и у основ на *ĭ и нетематических мужского и среднего родов: **даромь** (из *dōr-ŏ-mĭ, где *ĭ > [ь], а *ŏ — тематический гласный; после мягких согласных — [е]: **ножемь**), **селомь, сынъмъ, гостьмь, каменьмь, сѣменьмь**. У основ на *ā было окончание *-m, т. е. *gen-a-m, что должно было, как и в винительном падеже, дать ***женѫ, *ношѫ**; формы с таким окончанием изредка встречаются в старославянских памятниках письменности, например в Супрасльской рукописи: **съ воеводѫ, съ ѳомѫ, рѫкѫ, дѫшѫ** (вместо **доушѫ**). Однако под влиянием местоименного склонения установилось окончание **-оѭ, -еѭ** (как **тоѭ — нашеѭ**, русск. *тою — нашею*): **женоѭ, ношеѭ**. Это окончание распространилось на имена женского рода других основ — на *ĭ и согласные, где в старославянском языке находим **костиѭ, материѭ** (см. § 154).

В местном падеже единственного числа (у некоторых основ, например на *ā, *ĭ, *ŭ, также и в дат. п.) тематический гласный был представлен дифтонгом, поэтому у основ на *ā и *ŏ встречаем **женѣ, дарѣ, селѣ** (где [ě] < *a͡i̯, *o͡i̯) — после мягких согласных **ноши, ножи, поли** (где [и] < e͡i̯ — из *o͡i̯ после *j); у основ на *i — **гости, кости** (где [и] < *e͡i̯); у основ на *ŭ — **сынoу** (где [у] < *o͡u̯; в дательном падеже тот же дифтонг перед гласным распался: **сынови** < *sūn-ou̯-e͡i).

§ 171. Некоторые формы множественного числа сохраняют следы былой агглютинации форматива множественного числа *-s к форме соответствующего падежа единственного числа. Именно таково происхождение окончаний винительного падежа, восходящих у всех основ к раннему праславянскому *-ns < *-ms (перед конечным *-ns в праславянском языке происходило удлинение кратких гласных и усиление лабиализации *ŏ — см. § 83):

gŏst-ĭ-ns* > **gŏstīns* > **гости (после утраты конечных согласных в соответствии с принципом возрастающей звучности слога), **sūn-ŭ-ns* > **sūnūns* > **сынъı**, **dōr-ŏ-ns* > **dōrŭns* > **dōrūns* > **даръı**; у основ на **ā* тематический гласный в этой форме также находился на ступени краткости: **gĕn-ă-ns* > **gĕnŏns* > **gĕnūns* > **женъı**. В положении после **j* (у основ на **jŏ* и **jā*) изменение было иным, так как **'ŏ* > **'ĕ*, который в конечном закрытом слоге, сливаясь с носовым, дал [ę]: **nozj-ŏ-ns* > **nŏzjĕns* > **ножѧ**, **nŏsj-ă-ns* > > **nŏsjŏns* > *nŏsjĕns* > **ношѧ**.

Именительный падеж множественного числа основ на **ā*, **jā* характеризовался теми же окончаниями, что и винительный падеж (**женъı — ношѧ**). У остальных основ (кроме имен среднего рода) в окончании был тот же форматив *-s*, перед которым тематический гласный находился на ступени дифтонга и обычно соединялся с окончанием посредством **-e-*: основы на **ĭ* — **gŏst-ei̯-ĕ-s* > **гостиѥ** (так как **-ei̯-e-* > **ĕjĕ-* > **-ĭje*), основы на **ŭ* — **sūn-ou̯-ĕ-s* > **сынове**, основы на согласные — **mātĕr-ĕ-s* > > **матере**, **kāmĕn-ĕ-s* > **камене**; основы на **ŏ* присоединяли флексию непосредственно к теме: **dōr-oi̯-s* > **дари**, **groi̯x-oi̯-s* > > **grĕxi* > **грѣси**, **nŏzj-oi̯-s* > **nŏzjei̯s* > **ножи**. Именительный-винительный множественного числа среднего рода независимо от типа склонения с давних пор характеризовался окончанием **-а**: **села, полꙗ, словеса, телѧта, имена**; это окончание среднего рода было особенностью не только славянских, но и других индоевропейских языков (ср., например, лат. *bella* — «войны», *iuga* — «ига», готск. *juka*, древнеинд. *yuga* — «ига»).

Восстановление праславянских форм родительного падежа множественного числа сталкивается с рядом затруднений. Так, у основ на **ā* славянские языки отражают в этой форме краткий гласный: **женъ, водъ, ношь, земль** (как и у основ на **ŏ*: **даръ, рабъ, ножь, селъ, поль**); между тем, другие индоевропейские языки указывают здесь на первоначальное окончание **-on* (*-m*), что в славянских языках соответствия не находит.

Легко восстанавливаются общие для всех основ ранние праславянские окончания в дательном-творительном падеже двойственного числа **-ма** (**жен-а-ма, дар-о-ма** или **нож-е-ма**, так как после **j* старый **ŏ* > [е], **гост-ь-ма, сын-ъ-ма**, где [а], [о], [ь], [ъ] отражают тематические гласные, после переразложения индоевропейских основ отошедшие к окончаниям), в дательном и твори-

тельном падежах **множественного числа** -мь < *-mŭs и -ми< <*-mĭs (жен-а-мъ < *gĕn-ā-mŭs, дар-о-мъ или нож-е-мъ, гост-ь-мъ, сын-ъ-мъ; жен-а-ми < *gĕn-ā-mĭs, гост-ь-ми, сын-ъ-ми); лишь основы на *ŏ в творительном падеже сохраняли в старославянском языке рефлексы древнего индоевропейского окончания *-ōis, где долгий *ō в закрытом слоге усилил лабиализацию и дал *ū (слившийся с *ī), откуда у славян [ы]: *dōrōis > *dōrūis > *dōrūs > дары; после *j, как известно, *u > *i, поэтому *nŏzjōis > > *nŏzjūis > *nŏzjīis > nŏzjīs > ножи.

В **местном падеже множественного числа** праславянский язык унаследовал индоевропейское окончание *-sŭ, в котором *s > [x] после *i и *u (см. § 113): *gŏst-ĭ-sŭ > гостьхъ, *sūn-ŭ-sŭ > сынъхъ; у основ на *ŏ это окончание агглютинировалось к форме местного единственного числа, где тема была представлена дифтонгом: *dōr-oi̯-sŭ > дарѣхъ, *nŏzj-oi̯-sŭ > *nŏzjei̯sŭ > ножихъ. Основы на *ā должны были сохранить [с]; однако под влиянием остальных основ здесь также появилось -хъ: женахъ, ношахъ и т. п. (вместо ожидаемого *женасъ < *gĕn-a-sŭ; ср. сохранение [с] в формах личных местоимений: насъ, васъ — из *na-sŭ, *va-sŭ).

Дополнительная литература к § 140—171

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 53—78.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, § 38—48б.

П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961 (раздел: «Именное склонение).

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 436—492 (стр. 303—345), 519—524 (стр. 367—371).

Ф. Ф. Фортунатов. Сравнительная морфология индоевропейских языков. В сб. «Избранные труды», т. 2. М., 1957, стр. 331—352, 361—426.

ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 172. В старославянском языке не сохранилось существительных, основа которых в индоевропейскую эпоху была равна корню, если не считать сохранения корневых основ в некоторых сложных образованиях; например: гоумьно, где первая часть гоу- < *gou̯- та же, что и в образовании говѧдо («рогатый скот») — с корнем гов- < *gou̯- (вторая часть -мьно от глагола мьн-ѫ, мьн-еши). Корневую основу можно встретить также в первой части образова-

ний с повторением корня, например в слове **глаголъ** < *$g\breve{o}l$-$g\breve{o}l$ъ (ср. севернорусск. *гологолить* — «болтать, балагурить»).

Большинство же славянских имен представляло собой корень в сочетании с суффиксами или тематическими гласными, которые рано утратили значение словообразующих элементов, слились с корнем или окончаниями и в старославянском языке уже не выделялись; некоторые же суффиксы до сих пор сохраняют продуктивность в славянских языках.

Что касается префиксов (приставок), то они в праславянском языке и, позднее, в старославянском не типичны для именного словообразования и, как правило, свойственны именам, производным от глаголов.

Бессуффиксальные тематические образования

§ 173. Нетематические образования в старославянском языке были немногочисленны и ко времени появления древнейших славянских переводов переживали процесс разрушения под влиянием тематических основ.

Тематические гласные **a*, **o*, **i*, **u*, в индоевропейский период выступавшие в качестве средства соединения основ с окончаниями, первоначально служили средством именного словообразования; но их прежнее словообразовательное значение уже не восстанавливается[1]. Тем не менее старославянский язык знает несколько групп существительных, образованных путем соединения корней с различными тематическими гласными. Эти образования утратили продуктивность еще до распада праславянского языка.

§ 174. С помощью тематических гласных имена могли быть образованы от глагольных основ, что нередко сопровождалось чередованием гласных в корне. Так, с помощью тематического *$\bar{a}$ от **поХвал-ити** образовано **поХвал-а**, от **слоу-ти** образовано **слав-а**

[1] Суффиксы нетематических образований сходны с тематическими гласными в том, что их словообразовательное значение, как правило, тоже не поддается восстановлению. Несомненно лишь значение суффикса **-ер-**, указывавшего на кровное родство (**матер-е, дъштер-е**) и суффикса **-ѧт-** < *-*ent*-, служившего для образования названий детенышей (**жрѣбѧт-е, телѧт-е, козьлѧт-е, осьлѧт-е** и т. п.; ср. русск. *жеребят-а, телят-а, козлят-а*).

(в глагольной основе перед согласным дифтонг *$\widehat{au}$ (> *$\widehat{ou}$) изменился в [у], а в именном образовании перед гласным [а] тот же дифтонг дал [ав]).

Особенно широко представлены отглагольные образования с тематическим *ŏ и чередованием [е]//[о] или [ь]//[о] в корне: **бор-ъ** (где конечный [ъ] < *ŏ см. § 84) — от **бер-ѫ**, **воꙁ-ъ** — от **веꙁ-ѫ**, **гнои** [гноj-ь] — от **гни-ти** (где [и] < *ei̯), **нос-ъ** — от **нес-ѫ**, **ток-ъ** — от **тек-ѫ**, **гром-ъ** — от **грьм-ѣти**, **ꙁвон-ъ** — от **ꙁвьн-ѣти**, **стол-ъ** — от **стьл-ати** и т. д.

Многие отглагольные существительные со значением отвлеченных понятий были образованы с помощью тематического *ĭ: **скръб-ь** (из *skъrb-ĭ-) — от **скрьб-ѣти**, **твар-ь** — от **твор-ити** (с удлинением корневого гласного *ō > [а]), **рѣч-ь** — от **рек-ѫ** (с удлинением корневого гласного *ē > [ě]).

В том случае когда существительные образовывались от глагольных основ на -*и*-, конечный гласный глагольной основы, если он сохранялся в именном образовании, перед тематическим *ŏ или *ā сокращался, а затем изменялся в *j (см. § 116), смягчивший предшествующий корневой согласный. Так, от глагола **въпи-ти** было образовано *vŭpi-ŏ-s > *vŭpjŭs > **въпл'-ь** ([ъ] < *ŭ; в конечном закрытом слоге *ŏ > *ŭ, а после *j конечный *ŭ > [ь] — см. § 84, 82); от глагола **води-ти** образовано *vŏdi-ŏ-s > *vŏdjŭs > **вожд-ь**; от **(за)нози-ти** образовано *nŏzi-ŏ-s > *nŏzjŭs > **нож-ь**; от **стражи-ти** (русск. *сторожить* из *stŏrgi-ti) образовано *stŏrgi-ŏ-s > *stŏrgjŭs > > **стражь** и т. д.; аналогичны образования с тематическим *ā: от **носи-ти** — *nŏsi-ā > *nŏsjā > **ноша**; от **сади-ти** — *sōdi-ā > > *sōdjā > **сажд-а** (русск. *саж-а*); от **лови-ти** — *lŏvi-ā > *lŏvjā > > **ловл'-а**, от **коупи-ти** — *kou̯pi-ā > *kou̯pjā > **коуплꙗ**.

То же происходило и при образовании названий лиц женского пола (с темой *ā) от основ на *ĭ: от **тьсть** (из *tĭstĭ-s) было образовано *tĭstĭ-ā > *tьstjā > **тьшт-а** (русск. *тещ-а*); от **господь** (из *gŏspŏdĭ-s) — «хозяин» — *gŏspŏdĭ-ā > *gospodjā > **госпожд-а** (русск. *госпож-а*).

§ 175. Имена с основой на *ū со стороны значения довольно определенно распадаются на д в е г р у п п ы:

а) названия родства по линии мужа: **свекры** («свекровь»), **ꙗтры** («жена мужнина брата»); современные славянские диалекты указывают также на образование *золы, русск. *золовка* («сестра мужа»);

б) названия плодов: **смокы** («смоква, винная ягода»), **тыкы** («тыква»), вероятно также и **мъркы* («морковь») (в старославянских текстах не отмечено).

Впрочем, в старославянском языке известны образования, отражающие старый **ū*, и с иными значениями, но всегда женского рода: **любы** («любовь»), **неплоды** («бесплодная женщина»); в эту группу имен вошли и германские заимствования **боукы** («буква, записка») и **цръкы** («церковь»).

В ряде образований к **ū* еще в праславянском языке был добавлен суффикс *-nj- (см. ниже).

§ 176. Рано утратив словообразовательное значение, тематические гласные уже в праславянском языке получили значение показателя принадлежности имени к определенному классу. Это привело к аналогическому распространению тематических гласных на первоначально нетематические основы. Так, слово **сестра** некогда, видимо, имело основу на согласный *-r-, но впоследствии к ней добавился тематический **ā* — по аналогии с **жена, въдова** и т. д.; имевшее в древности ту же основу на *-r- существительное мужского рода **братръ** (русск. *брат*) получило тематический **ŏ* — по аналогии с **рабъ, отьць** и т. д.[1]. Полагают, что такие имена, как **вьсь** («деревня»), **двьрь** (обычно во мн. ч. — **двьри**), **соль** и нек. др., представляют позднейшие аналогические образования с тематическим **ĭ* от старых корневых нетематических основ.

Суффиксальные тематические образования

§ 177. Тематические гласные во многих именах присоединялись не к корню, а к различным словообразовательным суффиксам.

Как правило, древние словообразовательные суффиксы могли сочетаться с различными тематическими гласными, образуя имена

---

[1] О том, что существительные **сестра** и **братръ**, как и **мати** — родительный единственного **матере**, **дъшти** — родительный единственного **дъштере**, характеризовались в древности основой на *-er, свидетельствуют факты других индоевропейских языков: готск. *svistar*, нем. *Schwester*, прусск. *swestro* («сестра»); древнеинд. *bhrātár*, греч. φράτηρ [frátēr], лат. *frater*, нем. *Bruder* («брат»); древнеинд. *mātár*, греч. μήτηρ [mḗtēr], лат. *mater*, нем. *Mutter* («мать»); греч. θυγάτηρ [thūgátēr], готск. *daúhtar*, нем. *Tochter* («дочь»).

разных родов: женского — с темой *ā, *jā или *ĭ; мужского или среднего — с темой *ŏ или *jŏ. Некоторые же суффиксы сохраняли продуктивность лишь в сочетании с одним определенным тематическим гласным, образуя в старославянском языке существительные одного рода.

Так, индоевропейский суффикс *-n- представлен с тематическими гласными *ŏ (муж. и ср. р.) и *ā (жен. р.) лишь единичными образованиями (**ста-н-ъ, гръ-н-ъ, чль-н-ъ, сънъ** — из *sъp-n-ŏ-s; **соук-н-о, влак-н-о, зрь-н-о** и др.; **цѣ-н-а, мѣ-н-а, стра-н-а, лоу-н-а**), в то время как образования женского рода с тематическим *ĭ достаточно многочисленны (**бра-н-ь, да-н-ь, дла-н-ь** — «ладонь», **сѣ-н-ь** — «тень» и др.; часто с распространением за счет свистящего: **пѣ-сн-ь, ба-сн-ь, жи-зн-ь, болѣ-зн-ь, ка-зн-ь, къ-зн-ь**).

То же можно отметить и для суффикса *-t-, оставившего немногочисленные образования мужского и среднего родов (**бы-т-ъ, мла-т-ъ** — «молот», **пръс-т-ъ** — «палец»; **дла-т-о, пѫ-т-о** — «оковы», **зла-т-о, си-т-о**), но широко представленного в именах женского рода на *ĭ со значением действий, явлений, отвлеченных понятий: **чьс-т-ь** (из *čĭt-t-ĭ-, от **чьт-ѫ**, русск. *чт-ить, чт-у*), **влас-т-ь** (из *vŏld-t-ĭ-, от **влад-ѣти**, ср. русск. *волость*), **вѣс-т-ь** (из *vēd-t-ĭ-, от **вѣд-ѣти**, русск. *вед-ать*), **мошть** (из *mŏg-t-ĭ-, где *gt' > > [ш'т'] — см. § 126; от **мог-ѫ**, русск. *мог-у*), **нощь** (из *nŏk-t-ĭ-s, с тем же изменением *kt' > [ш'т'], ср. лит. *naktìs* — «ночь», лат. *nox*, род. п. *noctis* — «ночь») и др.; со значением конкретных предметов: **пас-т-ь** (из *pad-t-ĭ-; от **пад-ѫ**, ср. русск. *пад-ать*), **пешть** (из *pĕk-t-ĭ-s, от **пек-ѫ**, русск. *пек-у*), **чѧс-т-ь** (с корнем *-kęs-//*-kǫs-, ср. **кѫс-ъ**, русск. *кус-ок*) и т. п.

Малочисленны в славянских языках образования с индоевропейскими суффиксами *-r- (всех трех родов: **да-р-ъ, жи-р-ъ, ми-р-ъ, пи-р-ъ; бед-р-о, реб-р-о, ıад-р-о; выд-р-а, мѣ-р-а**) и *-d- (средний род: **ста-д-о, чѧ-д-о**; женский род: **грѧ-д-а, браз-д-а**), который отражается также в усложненных славянских суффиксах *-од-* и *-ьд-*, характеризующих имена женского рода на *ā: **аг-од-а, своб-од-а; враж-ьд-а, прав-ьд-а.**

Очень характерный для прилагательных и причастий, рано утратил продуктивность как средство словообразования существительных суффикс *-l-, оставивший образования всех трех родов (мужской род: **ѫз-л-ъ, ты-л-ъ**; средний род: **дѣ-л-о, греб-л-о** —

«весло», **пек-л-о**; женский род: **мьг-л-а, жи-л-а, стрѣ-л-а; бы-л-ь, лѣторас-л-ь** — «годичный побег, ветвь»). Образования от усложненных вариантов этого суффикса *-сл-* (среднего рода с темой **ŏ*: **масло** — из **māz-sl-ŏ-n*, **весло** — из **vĕd-sl-ŏ-n*, **прѧсло** — из **pręd-sl-ŏ-n*, **число** — из **čĭt-sl-ŏ-n*) и *-ѣл-//-'ал-* (женского рода с темой **ĭ*: **гыб-ѣл-ь, обит-ѣл-ь, кѫп-ѣл-ь, печ-ал-ь, млъч-ал-ь**) более многочисленны.

Более подробно следует остановиться на п р о д у к т и в н ы х с у ф ф и к с а х.

§ 178. С у ф ф и к с **-j-* в праславянском языке, вероятно, был продуктивным, так как известно большое число старых, общеславянских образований с тематическими **ŏ* и **ā* всех трех родов, отражающих этот суффикс. Суффикс [-j-] был отвлечен из образований от глагольных основ на *-и-* или от существительных на **ĭ* (см. § 174).

1) И м е н а м у ж с к о г о р о д а с темой **ŏ* (следовательно, на **jŏ*) образованы для наименования деятелей: **врачь** (из **vrak-j-ŏ-s*), **лъжь** («лжец») (из **lъg-j-ŏ-s*, от **лъг-ати**), **(зъло) дѣи** ([-д˙ĕj-ь], от **дѣ-ти**) и др.; то же значение сохраняет суффикс **-j-* и в образовании мужского рода с тематическим **ā*: **прѣдътеча** («предшественник») (< **-tĕk-j-ā*, от глагола **тешти** < **tĕk-ti* — «течь»)[1].

Известны также образования мужского рода с тематическим **ŏ*, обозначающие животных: **кон'ь** (< **kŏn-j-ŏ-s*), **змии** (зм˙йjь] (< **zmĭ-j-ŏ-s*).

2) С р е д н и й р о д представлен образованиями с тематическим **ŏ*, обозначавшими конкретные предметы: **плеште** (< **plĕt-j-ŏ-n*, русск. *плечо;* от **плет-ѫ**), **ложе** (< **lŏg-j-ŏ-n*; от **лешти** < **lĕg-ti*), **поле** (< **pŏl-j-ŏ-n*), **море** (< **mŏr-j-ŏ-n*) и т. д. Иногда встречаются названия действий: **вѣште** («совет») (< **vĕt-j-ŏ-n*, древнерусск. *вѣче*, ср. *от-вет*).

3) Ж е н с к и й р о д представлен многочисленными, как правило отглагольными, образованиями с темой **ā* (следовательно, с **jā* в исходе основы), указывавшими на реализацию процесса, его результат: **краждꙗ** (< **krād-j-a*, русск. *кража;* от глагола **красти** < < **krad-ti*, ср. русск. *крад-у*), **лъжꙗ** (< **lъg-j-ā*, от **лъг-ати**), **пиштꙗ**,

[1] В евангельских текстах это слово используется для характеристики Иоанна, якобы посланного богом для того, чтобы предупредить людей о пришествии мессии («помазанника») — «сына божьего» Иисуса Христа.

русск. церковнослав. *пища* (< **pit-j-ā*, от **пит-ати**), **волꙗ** (< **vŏl-j-ā*, от **вел-ѣти**), **каплꙗ** (< **kāp-j-ā*, от **кап-ати**) и мн. др. Известны образования и с иным общим значением: **ꙁемлꙗ** (< **zĕm-j-ā*, ср. прилаг. **зем-ьнъıи**, русск. *земной*), **доушꙗ** (< **dux-j-ā*, от **доухъ**) и т. д.

§ 179. Суффикс [-йj-] < *-ьj-*. Широкую продуктивность развил также в праславянском языке суффикс *-ьj-* (из *-ĭj-*), образовывавший имена всех трех родов.

1) Мужской род с тематическим *ŏ*: **славии** [слав·-йj-ь] (русск. *соловей*), **врабии** [враб·-йj-ь] (русск. *воробей*), **жрѣбии** [ж'р·ěб·-йj-ь](древнерусск. *жеребеи*) и т. д.

Имена мужского рода широко использовали суффикс для производства названий лиц мужского пола по их деятельности; такие названия образовывались как от непроизводных основ (с темой *ā*), так и от производных (с темой *ŏ*). Основы на *ā*: **сѫдии**, русск. *судья* (от **сѫд-ъ, сѫд-ити**), **вѣтии**, русск. церковнослав. *вития* («оратор») (от **-вѣт-ъ**, ср. русск. *от-вет*); основы на *ŏ*: **балии** («врач, знахарь») (от **ба-ꙗти** — «говорить, заговаривать»), **кръмьчии** (от **кръма**), **самьчии** («управляющий») (от **самъ**), **баньчии** («банщик») (от **банꙗ**) и т. д.

С тематическим *ŏ* встречаются образования, где суффикс *-j-* распространен за счет предшествующего *-а-*: **ратаи** [ратаjь] («пахарь») (< **ŏrt-aj-ŏ-s*, ср. **ор-ати** — «пахать»), **приключаи** [прикл'-уч'аjь] (ср. русск. *случай*), **обычаи** [обыч'-аj-ь] и др.

2) Известны образования женского рода с темой *ā*: **ладии** (< **ŏld-ĭj-i*, церковнослав. *ладья*, ср. русск. *лод-ка*), **свинии** или **свиниꙗ** [свин-йj-а] и др.; также и собирательное **братиꙗ** [брат-йj-а].

3) Наиболее распространены образования с суффиксом [-йj-е] среднего рода с собирательным и отвлеченным значениями (действий, состояний). Например, с собирательным значением: **листвиѥ** [листв-йj-е] (ср. русск. *листв-а*), **лозиѥ** (ср. русск. *лоз-а*), **рождиѥ** (ср. русск. *розг-и*), **камениѥ** (ср. русск. *камень*) и мн. др. Со значением субстантивированного качества, состояния: **величиѥ** (от **велик-ъ**), **съдравиѥ** (от **съдрав-ъ**), **безмлъвиѥ** (ср. русск. *молв-ить*), **(ниште) любиѥ** (от **люб-ити**) и т. д. Приставочные образования широко использовались для обозначения местностей, конкретных предметов: **подъножиѥ** (ср. *под ногой*), **распѫтиѥ** (т. е. «место, где расходятся пути»).

Особенно продуктивны в старославянском языке образования от страдательных причастий прошедшего времени со значением действий и явлений: **прошениѥ** (от **прошен-ъ**), **хожениѥ** (от **хожден-ъ**, ср. русск. *ис-хожен*), **приклоненниѥ** (от **приклонен-ъ**), **дѣланиѥ** (от **дѣлан-ъ**, ср. русск. *с-делан*), **оубиениѥ** (от **оубиен-ъ**) и мн. др. От этих образований был отвлечен суффикс **-ниѥ** [н'йj-е], использовавшийся для производства существительных от глаголов, от которых страдательные причастия не были употребительны: **прѣтрьпѣ-ниѥ** (от **прѣтрьпѣ-ти**), **клана-ниѥ** (от **клана-ти сѧ**), **рыда-ниѥ** (от **рыда-ти**), **алъка-ниѥ** (от **алъка-ти**) и мн. др.

§ 180. Суффикс *-k-* и производные от него. Это древний индоевропейский суффикс, который служил для образования производных имен от непроизводных основ. Первоначально суффикс *-k- присоединялся к корневому или тематическому гласному основы. Так, от основы **зна-** (ср. **зна-ти**) было образовано **зна-к-ъ**, от **звѫ-** (< *zvon-, ср. **звон-ъ**) было образовано **звѫ-к-ъ**, от **камы-** («камень») было образовано **камы-к-ъ** («камень; камешек»), от **станъ** образовано **станъ-к-ъ**, от основы **овь-** (ср. **овь-н-ъ** — «баран») образовано **овь-ц-а** (из *ŏvĭ-k-ā, где *k после гласного *ĭ изменился в [ц'] — см. § 122—123; ср. древнеинд. *avikā*).

Суффикс *-k-, слившись с предшествующим гласным основы, еще в праславянском языке образовал ряд новых суффиксов: **-ък-**, **-ьк-**, **-ик-** и др. Так появились образования типа **наѹѧт-ък-ъ**, **цвѣт-ък-ъ**, **дом-ък-ъ** и под. Особенно продуктивными оказались производные суффиксы с предшествующим гласным типа *i: **-ьц-** < *-ĭk- и **-ик-**, **-иц-а** < *-īk-a.

§ 181. Суффикс **-ьц-** < *-ĭk-. Этот суффикс, с помощью которого образовывались имена всех трех родов, сохранял продуктивность в старославянском языке.

1) Мужской род с тематическим *ŏ знает образования нескольких типов: а) имена с первоначальным значением уменьшительности: **град-ьц-ь** («городок») (от **град-ъ**), **рож-ьц-ь** («стручок»), (от **рог-ъ**), **сѫѹ-ьц-ь** («сучок») (от **сѫк-ъ**), **агн-ьц-ь** («ягненок») (от **агн-ѧ**), **жрѣб-ьц-ь** («жеребенок») (от **жрѣб-ѧ**) и мн. др.; с ласкательным значением **от-ьц-ь** (< *ŏt-ĭk-, с корнем **от-**; ср. лат. *ătta*, греч. ἄττα [átta] — «отец»; ср. прилаг. **от-ьн'-ь** — «отчий»); б) имена, производные от прилагательных, со значением носителей

качества или свойства, обозначенного производящей основой: **мрътв-ьц-ь** (от **мрътв-ъ**), **стоуден-ьц-ь** («колодец») (от **стоуден-ъ**), **стар-ьц-ь** (от **стар-ъ**) и др.; в) имена со значением лиц мужского пола по их деятельности (отглагольные образования): **твор-ьц-ь** (от **твор-ити**), **коуп-ьц-ь** (от **коуп-ити**), **жьр-ьц-ь** (от **жрь-ти-** < **žr̥-ti* — «приносить жертву»), **жьн-ьц-ь** (от **жѧ-ти** < < **žen-ti* — «жать»), **гон-ьц-ь** (от **гон-и-ти** — «гнать») и мн. др. Образования с этим значением могли распространяться и тематическим **ā*: **оубиица** [уб'йј-ьц'-а] (от **оуби-ти**), **сѣч-ьц-а** («палач») (от **сѣк-ѫ**, русск. *сек-у*), **ꙗд-ьц-а** («обжора») (от **ꙗсти** < **jēd-ti*) и др.

2) Средний род с тематическим **ŏ* отражен в старославянском языке образованиями со значением уменьшительности: **дрѣв-ьц-е** (от **дрѣв-о**), **чѧд-ьц-е** (от **чѧд-о**), **срьд-ьц-е** (ср. **срѣд-а**) и др.

3) Женский род представлен единичными образованиями со значением уменьшительности: **двр-ьц-а** (от **двьр-ь**).

§ 182. Суффиксы **-ик-** и **-иц-**, происходящие из одного суффикса **-ĭk-*, были очень продуктивными в старославянском языке и сохраняют продуктивность в современных славянских языках, в частности в русском.

1) Мужской род сохранял в суффиксе [к] перед окончанием именительного-винительного падежа [ъ] (см. § 124). Образования от непроизводных основ единичны (например, **злат-ик-ъ** — «золотая монета», от **злат-о**; ср. в русском языке *нож-ик*, *глаз-ик* и др.— со значением уменьшительности). Зато очень продуктивны образования от страдательных причастий и прилагательных на **-н-** со значением деятелей: **оучен-ик-ъ** (от **оучен-ъ**), **грѣшьн-ик-ъ** (от **грѣшьн-ъ**), **длъжьн-ик-ъ** (от **длъжьн-ъ**) и мн. др.

Продуктивны также и образования со значением конкретных предметов: **источьникъ**, **сьребрьникъ** («серебряная монета»), **наконьчьникъ** и др.

2) Женский род представлен несколькими группами образований с тематическим **ā*, перед которым задненёбный **k* (под влиянием предшествующего **ĭ*) изменился в [ц'], поэтому в старославянском языке в образованиях женского рода суффикс звучал **-иц-а** [-иц'-а]:

а) имена со значением уменьшительности: **дъщт-иц-а** («дощечка») (от **дъск-а**), **кроуп-иц-а** (от **кроуп-а**, ср. русск. *крупный*) и др.;

б) названия существ женского пола, образованные от непроизводных основ: **голѫб-иц-а** (от **голѫб-ь**), **коур-иц-а** (от **коур-ъ** — «петух», ср. русск. мн. ч. *кур-ы*), **льв-иц-а** (от **льв-ъ**, русск. *лев*), **влъч-иц-а** (от **влък-ъ**) и др. Иногда такие образования являлись общим названием живых существ: **гръл-иц-а** (от **гръл-о**), **път-иц-а** (от **път-а** — «птица», ср. русск. *пт-аха*, *пт-ашка*) и др.;

в) очень продуктивны названия лиц женского пола: **вьдов-иц-а** (от **вьдов-а**), **дѣв-иц-а** (от **дѣв-а**) и т. д.; нередко такие образования соотносимы с названиями лиц мужского пола: **владыч-иц-а** (ср. **владык-а**), **вратар-иц-а** («привратница») (ср. **вратар-ь**), **любодѣица** («любовница, женщина легкого поведения») (ср. **любодѣи**) и т. п.; особенно часто подобные образования соотносимы с именами с суффиксом **-ьц-ь**: **стар-иц-а** (ср. **стар-ьц-ь**), **чрьн-иц-а** («монахиня») (ср. **чрьн-ьц-ь** — «монах»), **жьр-иц-а** (ср. **жьр-ьц-ь**), **жьн-иц-а** (ср. **жьн-ьц-ь**) мн. др.

Не менее продуктивны образования с суффиксом **-ьн-иц-**, т. е. исторически с тем же суффиксом, что и образования для обозначения лиц мужского пола: **грѣшьн-иц-а** (ср. **грѣшьн-ик-ъ**), **двьрьница** («привратница») (ср. **двьрьникъ**), **длъжьница**, (ср. **длъжьникъ**), **оучєница** (ср. **оучєникъ**) и мн. др.;

г) названия конкретных предметов, обычно образовывавшиеся от прилагательных на **-ьн-** и поэтому выделившие впоследствии суффикс **-ьниц-а** (из **-ьн-иц-а**): **грън-иц-а** («комната»), **жит-ьн-иц-а** (от **жит-ьн-ъи**), **къниж-ьн-иц-а** («библиотека») (от **къниж-ьн-ъи**), **мьзд-ьниц-а** («таможня») (ср. **мьзд-а** — «налог, сбор»), **риз-ьниц-а** («кладовая, помещение для одежды») (ср. **риз-а** — «одежда»).

§ 183. Суффикс **-тел-ь**. Очень продуктивный в старославянском языке суффикс, служивший для образования имен мужского рода со значением действующего лица (в латинском и греческом ему соответствует суффикс *-tor-* или *-ter-*, ср. лат. *lictor*, *mentor*, *orator* и т. д.). Суффикс **-тел-ь**, как правило, использовался в отглагольных образованиях: **прѣда-тел-ь** (от **прѣда-ти**), **гоуби-тел-ь** (от **гоуби-ти**), **мѫчи-тел-ь** (от **мѫчи-ти**), **оучи-тел-ь** (от **оучи-ти**) и мн. др.

Как церковнославянизм этот суффикс используется и в русском литературном языке, сохраняя продуктивность (ср. *води-тель*, *писа-тель*, *дея-тель* и т. д.).

§ 184. Суффикс **-ар'-ь** < **-ārj-ь*. Это заимствованный суффикс, передающий латинский суффикс действующего лица по его ремеслу *-ārius*. Его можно встретить в древних германских заимствованиях: **боук-ар'-ь** («писец, грамотей») (из германского заимствования **боу-кы** — «буква, записка», ср. готск. *bokareis* — «писец»), **мыт-ар'-ь** («сборщик податей») (из германского заимствования **мыт-о** — «подать, налог», ср. готск. *motareis* — «сборщик налогов»).

В старославянском языке суффикс **-ар'-ь** был достаточно продуктивным и дал ряд образований мужского рода со значением деятелей: **грънч-ар'-ь** («гончар») (от **грънц-ь** — «горшок»), **рыб-ар'-ь** («рыбак») (от **рыб-а**), **врат-ар'-ь** («привратник») (от **врат-а**) и ряд других.

§ 185. Суффикс **-ıан-ин-ъ** < **-jēn-ĭn*. Собственно, речь должна идти о двух суффиксах: **-jēn-* > [-јан-] и **-in-* > [-ин-]. Первый служил для образования названий лиц по месту жительства, национальной или социальной принадлежности. Второй суффикс (**ин-ъ**) присоединялся к первому только в единственном числе для указания на одно лицо мужского пола: **самар'-ıан-ин-ъ** (< **samar-jēn-in-*) — «житель Самарии», **галилѣıанинъ** («житель Галилеи»), **гражданинъ** («горожанин») и т. д. Во множественном числе суффикс единичности **-ин-** отсутствовал: **самарıане, граждане** и т. д.

Суффикс **-ин-ъ** мог присоединяться и к другим образованиям мужского рода в единственном числе для выражения идеи единичности; например: **господ-ин-ъ** («хозяин дома») (от **господ-ь** — «хозяин»), **люд-ин-ъ** («свободный человек») (от **люд-иѥ** — «люди») и т. п.

§ 186. Суффикс **-ын'-и** < **-ynj-* (*a*). Для образования названий лиц женского пола в праславянском языке использовался суффикс *-ynj-* > [-ын'-] с тематическим **ā* (в именительном падеже единственного числа такие имена имели окончание **-и**, где тематический гласный был ослаблен): **раб-ын'-и** (от **раб-ъ**), **сѫсѣд-ын'-и** (от **сѫсѣд-ъ**), **кънагын'-и** (от **кънѧз-ь** < **kъnęg-ъ*) и т. д. Иногда этот суффикс соотносится с суффиксом единичности мужского рода **-ин-ъ**: **самарıан-ын'-и** (ср. **самарıан-ин-ъ**), **поган-ын'-и** («язычница») (ср. **поган-ин-ъ** — «язычник»).

Полагают, что суффикс произошел в результате распространения имен на **ū* > [ы] за счет суффиксального **-nj-*, т. е. **ŏrbū-nj-* >

> [рабы-н'-] (см. § 175). Поэтому в том случае, когда не было соответствующего образования мужского рода, элемент *-nj- к основе не присоединялся. Отсюда сохранение в старославянском языке некоторых основ на *ū (без присоединения к ним суффиксального элемента *-nj-): **неплоды** [«бесплодная женщина»] (а не ***неплодъıни**), **ıатры** [«жена мужнина брата»] (а не ***ıатръıни**). Это предположение косвенно подтверждается и тем, что с суффиксом **-ъıн'-и**, как и с темой *ū (> [ы]), известны образования со значением общего качества: **гръдъıни** («гордость, гордыня») (от **гръд-ъ** — «гордый»), **свѧтъıни** («святыня») (от **свѧт-ъ** — «святой»), **благъıни** («благость, святость») (от **благ-ъ**), **поустъıни** (от **поуст-ъ** — «пустой»).

О продуктивности таких образований в начальный период старославянской письменности свидетельствуют отвлеченные имена, характерные для евангельских текстов, но вряд ли свойственные живым славянским диалектам до середины IX в. (например, такие, как **свѧтъıни, благъıни** и под.), а также названия лиц, образованные не ранее появления христианской литературы в славянской среде (**самарıанъıни, поганъıни** и др.).

§ 187. Суффикс **-ост-ь** < *-ŏst-ĭ. Для образования существительных женского рода с общим значением отвлеченных понятий (свойства, качества) наибольшей продуктивностью обладал суффикс **-ост-**, распространявшийся в праславянском языке тематическим *ĭ. Существительные с этим суффиксом, как правило, были образованы от прилагательных: **бѣл-ост-ь** («белизна») (от **бѣл-ъ** — «белый»), **тѧг-ост-ь** (от **тѧж-ьк-ъ** < *tęg-ьkъ — «тяжелый»), **нѣм-ост-ь** («немота») (от **нѣм-ъ** — «немой»), **мрьтв-ост-ь** (от **мрьтв-ъ** — «мертвый»).

§ 188. Суффикс **-от-а** < *ŏt-ā является производственным от индоевропейского суффикса *-t- (см. § 177). В славянских языках он развил широкую продуктивность как средство образования от прилагательных имен существительных женского рода со значением качества или свойства (параллельно с **-ост-ь**): **въıс-от-а** (от **въıс-ок-ъ**), **льг-от-а** (от **льг-ък-ъ** — «легкий»), **велик-от-а, длъг-от-а** и т. д.; после мягких согласных **-ет-**: **ништ-ет-а, соуєта** [суј-ет-а].

§ 189. Суффикс **-ин-а** < *-īn-ā был очень продуктивным в качестве средства образования существительных женского рода

с тематическим *$\bar{a}$, производных от прилагательных, с общим значением свойства, качества, а также названия места, связанного со свойством, на которое указывает прилагательное: **ист-ин-а** (от **ист-ъ** — «настоящий, действительный»), **глѫб-ин-а** (от **глѫб-ок-ъ**), **обьштина** (от **обьшть** — «общий»), **тишина** (от **тихъ**), **отьчина** («родина») (от **отьчь** — «отчий») и др.

С этим же суффиксом распространены образования со значением единичных конкретных предметов: **храм-ин-а** («дом») (от **храм-ъ** — «дом, жилище»), **хыз-ин-а** («хижина») (от **хыз-ъ** — «дом»), **звѣрина** («дичь») (от **звѣрь**), **влъчина** («волчья шкура») (от **влъкъ**), **бльвотина** (от **бльвота**) и мн. др.

Известны также образования с у с л о ж н е н н ы м с у ф ф и к с о м **-изн-а**, производные от существительных: **оукор-изн-а** (от **оукор-ъ**), **глав-изн-а** («глава книги») (от **глав-а**) и некоторые другие.

§ 190. С у ф ф и к с ы **-об-а, -ьб-а.** Древний индоевропейский суффикс *-*b*- < *-*bh*- (с тематическим *$\breve{o}$ или *$\bar{a}$, т. е. *-*bh*$\breve{o}$- или *-*bh*$\bar{a}$-) в праславянском языке присоединялся обычно не к корню, а к тематическому гласному производящего имени и давал лишь образования ж е н с к о г о р о д а. Так, в результате присоединения суффикса к имени **зълъ** (< **zŭl*-$\breve{o}$-) образовано **зълоба** (< **zŭl*-$\breve{o}$-*b*-$\bar{a}$), от **жтро** (русск. *нутро*) — образовано **жтроба** («внутренности») и т. д. Такие образования утратили продуктивность еще в праславянском языке.

Большее распространение получили в праславянском языке образования с суффиксом *-*b*-$\bar{a}$, присоединенным к основам с тематическим гласным *-$\breve{i}$ > [ь]: **бор-ь-ба** (> **b*$\breve{o}$*r*-$\breve{i}$-*b*-$\bar{a}$; от **бор-ь**), **жлѣдьба** («штраф») (ср. древнерусск. *желездь*), **татьба** («воровство») (от **тать** — «вор») и др. Именно из этих образований был отвлечен суффикс **-ьб-а**, ставший очень продуктивным как в старославянском, так и в древнерусском языке. С суффиксом **-ьб-а** образовывались существительные с о б щ и м з н а ч е н и е м д е й с т в и я, с о с т о я н и я: **мол-ьб-а** (от **мол-ити**), **сѫд-ьб-а** (от **сѫд-ъ** или **сѫд-ити**), **слоужьба** (от **слоуга** или **слоужити**), **цѣльба** («исцеление») (от **цѣлъ** — «целый» или **цѣлити** — «исцелять, делать целым»), **сватьба** (от **сватъ** или **сватати**) и мн. др.

§ 191. С у ф ф и к с **-тв-а.** Ряд существительных ж е н с к о г о р о д а со з н а ч е н и е м д е й с т в и я и л и с о с т о я н и я (а также

результата или орудия действия) образован от глагольных основ с помощью суффикса **-тв-** с темой *ā: **моли-тв-а** (от **моли-ти**), **клѧ-тв-а** (от **клѧ-ти**), **ръва-тв-а** («рваное место») (от **ръва-ти**), **жрь-тв-а** (от **жрь-ти** — «сжигать, приносить жертву»), **би-тв-а** (от **би-ти**), **пас-тв-а** (от **пас-ти**) и ряд др.

§ 192. Суффикс **-ьств-о**. Широкую продуктивность развил в старославянском языке суффикс **-ьств-**, с помощью которого образовано большое количество имен среднего рода (с тематическим *ŏ) со значением отвлеченных понятий (свойства, сущности): **богат-ьств-о** (от **богат-ъ** — «богатый»), **владычьств-о** (от **владык-а**), **мѫдрьство** («мудрость») (от **мѫдръ**), **отьчьство** («родина») (от **отьць**), **мъножьство** (от **мъногъ** — «многий»), **чловѣчьство** (от **чловѣкъ**), **братрьство** (от **братръ**), **дѣвьство** («девственность») (от **дѣва**) и мн. др.

Суффикс **-ьств-** в старославянском языке нередко распространялся вторичным суффиксом **-иѥ** [-йј-е] (из *-ьј-е < *-ĭj-ŏ-), причем оба типа образований (с **-ьств-** и **-ьств-иѥ**) часто сосуществовали: **богатьство** и **богатьствиѥ**, **бѣдьство** и **бѣдьствиѥ**, **отьчьство** и **отьчьствиѥ** и т. п.

§ 193. Суффикс **-л-о** < *-dl-ŏ-. Из числа индоевропейских суффиксов, служивших для образования названий орудий, наибольшее распространение в праславянском языке получил суффикс *-dhl- > *-dl-, который соединялся с тематическим *ŏ и образовывал имена среднего рода. В польском, чешском и других западнославянских языках (а также в северо-западных словенских диалектах) суффикс *-dl-o* сохранился; в речи же южных и восточных славян (в частности, в старославянском и русском языках) в результате упрощения *dl > [л] (см. § 138) суффикс *-dl-o > > *-л-о*: праслав. *or-dl-o-n* (от **ор-ати** — «пахать») > польск. *radło*, чешск. *rádlo*, старослав. **ра-л-о**, древнерусск. *рало* («соха»); *my-dl-o-n* (от **мы-ти**) > польск. *mydło*, чешск. *mýdlo*, старослав. **мы-л-о**, русск. *мыло*; *gьr̥-dl-o* > польск. *gardło*, чешск. *hrdlo*, старослав. **гръ-л-о**, русск. *горло*; *zьr̥ka-dl-o* > польск. *zwierciadło*, чешск. *zrcadlo*, старослав. **зрьца-л-о**, русск. *зеркало* (от **зрьца-ти**, ср. русск. церковнослав. *со-зерца-ть*); *kri-dl-o* (от корня *kri- — «лететь», ср. лит. *skriẽti* — «лететь дугою») > польск. *skrzydło*, чешск.

kridlo, старослав. **кри-л-о**, русск. диалектн. *крило* и *крыло* (последнее, вероятно, под влиянием *крыть*).

§ 194. Суффикс **-ишт-е** < **-ĭskj-ŏ*. В старославянском языке этот суффикс отражался в виде **-ишт-е** (**skj* > [ш'т']) и служил для образования имен среднего рода со значением места действия или нахождения: **хранил-ишт-е** (от **хранил-о**), **сѣдал-ишт-е**, **гроб-ишт-е** («кладбище, место гроба»), **съкровиште** («место, где что-нибудь скрыто») (от **съкрꙑ-ти**).

В славянских языках, в частности в русском, развили продуктивность образования на *-ищ-е* со значением увеличительных имен: *дом-ищ-е*, *столище*, *возище* и др.

§ 195. Суффикс **-ишт-ь** < **-ĭtj-ŏ*. Праславянский суффикс *-*ĭtj-* (с тематическим **ŏ*) в старославянском языке фонетически дал **-ишт-** (где [ш'т'] < **tj*), а в русском *-ич-* (где [ч'] < **tj*, см. § 129). Образования мужского рода с суффиксом **-ишт-ь** в старославянском языке являлись названиями молодых существ: **дѣт-ишт-ь** («дитя») (от **дѣт-ѧ**), **козьл-ишт-ь** («козленок») (от **козьл-ъ**), **път-ишт-ь** («птенец»), **отроу-ишт-ь** («мальчик») (от **отрок-ъ**), **раб-ишт-ь** («молодой раб») (в Супр. рук. **робишть**) и др.

В русском и ряде других славянских языков образования с этим суффиксом оказались очень продуктивными в качестве патронимических имен (т. е. от имени отца), производных от притяжательных прилагательных; ср. русские *Иванов-ич*, *Петрович*, *Васильевич* и т. д.

Сложные имена

§ 196. Сложные имена составляют значительную часть старославянской лексики.

Сложение основ — древний, общеиндоевропейский способ словообразования, давший ряд имен и в живой славянской речи до развития старославянской письменности. Именно таковы приводившиеся выше (см. § 172) образования **гоумьно**, **глаголъ**, а также **медвѣдь** (дословно «медоед») и некоторые другие. Однако в живой славянской речи сложение основ как словообразовательное средство не получило широкого распространения. Встречающиеся в большом количестве в старославянских текстах сложные слова созданы по греческим образцам.

Многие сложные слова были образованы как кальки (поморфемный перевод) с греческих имен: **благо-вол'ѥниѥ** — перевод греч. εὐ-δοκία [eu̯dŏkía], **благо-дѣть** («благодеяние») — греч. εὐ-εργησία [eu̯ĕrgēsía], **благо-словиѥ** — греч. εὐ-λογία [eu̯lŏgía], **жестокосрьдиѥ** — греч. σκληρο-καρδία [sklērŏkardía], **мало-доушиѥ** — греч. μικρο-ψυχία [mikrŏpsüxía], **лъже-пророкъ** — греч. ψευδο-προφήτης [pseu̯dŏprŏfḗtēs], **скоро-письць** — греч. ταχυ-γραφος [taxügráfŏs].

Обычно в таких сложных словах вторая часть представляла собой отыменное или отглагольное образование и характеризовалась распространенными словообразовательными суффиксами и окончаниями. Первая часть сложного слова, как правило, представляла имя (существительное, прилагательное и числительное — **ѥдиночѧдъ** — «единственный ребенок», греч. μονο-γενής [mŏnŏgĕnḗs]) и соединялась со второй частью тематическим гласным (см. в приведенных выше примерах: **благ-о-, жесток-о-, мал-о-, лъж-е-** и т. д.; ср. с другим тематическим гласным: **дом-оу-ꙁаконьникъ** греч. οἰκο-νομος [oi̯kŏnṓmŏs] — «эконом, управляющий хозяйством»).

В старославянском языке подвергся обобщению в качестве элемента соединения основ («соединительного гласного») тематический **-о-** (после мягких согласных **-е-**), встречающийся значительно чаще других тематических гласных в сложных образованиях. Таким образом, по типу **благ-о-словиѥ, добр-о-дѣи** («благодетель»), **мал-о-вѣръ, мил-о-срьдиѥ, плод-о-родиѥ, скор-о-письць** и т. д., где **-о-** действительно восходит к тематическому *$\breve{o}$ первой части образований, появились сложные слова типа **вод-о-носъ**, где первая часть **(вод-а)** имела некогда тематический гласный *$\bar{a}$, а не *$\breve{o}$; **мед-о-точьнъ** («медоточивый»), где первая часть имела в основе тематический *$\breve{u}$; **кръв-о-пролитиѥ**, где первая основа некогда оканчивалась на *$\bar{u}$; **ꙁвѣр-о-видьнъ**, где первая часть представляла древнюю основу на *$\breve{\imath}$, и т. д.

Сложные имена обычно образовывались для обозначения различных качеств, свойств (**добродѣи** — «делающий добро», **маловѣръ** — «неверующий», **милосрьдъ** — «добрый сердцем», следовательно, **милосрьдиѥ** — обладание этим качеством и т. д.), поэтому нередко одно и то же имя могло использоваться и как существительное и как прилагательное (**милосрьдъ** и **милосрьдꙑи, маловѣръ** и **маловѣрꙑи** и т. п.)

Дополнительная литература к § 172—196

Н. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 130—133, 135—137.

Л. В. Вялкина. Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала (На материале Ефремовской кормчей). «Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка», М., 1964.

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, § 383—384, 387—420 (стр. 280—296), 423 (стр. 198—199), 427—434 (стр. 300—303).

МЕСТОИМЕНИЯ

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

§ 197. Личными в старославянском языке были местоимения 1-го лица (обозначение самого говорящего, автора) и 2-го (обозначение собеседника); для указания на 3-е лицо или предмет использовались указательные местоимения (см. ниже, § 214).

По особенностям склонения и синтаксического употребления к группе личных местоимений можно отнести и возвратное, не имевшее формы именительного падежа и лишенное числового значения. И личные (1-го и 2-го лица) и возвратное местоимения не имели категории рода (и не изменялись по родам, а возвратное — также и по числам).

§ 198. Характерной особенностью склонения личных местоимений был супплетивизм основ; от разных основ были образованы и формы чисел местоимений 1-го и 2-го лица.

Число, падеж	1-е лицо	2-е лицо	Возвратное
Ед. ч.			
Им. п.	азъ	ты	—
Вин. п.	мѧ	тѧ	сѧ
Род. п.	мене	тебе	себе
Дат. п.	мънѣ (или мьнѣ), ми	тебѣ, ти	себѣ, си
Твор. п.	мъноѭ	тобоѭ	собоѭ
Местн. п.	мънѣ (или мьнѣ)	тебѣ	себѣ

Число, падеж	1-е лицо	2-е лицо	Возвратное
Дв. ч.			
Им. п.	**вѣ**	**ва**	
Вин. п.	**на (ны)**	**ва (вы)**	
Род.-местн., п.	**наю**	**ваю**	(Двойственного и множественного чисел не имеет)
Дат.-твор. п.	**нама**	**вама**	
Мн. ч.			
Им. п.	**мы**	**вы**	
Вин. п.	**ны**	**вы**	
Род. п.	**насъ**	**васъ**	
Дат. п.	**намъ, ны**	**вамъ, вы**	
Твор. п.	**нами**	**вами**	
Местн. п.	**насъ**	**васъ**	

§ 199. Местоимение 1-го лица в старославянских памятниках обычно встречается в форме **азъ** — с начальным [а], перед которым в ряде славянских языков развивался протетический [*j*] (см. § 57).

Все остальные формы 1-го лица в единственном числе характеризовались начальным **м-**, в двойственном и множественном числах (кроме именительного падежа) — начальным **н-**; формы 2-го лица в единственном числе — начальным **т-**, в двойственном и множественном числах — начальным **в-**; формы возвратного местоимения — начальным **с-**. Эти показатели местоименных основ были индоевропейскими.

§ 200. В старославянских текстах формы дательного и местного падежей единственного числа местоимения 1-го лица встречаются с основами **мън-** и **мьн-**, причем обе основы можно найти в одном и том же памятнике и даже на одной и той же странице (например, в Ассем. ев.: **на мънѣ** и через несколько строк — **на мьнѣ**, *Мт.*, XVIII). Поскольку такие написания относятся к эпохе после падения редуцированных, трудно решить, какое из них отражает первоначальную славянскую основу. Можно, однако,

предполагать, что чаще встречающееся написание **мънѣ** (с **ъ**) — отражение раннего произношения, зафиксированного старославянскими памятниками IX—X вв. На [ъ] < **й* указывает и литовское диалектное *mùnei*, закономерно соответствующее славянскому **мънѣ**[1]. Что же касается написания **мьнѣ** (с **ь**), то оно в памятниках, создававшихся в эпоху падения редуцированных, могло отражать результат регрессивного смягчения [м] под влиянием [н'], что обычно для этого периода (см. § 69).

Чередование [е]//[о] в основах **теб-//тоб-** (2-е лицо) и **себ-//соб-** (возвратное местоимение) обычно для славянских языков (см. § 90).

§ 201. В дательном падеже как единственного, так и множественного числа старославянский язык имел по две формы каждого местоимения: **мънѣ** и **ми**, **тебѣ** и **ти**, **себѣ** и **си**, **намъ** и **ны**, **вамъ** и **вы**. Первые формы употреблялись как самостоятельные слова, а формы **ми**, **ти**, **си**, **ны**, **вы** были энклитическими, т. е. не имели самостоятельного ударения и примыкали к предшествующему слову. Например, в предложении **даждъ ми имъ же ми еси длъженъ** [= «Отдай мне (то), что (ты) мне должен»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII) **даждъ ми** и **имъ же ми** произносились с одним ударением в каждой группе этих слов.

Формы винительного падежа **мѧ**, **тѧ**, **сѧ**, **мы**, **вы** (также и в двойственном числе **на**, **ва**), древние по происхождению, не были энклитическими и произносились с самостоятельным ударением. Однако позднее (не ранее XI в.) эти формы стали превращаться в энклитики. Возможно, в связи с этим в старославянских памятниках стали появляться формы родительного падежа в значении винительного (например, в Сав. кн.: **ижгониши насъ** — вместо обычного **ижгониши ны**), чему способствовало развитие категории одушевленности («категории лица»).

Формы винительного падежа множественного числа **ны**, **вы** иногда употреблялись в значении двойственного.

---

[1] Кстати, форма **мънѣ** (с **ъ**) характерна для Остромирова евангелия, этимологически правильно употребляющего **ъ** и **ь**. Однако следует учитывать, что Остромирово евангелие написано на Руси и могло отражать восточнославянский диалектный вариант этой формы.

§ 202. Возвратное местоимение, в отличие от личных, было лишено числового значения. Сходство падежных форм возвратного местоимения с формами единственного числа личных местоимений является лишь формально-морфологическим.

В эпоху старославянских памятников формы **севе** и т. д. обозначали как одно, так и несколько лиц, всегда указывая на отношение действия к самому субъекту (или субъектам). Например, в предложении **дѣлателе ... рѣшѧ въ себѣ** [= «Работники... сказали друг другу (между собой)»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI) форма **себѣ** относится не к одному, а ко множеству лиц.

Именно отсутствие категории числа явилось одной из причин употребления возвратного местоимения при переходных глаголах для указания на охват действием (состоянием) самого субъекта, независимо от того, является ли субъектом одно лицо (предмет) или несколько: **онъ же отьвръже сѧ прѣдъ всѣми** [= «*Он* же *отрекся* перед всеми (т. е. при всех)»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **постыдѧтъ сѧ сн҃а моего** [= «*(Работники) постыдятся* моего сына»] (Сав. кн., *Мт.*, XXI).

С течением времени форма винительного падежа возвратного местоимения в таком употреблении превратилась в возвратную частицу (энклитическую), став формальным показателем так называемых возвратных глаголов (ср. русск. *-ся* из [сę]). Однако в период создания известных нам старославянских памятников этот процесс был еще не завершившимся, на что указывает возможность употребления между **сѧ** и глаголом других слов (например, в Ассем. ев., *Л.*, X: **мьнитъ ти сѧ** [= «кажется тебе»] — **мьнитъ сѧ** разделены личным местоимением **ти**) и даже возможность употребления **сѧ** перед глаголом (например, в Зогр. ев., *Мт.*, XXVI: **добрѣе емоу би было· аште сѧ би не родилъ ч҃къ тъ** [= «Лучше бы ему было, если бы не *родился* тот человек»] — **сѧ** употреблено перед глаголом **родилъ** и отдельно от него вспомогательным глаголом **би** и отрицанием **не**)[1].

---

[1] В старославянском языке в качестве возвратной частицы иногда употреблялась энклитическая форма дательного падежа возвратного местоимения: **клеврѣти... съжалишѧ си** [= «Товарищи сжалились»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII).

НЕЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Грамматическая противопоставленность личных и неличных местоимений

§ 203. В старославянском языке личные местоимения по ряду грамматических особенностей были противопоставлены неличным, т. е. указательным, притяжательным, относительно-вопросительным, определительным, неопределенным. Различия между этими двумя группами местоимений касались как синтаксического употребления, так и морфологических категорий и форм.

§ 204. Обозначая говорящего (1-е лицо) или собеседника (2-е лицо), личные местоимения в предложении употреблялись только в функции подлежащего (**азъ... въздамь ти** [= «*Я* отдам тебе»] — Сав. кн., *Л.*, X; **і ты съ назарѣниномь ієсмъ бѣ** [= «И *ты* был с Иисусом Назарянином»] — Мар. ев., *Мр.*, XIV; **въскѫѭ вы мыслите зъло въ срдцихъ вашихъ** [= «Зачем *вы* держите зло в ваших сердцах?»] — там же, *Мт.*, IX и т. д.) или дополнения (**молѭ тѧ имѣи мѧ отъроучьна** [= «Прошу *тебя*, считай *меня* отказавшимся»] — Мар. ев., Л., XIV; **въздамь ти** [= «(Я) отдам *тебе*»] — Сав. кн., *Л.*, X; **единъ отъ васъ прѣдастъ мѧ** [= «Один из *вас* предал *меня*»] — Зогр. ев., *Мт.*, XXVI и т. д.). Только в функции дополнения употреблялось не имевшее формы именительного падежа возвратное местоимение, которое обозначало как говорящего (говорящих), так и собеседника (собеседников).

Неличные местоимения, как правило, употреблялись в предложении в функции определения: **... сѧ би не родилъ чкъ тъ** [= «Не родился бы *тот* человек» (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **сь бѣ чкъ съ ісомь назарѣниномь** [= «*Этот (сей)* человек был с Иисусом Назарянином»] (там же); **иде исъ на онъ полъ морѣ** [= «Иисус отправился на *тот (оный)* берег моря»] (там же, *Ин.*, VI); **да напльнитъ сѧ домъ мои** [= «Пусть наполнится *мой* дом»] (там же, *Л.*, XIV); **...созьда храминѫ своѭ на камене** [= «(Он) построил *свой* дом на камне»] (Мар. ев., *Мт.*, VII); **въ кѫѭ стражѫ тать придетъ** [= «В *каком* часу ночи придет

вор?»] (там же, *Мт.*, XXIV) и т. д.— в этих фразах указательные (**тъ** — «тот», **сь** — «этот», **онъ** — «тот далекий»), притяжательные (**мои, своıа**), относительно-вопросительное (**каıа** — «какая») местоимения функционируют как согласованные определения.

В определенных случаях, замещая существительные, указательные, а также относительно-вопросительные, отрицательные местоимения функционировали в качестве подлежащего или дополнения: **емъше же дѣлателе рабъı его овогo биша овогo же оубиша** [= «Работники, схватив его рабов, *кого* — побили, *кого* — убили»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **рабъ тъ повѣдѣ се гспдиноу своемоу** [= «Тот раб рассказал об *этом* своему господину»] (там же, *Л.*, XIV); **кьто оубо отъ тѣх трıи... бъıти искрьнии** [= «*Кто* же из тех троих был искренним?»] (Ассем. ев., *Л.*, X); **и никто же даıаше емоу** [= «И *никто* не давал *ему*»] (там же, *Л.*, XV) и т. п. Для некоторых указательных местоимений функции подлежащего и дополнения в эпоху старославянских памятников уже стали обычными. Относительно-вопросительные местоимения нередко употреблялись в функции союзных слов.

§ 205. Личные и неличные местоимения в старославянском языке различались также грамматическими категориями и формами.

Личные местоимения характеризовались категориями числа (**азъ** — **вѣ** — **мъı, тъı** — **ва** — **вы**) и падежа (**азъ** — **мене** — **мънѣ** и т. д., **тъı** — **тебе** — **тебѣ** и т. д., **мъı** — **насъ** — **намъ** и т. д.), но не имели категории рода (**азъ** или **тъı**, как и современные русские *я, ты, мы, вы,* не имели родового значения). Отсутствие категории рода характерно и для возвратного местоимения.

Напротив, неличные местоимения, функционировавшие в предложении как согласованные определения, характеризовались категориями рода, числа и падежа и при этом изменялись по родам, числам и падежам — в зависимости от определяемого существительного (например, **тъ члоѣкъ, того члоѣка, та стѣна, то село** и т. д.). И лишь относительно-вопросительные местоимения **къто** и **чьто** (и производные от них) оказывались вне категорий рода и числа.

§ 206. Склонение личных местоимений представляло в основном очень древнюю, индоевропейскую систему, одной из особен-

ностей которой был супплетивизм основ (ср. ту же особенность личных местоимений, например, в лат.: *ego* — «я», *mihi* — «мне» и т. д.; в нем.: *ich* — «я», *mir* — «мне» и т. д.); это относится и к склонению возвратного местоимения.

Особую систему форм представляло склонение неличных местоимений, которое принято называть местоименным. Под влиянием неличных местоимений в славянских языках со временем стали изменяться по местоименному склонению так называемые полные формы прилагательных и причастий (с некоторыми особенностями, обусловленными происхождением этих форм).

Местоименное склонение

§ 207. Местоименным принято называть склонение неличных местоимений, характеризовавшееся своеобразными окончаниями косвенных падежей, отличными от окончаний именного склонения (т. е. склонения существительных и других имен).

В старославянском языке местоименное склонение было представлено двумя вариантами — твердым и мягким — с теми же соотношениями первых гласных окончаний, что и в склонении именных основ на *$\bar{a}$, *$j\bar{a}$ (см. § 147). Образцом твердого варианта может служить склонение указательного местоимения **тъ** — «тот» (жен. р. **та**, ср. р. **то**); образцом мягкого варианта — склонение указательного местоимения ***и** — «тот, он» (из [j-ь], ср. р. ***ѥ** [j-e], жен. р. ***ꙗ** [j-a], где [j-] основа).

§ 208. По типу местоимения **тъ** (ср. р. **то**, жен. р. **та**) склонялись неличные местоимения с твердым конечным согласным основы: **ов-ъ (ов-о, ов-а)** — «этот, некоторый», **он-ъ (он-о, он-а)** — «тот далекий», **ин-ъ (ин-о, ин-а)** — «иной», а также местоименные прилагательные, образованные от первичных местоименных основ с помощью суффикса **-ак-**: **какъ (как-о, как-а)** — «какой» (от основы **к-**, ср. **к-ъ(то), к-ого** и т. д.), **так-ъ (так-о, так-а)** — «такой» (от основы **т-**, ср. **т-ъ, т-ого** и т. д.), **ꙗк-ъ** [j-ак-ъ] **(ꙗк-о, ꙗк-а)** — «такой» (от основы [j-], ср. ***и** [j-ь], **ѥго** [j-его] и т. д.), **вьсꙗк-ъ, (вьсꙗк-о, вьсꙗк-а)**—«всякий», в глаголических памятниках **вьсѣк-** (от основы **вьс-**, ср. **вьс-ь, вьс-его** и т. д.) и некоторые другие. Только формы единственного числа имело местоимение **къто (к-ъ-то)**.

Число, падеж	Мужской род			Средний род			Женский род		
	Окончания			Окончания			Окончания		
	твердый вариант	мягкий вариант	Образцы	твердый вариант	мягкий вариант	Образцы	твердый вариант	мягкий вариант	Образцы
Ед. ч.									
Им. п.	*-ъ*	*-ь*	тъ *и [j-ь]	*-о*	*-е*	то *ѥ [j-е]	*-а*	*-а*	та *ꙗ [j-а]
Вин. п.	*-ъ*	*-ь*	тъ и	*-о*	*-е*	то ѥ	*-ǫ*	*-ǫ*	тѫ ѭ
Род. п.	*-ого*	*-его*	того ѥго	←			*-оję*	*-еję*	тоѩ ѥѩ
Дат. п.	*-ому*	*-ему*	томоу ѥмоу	←			*-ои*	*-еи*	тои ѥи
Твор. п.	*-ěмь*	*-имь*	тѣмь имь	←			*-оjǫ*	*-еjǫ*	тоѭ ѥѭ
Местн. п.	*-омь*	*-емь*	томь ѥмь	←			*-ои*	*-еи*	тои ѥи
Дв. ч.									
Им.-вин. п.	*-а*	*-а*	та ꙗ [j-а]	*-ě*	*-и*	тѣ и[j-и]	*-ě*	*-и*	тѣ и
Род.-местн. п.	→			*-оjу*	*-еjу*	тою ѥю	←		
Дат.-твор. п.	→			*-ěма*	*-има*	тѣма (има)	←		
Мн. ч.									
Им. п.	*-и*	*-и*	ти *и [j-и]	*-а*	*-а*	та *ꙗ[j-а]	*-ы*	*-ę*	ты *ѩ [j-ę]
Вин. п.	*-ы*	*-ę*	ты ѩ	*-а*	*-а*	та ꙗ	*-ы*	*-ę*	ты ѩ
Род. п.	→			*-ěхъ*	*-ихъ*	тѣхъ ихъ	←		
Дат. п.	→			*-ěмъ*	*-имъ*	тѣмъ имъ	←		
Твор. п.	→			*-ěми*	*-ими*	тѣми ими	←		
Местн. п.	→			*-ěхъ*	*-ихъ*	тѣхъ ихъ	←		

По типу местоимения ***и** (ср. р. ***ѥ**, жен. р. ***ꙗ**) склонялись неличные местоимения с мягким согласным в конце основы: **сь** [с'-ь] — «этот», **мои** [моj-ь] (**моѥ, моꙗ**), **твои, свои, нашь** [наш'-ь] (**нашѥ, нашꙗ**), **вашь**, **чии** < *$\check{c}$ьj-ь (**чиѥ, чиꙗ**) — «чей», а также некоторые другие. Все эти местоимения (кроме ***и** и **сь**) имели производную основу: они образованы от различных местоименных основ с помощью суффикса принадлежности *-*j*-: **мои** < * *mo-j-*, **твои** < < **tvo-j-*, **свои** < **svo-j-*, **нашь** < **nas-j-*, **вашь** < **vas-j-*, **чии** < *$\check{c}$ь-*j*- (от основы *$\check{c}$ь-; ср. местоимение **чь-то**, первичная основа которого в свою очередь была образована так же: **чь-** < **k-j-ь-*; ср. **к-ъ-то, к-ого** и т. д.); местоимение **чьто** имело лишь формы единственного числа (как и **къто**).

§ 209. Формы именительного падежа всех родов и чисел местоимения ***и** (***ѥ**, ***ꙗ**) с указательным значением в старославянском языке не сохранились: они были вытеснены формами местоимения **онъ** (**оно, она**). Но с частицей **же** формы именительного падежа постоянно встречаются в старославянских текстах в качестве относительного местоимения **иже** (**ѥже, ꙗже**) — «который». Все остальные формы указательного местоимения ***и**, в том числе и формы винительного падежа, в памятниках обычны.

Форма винительного падежа единственного числа мужского рода **и** представляла редуцированный [й], произошедший из **jь*, где **j-* — славянская основа местоимения (ср. [j-его], [j-ему], [j-им·ь] и т. д.), а *-*ь* — окончание винительного падежа (ср. то же окончание у существительных **нож-ь, кон'-ь** и т. д.). Если эта форма оказывалась в положении после предлога **въ**, который в праславянском языке звучал **vъn*, то согласный местоименной основы **j* сливался с конечным согласным предлога: **vъn-jь* > [вън'ь], на письме **въ н'ь**. По аналогии форма винительного падежа **нь** была перенесена на сочетания с другими предлогами, например: **за н'ь** («за него»), **на н'ь** («на него») и т. д. Так, в Ассеманиевом евангелии (*Л*., X): **...ѣзвы възложьше на нь** [= «изранив *его*»] (дословно: «наложив *на него* раны»); там же: **приде надъ нь** [= «Подошел *к нему*»] (дословно: «*над него*», так как речь идет о приближении к израненному человеку, лежащему на земле)[1].

---

[1] От предлогов **sъn* и **kъn* [*n'*] < **nj* появился в начале других форм этого же местоимения: **съ н'имь** < **sъn-jimь*, **къ н'ѥмоу** < **kъn-jemu*. По аналогии с этими формами начальный [н'] стали произносить и после других предлогов; ср. русск.: *от него, у него, перед ним* и т. п.

§ 210. Своеобразной чертой местоименного склонения в старославянском языке было отсутствие форм рода в косвенных падежах двойственного и множественного числа, в то время как в единственном числе и в именительном и винительном падежах остальных чисел формы рода последовательно различались (см. образцы склонения на стр. 215).

Другая особенность местоименного склонения — тождество окончаний именительного и винительного падежей всех родов и чисел (т. е. как раз тех падежей, где последовательно различались формы рода) с соответствующими окончаниями именного склонения, при относительном своеобразии окончаний косвенных падежей.

В именительном и винительном падежах неличные местоимения мужского и среднего рода имели окончания основ на *$\breve{o}$*, *$j\breve{o}$* (в ед. ч. **т-ъ, и** [j-ь] — как **раб-ъ, нож-ь; то, ѥ** — как **сел-о, пол'-е**; в дв. ч. **т-а, ꙗ** — как **раб-а, нож-а, т-ѣ, и** [j-и] — как **сел-ѣ, пол'-и**; во мн. ч. им. п. **т-и, *и** [j-и] — как **раб-и, нож-и**; при этом основы на задненёбный, как и у существительных, характеризовались чередованиями: **вьсꙗк-ъ — вьсꙗц-и, так-ъ — тац-и** — «такие» и т. д.), а местоимения женского рода имели окончания именных основ на *$\bar{a}$*, *$j\bar{a}$* (**т-а, *ꙗ** — как **жен-а, нош-а; т-ѫ, ѭ** — как **жен-ѫ, нош-ѫ; т-ѣ, и** [j-и] — как **жен-ѣ, нош-и; т-ы, ѩ** — как **жен-ы, нош-ѧ**).

Характерной особенностью местоименного склонения была двухсложность окончаний косвенных падежей (см. табл. на стр. 215), которые противопоставлялись односложным окончаниям именительного и винительного падежей всех родов и чисел.

§ 211. Формы некоторых местоимений требуют специальных замечаний.

1) Местоимения **ѥликъ** («какой»), **коликъ** («какой, сколький»), **толикъ** («такой, столький»), являвшиеся местоименными прилагательными, образованными от местоименных наречий (см. об их образовании в § 351), встречаются в старославянских памятниках как с окончаниями именного склонения, так и местоименного. Например, в единственном числе мужского и среднего рода по именному склонению: род. п. **ѥлика, колика, толика**; дат. п. **ѥликоу** и т. д.;

твор. п. **кликомь** и т. д.; по местоименному склонению дат. п. **кликомоу**, твор. п. **клицѣмь, колицѣмь** и т. п.

2) Иногда в старославянских памятниках письменности встречаются формы неличных местоимений, подобные полным формам прилагательных. Так, вместо обычного **тъ** («тот») иногда встречается форма именительного-винительного падежа единственного числа мужского рода **ты** < **тъи** [тӹй] — как **новъи** (например в Зографском евангелии); в именительном падеже множественного числа мужского рода **тии** (вместо **ти**) — как **новии** (например в Супрасльской рукописи); в именительном падеже множественного числа женского рода **тъіѧ** (вместо **ты**) — как **новъіѧ** (например в Саввиной книге) и т. п.

3) Только по именному склонению изменялось местоимение **етеръ** («некий, один»); по типу полных прилагательных изменялось местоимение **которъи** (или **котеръи**) — «какой-нибудь».

4) Местоимение **къи** в именительном и винительном падежах всех родов и чисел имело окончания полных прилагательных: **к-ъи, к-аꙗ, к-оѥ** (ср. **нов-ъи, нов-аꙗ, нов-оѥ**), **к-ѫѭ** (ср. **нов-ѫѭ**), **ц-ии, к-ъіѧ, к-аꙗ** (ср. **нов-ии, нов-ъіѧ, нов-аꙗ**) и т. д. Формы косвенных падежей были образованы от разных основ: либо от основы [koj-e-] (все те формы, где в местоимении **тъ** звучал [о]): **коѥго, коѥмоу, коѥи** и т. д., либо от основы [кӹj-е-] (те формы, где в местоимении **тъ** звучал [ě] **ѣ**): **къимь, къихъ, къимъ** и т. д. Так как обе основы оканчивались [j], то местоимение **къи** склонялось по мягкому варианту.

5) Местоимение **сь** («этот») изменялось по мягкому варианту, т. е. **сего, семоу, симь** и т. д. Происхождение мягкого [с'] в основе этого местоимения неясно: судя по соответствиям других индоевропейских языков (например, лит. *šis*, лат. *citrā* — «по эту сторону»), [с] здесь должен быть твердым (он такого же происхождения, как, например, в слове **пьсати**). Необычны для местоименного склонения окончания именительного падежа единственного числа женского рода и именительного-винительного падежа множественного числа среднего рода: в обоих случаях **си** (вместо ожидаемого ***сꙗ**); например, в Мариинском евангелии (*Мт.*, VII): **вьсѣкъ оубо иже слъшитъ словеса моѣ си** [= «Всякий же, кто слышит эти мои слова»] — другое местоимение, относящееся, как и **си**, к существительному **словеса**, употреблено с обычным окончанием [-'а] — **моѣ** [moja].

Формы именительного и винительного падежа двойственного и множественного числа мужского и женского рода имели основу [с'йj-] < [с'ьj-]: именительный множественного мужского рода **сии** [с'йj-и], винительный множественного мужского и женского рода **сиѩ** [с'йj-ę] и т. д. Та же основа в винительном единственного женского рода — **сиѭ** [с'йj-ǫ]. Позднее эта основа вытеснила основу **с-** [с'-] и в других формах (ср. русск. церковнослав. формы *сей*, *сия*, *сие* — вместо *сь*, *ся*, *се*).

6) Местоимение **вьсь** «весь» изменялось в старославянском языке по смешанному склонению: часть форм имела окончания мягкого варианта, часть — окончания твердого (т. е. **вьс-его**, **вьс-емоу** и т. д., но **вьс-ѣмь**, **вьс-ѣми** и др.). Объясняется это тем, что некогда в основе этого местоимения был задненёбный согласный **х*, следовательно, изменялось оно по твердому варианту (ср. сохранявшиеся в древнем новгородском говоре формы *вьхоу* — «всю», *вьхого* — «всего»).

В тех формах, где после задненёбного следовал [ě] (**ѣ**) дифтонгического происхождения (из *$\widehat{oi̯}$), на месте задненёбного по II смягчению появился [с']: **вьсѣмь** < **vьхěть*, **вьсѣхъ** < **vьхěхъ* и т. д. Эти формы — с окончаниями твердого варианта — сохранялись в старославянском языке (ср. **тѣмь**, **тѣхъ** и т. д.). В ряде падежных форм **х* > [с'] по III смягчению задненёбных (см. § 122): **вьс'а** < **vьха*, **вьс'ѫ** < *vьхǫ* и т. д. В тех случаях, когда после **х* в окончании твердого варианта был гласный, который не мог следовать за мягким согласным (например, [о]), после изменения **х* > [с'] окончания твердого варианта были заменены окончаниями мягкого. Некоторые формы явились новообразованиями по образцу форм, развивших мягкий [с']; так, вместо **vьхъ*, где **х* перед **ъ* должен был сохраниться, появилось **вьс'-ь** — с мягким [с'] в основе и с окончанием **-ь**; **вьс'ѧ** — вместо вышедшего из употребления **vьху*.

Так же как и **вьсь**, склонялось реже употреблявшееся местоимение **сиць** («такой»), где [ц'] < **k* развился аналогично [с'] < **х* в слове **вьсь** (ср. старослав. **сиць** с лат. *sic* — «так, таким образом»).

7) Особых замечаний требуют местоимения **къто** и **чьто**, которые были вне категории рода, в отличие от всех остальных неличных местоимений. Именительный падеж этих слов образовывался присоединением элемента **-то** к обычной форме именительного

падежа единственного числа мужского рода: **къ-то, чь-то** (от тех же основ без **-то** образованы местоимения **кый, чии**). В остальных падежах, характеризовавшихся окончаниями единственного числа мужского рода местоименного склонения, элемент **-то** отсутствовал: род. п. **к-ого**, дат. п. **к-омоу** и т. д. (при этом в творительном падеже происходило смягчение задненёбного: **ц-ѣмь**; творительный падеж мягкого варианта — **ч-имь**). Так же, как **къто** и **чьто**, склонялись образованные от них неопределенные и отрицательные местоимения **нѣкъто, нѣчьто** и **никъто, ничьто.**

Местоимение **чьто** в родительном падеже имело форму **чесо** или **чьсо.** Позднее **чес-** (или **чьс-**) было обобщено в качестве основы, от которой образованы встречающиеся в ряде старославянских памятников формы **чесого** (или **чьсого** — «чего»), **чесомоу** (или **чьсомоу**), **чесомь.**

Еще в праславянском языке местоимение с основой *$k\breve{o}$*- (старослав. **къто**) относилось к лицам и получило в винительном падеже форму **кого** — такую же, как в родительном. Это обстоятельство сыграло известную роль в развитии категории одушевленности (в старославянском языке — «категории лица»), характеризующейся совпадением форм винительного и родительного падежей.

Происхождение окончаний местоименного склонения

§ 212. Единство окончаний именительного и винительного падежа местоименного и именного склонения (см. § 210) — древняя, индоевропейская особенность, характеризующая не только славянские языки. Например, старославянской форме винительного падежа единственного числа мужского рода **тъ** соответствует греч. τόν [tŏn], древнеинд. *tám*, а той же форме женского рода **тѫ** (русск. *ту*) — греч. τάν [tan], древнеинд. *tām*, т. е. так же, как и у имен, *$t\breve{o}n$ > > *$t\breve{u}n$ > $t\breve{u}$ > **тъ**; *$t\bar{a}n$ > *ta^n > **тѫ.** Форме именительного падежа множественного числа мужского рода **ти** соответствует греч. τοί [tŏị], следовательно, **-и** в этой форме, как и у имен, дифтонгического происхождения, поэтому у местоимений с основой на задненёбный согласный перед ним появляется мягкий свистящий: **вьсяци** (от **вьсякъ**), **таци** (от **такъ**) и т. п. (ср. **влъци, грѣси** — § 151). Форме винительного падежа множественного числа мужского рода **ты** соответствует греч.

(диалектн. критск.) τάνς [tans], готск. þans, т. е. опять-таки, как и у имен, *tŏns > *tōns > *tūns > *tū > **ты**. Окончания мягкого варианта закономерно соответствовали окончаниям твердого, т. е. в именительном-винительном падеже единственного числа мужского рода **-ь** — в соответствии с **-ъ** твердого варианта; в винительном множественного **-ѧ** — в соответствии с **-ы** твердого варианта и т. д. (см. § 147).

Следует отметить балто-славянское новообразование именительного падежа единственного числа мужского и женского рода указательного местоимения **тъ** («тот»), **та** («та»). Дело в том, что в индоевропейском праязыке эти формы были образованы с другим корнем, отличавшимся от корня всех остальных падежных форм *t-. Например, в древнеиндийском именительный падеж мужского и женского рода соответственно *sá* и *sā́* — при винительном *tám* и *tā́m*, именительном-винительном среднего рода *tát;* в греческом именительный падеж ὁ [hŏ], ἡ [hē] (из *hā) — при винительном падеже τόν [tŏn] и τάν [tan], именительном-винительном среднего рода το [tŏ] и т. д. В славянских и балтийских языках индоевропейские образования именительного падежа были заменены новообразованиями с корнем *t-, т. е. **тъ** и **та**, — как во всех остальных формах этого местоимения: **то**, **того**, **тои** и т. д. (ср. то же в лит.: муж р. *tàs*, жен. р. *tà*).

Индоевропейским окончанием именительного-винительного падежа единственного числа среднего рода было *-d (ср. лат. *istŭd* < **istŏd* — «то», древнеинд. *tàt* — «то», где конечный *-t* в соответствии с *-d), т. е. **tŏd;* после утраты конечного согласного (по принципу восходящей звучности слога) формой именительного-винительного падежа единственного числа среднего рода стало **то**. Как показатель среднего рода флексия *-о* проникла в именное склонение, где у имен среднего рода должно было образоваться окончание -ъ, как у существительных и местоимений мужского рода (см. § 170).

§ 213. В косвенных падежах древняя основа неличных местоимений осложнялась гласным *-ŏ-.

В трех падежных формах окончания присоединялись непосредственно к *-ŏ-. Так были образованы формы родительного, дательного и местного падежа единственного числа мужского и среднего рода: **того** (из **tŏ-go*), **томоу** (из **tŏ-mu*), **томь** (из **tŏ-mь*). В мяг-

ком варианте в соответствии с [ŏ], как обычно, находим [ĕ]: **ѥго** (из **jĕ-go*), **ѥмоу** (из **jĕ-mu*), **ѥмь** (из **jĕ-mь*).

Во всех остальных формах гласный **ŏ* распространялся посредством **i*, образуя дифтонг **o͡i̯*, следовательно, старая основа творительного падежа единственного числа мужского и среднего рода и всех косвенных падежей двойственного и множественного числа звучала **toi̯-* (для местоимения **тъ**), **ovoĭ-* (для местоимения **овъ**), **onoĭ-* (для местоимения **онъ**) и т. д. В мягком варианте был соответственно дифтонг **e͡i̯*: **jei̯-* (для местоимения ***и**), **sei̯-* (для местоимения **сь**), **mojei̯-* (для местоимения **мои**) и т. д.

В положении перед гласным **i̯* > [*j*], поэтому в родительном падеже единственного числа женского рода **тоѩ** [тоj-ę], **ѥѩ** [jej-ę], в творительном **тоѭ** [тоj-ǫ], **ѥѭ** [jej-ǫ], в дательном-местном **тои** < **toj-i*, **ѥи** < **jej-i*, родительном-местном двойственного числа (для всех родов) **тою** [тоj-у], **ѥю** [jej-у].

В положении перед согласным **o͡i̯* подвергся монофтонгизации, образовав [ě] (**ѣ**), который и обнаруживается во всех остальных падежных формах; в мягком варианте **e͡i̯* > [и]: творительный единственного числа мужского и среднего рода **тѣмь** < **toi̯-mĭ*, **имь** < < **jei̯-mĭ*; дательный множественного числа **тѣмъ** < **toi̯-mŭs*, **имъ** < **jei̯-mŭs;* родительный-местный множественого числа **тѣхъ** < < **toi̯-sŭ*, **ихъ** < **jei̯-sŭ* и т. д. На дифтонгическое происхождение **ѣ** [ě] в этих формах указывает, между прочим, судьба задненёбных согласных: **ѩцѣмь, ѩцѣхъ** и т. д. (местоимение **ѩкъ**), **колицѣмь, колицѣхъ** и т. д. (местоименное прилагательное **коликъ**) и др.

Таким образом, в старославянском местоименном склонении, как и в именном, обнаруживаются результаты переразложения древних основ, оканчивавшихся гласным **ŏ* (**'ĕ*) или дифтонгом **o͡i̯* (**'e͡i̯*). Поскольку гласный древней основы в разных падежах изменялся по-разному, то там, где он и сохранился, он стал осознаваться как элемент окончания (изменяемой части слова), и, таким образом, граница между основой и окончанием передвинулась на один слог вперед — ближе к началу слова:

tŏ-go* > **т-ого,
tŏ-mou̯* > **т-омоу,
toi̯-mĭ* > **т-ѣмь и т. д.

Что касается самих старых окончаний косвенных падежей местоименного склонения, то, за исключением трех форм, почти все они представляли собой с о е д и н е н и е местоименной основы с оконча-

ниями именного склонения: творительный падеж единственного числа мужского-среднего рода: **тѣмь** [т-ě-м'ь] — ср. **рабо-мь, село-мь**; родительный падеж единственного числа женского рода: **тоѩ** [т-оj-ę] — ср. **нош-ѧ** (так как местоименная основа оканчивалась *j < *i̯, то после нее окончание как в мягком варианте: *toj-en < *toi̯-on); дательный-местный единственного числа женского рода: **тои** [т-оj-и] — ср.: **нош-и**; творительный падеж единственного числа женского рода: **тоѭ** [т-оj-ǫ] — ср. **женоѭ** [ж'ен-оj-ǫ] — вместо [ж'ен-ǫ][1]; родительный-местный двойственного числа: **тою** [т-оj-у] — ср. **жен-оу, раб-оу**; дательный-творительный двойственного числа: **тѣма** [т-ě-ма] — ср. **жена-ма, рабо-ма**; дательный множественного числа: **тѣмъ** [т-ě-мъ] — ср. **жена-мъ, рабо-мъ**; творительный множественного числа: **тѣми** [т-ě-м'и] — ср. **жена-ми**; местный множественного числа: **тѣхъ** [т-ě-хъ] — ср. **жена-хъ, рабѣ-хъ.**

Отличное от именного окончание находим в родительном падеже множественного числа: **тѣхъ** [т-ě-хъ], но ср. **жен-ъ, раб-ъ.** В местоименном склонении [х] < *s (т. е. **тѣхъ** < *toi̯xъ < *toi̯-sŭ или *toi̯-sŭn), что находит подтверждение в фактах других индоевропейских языков: древнеинд. *tḗṣam*, древнепрусск. *stēison*.

Не имеют видимых параллелей в именном склонении окончания родительного, дательного и местного падежа единственного числа мужского и среднего рода **того, томоу, томь.** Окончания двух последних падежей в общем являются достаточно древними для местоимений и имеют соответствия в других индоевропейских языках. Славянской особенностью этих окончаний было лишь то, что в них отсутствовал *s перед *m; ср. старослав. **томоу** [т-о-му], древнеинд. *tásmai* (здесь славянский [у] в соответствии с индоевропейским *ōi̯, как и в дательном падеже именного склонения основ на *ŏ — **влькоу**, где [у] также не вместо индоевропейского *ōi̯);

---

[1] Как указывалось (см. § 170), в именном склонении основ на *ā в творительном падеже должно было быть окончание *ǫ (из *-ŏm < *ām); именно оно и присоединялось к старой местоименной основе: *toi̯-ǫ > **тоѭ**. Образовавшееся в местоименном склонении в результате переразложения основы окончание творительного падежа женского рода **-оѭ (-еѭ)** оказало влияние на склонение существительных, где вместо первоначального окончания *-ǫ (вместо *žen-ǫ*, *nošǫ* и под.) появились под влиянием местоименного склонения **жен-оѭ, нош-еѭ** и под.

старослав. **томь** [т-о-м˙ь], древнеинд. *tásmin* (полное соответствие, так как [ь] < *ĭ, а конечный носовой был утрачен).

Не вполне ясно лишь происхождение окончания родительного падежа **-ого**. Судя по соответствиям в других индоевропейских языках, в этом падеже у славян должно было быть окончание **-со**, которое действительно сохранилось у одного местоимения: **чесо** или **чьсо** («чего») (ср. древнеинд. *tásya* — «того»). Но это окончание характеризует лишь одно слово и никак не объясняет появления **-го** в родительном падеже всех остальных неличных местоимений. Обычно считают, что здесь к местоименной основе была присоединена частица *-gŏ: **того** < *tŏ-gŏ (этой частице соответствует древнеиндийская частица *gha*).

Способы обозначения 3-го лица или предмета

§ 214. Как было указано в § 197, в старославянском языке не было личного местоимения 3-го лица, т. е. не было специального слова, которое во всех случаях использовалось бы для обозначения предмета или лица, не принимающего участия в диалоге или упоминаемого в повествовании. Указание на 3-е лицо или предмет осуществлялось с помощью различных указательных местоимений. Выбор указательного местоимения зависел от отношения упоминаемого лица или предмета к говорящему или собеседнику.

Если лицо или предмет, на который указывали, был близок говорящему (автору), то для указания на него обычно использовались формы местоимения **сь** («этот»). Так, в евангельском рассказе о том, как один из фарисеев[1] пригласил к себе в дом Иисуса и усомнился в его «святости», сообщается: **фарисѣи възъвавꙑ его рече вь себѣ гл҃ѧ·сь** (вместо **сь**) **аште би бꙑлъ пр҃къ · вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена прикасаатъ сѧ емь · ѣко грѣшьница естъ** [= «Фарисей же, пригласивший его (т. е. Иисуса), подумал

---

[1] Фарисеи, греч. φαρισαῖος [farisai̯ŏs], из древнееврейск. *perušim* («отделенные») — так назывались у древних евреев члены особой религиозной группы, представлявшей интересы зажиточных слоев городского населения и отличавшейся религиозным фанатизмом и соблюдением всех правил благочестия, подчас чисто внешнего. В новое время слово *фарисей* стало использоваться в переносном смысле — как обозначение лицемера, ханжи.

про себя: — если бы *он* (в тексте: *этот*) был пророком, то знал бы, что за женщина прикасается к нему: ведь она грешница»] (Мар. ев., *Л.*, VII) — в речи фарисея для обозначения 3-го лица используется местоимение **сь** («этот, близкий мне»), в данном случае — «находящийся у меня».

Если лицо или предмет, о котором упоминалось, был близок собеседнику, а в повествовании — одному из действующих лиц, то указание на него осуществлялось с помощью местоимения **тъ** («тот»): **ч҃къ етеръ бѣ богатъ · іже імѣаше приставьникъ · і тъ оклеветанъ бъıстъ къ н'емоу...** [= «Был богатый человек, который имел управляющего. И *он* (в тексте: *тот*) оклеветан был перед ним»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI) — здесь при указании на управляющего используется местоимение **тъ** («тот»), поскольку речь идет о человеке, близком только что упомянутому действующему лицу.

Наконец, в тех случаях, когда речь шла о лицах или о предметах, не имевших отношения ни к одному из собеседников, указание осуществлялось с помощью местоимений ***и** (**кго, кмоу** и т. д.) или **онъ** (**оного, ономоу** и т. д.). Ср. употребление различных указательных местоимений при обозначении одного и того же лица: **еда кто чьстьнѣі тебе бѫдетъ зъванъıхъ · и пришъдъ зъвавъı тѧ и оного · речетъ ти · даждь семоу мѣсто** [= «Если кто-то из приглашенных будет богаче тебя, то, придя, звавший тебя и *его* (в тексте *оного*), скажет тебе: — Уступи *ему* (в тексте *этому*) место» (Сав. кн., *Л.*, XIV) — автор при обращении к собеседнику (или читателю), указывая на третье лицо — знатного гостя, употребляет местоимение **онъ** («далёкий, чужой и мне, и тебе»); хозяин же, указывая на то же лицо, использует местоимение **сь** («близкий мне»).

Местоимения **онъ** и ***и** (**кго, кмоу** и т. д.) в повествовании часто употреблялись для обозначения лиц или предметов вообще, когда не было необходимости подчеркивать их отношение к рассказчику или тому или иному действующему лицу: **онъ же отъвръже сѧ прѣдъ всѣми** [= «*Он* же (Петр) отрекся при всех»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI), **оузьрѣ и дроугаѣ · і гл҃а емоу...** [= «Увидела *его* другая (рабыня) и сказала *ему*»] (там же) и т. д. В силу своей «нейтральности» эти местоимения в повествовательной речи являлись наиболее употребительным средством обозначения 3-го лица или предмета.

С течением времени местоимения онъ и *и, в период древнейших старославянских памятников употреблявшиеся в одном значении, вступают во взаимодействие, образуя формы одного местоименного слова: формы именительного падежа всех родов и чисел местоимения *и перестают употребляться, вытесняясь формами именительного падежа местоимения онъ (жен. р. она, ср. р. оно, муж. р. мн. ч. они и т. д.). Таким образом, складывается новое местоимение с именительным падежом онъ, родительным кго и т. д.; ср., в частности, сохранение форм местоимения *и в винительном падеже: оуꙁьрѣ и [= «увидела *его*»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); і остави ѭ огнь [= «и оставил *ее* огонь»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); село коупихъ и имамъ нѫждѫ ... видѣти е [= «(Я) купил поле и должен осмотреть *его*»] (там же, *Л.*, XIV); погоубитъ ꙗ [= «погубит *их*»] (там же, *Мт.*, XXI) и т. д.

Дополнительная литература к § 197—214

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 92—100.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, § 49—50.

М. А. Гадолина. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963.

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, § 495—508 (стр. 347—357), 513—518 (стр. 363—367).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 215. Исторически грамматические различия между прилагательными и существительными касались лишь их синтаксического употребления: существительные выполняли в предложении прежде всего функцию подлежащего или дополнения, прилагательные — функцию согласованного определения или именной части сказуемого.

Различия в синтаксических функциях определяли и различия в значении морфологических категорий и форм этих частей речи: для прилагательных род, число и падеж — это одна форма, обусловленная связью прилагательного с существительным. Так, в предложении ч҇лвкъ єдинъ сътвори вечерѭ велиѭ [= «Некий человек устроил *большой* пир»] (Мар. ев.,

Л., XIV) прилагательное **велиѭ** употреблено в форме женского рода, потому что относится к существительному женского рода, по той же причине оно имеет окончание, указывающее на единственное число, винительный падеж, — как и **вечерѭ**.

Что касается морфологических средств образования и изменения слов, то они для существительных и прилагательных были общими: прилагательные характеризовались в древности теми же именными основами (см. § 228—229) и изменялись так же, как и существительные, поэтому такие формы прилагательных принято называть именными.

Склонение именных форм

§ 216. Словоизменение прилагательных было представлено двумя системами, связанными с родом определяемого существительного. Прилагательные, относившиеся к существительным мужского и среднего рода, получали падежные окончания по типу именных основ на **ŏ* или **jŏ* (т. е. по типу существительных **рабъ, даръ, село; кон'ь, ножь, поле**); прилагательные, относившиеся к существительным женского рода, получали падежные окончания по типу именных основ на **ā* или **jā* (т. е. по типу существительных **жена, ноша**).

Например, в единственном числе:

Им. п. **новъ (рабъ), тошть (кон'ь); ново (село), тоште (поле); нова (жена), тошта (ноша);**

Род. п. **нова (раба, села), тошта (коня, поля); новы (жены), тошта (ноша);**

Дат. п. **новоу (рабоу, селоу), тошти (коню, полю); новѣ (женѣ), тошти (ноши)** и т. д.

Во множественном числе:

Им. п. **нови, тошти (раби, кон'и); нова, тошта (села, поля); новы (жены), тошта (ноша);**

Род. п. **новъ, тошть (рабъ, кон'ь; селъ, пол'ь; женъ, ношь);**

Дат. п. **новомъ (рабомъ, селомъ), тоштемъ (конемъ, полемъ); новамъ, тоштамъ (женамъ, ношамъ)** и т. д.

§ 217. Все особенности склонения именных форм прилагательных те же, что и особенности склонения существительных с указанными основами (см. § 145—148 и 149—152): то же соотношение

окончаний твердого и мягкого вариантов (например, род. п. ед. ч. жен. р. — в твердом варианте -ꙑ, в мягком -ѩ: новꙑ — тоштѩ, ср.: женꙑ — ношѩ), те же изменения в основах, что и у существительных. В частности, если основа прилагательного оканчивалась задненёбным согласным, то перед окончаниями, содержавшими [и] или [ě] (ѣ) дифтонгического происхождения, задненёбный чередовался с мягким свистящим согласным: высокъ, мъногъ, соухъ — в местном падеже единственного числа высоцѣ, мъноѕѣ, соусѣ (как рабѣ, селѣ, женѣ — грѣсѣ, вѣцѣ, ноѕѣ); в именительном падеже множественного числа мужского рода высоци, мъноѕи, соуси (как раби, влъци, враѕи, грѣси) и т. д.

В отличие от существительных, прилагательные не имели звательной формы. Если прилагательное входило в состав обращения, то оно обычно употреблялось в членной (полной) форме именительного падежа: рабе лѫкавꙑи [= «О *лукавый* раб!»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII); радоуи сѧ · благодѣтьнаѣ [= «Радуйся, *благодетная*!», т. е. «имеющая ребенка, посланного богом»] (Зогр. ев., *Л.*, I), не бои сѧ · малое стадо [= «Не бойся, *малое* стадо!»] (там же, *Л.*, XII) и под. Притяжательные прилагательные имели в этом случае обычную именную форму именительного падежа: земле июдова [= «О *Иудина* земля!»] (Зогр. ев., *Мт.*, II), ѡ горькꙑ юдинъ обличителю [= «О злосчастный *Иудин* обличитель!»] (сб. Клоца) и т. п. Лишь иногда при существительных мужского рода прилагательные в составе обращения встречаются в старославянских памятниках с окончанием -е — как в звательной форме самих существительных: фарисею слѣпе [= «О *слепой* фарисей!»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XXIII).

Образование членных форм

§ 218. В старославянском языке, наряду с именными формами прилагательных, склонявшимися так же, как и существительные[1], употреблялись формы, осложненные указательным местоимением и (ꙗ, ѥ): новꙑи (из новъ + и [новъјь > новый]), новаꙗ (т. е. нова + ꙗ), новоѥ (т. е. ново + ѥ) и т. д. (ср. в русск.: ***новый** дом*,

---

[1] В русском языке такие формы сохранились в именительном падеже в функции именной части сказуемого: *дом **нов**, страна **велика**, небо **ясно**, люди **счастливы***—так называемые краткие формы.

***великая** страна, **ясное** небо, **счастливые** люди*). Такие формы принято называть членными, или определенными, поскольку указательное местоимение, присоединенное к именной форме прилагательного, первоначально выполняло функцию определенного члена (артикля), вносившего дополнительные оттенки в значение прилагательного.

Членные формы прилагательных указывали первоначально на индивидуализированный признак, т. е. такой, который, по мнению говорящего (автора), уже известен собеседнику (или читателю) как специфический для определяемого предмета. В силу такого своего значения членные формы употреблялись только в функции определения, а также при субстантивации прилагательного. Так, в евангельском рассказе о суде над Иисусом одна из рабынь, опознавшая ученика Иисуса Петра, обращаясь к нему, говорит: **і ты бѣ съ і҃сомь галилѣіскъімь** (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI), употребляя членную форму прилагательного **галилѣіскъімь** (а не **галилѣіскомь**); эта форма должна была означать: «И ты был с Иисусом, с *тем самым, о котором известно*, что он из Галилеи» (это его индивидуальный, характерный признак).

Именные формы, лишенные оттенка определенности, употреблялись в предложении в функции определения лишь в том случае, когда указание на признак (свойство) предмета не требовало подчеркивания его известности, специфичности или просто было новым в сообщении. Только именные формы употреблялись в функции сказуемого, так как назначение сказуемого — сообщить о подлежащем нечто новое для собеседника (читателя)[1]. Кроме того, прилагательное, как правило, употреблялось в именной форме в том случае, если находилось в ряду однородных, одно из которых было употреблено с членом (например: **рабе благꙑ и вѣрне** — первое прилагательное употреблено в членной, второе — в именной форме). Почти никогда не употреблялись в членной форме притяжательные прилагательные.

[1] Ср. в русском языке: в функции определения полная форма: *Повсюду видны **счастливые** улыбки;* в функции сказуемого краткая форма: *В нашей стране люди **счастливы**.* Естественно, что субстантивированные прилагательные и в функции сказуемого употреблялись в старославянском языке в членной форме.

§ 219. Образование членных форм прилагательных относится к эпохе праславянской (а, возможно, и более ранней, так как подобные формы известны и литовскому языку, что, впрочем, может быть результатом самостоятельного параллельного развития).

Первоначально членные формы представляли простое соединение указательного местоимения **и (ꙗ, ѥ)** — «тот (то, та)» с соответствующей формой именного прилагательного. Именно указательное местоимение, употреблявшееся в значении члена (определенного артикля), и вносило в обозначение признака оттенок определенности. И прилагательное, и местоимение употреблялись в форме того же рода, числа и падежа, что и определяемое существительное; например, в единственном числе мужского рода:

Им. п. **mǫžь dobrъ jь* < **мѫжь добрꙑи**
Род. п. **mǫža dobra jego* > **мѫжа добраѥго**
Дат. п. **mǫžu dobru jemu* > **мѫжю доброуѥмоу** и т. д.

С течением времени формы местоимения сливались с окончаниями прилагательных, образуя одно сложное окончание. Так, в формах **добраѥго, доброуѥмоу** и под. происходила утрата интервокального [j] (т. е. [j] между гласными), что влекло за собой ассимиляцию оказавшихся рядом гласных и их последующее стяжение:

Им. п. [добръjь > добрый < добры], на письме **добрꙑ**
Род. п. [добраjего > добраего > добраага > добраго]
Дат. п. [добруjему > добруему > добрууму > добруму]
Местн. п. [добр˙ějем˙ь > добр˙ěем˙ь > добр˙ěм˙ь].

Все этапы этого процесса находят отражение в старославянских памятниках письменности, где встречаются и формы **добрꙑи, добраѥго, доброуѥмоу, добрѣѥмь,** и формы **добраадго, доброуоумоу, добрѣѣмь,** и формы **добрꙑ, добраго, доброумоу, добрѣмь.** Формы женского рода в старославянских памятниках отражены с результатами стяжения: **добрꙑѩ** (вместо **dobry ję*), **добрѣи** (вместо **dobrě jei*).

Во множественном числе были обобщены односложные окончания родительного (и творительного для мужского рода) падежа именных форм, к которым и присоединялось местоимение; в результате образовались формы:

Род. п. **добрыихъ** (из **dobrъ jixъ*)
Дат. п. **добрыимъ** (вместо **добромъ имъ* или **добрамъ имъ*)
Твор. п. **добрыими** (из муж.-ср. р. **dobry jimi*)
Местн. п. **добрыихъ** (вместо **добрѣхъ ихъ* или **добрахъ ихъ*).

Впоследствии в формах множественного числа также произошло стяжение гласных, в результате чего [добрыихъ > добрыхъ], [добрыимъ > добрымъ] и т. д. (то же и в формах двойственного числа).

Таким образом, в старославянских памятниках письменности членные прилагательные встречаются со следующими окончаниями (см. стр. 232—233).

§ 220. Окончания членных форм прилагательных были близки окончаниям неличных местоимений, а потому их нередко называют местоименными.

Старославянские памятники письменности отражают результаты взаимодействия членных (местоименных) форм прилагательных с формами неличных местоимений. С одной стороны, это взаимодействие приводило к тому, что падежные окончания некоторых неличных местоимений уподобились окончаниям членных прилагательных (см. § 211, п. 2-4). Таковы, например, формы **тыи, которыи, кыи** (как **добрыи**), **которыхъ, кыихъ** (как **добрыхъ** или **добрыихъ**) и др. С другой стороны, под влиянием местоименного склонения в старославянских памятниках появляются формы членных прилагательных с окончаниями неличных местоимений. Так, в Саввиной книге в родительном падеже находим **живого** (*Л*., X) — как **того** (вместо **живаго**); в ряде старославянских памятников письменности в дательном падеже встречаем окончание **-омоу** (по типу **томоу**) — вместо **-оумоу: дроугомоу** (Сав. кн., *Мт*., VIII; *Л*., XIII; *Ин*., XIX; Ассем. ев., *Ин*., XIX; Зогр. ев., *Мт*., XX), **прьвомоу** (Зогр. ев., *Мт*., XXI), **послѣдьнемоу** (там же, *Мт*., XX), и др.

Формы сравнительной степени

§ 221. Для качественных прилагательных характерны степени сравнения.

В праславянском языке формы сравнительной степени образовывались от основы положительной степени с помощью суффикса **-jьs* (в им. п. ед. ч. ср. р. суффикс был **-jes*). Суффикс присоединялся к основе по-

Число, падеж	Мужской род		
	Окончания	Образцы	
Ед. ч.			
Им. п.	*-ы̆й -йй*	добрꙑи	синии
	-ы -и	добрꙑ	сини
Вин. п.	*-ы̆й -йй*	добрꙑи	синии
	(-ы) (-и)		
Род. п.	*-ajего*	добраѥго	синꙗѥго
	-ааго	добрааго	синꙗаго
	-аго	добраго	синꙗго
Дат. п.	*-yjему*	доброуѥмоу	синюѥмоу
	-ууму	доброуоумоу	синюоумоу
	-уму	доброумоу	синюмоу
Твор. п.	*-ы̆имь -йимь*	добрꙑимь	синиимь
	-ымь -имь	добрꙑмь	синимь
Местн. п.	*-ěјемь -ијемь*	добрѣѥмь	синиѥмь
	-ěěмь -иимь	добрѣѣмь	синиимь
	-ěмь -имь	добрѣмь	синимь
Дв. ч.			
Им-вин. п.	*-aja*	добраꙗ	синꙗꙗ
Род.-местн. п.	→	→	→
Дат.-твор. п.	→	→	→
	→	→	→
Мн. ч.			
Им. п.	*-ии*	добрии	синии
Вин. п.	*-ыję -ęję*	добрꙑѩ	синѩѩ
Род. п.	→	→	→
	→	→	→
Дат. п.	→	→	→
	→	→	→
Твор. п.	→	→	→
	→	→	→
Местн. п.	→	→	→
	→	→	→

Средний род		Женский род	
Окончания	Образцы	Окончания	Образцы
-oje -eje	**доброѥ синѥѥ**	*-aja*	**добраꙗ синꙗꙗ**
-oje -eje	**доброѥ синѥѥ**	*-ǫjǫ*	**добрѫѭ синѭѭ**
←	←		
←	←		
←	←	*-ыję -ęję*	**добрꙑѩ синѩѩ**
←	←		
←	←	*-ěи -ии*	**добрѣи синии**
←	←		
←	←	*-ojǫ -ejǫ*	**доброѭ синѥѭ**
←	←	*(-ǫjǫ)*	**(добрѫѭ синѭѭ)**
←	←	*-ěи -ии*	**добрѣи синии**
←	←		
←	←		
-ěи -ии	**добрѣи синии**	←	←
-ују	**доброую синюю**	←	←
-ы̆има -йима	**добрꙑима синиима**	←	←
-ыма -има	**добрꙑма синима**	←	←
-aja	**добраꙗ синꙗꙗ**	*-ыję -ęję*	**добрꙑѩ синѩѩ**
-aja	**добраꙗ синꙗꙗ**	*-ыję -ęję*	**добрꙑѩ синѩѩ**
-ы̆ихъ -йихъ	**добрꙑихъ синиихъ**	←	←
-ыхъ -ихъ	**добрꙑхъ синихъ**	←	←
-ы̆имъ -йимъ	**добрꙑимъ синиимъ**	←	←
-ымъ -имъ	**добрꙑмъ синимъ**	←	←
-ы̆ими -йими	**добрꙑими синиими**	←	←
-ыми -ими	**добрꙑми синими**	←	←
-ы̆ихъ -йихъ	**добрꙑихъ синиихъ**	←	←
-ыхъ -ихъ	**добрꙑхъ синихъ**	←	←

разному: в одних случаях — непосредственно к основе, в других — с помощью суффиксального элемента [ě] < *ē (ср. в совр. русск.: *хуже*, *выше*, *шире*, но *нов-е-е*, *добр-е-е*, *сильн-е-е*).

§ 222. 1) Суффикс **-jьs* (в ср. р. **-jes*) присоединялся непосредственно к основе положительной степени, характеризовавшейся нисходящей интонацией. Например, сравнительная степень от прилагательного **лих-ъ** (русск. *лих-ой*): **lix-jьs* > **лишь** (**xj* > [ш'], конечный **s*, как обычно, был утрачен); в именительном падеже единственного числа мужского рода к этой основе добавлялся **-и** (видимо, под влиянием форм типа **старѣи** — см. ниже, § 223): **лишь** + **и** > **лишии**; средний род (им. п. ед. ч.): **lix-jes* > **лише**; от прилагательного **хоуд-ъ** (русск. *худ-ой*) — «плохой»: **xud-jьs* > > **хоуждь-**, мужской род **хоуждь** + **и** > **хоуждии**; средний род **xud-jes* > **хоужде** (ср. русск. *хуже*, где **dj* > [ж]); от прилагательного **младъ** (русск. *молод-ой*): **mold-jьs* > **мраждь-**, мужской род **млаждь** + **и** > **млаждии**, средний род **mold-jes* > **мражде** (ср. русск. *моложе*).

Такие образования сравнительной степени являются очень древними, и старые бессуфиксальные прилагательные, которые в положительной степени впоследствии стали принимать суффиксы **-ок-** или **-ък-** (**-ьк-**), сохранили формы сравнительной степени без этих суффиксов. Например, сравнительная степень прилагательного **вък-ок-ъ** (русск. *выс-ок-ий*): **vys-jьs* > **вышь-** (**sj* > [ш']), мужской род **вышь** + **и** > **вышии**, средний род **vys-jes* > **выше** (русск. *выше*); от прилагательного **шир-ок-ъ** (русск. *шир-ок-ий*): **šir-jьs* > **шир'ь-**, мужской род **шир'ь** + **и** > **шир'ии**, средний род **šir-jes* > **ширѥ** (русск. *шире*); от прилагательного **низ-ък-ъ** (русск. *низ-к-ий*): **niz-jьs* > **нижь-** (**zj* > [ж']), мужской род **нижь** + **и** > **нижии**, средний род **niz-jes* > **ниже** (русск. *ниже*).

§ 223. 2) К основам, характеризовавшимся некогда восходящей интонацией, суффикс сравнительной степени присоединялся с помощью суффиксального элемента **ē* > [*ě*] (**ѣ**). Например, сравнительная степень прилагательного **стар-ъ** (русск. *стар-ый*): **star-ē-jьs* > > **старѣи** — именительный падеж единственного числа мужского рода (**ē* > [ě], на письме **ѣ**, **jь* > [й], конечный **s* утратился); именительный падеж единственного среднего рода **star-ē-jes* > **старѣѥ** (русск. *старее*); от прилагательного **слаб-ъ** (русск. *слаб-ый*):

*$slab$-$\bar{e}$-jьs > **слабѣи** (муж. р.); средний род *$slab$-$\bar{e}$-jes > **слабѣѥ** (русск. *слабее*); от прилагательного **нов-ъ** (русск. *нов-ый*): *nov-$\bar{e}$-jьs > **новѣи** (муж. р.), средний род *nov-$\bar{e}$-jes > **новѣѥ** (русск. *новее*).

Таким же способом сравнительная степень образовывалась от суффиксальных прилагательных; например, от прилагательного **сил-ьн-ъ** (русск. *силь-н-ый*): *sil-ьn-$\bar{e}$-jьs > **сильнѣи** (им. п. ед. ч. муж. р.), средний род *silьn-$\bar{e}$-jes > **сильнѣѥ** (русск. *сильнее*).

Если основа положительной степени оканчивалась задненёбным согласным, то перед суффиксальным элементом *$\bar{e}$ задненёбный по первому переходному смягчению изменился в мягкий шипящий, а сам *$\bar{e}$ после исконносмягченного шипящего согласного изменился в ['а] (см. § 77). Например, сравнительная степень прилагательного **мъног-ъ** (русск. *мног-ий*): *mъnog-$\bar{e}$-jьs > *mъ$no\check{z}$-$\bar{e}$-jьs > **мъножаи**, ср. русск. *множайший*; от прилагательного **гор-ьк-ъ** (русск. *горьк-ий*): *gorьk-$\bar{e}$-jьs > *gorь$\check{c}\bar{e}j$ьs > **горьчаи**, ср. русск. *горчайший*.

§ 224. Некоторые прилагательные образовывали положительную и сравнительную степени от разных основ:

Положительная степень	Возможная форма сравнительной степени (им. п. ед. ч.)	
	Мужской род	Средний род
малъ	**мьн'ии**	**мьнѥ**
великъ	**бол'ии, вел'ии**	**болѥ**
	(наряду с **величаи, величаѥ**)	
мъногъ	**вѫштии**	**вѫштьше**
	(наряду с **мъножаи, мъножаѥ**)	
благъ, добръ	**лоучии, оун'ии** **соул'ии** или **соулѣи**	**лоуче, оун'ьше,** **соулѣѥ**
	(наряду с **добрѣи, добрѣѥ** и т. д.)	
зълъ	**гор'ии, поуштии**	**гор'ьше, поуштьше**
	(наряду с **зълѣи, зълѣѥ**)	

§ 225. Формы сравнительной степени склонялись так же, как и формы положительной степени прилагательных. При склонении

суффикс сравнительной степени осложнялся именной основой на *j и, таким образом, формы сравнительной степени, кроме именительного-винительного падежа единственного числа мужского и среднего рода, характеризовались суффиксом **-ѣиш-** [-ĕйш-] (из *-$\bar{e}j$ьs-j-, где конечный *s суффикса не был утрачен, а сочетание *sj > [ш']) или **-ьш-** (из *-jьs-j-).

Поскольку формы сравнительной степени распространялись суффиксом *j, то они склонялись так же, как и существительные мягкого варианта, т. е. как основы на *$j\breve{o}$ (**ножь, полѥ**) или *$j\bar{a}$ (**ноша**). И только в именительном и винительном падеже было несколько особых форм.

а) Именительный-винительный падеж единственного числа мужского и среднего рода не имел окончаний именного склонения и оканчивался суффиксом: **старѣи, вышии** (из **вышь** + **и**, где **и** под влиянием **старѣ-и**); **старѣѥ, выше** (см. § 222—223).

Впрочем, иногда в старославянских памятниках встречаются формы винительного падежа по типу существительных, т. е. **старѣишь, лоучьшь, вышьшь** и т. д. (муж. р.), **старѣише, лоучьше, вышьше** и т. д. (ср. р.).

б) Именительный падеж единственного числа женского рода имел «ослабленное» окончание **-и** (а не **-а**), как **рабын'и, ладии** (см. § 146): **старѣиши, новѣиши, вышьши, лоучьши** и т. д.

в) Именительный падеж множественного числа мужского рода характеризовался окончанием **-е** (но не **-и**, как у существительных с основой на *$\breve{o}$; ср., однако, **граждане, камене** и пр.— у основ на согласные): **старѣише, новѣише, вышьше, лоучьше** и т. д.

Все остальные падежные окончания были те же, что и у существительных:

Число, падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.			
Им. п.	**старѣи вышии**	**старѣѥ выше**	**старѣиши вышьши**
Род. п.	**старѣишꙗ вышьшꙗ**		**старѣишѩ вышьшѩ**
Дат. п.	**старѣишю вышьшю**		**старѣиши вышьши**
	и т. д., как **ножь, полѥ** (см. образцы в § 149)		и т. д. как **ношꙗ** (см. образцы в § 145)

Число, падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Дв. ч.			
Им.-Вин. п.	**старѣишꙗ въıшьшꙗ**	**старѣиши въıшьши**	**старѣиши въıшьши**
	и т. д., как **ножь, полѥ, ношꙗ**		
Мн. ч.			
Им. п.	**старѣише въıшьше**	**старѣишꙗ въıшьшꙗ**	**старѣишѩ въıшьшѩ**
Род. п.	**старѣишь въıшьшь**		**старѣишь въıшьшь**
Дат. п.	**старѣишемъ въıшьшемъ**		**старѣишꙗмъ въıшьшꙗмъ**
	и т. д., как **ножь, полѥ**		и т. д., как **ношꙗ**

§ 226. Образования сравнительной степени могли употребляться не только в именной, но и в членной (или местоименной) форме, которая образовывалась так же, как и членные формы положительной степени, т. е. прибавлением указательного местоимения **и (ꙗ, ѥ)** в соответствующем роде, числе и падеже к именной форме сравнительной степени. Отличными от членных форм положительной степени были лишь некоторые образования — те, что имели особые окончания в именной форме (см. особенности некоторых форм именительного и винительного падежа в § 225):

Число, падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.			
Им. п.	**старѣи**	**старѣѥ** (и **старѣишеѥ**)	**старѣишии**
Род. п.	**старѣишꙗѥго** **старѣишꙗаго** **старѣишꙗго**		**старѣишѩѩ**
Дат. п.	**старѣишюѥмоу** **старѣишюоумоу** **старѣишюмоу**		**старѣишии**
	и т. д., как **синии** (см. § 232—233)		

Число, падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Дв. ч.			
Им.-вин. п.	**старѣишꙗ**	**старѣишии**	**старѣишии**
	и т. д., как **синии, синѥѥ, синꙗꙗ**		
Мн. ч.			
Им. п.	**старѣишеи**	**старѣишаꙗ**	**старѣишѧѩ**
Род. п.	——→	**старѣишиихъ**	←——
	——→	**старѣишихъ**	←——
Дат. п.	——→	**старѣишиимъ**	←——
	——→	**старѣишимъ**	←——
	и т. д., как **синии, синѥѥ, синꙗꙗ**		

§ 227. Значение превосходной степени выражалось в старославянском языке по-разному. Это значение имели формы сравнительной степени с приставкой **наи-: наивѧште** («самое многочисленное, самое большое»), **наискорѣѥ** («скорейшее, самое скорое»), **наистарѣи** («старейший, самый старый») и т. п.; но такие образования в старославянских памятниках сравнительно редки. Превосходная степень, заключавшая в себе оттенок сравнения, могла выражаться и формами сравнительной степени с добавлением местоимения **вьсь: вьсѣхъ мьн'ии** («самый малый») (Зогр. Мар. ев., *Мр.*, IX).

«Абсолютная» превосходная степень (т. е. указание на высшую степень качества безотносительно к такому же качеству других предметов) обычно выражалась сочетанием формы положительной степени с наречием **ѕѣло** или **вельми** («очень, весьма»): **ѕѣло высокъ** («очень высокий»), **вельми старъ** («весьма старый, очень старый»). То же значение получали формы положительной степени с приставкой **прѣ-: прѣвеликъ** («величайший»), **прѣмилостивъ** («очень милостивый»), **прѣмѫдръ** («очень мудрый») и т. д.

Дополнительная литература к § 215—227

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 79—82, 86, 89—91.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, § 51.

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 509—511 (стр. 357—360).

Н. И. Толстой. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке. «Вопросы славянского языкознания», вып. 2. М., 1957.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Тематические гласные

§ 228. Старославянский язык не сохранил нетематических образований прилагательных: они были утрачены еще в праславянском языке и заменены тематическими образованиями.

Лишь небольшая группа прилагательных, утративших формы склонения, сохранила рефлексы тематического **ĭ*: **свободь** («свободный»), **исплънь** («наполненный»), **различь** («разнообразный, различный»), **прѣпрость** («очень простой, наипростейший»), **оудобь** («легкий»), **правь** («прямой») и др. Нередко эти образования употреблялись как наречия (см. ниже, § 359).

Наличие в древности прилагательных с тематическим **й* обнаруживается лишь в производных от них: **сладъ-къ** (с суффиксом **-k-* от старой основы **sŏldŭ-*, где **ŭ* > [ъ]; ср. лит. *saldùs* — «сладкий»), **гладъ-къ** (от основы **gladŭ-*; ср. лит. *glodùs* — «гладкий, прилегающий»), **ѫзъ-къ** — «узкий» (от основы **onzŭ-*; ср. древнеинд. *aṁhú-* — «узкий» — только в сложных образованиях).

Прилагательные на **ū* (жен. р.) получили значение существительных: праслав. **ljeu̯bū* > **l'uby* («дорогая, милая») — старослав. **любы** («любовь»); праслав. **koi̯lū* > **c'ěly* («здоровая») — старослав. **цѣлы** («исцеление») и т. п. Некоторые из таких прилагательных стали употребляться как существительные женского рода с суффиксом **-ъıн'-и**: **gr̥dū* > **gъr̥dy* («гордая») — старослав. **гръдъıн'и** («гордость»), **pou̯stū* > **pusty* («пустая») — старослав. **поустъıн'и** («пустыня»). Сами же старые прилагательные на **ū* были заменены образованиями с другими тематическими гласными; ср. старослав. **любъ (люба)** — «дорогой, милый», **цѣлъ (цѣла)** — «целый, здоровый», **гръдъ (гръда)** — «гордый», **поустъ (поуста)** — «пустой».

§ 229. Из всех индоевропейских тематических гласных праславянский язык сохранил для имен прилагательных лишь два: **ŏ* (и **jŏ*) и **ā* (и **jā*).

Тематический гласный присоединялся к основе прилагательного в зависимости от рода того существительного, к которому прилагательное относилось.

Для выражения грамматического значения мужского или среднего рода к основе прилагательного присоединялся тематический гласный *$\breve{o}$ (или *$j\breve{o}$); для грамматического значения женского рода к той же основе прилагательного присоединялся тематический гласный *$\bar{a}$ (или *$j\bar{a}$). Таким образом, в праславянском языке тематические гласные из словообразовательного средства были преобразованы в формообразующие элементы.

Словообразование и разряды прилагательных

§ 230. Имена прилагательные в зависимости от лексического значения принято делить на качественные, относительные и притяжательные. В то время как качественные прилагательные обозначают свойства предметов, непосредственно воспринимаемые органами чувств (*новый*, *синий*, *тихий*, *старый* и т. д.), относительные и притяжательные прилагательные обозначают признаки предметов, определяемые их отношением к другим предметам или лицам (ср. в русск.: *железный плуг* — «сделанный из железа», *медовый запах* — «свойственный меду», *сельский клуб* — «находящийся в селе»; для притяжательных прилагательных — это отношение по принадлежности: *отцов стол* — «принадлежащий отцу», *сестрино платье* — «принадлежащее сестре»).

Значение предметных отношений в относительных прилагательных со временем может приобретать, как известно, значение качественной оценки этих отношений.

Процесс «окачествления» относительных прилагательных исторически является одним из важнейших путей пополнения разряда качественных прилагательных; суффиксальные качественные прилагательные по происхождению являются относительными, нередко полностью утратившими относительное значение. Так, например, качественное прилагательное *светлый* первоначально означало «излучающий свет, освещенный», *сладкий* — «имеющий вкус солода» (проросших злаковых зёрен), *верный* — «имеющий, сохраняющий веру» и т. д. Такие

прилагательные развили значение качественной оценки очень рано и в старославянском языке уже являлись только качественными.

§ 231. В старославянском языке сохранилось очень немного прилагательных с основой, равной корню, которая обязательно распространялась тематическим *ŏ или *ā (в зависимости от рода): **новъ (ново, нова), соухъ (соухо, соуха), любъ (любо, люба), длъгъ (длъго, длъга)** — «долгий, длинный», **нагъ (наго, нага), босъ (босо, боса).** Все прилагательные с корневой основой — качественные.

Подавляющее большинство прилагательных в старославянском языке имело производную основу, образованную от именных или глагольных основ (в последнем случае основа производного прилагательного могла сохранять глагольную приставку) с помощью различных суффиксов, как правило, общих для всех имен.

Суффиксальные образования

§ 232. Ряд индоевропейских суффиксов, служивших для производства основ имен прилагательных, утратил продуктивность еще в праславянском языке, сохранив, однако, довольно многочисленные образования. Таковы суффиксы *-v- (представленный в прилагательных **жи-в-ъ, кри-в-ъ, пра-в-ъ, лѣ-в-ъ** — «левый», **пръ-в-ъ** — «первый»; в том числе в усложненных вариантах: **трън-ов-ъ, лѫк-ав-ъ, кръв-ав-ъ, велич-ав-ъ**), *-r- (**бъд-р-ъ, доб-р-ъ, хыт-р-ъ, мок-р-ъ, ръд-р-ъ** — «красный» и др.; после свистящих — **-тр-: ос-тр-ъ, пес-тр-ъ** — ср. § 71), *-l- (**гни-л-ъ, кыс-л-ъ, теп-л-ъ** или **топ-л-ъ, крѫг-л-ъ, ми-л-ъ, цѣ-л-ъ**; ср. с усложнением: **ве-с-ел-ъ, свѣт-ьл-ъ**), *-n- (**пль-н-ъ** — «полный», **тѣс-н-ъ, чръ-н-ъ, сла-н-ъ** — «соленый», **желѣз-н-ъ**; с усложнением суффикса при образовании прилагательных со значением «состоящий из материала, названного производящей основой»: **дрѣв-ѣн-ъ** — «деревянный», **кам-ѣн-ъ, мѣд-ѣн-ъ, кож-ан-ъ**), *-t- (**жлъ-т-ъ, свѧ-т-ъ, чис-т-ъ**), *-j- (**шюи** [ш'у-j-ь] — «левый», **тъштъ** — из *tъsk-j-ŏ-, **добль** — из *dob-j-ŏ-) и некоторые другие.

Некоторые из усложненных вариантов этих суффиксов продолжали сохранять продуктивность в период создания старославянских переводов.

§ 233. Суффиксы **-ив-**, **-лив-**. Широкое распространение в славянских языках получил суффикс **-īv-* для производства прилагательных от именных основ со значением «склонный к чему-либо»: **льст-ив-ъ**, русск. *льст-ив-ый* (от **льст-ь** — «обман»), **лъж-ив-ъ**, русск. *лж-ив-ый* (от **лъж-ь**), **милост-ив-ъ**, русск. *милост-ив-ый* (от **милост-ь**), **глад-ив-ъ** — «голодный» (от **глад-ъ** — «голод») и мн. др.

С суффиксом **-ив-** были распространены образования от существительных с суффиксом **-л-ь** или **-ьл-ь**, из которых был отвлечен суффикс прилагательных **-лив-** (или **-ьлив-**). Так, от **млъча-л-ь** («молчание») было образовано **млъча-л-ив-ъ-**, от **безоум-ьл-ь** («сумасшествие»)—**безоум-ьл-ив-ъ** («безумный, сумасшедший»). С образовавшимся суффиксом **-лив-** или **-ьлив-** произведено большое количество прилагательных от именных и глагольных основ — с тем же общим значением, что и с суффиксом **-ив-**: **трьпѣ-лив-ъ** (от **трьпѣ-ти**), **завид-ьлив-ъ** (от **завид-а** — «зависть»), **стоуд-ьлив-ъ** — «стыдливый» (от **стоуд-ъ** — «стыд»), **послуш-ьлив-ъ** (от **послоуш-ати**).

§ 234. Суффиксы **-ат-**, **-ит-**. Если индоевропейский суффикс **-t-* еще в праславянском языке утратил продуктивность (см. § 232), то производные от него суффиксы **-at-* и **-it-* сохраняли продуктивность в старославянском языке и дали ряд образований от именных основ со значением «в достатке снабженный тем, что указано в производящей основе».

-ат-: **брад-ат-ъ**, русск. *бород-ат-ый* (от **брад-а**), **бог-ат-ъ**, русск. *бог-ат-ый* (от **бог-ъ**), **жен-ат-ъ**, русск. *жен-ат-ый* (от **жен-а**), **рог-ат-ъ**, русск. *рог-ат-ый* (от **рог-ъ**) и др.;

-ит-: **маст-ит-ъ**, русск. *маст-ит-ый* (от **маст-ь** — «жир»), **имен-ит-ъ**, русск. *имен-ит-ый* (от **имѧ** < **imen*, род. п. **имен-е**), **сръд-ит-ъ**, русск. *серд-ит-ый* (от **сръд-ьц-е**), **ледов-ит-ъ**, русск. *ледов-ит-ый* (от **лед-ъ**, ср. **ледов-е**) и др.

Образования от основ на **ŭ*, где тематический гласный чередовался с дифтонгом **оu̯* > [ов] (**лед-ъ** — **лед-ов-е**), послужили источником для производства многочисленных прилагательных с суффиксом **-овит-** от существительных мужского рода (первоначально — с односложной основой и подвижным ударением), взаимодействовавших с основами на **ŭ* (см. § 158): **дом-овит-ъ** (от **дом-ъ**), **род-овит-ъ**, русск. *род-овит-ый* (от **род-ъ**), **плод-овит-ъ**, русск.

плод-овит-ый (от **плод-ъ**), **дар-овит-ъ**, русск. *дар-овит-ый* (от **дар-ъ**), **тржд-овит-ъ** — «болезненный, измученный» (от **тржд-ъ**) и т. п.

§ 235. Суффикс **-ьн-** или **-ьн'-**. Едва ли не самым продуктивным оказался в славянских языках суффикс *-ьн-* < **-ĭn-*, исторически — один из вариантов суффикса **-n-* (см. § 232). Он дает по существу неограниченное число образований от имен (и отчасти — от глаголов) со значением «относящийся к тому, что названо в производящей основе»: **вѣр-ьн-ъ**, русск. *вер-н-ый* (от **вѣр-а**), **вѣч-ьн-ъ**, русск. *веч-н-ый* (от **вѣк-ъ**), **длъж-ьн-ъ**, русск. *долж-н-ый, долж-ен* (от **длъг-ъ**), **грѣш-ьн-ъ**, русск. *греш-н-ый* (от **грѣх-ъ**) и др.

В некоторых образованиях к суффиксу **-ĭn-* присоединялся рано утративший продуктивность суффикс **-j-* (см. § 232): **-ĭn-j-* > > [-ьн'-]. Этот производный суффикс встречается в образованиях со значением пространственных или временных отношений: **ближ-ьн'-ь**, русск. *ближ-н-ий* (от **при-ближ-ити** — «приблизить»), **дал-ьн'-ь**, русск. *даль-н-ий* (от **дал-ь**), **гор-ьн'-ь** — «верхний»; см. у А. С. Пушкина как церковнославянизм в «Пророке»: ...*И* ***горний*** *ангелов полет* (от **гор-а**), **прѣд-ьн'-ь**, русск. *перед-н-ий* (от **прѣд-ъ**, русск. *перед*), **оутр-ьн'-ь** — «утренний» (от **оутр-о**) и др.

Суффикс **-ьн'-** мог также обозначать отношение к лицу: **братр-ьн'-ь** или **брат-ьн'-ь** — «братский» (от **братр-ъ** или **брат-ъ**), **от-ьн'-ь** — «отчий, отцовский» (от **от-ьць**).

§ 236. Суффиксы **-ок-, -ък-**. Образований прилагательных с индоевропейским суффиксом **-k-* в старославянском языке не сохранилось (но ср. существительные: **звж-к-ъ, зна-к-ъ** и др. — см. § 180). Зато производные от этого суффикса, отвлеченные из образований от старых основ на **ŏ* и **ŭ*, оказались очень продуктивными.

Ряд образований известен с суффиксом **-ок-** < **-ŏk-* со значением пространственной оценки: **глжб-ок-ъ**, русск. *глуб-ок-ий* (ср. **глжб-ина**), **вык-ок-ъ**, русск. *выс-ок-ий* (ср. **выс-ота**), **шир-ок-ъ**, русск. *шир-ок-ий* (ср. **шир-ина**) и др.; после мягкого согласного — **-ек-**: **дал-ек-ъ**, русск. *дал-ек-ий* (от **дал-ь**).

Многочисленны образования качественных прилагательных с суффиксом **-ък-** < **-ŭk-*: **слад-ък-ъ**, русск. церковнослав. *слад-к-ий*; **глад-ък-ъ**, русск. *глад-к-ий;* **жз-ък-ъ**, русск. *уз-к-ий;* **крѣп-ък-ъ**,

русск. *креп-к-ий;* **дрьз-ък-ъ,** русск. *дерз-к-ий* и мн. др. После мягких согласных на месте **ъ** находим **ь: тѧж-ьк-ъ,** русск. *тяж-к-ий;* **гор-ьк-ъ,** русск. *горь-к-ий;* **стоикъ** [стоj-ьк-ъ], русск. *стой-к-ий* и др. Во всех образованиях ощутимо значение «содержащий то, что названо производящей основой».

§ 237. Суффикс **-ьск-** служил для образования относительных прилагательных, производных от существительных и указывавших на отношение к группе, виду: **дѣт-ьск-ъ,** русск. *дет-ск-ий;* **жен-ьск-ъ,** русск. *жен-ск-ий;* **чловѣч-ьск-ъ,** русск. церковнослав. *человеч-еск-ий;* **пророч-ьск-ъ,** русск. церковнослав. *пророч-еск-ий;* **мѫж-ьск-ъ,** русск. *муж-ск-ой;* **словѣн-ьск-ъ,** русск. *славян-ск-ий;* **грьч-ьск-ъ,** русск. церковнослав. *греч-еск-ий* и мн. др.

Этот суффикс мог также указывать на отношение к местонахождению: **небес-ьск-ъ** — «небесный», **пол-ьск-ъ** — «полевой», **мор-ьск-ъ,** русск. *мор-ск-ой* и т. д.; сюда же относятся и многочисленные образования от собственных названий мест: **галилеискъı** [гал'ил'еj-ьск-ы] — «галилейский», **назарет-ьск-ъı** — «назаретский» **гора елеон-ьск-а** — «Елеонская» и т. д.

§ 238. Распространены в старославянском языке сложные прилагательные. Но их образование не имеет специфики по сравнению с образованием сложных существительных, которые нередко могли выступать в значении прилагательных (см. § 196). Многие же сложные прилагательные были образованы обычным суффиксальным способом от сложных существительных: **лицемѣр-ьн-ъ,** русск. церковнослав. *лице-мер-н-ый* (от **лицемѣр-ъ** с суффиксом **-ьн-**), **благодат-ьн-ъ,** русск. церковнослав. *благо-дат-н-ый* (от **благодат-ь** с тем же суффиксом), **чѧдолюб-ив-ъ,** русск. церковнослав. *чадо-люб-ив-ый* (от **чѧдолюб-ъ** или **чѧдолюб-ьць** с суффиксом **-ив-**) и т. д.

Суффиксы притяжательных прилагательных

§ 239. Суффиксы притяжательных прилагательных немногочисленны. Исторически это те же суффиксы, которые служили некогда для образования относительных прилагательных. Некоторые из них как средство образования относительных прилагательных очень рано утратили продуктивность, но продолжали использоваться как суффиксы притяжательных прилагательных.

§ 240. Суффикс **-j-*, рано утративший продуктивность как средство образования качественных и относительных прилагательных (см. § 232), обнаруживается во многих прилагательных со значением принадлежности; он мог присоединяться непосредственно к корню или суффиксу имени существительного (но не к тематическому гласному): **чловѣчь** («человечий, принадлежащий человеку»)—от **чловѣкъ** (**čl̆ověk-j-* > **чловѣч-** — [ч'] < **kj*), **пророчь** («пророков, принадлежащий пророку»), **кънажь** («княжий»), **отьчь** («отцов»), **говяждь** («говяжий, принадлежащий скоту»; от **говяд-о** — «рогатый скот»; из **gŏvęd-j-*, где **dj* > [ж'д']), **овьчь** («овечий»; от **овьц-а**), **осьль** («ослиный, принадлежащий ослу»; от **осьл-ъ**). Известны новые образования притяжательных прилагательных, в которых смягченный согласный в конце основы аналогического происхождения — по образцу праславянских образований: **симон'ь** — «симонов» (от **симон-ъ**), **паул'ь** — «павлов» (от **паул-ъ**), **авраамл'ь** — «авраамов» (от **авраам-ъ** — с конечным [мл'] в основе прилагательного, как из **mj*), **иаковл'ь** — «яковлев» (от **иаков-ъ** с [вл'], как из **vj*) и ряд др.

Суффиксу **-j-* мог предшествовать **ĭ* > **ь*; в этом случае **-ьj-* > [-йj-]. Прилагательные с суффиксом [-йj-] нередко употреблялись параллельно с образованиями на **j* и с более широким значением: не только «принадлежащий кому-либо», но и «свойственный кому-либо». Так, **рабии** [раб˙-йj-ь] (от **раб-ъ**) имело два значения: «принадлежащий рабу» и «рабский, свойственный рабам»; точно так же: **божии** [бож'-йj-ь] (от **бог-ъ**) — «принадлежащий богу» и «свойственный богу», **вражии** [враж'-йj-ь] (от **враг-ъ**), **пьсии** [п˙ьс˙-йj-ь] — «собачий» (от **пьс-ь** — «пес, собака»), **овьчии** [ов˙ьч'-йj-ь] (наряду с **овьчь**) — «овечий», **курии** [кур˙-йj-ь] — «куриный» (от **кур-ъ** — «петух»). В большинстве случаев образования на **-ии** являлись производными от названий животных.

§ 241. Суффикс **-ов-** (**-ев-**). Из основ на **ŭ* был отвлечен суффикс **-ов-** (ср. **сын-ов-ъ**, **вол-ов-ъ**, где **-ов-** представляло древнюю основу на ступени чередования **ŭ*||**ou̯*). Этот суффикс развил почти неограниченную продуктивность, участвуя в образовании притяжательных прилагательных от существительных мужского рода с основами на **ŏ*, **jŏ* (в образованиях от основ на **jŏ* в соответствии с **-ов-** выступает вариант **-ев-**): **льв-ов-ъ** («принадлежащий льву»), **жених-ов-ъ** («принадлежащий жениху»), **адам-ов-ъ**

(«принадлежащий Адаму»), **исоус-ов-ъ** («принадлежащий Иисусу»), **издраил'-ев-ъ** (от имени **издраил'ь** или **израил'ь**), **кесар'-ев-ъ** (от **кесар'-ь** — «римский император»). Любопытно, что от заимствованных имен на **-ѣи** (или **-еи**) прилагательные обычно образовывались с суффиксом **-ов-** (а не **-ев-**): **архиерѣ-ов-ъ** (от **архиерѣи** — «старший священнослужитель»), **аньдрѣ-ов-ъ** (от **аньдрѣи**), **фарисѣ-ов-ъ** (от **фарисѣи**).

Как правило, с суффиксом **-ов-** (**-ев-**) образовывались притяжательные прилагательные от названий лиц; со временем они стали вытеснять образования на *j от имен собственных мужского рода: вместо **авраамл'ь** в Мариинском, Зографском евангелии и других памятниках появляется **авраамовъ**, вместо **симон'ь** — **симоновъ**, вместо **ıаковл'ь** — **ıаковъ** и т. д.

§ 242. Суффикс **-ин-**, являвшийся одним из вариантов древнего индоевропейского суффикса *-*n*- (см. § 232), регулярно использовался для образования притяжательных прилагательных от существительных женского и мужского родов на *$\bar{a}$ (*$j\bar{a}$) и *$\breve{i}$: **мари-ин-ъ** (от **мариıа**), **богородич-ин-ъ** (от **богородиц-а**), **лоуч-ин-ъ** (от **лоук-а**; [ч'] < *k по первому смягчению задненёбных), **ион-ин-ъ** (от **ион-а**) и др.; от основ на *$\breve{i}$: **голѫб-ин-ъ** — «принадлежащий голубю» (от **голѫб-ь**), **тат-ин-ъ** — «принадлежащий вору» (от **тат-ь**), **гост-ин-ъ** (от **гост-ь**) и т. д.

От собственных имен мужского рода на **-а** было возможно параллельное образование притяжательных прилагательных на **-ин-** и на **-ов-** (**-ев-**): **июд-ин-ъ** и **июд-ов-ъ** (от имени **июд-а** — «Иуда»).

Дополнительная литература к § 228—242

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 87, 134.
А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, § 377, 380, 389—393, 395, 400, 411—412, 421 (стр. 276—297)

СЛОВА, ОБОЗНАЧАВШИЕ ЧИСЛА

§ 243. Ко времени появления первых славянских переводов славяне уже имели понятие абстрактного числа; но слова, обозначавшие числа, еще не составляли особой части речи и в грамматическом отношении ничем не отличались от имен и местоимений: одни из них можно назвать счетными прилагательными, другие — счетными существительными.

Названий чисел в старославянском языке было немного. Специальные, устойчивые наименования существовали лишь для чисел 1—10, 100 и 1000, т. е. всего 12 слов. Остальные числа (11, 12, 13 и т. д., 21, 22, 23 и т. д., 101, 102, 103 и т. д.) обозначались комбинациями этих двенадцати слов.

Существовали также слова для обозначения 10 000 — **тъма** или **несъвѣда** (последнее буквально означало «неясность, непонятность»). Эти же слова имели еще и значение бесчисленного множества вообще; с таким же значением иногда встречается в старославянских памятниках (например, в Зогр. ев., Супр. рук.) греческое заимствование **леѓеонъ** (или **лег'еонъ**)[1].

§ 244. Счетными прилагательными в старославянском языке были названия чисел 1, 2, 3 и 4, которые выступали в предложении в роли определений, согласуясь с определяемым существительным в роде, числе и падеже.

Название числа 1 — **ѥдинъ (ѥдина, ѥдино)** или **ѥдьнъ (ѥдьна, ѥдьно)** склонялось по местоименному склонению (по типу **тъ, та, то** — см. стр. 215). Указывая на один предмет, это слово в числовом значении употреблялось только в форме единственного числа, точнее — только при существительном в форме единственного числа: **ѥдинъ рабъ, ѥдиноѩ женꙑ, ѥдиномоу селоу** и т. д. (как **тъ рабъ, тоѩ женꙑ, томоу селоу**). Это же слово могло иметь и значение «некий, некоторый»: **чл҃вкъ единъ сътвори вечерѭ велиѭ** [= «*Некий* человек устроил большой пир»] (Мар. ев., *Л.*, XIV); ср. русск.: ***Один*** *мой знакомый сказал...* В таком значении **ѥдинъ** могло иметь формы двойственного и множественного чисел: **и се едини отъ кънижъникъ рѣшѧ вь себѣ (ѥдин-и,** как **т-и)** [= «И вот *некоторые* из книжников подумали...»] (Мар. ев., *Мт.*, IX); **сею ѥдиною дъвою ст҃оую (ѥдин-ою,** как **т-ою)** [= «этих *неких* двух святых»] (Супр. рук.) — значение «некий» здесь подчеркивается наличием указания на число 2 (а не 1!); **изъ ѥдинѣхъ оустъ** (как **изъ тѣхъ**) [= «из *неких* уст»] (там же).

Название числа 2 также склонялось по местоименному склонению (т. е. тоже по типу **тъ**). Поскольку существительное имело при себе указание на это число лишь в том случае, когда обозна-

---

[1] Подробная характеристика старославянской системы числовых обозначений дана в книге: А. Е. Супрун. Старославянские числительные. Фрунзе, 1961.

чало два предмета, следовательно, употреблялось в формах двойственного числа, то *и название числа 2, согласуясь с существительным, имело только формы двойственного числа*. В местоименном склонении родовые формы в двойственном числе, как известно, были только в именительно-винительном падеже (см. § 210 и табл. на стр. 215), причем одна форма — для мужского рода (**та**), другая — для среднего и женского родов (**тѣ**). Так же и у названия числа 2: **дъва чловѣка** (как **та чловѣка**), **дъвѣ селѣ, женѣ** (как **тѣ селѣ, женѣ**). Другое название того же числа (с оттенком собирательности) — **оба** (**чловѣка**), **обѣ** (**селѣ, женѣ**). В косвенных падежах формы были общими для всех трех родов: **дъвою, обою; дъвѣма, обѣма.**

Согласовывались с определяемым существительным и названия чисел 3 и 4. Так как они употреблялись лишь в том случае, если существительное обозначало более двух предметов, то, естественно, существительное имело при себе названия 3-х и 4-х только тогда, когда употреблялось в форме множественного числа. *Согласуясь с определяемым существительным, названия чисел 3 и 4 употреблялись также только в формах множественного числа*. При этом название 3-х имело падежные окончания по типу именных основ на *ĭ (см. § 153), различая в именительном падеже родовые формы: **триѥ** — для мужского рода (ср. **гостиѥ**), **три** — для женского и среднего рода (ср. **кости**). Название 4-х имело падежные окончания по типу основ на согласные (см. § 160), также различая в именительном падеже родовые формы: **четыре** для мужского рода (ср. **камене**) и **четыри** — для женского и среднего рода (ср. **матери**). В косвенных падежах окончания были общими для трех родов и, кроме родительного падежа, общими для обоих слов:

Им. п.	**триѥ четыре** — **три**	**четыри**
Вин. п.	**три**	**четыри**
Род. п.	**трии**	**четыръ**
Дат. п.	**трьмъ**	**четырьмъ** и т. д. (см. стр. 174 и 181).

§ 245. *Все остальные названия чисел были счетными существительными*, т. е. характеризовались теми же грамматическими категориями, что и существительные, так же склонялись и характеризовались теми же синтаксическими связями.

Названия чисел 5—9 были существительными *женского*

рода и склонялись по типу основ на *ĭ (как **кость** — см. § 153), т. е. именительный-винительный падеж **пѧть, шесть, седмь** («семь»), **осмь** («восемь»), **девѧть**; родительный, дательный и местный падежи **пѧти, шести** и т. д.; творительный падеж **пѧтиѭ, шестиѭ** и т. д. (или **пѧтьѭ, шестьѭ** и т. д.). Все эти слова употреблялись в форме единственного числа и управляли родительным падежом множественного числа существительных. Например: **се дрѹгѫѭ пѧть талантъ приобрѣтохъ** [= «Вот (я) приобрел другие пять монет»] (Остр. ев., *Мт.*, XXV) — **пѧть** выступает как имя женского рода (см. определение **дрѹгѫѭ**), а существительное при нем употреблено в родительном падеже множественного числа (ср. в русском языке то же управление существительных: *стадо* ***коров***, *группа* ***учеников***); **приемъ седмь тѫ хлѣбъ** [= «Приняв те семь хлебов»] (Зогр. ев., *Мр.*, VIII) — **седмь** характеризуется как имя женского рода (**тѫ**) и управляет родительным падежом множественного числа (**хлѣбъ**); **надъ десѧтьѭ градъ** (Мар. ев., *Л.*, XIX) — **десѧть** управляет родительным падежом множественного числа (**градъ**; но ср. русск.: *над десятью* ***городами***).

Название 10-ти **десѧть** было существительным, первоначально склонявшимся по типу основ на согласные [как **кам(ень)** — см. § 160]. Однако со временем формы этого слова испытали влияние со стороны слов **пѧть... девѧть**, что и отразилось в старославянских памятниках в виде колебаний падежных окончаний слова **десѧть** в единственном числе и в переходе его из мужского рода в женский. Являясь названием узлового числа десятичной системы счисления, употреблявшейся у славян, слово **десѧть** имело не только формы единственного числа, но также формы двойственного и множественного чисел:

Падеж \ Число	Единственное	Двойственное	Множественное
Им.	**десѧть**	**десѧти (-те)**	**десѧте, -ти**
Вин.	**десѧть**	как им. п.	**десѧти**
Род.	**десѧте, -ти**	(**десѧтоѹ**)	**десѧтъ**
Дат.	**десѧти**	**десѧтьма**	**десѧтьмъ**
Твор.	**десѧтиѭ, -ьѭ**	как дат. п.	**десѧты**
Местн.	**десѧте, -ти**	как род. п.	**десѧтьхъ**

Название числа 100 **съто** было именем среднего рода с основой на *$\breve{o}$*, следовательно, склонялось по типу **село** (см. § 149—150), принимая формы единственного, двойственного и множественного числа.

Слово **тысѧшти** (иногда **тысѫшти**) было существительным женского рода с основой на *$^*j\bar{a}$*, следовательно, склонялось по типу **ноши** (см. § 145).

§ 246. Названия чисел второго десятка осуществлялись посредством указания на единицу, прибавленную к десяти: **кдинъ на десѧте** (т. е. «11»), **пѧть на десѧте** (т. е. «15»). При употреблении таких образований с существительными формы существительных сочетались с названиями единиц: **кдинъ на десѧте чловѣкъ** (существительное в ед. ч., так как сочетается с **кдинъ**), **дъва на десѧте чловѣка** (существительное сочетается с **дъва**, поэтому в дв. ч.), **четыре на десѧте чловѣци** (существительное во множественном числе, так как сочетается с **четыре**), **осмь на десѧте чловѣкъ** (существительное в род. п. мн. ч., так как им управляет **осмь** и т. д.) (ср. те же отношения в русском языке при составных числительных: *двадцать один* ***человек*** — ед. ч.; *двадцать три* ***человека*** — род. п. ед. ч., как при *три; двадцать восемь* ***человек*** — род. п. мн. ч., как при *восемь*).

Названия десятков образовывались сочетанием, указывавшим на количество десятков, при этом **десѧть** употреблялось в той форме, в какой обычно употреблялось существительное при соответствующем названии единиц: **три десѧти** — «30» (название 10-ти в им. п. мн. ч., как **три матери**), **шесть десѧтъ** (название 10-ти в род. п. мн. ч., как **шесть матеръ**) и т. д. Так же образовывались и названия сотен: **три съта** (**съта** — им. п. мн. ч., как **три села**), **шесть сътъ** (**сътъ** — род. п. мн. ч., как **шесть селъ**).

При склонении изменялись оба слова, составлявших названия десятков или сотен, если они были согласованы: **трии десѧтъ, трьмъ десѧтьмъ** и т. д., **трии сътъ, трьмъ сътомъ** и т. д.; если же название единиц управляло названием десятка или сотни, то склонялось лишь указание на число десятков или сотен: **шести десѧтъ, шестиѭ десѧтъ** и т. д., **шести сътъ, шестиѭ сътъ** и т. д.

Числа, включающие десятки (или сотни) и единицы, передавались сочинительными сочетаниями названий десятков (или сотен)

и единиц с союзами **и** или **ти**: **четыри десяте и пять** («45») или **четыри десяте ти пять** (то же).

§ 247. Числа первого десятка в старославянском языке могли обозначаться так называемыми собирательными числительными **дъвои, трои, четверъ** (или **четворъ**), **пятеръ** (или **пяторъ**) и т. д.— до **десятеръ** (или **десяторъ**). Склонялись они так же, как неличные местоимения: **дъвоего, дъвоемоу** и т. д.

Слова, обозначавшие порядок предметов при счете (т. е. те, что в современных школьных грамматиках именуются порядковыми числительными), в старославянском языке ничем не отличались от относительных прилагательных, в частности, согласовывались с существительными и могли иметь именную и членную форму: **пръвъ** (**пръва, пръво**) и **пръвъи** (обычно со стяжением **пръвы, пръваа, пръвое**), **въторъ** (**-а, -о**) и **въторъи** (**-аа, -ое**), **третии** (**-иа, -ие**), **четвёрътъ** (**-а, -о**) и **четврътъи** (**-аа, -ое**), **пятъ** (**-а, -о**) и **пятъи** (**-аа, -ое**) и т. д.

Дополнительная литература к § 243—247

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 101—109.

ГЛАГОЛ

ОСНОВНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА

§ 248. Основные категории славянского глагола — вид, время, наклонение, залог; спрягаемые формы глагола могут также характеризоваться формами лица и числа. Эти грамматические категории характеризовали и старославянский глагол; кроме того, в старославянском языке еще достаточно ясно ощущается категория определенности — неопределенности действия, связанная с категорией вида.

§ 249. Категория вида указывает на границы протекания действия во времени; значение вида выражается глагольной основой. Глагольные основы несовершенного вида обозначают действие (или состояние) как таковое, без указания на временные границы его осуществления: **творити, пѣти**

(ср. русск. *делать*, *петь*). Глагольные основы совершенного вида указывают не столько на действие (или состояние), сколько на его временны́е границы — конец или начало: **сътворити** (ср. русск. *сделать* — «закончить работу»), **запѣти** (ср. русск. *запеть* — «начать петь»).

Категория определенности — неопределенности в старославянском языке — это отражение разрушившейся индоевропейской системы[1]. Эта категория также выражалась глагольной основой и характеризовала не все глаголы. Одним из ее частных случаев было значение направленности, характеризовавшее глаголы движения и означавшее, что действие совершается в определенном направлении, в то время как неопределенность («ненаправленность») означала действие, не направленное к определенной цели, в частности — способность к совершению действия.

Например, определенные, или направленные, глаголы: **летѣти, вести, нести, ити** и т. д.; неопределенные: **лѣтати, водити, носити, ходити** и т. д. (ср. сохранение значения направленности — ненаправленности у русских глаголов движения: *Я сейчас* ***иду*** *домой;* но: *Он часто* ***ходит*** *в театр;* в частности, способность к совершению действия: *Ребенок уже* ***ходит***).

Другой разновидностью категории определенности было значение «принудительности», т. е. указание на то, что субъект заставляет выполнять действие или принять соответствующее состояние, а не испытывает его сам: **(по)ложити, ставити, свѣтити** и т. д. — в отличие от **лежати, стояти, свьтѣти(сѧ)** и т. д. (ср. в русск. языке: *класть книгу*, *ставить стул* и под. — т. е. «заставить лежать, стоять»; но ср.: *лежать*, *стоять* самому).

К этой же группе грамматических значений относится и значение многократности действия, обнаруживающееся в ряде

[1] Многие исследователи полагают, что взаимодействие категории определенности — неопределенности с категорией времени и привело в славянских языках к оформлению категории совершенного — несовершенного вида, охватившей все глагольные основы. Обзор соответствующей литературы см. в статье: В. В. Бородич. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках. «Вопросы языкознания», 1953, № 6.

старославянских глаголов. Так, наряду с глаголами **просити, родити** и т. д. были глаголы также несовершенного вида **прашати, раждати,** обозначавшие то же действие, но неоднократно повторенное (ср. в русском языке нечто подобное, но всегда со значением давнопрошедшего времени: *хаживал, писывал, нашивал*).

§ 250. Категория времени характеризует время протекания действия (или состояния) по отношению к моменту речи (абсолютное время) или по отношению к какому-то другому моменту, принятому за исходный (относительное время)[1]. Значение времени выражалось специальными формообразующими суффиксами (или аналитически — с помощью вспомогательных глаголов) и окончаниями.

§ 251. Категория наклонения характеризует названное глаголом действие с точки зрения его отношения к действительности: является действие (или состояние) реальным (изъявительное наклонение) или возможным или желательным (сослагательное наклонение), или речь идет лишь о побуждении к совершению действия (повелительное наклонение); последние два наклонения противопоставляются изъявительному как ирреальные. В старославянском языке значение наклонения выражалось теми же средствами, что и значение времени; при этом специфическими грамматическими показателями характеризовались лишь ирреальные наклонения (показателями изъявительного наклонения служили формы времен).

§ 252. Категория залога характеризует взаимоотношения субъекта и объекта в процессе совершения действия, она оформляется синтаксически — сочетаниями глагола и управляемых слов, а также специальными аффиксами. Если действие направлено на объект, название которого является грамматическим дополнением, то принято говорить о действительном залоге, вы-

---

[1] В русском языке относительное время свойственно деепричастиям; ср.: *рассказывал горячась и жестикулируя* — деепричастия настоящего времени *горячась* и *жестикулируя* указывают на действия, совпадающие с моментом совершения основного действия, выраженного глаголом прошедшего времени *рассказывал*.

ражаемом переходными глаголами (ср. русск.: *Рабочие строят **дом***). Если название объекта действия является предметом сообщения, т. е. грамматическим подлежащим, то говорят о страдательном залоге, выражаемом возвратным глаголом или страдательным причастием (ср. русск.: ***Дом** строится* или *построен рабочими*). Если же субъект одновременно является и объектом действия, то говорят о средне-возвратном залоге, выражаемом возвратным глаголом (ср. русск.: ***Он** строится*, т. е. «обзаводится домом, хозяйством»); в старославянском языке средне-возвратное залоговое значение указывалось возвратным местоимением **сѧ**.

§ 253. Категории лица и числа выражаются личными окончаниями времен или наклонений и указывают на действующее лицо (или лица) или предмет (или предметы), которым приписывается действие (или состояние): на говорящего или говорящих (1-е л. ед., мн. ч., а в старославянском языке также и дв. ч.), на собеседника или собеседников (2-е л. ед., мн. или дв. ч.), на тех, о ком (или о чем) идет речь (3-е л. ед., мн. или дв. ч.).

Кроме того, в старославянском языке аналитические глагольные формы, включавшие в свой состав причастия, согласуясь с подлежащим, могли также иметь родовые формы (ср. в русском языке отражение этих форм в образованиях прошедшего времени: *писал*, *писал-а*, *писал-о*).

ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Две основы глагола

§ 254. Все глагольные формы, объединяемые общностью лексического значения, а также одного видового значения, одного значения направленности, залога, одинаковой сочетаемостью с другими словами в предложении, образуются от одной из двух глагольных основ, одну из которых принято называть основой инфинитива, другую — основой настоящего времени.

У большинства глаголов основа инфинитива и основа настоящего времени не совпадают: **зъва-ти** — основа инфинитива **зъва-** и **зов-жтъ** — основа настоящего времени **зов-**; **видѣ-ти** — основа инфинитива **видѣ-** и **вид-ѧть** — основа настоящего времени **вид-**

(ср. в русском языке: основа инфинитива *зва-ть*, *виде-ть* — основа настоящего времени *зов-ут*, *вид-ят*).

§ 255. В старославянском языке основа инфинитива служила базой для производства форм прошедших времен — аориста и имперфекта, для образования двух действительных причастий прошедшего времени, страдательного причастия прошедшего времени, а также инфинитива и супина. Например, от основы **видѣ-** образован аорист **видѣ-хъ**, имперфект **видѣ-ахъ**, причастия **видѣ-въ (ши)**, **видѣ-лъ**, **видѣ-нъ**, инфинитив **видѣ-ти** и супин **видѣ-тъ** (ср. русск.: *увиде-л*, *увиде-вший*, *увиде-в (ши)*, *увиде-нный*, *увиде-ть*)[1].

Основу инфинитива удобнее всего определять по инфинитивному образованию — она здесь предшествует суффиксу **-ти**: **зъва-ти**, **видѣ-ти**, **ходи-ти**, **съхнж-ти**; но ср. корневые основы **плести** < **plet-ti*, следовательно, основа инфинитива **плет-** [ср. образования от этой основы: **плет-ъ (ши)**, русск. *(с) плет-ший*, **плет-енъ**, русск. *(с)плет-енный*]; **вести** < **ved-ti*, следовательно, основа инфинитива **вед-** [ср. **вед-ъ (ши)**, русск. *(при) ведший*, **вед-енъ**, русск. *(при) вед-енный*]; **пешти** < **pek-ti*, следовательно, основа инфинитива **пек-** [ср. образования от этой основы: **пек-лъ**, русск. *пек-ла*, **пек-ъ (ши)**, русск. *(ис) пек-ший*]; **мошти** < **mog-ti*, следовательно, основа инфинитива **мог-** [ср. **мог-лъ**, русск. *мог-ла*, **мог-ъ (ши)**, русск. *(изне) мог-ший*].

§ 256. Основа настоящего времени служила базой для производства форм настоящего времени, действительного и страдательного причастий настоящего времени и повелительного наклонения. Например, от основы **вид-** образовано настоящее время **вид-ѧтъ**, причастия **вид-ѧ (шти)** и **вид-имъ**, повелительное наклонение **вид-ите** [ср. русск.: *вид-ят*, *вид-ящий*, *вид-я*, *вид-имый*, *(у) вид'-те*].

Основа настоящего времени хорошо обнаруживается в форме 3-го лица множественного числа настоящего времени: **зов-жтъ**, **рек-жтъ**, **вид-ѧтъ**, **ход-ѧтъ**, **пиш-жтъ**, **двигн-жтъ** и т. д. [ср. русск. *зов-ут*, *(из) рек-ут*, *вид-ят*, *ход-ят*, *пиш-ут*, *двин-ут*].

---

[1] В индоевропейскую эпоху глагольных основ было больше, чем две. Однако в славянских языках некоторые из них для подавляющего большинства глаголов были обобщены, в частности, совпала с основой инфинитива основа, служившая базой для образования форм прошедшего времени, которая обнаруживается лишь у отдельных глаголов.

§ 257. У подавляющего большинства глаголов личные окончания настоящего времени присоединялись к основе настоящего времени с помощью тематических гласных [-е-] (чередовавшегося с *ŏ) или [-и-]. Такие глаголы принято называть тематическими.

Глаголы, основа настоящего времени которых соединялась с личными окончаниями настоящего времени при помощи тематического гласного [-е-], принято называть глаголами I спряжения. Например: **бер-е-ши, бер-е-тъ, бер-е-мъ** и т. д. (русск. *бер-е-шь*, *бер-е-т*, *бер-е-м*), где **-ши, -тъ, -мъ** — личные окончания, а **-е-** — тематический гласный.

Глаголы, основа настоящего времени которых соединялась с личными окончаниями настоящего времени при помощи тематического гласного [-и-], принято называть глаголами II спряжения. Например: **ход-и-ши, ход-и-тъ, ход-и-мъ** и т. д. (русск. *ход-и-шь*, *ход-и-т*, *ход-и-м*), где **-ши, -тъ, -мъ** — личные окончания (ср. те же окончания у глаголов I спряжения: **бер-е-ши** и т. д.), а **-и-** — тематический гласный.

Таким образом, основа настоящего времени — это то, что предшествует тематическому гласному в личных формах настоящего (или простого будущего) времени.

Небольшая группа глаголов в старославянском языке не имела тематических гласных: личные окончания настоящего времени таких глаголов присоединялись непосредственно к основе настоящего времени. Такие глаголы принято называть нетематическими. Например, такие формы, как **дастъ, дамъ** («мы дадим») и др., состояли из основы настоящего времени **dad-* (ср. русск. *дад-им*, *дад-ите*) и тех же личных окончаний, что и у тематических глаголов: **-тъ, -мъ** (ср. **бер-е-тъ, бер-е-мъ**); следовательно, здесь **дастъ** < **dad-tъ* (где [ст] < **dt* в результате диссимиляции — см. § 135), **дамъ** < **dad-mъ* (где [м] < **dm* в результате упрощения — см. § 136). То же в формах **ꙗстъ** («он ест»), **ꙗмъ** («мы едим») и т. д.; **вѣстъ** («он знает»), **вѣмъ** («мы знаем») и т. д.

Типы глагольных основ

§ 258. Особенности образования той или иной конкретной глагольной формы определяются типом соответствующей формо-

образующей глагольной основы, которая может оканчиваться на гласный или на согласный, корневой или суффиксальный.

§ 259. Типы основ инфинитива в старославянском языке можно выделять в зависимости от того, корнем или суффиксом оканчивалась основа.

I тип. Основа инфинитива оканчивалась корневым согласным: **нес-ти, вес-ти** < *ved-ti*, **пеш-ти** < **pek-ti* и т. д.

II тип. Основа инфинитива оканчивалась корневым гласным: **мрѣ-ти, жѧ-ти, би-ти, мꙑ-ти** и т. д.

При образовании некоторых форм здесь следует различать два подтипа: 1) корневой гласный происходит из сочетания гласного с сонорным: **мрѣ-ти** < **mĕr-ti*, **жѧ-ти** < **žen-ti;* 2) корневой гласный происходит из дифтонга или старого долгого гласного: **би-ти** < < **bei̯-ti*, **мꙑ-ти** < **mū-ti*.

III тип. Основа инфинитива оканчивалась суффиксальным **-нѫ-** [-nǫ-]: **двиг-нѫ-ти, съх-нѫ-ти, (оу)съ-нѫ-ти** < **-sъp-nǫ-ti*, **ми-нѫ-ти, доу-нѫ-ти** и т. д.

При образоваании ряда форм здесь также важно различать два подтипа: 1) суффикс **-нѫ-** следует после корневого гласного: **ми-нѫ-ти, доу-нѫ-ти** и т. д.; 2) суффикс **-нѫ-** был присоединен к корневому согласному: **двиг-нѫ-ти, съх-нѫ-ти, (оу)съ-нѫ-ти** < **-sъp-nǫ-ti* (ср. **съп-ати**, русск. ***сп**-ать, за-**сып**-ать*), **вѧ-нѫ-ти** < < **vęd-nǫ-ti* (ср. **оу-вѧд-ати**, русск. *у-**вяд**-ший*) и т. д. Ряд форм глаголы второго подтипа образовывали без участия суффикса **-нѫ-** (ср. сохранившиеся в русском языке архаизмы *вы**сох** (ла)*, *вы**сох**ший* и т. д. — от глагола *(вы) **сохнуть**;* *(у) **вяд**ший* — от глагола *(у) **вянуть**;* церковнославянизм ***усоп**ший* — от глагола ***усн**уть* < **u-sъp-nǫ-ti* и т. п.).

IV тип. Основа инфинитива оканчивалась суффиксальным **-а-** [-a-] или **-ѣ-** [-ě-]: **бьр-а-ти, пьс-а-ти, вѣров-а-ти, праш-а-ти, слаб-ѣ-ти, лет-ѣ-ти** и др.

V тип. Основа инфинитива оканчивалась суффиксальным **-и-** [-и-]: **ход-и-ти, боуд-и-ти, прос-и-ти** и т. д.

§ 260. Типы основ настоящего времени выделяются в зависимости от тематического гласного и конечного согласного основы.

I тип. Глаголы I спряжения с основой настоящего времени на твердый корневой согласный: **нес-жтъ, вед-жтъ, пек-жтъ, мьр-жтъ, бер-жтъ** и т. п.

II тип. Глаголы I спряжения с основой настоящего времени на суффиксальный **-н-** [-н-]: **двиг-н-жтъ, съχ-н-жтъ, ми-н-жтъ, ста-н-жтъ, (оу)съ-н-жтъ** (из **-sъp-n-ǫtъ*, где **pn* > [н]) и др.

III тип. Глаголы I спряжения с основой настоящего времени на [*j*] (или исконносмягченный согласный, происшедший из сочетания корневого согласного с **j*): **бињжтъ** [б'йј-ǫтъ], **знаıжтъ** [знаj-ǫтъ], **даıжтъ** [даj-ǫтъ], **вѣроуıжтъ** [в'ěрyj-ǫтъ], **слабѣıжтъ** [слаб'ěj-ǫтъ], **пиш-жтъ** < **pisj-ǫtъ*, **вѧж-жтъ** < **vęzj-ǫtъ* и т. д.

IV тип. Все глаголы II спряжения: **лет-ѧтъ, χод-ѧтъ, стоıѧтъ** [стоj-ęтъ] и т. д.

V тип. Все нетематические глаголы: **ıесмь** (3-е л. ед. ч. **ıестъ** — «есть, имеется»), **дамь** — «я дам», **ıамь** — «я ем», **вѣмь** — «я знаю», **имамь** — «я имею», и производные приставочные образования от этих пяти глаголов.

СПРЯГАЕМЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Настоящее время

Тематические глаголы

§ 261. Формы настоящего времени в старославянском языке образовывались от основ настоящего времени как несовершенного, так и совершенного вида с помощью личных окончаний, присоединявшихся к основам настоящего времени I — III типов посредством тематического гласного [-е-] (некогда чередовавшегося с **ŏ*), а к основам IV типа — посредством тематического [-и-]. В 1-м лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа тематический гласный уже не обнаруживается (см. табл. на стр. 259).

§ 262. У глаголов I спряжения с основой настоящего времени I типа на задненёбный согласный перед тематическим гласным [е] (переднего ряда) происходило чередование [к]//[ч'], [г]//[ж']: **пек-ж — печ-е-ши, печ-е-тъ** и т. д., **рек-ж — реч-е-ши, реч-е-тъ** и т. д., **мог-ж — мож-е-ши, мож-е-тъ** и т. д.

У глаголов с основой III типа, таких, как **знаıетъ, прашаıетъ, истрѣгаıетъ**, в старославянском языке могла происходить утрата

Число, лицо	Окончания	Образцы спряжения (по типам основ настоящего времени)					
		I тип (вести, пешти)		II тип (двигнѫти)	III тип (пьсати, прашати)		IV тип (носити)
Ед. ч.							
1-е л.	*-ǫ*	вед-ѫ	пекѫ	двигнѫ	пишѫ	прашаѭ	нош'-ѫ
2-е л.	*-ши*	вед-е-ши	печеши	двигнеши	пишеши	прашаѥши	нос-и-ши
3-е л.	*-тъ*	вед-е-тъ	печетъ	двигнетъ	пишетъ	прашаѥтъ	нос-и-тъ
Дв. ч.							
1-е л.	*-вě*	вед-е-вѣ	печевѣ	двигневѣ	пишевѣ	прашаѥвѣ	нос-и-вѣ
2-е л.	*-та*	вед-е-та	печета	двигнета	пишета	прашаѥта	нос-и-та
3-е л.	*-те*	вед-е-те	печете	двигнете	пишете	прашаѥте	нос-и-те
Мн. ч.							
1-е л.	*-мъ*	вед-е-мъ	печемъ	двигнемъ	пишемъ	прашаѥмъ	нос-и-мъ
2-е л.	*-те*	вед-е-те	печете	двигнете	пишете	прашаѥте	нос-и-те
3-е л.	*-ǫтъ, -ęтъ*	вед-ѫтъ	пекѫтъ	двигнѫтъ	пишѫтъ	прашаѭтъ	нос-ѧтъ

интервокального [j] с последующей ассимиляцией тематического гласного предшествующему гласному основы: [знаj-етъ > знаетъ > > знаатъ], [праш'аjетъ > праш'аетъ > праш'аатъ], [истр̥гаjетъ > > истр̥гаетъ > истр̥гаатъ] и т. п., например, в Мариинском евангелии: **обрѣтаатъ** (вм. **обрѣтаетъ**), **отвръзаатъ** (вм. **отвръзаетъ**), **власвимлѣатъ** — «богохульствует» (вм. **власвимлѣетъ**), **прикасаатъ сѧ** (вм. **прикасаетъ сѧ**).

У глагололов II спряжения тематический гласный [и] в 1-м лице единственного числа еще в праславянском языке перед гласным окончания, как обычно, изменялся в *i̯ > *j (см. § 116) и соответствующим образом смягчал предшествующий корневой согласный. Поэтому в 1-м лице единственного числа глаголов II спряжения в корне всегда исконносмягченный согласный: **ношѫ** < **nosj-ǫ* (т. е. **nŏs-i-am* > **nŏsi̯ǫ* > **nosjǫ*), **хождѫ** < **hodjǫ* (ср. русск. *ходит — хожу*, где **dj* > [ж]), **вожѫ** < < **vozjǫ*, **люблѭ** < **ljubjǫ*, **коуплѭ** < *kupjǫ*, **ломлѭ** < **lomjǫ*, **гонѭ** < **gonjǫ* и т. д.

Нетематические глаголы

§ 263. Ко времени появления старославянских памятников формы нетематического спряжения в разной степени сохраняли лишь пять непроизводных глаголов:

Число, лицо	Окончания	Спряжение				
		бꙑти	**дати**	**ꙗсти**	**вѣдѣти**	**имѣти**
Ед. ч.						
1-е л.	*-мь*	**ѥсмь**	**дамь**	**ꙗмь**	**вѣмь**	**имамь**
2-е л.	*-си*	**ѥси**	**даси**	**ꙗси**	**вѣси**	**имаши (!)**
3-е л.	*-тъ*	**ѥстъ**	**дастъ**	**ꙗстъ**	**вѣстъ**	**иматъ**
Дв. ч.						
1-е л.	*-вѣ*	**ѥсвѣ**	**давѣ**	**ꙗвѣ**	**вѣвѣ**	**имавѣ**
2-е л.	*-та*	**ѥста**	**даста**	**ꙗста**	**вѣста**	**имата**
3-е л.	*-те*	**ѥсте**	**дасте**	**ꙗсте**	**вѣсте**	**имате**

Число, лицо	Окончание	Спряжение				
		быти	**дати**	**ꙗсти**	**вѣдѣти**	**имѣти**
Мн. ч.						
1-е л.	*-мъ*	**ѥсмъ**	**дамъ**	**ꙗмъ**	**вѣмъ**	**имамъ**
2-е л.	*-те*	**ѥсте**	**дасте**	**ꙗсте**	**вѣсте**	**имате**
3-е л.	*-ǫтъ, -ętъ*	**сѫтъ**	**дадѧтъ**	**ꙗдѧтъ**	**вѣдѧтъ**	**имѫтъ**

§ 264. Сопоставление личных форм нетематических глаголов с соответствующими формами тематических (см. образцы спряжения на стр. 259) позволяет заметить, что спряжение тех и других в большинстве случаев характеризовалось одними и теми же окончаниями, по-разному присоединявшимися к основам. Так, в 3-м лице единственного числа **ѥс-тъ, дас-тъ** < **dad-tъ* (где **dt* > [ст] в результате диссимиляции; ср. **дад-ѧтъ**) и т. д. — как и **вед-е-тъ, нос-и-тъ** — одно и то же окончание **-тъ** присоединено либо прямо к основе (**ѥс-тъ** и пр.), либо с помощью темы (**вед-е-тъ, нос-и-тъ**). Точно так же во всех формах двойственного числа и в 1-м и 2-м лицах множественного числа: **ѥс-вѣ** и **вед-е-вѣ, ѥс-та** и **вед-е-та, ѥс-те** и **вед-е-те, ѥс-мъ** и **вед-е-мъ** (**да-мъ, ꙗ-мъ** и **вѣ-мъ** — с упрощением **dm* > [м], т. е. из **dad-mъ*, **jĕd-mъ*, **vĕd-mъ*).

Своеобразны лишь окончания 1-го и 2-го лица единственного числа и отчасти 3-го лица множественного числа нетематического спряжения. У глагола **имѣти** особым было только окончание 1-го лица единственного числа (такое же, как у остальных нетематических глаголов).

Происхождение окончаний настоящего времени

§ 265. В 1-м лице единственного числа тематические глаголы в праславянском языке, видимо, имели окончание **-ăm*, происхождение которого остается неясным[1]. В праславянском языке **ăm* > **-ŏn* > [ǫ], поэтому **вед-ѫ** (из **vĕd-ăm*), **бер-ѫ** (из **bĕr-ăm*) и т. д.

Возможно, что носовой в 1-м лице тематического спряжения связан с окончанием нетематических глаголов, которые в старосла-

[1] В других индоевропейских языках окончание 1-го лица единственного числа восходит к **-ō*: греч. φέρω [fĕrō] — «несу», лат. *ferō* — «несу», гот. *baira* и т. д.

вянском языке сохраняли индоевропейскую флексию *-*mĭ* (ср. древнеинд. *ásmi*, греч. εἶμι [ĕi̯mi] — «иду» и т. д.); в славянских языках закономерно *-*mĭ* > [-м'ь]: **кс-мь, да-мь** (из **dad-mĭ*) и т. д.

В 3-м лице множественного числа I спряжения индоевропейское окончание *-*nti* (ср. греч. φέροντι [fĕrŏnti] — «несут», древнеинд. *bháranti*, лат. *ornant* — «украшают» и др.) присоединялось к тематическому *-*ŏ*-, т. е. *-*ŏ-nt* (*ĭ*); перед согласным **ŏn* > [ǫ]: **вед-жтъ** < **vĕd-ŏ-nt* (ъ), **бер-жтъ** < **bĕr-ŏ-nt* (ъ). У глаголов с основой III типа следовало бы ожидать в 3-м лице множественного числа *-**ѧтъ**, так как после **j* происходило изменение *'*ŏ* > *'*ĕ*, а, как известно, *-*ĕnt* (ъ) > [-ętъ]; но под влиянием основ I и II типов здесь также установилось [-ǫтъ]: **пишжтъ, прашаıжтъ** и т. п. У глаголов II спряжения тематический *-*i*- сливался с носовым гласным того же окончания, что и у глаголов I спряжения: *-*i-nt* (ъ) > [-ętъ], поэтому **нос-ѧтъ** < **nos-i-nt*(ъ), **ходѧтъ** < > **xod-i-nt* (ъ).

В 3-м лице множественного числа нетематических глаголов было **dad-nt* (ъ), **jĕd-nt* (ъ), **vĕd-nt* (ъ), так как древнее окончание *-*nti* присоединялось непосредственно к основе. В положении между согласными **n* стал слоговым, развил гласный **e*, вместе с которым и образовал носовой гласный: **dad-nt* (ъ) > **dadn̥t* (ъ) > **dadᵉn̥t* (ъ) > > **dadent* (ъ) > [дад'ętъ] **дадѧтъ**, аналогично **ıадѧтъ, вѣдѧтъ**. Что же касается **имжтъ**, то эта форма возникла под влиянием тематического спряжения (**веджтъ**). Форма **сжтъ** (с основой [с-] — без начального [je], характеризовавшего все остальные формы настоящего времени этого глагола) происходит из *(*je*) *s-ont* (ъ) > > [сǫтъ].

§ 266. Индоевропейское окончание 2-го лица единственного числа *-*sĭ* у глаголов II спряжения должно было дать [-ш'ь] (после тематического **ĭ* свистящий **s* > **x* — см. § 113; перед последующим гласным переднего ряда **x* > [ш']; **ĭ* > [ь]); по аналогии [ш'] могло распространиться на глаголы I спряжения. Окончание [-ш'ь] было известно славянским диалектам, в частности восточнославянским (ср. русск. *ходишь, несешь*). Однако старославянскому языку было свойственно окончание [-ш'и], где конечный [и] мог появиться под влиянием нетематических глаголов: **кси, даси** и т. д. Предполагают, что в нетематическом спряжении [-с'и] происходит из индоевропейского окончания 2-го лица един-

ственного числа медиального (средневозвратного) спряжения *-sai; дифтонг *ai > [и] в конце слова.

В 3-м лице единственного и множественного числа старославянские памятники отражают трудно объяснимое окончание **-тъ**. В индоевропейском праязыке предполагается окончание *-tĭ — в единственном числе, *-ntĭ — во множественном числе (ср. в ед. ч. греч. ἐστι [ésti] — «есть», древнеинд. *bhárati* — «несет»; во мн. ч. греч. φέροντι [férŏnti], древнеинд. *bháranti* — «несут»). В праславянском языке эти окончания должны были дать *-tь и *-ǫtь или *-ętь — с *ь в конце. Такие окончания известны многим славянским языкам, в частности восточнославянским (ср. южнорусск., украинск. и белорусск. *береть, ходить; беруть, ходять*). Однако старославянские памятники последовательно отражают **-тъ** — с **ъ**, а не **ь**[1]. В поздних текстах на месте сильного редуцированного (например, перед местоимением **сь**) в этих окончаниях находим [о]: **можето сь** [«может он (этот)»] — из **можетъ-сь** (Мар. ев., *Ин.*, VI), **лежито сь** [«лежит он (этот)»] — из **лежитъ-сь** (Ассем. ев., *Л.*, II) и т. п.; а перед [и] в этих окончаниях оказывается [ы̆] < [ъ]: **славитъι и** [«славит его»] — из **славитъ-и** (Мар. ев., *Ин.*, XIII); и [о], и [ы̆] в указанных фонетических условиях могли развиться только на месте [ъ], но не [ь]. Причина появления [ъ] в окончаниях 3-го лица не имеет удовлетворительного объяснения.

Изредка в старославянских памятниках XI в. встречаются формы 3-го лица без **-т(ъ)**: **є** — вместо **єстъ**, **бѫдє** — вместо — **бѫдєтъ**, **можє** — вместо **можєтъ**, **сѧдє** — вместо **сѧдєтъ** и т. д.; во множественном числе **вѣроуѭ** — вместо **вѣроуѭтъ**. Такие формы известны и другим славянским языкам; однако остается не ясным, являются ли они достаточно старыми. Если бы удалось установить, что формы 3-го лица без *-t- были обычными в праславянском языке, тогда можно было бы принять предположение о происхождении [-тъ] из указательного местоимения **тъ**[2] (т. е. **бѫдєтъ** —

---

[1] Впрочем, в памятниках, созданных не на южнославянской территории, например в Остромировом евангелии, написанном на Руси, можно встретить и формы на **-ь** — как отражение местной языковой особенности.

[2] Это предположение, высказанное некогда Ф. Ф. Фортунатовым в статье «Старославянское *-тъ* в 3-м лице глаголов» (см. «Известия II Отделения АН», т. XIII, 1908, кн. 2), было впоследствии развито С. П. Обнорским в связи с объяснением северновеликорусских, а затем и русских литературных форм 3-го лица с *-тъ* > *-т* вместо *-ть* > [*-т'*] (см.: «Очерки по морфологии русского глагола». М., 1953, стр. 117—137).

из **bǫde tъ*, дословно «он будет»; **можетъ** — из **može tъ* [«он может»] и т. п.; на формы мн. ч. это окончание могло распространиться позднее — из форм ед. ч.).

§ 267. Окончания 1-го и 2-го лица множественного числа в старославянском языке вполне соответствуют индоевропейским. При этом в 1-м лице старославянский язык отражал одно из возможных индоевропейских окончаний **-mŏs* > **-mŭs* > [-мъ] (древние индоевропейские диалекты знали и другие окончания: **-mes*, **-men*, **-me*, **-mo*). Иногда в старославянских памятниках в 1-м лице встречается окончание **-мы** (**накажемы, имамы** и т. д.), которое, несомненно, появилось под влиянием личного местоимения **мы**. Во 2-м лице свойственное славянским языкам окончание [-т˙е] последовательно отражается и другими индоевропейскими языками (ср., например, греч. φέρετε [fĕrĕtĕ], как старослав. **берете**).

В 1-м лице двойственного числа окончание [-в˙ĕ], как и [-мы] во множественном числе, развилось под влиянием личного местоимения **вѣ**. Окончания 2-го и 3-го лица двойственного числа [-та] и [-т˙е] находят соответствия в других индоевропейских языках.

§ 268. Таким образом, для праславянского языка восстанавливаются следующие окончания настоящего времени, которые условно называют «первичными»:

Число / Лицо	Единственное		Двойственное	Множественное
	тематические	нетематические		
1-е	**-ăm*	**-mĭ*	**-vĕ* (местоимение)	**-mŏs* > **-mŭs*
2-е	**-sĭ*	**-sai̯*	**-ta*	**-te*
3-е	**-tĭ*	**-tĭ*	**-te*	**-ntĭ*

Система будущих времен

§ 269. В старославянском языке глаголы как совершенного, так и несовершенного вида в форме настоящего времени могли иметь

и значение настоящего, и значение будущего времени: это зависело от контекста, от временно́го плана высказывания (повествования) в целом.

Так, во фразе **милъ ми еси народо сь · ѣко юже три дьни присѣдѧтъ мьнѣ· і не имѫтъ чесо ѣсти** [= «Дороги мне эти люди, что вот уже три дня *сидят вокруг* меня, и им нечего есть», дословно: «не имеют, что поесть»] (Мар. ев., *Мр.*, VIII) формы **еси** и **имѫтъ** указывают на план настоящего времени, в котором употреблен и глагол совершенного вида **присѣдѧтъ.** С другой стороны, глаголы несовершенного вида могли получать значение будущего времени, употребляясь в форме настоящего. Так, в одной из евангельских притч блудный сын заявляет: **въставъ идѫ къ оцю · и рекѫ емоу...** [= «Встав, *пойду* к отцу и *скажу* ему»] (Ассем. ев., *Л.*, XV); из двух глаголов, употребленных в этой фразе в форме настоящего времени, один — несовершенного вида (**идѫ**), другой — совершенного (**рекѫ**), и оба имеют значение будущего времени. Точно так же во фразе **сѫпрѫгъ воловъныихъ коупихъ пѧть и грѧдѫ искоуситъ ихъ** [= «Я купил пять упряжек волов и *пойду* испытать их»] (Мар. ев., *Л.*, XIV) форма настоящего времени глагола несовершенного вида **грѧдѫ** имеет значение будущего (ср. русск.: *Я завтра* ***еду*** *в Ленинград, Я сейчас* ***иду*** *к тебе*).

Однако глаголы совершенного вида в форме настоящего времени чаще употреблялись в значении будущего.

§ 270. Специальную простую форму будущего времени имел в старославянском языке глагол **быти.** Эта форма в памятниках X—XI вв. образована от основы **бѫд-** с окончаниями настоящего времени I спряжения: **бѫд-ѫ, бѫд-е-ши, бѫд-е-тъ** и т. д. Основа **бѫд-** имела только значение будущего времени (ср. настоящее время того же глагола **ѥсмь, ѥси** и т. д. — § 263).

Будущее сложное I

§ 271. Абсолютное будущее время, т. е. указание на действие или состояние, которое будет иметь место после момента речи, в старославянских памятниках выражалось сложными формами, которые состояли из инфинитива спрягаемого глагола (указывавшего на действие или состояние) и вспомогательного глагола в форме настоящего времени. В качестве вспо-

могательного в этом случае употреблялись глаголы **начати** (т. е. **начьнѫ, начьнеши** и т. д.), **хотѣти** (**хоштѫ, хоштеши** и т. д.), **имѣти** (**имамь, имаши** и т. д.). Так, например, от глагола **творити** будущее сложное I время было:

Ед. ч.: 1-е л. **начьнѫ** (**хоштѫ** или **имамь**) **творити**
2-е л. **начьнеши** (**хоштеши** или **имаши**) **творити**
3-е л. **начьнетъ** (**хоштетъ** или **иматъ**) **творити**
и т. д.

От глагола совершенного вида **сътворити** будущее сложное I образовывалось точно так же: **начьнѫ** (**хоштѫ** или **имамь**) **сътворити** и т. д.

§ 272. При образовании будущего сложного I времени выбор вспомогательного глагола в значительной степени обусловливался его лексическим значением. Так, глагол **начати** выражал идею начала действия: **и тогда начьнеши съ стоудомъ послѣдьнее мѣсто дрьжати** (Сав. кн., *Л.*, XIV) [= «И тогда со стыдом *займешь* последнее место (*сядешь* на последнее место)», но не «будешь сидеть»]. Глагол **имѣти** обычно указывал на возможность или неизбежность осуществления действия в будущем; например, в евангельских текстах (Зогр., Мар., Ассем. ев., Сав. кн.): **іди елико имаши продаждъ и раждъ ништиимъ· і имѣти имаши съкровиште небе** (*Мр.*, X) [= «Иди, продай все, что имеешь, и раздай нищим, и *приобретешь* (дословно: *будешь иметь*) сокровища на небесах», т. е. «в этом случае непременно получишь»].

Глагол **хотѣти** выступал в качестве вспомогательного в тех случаях, когда надо было выразить желательность или необходимость осуществления действия в будущем: **...ѣко намъ хоштеши ѣвити сѧ** (Сав. кн., *Ин.*, XIV) [= «Когда ты *явишься* нам», с оттенком: «пожелаешь, сочтешь необходимым»]. В ряде случаев **хотѣти** как вспомогательный глагол лишен оттенка желательности, сохраняя только значение необходимости или долженствования. Например, в евангельских текстах (Зогр., Мар., Ассем. ев., Сав. кн.): **і мьнѣахѫ ѣко абие хоштетъ црствие бжие авити сѧ** (*Л.*, XIX) [= «И (они) думали, что царствие небесное тотчас *наступит*», т. е. «*должно* наступить»]; **когда оубо си бѫдѫтъ и что естъ знамение егда хотѧтъ си быти** (*Л.*, XXI)

[= «Когда же это будет и каково указание (предзнаменование), что это *будет»*, т. е. «*должно* произойти»].

Будущее сложное II (преждебудущее)

§ 273. Аналитическую форму представляло в старославянском языке относительное будущее время, именуемое обычно будущим сложным II.

Относительное будущее образовывалось сочетанием вспомогательного глагола **бъıти** в форме будущего времени (**бѫдѫ, бѫдеши** и т. д.) с несклоняемым действительным причастием прошедшего времени с суффиксом [-л-] от спрягаемого глагола. Так, от глагола **творити** относительное будущее образовывалось:

Ед. ч. 1-е л. **бѫдѫ творил-ъ, -а, -о**
2-е л. **бѫдеши творил-ъ, -а, -о**
3-е л. **бѫдетъ творил-ъ, -а, -о**
Мн. ч. 1-е л. **бѫдемъ творил-и, -ꙑ, -а** и т. д.

Состав будущего сложного II определен его значением: оно выражало действие (состояние), которое будет иметь место раньше (на это указывает причастие прошедшего времени) другого будущего (на него указывает вспомогательный глагол); в соответствии со значением относительное будущее часто называют «преждебудущим» (или «предбудущим»). Например, в Синайском требнике: **толи потомь да приѩ(т) бѫде(т) въ своѥ отеч҃ство · аште бѫде(т) праве(д)но покаалъ(сѧ)** [= «Только после того пусть будет принят (он) в своем отечестве, если честно *покается*»] — сначала необходимо честно признать свою вину, после чего признавший ее будет принят в своем отечестве.

Иногда относительное будущее указывало на действие (состояние), имевшее место в прошлом, если результат его мог обнаружиться в будущем. Так, в Супрасльской рукописи рассуждения Марии, усомнившейся в предсказании явившегося ей (ангела), изложены так: **паче съкрꙑѭ таинѫ се · еда бѫдетъ сълъгалъ приходивꙑи** [= «Лучше (я) скрою эту тайну, если приходивший (ко мне) солжет», т. е. «а вдруг *окажется*, что приходивший *солгал»* — (последнее обнаружится лишь в будущем)].

Система прошедших времен

§ 274. Система прошедших времен старославянского языка довольно сложна: она включала четыре временны́х образования, каждое из которых характеризовалось своим значением. Два прошедших времени выражались простыми суффиксальными образованиями: это аорист и имперфект. Два прошедших времени были аналитическими, т. е. выражались сложными формами: это перфект и плюсквамперфект.

Аорист

§ 275. В старославянских текстах аорист употреблялся для обозначения единичных, нерасчлененных действий, имевших место в прошлом и не соотносимых с настоящим. Именно поэтому аорист обычен в повествовании, когда сообщается о последовательно сменявших друг друга событиях: **самарѣнин же етеръ грѧды · и приде надъ нь и видѣвъ и млсрдова · и пристѫпль обѧза строупы его... приведе и въ гостиньницѫ · и прилежа емъ** [= «Некий самарянин, проходя, *подошел* к нему и, увидев его, *сжалился*. И, подойдя, *перевязал* его раны... *Привел* его на постоялый двор и *позаботился* о нем»] (Ассем. ев, *Л.*, X).

Формы аориста преимущественно образовывались от основ совершенного вида или основ несовершенного вида со значением определенности (направленности). Случаи образования аориста от основ несовершенного вида с неопределенным значением очень редки.

Старославянским памятникам известны три типа образования аориста: простой (асигматический), сигматический нетематический и сигматический тематический аорист.

§ 276. Простой аорист (асигматический) являлся наиболее старым аористным образованием в старославянских памятниках письменности; он встречается в глаголических списках евангелия (Зогр., Мар. и Ассем. ев.) и почти отсутствует в более поздних, кириллических памятниках (например, в Супр. рук.).

Старославянский простой аорист образовывался только от основ инфинитива на согласный, т. е. от основ I типа, а также от основ III типа (**двигнѫти, оусънѫти**

и под.), но без суффикса [-нǫ-]. Таким образом, простой аорист мог быть образован от основ: **нес-** (**нес-ти**), **вед-** (**вести** < **ved-ti*), **пад-** (**пасти** < **pad-ti*), **рек-** (**решти** < **rek-ti* — «сказать»), **мог-** (**мошти** < **mog-ti*), **двиг-** (**двиг-нѫ-ти**), (**оу**)**съп-** (**оусънѫти** < < **u-sъp-nǫ-ti*) и т. д.[1] Следует при этом иметь в виду, что в дошедших до нас старославянских памятниках письменности от глаголов с корневым кратким гласным [е], т. е. от глаголов **нести**, **вести**, **пешти** (из **pek-ti*) и под., встречаются только формы 2-го и 3-го лица единственного числа простого аориста; остальные формы простого аориста от этих глаголов к X в. были уже утрачены.

Простой аорист образовывался прибавлением к основе инфинитива «вторичных» окончаний.

Как было указано, в лингвистике «первичными» принято называть окончания настоящего времени (см. § 268). «Вторичные» окончания, восстанавливаемые для начального периода развития праславянского языка, совпадали с «первичными» в большинстве форм, а именно — во всех лицах двойственного числа и в 1-м и 2-м лице множественного числа, но отличались от «первичных» во всех лицах единственного числа и в 3-м лице множественного числа. Отличия заключались в том, что «вторичные» окончания не имели конечных гласных, хотя согласные в обоих рядах окончаний совпадали:

Число / Лицо	Единственное	Двойственное	Множественное
1-е 2-е 3-е	**-m* (*-n*) **-s* **-t*	*«первичные»* (см. таблицу в § 268)	**-mŏs* **-te* **-nt* } как «первичные»

При образовании форм простого аориста «вторичные» окончания присоединялись к основе инфинитива посредством тематического **ŏ* в 1-м лице всех трех чисел и в 3-м лице множественного числа; во всех остальных формах окончания присоединялись к основе с помощью тематического **ĕ*.

[1] Полагают, что старославянские формы простого аориста от этих основ представляли развитие индоевропейских имперфектных образований.

Число, лицо	Окончания		Образцы		
	праславянские	старославянские	**пасти**	**мошти**	**двигнѫти**
Ед. ч.					
1-е л.	**-ŏ-m*	-ъ	**падъ**	**могъ**	**двигъ**
2-е л.	**-ĕ-s*	-е	**паде**	**може**	**движе**
3-е л.	**-ĕ-t*	-е	**паде**	**може**	**движе**
Дв. ч.					
1-е л.	**-ŏ-(vĕ)*	*-овѣ*	**падовѣ**	**моговѣ**	**двиговѣ**
2-е л.	**-ĕ-ta*	*-ета*	**падета**	**можета**	**движета**
3-е л.	**-ĕ-tĕ*	*-ете*	**падете**	**можете**	**движете**
Мн. ч.					
1-е л.	**-ŏ-mŏs*	*-омъ*	**падомъ**	**могомъ**	**двигомъ**
2-е л.	**-ĕ-tĕ*	*-ете*	**падете**	**можете**	**движете**
3-е л.	**-ŏ-nt*	*-ѫ*	**падѫ**	**могѫ**	**двигѫ**

«Вторичные» окончания в праславянском языке были утрачены, если находились в конце слова (под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности); при этом формы 2-го и 3-го лица единственного числа совпали: **padĕs* > **паде** и **padĕt* > **паде**. В 1-м лице единственного числа **ŏ* в конечном закрытом слоге усилил лабиализацию, а конечный **-m* > **-n* также утратился: **pādŏm* > **pādŭn* > **падъ**; то же произошло и в 1-м лице множественного числа: **pādŏmŏs* > **pādŏmŭs* > **падомъ**. В 3-м лице множественного числа сочетание гласного с носовым согласным монофтонгизировалось, дав [ǫ]: **pādŏnt* > **padǫt* > **падѫ**.

Если основа инфинитива оканчивалась на задненёбный согласный, то в тех формах, которые содержали тематический **ĕ*, задненёбный по I переходному смягчению изменился в шипящий; например, во 2-м лице единственного числа: **mŏgĕs* > **може**, **dvīgĕs* > > **движе**, **sĕkĕs* > **сѣче** (от основы **сѣк-**) и т. д.

Глагол **ити** образовывал формы аориста от основы **ид-**: **идъ**, **иде**, **идомъ** и т. д.

§ 277. С и г м а т и ч е с к и й а о р и с т н е т е м а т и ч е с к и й («с т а р о г о т и п а») также являлся очень древним аористным обра-

зованием, свойственным ряду индоевропейских языков, в частности древнегреческому. Это было аористное образование от всех основ инфинитива, в том числе и от основ на согласные с корневым [е] (т. е. основ типа **нес-**, **вед-**, **пек-** и под.).

Сигматический аорист образовывался с помощью суффикса **-s-*[1], который присоединялся непосредственно к основе инфинитива. За аористным суффиксом следовали «вторичные» окончания, которые в 1-м лице всех трех чисел присоединялись к нему посредством **ŏ*, а в остальных личных формах следовали непосредственно за суффиксом **s*. В положении после **i* (в старославянском языке после [и], [ě] < **oi̯*), **u* (в старославянском после [ы], [у] < **ou̯*), **r* и **k* в праславянском языке **s*, как известно, изменялся в **x*, если далее не следовал согласный (см. § 113); а перед гласными переднего ряда этот **x* > [ш']. Поэтому в формах сигматического аориста ряда глаголов (у которых основа оканчивалась на соответствующий гласный или согласный) суффикс **s* отражался в виде чередовавшихся [с]//[*х*]//[ш']. В том случае, когда суффикс присоединялся к основам на [-а-], [-ě-] < **-ē-* или иной гласный, по происхождению не связанный с **i* или **u*, **s* должен был сохраняться; а когда основа оканчивалась на согласный (кроме [к] и [р]), на стыке основы и суффикса происходили упрощения.

Таким образом, сигматический аорист, например, в формах единственного и множественного чисел от различных основ инфинитива в старославянском языке имел следующий вид:

1) Основы на **-и-** (например, **би-ти**), а также **-ы-**, **-р-**:

ед. ч.: 1-е л. **bi-s-ŏm*[2] > **bixŭn* > **биχъ**;
2-е л. **bi-s-s* > **bis* > **би** (конечный **s* < **ss* утрачен);
3-е л. **bi-s-t* > **би** (в конце **st* утрачивается);

мн. ч.: 1-е л. **bi-s-ŏ-mŏs* > **bixŏmŭs* > **биχомъ**;
2-е л. **bi-s-te* > **бисте** ([с] перед [т] сохраняется);
3-е л. **bi-s-n̥t* > **bix^{e}n̥t* > **bixęt* > **бишѧ**.

---

[1] Звук [s] в греческом письме обозначался буквой, которая называлась в греческой азбуке «сигмой». По названию этой буквы аорист, образовывавшийся с помощью суффикса **s*, и был назван с и г м а т и ч е с к и м. Сходство славянского аориста с греческим явилось поводом для перенесения этого названия на славянский аорист, образовывавшийся с помощью того же суффикса.

[2] В корне этого глагола [и] < **ei̯*; но в данном случае это несущественно.

В 3-м лице множественного числа *n после согласного становился слоговым и развивал гласный призвук, вместе с которым в эпоху тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности образовал носовой гласный переднего ряда: *n̥ > *ᵉn̥ > > *en > [ę].

2) Основы на **-к-** (например, **пек-**) или **-г-**:

ед. ч.: 1-е л. *pĕk-s-ŏ-m* > *pĕkxŭn* > *pēxъ* > **пѣхъ**;
мн. ч.: 1-е л. *pĕk-s-ŏ-mŏs* > *pĕkxŏmŭs* > *pēxŏmъ* > **пѣхомъ**;
2-е л. *pĕk-s-tĕ* > *pēstĕ* > **пѣсте**;
3-е л. *pĕk-s-nt* > *pĕkxent* > *pēxęt* > **пѣшѧ**.

Как известно, *ks > *kx > [x], а корневой гласный перед упростившимся согласным подвергся удлинению, поэтому в корне *ĕ > > *ē > [ě]; перед согласным *ks > [c] (см. § 134).

В 2-м и 3-м лице единственного числа должно было быть: *pĕk-s-s > *pĕks > *pēx и *pĕk-s-t > *pēst, а в результате утраты конечных согласных следовало бы ожидать *pēx > ***пѣ** и *pēst > > ***пѣ**; однако такие формы не могли осознаваться как формы от основы **-пек-**; поэтому от основ на согласные во 2-м и 3-м лице единственного числа закрепились утратившиеся в других лицах и числах формы простого (асигматического) аориста: **пече** (из *pĕk-ĕ-s, -t* — ср. § 276).

3) Основы на **-т-**, **-д-** (например, **вед-**):

ед. ч.: 1-е л. *vĕd-s-ŏ-m* > *vēsŭn* > **вѣсъ**;
мн. ч.: 1-е л. *vĕd-s-ŏ-mŏs* > *vēsŏmŭs* > **вѣсомъ**;
2-е л. *vĕd-s-tĕ* > *vēstĕ* > **вѣсте**;
3-е л. *vĕd-s-nt* > *vēsent* > **вѣсѧ**.

Во 2-м и 3-м лице единственного числа здесь также сохранялись формы простого (асигматического) аориста: **веде** < *vĕd-ĕ-s, -t* (вместо закономерной для сигматического аориста формы ***вѣ** — см. выше о форме ***пѣ** от основы **пек-**). В остальных формах *ds > > *ts > [c] (как и старое сочетание *ts, например, в образованиях аориста от основы **плѣт-**: *plĕtsŏm > **плѣсъ** — с удлинением корневого гласного перед упростившимся согласным (см. § 134).

4) От основ на **-а-**, **-ѣ-**, **-ѧ-** (например, **начѧ-ти**):

ед. ч.: 1-е л. *na-čen-s-ŏ-m* > *načęsŭn* > **начѧсъ**;
2-е л. *na-čen-s-s* > *načęs* > **начѧ**;
3-е л. *na-čen-s-t* > *načęst* > **начѧ**;

мн. ч.: 1-е л. **na-čen-s-ŏ-mŏs* > **nacęsŏmŭs* > **начѧсомъ;**
2-е л. **na-čen-s-tĕ* > **nacęstĕ* > **начѧсте;**
3-е л. **na-čen-s-nt* > **načensent* > **nacęsęt* > **начѧсѧ.**

Таким образом, в результате фонетических изменений, осуществлявшихся по-разному в зависимости от того, к какому гласному или согласному основы присоединялся суффикс *s, формы сигматического аориста от различных инфинитивных основ в старославянском языке имели разные формальные показатели (см. табл. спряжения на стр. 274).

§ 278. Так же, как у глаголов **би-ти, пи-ти, ли-ти** и под. (т. е. как **би-хъ** и т. д.), оформлялся сигматический аорист глаголов с основой инфинитива на **-ы-** (**мы-ти, кры-ти** и др., т. е. **мы-хъ, кры-хъ** и т. д.), на **-р-** (например, **мрѣ-ти** < **mĕr-ti*, т. е. **мрѣ-хъ** < **mĕr-sъ* и т. д.), на **-оу-** (например, **чю-ти**, т. е. **чю-хъ** и т. д.) и многочисленных основ на суффиксальный **-и-** (т. е. основ инфинитива V типа): **коупи-хъ** (от **коупи-ти**), **отъпоустихъ** (от **отъпоусти-ти**), **въпросихъ** (от **въпроси-ти**) и мн. др. Под влиянием этих основ еще в праславянском языке начался процесс обобщения аористных образований, в первую очередь для основ на гласные. Так, от глаголов **оувидѣ-ти, призъва-ти** и под. под влиянием **коупи-ти** и под. появились формы аориста с **-хъ, -хомъ** и т. д.:

ед. ч.: 1-е л. **оувидѣ-хъ, призъва-хъ** (как **коупи-хъ**);
2—3-е л. **оувидѣ, призъва** (как **коупи**);

мн. ч.: 1-е л. **оувидѣ-хомъ, призъва-хомъ** (как **коупи-хомъ**);
2-е л. **оувидѣ-сте, призъва-сте** (как **коупи-сте**);
3-е л. **оувидѣ-шѧ, призъва-шѧ** (как **коупи-шѧ**) и т. д.

Такие образования сигматического аориста от основ на гласные в период старославянских памятников уже стали обычными и со временем полностью вытеснили формы на **-с-**. Если в глаголических списках евангелия, например в Мариинском, подчас можно встретить такие образования сигматического аориста, как **начѧсъ** — «я начал», **начѧсѧ** — «они начали», **клѧсъ** — «я проклял», **(въз)ѧсъ** — «я взял» и т. п., то рядом с ними постоянно находим образования **начѧхъ, начѧшѧ, клѧхъ, възѧхъ, възѧшѧ** и т. д. — как **коупихъ, коупишѧ**; а в кириллических памятниках от основ инфини-

Основы инфинитива / Число, лицо	пек- (пешти)	би-ти	коупи-ти	вѣд- (вести)	начѧ-ти
Ед. ч.					
1-е л.	пѣхъ	бихъ	коупихъ	вѣсъ	начѧсъ
2-е л.	пече	би	коупи	веде	начѧ
3-е л.	пече	би (тъ)	коупи	веде	начѧ (тъ)
Дв. ч.					
1-е л.	пѣховѣ	биховѣ	коупиховѣ	вѣсовѣ	начѧсовѣ
2-е л.	пѣста	биста	коуписта	вѣста	начѧста
3-е л.	пѣсте	бисте	коуписте	вѣсте	начѧсте
Мн. ч.					
1-е л.	пѣхомъ	бихомъ	коупихомъ	вѣсомъ	начѧсомъ
2-е л.	пѣсте	бисте	коуписте	вѣсте	начѧсте
3-е л.	пѣшѧ	бишѧ	коупишѧ	вѣсѧ	начѧсѧ

тива на гласные встречаются только образования аориста с чередующимся суффиксом [-х-]//[-с-]//[-ш'-].

Таким образом, к XI в. глаголы с основой инфинитива на любой гласный получили аористные формы по образцу **би-хъ, би, би-хомъ** и т. д. При этом в старославянском языке глаголы с основами инфинитива II типа в 3-м лице единственного числа под влиянием настоящего времени нередко получали **-тъ: битъ** — «он побил» (вместо **би**), **питъ** — «он выпил» (вместо **пи**), **въспѣтъ** — «он запел» (вместо **въспѣ**), **начѧтъ** — «он начал» (вместо **начѧ**), **възѧтъ** — «он взял» (вместо **възѧ**), **оумрѣтъ** — «он умер» (вместо **оумрѣ**) и т. д. (ср. в настоящем времени **несе-тъ, ходи-тъ**). Глаголы **бы-ти** и **да-ти** обычно добавляли в 3-м лице единственного числа **-стъ**, т. е. **быстъ, дастъ**.

§ 279. Тематический сигматический аорист («нового типа») появляется в сравнительно поздних старославянских памятниках (главным образом кириллических XI в.) как результат дальнейшего обобщения форм сигматического аориста на [-х-]//[-с-]//[-ш'-].

Аористные образования от основ инфинитива I и III типа оказались резко отличными от образований с основами на гласные, где после начавшегося еще в праславянском языке обобщения этих образований достаточно выразительные показатели личных аористных форм следовали за четко обнаруживаемой основой, например: **оуби-хъ, съкры-хъ, коупи-хъ**, новые **оувидѣ-хъ, призъва-хъ, начѧ-хъ** и т. д. У основ же на согласные (I и III типов), которых было значительно меньше, чем основ на гласные, аористный суффикс в результате фонетических изменений не выделялся, слившись с конечным согласным основы (см. § 277, п. 2 и 3); например, в 1-м лице единственного числа: **пѣхъ** (из **pěk-s-ъ*), **рѣхъ** — «я сказал» (из **rěk-s-ъ*), **вѣсъ** — «я привел» (из **věd-s-ъ*), **нѣсъ** — «я принес» (из **něs-s-ъ*), **мѣсъ** — «я вымел» (из **mět-s-ъ*) и т. д.

Постоянно проявляющееся в языковом развитии стремление к обобщению формальных показателей, являющихся выразителями одного грамматического значения, в данном случае привело к тому, что старые формы сигматического аориста от основ на согласные стали вытесняться образованиями, соответствовавшими формам сигматического аориста от основ инфинитива на гласные.

В старославянском языке показателями аористных форм от основ

инфинитива на гласные, как нетрудно заметить (см. § 278 и табл. на стр. 274), были в единственном числе: 1-е л. — **-хъ** после гласного, 2—3-е л. — основа инфинитива на гласный; во множественном числе: 1-е л. — **-хомъ** после гласного, 2-е л. — **-сте** после гласного, 3-е л. — **-шѧ** после гласного и т. д. Эти показатели и были распространены на основы, оканчивавшиеся согласными, причем для присоединения их к основе стал использоваться давний тематический гласный аориста [-о-]; во 2—3-м л. единственного числа продолжала удерживаться форма простого (асигматического) аориста, оканчивавшаяся гласным звуком.

Так появились в старославянском языке (а также и в других славянских языках) новые, возникшие аналогическим путем формы тематического сигматического аориста от основ на согласные (I типа), а также от основ инфинитива на **-нѫ-** (III типа). Спряжение этих форм, часто называемых формами «нового типа», оказывается вполне аналогичным спряжению форм сигматического аориста от основ на гласные (см. табл. на стр. 277).

Такие формы тематического сигматического аориста («нового типа») от основ инфинитива I и III типов отсутствуют в Мариинском евангелии, Сборнике Клоца, Синайской псалтыри, но нередки в Ассеманиевом евангелии; в Зографском евангелии их можно встретить почти так же часто, как и формы нетематического сигматического аориста от основ инфинитива на согласные, а Саввиной книге и Супрасльской рукописи свойственны почти исключительно формы нового типа (на **-оүхъ**), вытеснившие старые формы сигматического аориста без темы [-о-]. Только аорист на **-оүхъ** и т. д. (за исключением форм **рѣхъ, рѣшѧ** — от глагола **рек-ѫтъ**) известен более поздним, церковнославянским памятникам местных редакций, в частности памятникам, написанным на Руси.

В это же время появляются и аналогические формы от основ III типа, полностью сохранявшие основу инфинитива с суффиксом **-нѫ-: двиг-нѫ-хъ, двигнѫ, двигнѫхомъ** и т. д.

Имперфект

§ 280. Формы имперфекта обычно употреблялись в старославянских текстах в тех случаях, когда необходимо было указать на действие (или состояние), совершавшееся в прошлом как длительный акт, иногда повторявшийся в прошлом, включавший в себя

Основы инфинитива / Число, лицо	пек- (пешти)	вед- (вести)	двиг-нѫ-ти	ср. коупи-ти
Ед. ч.				
1-е л.	пек-о-хъ	вед-о-хъ	двиг-о-хъ[1]	коуп-и-хъ
2—3-е л.	печ-е	вед-е	движ-е	коуп-и
Дв. ч.				
1-е л.	пек-о-ховѣ	вед-о-ховъ	двиг-о-ховѣ	коуп-и-ховѣ
2-е л.	пек-о-ста	вед-о-ста	двиг-о-ста	коуп-и-ста
3-е л.	пек-о-сте	вед-о-сте	двиг-о-сте	коуп-и-сте
Мн. ч.				
1-е л.	пек-о-хомъ	вед-о-хомъ	двиг-о-хомъ	коуп-и-хомъ
2-е л.	пек-о-сте	вед-о-сте	двиг-о-сте	коуп-и-сте
3-е л.	пек-о-шѧ	вед-о-шѧ	двиг-о-шѧ	коуп-и-шѧ

[1] Формы нетематического сигматического аориста от основ инфинитива III типа в старославянских текстах не встречаются, если не считать таковыми аналогические образования, сохранявшие -нѫ-, типа двигнѫхъ и т. д. (см. о них ниже); при этом последовательно -нѫ- сохраняется лишь в основах с гласным в конце корня (типа минѫхъ — от минѫти, соунѫхъ — от соунѫти и под.).

ряд составных моментов. Так, в притче о «блудном сыне», где говорится о том, что ушедший из дому в чужую страну молодой человек вынужден был наняться пастухом к одному из местных жителей, о дальнейших событиях рассказывается так: **и посъла и на села своѣ пастъ свиниі · и желааше насъітіті сѧ · отъ рожець ѩже ѣдѣахѫ свиниѩ · и нікто же даѣаше емоу** (Ассем. ев., *Л.*, XV); в начале отрывка употреблена форма аориста **посъла** («он послал»), так как сообщается о единичном акте; затем следуют три формы имперфекта: **желааше, ѩдѣахѫ, даꙗаше**; эти формы сообщают о том, что не однажды, а постоянно, в течение всего времени, пока он работал свинопасом, герой притчи был настолько голодным, что готов был утолить голод стручками, которые всегда (опять-таки не однажды) ели свиньи, и ему это не разрешалось [= «И (он) послал его на свои поля пасти свиней. И (он, т. е. свинопас) *хотел* наесться стручками, которые *ели* свиньи; но никто не *давал* (их) ему»] [1].

Обозначая действие (или состояние) длительное, имперфект обычно образовывался от основ несовершенного вида. Несомненных образований имперфекта от основ совершенного вида в списках евангелия нет; но в других старославянских памятниках они встречаются. Такие образования характеризовались своеобразным оттенком значения: действия, не раз повторявшегося в прошлом и всякий раз достигавшего своего завершения. Например, в Супрасльской рукописи: **рѫкѫѫ** (т. е. **рѫкоѭ**) **же плъть дръжаахъ а доушѫ** (т. е. **доушеѭ**) **бога поразоумѣахъ и... обрѧштаахъ чоудесно** [= «Рукою я дотрагивался до (его, т. е. Иисуса) плоти и (всякий раз) *постигал* бога и *находил* (обнаруживал) чудо»]; **аште сѧ сълоучааше не имѣти ѥмоу ничьсо же дати ѥмоу · то котыгѫ... дадѣаше ништоуоумоу** [= «Если же случалось так, что ему нечего было дать, то он *отдавал* нищему верхнюю одежду»] — речь идет о том, что это делалось всякий раз, когда встречался нищий.

§ 281. Славянский имперфект по образованию не имеет ничего общего с имперфектом других индоевропейских языков. Это — прасла-

---

[1] Аналогичный контекст с формами аориста (**и жела насътитити сѧ отъ рожьць...**) следовало бы понимать так: «И *однажды* (он) захотел наесться стручками...»

вянское новообразование, происхождение которого остается неясным, несмотря на ряд гипотез, высказанных исследователями. Несомненно лишь, что образование славянского имперфекта происходило под сильным влиянием форм сигматического аориста, чем и объясняется видимое сходство этих двух простых прошедших времен.

Старославянский имперфект образовывался обычно от основ инфинитива с помощью суффиксов **-ахъ-** или **-ѣахъ-** (из **-ē-ах-*), где [х] связан с влиянием сигматического аориста. Выбор суффикса определялся типом основы инфинитива.

От основ инфинитива IV типа (т. е. с суффиксальными [-а-] и [-ě-]) имперфект образовывался с суффиксом [-ах-]: от **бьра-ти — бьра-ахъ-ъ** (1-е л. ед. ч.), от **глагола-ти — глагола-ахъ-ъ**, от **вѣрова-ти — вѣрова-ахъ-ъ**, от **праша-ти — праша-ахъ-ъ**, от **славѣ-ти — славѣ-ахъ-ъ**, от **видѣ-ти — видѣ-ахъ-ъ** и т. п. Так же образовывался имперфект и от глагола **зна-ти — зна-ахъ-ъ.**

От основ инфинитива I типа (т. е. на корневой согласный), а также от основ V типа (т. е. на суффиксальный [-и-]) имперфект образовывался с суффиксом [-ěах-]: от **нести — нес-ѣахъ-ъ** (1-е л. ед. ч.), от **вести** (из **ved-ti*) — **вед-ѣахъ-ъ**, от **мести** (из **met-ti*) — **мет-ѣахъ-ъ** и т. п. Если при этом основа инфинитива оканчивалась задненёбным согласным, то в положении перед суффиксом [-ěах-], где [ě] < **ē*, задненёбный изменялся по I переходному смягчению в шипящий, а **ē* после мягкого шипящего изменялся в [ʼа]: от **пешти** (из **pek-ti*) — **печ-аахъ-ъ** < **pěk-ēах-ъ*, от **решти** (из **rek-ti*) — **реч-аахъ-ъ**, от **мошти** (из **mog-ti*) — **мож-аахъ-ъ.**

Если основа инфинитива оканчивалась суффиксальным [-и-] (основы V типа), то в положении перед гласным **i > *i̯ > *j* (см. § 116); образовавшийся таким образом **j* смягчал предшествовавший ему корневой согласный, поэтому в имперфекте конечный согласный корня всегда был исконносмягченным, чередующимся: от **носи-ти — нош-аахъ-ъ** (из **nosi-ēах-ъ;* здесь **-siē-* > **-si̯ē-* > **-sjē-*, при этом **sj* > [шʼ], а после мягкого согласного **ʼē* > [ʼа]), от **ходи-ти — хожд-аахъ-ъ** (из **xŏdi-ēах-ъ*), от **люби-ти — любл'-аахъ-ъ**, от **лови-ти — ловл'-аахъ-ъ.**

§ 282. Глаголы с основами инфинитива II и III типов (т. е. на корневой гласный и [-нѫ-]) также образовывали имперфект с суффиксом [-ěах-]; но в старославянском языке у глаголов с этим типом основ суффикс [-ěах-] присоединялся к основе

настоящего времени, а не к основе инфинитива. Так, от **двигнѫ-ти** имперфект **двигн-ѣахъ** (от основы настоящего времени **двигн-ѫтъ**), от **съхнѫ-ти — съхн-ѣахъ** (от основы настоящего времени **съхн-ѫтъ**), от **вѧнѫ-ти — вѧн-ѣахъ** и т. п.; то же у глаголов с основой инфинитива II типа: от **мрѣ-ти** имперфект **мьр-ѣахъ** (от основы настоящего времени **мьр-ѫтъ**), от **жѧ-ти — жьн-ѣахъ** (от основы настоящего времени **жьн-ѫтъ**), от **слоу-ти — слов-ѣахъ** (от **слов-ѫтъ**), от **бра-ти — бор-ѣахъ** (от **бор'-ѫтъ**), от **би-ти — биꙗахъ** [б҆йј-аах-ъ] (от основы настоящего времени **биѭтъ** [б҆йј-ǫтъ]), от **крыти — крыꙗахъ** [крй̆ј-аах-ъ] (от **крыѭтъ** [крй̆ј-ǫтъ]), от **пѣти — поꙗахъ** [поj-аах-ъ] < **poį-ěах-ъ* (от **поѭтъ** [поj-ǫтъ]), от **чюти — чюꙗахъ** [ч'уj-аах-ъ] (от **чюѭтъ** [ч'уj-ǫтъ]) и т. д.

По-видимому, ряд таких глаголов образовывал некогда имперфект от основы инфинитива (а не настоящего времени), но до тех фонетических изменений, которые произошли в основе в некоторых образованиях. Так, например, имперфект **борѣахъ** был образован от основы инфинитива, где **bŏr-ti* > > **брати,** так же как и **поꙗахъ** [поjаахъ] (из **poį-ěах-ъ*) от основы инфинитива, где **poį-ti* > **пѣ-ти,** и т. д. В результате изменений, которые произошли в основе инфинитива таких глаголов в ряде образованных от нее форм (например, в инфинитиве), основа имперфекта стала соотноситься с основой настоящего времени. Это послужило образцом для производства от основы настоящего времени форм имперфекта других глаголов тех же типов. Так появились образования **мьрѣахъ** (вместо ожидаемого ***мерѣахъ**) — в результате сближения с **мьр-ѫтъ, жьнѣахъ** (вместо ожидаемого ***женѣахъ**) — в результате сближения с **жьн-ѫтъ, чюꙗахъ** (вместо ожидаемого ***чевѣахъ**) — в результате сближения с **чюѭтъ** [ч*уj-ǫтъ], **крыꙗахъ** (вместо ожидаемого ***кръвѣахъ**) — в результате сближения с **крыѭтъ** [крй̆ј-ǫтъ] и т. п.

Старославянские памятники отражают тенденцию к дальнейшей замене основ инфинитива основами настоящего времени в имперфектных образованиях тех глаголов, у которых эти основы заметно отличались. Так, в Супрасльской рукописи появляется имперфект **ꙁовѣаше, ꙁовѣахѫ** (при инфинитиве **ꙁъва-ти,** настоящем времени **ꙁов-ѫтъ**), в Ассеманиевом евангелии (*Мр.*, XV) — **плюѣхѫ** (вместо **пльваахѫ** — инфинитив **пльва-ти,** настоящее время **плюѭтъ**) и под. Супрасльская рукопись дает особенно много таких образований: **приѥмлꙗаше** (наряду с **приимааше:** инфинитив **приимати,** настоящее время **приѥмл'-ѫтъ**), **обрѧщаахъ** (вместо **обрѣтѣахъ:** инфи-

нитив **обрѣсти** < **obrět-ti*, настоящее время **обрѧщт-жтъ**), **бесѣдоуѩше** (вместо **бесѣдоваахше**: инфинитив **бесѣдова-ти**, настоящее время **бесѣдоуѭтъ**) и мн. др.

§ 283. В отличие от аориста все имперфектные образования, независимо от того, были ли они произведены с суффиксом [-ах-] или [-ĕах-], спрягались одинаково:

Число, лицо	Основы инфинитива / Окончания	Образцы		
		нес-ти	**бьра-ти**	**ходи-ти**
Ед. ч.				
1-е л.	*-(ĕ) ах-ъ*	**несѣахъ**	**бьраахъ**	**хождꙗахъ**
2—3-е л.	*-(ĕ) аш-е*	**несѣаше**	**бьрааше**	**хождꙗаше**
Дв. ч.				
1-е л.	*-(ĕ) ах-о-вѣ*	**несѣаховѣ**	**бьрааховѣ**	**хождꙗаховѣ**
2-е л.	*-(ĕ) аш-е-та*	**несѣашета**	**бьраашета**	**хождꙗашета**
3-е л.	*-(ĕ) аш-е-те*	**несѣашете**	**бьраашете**	**хождꙗашете**
Мн. ч.				
1-е л.	*-(ĕ) ах-о-мъ*	**несѣахомъ**	**бьраахомъ**	**хождꙗахомъ**
2-е л.	*-(ĕ) аш-е-те*	**несѣашете**	**бьраашете**	**хождꙗашете**
3-е л.	*-(ĕ) ах-ǫ*	**несѣахѫ**	**бьраахѫ**	**хождꙗахѫ**

§ 284. В поздних старославянских памятниках отражается сближение форм имперфекта с формами сигматического аориста. Так, во 2-м и 3-м лицах двойственного числа и во 2-м лице множественного числа **-шета, -шете** заменяются на **-ста, -сте.** Например, в Ассеманиевом и Остромировом евангелиях находим **помꙑшлѣасте**, в то время как в Зографском и Мариинском евангелиях **помꙑшл'ѣашете** (*Мр.*, IX); в Саввиной книге и Остромировом евангелии **искаста**, но в Мариинском евангелии **искаашета** (*Л.*, II) и т. д. И если в Ассеманиевом евангелии формы на **-шете** и **-сте** представлены в равной степени, то в Саввиной книге встречаются только формы на **-сте, -ста**; почти не знает форм на **-шете, -шета** и Супрасльская рукопись.

Вместе с тем происходили изменения и в имперфектном суффиксе. Изменения эти связаны со стяжением находившихся рядом гласных: [-аах- > -ах-], [-ѣ̆ах- > -ѣ̆ѣ̆х- > -ѣ̆х-]. Формы с новообразовавшимися суффиксами [-ах-] или [-ѣ̆х-] принято называть стяженными. Стяженные формы в архаических по языку Зографском и Мариинском евангелиях редки, но в Ассеманиевом евангелии, Синайской псалтыри и других старославянских памятниках письменности они уже обычны, а в Саввиной книге, кроме одного случая, находим только стяженные формы имперфекта типа **можахѫ** («они могли») (из **можаахѫ**), **даꙗше** («он давал») (из **даꙗаше**), **вѣдѣше** («он знал») (из **вѣдѣаше**), **идѣше** («он шел») (из **идѣаше**) и т. п. Церковнославянский язык усвоил только стяженные формы имперфекта.

§ 285. Простые прошедшие времена глагола **быти** требуют особых замечаний, так как они представлены тремя типами образований:

1. Сигматический аорист, образованный обычным путем, т. е. от основы **бы-** (см. спряжение в таблице); при этом в 3-м лице единственного числа наряду с формой **бы** очень распространена была форма **быстъ** (под влиянием форм настоящего времени **естъ, дастъ**).

2. Сигматический аорист от «имперфективной» основы **бѣ-**, формы которого спрягались так же, как и формы с основой **бы-**, но употреблялись со значением имперфекта. Именно под влиянием этих форм и были заменены имперфектные формы на **-шете, -шета** формами на **-сте, -ста** (см. § 284).

3. Имперфект от основы **бѣ-**, образовывавшийся так же, как и имперфект других глаголов: **бѣахъ, бѣаше** и т. д. Старославянским памятникам известно это образование и со стяженными формами: **бѣхъ, бѣше** и т. д.

Число, лицо	Сигматический аорист	Аорист с «имперфективной» основой	Имперфект
Ед. ч.			
1-е л.	**быхъ**	**бѣхъ**	**бѣахъ > бѣхъ**
2-е л.	**бы**	**бѣ**	**бѣаше > бѣше**
3-е л.	**бы(стъ)**	**бѣ**	**бѣаше > бѣше**

Число, лицо	Сигматический аорист	Аорист с «имперфективной» основой	Имперфект
Дв. ч.			
1-е л.	быховѣ	бѣховѣ	бѣаховѣ > бѣховѣ
2-е л.	быста	бѣста	бѣашета > бѣшета
3-е л.	быстє	бѣстє	бѣашєтє > бѣшєтє
Мн. ч.			
1-е л.	быхомъ	бѣхомъ	бѣахомъ > бѣхомъ
2-е л.	быстє	бѣстє	бѣашєтє > бѣшєтє
3-е л.	бышѧ	бѣшѧ	бѣахѫ > бѣхѫ

Перфект

§ 286. Перфект представлял сложную (аналитическую) форму, значение которой тесно связано с ее структурой.

Образовывался перфект сочетанием вспомогательного глагола **быти** в форме настоящего времени (т. е. **ксмь, кси, кстъ** и т. д.— см. § 263) с причастным образованием прошедшего времени на [-л-] от спрягаемого глагола. Значение лица и числа выражалось формами вспомогательного глагола, а причастие изменялось по числам и родам. Например, от глагола **сътворити** перфект спрягался так:

ед. ч.: 1-е л. **ксмь сътворилъ (сътворила** или **сътворило)**
2-е л. **кси сътворилъ (сътворила** или **сътворило)**
3-е л. **кстъ сътворилъ (сътворила** или **сътворило)**
мн. ч.: 1-е л. **ксмъ сътворили (сътворилы** или **сътворила)**
и т. д.

От глагола **быти** перфект **ксмь былъ (-а, -о), кси былъ (-а, -о)** и т. д.

В предложении вспомогательный глагол мог употребляться как впереди, так и после причастного образования: **...дроуѕии бо ихъ изъ далєчє сѫтъ пришьли** [= «Иные же из них *пришли* издалека»] (Мар. ев., *Мр.*, VIII); но: **нє добро ли сѣмѧ сѣлъ єси на сєлѣ твоємь** [= «Не доброе ли семя ты *посеял* на своем

поле?»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIII). Отрицательная частица **не** употреблялась перед причастным образованием, если надо было подчеркнуть отрицание самого действия или состояния: **и мънѣ николи же не далъ еси козьлѧте·да съ дроугы моими·възвеселилъ сѧ быхъ** [= «И ты ни разу *не дал* мне (даже) козленка, чтобы я повеселился со своими друзьями»] (Остр. ев., *Л.*, XV); при отрицании всего высказывания в целом частица **не** употреблялась перед вспомогательным глаголом, сливаясь с ним: **нѣсмь сътворилъ** («я не сделал») — из **иесмь** (где **nějěstь > *něěstь > > *nēstь*); **нѣстъ сътворилъ** («он не сделал») — из **иестъ** и т. д.; например: **на н'емь же нѣстъ неоу никто же отъ чкъ вьсѣлъ** [= «На него же еще никогда никто из людей *не садился*»] (Зогр. ев., *Мр.*, XI).

Случаи опущения вспомогательного глагола в перфекте в старославянских памятниках редки; в основном они встречаются в Супрасльской рукописи, где вспомогательный глагол иногда отсутствует в формах 3-го лица: **сътворилъ** — вместо **естъ сътворилъ, събьрали** — вместо **сѫтъ събьрали.**

§ 287. Перфект обозначал не действие, а состояние, наблюдавшееся в момент речи (на это указывала форма настоящего времени вспомогательного глагола) и являвшееся результатом действия, совершенного в прошлом (на это указывало причастное образование прошедшего времени). Так, **есмь сътворилъ** обозначало: «(сейчас) я являюсь тем, кто (это) сделал», т. е. дословно: «я являюсь сделавшим (это)». Во фразе из Мариинского евангелия ⟨**аште отпоущѫ ѩ не ѣдъшѧ въ домы своѩ·ослабѣѭтъ на пѫти·**⟩ **дроуѕии бо ихъ иꙁъ далече сѫтъ пришъли** [= «⟨Если я отпущу их домой голодными, они ослабеют в дороге⟩; ведь иные из них пришли издалека»] (*Мр.*, VIII) перфект **сѫтъ пришъли** употреблен потому, что в момент речи пришедшие еще находятся здесь.

Формы перфекта в старославянских памятниках, как правило, встречаются не в авторском повествовании, а в передаче диалога[1].

---

[1] В диалогической речи глаголы прошедшего времени совершенного вида и в современном русском языке сохраняют перфектное значение. Так, когда мы, входя в комнату, говорим *Я пришел*, мы хотим указать на наличие в момент речи результата уже совершенного действия («я сейчас нахожусь здесь»).

§ 288. Плюсквамперфект был аналитическим относительным прошедшим временем, которое образовывалось аналогично перфекту; но вспомогательный глагол здесь употреблялся в форме имперфекта **бѣахъ** (**бѣаше** и т. д.— см. таблицу спряжения в § 285) или аориста с «имперфективной» основой **бѣхъ** (**бѣ** и т. д.— см. ту же таблицу спряжения). Таким образом, плюсквамперфект, например, глагола **творити** мог иметь следующие формы:

ед. ч: 1-е л. **бѣахъ творилъ** (**творила** или **творило**)
2—3-е л. **бѣаше творилъ** (**творила** или **творило**)
мн. ч.: 1-е л. **бѣахомъ творили** (**творилы** или **творила**) и т. д.

или:

ед. ч.: 1-е л. **бѣхъ творил-ъ** (**-а** или **-о**)
2—3-е л. **бѣ творил-ъ** (**-а** или **-о**)
мн. ч.: 1-е л. **бѣхомъ творил-и** (**-ы** или **-а**) и т. д.

В поздних старославянских памятниках иногда встречаются образования плюсквамперфекта, в которых вспомогательный глагол употреблен в форме перфекта (см. § 286), т. е.:

ед. ч.: 1-е л. **ѥсмь был-ъ** (**-а** или **-о**) **творил-ъ** (**-а** или **-о**)
2-е л. **ѥси был-ъ** (**-а** или **-о**) **творил-ъ** (**-а** или **-о**)
3-е л. **ѥстъ был-ъ** (**-а** или **-о**) **творил-ъ** (**-а** или **-о**)
мн. ч.: 1-е л. **ѥсмъ был-и** (**-ы** или **-а**) **творил-и** (**-ы** или **-а**) и т. д.

Относительное временное значение плюсквамперфекта ясно выражено его структурой: он обозначал действие или состояние, предшествовавшее другому прошедшему действию или состоянию (происходившее раньше другого прошедшего действия или состояния). Например, в предложении **Мариѣ... видѣ дъва анꙉла въ бѣлахъ сѣдѧшта · єдиного оу главы і єдиного оу ногоу · ідє жє бѣ лєжало тѣло ісво** (Зогр., Мар. ев., *Ин.*, XX) употребление плюсквамперфекта **бѣ лежало** обусловлено тем, что в момент, когда Мария Магдалина *увидела* (прошедшее время!) ангелов, тела в гробу уже не было; следовательно, на русский язык эта фраза должна быть переведена так: «Мария увидела двух ангелов

в белом, сидевших (у гроба), одного — около головы, другого — у ног, где прежде лежало тело Иисусово». Иногда это значение плюсквамперфекта усиливалось употреблением соответствующего наречия: **сѫсѣди же и иже и бѣахѫ видѣли прѣжде ѣко слѣпъ бѣ · глаахѫ** [= «Соседи же и те, которые его *видели раньше*, когда он был слепым, говорили...» (Мар. ев., *Ин.*, IX).

Ирреальные наклонения

Повелительное наклонение

§ 289. Повелительное наклонение не обозначает реального действия, а выражает побуждение к совершению действия или принятию состояния (в виде приказания, требования, просьбы, совета и т. д.). В силу своего грамматического значения оно в старославянском языке имело не все формы лица: в единственном числе была лишь форма 2-го лица, которая могла также иметь и значение 3-го лица; в двойственном и множественном числе были специальные формы 1-го и 2-го лица. Для выражения приказания (повеления, пожелания), относящегося к третьим лицам, использовалась соответствующая форма настоящего (будущего простого) времени с добавлением частицы **да**: **да придѫтъ** («пусть они придут»), **да продадѧтъ и** («пусть продадут его») и т. д.[1].

Формы повелительного наклонения были образованы от основ настоящего времени. В единственном числе в старославянском языке глаголы с основами настоящего времени I—IV типов оканчивались в повелительном наклонении на [-и], а глаголы с основами V типа (нетематические) оканчивались на [-ь] после исконносмягченного согласного. Формы двойственного и множественного числа характеризовались разными суффиксами, в зависимости от типа основы настоящего времени: основы I и II типов имели суффикс [-ě-], который был дифтонгического происхождения, основы III—V типов — [-и-].

Поскольку суффиксальный [-ě-]//[-и-] был дифтонгического происхождения, то корневой задненёбный согласный перед ним по

---

[1] Ср. в современном русском литературном языке как церковнославянизм конструкции: *Да здравствует!.. Да будет свет!* и под.

Число, лицо	Основы I—II типов				Основы III—V типов			
	Окончания	нес-ѫтъ (I тип)	мог-ѫтъ (I тип)	двигн-ѫтъ (II тип)	Окончания	пиш-ѫтъ (III тип)	ход-ѧтъ (IV тип)	ꙗд-ѧтъ (V тип)
Ед. ч.								
2—3-е л.	*-и*	неси	моѕи	двигни	*-и, -ь*	пиши	ходи	ꙗждь
Дв. ч.								
1-е л.	*-ě-вě*	несѣвѣ	моѕѣвѣ	двигнѣвѣ	*-и-вě*	пишивѣ	ходивѣ	ꙗдивѣ
2-е л.	*-ě-та*	несѣта	моѕѣта	двигнѣта	*-и-та*	пишита	ходита	ꙗдита
Мн. ч.								
1-е л.	*-ě-мъ*	несѣмъ	моѕѣмъ	двигнѣмъ	*-и-мъ*	пишимъ	ходимъ	ꙗдимъ
2-е л.	*-ě-те*	несѣте	моѕѣте	двигнѣте	*-и-те*	пишите	ходите	ꙗдите

II переходному смягчению изменялся в мягкий свистящий (у глаголов с основой настоящего времени I типа): **мози, мозѣте** — от **мог-жтъ.** Корневой [е] в основах таких глаголов при образовании повелительного наклонения чередовался с [ь]: от **пек-жтъ — пьци, пьцѣте;** от **рек-жтъ — рьци, рьцѣте;** от **тек-жтъ — тьци, тьцѣте** (см. табл. на стр. 287).

§ 290. В праславянском языке формы повелительного наклонения образовывались от основ настоящего времени, сохранявших тематический гласный. При образовании повелительного наклонения от основ настоящего времени I—IV типов к тематическому гласному присоединялся суффикс **i*, за которым следовали «вторичные» личные окончания (см. § 276).

В единственном числе «вторичные» окончания состояли лишь из одного согласного (во 2-м лице **-s*, в 3-ем лице **-t*), который утрачивался под влиянием тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности. При этом у всех тематических глаголов в конце формы единственного числа повелительного наклонения оказался [-и], который у глаголов с основами настоящего времени I и II типов происходил из дифтонга **oi̯* (где **o* — тематический гласный, а **i* — старый суффикс повелительного наклонения); у глаголов с основами III типа — из дифтонга **ei̯* (после **j* тематический **'o* > **'e*): **nes-o-i-s* (или *-t*) > **неси,** **pisj-o-i-s* (или *-t*) > **pisjei̯s* > **пиши;** у глаголов с основой IV типа — из **ii* (где первый **i* — тематический гласный): **xod-i-i-s* (или *-t*) > **ходи.**

Формы единственного числа нетематических глаголов образовывались с суффиксом **-jĭ-*: от глагола **ѩд-ѧтъ** — **jĕd-jĭ-s* (*-t*) > > **ѩждь** — «ешь» (где **dj* > [ж'д'], а **ĭ* > [ь]), от **дад-ѧтъ** — **dadjĭs* (*-t*) > **даждь** — «дай», от **вѣд-ѧтъ** — «знают» — **vĕdjĭs* (*-t*) > > **вѣждь** — «знай». Так же образовывал единственное число повелительного наклонения и глагол **видѣти — вид-ѧтъ,** который некогда тоже был нетематическим: **vidjĭs* (*-t*) > **виждь** — «смотри, увидь»[1].

Глагол **быти** образовывал все формы повелительного наклонения от основы будущего времени, а не настоящего; по-

---

[1] См. употребление этой формы (как церковнославянской) в «Пророке» А. С. Пушкина: *Восстань, пророк, и **виждь** и внемли...*

этому образования такие же, как и у глаголов с основами настоящего времени I типа: от **бѫд-ѫтъ** (как **нес-ѫтъ, вед-ѫтъ**) — **бѫди** (как **неси, веди**), **бѫд-ѣте** — «будьте» (как **несѣте, ведѣте**) и т. д.

§ 291. Формы двойственного и множественного числа в праславянском языке образовывались так же, как и формы единственного числа, т. е. прибавлением «вторичных» личных окончаний к тому же суффиксу **-i-*, который присоединялся к тематическому гласному. Но в этих формах у глаголов с основами I и II типов дифтонг **oi̯* (где **o* — тема, а **i* — суффикс повелительного наклонения) не в конце слова изменялся в [ě] (например, во 2-м лице множественного числа: **nes-o-i-te* > **несѣте**, **mog-o-i-te* > > **mogěte* > **мозѣте**); формы двойственного и множественного числа нетематических глаголов образовывались без **j*: **dad-i-te* > > **дадите** («дайте»).

§ 292. Под влиянием форм повелительного наклонения от основ настоящего времени I—II типов, где [ě] стал восприниматься как показатель наклонения глаголов I спряжения, этот суффикс мог проникать и в образования от основ III типа (т. е. с **j* в конце основы настоящего времени). После **j* и других исконносмягченных согласных, как известно, **ě* > [’а], поэтому в старославянских памятниках можно встретить формы повелительного наклонения от основ III типа с [’а] (а не [и] после исконносмягченного согласного): **иштате** < **iskjěte* — вместо ожидаемого **иштите** («ищите») (Зогр. ев.), **съвѧжате** < **sъ-vęzjěte* — вместо ожидаемого **съвѧжите** («свяжите») (Мар. ев.), **плачате** < **plakjěte* — вместо ожидаемого **плачите** («плачьте»), **покажате** < **po-kazjěte* — вместо ожидаемого **покажите** («покажите») (Сав. кн.) и др.

Сослагательное наклонение

§ 293. В старославянском языке сослагательное наклонение представляло сложную глагольную форму, состоявшую из сочетания несклоняемого действительного причастия с суффиксом **-л-** (того самого, что входило в состав будущего сложного II, перфекта и плюсквамперфекта) с вспомогательным глаголом **быти** в особой

спрягаемой форме, употреблявшейся только в составе сослагательного наклонения; при этом в старославянских текстах отмечены только формы единственного и множественного числа вспомогательного глагола:

Лицо \ Число	Единственное	Множественное
1-е	**сътворилъ (-ла, -ло) бимь**	**сътворили (-ы, -а) бимъ**
2-е	» » » **би**	» » » **бисте**
3-е	» » » **би**	» » » **бѫ**

§ 294. Происхождение форм **бимь, би** и т. д. остается не совсем ясным. Заметно сходство этих форм с аористом глагола **быти**, с которым не совпадают только окончания 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа (ср. таблицу спряжения в § 285). Однако различие основ (**би-**, в то время как в аористе **бы-**) свидетельствует о том, что **бимь, би** и т. д.— особое образование, отличавшееся от аориста и по своему значению.

Большинство исследователей придерживается того мнения, что формы **бимь, би** и т. д. являются **остатком** праславянского **желательного наклонения** (**оптатива**) глагола **быти.** Такое предположение подкрепляется наличием форм оптатива в литовском языке: *biau* (1-е л. ед. ч.), *bei* (2-е л. ед. ч.; в праслав. **bei̯* > **би**), *bime* (1-е л. мн. ч.) и т. д.— в сочетании с супином.

На связь вспомогательного глагола с оптативом указывает и сохранение значения желательности формами сослагательного наклонения в самом старославянском языке, например: **ꙇ азъ пришедъ съ лихвоѭ истѧзалъ е бимь** [= «И я, возвратившись, *взял бы* (получил бы) его с избытком»] (Мар. ев., *Мт.*, XXV); **помаваахѫ же отьцю его како би хотѣлъ нарешти е** [= «(Они) спрашивали (знаками) отца его, как *бы* он *хотел* назвать его»] (там же, *Л.*, I); **ꙇ не оумѣхѫ·чьто бѫ отъвѣштали емоу** [= «И (они) не знали, что (они) *могут* ему ответить», дословно: «...что *бы* они ему *отвечали*»] (там же, *Л.*, XIV).

В условных предложениях формы сослагательного наклонения приобрели значение действия, возможного при определенных условиях: **аште бо бисте вѣрѫ имали мосеови вѣрѫ бисте ꙗли и мьнѣ** [= «Если *бы* вы *верили* Моисею, то *поверили бы* и мне»] (Мар. ев., *Ин.*, V); **добро би емоу было аште не би родилъ сѧ ч҃лвѣкъ тъ** [= «Лучше *бы* ему *было*, если *бы не родился* тот человек»] (там же, *Мт.*, XXVI).

С течением времени формы вспомогательного глагола **бимь, би** и т. д. были вытеснены формами аориста глагола **быти** (т. е. формами **быхъ, бы** и т. д. — см. таблицу спряжения в § 285), которые превратились в формы вспомогательного глагола в составе сослагательного наклонения[1]: **и аще не бышѧ прѣкратили сѧ дьниѥ ти · не би оубо спасла сѧ всака плъть** [= «Если бы не кончились те дни, то не спаслось бы ничто живсе»] (Сав. кн., *Мт.*, XXIV).

Дополнительная литература

И. К. Бунина. Система времен старославянского глагола. М., 1959.

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 145—159, 170—173.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, § 53—62.

П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка (раздел «Глагол»). М., 1961.

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 263—274 (стр. 198—207), 282—284 (стр. 211—214), 293—298 (стр. 218—221), 306—362 (стр. 225—267).

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

§ 295. Образования от глагольных основ, которые, сохраняя некоторые глагольные категории (вида, залога, иногда — времени),

[1] Интересна статистика употребления форм **бимь, би** и т. д. и вытеснявшего их аориста **быхъ, бы** и т. д. в составе сослагательного наклонения. По подсчетам одного из исследователей сослагательного наклонения Р. С. Сурмониной, в Зографском евангелии содержится 55 конструкций с **бимь, би** и т. д. и лишь одна — с **бышѧ**; в Мариинском евангелии — 95 конструкций с **бимь, би** и т. д. и 2 конструкции с аористом. Совершенно иное соотношение в более поздних по времени создания памятниках: в Саввиной книге — 6 конструкций с **бимь, би** и т. д. и 36 конструкций с аористом, а в Супрасльской рукописи — 17 конструкций с **бимь, би** и т. д. и 127 конструкций с аористом.

вместе с тем характеризуются рядом морфологических и синтаксических особенностей имен, принято называть **именными формами глагола.**

В старославянском языке такие формы не в одинаковой степени сохранили связь с глаголами, от которых они были образованы. В наибольшей степени сохраняли глагольные категории **причастия** (вид, залог и способность управлять винительным падежом прямого дополнения, отчасти — время), в меньшей степени — **инфинитив** (вид, способность управлять винительным падежом прямого дополнения), еще меньше — **супин** (вид).

Причастия

§ 296. **Причастиями называют отглагольные образования, характеризующиеся как глагольными категориями, так и морфологическими и синтаксическими особенностями имен прилагательных.**

Будучи образованными от глагольных основ, причастия сохраняют **вид** производящих основ, а также обнаруживают категорию **залога**, в связи с чем различают **действительные** и **страдательные** причастия[1]. В известной степени причастия сохраняют и значение **времени** (которое у них всегда является относительным), в связи с чем различают причастия **настоящего** и **прошедшего** времени.

В предложении причастия обычно выполняют функции, свойственные именам прилагательным; в соответствии с этим они и изменяются по родам, числам и падежам с формами словоизменения имен прилагательных.

---

[1] Впрочем, термин «действительное причастие» нередко имеет лишь формообразующий смысл и не всегда определяет залоговое значение причастия. Так, например, в русском языке во фразе *Рабочие, **строящие** дом* причастие *строящие* не только по образованию, но и по залоговому значению является действительным. Во фразе же *Дом, **строящийся** рабочими* причастие *строящийся*, называемое действительным, является таковым лишь по образованию (оно образовано с тем же суффиксом ***-ящ-***), но по залоговому значению является страдательным.

§ 297. Действительные причастия настоящего времени в старославянском языке образовывались от глагольных основ настоящего времени с помощью суффиксов **-ѫщ-** и **-ѧщ-**.

Суффикс **-ѫщ-** присоединялся к основам глаголов I спряжения, т. е. к основам настоящего времени I—III типов: от **нес-ѫтъ** — **нес-ѫщ-и**[1] (ср. русск. церковнослав. *нес-ущ-ая*), от **бер-ѫтъ** — **бер-ѫщ-и** (русск. церковнослав. *бер-ущ-ая*), от **знаѭтъ** [знај-ǫтъ] — **знаѭщи** [знај-ǫш'т'-и] (русск. церковнослав. *знающая* [знај-уш'-аја]), от **пиш-ѫтъ** — **пиш-ѫщ-и** (русск. церковнослав. *пиш-ущ-ая*) и т. д.

Суффикс **-ѧщ-** присоединялся к основам глаголов II спряжения и нетематических, т. е. к основам настоящего времени IV и V типов: от **ход-ѧтъ** — **ход-ѧщ-и** (ср. русск. церковнослав. *ход-ащ-ая*), от **ꙗд-ѧтъ** — **ꙗд-ѧщ-и** (т. е. «едящая») и т. д.

Глагол **быти** образовывал действительное причастие настоящего времени с суффиксом **-ѫщ-** (а не **-ѧщ-**) от основы **с-ѫтъ** — **с-ѫщ-и** (ср. русск. церковнослав. *с-ущ-ая*)[2]. С суффиксом **-ѧщ-** от этого глагола было образовано **бѫш-ѧщ-и** — единственное причастие будущего времени.

§ 298. Действительные причастия настоящего времени склонялись по типу именных основ на **jŏ* (при согласовании с именами мужского и среднего родов) или по типу основ на **jā* (при согласовании с именами женского рода). При этом в именительном падеже единственного числа мужского и среднего родов причастный суффикс отсутствовал (**беры, знаѩ, ходѧ**); в именительном падеже множественного числа

---

[1] В качестве примеров действительных причастий здесь и в § 302 приводятся формы именительного падежа единственного числа женского рода.

[2] Так же и **имѫщи** («имеющая») — от глагола **имѣти** — **им-ѫтъ**. Под влиянием этих образований с суффиксом **-ѫщ-** можно изредка встретить причастия и от других нетематических глаголов. Так, в Зографском евангелии находим **ѣдѫштемъ** (*Мт.*, XXVI) — вместо ожидаемого **ѣдѧштемъ** (от **ꙗсти** — **ꙗд-ѧтъ**).

мужского рода было окончание **-е** (а не **-и**, как у основ на *$\check{j}\breve{o}$* муж. р.): **бержщє, знаѭщє, ходѧщє** и т. п. В именительном падеже единственного числа женского рода было окончание **-и** (как **рабꙑни, ладии** и под.): **бержщи, знаѭщи, ходѧщи** и т. п.; остальные падежные формы действительных причастий полностью совпадали с соответствующими падежными формами существительных типа **ножь, полѥ** (см. таблицы склонения в § 149—150), **ноша** (см. таблицу склонения на стр. 167). Например, при согласовании с существительными м у ж с к о г о рода:

Число, падеж	Окончания	Образцы		
		берѫтъ	**знаѭтъ**	**ходѧтъ**
Ед. ч.				
Им. п.	*(-ы, -ę)*	**берꙑ**	**знаѩ**	**ходѧ**
Вин. п.	*-ь*	**бержщь**	**знаѭщь**	**ходѧщь**
Род. п.	*-а*	**бержща**	**знаѭща**	**ходѧща**
Дат. п.	*-у*	**бержщю**	**знаѭщю**	**ходѧщю**
Твор. п	*-емь*	**бержщемь**	**знаѭщемь**	**ходѧщемь**
Местн. п.	*-и*	**бержщи**	**знаѭщи**	**ходѧщи**
Мн. ч.				
Им. п.	*-е*	**бержщє**	**знаѭщє**	**ходѧшє**
Вин. п.	*-ę*	**бержщѩ**	**знаѭщѩ**	**ходѧщѩ**
Род. п.	*-ь*	**бержщь**	**знаѭщь**	**ходѧщь**
Дат. п.	*-емъ*	**бержщемъ**	**знаѭщемъ**	**ходѧщемъ**
и т. д. — как **ножь** (см. таблицу на стр. 170)				

§ 299. В праславянском языке действительные причастия настоящего времени образовывались с помощью суффикса **-nt-*, присоединявшегося к основе настоящего времени посредством тематического гласного (**o* или **i*). Таким образом, причастие от глагола **бер-ѫтъ** было образовано: **bĕr-ŏ-nt*>**bĕrōnt*>**bĕrūnt*>**bĕrū*>**берꙑ** («берущий») (им. п. ед. ч. муж. или ср. р.) — в конечном закрытом слоге **ŏ* усиливал лабиализацию и удлинялся, давая **ū*, который

в славянских языках изменялся в [ы] и после утраты конечных согласных (под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности) оказался в конце слова; ср. праслав. **bĕrŏnt* с древнеинд. (вин. п.) *bhárantam*, греч. φέροντα [fĕrŏnta], лат. *ferentem*.

В основах III типа тематический **ŏ* после **j*, как обычно, изменялся в **ĕ* (см. § 80): **znajŏnt* > **znajĕnt* > *znajĕn* > старослав. **знаѧ** — «знающий» (им. п. ед. ч. муж. или ср. р.), ср. русск. *зная*. Тот же результат оказывался и у основ IV типа, соединявшихся с суффиксом *-*nt*- посредством тематического **i*: **xodint* > > **xodin* > старослав. **ходѧ** — «ходящий» (им. п. ед. ч. муж. или ср. р.), ср. русск. *ходя*.

Нетематические глаголы имели формы именительного падежа единственного числа мужского или среднего рода под влиянием тематических глаголов: **сы** (от **сѫтъ**) — как **беры, несы** и т. п.; **ꙗдѧ** (от **ꙗдѧтъ**), **вѣдѧ** (от **вѣдѧтъ**), **дадѧ** (от **дадѧтъ**) — как **ходѧ, любѧ**.

§ 300. При склонении действительных причастий суффикс *-*nt*- в праславянском языке осложнялся именной основой на **jŏ* (для муж. и ср. р.) или на **jā* (для жен. р.).

Так, например, в родительном падеже единственного числа мужского или среднего рода к причастному суффиксу присоединялся именной суффикс **jo* и соответствующее падежное окончание: **bĕrŏnt-jō-s*, где в закрытом слоге **ŏn* > [ǫ], а **tj* > > [ш͡'т'], т. е. **bĕrŏntjōs* > старослав. **берѫща**. Точно так же: **znajŏntjōs* > старослав. **знаѭща**, **xodintjōs* > старослав. **ходѧща** и т. д.

Подобным образом развились и остальные падежные формы действительных причастий (происхождение окончаний таково же, что и у существительных).

§ 301. Как и прилагательные, причастия могли употребляться в членной форме. Образовывались членные формы причастий так же, как и членные формы прилагательных — присоединением к именной форме указательного местоимения (в функции члена) в соответствующем роде, числе и падеже. Например:

Число, падеж \ Род	Мужской	Средний	Женский
Ед. ч.			
Им. п.	**берꙑи ходѧи**	**берꙑѥ ходѧѥ** или **берѫщеѥ ходѧщеѥ**	**берѫщиꙗ**
Род. п.	**берѫщаѥго**	и т. д.	**берѫщѧѩ**
Дат. п.	**берѫщюѥмоу**	и т. д.	**берѫщии**
и т. д. (см. таблицу склонения на стр. 232—233)			
Мн. ч.			
Им. п.	**берѫщеи**	**берѫщаꙗ**	**берѫщѧѩ**
Род. п.	——→	**берѫщиихъ**	←——
Дат. п.	——→	**берѫщиимъ**	←——
и т. д. (см. таблицу склонения на стр. 232—233)			

В связи с особенностями образования именных форм обращают на себя внимание членные формы именительного падежа единственного числа всех родов и именительного падежа множественного числа мужского рода. Во всех остальных случаях членные формы прилагательных и причастий полностью совпадали.

§ 302. Действительные причастия прошедшего времени (склоняемые) в старославянском языке образовывались от глагольных основ инфинитива с помощью суффиксов **-ъш-** и **-въш-**.

а) Суффикс **-въш-** использовался для образования причастий от основ инфинитива на гласный, кроме суффиксального [-и-], т. е. от всех основ инфинитива IV типа и частично II и III типов (см. ниже): от **зна-ти — зна-въш-и** (ср. русск. *зна-вш-ая*), от **би-ти — би-въш-и** (русск. *би-вш-ая*), от **летѣ-ти — летѣ-въш-и** (русск. *лете-вш-ая*), от **вѣрова-ти — вѣрова-въш-и** (русск. *верова-вш-ая*) и т. д.

б) Глаголы с основами инфинитива I типа образовывали действительные причастия прошедшего времени с суффиксом **-ъш-**: от **нес-ти — нес-ъш-и** (ср. русск. *при-нес-ш-ая*), от **вести** (из **ved-ti*) — **вед-ъш-и** (русск. *при-вед-ш-ая*), от **пещи** (из **pek-ti*) — **пек-ъш-и** (русск. *ис-пек-ш-ая*), от **мощи** (из **mog-ti*) — **мог-ъш-и** (русск. *изне-мог-ш-ая*) и т. д.

От глагола **ити** (и производных) действительное причастие прошедшего времени имело основу **шьд-: шьд-ъш-и, пришьд-ъш-и** и т. д. (ср. русск. *шед-ш-ая*).

в) Глаголы с основой инфинитива V типа в старославянском языке также образовывали причастие с суффиксом **-ъш-**; но перед гласным причастного суффикса еще в праславянском языке конечный **i* в основе инфинитива изменялся в **i̯* > **j* (см. § 116) и смягчал конечный согласный корня; при этом в причастном суффиксе после образовавшегося на месте сочетания с **j* мягкого согласного в соответствии с [ъ] оказывался [ь]: от **сътвори-ти — сътвор'-ьш-и** («сътворившая»), где [р'] < **rj* в основе **-tvori-* > **-tvori̯-* > **-tvorj-* от **ходи-ти — хожд-ьш-и** («ходившая»), где [ж'д'] < **dj* в основе **xodi-* > **xodi̯-* > **xodj-*; от **проси-ти — прош-ьш-и** («просившая»), где [ш'] < **sj* в основе **prosi-* > **prosi̯-* > **prosj-* и т. д.

Под влиянием образований от основ на гласный глаголы с основой инфинитива V типа с течением времени также начинают образовывать причастия с суффиксом **-въш-** (типа **ходи-въш-и, проси-въш-и** и т. п.). Однако в старославянских памятниках такие образования еще очень редки; так, например, их совсем нет в Ассеманиевом евангелии, Сборнике Клоца и Синайской псалтыри; в Мариинском евангелии встречается лишь форма **благослови-въ** (вместо **благословл'-ь**); эта же форма, а также **поусти-въш-и** (вместо **поущ-ьш-и**), **оуѣꙁви-въш-е** (вместо **оуѣꙁвл'-ьш-е**), **оудари-вы** (вместо **оудар'-ии** < **оудар'-ьи**) и **расточ̑и-въ** (вместо **расточ̑-ь**) отмечены в Зографском евангелии; формы **погоуби-вы** (дважды) и **помысли-въ** (вместо **погоубл'-ии** и **помышл'-ь**) встречаются в Саввиной книге. И только в Супрасльской рукописи образований на **-и-въш-** в пять раз больше, чем на **'-ьш-**. В церковнославянском языке причастия на **-и-въш-** стали обычными.

г) Следует отметить образования от глаголов с основой инфинитива II типа 1-го подтипа (см. § 259): конечный гласный основы инфинитива таких глаголов (**мрѣ-ти, жѧ-ти** и под.) произошел

из дифтонгических сочетаний в закрытом слоге, следовательно, лишь в тех образованиях, где за основой инфинитива следовал согласный (**мрѣти** < **mĕr-ti*, **жѧти** < **žĕn-ti* и т. п.). При образовании действительных причастий прошедшего времени в этих основах перед гласным суффикса монофтонгизации или метатезы не происходило: **мер-ъш-и, простер-ъш-и** (инфинитив **простръти** < **prŏ-stĕr-ti*), **жен-ъш-и, распен-ъш-и** (инфинитив **распѧти** < **ŏrs-pĕn-ti* — «распять») и т. д.; например, в Ассеманиевом евангелии: **наченъшю** (инфинитив **начѧти** < **na-čĕn-ti* — «начать»); в Синайском требнике: **оумеръшааго, оумеръшаѩ, распенъı** (из **распенъıи**) и т. д. В большинстве старославянских текстов причастные образования от таких глаголов фиксируются с чередованием корневого гласного на ступени редукции: **(оу) мьръши, простьръши, начьнъши, распьнъши** и т. д.; такие образования появились под влиянием основ настоящего времени (**мьр-ѫтъ, начьн-ѫтъ, распьн-ѫтъ** и т. д.).

д) Наконец, глаголы с основой инфинитива III типа (**двигнѫ-ти, оусънѫ-ти, минѫ-ти** и под.) образовывали действительные причастия прошедшего времени двояко. Основы, в которых суффиксу [-нǫ-] предшествовал согласный, теряли этот суффикс и образовывали причастия как основы инфинитива I типа: от **двиг-нѫ-ти — дви-г-ъш-и**, от **оусънѫти** < **usъp-nǫ-ti* — **оусъп-ъш-и** (ср. русск. церковнослав. *усоп-ш-ая*) и т. д. Основы, в которых суффиксу [-нǫ-] предшествовал гласный, сохраняли этот суффикс и образовывали причастия, как основы на гласные: от **ми-нѫ-ти — минѫ-въш-и** (ср. русск. *мину-вш-ая*), от **доу-нѫ-ти — доунѫ-въш-и** (русск. *дуну-вш-ая*) и т. п.

§ 303. Склонение действительных причастий прошедшего времени не отличалось от склонения действительных причастий настоящего времени; в именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода здесь также суффикс был представлен не полностью (**несъ, хождь, знавъ** и т. д.), а в именительном падеже множественного числа мужского рода было окончание [-е] (**несъше, хождьше, знавъше** и т. д.); именительный падеж единственного числа женского рода характеризовался окончанием [-и] (**несъши, хождьши, знавъши** и т. д.). Во всех остальных падежах всех родов и чисел окончания те же, что и у существитель-

ных мужского и среднего рода с основой на *jŏ и существительных женского рода с основой на *jā.

§ 304. В праславянском языке действительные причастия прошедшего времени (склоняемые) образовывались с помощью суффикса *-ŭs-: от глагола **нес-ти** — *nĕs-ŭs > *nĕsŭ > старослав. **несъ** — «несший» (им. п. ед. ч. муж. р.) — конечный *s был утрачен, а *ŭ > [ъ]. Так же были образованы причастия и от основ инфинитива на суффиксальный *i, например от глагола **ходи-ти:** *xŏdi-ŭs > *xŏdi̯ŭs > *xŏdjŭs > *xŏdjĭ > старослав. **хождь** — «ходивший» (им. п. ед. ч. муж. р.) — после мягкого согласного *'ŭ > > *'ĭ > [ь] (см. § 82).

После основ на гласный (кроме суффиксального *i) перед гласным в суффиксе *-ŭs- в начале слога развился *u̯ (ср. § 59); например, от глагола **зна-ти:** *zna-ŭs > *zna-u̯ŭs > *znavŭ > старослав. **знавъ** —«знавший» (им. п. ед. ч. муж. р.) — в положении перед гласным *u̯ > [в].

§ 305. Как уже отмечалось, при склонении действительных причастий суффикс в праславянском языке осложнялся именной основой на *jŏ или *jā — в зависимости от рода (см. § 300). Это относится к действительным причастиям не только настоящего, но и прошедшего времени (склоняемым).

Например, в родительном падеже единственного числа мужского или среднего рода к причастному суффиксу присоединялся именной суффикс *jo и соответствующее падежное окончание: *nĕsŭs--jō-s, *znau̯ŭs-jō-s; так как *sj > [ш'], то *nĕsŭsjōs > старослав. **несъша**, *znau̯ŭsjōs > старослав. **знавъша.**

То же происходило и в остальных падежных формах.

§ 306. Действительные причастия прошедшего времени, как и прилагательные и причастия настоящего времени, могли образовывать членные формы присоединением указательного местоимения к именной форме причастия. При этом отличными от форм членных прилагательных оказывались лишь формы тех падежей, где были своеобразными именные формы действительных причастий, т. е. именительный падеж единственного числа всех трех родов и именительный падеж множественного числа мужского рода:

Род / Число, падеж	Мужской	Средний	Женский
Ед. ч.			
Им. п.	**несꙑи знавꙑи** или **несꙑ знавꙑ**	**несꙑѥ знавꙑѥ** или **несъшеѥ знавъшеѥ**	**несъшиꙗ**
Род. п.	**несъшаѥго** и т. д.		**несъшѧѩ**
и т. д. (см. таблицу склонения на стр. 232—233)			
Мн. ч.			
Им. п.	**несъше**	**несъшаꙗ**	**несъшѧѩ**
Род. п.	——→	**несъшиихъ**	←——
и т. д. (см. таблицу склонения на стр. 232—233)			

§ 307. Действительные причастия прошедшего времени (несклоняемые) в старославянском языке образовывались от основ инфинитива с помощью суффикса **-л-**: от **бьра-ти — бьра-л-ъ** (русск. *бра-л*), от **слабѣ-ти — слабѣ-л-ъ** (русск. *слабе-л*), от **ходи-ти — ходи-л-ъ** (русск. *ходи-л*), от **(въз) ѧ-ти — (въꙁ) ѧ-л-ъ** (русск. *взя-л*), от **нес-ти — нес-л-ъ** (ср. русск. *нес-л-а*), от **пешти** (из **pek-ti*) — **пек-л-ъ** (ср. русск. *пек-л-а*) и т. д.

В том случае, если основа инфинитива оканчивалась зубным взрывным согласным, последний перед [-л-] в старославянском языке (как и в русском языке) отсутствовал (см. § 138): от **вести** (из **ved-ti*) — **вел-ъ** (из **ved-l-ъ*), от **пасти** (из **pad-ti*) — **пал-ъ** (из **pad-l-ъ*), от **мести** (из **met-ti*) — **мелъ** (из **met-l-ъ*) и т. д.

Так же образовывал несклоняемое действительное причастие от основы **-шьд-** и глагол **ити** (и производные от него): **шьл-ъ** < < **šьd-l-ъ*, **пришьл-ъ**, **ишьл-ъ** (из ***исшьл-ъ**), **въшьл-ъ** и т. д.

От глаголов с основой инфинитива III типа несклоняемые причастия образовывались, как и в других случаях, двояко. Суффикс [-нǫ] сохранился в причастных образованиях после корневого гласного: **ми-нѫ-л-ъ** (от **ми-нѫ-ти**), **доу-нѫ-л-ъ** (от **доу-нѫ-ти**) и т. п. (ср. русск. *ми-ну-л*, *ду-ну-л*). Глаголы с корнем на согласный при образовании несклоняемого причастия обычно теряли суффикс [-нǫ]

(см. § 259): от **(ѹ)млък-нѫ-ти — (ѹ)млък-л-ъ** (ср. русск. _у-молк-л-а_), от **ищеꙁ-нѫ-ти — ищез-л-ъ** (ср. русск. _исчез-л-а_), от **съх-нѫ-ти — съх-л-ъ** (ср. русск. _сох-л-а, вы-сох-л-а_), от **(при)льнѫти** (из _*-lьp-nǫ-ti_) — **(при)льп-л-ъ** (ср. русск. _при-лип-л-а_, но церковнослав. _прильнул-а_), от **(ѹ)тонѫти** (из _*-top-nǫ-ti_) — **(ѹ)топ-л-ъ** (ср. русск. диалектн. _утоп, утоп-л-а_ — «утонул-а») и т. д.

Если корень глаголов этого типа оканчивался зубным взрывным согласным, он, так же как и при образовании несклоняемых причастий от основ I типа, перед [-л-] подвергся упрощению: от **(ѹ)вѧнѫти** (из _*-vęd-nǫ-ti;_ ср. русск. _у-вяд-ший, у-вяд-ать_) — **(ѹ)вѧлъ** < _*-vęd-l-ь_ (ср. русск. _увял_).

Следует отметить причастные образования от глаголов с основами инфинитива II типа: основа таких глаголов в образовании несклоняемых причастий прошедшего времени представлена в старославянском языке чередующимся корневым гласным на ступени редукции: **(ѹ)мръ-л-ъ** [мр̥-л-ъ] < _*-mьr̥-l-ъ_ (но не _*-mĕr-_, как в инфинитиве), **простръ-л-ъ** < _*-stьr̥-l-ъ_ [но не _*-stĕr-_, как в инфинитиве, где перед согласным _*-stĕr-ti_ > **(про)стрѣти**]; ср. то же в русском языке: _умерла_ < древнерусск. _у-мьр-л-а_, _простерла_ < < древнерусск. _про-стьр-л-а_ (ср. образование склоняемых причастий прошедшего времени от основ этого типа — § 302-_г_).

_§ 308._ Именные формы причастий с суффиксом **-л-** еще с праславянской эпохи _употреблялись только в составе сложных глагольных форм_ (в составе будущего сложного II — см. § 273, перфекта — см. § 286, плюсквамперфекта — см. § 288, сослагательного наклонения — см. § 293). В таком употреблении, _согласуясь с подлежащим_, причастия могли иметь формы различных родов и чисел (в зависимости от рода и числа подлежащего), но только _в именительном падеже_ (ибо подлежащее всегда в именительном падеже), что и обусловило их «несклоняемость».

Окончания рода и числа у несклоняемых действительных причастий те же, что у существительных с основами на _*ŏ_ (муж. и ср. р.) и _*ā_ (жен. р.), т. е. как у слов **стол-ъ** (дв. ч. **стол-а**, мн. ч. **стол-и**), **село** (дв. ч. **сел-ѣ**, мн. ч. **сел-а**), **жен-а** (дв. ч. **жен-ѣ**, мн. ч. **женꙑ**); например, в составе перфекта: **мѫжь ѥстъ сътворилъ** — «мужчина сделал» (ср. в дв. ч.: **мѫжа ѥсте сътво-**

рила — «двое мужчин сделали»), **жена ѥстъ родила** — «женщина родила» (ср. во мн. ч.: **женꙑ сѫтъ родилꙑ** — «женщины родили»), **чѧдо ѥстъ въꙁдрасло** — «дитя выросло» (ср. во мн. ч.: **чѧда сѫтъ въꙁдрасла** — «дети выросли»).

Страдательные причастия

§ 309. Страдательные причастия настоящего времени в старославянском языке образовывались с помощью суффикса [-м-], присоединявшегося к глагольной основе настоящего времени посредством тематического гласного [-о-], [-е-] или [-и-].

Тематический [-о-] присоединял причастный суффикс к основам настоящего времени I, II и V типов: от **нес-ѫтъ** — **нес-о-м-ъ** (русск. *нес-о-м-ый*), от **вед-ѫтъ** — **вед-о-м-ъ** (русск. *вед-о-м-ый*), от **двигн-ѫтъ** — **двигн-о-м-ъ** («движимый»), от **вѣд-ѧтъ** («знают»)— **вѣд-о-м-ъ** (ср. русск. *не-вед-о-м-ый*), от **ꙗд-ѧтъ** — **ꙗд-о-м-ъ** («съедаемый») и т. д.

К основам настоящего времени III типа суффикс присоединялся посредством тематического [-е-]: от **ꙁнаѭтъ** — **ꙁнаѥм-ъ** [знаj-е-м-ъ] (русск. *знаемый*), от **вѣроуѭтъ** — **вѣроуѥм-ъ** [в˙ěруj-е-м-ъ] («веруемый»), от **рѣж-ѫтъ** — **рѣж-е-м-ъ** («разрезаемый») и т. д.

Тот же причастный суффикс присоединялся к основам глаголов II спряжения (IV типа) посредством тематического [-и-]: от **вид-ѧтъ** — **вид-и-м-ъ** (русск. *вид-и-м-ый*), от **нос-ѧтъ** — **носи-м-ъ** («носимый») и т. д.

§ 310. Страдательные причастия прошедшего времени в старославянском языке образовывались от глагольных основ инфинитива с помощью суффиксов [-н-] и [-т-]. В индоевропейском праязыке оба суффикса употреблялись достаточно широко и впоследствии сохранились во многих индоевропейских языках. Однако в ряде языков один из этих суффиксов развивал бóльшую продуктивность за счет другого. Так, в латинском, литовском и некоторых других языках более продуктивным оказался суффикс *-t-*, почти вытеснивший *-n-*. Напротив, в праславянском языке суффикс **-n-* получил более широкое распространение, чем суффикс **-t-*. В старославянском языке продуктивность суффикса **-н-** возрастала, охватывая все более широкий круг основ; в поздних

старославянских памятниках с суффиксом **-н-** образованы причастия, первоначально употреблявшиеся с суффиксом **-т-**.

1) Суффикс [-н-] в старославянском языке присоединялся непосредственно к основам инфинитива IV типа, т. е. на суффиксальные [-а-] и [-ě]: от **зъв-а-ти — зъв-а-н-ъ** (ср. русск- *по-зв-а-н*), от **съказ-а-ти — съказ-а-н-ъ** (ср. русск. *сказ-а-но*), от **вид-ѣ-ти — вид-ѣ-н-ъ** (русск. *вид-е-н*) и т. д.

2) К основам инфинитива остальных типов суффикс [-н-] присоединялся посредством тематического [-е-]; так образовывались страдательные причастия прошедшего времени от всех основ инфинитива I, III и V типов, а также от большинства основ II типа (кроме тех, которые использовали суффикс [-т-]):

а) От основ I типа (на корневой согласный): от **(при)нес-ти — (при)нес-е-н-ъ** (русск. *при-нес-е-н*), от **(при)вести** (из **ved-ti*) — **(при)вед-е-н-ъ**, от **(съ)плести** (из **-plet-ti*) — **(съ)плет-е-н-ъ** и т. д.; если основа инфинитива оканчивалась задненёбным согласным, то он перед тематическим [-е-] изменялся в шипящий: от **(ис)пещи** (из **-pek-ti*) — **(ис)печ-е-н-ъ** < **-pek-e-n-ъ* (русск. *ис-печ-е-н*), от **рещи** (из **rek-ti*) — **реч-е-н-ъ** (ср. русск. *из-реч-е-н*).

б) Основы инфинитива III типа с согласным в конце корня, как и в других случаях, при образовании страдательных причастий прошедшего времени могли утрачивать суффикс **-нѫ-**: от **про-зѧб-нѫ-ти — прозѧб-е-н-ъ** («пророщенный»), от **въскрьс-нѫ-ти — въскрьс-е-н-ъ** — («воскрешенный»), от **двиг-нѫ-ти — движ-е-н-ъ** (из **dvig-e-n-ъ* — «сдвинутый»), от **оусѣк-нѫ-ти — оусѣч-е-н-ъ** (из **-sěk-e-n-ъ* — «отсеченный»); однако большинство основ на **-нѫ-** сохраняло суффикс с древним чередованием [-нǫ-]//[-нов-]: от **дрьз-нѫ-ти — дрьз-нов-е-н-ъ**, от **прикос-нѫ-ти — прикос-нов-е-н-ъ** — («тронутый»), от **въдъх-нѫ-ти — въдъх-нов-е-н-ъ** («вдохнутый»), от **притък-нѫ-ти — притък-нов-е-н-ъ** («приткнутый») и т. д.[1]

в) При образовании причастий от основ инфинитива V типа в праславянском языке суффиксальный **i* перед тематическим глас-

---

[1] Такие образования как церковнославянизмы известны современному русскому литературному языку: *дерз-нов-енный, неприкос-нов-енный, вдох-нов-енный* и т. п.; особенно распространены отвлеченные существительные, образованные от таких причастий: *вдохновен-ие, неповиновен-ие* (ср. старослав. **повинѫти сѧ** — «подчиниться»), *дуновен-ие, прикосновен-ие, столкновен-ие* и т. д.

ным, как обычно, изменялся в *i̯ > *j (см. § 116) и смягчал предшествующий согласный корня: от **проси-ти — прош-е-н-ъ** < *prosj-e-n-ъ < *prosi̯-e-n-ъ (русск. *с-прош-е-н*), от **ходи-ти — хожд-е-н-ъ** < *xodj-e-n-ъ < *xodi̯-e-n-ъ (русск. *ис-хож-е-н*, ср. церковнослав. *хожд-е-н-ие*), от **коупи-ти — коупл'-е-н-ъ** < *kupj-e-n-ъ < *kupi̯-e-n-ъ и т. д.

г) С суффиксом [-н-] в старославянском языке образовывали страдательные причастия прошедшего времени также глаголы с основой инфинитива II типа на корневой [-и-], [-ы-], [-ра-] < < *-ŏr- и [-ла-] < *-ŏl-; при этом гласный основы инфинитива в таких образованиях нередко был представлен на ступени редукции: от **оуби-ти — оубиенъ** [уб'йj-е-н-ъ] («убитый»), от **омы-ти — омъв-е-н-ъ** (ср. русск. церковнослав. отпричастное существительное *омов-е-н-ие*), от **забы-ти — забъв-е-н-ъ** (ср. русск. церковнослав. *самозабв-е-нн-ый*, существительное *забв-е-н-ие*), от **бра-ти** (из *bŏr-ti) — **бор-е-н-ъ** («побоpотый»), от **закла-ти** (из *-kŏl-ti) — **закол-е-н-ъ** («заколотый») и т. д.[1].

3) Суффикс [-т-] в старославянском языке использовался при образовании причастий от основ инфинитива II типа на [-ě-] > *oi̯, [-р'ě-] < *-ĕr-, [ę] < *-em- или *-en-, а также от некоторых основ на корневой согласный: от **пѣ-ти** (из *poi̯-ti) — **пѣ-т-ъ** (ср. русск. *с-пе-т-ый*), от **(възь)ѧ-ти** (из *-em-ti) — **(възь)ѧ-т-ъ** (русск. *взя-т-ый*), от **начѧ-ти** (из *na-čen-ti) — **начѧ-т-ъ** (русск. *нача-т-ый*), от **трѣ-ти** (из *tĕr-ti) — **тръ-т-ъ** < *tr̥-t-ъ (с чередованием в корне на ступени редукции; ср. русск. *тер-т-ый*); основы на согласные с суффиксом -т- единичны: от **оувѧсти** (из *u-vęz-ti* — «украсить; завязать») — **оувѧстъ** (из *u-vęz-t-ъ — «украшен; завязан»), от **отврѣсти** (из *ot-vĕrz-ti — «отворить») — **отвръстъ** (из *ot-vr̥z-t-ъ — «отворен, открыт»).

§ 311. Страдательные причастия как настоящего, так и прошедшего времени склонялись по типу основ на *ŏ (муж. и ср. р.), *ā (жен. р.), т. е. как существительные **рабъ, сел-о, жен-а:**

---

[1] Впрочем, иногда в старославянских текстах от этих основ встречаются образования с суффиксом [-т-] (т. е. **би-т-ъ, забы-т-ъ, закла-т-ъ** и под.), сохраняющиеся в ряде современных славянских языков, в том числе и в русском: *би-т-ый, омы-т-ый, забы-т-ый, коло-т-ый* и т. п.

Род / Число, падеж	Мужской	Средний	Женский
Ед. ч.			
Им. п.	несомъ зъванъ	несомо зъвано	несома зъвана
Род. п.	несома зъвана		несомы зъваны
Дат. п.	несомоу зъваноу		несомѣ зъванѣ
	и т. д. (см. таблицу склонения в § 149—150)		и т. д. (см. таблицу в § 145)
Дв. ч.			
Им.-вин. п.	несома зъвана	несомѣ зъванѣ	← ←
Род.-местн. п.	→ →	несомоу зъваноу	← ←
Дат.-твор. п.	→ →	несомома зъваноma	несомама зъванама
Мн. ч.			
Им. п.	несоми зъвани	несома зъвана	несомы зъваны
Род. п.	несомъ зъванъ		несомъ зъванъ
Дат. п.	несомомъ зъваномъ		несомамъ зъванамъ
	и т. д. (см. таблицу склонения в § 149—150)		и т. д. (см. таблицу в § 145)

Членные формы страдательных причастий образовывались и склонялись точно так же, как и членные формы прилагательных (твердого варианта). Например, в единственном числе мужского рода:

Им. п. **несомыи** > **несомы** (аналогично **зъваныи** > **зъваны**)
Род. п. **несомаѥго** > **несомааго** > **несомаго**
Дат. п. **несомоуѥмоу** > **несомоуоумоу** > **несомоумоу**

и т. д. (см. таблицу склонения членных форм на стр. 232—233).

Инфинитив

§ 312. Инфинитив — одна из именных форм глагола, утративших изменение, но сохранивших синтаксические функции имен.

Старославянский инфинитив был образован прибавлением суффикса **-ти** к глагольной основе, получившей название основы инфинитива. Инфинитивный суффикс выделялся в тех случаях, когда основа оканчивалась гласным (корневым или суффиксальным): **жѧ-ти, би-ти, мꙑ-ти, бьра-ти, двигнѫ-ти, съказа-ти, вѣрова-ти, слабѣ-ти, видѣ-ти, ходи-ти.** В тех случаях, когда основа оканчивалась корневым согласным, при образовании инфинитива этот согласный в сочетании с **-ti* еще в праславянском языке мог подвергаться различным фонетическим изменениям.

Если основа инфинитива оканчивалась задненёбным согласным, то сочетание этого согласного с **t* перед **i* изменялось в [ш͡т'] (см. § 126): **rek-ti* > **рещи** — «сказать» (ср. русск. *от-речь-ся*), **pek-ti* > **пещи** (русск. *печь*), **mog-ti* > **мощи** (русск. *мочь*) и т. д.

Если основа инфинитива оканчивалась переднеязычным или губным взрывным согласным, то при образовании инфинитива взрывной перед **t* подвергался диссимиляции (см. § 135) или утрате (см. § 136): **plet-ti* > **плести,** **ved-ti* > **вести;** **tep-ti* > **тети** («ударять»), **pogrěb-ti* > **погрѣти** («похоронить»).

§ 313. Славянский инфинитив не является общеиндоевропейским: он образовался в праславянском языке присоединением к глагольной основе инфинитива суффикса **-t-* и именной темы **ĭ*. Предполагают, что исторически **нести, знати, ходити** и т. д. — застывшие формы дательного падежа единственного числа основ на **ĭ* (ср. дат. п. **кости, власти, гости** и т. п. — см. § 153).

Форма дательного падежа обусловлена основной функцией инфинитива как косвенного дополнения при глаголе: **не подобааше ли и тебѣ помиловати клеврѣта твоего** [= «Не *подобало* ли и тебе *простить* своего товарища?»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII). Особенно распространено в старославянском языке употребление инфинитива при глаголах **мощи, начѧти, хотѣти, имѣти** и некоторых других, например: **женѫ поѩсь и сего ради не могѫ прити** [= «(Я) женился, поэтому не *могу прийти*»] (Мар. ев., *Л.*, XIV); **и начѧсѧ въкоупѣ отрицати сѧ вьси** [= «И все, как сговорившись, *начали отказываться*»] (там же) и т. п. Отме-

ченные глаголы имели тенденцию становиться вспомогательными при инфинитиве; в частности, именно из употребления этих глаголов в форме настоящего времени с инфинитивом развилось старославянское сложное будущее время (см. § 271).

С глаголом **бъіти** инфинитив использовался обычно для выражения необходимости, возможности: **како же бѣ сътворити июдѫ кротъка** [= «Как же можно было сделать Иуду кротким?»] (Супр. рук.); **вѣдѣаше ꙗко семоу кстъ бъіти** [= «(Он) знал, что этому следует быть»] (там же).

В старославянском языке инфинитив мог быть дополнением также и при существительном или прилагательном: **имамъ нѫждѫ изити и видѣти е** [= «Мне необходимо (дословно: «имею *нужду*») *пойти* и *осмотреть* его (т. е. поле)»] (Мар. ев., *Л.*, XIV); **испльни сѧ врѣмѧ родити еи** [= «Ей пришло *время родить*»] там же, *Л.*, I); **ни себе достоина сътворихъ прити** [= «(Я) не считал себя *достойным прийти* (к тебе)»] (там же, *Л.*, VII).

Супин

§ 314. Супин представлял собой одну из именных форм глагола, утративших изменение.

В старославянском языке супин был образован прибавлением суффикса **-тъ** к основе инфинитива: **зна-тъ, да-тъ, видѣ-тъ, нес-тъ** и т. д.; от основ инфинитива на задненёбный согласный супин должен был бы оканчиваться на ***-ктъ** (т. е. ***ректъ, *пектъ** и под.); но под влиянием инфинитивных образований в старославянском языке супин от таких глаголов в действительности оканчивался на **-щь: пещь, рещь, мощь** и т. д.

Исторически супин — это форма винительного падежа единственного числа основ на **ŭ* (ср. **сънъ** — § 156), т. е. [-тъ] < < **-tŭ* < **-tŭn* (старослав. [-тъ] в латинском соответствует *-tŭm*: *datum*).

Супин употреблялся в старославянском языке при глаголах движения для указания на цель движения; при этом, будучи именной формой, супин, образованный от переходных глаголов, управлял родительным падежом имени (а не винительным).

В поздних старославянских текстах супин вытесняется инфинитивом; в современном русском языке супину также соответствует инфинитив.

Вот несколько примеров употребления супина в старославянских предложениях: **сѫпрѧгъ воловънъıихъ коупихъ пѧть · и грѧдѫ искоуситъ ихъ** [= «(Я) купил пять воловьих упряжек и *иду* их *испытать*»] (Мар. ев., *Л.*, XIV) — супин **искоуситъ** указывает на цель движения (**грѧдѫ** — с какой целью?); прямое дополнение при нем в родительном падеже — **ихъ** (в старославянском языке винительный падеж — **ıѧ**);

идѫ оуготоватъ мѣста [= «*Иду приготовить* место»] (Сав. кн., *Ин.*, XIV) — супин **оуготоватъ** указывает на цель движения (**идѫ** — с какой целью?); прямое дополнение при нем в родительном падеже — **мѣста**; но ср. замену супина инфинитивом в Мариинском евангелии: **идѫ оуготовати мѣсто** (*Ин.*, XIV) — при инфинитиве дополнение в винительном падеже.

Дополнительная литература к § 295—314

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 160—169.

Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, § 62—65.

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 252—262 (стр. 194—198), 275—292 (стр. 207—218), 363—368 (стр. 267—271).

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Классы старославянского глагола

§ 315. Глагольные корни в большинстве являются очень древними, и многие из них служили базой для производства имен (существительных или прилагательных), а также новых глаголов. От первичных корней с помощью ограниченного числа суффиксов и чередования корневых гласных образованы глагольные основы.

Основной способ образования глагольных основ — суффиксальный. Наряду с суффиксами большое значение при образовании глагольных основ имели качественные и количественные чередования гласных в глагольных корнях (см. § 85—89 и 90—92).

Значительную роль в глагольном словопроизводстве играли приставки. Однако, изменяя лексическое и, нередко, видовое значение глагола, приставки не меняли формообразующего типа глагольной основы, поэтому при анализе глагольного словообразования приставочное словопроизводство должно рассматриваться после выделения основных типов глагольных основ.

§ 316. Каждый глагол имеет две формообразующие основы, которые тесно связаны друг с другом, являются носителями не только одного лексического значения, но и одного видового значения, одного значения направленности, характеризуются одинаковой сочетаемостью с другими словами в предложении. Поэтому образование обеих глагольных основ должно рассматриваться в тесном единстве, что требует выявления основных типов соотношения глагольных основ инфинитива и настоящего времени, установления тех пар словообразовательных средств, которые образуют две основы одного глагола.

По соотношению двух глагольных основ (основы инфинитива и основы настоящего времени) глаголы принято делить на классы. Глагольный класс — это определенная система всех форм одного глагола (подобно тому как тип склонения — система всех форм одного имени).

В старославянском языке можно выделить восемь основных глагольных классов, внутри которых иногда разграничиваются отдельные словообразовательные группы.

I класс

§ 317. К первому классу относятся глаголы I спряжения (с темой [е]), основа инфинитива и основа настоящего времени которых оканчивались корнем, следовательно, исторически совпадали: **нес-ти — нес-е-тъ, нес-ѫтъ; мрѣ-ти — мьр-е-тъ, мьр-ѫтъ.** В конце основы инфинитива глаголов I класса в старославянском языке мог быть как согласный, так и гласный, заменивший прежний согласный в результате произошедших в праславянском языке фонетических изменений (например, в результате метатезы *ĕr > > [rě], образования носового гласного [ę] < *en, *em, монофтонгизации дифтонга *oų > [у] и т. д.), а в конце основы настоящего времени — всегда твердый корневой согласный.

Почти все простые (бесприставочные) глаголы I класса (за исключением пяти) имели значение несовершенного вида и обозначали действия (но не состояние); глаголы движения, входившие в этот класс, — всегда направленные (**нести,**

вести, брести, лѣсти — «лезть», **влѣшти** — «тащить» и др.). Присоединение приставки меняло вид глагола.

Для глаголов I класса характерен гласный [е] (или его рефлексы, например **ѣ** [ě] < *$\bar{e}$) в корне. Те немногочисленные глаголы, в корне которых в старославянском языке был [о] или его рефлексы ([а] < *$\bar{o}$, [у] < *ou̯), вошли в этот класс из разрушавшегося уже в праславянском языке нетематического класса.

Глаголы I класса представляли несколько групп довольно старых образований, многие из которых были индоевропейскими.

§ 318. 1) Основа инфинитива и основа настоящего времени оканчивались твердым зубным согласным: **нес-ти** — **нес-ѫтъ, трѧс-ти** «трясти» — **трѧс-ѫтъ, вести** (из *vez-ti) «везти» — **вез-ѫтъ, лѣсти** «лезть» — **лѣз-ѫтъ, мести** (из *met-ti) — **мет-ѫтъ, гнести** (из *gnet-ti) «давить, угнетать» — **гнет-ѫтъ, вести** (из *ved-ti) «вести» — **вед-ѫтъ; блюсти** (из *bleu̯d-ti) «охранять» — **блюд-ѫтъ** и др. Сюда же относились и образования нетематического происхождения, что обнаруживается в корневом гласном [о] (или [а] < *$\bar{o}$): **бости** (из *bod-ti) «колоть» — **бод-ѫтъ, пас-ти** — **пас-ѫтъ** и др., среди которых глагол совершенного вида **пасти** (из *pad-ti) «упасть» — **пад-ѫтъ.**

Основа инфинитива и основа настоящего времени могли оканчиваться задненёбным согласным: **пешти** (из *pek-ti) «печь» — **пек-ѫтъ, тешти** (из *tek-ti) «течь» — **тек-ѫтъ, сѣшти** (из *sěk-ti) «сечь» — **сѣк-ѫтъ, влѣшти** (из *vělk-ti; ср. русск. *волокут*) «тащить» — **влѣк-ѫтъ, стрѣшти** (из *stěrg-ti) «стеречь» — **стрѣг-ѫтъ, жешти** (из *žeg-ti) «жечь» — **жег-ѫтъ, стришти** (из streịg-ti) «стричь» — **стриг-ѫтъ** и др., среди которых один глагол совершенного вида **решти** (из *rek-ti) «сказать» — **рек-ѫтъ**; ср. русск. *(из) речь — (из) рек-ут.* С корневым [о] глагол **мошти** (из *mog-ti) «мочь» — **мог-ѫтъ.**

Среди глаголов этой группы особого внимания заслуживают **сѣсти** («сесть») и **лешти** («лечь»). Как и все глаголы этого класса, они обозначали действия, причем направленные (в отличие от **сѣдѣти** и **лежати**, обозначавших состояние), характеризовались корневым гласным типа [е], но были совершенного вида и образовывали некогда основу настоящего времени при помощи инфикса (вставки) *n: **сѧд-ѫтъ** < *send- (при основе инфинитива **сѣсти** < < *sēd-ti), **лѧг-ѫтъ** < *leng- (при основе инфинитива **лешти** <

< *lĕg-ti*); ср. русск. *сесть — сяд-ут, лечь — ляг-ут*, где ['а] < [ę]. По этому же типу (т. е. с инфиксом *n) была образована основа совершенного вида (со значением будущего времени) глагола **быти**: старослав. **бѫд-ѫтъ** < **bŭnd-* (ср. русск. *буд-ут*, где [у] < [ǫ]).

§ 319. 2) Основа инфинитива оканчивалась гласным, который оказался на месте праславянского дифтонгического сочетания, изменившегося под влиянием тенденции к построению слога по принципу возрастающей звучности; основа настоящего времени — обычная для I класса (т. е. на твердый корневой согласный).

В старославянском языке эта группа включала глаголы с неполногласным сочетанием **-рѣ-** или носовым гласным, развившимся в основе инфинитива перед согласным (см. § 100—103); для таких глаголов характерно чередование **ĕ* (в основе инфинитива) — **ь* (в основе настоящего времени): **мрѣ-ти** (из **mĕr-ti*) «умирать» — **мьр-ѫтъ** [ср. русск. *(у) мере-ть — (у) мр-ут*, древнерусск. *(у) мьр-утъ*], **(по) жрѣ-ти** (из **-žĕr-ti*) «(по) жрать» — **(по) жьр-ѫтъ, (за) врѣ-ти** (из **-vĕr-ti*) «запереть» — **(за) вьр-ѫтъ** и др.; **жѧ-ти** (из **žĕn-ti*) «жать, пожинать» — **жьн-ѫть, жѧ-ти** (из *žĕm-ti*) «жать, сжимать» — **жьм-ѫтъ, мѧ-ти** (из **mĕn-ti*) «мять» — **мьн-ѫтъ, клѧ-ти** (из **klĕn-ti*) «проклинать» — **кльн-ѫтъ, (на) чѧ-ти** (из **-čĕn-ti*) «(на) чать» — **(на) чьн-ѫтъ**; среди этих глаголов один совершенного вида: **ѩ-ти** (из **jĕm-ti*) «взять» — **им-ѫтъ** < **jьm-* [ср. русск. *(вз) я-ть — (воз) ьм-ут*]. Видимо, к иному типу некогда относился глагол **доу-ти — дъм-ѫтъ** («дуют»), где в основе инфинитива **доу-**, а не ***дѫ-**.

Единичными образованиями представлены глаголы, в основе инфинитива которых корневой [у] < **ou̯*, произошедшего из **eu̯* (где **e* — характерная черта I класса): **слоу-ти** (из **slou̯-ti*) «слыть, иметь известность» — **слов-ѫтъ** (ср. греч. κλέομαι [klĕomai̯], указывающее на первоначальный корень **-sleu̯-*), **плоу-ти** (из **plou̯-ti*) «плыть» — **плов-ѫтъ** (ср. греч. πλέω [plĕō], указывающее на первоначальный корень **-pleu̯-*), а также **рю-ти** (из **reu̯-ti*) «реветь» — **рев-ѫтъ**; с этим значением в старославянских памятниках встречается и **роу-ти — ров-ѫтъ** (по типу **слоути, плоути**).

§ 320. Особо надо отметить три глагола, которые исторически не относятся к глаголам I класса, но имеют сходное соотношение основ. Это **плѣ-ти** (из **pĕl-ti*) «полоть» — **плѣв-ѫтъ** (ср.

старослав. **плѣв-елъ** «сорная трава», русск. диалектн. *полова*) и **жи-ти — жив-ѫтъ**: в обоих случаях основа настоящего времени распространена за счет [в], который некогда был суффиксальным и сохранился в именных образованиях (ср. **живъ** «живой» и **плѣвелъ**, где суффикс имени **-ел-ъ** присоединен к основе **плѣв-**); глагол **и-ти** «идти» — **ид-ѫтъ** характеризуется в основе настоящего времени вторичным [д], когда-то также являвшимся суффиксом (ср. еще **ꙗхати** «ехать» — во II классе).

II класс

§ 321. Ко второму классу относятся глаголы I спряжения (с темой [е]), основа инфинитива которых оканчивалась суффиксальным [а], а основа настоящего времени — твердым корневым согласным: **бьр-а-ти — бер-е-тъ, бер-ѫтъ.**

Общее лексическое и грамматическое значение то же, что и у глаголов I класса: все бесприставочные глаголы II класса были несовершенного вида и обозначали действия (глаголы движения характеризовались значением направленности: **гънати**); все они, принимая приставки, получали значение совершенного вида. Общность значения обнаруживается и в общности основы настоящего времени глаголов I и II класса (твердый корневой согласный в конце основы: **нес-ѫтъ** и **бер-ѫтъ**).

§ 322. По соотношению корневых гласных в основе инфинитива и в основе настоящего времени можно выделить две группы глаголов II класса.

1) В основе инфинитива корневой гласный на ступени редукции, в основе настоящего времени — на ступени краткости (а однажды — долгий): **бьр-а-ти — бер-ѫтъ, дьр-а-ти — дер-ѫтъ, (по)пьр-а-ти** «(по) топтать» — **пер-ѫтъ, зъв-а-ти — зов-ѫтъ, гън-а-ти — жен-ѫтъ** «гонят» и др. С долгим гласным в основе настоящего времени **жьд-а-ти — жид-ѫтъ** «ждут»; однако под влиянием основы инфинитива в старославянских памятниках встречается также и **жьд-ѫтъ** (ср. русск. *жд-ут* — из *жьд-уть*).

2) Корневой гласный в обеих основах одинаковый: **ръв-а-ти — ръв-ѫтъ, тък-а-ти — тък-ѫтъ, със-а-ти** («сосать») — **със-ѫтъ, мет-а-ти — мет-ѫтъ** («бросают») и др.

По II классу образовывал основы глагол **ıахати — ıадѫтъ**, русск. *ех-а-ть — ед-ут*, исторически имевший корень **(j) ě-*, распространенный в основе настоящего времени суффиксом **-d-* — тем же, что и в основе **идѫтъ** (см. § 320); **-х-а-** в основе инфинитива неясного происхождения.

§ 323. Некоторые глаголы II класса со временем утратили старую основу настоящего времени на твердый корневой согласный, заменив ее по типу более продуктивных образований. Так, основа настоящего времени **мет-** (от **метати**) в старославянских памятниках очень рано заменяется либо основой **мешт(ѫтъ)**, где [ш͡т'] < **tj* (ср. русск. *меч-ут*, где [ч'] < **tj*) — по типу V класса, либо **метаѭтъ** [м˙етаj-ǫтъ] — по типу VI класса.

Некогда имел основу настоящего времени II класса и глагол **иск-а-ти**; так, в Мариинском евангелии 1-е лицо **иск-ѫ** (*Ин.*, VIII), в Синайской псалтыри **въз-иск-ѫ** («взыщу»), в Ассеманиевом евангелии 3-е лицо множественного числа **иск-ѫтъ** (*Мр.*, I); однако большинство старославянских текстов отражает переход этого глагола в V класс — с основой настоящего времени **ишт-ѫтъ** (ср. образование страдательного причастия настоящего времени от основы II класса — *иск-ом-ый*, а не **ищемый*).

То же произошло с глаголами **жьв-а-ти** («жевать»), **ков-а-ти, снов-а-ти**: в старославянских памятниках эти глаголы обычно образуют формы с основами настоящего времени II класса: **жьв-ѫтъ, ков-ѫтъ, снов-ѫтъ.** Однако позднее и эти глаголы получили основу настоящего времени по V классу: **жюѭтъ, коуѭтъ, сноуѭтъ.**

III класс

§ 324. К третьему классу относятся глаголы I спряжения (с темой [е]), основа инфинитива которых оканчивалась суффиксом [-нǫ-], а основа настоящего времени — суффиксом [-н-]: **двигнѫ-ти — двигн-е-тъ, двигн-ѫтъ.**

Со стороны значения глаголы III класса образуют две группы:

а) В подавляющем большинстве глаголы III класса были производными совершенного вида со значением мгновенного или однократного действия: **доунѫти** — совершенный вид к **доути,**

зинѫти («зевнуть») — к **зиıати** («зевать»), **(по) кънѫти** («кивнуть») — к **къвати** («кивать»), **плинѫти** («плюнуть») — к **плѩвати**, **капѫти** (из **kap-nǫ-ti*) — к **капати**, **кликнѫти** — к **клицати** (ср. *вос-клицать*), **(оу) сѣкнѫти** («отсечь») — к **сѣщи** (русск. *сечь*), **(оу) сънѫти** (из **-sъp-nǫ-ti*) — к **съпати** и т. д. Сюда же следует отнести и **ста-ти — стан-ѫтъ** (к **стоıати**) — единственный глагол, у которого основа инфинитива не имела суффикса **-нѫ-**.

б) Ряд глаголов III класса без приставок имел значение несовершенного вида, обозначая переход к какому-либо состоянию: **вѧзнѫти** («вязнуть»), **гаснѫти**, **мръзнѫти** («мерзнуть»), **млъкнѫти** («умолкать»), **тонѫти** (из **top-nǫ-ti*), **гыбнѫти**, **выкнѫти** («учиться») [ср. русск. *(при) выкнуть*], **сꙋхнѫти**, **вѧнѫти** (из **vęd-nǫ-ti*; ср. русск. *у-вяд-ать*), **зѧбнѫти** («прорастать»), **слѣпнѫти** и т. д. С приставками все эти глаголы получали значение совершенного вида.

§ 325. По особенностям образования форм от основы инфинитива (а отчасти и настоящего времени) глаголы III класса следует разделить опять-таки на две группы:

1) Глаголы, в основах которых [-нǫ-] — [-н-] следовал за корневым гласным: **доу-нѫ-ти**, **зи-нѫ-ти**, **(по) кы-нѫ-ти**, **ма-нѫ-ти** («поманить, делать знаки»), **ми-нѫ-ти** («пройти мимо, миновать») и др. Глаголы этой группы сохраняли **-нѫ-** во всех формах, образованных от основы инфинитива.

2) Глаголы, в основах которых суффикс [-нǫ-] — [-н-] следовал после согласного: **двиг-нѫ-ти**, **дрьз-нѫ-ти**, **дъх-нѫ-ти**, **(оу) жас-нѫ-ти**, **(про) зѧб-нѫ-ти**, **кос-нѫ-ти** («тронуть», ср. русск. *(при) кос-ну-ться)*, **(оу) млък-нѫ-ти**, **(о) слѣп-нѫ-ти**, **(по) стиг-нѫ-ти**, **тък-нѫ-ти** и др., в том числе глаголы, в основе которых согласный перед суффиксом [-нǫ-] — [-н-] еще в праславянском языке был утрачен (см. § 136): **тонѫти** (из **top-nǫ-ti*), **(оу) сънѫти** (из **-sъp-nǫ-ti*), **гънѫти** «гнуть» (из **gъb-nǫ-ti*, ср. **сългыб-ати**, русск. *с-гиб-ать*), **(оу) вѧнѫти** (из* *vęd-nǫ-ti*), **(при) лѣнѫти** (из **-lьp-nǫ-ti*, ср. **при-лип-ати**, русск. *лип-нуть*, *при-лип-ать*) и др.

Формы, обычно связанные с основой инфинитива, глаголы этой группы могли образовывать без суффикса **-нѫ-** (хотя возможны образования с сохранением этого суффикса — см. § 279, 282, 302-*д*, 307); например, формы аориста: **двигъ**, **движе** — «я, он

двинул» (от **двиг-нѫ-ти**), **оужасѧ сѧ** — «они ужаснулись» (от **оужас-нѫ-ти сѧ**), **прозѧбе** — «он пророс» (от **прозѧб-нѫ-ти**), **въскрьсе** — «он воскрес» (от **въскрьс-нѫ-ти**), **оумлъкъ, оумлъче** — «я, он умолк» (от **оумолък-нѫ-ти**), **ослѣпе** — «он ослеп» (от **ослѣп-нѫ-ти**), также **постиже** — «он постиг», **исъхъ** — «я высох», **оусъше** — «он засох», **исѧче** — «он иссяк», **оутонѫ** — «они утонули», **оусъпе** — «он уснул» и т. д.

Некоторые глаголы этой группы могли терять суффиксальный [-н-] и в основе настоящего времени, которая в этом случае образовывалась либо по I (с твердым корневым согласным), либо по V классу (с мягким корневым согласным, развившимся на месте сочетания с *j*): **оусѣчетъ, оусѣци** — «отсечет, отсеки» (от **оусѣкнѫти**), **погъıблетъ, погъıблемъ** (от **погъıбнѫти**), **исъшетъ, исъшѫтъ** — «высохнет, высохнут» (от **исъхнѫти**), **исѧчетъ** — «иссякнет» (от **исѧкнѫти**), **прозѧблетъ** — «прорастет» (от **прозѧбнѫти**) и др.

IV класс

§ 326. К четвертому классу относятся глаголы I спряжения, основа инфинитива которых оканчивалась корневым гласным, а основа настоящего времени — согласным [j] (т. е. имела тему [-j-e-]) после гласного или плавного согласного, который в сочетании с *j* стал мягким: **би-ти — биѥтъ** [б'йj-е-тъ], **биѭтъ; бра-ти — бор'-е-тъ** (из **borj-e-tъ*), **бор'-ѭтъ.**

Класс этот очень немногочислен и непродуктивен, включал старые, нередко допраславянские образования. Все непроизводные (бесприставочные) глаголы IV класса были несовершенного вида, со значением активного действия, как правило — переходные; среди глаголов этого класса лишь несколько непереходных, обозначавших состояния. С приставками все глаголы IV класса получали значение совершенного вида.

Основа инфинитива всех глаголов IV класса характеризовалась долгим гласным, обычно дифтонгического происхождения (из **oį*, **eį*, **ou̯*, **eu̯*, **йu̯*), или неполногласным сочетанием, развившимся из дифтонгических сочетаний **or*, **el* перед инфинитивным суффиксом **-ti*. По происхождению **j* в основе настоящего времени глаголы распадаются на две группы.

§ 327. 1) Глаголы, имевшие в инфинитиве и в настоящем времени одну и ту же корневую основу (подобно глаголам I класса — см. § 317), оканчивающуюся дифтонгом на **i̯* (**ei̯* или **oi̯*, **ai̯*). В основе инфинитива, будучи в закрытом слоге, дифтонг монофтонгизировался, образовав [и] или [ě]; в основе настоящего времени — перед тематическим гласным — дифтонг распался на гласный и [j], который и оказался в конце основы настоящего времени: **би-ти** (из **bei̯-ti*) — **бијѫтъ** [б˙иј-ѫтъ] (из **bei̯-o-ntъ*), **ви-ти** (из **vei̯-ti*) — **вијѫтъ** [в˙иј-ѫтъ] (из **vei̯-o-ntъ*), так же **гни-ти — гнијѫтъ** [гн˙иј-ѫтъ], **ли-ти — лијѫтъ** [л˙иј-ѫтъ], **пи-ти — пијѫтъ** [п˙иј-ѫтъ], **въпи-ти** («вопить, кричать») — **въпијѫтъ** [въп˙иј-ѫтъ], **(по)чи-ти** («успокоиться, предаться отдыху») — **(по)чијѫтъ, ши-ти — шијѫтъ;** один глагол с [ě] < **oi̯*: **пѣ-ти** (из **poi̯-ti*) — **поѭтъ** [поj-ѫтъ] (из *poi̯-o-ntъ*).

§ 328. 2) Глаголы, имевшие в инфинитиве корневую основу, которая при образовании основы настоящего времени осложнялась суффиксом **j*:

а) После корневого гласного в основе настоящего времени суффиксальный [j] сохранился: **вы-ти — выѭтъ,** [вы̆j-ѫтъ], **кры-ти — крыѭтъ** [кры̆j-ѫтъ], **мы-ти — мыѭтъ** [мы̆j-ѫтъ], **ны-ти — ныѭтъ** [ны̆j-ѫтъ], **ры-ти — рыѭтъ** [ры̆j-ѫтъ] и др. Все эти глаголы образовывали настоящее время с корневым гласным на ступени краткости: **выѭтъ** [вы̆j-ѫтъ], где перед [j] — [ы] < [ъ] < **ŭ* (см. § 50); то же в **крыѭтъ** [кры̆jѫтъ], **мыѭтъ** [мы̆jѫтъ] и т. д. В основе инфинитива гласный был долгим: **выти** < **vūti*.

Без чередования гласных в корне известны глаголы: **чю-ти** [ч'ут˙и] («чувствовать, ощущать») — **чюѭтъ** [ч'уj-ѫтъ], **(о)боу-ти — (о)боуѭтъ** [о-буj-ѫтъ], **зна-ти — знаѭтъ** [знаj-ѫтъ].

В праславянском языке к этому типу относилась еще группа глаголов (с корневым **ě*), частично сохранивших образование основ по IV классу и в старославянском языке: **сѣ-ти** («сеять») — **сѣѭтъ** [с˙ěj-ѫтъ], **спѣ-ти** («зреть, поспевать») — **спѣѭтъ** [сп˙ěj-ѫтъ], **грѣ-ти** («греть») — **грѣѭтъ** [гр˙ěj-ѫтъ] и др. Однако под влиянием образований V класса (**даꙗти — даѭтъ**) глаголы типа **сѣти** стали образовывать основу инфинитива с суффиксальным [-а-]: **сѣꙗти — сѣѭтъ, спѣꙗти — спѣѭтъ** и т. д.

б) После корневого плавного суффиксальный **j* в основе настоящего времени утратился, смягчив предшествующий согласный:

кла-ти (ср. русск. *колоть*, следовательно, **клати** < **kŏl-ti*) — **кол'-ѫтъ** (из **kŏlj-ǫtъ*), **бра-ти** (ср. русск. *бороться*, следовательно, **брати** < **bŏr-ti*) — **бор'-ѫтъ** (из **bŏrj-ǫtъ*), **млѣ-ти** (ср. русск. *молоть*, следовательно, **млѣти** < **mĕl-ti*) — **мел'-ѫтъ** (из **mĕlj-ǫtъ*), **пра-ти** (русск. *пороть* < **pŏr-ti*) — **пор'-ѫтъ** (из ** ŏrj-ǫtъ*) и т. д., в том числе и с редуцированным перед плавным: **тръ-ти** «тереть» (из **tьr̥-ti*) — **тьр'-ѫтъ** (из **tьrj-ǫtъ*), **жрѣ-ти** «приносить жертву» (из **gьr̥-ti*) — **жьр'-ѫтъ** (из **gьrj-ǫtъ*). Однако два последних глагола, видимо, в связи с отвердением [р], стали переходить в I класс (по типу **мрѣти — мьрѫтъ** — см. § 317): **жьр-ѫтъ, тьр-ѫтъ.**

По этому же типу образовывал основы и глагол совершенного вида **дѣти** («деть, положить»): основа инфинитива на корневой гласный **дѣ-ти** — основа настоящего времени на суффиксальный **j*, который, однако, присоединялся не к корню, а к старому суффиксу основы настоящего времени **d* (к тому, что и в основах **ид-ѫтъ** — см. § 320, **ꙗд-ѧтъ** — см. § 322, п. 2): **-дежд-ѫтъ** < **-de-dj-ǫtъ*, обычно с приставками: **въздеждѫ** («подниму»), **одеждемъ** («оденем»). Эта основа сохранилась в именных образованиях на **jā*: **одеждꙗ** < < **o-dedj-a*, **надеждꙗ** < **na-dedj-a*.

По типу глаголов IV класса были образованы основы глагола **обрѣсти** — «найти», но в конце основы инфинитива — корневой согласный, а не гласный (**обрѣсти** < **obrĕt-ti*, как у глаголов I класса); к этому согласному и присоединялся **j* в основе настоящего времени, которая характеризовалась также инфиксом **n* (ср. глаголы **сѣсти, лешти** — § 318): **обрѧшт-ѫтъ** < **obrentj-o-nt(ъ)*.

V класс

§ 329. К пятому классу относятся глаголы I спряжения, основа инфинитива которых оканчивалась суффиксальным [-а-], отсутствовавшим в основе настоящего времени, которая была образована с помощью суффиксального **j* (имела тему [-j-е-], как у глаголов IV класса): **пьс-а-ти — пиш-е-тъ, пиш-ѫтъ** (из **pis-j-e-tъ*, **pis-j-o-ntъ*); **вѣров-а-ти — вѣроуѥтъ** [вˇеру-j-е-тъ], **вѣроуѭтъ** [вˇеру-j-ǫтъ].

Глаголы этого класса обозначали действия, многие из них были образованы от имен (со значением «производить или иметь то, что указано именной основой»). Бесприставочные глаголы имели

только значение несовершенного вида, но в соединении с приставками меняли видовое значение (**вѣровати — оувѣровати**). В большинстве глаголы V класса были производными несовершенного вида от глаголов совершенного вида, образовывавших основы по другим классам: **скакати** (от **скочити**), **лѣгати** (от **лешти**), **нарицати** (от **нарешти**), **двиѕати** (от **двигнѫти**) и др.; все такие образования имели в корне д о л г и й гласный.

§ 330. 1) Наиболее старыми были образования, в которых оба суффикса (и **-а-* в основе инфинитива, и **-j-* в основе настоящего времени) присоединялись к корневому согласному. В соединении с **j* согласный в основе настоящего времени подвергся смягчению (см. § 128—131), что привело к чередованию согласных в формообразующих основах глаголов V класса.

В старославянском языке этот тип уже не был продуктивным; но к нему относились многие глаголы: **вѧз-а-ти** («вязать») — **вѧж-ѫтъ** (из **vęz-j-ǫtъ*), **каз-а-ти** («показывать») — **каж-ѫтъ**, **лиз-а-ти—лиж-ѫтъ**, **пьс-а-ти — пиш-ѫтъ** (из **pis-j-ǫtъ*), **поѩс-а-ти** («подпоясывать») — **поѩш-ѫтъ**, **тес-а-ти — теш-ѫтъ**, **чес-а-ти — чеш-ѫтъ**, **плак-а-ти — плач-ѫтъ** (из **plak-j-ǫtъ*), **алък-а-ти** («ощущать голод») — **алъч-ѫтъ**, **лъг-а-ти — лъж-ѫтъ** (из **lъg-j-ǫtъ*), **клиц-а-ти** ([ц'] < **k* по III переходному смягчению задненёбных; ср. *клик-ать*) — **клич-ѫтъ** (из **klik-j-ǫtъ*), **двиѕ-а-ти** («двигать») — **движ-ѫтъ**, **скрьжьт-а-ти — скрьжьшт-ѫтъ** (где [ш'т'] < **tj*), **жѧд-а-ти** («жаждать») — **жѧжд-ѫтъ** (где [ж'д'] < **dj*), **страд-а-ти — стражд-ѫтъ**, **зьд-а-ти** («строить») — **зижд-ѫтъ**, **кап-а-ти — капл'-ѫтъ** (где [пл'] < **pj*), **сып-а-ти — сыпл'-ѫтъ**, **дрѣм-а-ти — дрѣмл'-ѫтъ** (где [мл'] < **mj*), **им-а-ти** («брать») — **ѥмл'-ѫтъ**, **стьл-а-ти — стел'-ѫтъ** и др., в том числе и отыменные образования, такие, как **глагол-а-ти** («говорить»; несовершенный вид к **решти**) — **глагол'-ѫтъ** (от существительного **глагол-ъ**), **доух-а-ти** («дышать») — **доуш-ѫтъ** (от **доух-ъ**), **съл-а-ти** («слать, посылать») — **съл'-ѫтъ** (от **съл-ъ** — «посылка», ср. русск. *по-сол*), **ръпът-а-ти — ръпъшт-ѫтъ** (от **ръпът-ъ**), **трепет-а-ти — трепешт-ѫтъ** (от **трепет-ъ**), **клевет-а-ти — клевешт-ѫтъ** (от **клевет-а**) и др. По этому типу в старославянском языке получили основу настоящего времени некоторые глаголы, прежде относившиеся ко II классу: **мет-а-ти — мешт-ѫтъ**, **иск-а-ти — ишт-ѫтъ** (вместо **мет-ѫтъ**, **иск-ѫтъ** — см. § 322—323).

Так же образовывали основы и глаголы типа **плꙗв-а-ти — плюѭтъ** (из **pjeų-j-o-ntъ*), **блꙗв-а-ти — блюѭтъ** (из **bjeų-j-o-ntъ*), которые сохранили в основе настоящего времени [j] после гласного (дифтонгического происхождения). Под влиянием этих глаголов появились формы настоящего времени по V классу от глаголов II класса с корнем на [-ов-] < **oų*: **ков-а-ти — коуѭтъ** [ку-j-ǫтъ], **снов-а-ти — сноуѭтъ** [сну-j-ǫтъ] и т. д. — вместо **ков-ѫтъ, снов-ѫтъ** (см. § 323).

§ 331. 2) V класс включал большое количество глаголов, производных от имен. Обычно отыменные образования присоединяли показатели основ инфинитива и настоящего времени не непосредственно к именной основе, а с помощью суффикса **oų* (**eų*), который в основе инфинитива перед суффиксальным [а] дал [ов] или [ев] (т. е. **-ов-а-** или **-ев-а-**), а в основе настоящего времени перед суффиксальным согласным [j] монофтонгизировался в [у] (т. е. дал [-у-j-]). Таким образом, формообразующие основы отыменных глаголов совпали с основами типа **плꙗвати — плюѭтъ.** Такие образования в старославянском языке были очень продуктивными: **бесѣд-ов-а-ти — бесѣд-оу-ѭтъ** [б'ěс'ěд-у-j-ǫтъ] (от существительного **бесѣд-а**), аналогично образованы **вѣровати** (от **вѣр-а**), **даровати** (от **дар-ъ**), **пировати** (от **пир-ъ**), **именовати** (от **имѧ, имен-е**), **миловати** (от **мил-ъ**), **милосрьдовати** (от прилагательного **милосрьд-ъ** — «милосердный, жалостливый»), **радовати (сѧ)** (от **рад-ъ**) **воевати** [воj-ев-а-т'и] (от **вои** < **voj-ь* — «воин»), **врачевати** (от **врач-ь**) и т. п. Образования этого типа в старославянском языке пополнялись за счет новых слов, в частности, нередко производились от отвлеченных имен: **пророчьств-ов-а-ти** (от **пророчьств-о**), **съвѣдѣтельств-ов-а-ти** (от **съвѣдѣтельств-о**), **наслѣдьств-ов-а-ти** (от **наслѣдьств-о**), **законодательств-ов-а-ти** (от **законодательств-о**) и др.

§ 332. 3) По формообразующим основам в старославянском языке к V классу относилась также группа глаголов с основой инфинитива на [-jа-т'и] после корневого гласного: **даꙗти** [да-j-а-т'и] («давать») — **даѭтъ** [да-j-ǫтъ] (несовершенный вид к **дати**), **ваꙗти** [ва-j-а-т'и] («лепить») — **ваѭтъ** [ва-j-ǫтъ], аналогично **граꙗти** («кричать; каркать») — **граѭтъ**, **каꙗти** («порицать») — **каѭтъ**, **таꙗти — таѭтъ**, **чаꙗти** («надеяться, ожидать») — **чаѭтъ**, **дѣꙗти**

(«делать, совершать») — **дѣѩтъ, рѣꙗти** («отталкивать») — **рѣѩтъ** (несовершенный вид к **ринѫти** — «толкнуть, бросить»), **(съ)лиꙗти — (съ)лѣѩтъ** (несовершенный вид к **(съ)лити**; без приставки **лиꙗти** употреблялся со значением многократности), **зиꙗти — зѣѩтъ, смиꙗти (сѧ) — смѣѩтъ (сѧ)** и т. п.

Под влиянием глаголов типа **даꙗти** в старославянском языке стали образовывать основу инфинитива по V классу (т. е. с суффиксальным [-а-], присоединенным к основе настоящего времени на [-j-]) некоторые довольно употребительные глаголы IV класса: **сѣꙗти** [с˙ĕj-а-т˙и] (настоящее время **сѣѩтъ** [с˙ĕj-ǫтъ]) — вместо **сѣти, грѣꙗти** [гр˙ĕj-а-т˙и] (настоящее время **грѣѩтъ** [гр˙ĕj-ǫтъ]) — вместо **грѣти** и др. (см. § 328-*а*).

VI класс

§ 333. К шестому классу относятся глаголы I спряжения, основа инфинитива которых оканчивалась суффиксальным [-а-] или [-ĕ-], а основа настоящего времени образовывалась от основы инфинитива с помощью суффиксального [-j-] (имела тему [-j-е-], как у глаголов IV и V классов): **въпраш-а-ти — въпрашаѥтъ** [въпраш’-а-j-е-тъ], **въпрашаѭтъ** [въпраш’-а-j-ǫтъ]; **слаб-ѣ-ти — слабѣѥтъ** [слаб˙-ĕ-j-е-тъ] — **слабѣѭтъ** [слаб˙-ĕ-j-ǫтъ].

Формообразующие основы этого класса не отличались от основ IV класса: основа инфинитива оканчивалась гласным, а основа настоящего времени добавляла к этому гласному [j] (ср.: IV класс — [зна-] и [знаj-], VI класс — [въпраш’а-] и [въпраш’аj-]); разница между ними — в морфологической структуре основ: у глаголов IV класса конечный гласный основы инфинитива корневой, у глаголов VI класса — суффиксальный. По общему лексическому и грамматическому значению глаголы VI класса можно разделить на два типа, внутри каждого из которых выделяется по две морфологические группы глаголов. Оба типа были очень продуктивными в старославянском языке.

§ 334. 1) Первый тип составляли все глаголы с основой инфинитива на [-ĕ-] (или [-’а-] < *-’$\bar{e}$-) и часть глаголов с основой инфинитива на [-а-]. Бесприставочные глаголы этого типа были образованы от имен (обычно прилагательных), имели значение

несовершенного вида, но изменяли видовое значение при соединении с приставками. Словообразовательных суффиксов два:

а) Глаголы с основой инфинитива на суффиксальный [-ě-] (или [-'а-] < *-ē-). Этот продуктивный тип давал производные образования от имен прилагательных (реже существительных) со значением приобретения качества или состояния, названного именной основой: **слаб-ѣ-ти** (от **слаб-ъ**), **богат-ѣ-ти** (от **богат-ъ**), **нѣм-ѣ-ти** (от **нѣм-ъ**), **поуст-ѣ-ти** (от **поуст-ъ**), **скѫд-ѣ-ти** (от **скѫд-ъ**, **скѫд-ьн-ъ**), **стар-ѣ-ти** (от **стар-ъ**), **тьмьн-ѣ-ти** (от **тьмьн-ъ**), **хоуд-ѣ-ти** (от **хоуд-ъ**) и др.; после шипящих *'ē > ['а]: **ветъш-а-ти** (от **ветъх-ъ**; *vetъx-ē-ti > *vetъs̄'-ē-ti > [в·етъш'-а-т·и]), **ништ-а-ти** (от **ништ-ь**, русск. *нищ-ий*).

б) Глаголы с основой инфинитива на [-а-] (из *ā]. Этот тип представлен производными от существительных (а также изолированными глаголами) со значением действий, создающих то, что названо в именной основе: **вон'-а-ти** (от **вон'-а**), **гнѣв-а-ти** (от **гнѣв-ъ**), **дѣл-а-ти** (от **дѣл-о**), **игр-а-ти** (от **игр-а**), **(о) правьд-а-ти** (от **правьд-а**), **работ-а-ти** (от **работ-а**) и т. д., а также **вит-а-ти** («жить, обитать»), **коп-а-ти**, **пыт-а-ти**, **рыд-а-ти**, **шат-а-ти**, и др.

§ 335. 2) Второй тип представлен неограниченным числом образований несовершенного вида (нередко со значением многократного действия) с суффиксами [-а-] и [-в-а-] от глаголов совершенного вида или однократных несовершенного вида. Как правило, образования этого типа употреблялись с приставками, сохраняя при этом значение несовершенного вида и являясь «чистыми» парами к приставочным глаголам совершенного вида различных классов. Например, совершенный вид **отъвѣт-и-ти** — несовершенный вид **отъвѣшт-а-ти**: суффикс [-а-] присоединялся ко всей основе производящего глагола, т. е. *otъvěti-a-ti*; перед гласным *i > *i̯ > *j, т. е. *otъvětjati* (см. § 116; ср. русск. *отвечать*, где [ч'], как и старослав. [ш'т'], из *tj).

Среди глаголов этого типа бесприставочными были лишь те, которые соответствовали бесприставочным глаголам совершенного вида (например, **под-а-ти** — к глаголу совершенного вида **пасти** < < *pad-ti — «упасть»); но и эти глаголы с приставками сохраняли значение несовершенного вида (например, **отъпадати**). Бесприставочные образования VI класса, соответствовавшие бесприставочным

глаголам несовершенного вида, имели значение многократного или неопределенного (ненаправленного) действия (например, **лѣт-а-ти** — в соответствии с **летѣти**).

Присоединение суффикса [-а-] или [-в-а-] для образования глагола несовершенного вида (или со значением многократного действия) всегда сопровождалось удлинением гласного в корне, если только этот гласный не был долгим в производящей основе. Это значит, что если в производящей основе были гласные [о] < *ŏ, [е] < *ĕ, [ь] < *ĭ, [ъ] < *ŭ, то в производной основе VI класса на месте этих гласных оказывались соответственно [а] < *ō, [ě] < *ē, [и] < *ī, [ы] < *ū (см. § 76—84).

§ 336. а) Образования с суффиксом [-а-] являлись производными несовершенного вида от приставочных глаголов I, II, III, V (1), VII (2) и VIII классов. Во всех случаях, кроме большинства образований от глаголов VII класса (2-го типа — см. § 340), суффикс [-а-] присоединялся к корню:

от глаголов I класса: **(по)сѣк-а-ти** — от **(по)сѣшти** (из **-sěk-ti*), **(съ)влѣк-а-ти** — от **(съ)влѣшти, (по)стриг-а-ти** — от **(по)стришти (изне)маг-а-ти** — от **(изне)мошти, пад-а-ти** — от **пасти** (из **pad-ti*) и др.;

от глаголов II класса: **(съ)бир-а-ти** — от **(съ)бьр-а-ти, (о)жид-а-ти** — от **жьд-а-ти, (по)пир-а-ти** — от **(по)пьр-а-ти, (при)зыв-а-ти** — от **(при)зъв-а-ти, (по)рыв-а-ти** — от **(по)ръв-а-ти** и др.;

от глаголов III класса: **(оу)гас-а-ти** — от **(оу)гас-нѫ-ти, дых-а-ти** — от **дъх-нѫ-ти, (при)кас-а-ти сѧ** — от **(при)кос-нѫ-ти сѧ, блисц-а-ти** — от **бльс-нѫ-ти** (из **blьsk-nǫ-ti*), **(по)двиѕ-а-ти** — от **(по)двиг-нѫ-ти** и др.;

от глаголов V класса: **(на)пис-а-ти** — от **(на)пьс-а-ти** (без приставки **пис-а-ти**, в отличие от **пьс-а-ти**, употреблялось со значением неоднократного действия, аналогично русск. *писывать*), **(по)стил-а-ти** — от **(по)стьл-а-ти, (съ)зид-а-ти** — от **(съ)зьд-а-ти, (об)лыг-а-ти** — от **(об)лъг-а-ти** и т. д.; с многократным значением **лобыз-а-ти** («целовать») — от **лобъз-а-ти (лобъж-ѫтъ)** и др. — все образования с долгим гласным в основе производных глаголов VI класса. Если же гласный в производящей основе V класса уже был долгим, то производные глаголы VI класса отличались от производящих V класса только по основе настоящего времени:

(съ)вяз-а-ти, (съ)вяз-а-ѭтъ — от (съ)вяз-а-ти, (съ)важ-жтъ; (съ)каз-а-ти, (съ)каз-а-ѭтъ — от (съ)каз-а-ти, (съ)каж-жтъ; (об)рѣз-а-ти, (об)рѣз-а-ѭтъ — от (об)рѣз-а-ти, (об)рѣж-жтъ; (по)гыб-а-ти, (по)гыб-а-ѭтъ — от (по)гыб-а-ти, (по)гыбл'-жтъ и т. д.;

от глаголов VII класса (2-й тип) образования с присоединением [-а-] непосредственно к корню довольно редки: (при)стжп-а-ти «подходить, приближаться» (без приставки стжпати — с многократным значением) — от (при)стжп-и-ти, (по)лаг-а-ти — от (по)лож-и-ти, (о)мак-а-ти (без приставки макати — с многократным значением) — от (о)моч-и-ти и др.;

от глаголов VIII класса: (по)вѣд-а-ти — от (по)вѣд-ѣ-ти («познать»), (по)ѣд-а-ти — от (по)ѣсти (из *jēd-ti).

Глаголы VII класса (с суффиксальным [-и-]) обычно образовывали основы несовершенного вида с суффиксом *a, присоединявшимся не к корню, а ко всей производящей основе (см. § 340) въскрѣш-а-ти — от въскрьси-ти ([ш'] < *sj), (въ)праш-а-ти — от (въ)проси-ти, (по)мышл'-а-ти — от (по)мысли-ти ([ш'л'] < *slj), разар'-а-ти — от разори-ти ([р'] < *rj), ражд-а-ти (со значением многократности) — от роди-ти ([ж'д'] < *dj), (о)свобажд-а-ти — от (о)свободи-ти, пригвражд-а-ти — от пригвозди-ти ([ж'д'] < *zdj), (по)тапл'-а-ти — от (по)топи-ти ([пл'] < *pj), растач-а-ти — от расточи-ти и т. п.

§ 337. б) Образования с суффиксом [-ва-] < *-v-а- являлись производными несовершенного вида от приставочных глаголов совершенного вида IV и отчасти V, VI (1-й тип) и VII (1-й тип) классов. Во всех случаях суффикс присоединялся к производящей основе, оканчивавшейся гласным:

от глаголов IV класса: (оу)би-ва-ти — от (оу)би-ти, (по)вива-ти — от (по)ви-ти, (въ)ли-ва-ти — от (въ)ли-ти, почи-ва-ти — от почи-ти, (съ)грѣ-ва-ти — от (съ)грѣ-ти и др.; такие образования со временем вытеснили образования несовершенного вида типа лиꙗти (см. § 332), в частности дали ряд производных несовершенного вида от приставочных глаголов совершенного вида V класса: (о)ба-ва-ти («заклинать») — от (о)баꙗти, (по)ма-ва-ти («делать знаки, манить») — от (по)маꙗти;

от глаголов VI класса (1-й тип): **ослабѣ-ва-ти** — от **ослабѣ-ти, осѫждѣ-ва-ти** — от **осѫждѣ-ти, оправьда-ва-ти** — от **оправьда-ти** и т. д.;

от глаголов VII класса (1-й тип): **повелѣ-ва-ти** — от **повелѣ-ти, прѣтръпѣ-ва-ти** — от **прѣтръпѣ-ти.**

Под влиянием этих образований в старославянских памятниках появляются приставочные глаголы несовершенного вида с суффиксом [-ов-а-] от глаголов V класса — тех, которые различали видовые формы лишь в основе настоящего времени (ср. § 336); **съвѧз-ова-ти** (вместо сходного с совершенным видом **съвѧꙁати**) — **съвѧꙁовалѫтъ** (а не **съвѧꙁоуѭтъ**, как обычно у глаголов с суффиксом [-ов-а-] типа **вѣровати**), **показовати — показовалѫтъ, отърѣꙁовати — отърѣзовалѫтъ** и т. д. (такие образования нередки, например, в Супрасльской рукописи). В ряде славянских языков, в частности в русском, в этих случаях находим суффикс *-ыва-* (ср. *связ-ыва-ть, показ-ыва-ть* и т. д.), который обособился от глаголов типа **бы-ва-ти, (оу) мы-ва-ти** и под.

VII класс

§ 338. К седьмому классу относятся все глаголы II спряжения, характеризовавшиеся суффиксами [-ě-], [-'а-] или [-и-] в конце основы инфинитива и тематическим [-и-] после корневого согласного в формах настоящего времени: **лет-ѣ-ти—лет-и-тъ, лет-ѧтъ; дрьж-а-ти—дрьж-и-тъ, дрьж-ѧтъ; ход-и-ти — ход-и-тъ, ход-ѧтъ.**

Бесприставочные глаголы этого класса имели значение несовершенного вида; но основы инфинитива на **-и-** могли иметь и значение совершенного вида: **коуп-и-ти** (несовершенный вид **коуп-ова-ти — коупоуѭтъ**), **лиш-и-ти** (несовершенный вид **лиш-а-ти — лишаѭтъ**), **поуст-и-ти** (несовершенный вид **поушт-а-ти — поуштаѭтъ**), **скоч-и-ти** (несовершенный вид **скак-а-ти — скачѭтъ**).

По общему лексическому значению и морфологической структуре глаголы VII класса четко делятся на два типа.

§ 339. 1) Образования с основой инфинитива на [-ě-] < *$\bar{e}$; если глагольный корень оканчивался задненёбным согласным, то последний перед *$\bar{e}$ изменялся в шипящий, после которого сам *$\bar{e}$ > ['a] (см. § 77). Так, в соответствии с **бол-ѣ-ти** (из **bol-ē-ti*)

находим **леж-а-ти** (ср. лег-ла), где праслав. *lěg-ē-ti > *lěž'-ē-ti > [л'еж'-а-ти]. То же после *j: **стоꙗти** [стоj-а-т'и] < *stŏj-ē-ti.

Глаголы этого типа обычно обозначали состояние, а потому, как правило, были непереходными (хотя известно и несколько переходных глаголов). В старославянском языке этот тип уже не был продуктивным, но включал довольно значительное число глаголов: **бол-ѣ-ти — бол-ѧтъ, бъд-ѣ-ти** («бодрствовать») — **бъд-ѧтъ, вид-ѣ-ти — вид-ѧтъ** (и производные **ꙁавидѣти, ненавидѣти, обидѣти** < *ob-vid-ē-ti), также **вел-ѣ-ти, вис-ѣ-ти, вьр-ѣ-ти** («кипеть»), **гор-ѣ-ти, ꙁьр-ѣ-ти** («смотреть»; ср. русск. церковнослав. *взирать*) — **зьр-ѧтъ** (в отличие от глагола VI класса **ꙁьр-ѣ-ти** «созревать, поспевать» — **ꙁьрѣ-ѭтъ**), **лет-ѣ-ти** (глагол со значением направленного действия к неопределенному **лѣт-а-ти**), **мьн-ѣ-ти** («думать»; ср. русск. церковнослав. *мнение*), **свьт-ѣ-ти** («светиться»), **скръб-ѣ-ти, смръд-ѣ-ти, сѣд-ѣ-ти** («сидеть»), **тръп-ѣ-ти, шюм-ѣ-ти** и др.; с ['а] после шипящего или [j]: **бльшт-а-ти(сѧ)** («блестеть, светиться», из *blьsk-ē-ti, ср. русск. *блеск*), **дръж-а-ти** (из *dьrg-ē-ti, ср. русск. *дергать*), **крич-а-ти** (из *krik-ē-ti, ср. русск. *крик*), **леж-а-ти** (из *leg-ē-ti), **млъч-а-ти** (из *mьlk-ē-ti, ср. русск. *у-молк-нуть*), **слъш-а-ти** (из *slyx-ē-ti, ср. русск. *у-слых-ать*) и т. д., также **боꙗти сѧ** [боj-а-т'и], **стоꙗти** [стоj-а-т'и] и т. д.

Тот же формообразующий тип представляли и основы глагола **съп-а-ти — съп-и-тъ, съп-ѧтъ** — единственного глагола II спряжения с суффиксом [-а-] после твердого согласного[1].

В 3-ем лице множественного числа настоящего времени и в образовании действительного причастия настоящего времени имел основу настоящего времени по VII классу глагол **хот-ѣ-ти: хот-ѧтъ, хот-ѧшт(и)**. Во всех остальных формах этот глагол имел основу настоящего времени по V классу: **хошт-е-тъ, хошт-е-мъ** и т. д.

§ 340. 2) Образования с основой инфинитива на [-и-]. Все это — вторичные глаголы, многие из которых являлись отыменными образованиями: **гост-и-ти** (от **гост-ь**), **род-и-ти** (от **род-ъ**),

---

[1] В русском языке таков же и глагол *гн-а-ть — гон-и-т, гон-ят*, объединивший два старых глагола: II класса **гън-а-ти — жен-е-тъ** (см. § 322—1) и VII класса **гон-и-ти — гон-и-тъ** (см. § 340).

(о)град-и-ти (от **град-ъ**), **мѣр-и-ти** (от **мѣр-а**), **слав-и-ти** (от **слав-а**), **вън-оуш-и-ти** (от **оух-о**) и т. д. Этот тип был очень продуктивным и пополнялся новыми образованиями.

Все глаголы этого типа обозначали действия, притом активные, и характеризовались корневым гласным, по происхождению связанным с *о: [о] < *ŏ, [а] < *ō, [ě] < *oi̯, [у] < *ou̯, [ǫ] < *on, *om. Лишь некоторые отыменные образования сохраняли в корне гласный производящей основы (например, **льст-и-ти** — от **льст-ь**, **весел-и-ти** — от **весел-ъ**); но нередко и в этом случае глагольная основа образовывалась с чередованием корневых гласных: **оу-тѣш-и-ти** — от **тих-ъ** (в глагольном корне [ě] < *oi̯, в то время как в именной основе [и] < *ei̯, ср. лит. *teisùs* «справедливый»), **о-цѣст-и-ти** («очистить») — от **чист-ъ** (на происхождение [ě] из дифтонга в глагольном корне указывает изменение *k > [ц']; ср. лит. *skáistas* «светлый»).

По общему лексическому и грамматическому значению выделялись две группы глаголов этого типа:

а) глаголы движения со значением неопределенности (ненаправленности), противопоставленные направленным глаголам других классов: **водити** (к **вести**), **бродити** (к **брести**), **носити** (к **нести**), **гонити** (к **гънати**), **ходити** (к **ити**), **лазити** (к **лѣсти**), **влачити** (к **влѣшти**), **возити** (к **вести**) и др.;

б) очень распространены образования со значением «принудительности» (см. § 249), т. е. с указанием на то, что субъект заставляет выполнить действие. Эти образования были противопоставлены глаголам, обозначавшим состояние, произведены от них с помощью суффикса [-и-] и чередования корневых гласных на ступени *о (т. е. [о], [а], [ě], [у], [ǫ]) и указывали на «принуждение» к принятию состояния, названного производящим глаголом: **боуд-и-ти** (от **бъдѣти** — «бодрствовать»), **сад-и-ти** (от **сѣдѣти**), **лож-и-ти** — «класть» (от **леж-а-ти**), **свѣт-и-ти** (от **свьтѣти сѧ** — «светиться»), **мор-и-ти** (от **мрѣти** — «умирать»), **гас-и-ти** (от **гаснѫти**), **вар-и-ти** (от **вьрѣти** — «кипеть»), **плав-и-ти** (от **плоути** — «плыть»), **точ-и-ти** (от **тешти**, «течь»), **пал-и-ти**, ср. русск. *под-палить* — «зажечь» (от **полѣти** — «гореть»), **оуч-и-ти** (от **выкнѫти** < *ūk-nǫ-ti — «учиться»), **(о)мрач-и-ти** — «(с) делать темным» (от **мръкнѫти** — «темнеть»), **въскрѣс-и-ти** (от **въскрьснѫти**), **лѣп-и-ти** (от **льпѣти** — «липнуть»), **гоуб-и-ти** (от **гыбнѫти**) и мн. др.

Характеризуясь значением «принудительности», все эти глаголы были переходными; некоторые из них имели значение совершенного вида (см § 338).

VIII класс

§ 341. К восьмому классу относятся нетематические глаголы, которые в старославянском языке представляли остаток почти полностью разрушенного индоевропейского нетематического спряжения. Особенности нетематического спряжения в той или иной степени были свойственны лишь пяти бесприставочным глаголам: **быти**, **ꙗсти** («есть, кушать»), **дати**, **вѣдѣти** («ведать, знать»), **имѣти**; с приставками все эти глаголы имели значение совершенного вида, сохраняя особенности нетематического спряжения.

Основы инфинитива глаголов VIII класса неодинаковы: глагол **ꙗсти** имел основу, сходную с основой инфинитива I класса (**ꙗсти** < **jēd-ti*, ср. русск. *ед-а*, *ед-ят*, как **вести** < **ved-ti*); основы инфинитива остальных нетематических глаголов можно сблизить с основами IV класса (**да-ти**, **бы-ти** — как **зна-ти**, **мы-ти**) и VII класса (**вѣд-ѣ-ти**, **им-ѣ-ти** — как **вид-ѣ-ти**). Основанием для объединения всех этих глаголов в один класс является их особенность в образовании форм настоящего времени, где личные окончания присоединялись к основе без помощи соединительного гласного (темы) (ср. § 264).

Глагольные приставки

§ 342. По происхождению приставки — это самостоятельные полуслужебные слова типа наречий, которые уточняли значение знаменательных слов и могли употребляться в предложении в любом месте. Однако очень рано они начинают примыкать к ближайшему знаменательному слову, превращаясь таким образом либо в предлоги (в сочетании с именем), либо в приставки (в сочетании с глаголом). В старославянском языке приставки уже являлись вполне оформившимся словообразовательным средством, которое широко использовалось в глагольном словопроизводстве, хотя отголоски прежнего употребления «приставок» еще можно было встретить. Так, в старославянских текстах в равной мере

фиксируются и **отиде града,** и **иде отъ града** — «отошел от города»; и **доити града,** и **ити до града** — «дойти до города»; и **належати кмь,** и **лежати на нкмь** — «лежать на нем». Но это остатки древнего состояния, не тождественные тому, что было в прошлом.

В старославянском языке приставки были распространенным средством изменения лексического значения непроизводной глагольной основы; при этом иногда для них функция изменения лексического, а не грамматического значения глагола была главной. Такова, например, приставка **мимо-**: образования **мимоити, мимонести, мимотешти** и др. оставались несовершенного вида. Значение несовершенного вида сохраняло образование **прозьритъ** — «провидит, видит будущее» (калька с греч. προβλέπει [prŏblĕpei]; но **прозьритъ** — «станет зрячим» было совершенного вида), **належати** — «давить, нажимать» и др.— приставка лишь указывала на пространственные отношения, не меняя грамматического значения глагола.

Иногда приставка настолько меняла лексическое значение основы, что приставочное образование воспринималось как не связанное с производящим глаголом. Таковы, например, **зависѣти** — по отношению к **висѣти, завидѣти** («завидовать») — по отношению к **видѣти** и др., сохранявшие значение несовершенного вида.

Однако в целом в старославянском языке приставки были не только словообразовательным средством, но и средством изменения грамматического (видового) значения глагольных основ. Так, исключая отдельные группы глаголов (глаголы второго типа VI класса), бесприставочные основы несовершенного вида, присоединяя приставку, получали значение совершенного вида: **отити, изити, възити** и др.— глаголы совершенного вида к **ити; побити, избити, оубити** — глаголы совершенного вида к **бити** и т. д. Некоторые приставки в старославянском языке уже превращались из словообразовательных в средство формообразования, т. е. служили почти исключительно для образования глаголов совершенного вида от основ несовершенного вида.

Таким образом, в старославянском языке можно выделить две основные группы глагольных приставок: 1) приставки, в значительной мере утратившие реальное значение и преимущественно использовавшиеся как средство образования основ совершенного

вида; 2) приставки, служившие для изменения как грамматического, так и лексического значения глагольных основ.

§ 343. 1) В основном лишь с грамматическим значением употреблялись в старославянском языке следующие приставки[1]:

ꙁа-: за-крыти, за-творити, ꙁа-ити, ꙁа-блѫдитисѧ и др.;

о-, об-: о-женити, о-слѣпити, о-тлъстѣти («потолстеть»), **обинити** < **ob-viniti* и др.; иногда ощущается значение «вокруг»: **о-бити, об-рѣзати, о-градити, о-садити** и т. д.;

по-: по-мазати, по-брати («побороть»), **по-мощи** («помочь»), **по-мьнѣти** («помнить, запомнить») и т. д. При образовании существительных от таких глаголов гласный приставки удлинялся и изменялся в [а]: **па-мѧть** (от **помьнѣти:** **pōmьntь* > [пам˙ęт˙ь]), **па-жить** — «пастбище» (от **по-жити**), **па-гоуба** (от **по-гоуб-ити**);

съ(н)-: съ-творити, съ-пасти, съ-казати и т. д. В ряде случаев эта приставка сохраняла значение соединения (**съ-мѣсити, съ-лити** и под.) или движения вниз (**сън-ити** — «сойти», **съ-бѣжати** и под.). Некогда приставка звучала **sŭn-* > **sъn-*, однако перед согласными (кроме **j*) конечный **n* был утрачен, но сохранился перед гласными: **сън-ити** (от **ити**), **сън-ѧти** (от **ꙗти**, ср. русск. *сн-ять*) и т. д.; ср. с этой приставкой: **сѫ-прѫгъ** («упряжка, супруг») < **sъn-prongъ* — от **съ-прѧгати** («запрягать»); **сѫ-сѣдъ** < **sъn-sědъ* — от **съ-сѣсти** («сидеть, жить вместе»);

оу-: оу-бити, оу-вѣдѣти («узнать»), **оу-зьрѣти** («увидеть»), **оу-боꙗти сѧ** («испугаться») и т. д.; в некоторых случаях обнаруживается значение отделения или удаления: **оу-бѣжати, оу-ꙗти** («отнять, отделить»), **оу-рѣзати** («отрезать»), **оу-сѣкнѫти** («отсечь») и т. д.

§ 344. 2) Из числа приставок, реальное значение которых достаточно ощутимо, наиболее употребительными в старославянском языке были следующие:

въ(н)- обозначала направление действия внутрь: **въ-вести, въ-ложити, въ-нъзнѫти — въ-нозити** («вонзить — вонзать»), **въ-коусити** («попробовать еду»), **вън-ити** («войти»), **вън-оушити** («заставить услышать») и т. д.

[1] О происхождении приставок (которые могли также употребляться и в качестве предлогов) см. в главе о предлогах (§ 366—369).

въꙁ или **въс-** (перед глухими согласными); перед свистящими и [ш'] в результате ассимиляции и упрощения **въ-ꙁ-, въ-с, въ-ш-**, перед [ж'] < *g' — **въ-жд-** (где [ж'д'] < *z-g'), перед [р] — **въз-д-р-**; приставка имела два основных значения: а) осуществление действия в обратном направлении: **въ-вратити, въꙁ-дати** («отдать»), **въ-зъвати** («позвать обратно» — из **въ-зъвати**) и т. д.; б) указание на направленность действия вверх: **въз-ити** («взойти»), причастие **въ-шьдъ** (из **въ-шьдъ** — «взойдя»), **въз-ѧти** («взять»), **въꙁ-двигнѫти** («воздвигнуть, поднять»), **въꙁ-д-расти** («вырасти») и т. д. Второе значение было абстрагировано, получило значение внешнего проявления, обнаружения состояния, высокой степени переживания: **въꙁ-д-радоватисѧ** («проявить радость»), **въс-плакати** («заплакать»), **въз-алъкати** («обнаружить чувство голода»), **въꙁ-любити** («полюбить»), **въс-хотѣти** («сильно захотеть»), **въꙁ-мошти** («смочь») и т. п. Через это значение приставка **въꙁ-** постепенно становится средством образования совершенного вида глаголов с отвлеченным значением.

до- имела значение доведения действия до какого-либо пункта или предела: **до-ити, до-вести, до-коньчати** («закончить, заключить»), **до-стоꙗти** («выстоять») и т. д.

иꙁ- или **ис-** и т. д. (см. фонетические варианты приставки **въꙁ-** в положении перед различными согласными) указывала на направление действия изнутри: **иꙁ-ити — ис-ходити** («выйти — выходить»), причастие **и-шьдъ** (из **ис-шьдъ**), **иꙁ-вести** («вывести»), **ис-тръгнѫти** («вырвать»), **иꙁ-лѣсти** («вылезти»), **иꙁ-дъхнѫти** («умереть», т. е. «испустить дух») и др. Отсюда развилось значение доведения действия до полного осуществления: **ис-пити** («выпить»), **иꙁ-бити** («всех убить, перебить»), **ис-коньчати** («полностью закончить»), **иꙁ-мрѣти** («всем умереть, вымереть»), **иꙁ-ѣсти** («все съесть»), **ис-плънити** («полностью выполнить»), **ис-просити** («попросить, выпросить»), **и-ждити** — (из **iz-giti;* «все прожить, истратить») и т. д.

на- обычно указывала на направленность действия поверх чего-либо или на поверхности чего-либо: **на-кладати** («положить сверху»), **на-лежати** («нажимать, давить»), **на-пасти** («напасть»), **на-пьсати** («сделать надпись») и т. д. Но нередко эта приставка теряла конкретное значение, указывая лишь на результативность действия:

на-бъдѣти («предостеречь»), **на-выкнѫти** («научиться»; ср. *навык*), **на-доути сѧ** («надуться»), **на-кръмити** («накормить»), **на-пɪати** («напоить»), **напльнити** («наполнить») и т. д.

низъ- образована из наречия, значение которого — указание на направленность действия вниз: **низъ-ити — низъ-ходити** («сойти — сходить»), **низъ-ложити** — («сложить, положить вниз»), **низъ-ринѫти** («сбросить, столкнуть»), **низъ-пасти** («упасть») и т. д.

от(ъ)- выражала понятие отделения, удаления: **от-ити** («отойти»), причастие **отъ-шьдъ; отъ-поустити: отъ-нести, отъ-рѣзати, отърѣшити** или **от-рѣшити** («отвязать, отделить»), **отъ-ринѫти** или **от-ринѫти** («отбросить, отвергнуть») и т. д.

подъ- имела значение предлога **подъ-** («под»): **подъ-ложити, подъ-сълати** («подослать»), **подъ-клонити** («приклонить») и т. д.

при- обозначала приближение, присоединение, приобретение: **прити — при-ходити, при-вести, при-дѣлати, при-обрѣсти** и т. д.

про- выражала идею проникновения, прохождения через что-либо: **про-бити, про-бости** («проколоть»), **про-ити, про-тръгнѫти сѧ** («проникнуть»), **про-тесати** («прорубить») и т. д.; в переносном значении: **про-сльзити сѧ** («прослезиться, расплакаться»), **про-гнѣвати сѧ** («проявить гнев»), **про-зьрѣти** («вновь получить зрение» и «провидеть, видеть будущее») и т. д.; при образовании имен эта приставка могла продлевать гласный: **prō-* > [пра-] (как **pō-* > > [па-], см. § 343), например **пра-дѣдъ.**

прѣ- в сочетании с глаголами имела два значения: а) превысить, перейти границу: **прѣ-стѫпити** («переступить, перейти через что-либо»), **прѣ-спѣти** («переспеть, перезреть»), **прѣ-лити** («перелить») и т. д.; б) переменить, переделать: **прѣ-ити** («перейти на другое место»), **прѣ-селити** («переселить»), **прѣ-тешти** («перебежать»), **прѣ-образити** («переделать») и т. д.

прѣдъ — приставка, происшедшая из наречия и употреблявшаяся в кальках с греческих слов со значением «впереди»: **прѣдъ-ити** («идти впереди»), **прѣдъ-ложити** («класть впереди»), **прѣдъ-стоıати** («стоять впереди») и т. п.

раз- или **рас-** и т. д. (см. фонетические варианты приставки **въз-** в положении перед различными согласными) выражала идею разделения, разъединения: **раз-ити сѧ** («разойтись»), **раз-дɪати**

(«раздать»), **раз-лѫчити** («разлучить, развести в разные стороны»), **рас-пѧти** («распять, растянуть»), **раз-д-рѣшити** («развязать, освободить»), **рас-тръгнѫти** («разорвать») и т. д.

§ 345. Иногда в старославянских глаголах употреблялись двойные приставки, например: **ис-про-** (**испроврѣшти** — «опрокинуть, перевернуть вверх дном»), **о-про-** (**опроврѣшти** — «опрокинуть»). Но обычно двойные приставки находим в тех случаях, когда к приставочному глаголу, получившему новое значение, сильно отличавшееся от значения бесприставочного глагола, присоединялась новая приставка: **про-по-вѣдѣти,** русск. церковнослав. *проповедовать* — «всем сообщать», **ис-по-вѣдѣти,** русск. церковнослав. *исповедовать* (от **по-вѣдѣти** — «сообщить», что, в свою очередь, от **вѣдѣти** — «знать»); **въс-при-ѩти,** русск. церковнослав. *воспринять* (от **при-ѩти** — «принять», что, в свою очередь, от **ѩти** — «взять»), **прѣ-обидѣти** — «сильно оскорбить» (от **обидѣти,** что, в свою очередь, от **видѣти** — из **ob-viděti*) и т. п.

Дополнительная литература к § 315—345

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 174—244.
Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, § 66.
А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 199—251 (стр. 160—193), 300—305 (стр. 222—225).

НАРЕЧИЯ

§ 346. Наречиями принято называть неизменяемые слова, обозначающие «признак признака», т. е. характеризующие действие, состояние, качество.

Как часть речи наречия представляют собой застывшие обстоятельства, следовательно, происходят от различных имен или местоимений в той форме, в какой они обычно функционируют в качестве обстоятельств. В старославянском языке круг собственно наречий еще невелик. Тем не менее определенная группа слов, которые могут быть признаны собственно наречиями (а не формами других частей речи в функции обстоятельств), в старославянском языке уже была. При этом некоторые старославянские наречия по происхождению были очень древними и не соотносились с какими-либо словами других частей речи.

К числу очень древних (как обычно их называют, **первичных**) можно отнести такие наречия, как **абие** — «тотчас», **еще** — «еще», **юже** или **оуже** — «уже», **нынѣ** — «сейчас, сегодня», **кдъва** — «едва», **неоу** — «никогда» и др.

Многие наречия без труда соотносимы с различными частями речи (например, **скоро** — с прилагательным **скоръ** — «скорый, быстрый»), с определенными формами слов (например, **вън-ѣ** — «вне, снаружи» — с местным падежом, а **вън-ъ** — «вон, прочь» — с винительным падежом; ср. **стол-ѣ** и **стол-ъ**).

МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

§ 347. Наиболее устойчивы наречия, образованные от различных частей речи с помощью специальных наречных аффиксов. Древнейшими из них являются производные от местоимений. Подобно местоимениям такие наречия не обозначали конкретных обстоятельств, а либо указывали на них (ср. русск. *там*, *сюда*, *тогда* и под.), либо использовались с относительно-вопросительным значением (ср. русск. *где*, *куда*, *когда* и под.). В древнейших старославянских памятниках письменности местоименные наречия являются самыми употребительными. Они были образованы от известных местоименных корней:

с- [с’-] (ср. местоимение **с-ь** — «этот», **с-его, с-емоу** и т. д.) — с общим значением близости;

т- [т-] (ср. **т-ъ** — «тот», **т-ого, т-омоу** и т. д.) — с общим значением удаленности, но не очень значительной (ср. § 214);

к- [к-] (ср. **к-ъ-то** — «кто», **к-ого, к-омоу** и т. д.) — с относительно-вопросительным значением;

вьс- [в˙ьс’] (ср. **вьс-ь** — «весь», **вьс-его, вьс-емоу** и т. д.) — со значением указания на полный охват того, что определяется;

он- [он-] (ср. **он-ъ** — «тот, далекий» **он-ого, он-омоу** и т. д.) — с общим значением большой отдаленности;

ов- [ов-] (ср. **ов-ъ** — «этот, некоторый», **ов-ого, ово-омоу** и т. д.) — с общим значением отделения более близкого от более далекого;

ин- [ин-] (ср. **ин-ъ** — «иной», **ин-ого, ин-омоу** и т. д.) — с общим значением отделения более далекого от более близкого;

[j-] (ср. **и** [j-ь] — «тот, он», **кго** [j-его], **кмоу** [j-ему] и т. д.) — с общим указательно-относительным значением.

От этих местоименных корней с помощью специальных наречных суффиксов образована группа старых наречий, сохранявших общее значение производящих основ.

Обозначение места

§ 348. Для производства наречий со значением места использовались суффиксы **-дє, -амо, -ждоу**, каждый из которых характеризовался своим частным значением.

Суффикс **-дє** обозначал м е с т о с о в е р ш е н и я д е й с т в и я или состояния; он присоединялся к местоименным основам посредством **-ъ-**, а после мягких согласных — **-ь-**:

сьдє — «здесь» (от основы [с'-]), после падения редуцированных **сдє**; в русском языке в результате озвончения *сде* > *зде (сь)*;

къдє — «где» (от основы [к-]), после падения редуцированных **кдє**; в русском языке в результате озвончения *кде* > *где*;

вьсьдє — «везде» (от основы [в˙ьс'-], т. е. [в˙ьс'-ьд˙е]), после падения редуцированных **вєсдє**; в русском языке в результате озвончения *весьде* > *везьде;*

онъдє — «там далеко» (от основы [он-]);

овъдє — «здесь» (от основы [ов-]);

инъдє — «где-то» (от основы [ин-]);

идє — «где-то там» (от основы [j-] : [j-ьд˙е]), обычно использовалось как относительное слово (для соединения предложений) со значением «где» и могло употребляться с предлогом, приобретая временно́е значение: **до идє жє**, а под влиянием сочетаний с предлогами **кьн, вън, сън** (см. § 367) встречается также и **доньдє** (из **donjьde* > [дон'ьд˙е]) со значением «до тех пор, пока» (первоначально «до того»).

Наречный аффикс [-ъ-д˙е] < **-ŭ-dě* по происхождению является индоевропейским. В частности, славянскому **къдє** < **kŭdě* имеются соответствия в других индоевропейских языках: древнеинд. *kúha* (из **kúdha*) и древнеиранск. *kudā* — «где, куда». Остальные местоименные наречия с аффиксом **-ъ (или ь) -дє** являются праславянскими новообразованиями, т. е. **онъдє** < **on-ŭ-dě*, **инъдє** < **in-ŭ-dě* и т. д. — под влиянием **k-ŭ-dě*.

Особняком стоит образование от основы [т-], которое не имело **-dě*. В праславянском языке, как известно, в конце слова **ŭ//*oų*, поэтому наречное образование без **-dě* было не **tŭ*,

а **tou*; в результате монофтонгизации конечного **ou* > [у] в старославянском языке — **тоу** — «там» (ср. русск. *тут*): **і отпоущь народы вьзиде на горѫ помолитъ сѧ · поздѣ же бывъшю единъ бѣ тоу** [= «И, отпустив людей, (он) взошел на гору помолиться. И до позднего времени оставался *там* один»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV).

§ 349. Суффиксы **-амо (-ѣмо)** и **-ждоу** (вариант **-ждѣ**) обозначали направление движения и первоначально различались в своих частных значениях: **-амо (-ѣмо)** указывал на движение к говорящему или к какому-либо объекту, **-ждоу (-ждѣ)** — на движение от говорящего или какого-либо объекта. Позднее под влиянием именных конструкций с предлогом **отъ** (ср.: *от стола, от меня*) образования с **-ждоу** (или **-ждѣ**) также стали употребляться с этим предлогом; а без предлога они приобрели значение направления к объекту:

сѣмо — «сюда»; **сѫждоу** и **сѫждѣ** — «сюда» (первоначально, видимо, «отсюда»); с предлогом **отъ сѫждоу** (ср. русск. *сюда, отсюда*, где ['у] < *'*ǫ*);

тамо — «туда» (позднее «там»; ср. русск. *там*); **тѫждоу** и **тѫждѣ** — «оттуда»; с предлогом **отъ тѫждоу** (ср. русск. *туда, оттуда*);

камо — «куда»; **кѫждоу** и **кѫждѣ** — «куда» (первоначально «откуда»); с предлогом **отъ кѫждоу** (ср. русск. *куда, откуда*);

вьсѣмо — «во все стороны»; **вьсѫждоу** и **вьсѫждѣ** — «отовсюду» (ср. русск. *всюду, отовсюду, повсюду*);

онамо — «туда далеко»; **онѫждоу** — «оттуда издалека»;

овамо — «сюда»; **овѫждоу** — «отсюда, с этой стороны»;

инамо — «в иное место»; **инѫждоу** и **инѫждѣ** — «из иного места»;

ꙗмо [јамо], глаголическое **ѣмо** — «куда-то туда», обычно **ꙗмо же** — как относительное слово (при соединении предложений) со значением «куда»; **ѭдоу**, обычно **ѭдоу же** — как относительное слово со значением «откуда».

Суффикс [-ǫду] можно встретить в старых наречных образованиях не только от местоименных, но и от некоторых именных основ: **обоѭдоу** — «с обеих сторон» (от основы собирательного числительного **оба** — **обою** [обој-]); ***вънѫждоу** или **вънѣѭдоу** — «извне» (от основы **вън-**; ср. **вънъ** — «вон», **вънѣ** — «вне, снаружи»), в Супрасльской рукописи встречается с предлогом: **изъ вънѫждоу**.

По происхождению суффикс [ǫду] < *-*ondou* или *-*ondau*, так же

как и [-д̇е], является индоевропейским; ср. лат. *quando* — «когда» и *unde* — «откуда»; прусск. *is-stwendau* — «откуда». Аффикс [-мо] не имеет достоверных соответствий в неславянских языках; ср., однако, греч. τῆμος [tēmōs] или τᾶμος [tāmōs] — «тогда, после», хорошо соответствующее славянскому **тамо, камо** фонетически, но имеющее совершенно иное — временно́е значение.

Обозначение времени

§ 350. От тех же основ для указания на время действия образованы наречия с суффиксом **-гда**, присоединявшимся к местоименным корням посредством **-о-//-є-** или **-ъ-**:

тогда и **тъгда** — «тогда» (ср. русск. *тогда*);

когда и **къгда** — «когда» — с вопросительным значением (ср. русск. *когда*?);

вьсегда — «всегда» (ср. русск. *всегда*);

овогда и **овъгда** — «сейчас, в это время»;

иногда и **инъгда** — «в иное время» (ср. русск. *иногда*);

ѥгда [j-е-гда] — «когда, если» — в значении относительного слова при соединении предложений; это образование известно и с предлогом: **вън'єгда** < **vъnjegda* (о временном значении **до иде же, доньде** см. в § 348, 376).

Из двух вариантов — **тогда** и **тъгда, когда** и **къгда** и т. д. более древним является вариант с [о] (т. е. **тогда, когда**), так как после мягкого согласного встречается только [е] (т. е. **вьсегда, ѥгда**), но не **ь*. Появление варианта с [ъ] (**къгда** и под.) обычно объясняют редукцией безударенного гласного, что вообще-то возможно; но в данном случае это объяснение наталкивается на полное отсутствие варианта ***вьсьгда** — в соответствии с **вьсегда.** В этой связи заслуживает внимания предположение А. Вайана о появлении варианта **къгда** и под. под влиянием **къде** и под.[1].

Происхождение аффикса **-гда** неясно[2].

---

[1] См.: А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, М., 1952, стр. 243.

[2] Попытку А. Мейе объяснить [-гда] из **года* (род. п. от **годъ** — «время») в результате сокращения безударенного гласного в полузнаменательном слове (т. е. **когда** < **ko-g (o) da*, **тогда** < **to-g (o) da* и т. д.) нельзя считать доказанной (см. Общеславянский язык, М., 1951, стр. 377).

§ 351. Группа местоименных наречий использовалась для обозначения меры времени. Такие наречия образованы с помощью суффикса **-ли** или **-ль**, который, возможно, появился в результате сокращения конечного безударенного гласного в образованиях на **-ли**; известен также еще один вариант того же суффикса — **-лѣ**. Суффикс присоединялся к местоименному корню посредством **-о-** или **-е-**. Наречия с этими суффиксами иногда встречаются с предлогами:

сели и **селѣ** (от основы [с'-]) — «в это время»; с предлогами **отъ селѣ** (или **отъ сели**) — «с этого времени», **до селѣ** — «до этого времени» (например: **отъ начѧла вьсего мира до селѣ** [= «От создания мира *до этого времени*»] — Мар. ев., *Мт.*, XXIV);

толи, толь и **толѣ** (от основы [т-]) — «столь, столько времени; в то время»; с предлогами **до толѣ** — «до тех пор», **отъ толѣ** — «с тех пор, с того времени» (например: **отъ толѣ начѧтъ исъ съказати оученикомъ своимъ...** [= «*С того времени* Иисус начал рассказывать своим ученикам...»] — Мар. ев., *Мт.*, XVI);

коли, коль и **колѣ** (от основы [к-]) — «насколько, сколько времени»; с приставкой **до коли** или **до колѣ** — «до каких пор»; обычно это наречие употреблялось как относительное слово, осложняясь частицей **ждо**: **коли ждо** — «сколько раз»;

ели, ель или **елѣ** (от основы [j-]) — «сколько, как много», обычно употреблялось с приставками и частицей **же** как относительное слово или союз: **дон'ели же** — «до тех пор пока» ([-н'-] < < **nj* под влиянием конструкций с предлогами-приставками [кън] и под., т. е. из **do-n-jeli*), **отън'ели же** — «с тех пор как»; без приставки **елѣ** употреблялось для указания на близкое окончание действия или состояния во времени (ср. русск. *еле*): **оставльше и елѣ жива** [= «Оставив его *еле* живым»] (Ассем. ев., *Л.*, X).

От указанных наречий с помощью суффикса **-к-** образовывались местоименные прилагательные **толи-к-ъ, -а, -о** — «столький, столько», **коли-к-ъ, -а, -о** — «сколький, сколько», **ели-к-ъ, -а, -о** — «сколько»: **толико народа** [= «столько людей»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XV); **колико имате хлѣбъ** [= «Сколько у вас хлебов?»] (Мар. ев., *Мр.*, VIII); **колицѣмь дльжьнъ еси** [= «Сколько ты должен?»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI); **въсе елико имѣаше** [= «Все, сколько (он) имел»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII) и т. п. (см. § 211, п. 1).

Обозначение меры и образа действия

§ 352. От наречий, обозначавших меру времени, с помощью суффиксов **-ма** или **-ми** были образованы производные с более широким значением меры: **тольма** и **тольми** — «столько, настолько» (от **толь**), **кольма** и **кольми** — «сколько, насколько» (от **коль**), **кльма** и **кльми** — «сколько, насколько» — как относительное слово: **не толма врѣдивъ клми же исцѣливъ** [= «не столько повредив, сколько исцелив»] (Супр. рук.). К основе **вьс-** суффикс **-ма** был присоединен посредством **-ь-**: **вьсьма** — «очень, в большой степени».

Аффиксы **-ма** и **-ми** характеризовали также группу наречий, связанных по происхождению с именами (существительными или прилагательными): **полъма** — «пополам, надвое» (от **полъ** — «половина»), **больма** или **больми**, а также **большьми** — «больше» (от сравнительной степени ***боль — болии, большии**), **ноудьма** — «насильно» (от **ноудити** или **нѫдити** — «принуждать», ср. русск. *при-нудить*), **дѣльма** — «ради» (ср. **дѣл-ити**), **радьма** — «ради» (ср. **рад-ъ** и наречие **ради**), **вельми** — «очень» (от сравнительной степени **vel'ь* — **велии** — «больший, более великий») и др.

Происхождение всех этих образований может быть связано с формами творительного падежа двойственного (**-ма**) и множественного (**-ми**) числа имен. Во всяком случае, **полъма** — это точная форма творительного падежа со значением «двумя половинами», а **большьми** — вполне вероятная форма творительного падежа под влиянием основ на **ĭ* (например, из возможного первоначального выражения ***большьми мощьми** — «большими силами»); ср. обычное для старославянского языка употребление творительного падежа со значением меры (стоимости): **не пѧть ли птицъ вѣнитъ сѧ пѣнѧзема дъвѣма** [= «Не пять ли птиц продаются за две монеты», дословно: «ценятся *двумя монетами*»] (Мар. ев., *Л.*, XII).

§ 353. Наречия со значением образа действия представляли собой застывшие формы среднего рода (положительной или сравнительной степени) прилагательных, образованных от местоименных основ с помощью суффикса **-ак-о** (где [-о] по происхождению — окончание среднего рода), в сравнительной

степени — **-ач-е** [-ач'-е] < *ak-je*, причем наречия на **-аче** не имели значения сравнительной степени:

тако «так» (от местоименного прилагательного **так-ъ** — «такой», **так-ого** и т. д.) и **таче** — «потом»;

како — «как» (от местоименного прилагательного **как-ъ** — «какой», **как-ого** и т. д.);

вьсꙗко, в глаголических памятниках **вьсѣко** — «разными способами, по-разному» (от **вьсꙗк-ъ** — «всякий», **вьсꙗк-ого** и т. д.);

инако — «по-иному» и **иначе** — «еще» (ср. русск. *иначе*);

ꙗко, в глаголических памятниках **ѣко** — «как, вот» (от основы [j-], ср. **єго** [j-его] и т. д.; образовано от местоименного прилагательного **ꙗк-ъ** — «какой», **ꙗк-ого** и т. д.; ср. укр. *який* — «какой»), употреблялось как относительное слово или присоединительный союз. В Супрасльской рукописи встречается однажды образование **ꙗче** в выражении **дьнь ꙗче дьнь** [= «со дня на день»].

Образование от местоименного корня [с'-] известно с суффиксом [-ик-о], где по III переходному смягчению задненёбных *к>ц'*: **сице** — «так» (от **сик-ъ** или **сиц-ь** — «такой», **сиц-его** и т. д.).

С суффиксами **-ак-о, -ач-е** старославянскому языку известны также отдельные наречия, не связанные с местоименными корнями, а образованные от иных именных основ: **єдинако** — «одним способом, тем же образом» и **єдиначе** — «еще, еще раз» (от основы **єдин-**; ср. русск. *однако*), **обоꙗко** — «обоими способами» и **обоꙗче** — «однако» (от **оба** — **обою** с основой [обоj-]) и др.

§ 354. Наречия, имевшие относительно-вопросительное значение, могли присоединять отрицательную частицу, которая обычно усиливалась постпозитивной частицей **же**: **никъде(же)** — «нигде», **никамо(же)** — «никуда», **никѫдоу(же)** — «ниоткуда», **никъгда(же)** или **никогда(же)** — «никогда», **николи(же)** — «нисколько, никак», **никако(же)** — «никак» — такие наречия получали значение отрицательных; возможны также образования с частицей **нѣ-**: **нѣкъде, нѣкогда**.

ОТЫМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

§ 355. Все остальные обстоятельственные слова, которые могут быть отнесены к наречиям, образованы от различных зна-

менательных частей речи. Они могут быть разделены на две группы: 1) аффиксальные наречные образования; 2) формы изменяемых слов в обстоятельственном значении.

Аффиксальные образования

§ 356. Некоторые старославянские наречия уже не имели соответствий среди имен, продолжавших употребляться в памятниках письменности. Таковы наречия **акꙑ** — «как», **пакꙑ** — «опять» и др., по форме связанные с творительным падежом множественного числа прилагательных; с формой сравнительной степени связано наречие **паче** — «лучше; кроме». Большинство же наречий ясно обнаруживает связи с формами имен, от которых они были образованы.

В старославянских текстах можно найти небольшое число наречий, образованных от глагольных основ. Это наречие с суффиксом **-мо: мимо** (от глагола **ми-нѫти;** например: **пришедъ и видѣвъ и мимо иде** [= «Подойдя и увидев его, прошел *мимо*»] — Ассем. ев., *Л.*, X) и **тъкъмо** или **тъкъма** — «только, кроме» (от глагола **тък-нѫти;** например: **не імамъ сьде · тъкмо є҃ хлѣбъ** [= «У нас здесь нет (ничего), *кроме* 5-ти хлебов»] — Зогр. ев., *Мт.*, XIV), а также образованное от того же глагольного корня **тъчиѭ** — «только». Видимо, связано с глаголом и наречие **дѣлꙗ** — «ради» (от **дѣл-ити**). Остальные старославянские наречия связаны только с именами.

§ 357. Очень распространены качественные наречия (со значением образа действия), образованные от имен прилагательных с суффиксами **-о** или **-ѣ: бꙑстро** и **бꙑстрѣ, горько** и **горьцѣ, достоино** и **достоинѣ, кротъко** и **кротъцѣ, просто** и **простѣ, сладъко** и **сладъцѣ** и т. п. Аффикс **-о** по происхождению является окончанием среднего рода единственного числа винительного падежа, а **-ѣ** — окончанием местного падежа (ср. **пиво горько, пивѣ горьцѣ**). От соответствующих форм прилагательных наречия на **-о** и **-ѣ** отличались тем, что употреблялись при глаголах, а не при существительных: **праведьнꙑи же ... кротцѣ и тихо братоу рече...** [= «Праведник же *смиренно и тихо сказал* брату...»] (Супр. рук.); но ср. прилагательные: **изиде ис҃ъ и иде въ поусто мѣсто** [= «Иисус вышел (оттуда) и пошел в *пустынное место*»] (Мар., ев., *Мр.*, I), **поидошѧ въ**

печали мнозѣ и тѫзѣ [= «(Они) ушли в *большой печали* и в горе»] (Супр. рук.).

Различий в значении между наречными образованиями на **-о** и **-ѣ** не было: они употреблялись параллельно. Некоторые наречия в старославянских текстах встречаются чаще или только в форме на **-о: весело, присьно** — «всегда, постоянно» (от **присн-ъ** — «постоянный»), **ꙗдро** — «быстро» (от **ꙗдр-ъ** — «быстрый»), **ѕѣло** или **зѣло** — «очень» (от утраченного славянскими языками прилагательного; ср. лит. *gailùs* — «вспыльчивый, едкий», нем. *geil* — «тучный», древнесакс. *gēl* — «сильный; гордый»), **мъного** и др. Некоторые же наречия, напротив, обычно употребляются в старославянских памятниках с аффиксом **-ѣ: зълѣ** — «зло, сердито» (от **зъл-ъ** — «злой»), **авѣ** или **ꙗвѣ** (в глаголических памятниках **ѣвѣ**) — «явно, действительно» (от **ав-ъ**; ср. русск. *яв-ный*), **мѫдрѣ** — «мудро», **добрѣ** — «хорошо» и др. От прилагательного **позд-ьн-ъ** употреблялось наречие **поздѣ** — «поздно».

Как и прилагательные, такие наречия могли иметь формы сравнительной степени: **болѥ** и **вѧште** — «больше», **выше, прѣжде, скорѣѥ.** Некоторые качественные наречия, по происхождению связанные с формами сравнительной степени, в старославянском языке значения сравнительной степени не имели, например: **далече** — «далеко» (а не «дальше»), **доблѥ** — «храбро» (а не «храбрее») и др.

§ 358. От прилагательных с суффиксом **-ьск-** образовывались со значением образа действия наречия с аффиксом **-ы: вражьскы, мѫжьскы, рабьскы, грьчьскы, словѣньскы** и под. По происхождению это формы творительного падежа множественного числа относительных прилагательных, оторвавшиеся от имен, с которыми они первоначально употреблялись (значение образа действия типично для творительного падежа; ср.: **ѥдинъ бо отъ ѥлению чловѣчьскомъ гласомъ глагола** [= «Один же из (двух) оленей сказал человеческим *голосом*»] — Супр. рук.); следовательно, **глаголати грьчьскы** — «говорить по-гречески» первоначально значило **глаголати грьчьскы словесы,** т. е. «говорить греческими словами»[1].

---

[1] Современный русский язык обычно употребляет эти образования с префиксом *по-: по-мужски, по-гречески, по-русски* и т. п. Однако в литературном языке сохраняются некоторые бесприставочные образования: *воровски, мастерски,* церковнослав. *рабски.*

§ 359. Сравнительно большую группу составляли наречия, образованные от основ прилагательных и существительных с аффиксом **-ь**: **правь** — «истинно», **прѣмь** — «прямо», **прѣпрость** — «очень просто, простодушно», **различь** — «различно, по-разному», **соугоубь** — «вдвойне», **свободь** — «свободно», **жтрь** — «внутри» — обычно с предлогами: **из жтрь** — «изнутри», **вънжтрь** — «внутрь» и др.

Эти образования, по всей видимости, представляли собой застывшие формы винительного падежа очень древних праславянских прилагательных с основами на *ĭ, которые в старославянском языке отчасти сохранялись как остатки прошлого и уже не склонялись (см. § 228). Так, наречие **правь** имело соответствующее несклоняемое прилагательное **правь** — «прямой, истинный», вытеснявшееся образованием **прав-ъ (прав-а, прав-о)** — с обычным для старославянского прилагательного изменением по родам, числам и падежам; **прѣпрость** соотносимо с несклоняемым прилагательным **прѣпрость** — «очень простой», **различь** — с несклоняемым прилагательным **различь** — «разнообразный» и новообразованием **различ-ьн-ъ**, **свободь** — с прилагательным **свободь**, **прѣмь** может быть соотнесено с прилагательным **прѣм-ъ** (русск. *прям-ой*), **соугоубь** — с **соугоуб-ъ** и т. д. Некоторые из таких образований связаны с существительными (например, **жтрь**, ср. русск. *нутро*, *утроба*); при этом наречие могло быть образовано из сочетания имени с предлогом: **въкоупъ** — «совместно, вместе» — от **коупъ** (ср. русск. *выкуп*), **послѣдь** — «наконец, после всего» — от **слѣдъ** [на существование когда-то склонявшегося имени *slědь указывает вариант того же наречия **послѣди** — с окончанием местного падежа основ на *ĭ: **послѣди же посъла сна своего** [= «*После всего (наконец)* послал своего сына»] (Сав. кн., *Мт.*, XXI) и др.

§ 360. Некоторые старославянские наречия отражали косвенные падежи имен, вышедших из употребления или известных только в функции обстоятельств: **бес прѣстани** — «непрерывно, беспрестанно» (родительный падеж утраченного *pěrstanь — «перерыв»), **въ далѩ** — «вдаль» (вин. п. мн. ч. существительного *dal'a), **въ соуе** — «напрасно» (вин. п. ед. ч. исчезнувшего *suje; ср. русск. *суета*, устаревшее наречие *всуе* — «напрасно»), **на прѣждь** — «вперед» (вин. п. ед. числа от *pěržd'ь — «передняя

часть»), **ис кони** — «с самого начала» (род. п. ед. ч. от неупотребительного в других формах существительного **конь* — «начало») и др.

§ 361. Наречия образа действия могли быть связаны с формами творительного падежа имен: **въторицеѭ, третиицеѭ, седмерицеѭ** и т. п. («дважды», «трижды», «семикратно»); особенно часто в старославянских памятниках встречается **съторицеѭ** (буквально «стократно», но обычно со значением «многократно, во много раз»). Все эти наречия образованы из имен с суффиксом [-иц’-а], некоторые из которых были употребительны в период кирилло-мефодиевских памятников: **въторица, третиица** (или **третьица**). Бывшей формой творительного падежа является также **ѥдьноѭ** — «однажды».

С тем же значением повторяемости действия употреблялись сочетания счетных слов с неизменяемым словом **краты**, которое по происхождению было формой винительного падежа множественного числа от вышедшего из употребления существительного **kratъ*, т. е. когда-то могло быть только в сочетаниях **три краты** и **четыри краты**, но затем распространилось на сочетания с остальными счетными словами: **дъва краты** — «двукратно» (вместо **dъva krata*), **пѧть краты** — «пятикратно» (вместо **pętь kratъ*) и т. д., в том числе и **мъногы краты** (ср. русск. *многократно).*

§ 362. Одной из своеобразных особенностей старославянских наречий была возможность употребления наречий с предлогами. В § 348—351 отмечались случаи предложного употребления наречий **отъ сѫдоу** (вытеснявшего **сѫдоу**), **отъ тѫдоу** (вместо **тѫдоу**), **вън’егда** (наряду с **ѥгда**), **до толѣ, до колѣ** и др., а также **вънѫтрь, изѫтрь** (соотносимые с **ѫтрь**). С предлогами могли употребляться и иные наречия, которые при этом приобретали значение направленности действия: **до сьде** — «досюда», **до нынѣ** — «до этого времени», **до вънѫтрь** — «до самого нутра», **из вънѫдоу** — «изнутри» и т. п. Например: **не бысть такова отъ начѧла зъданию · еже създа бъ҃ · до нынѣ** [= «Не было такого от начала мира, который создал бог, и *до этого времени*»] (Мар. ев., *Мр.*, XIII), **дроугии бо ихъ изъ далече сѫтъ пришьли** [= «Иные же из них пришли *издалека*»] (там же, *Мр.*, VIII) и т. п.

§ 363. Наиболее продуктивным способом пополнения наречий является «онаречивание» косвенных падежей существительных (обычно — с предлогами), употребляемых в предложении в функции обстоятельств. Относясь к глаголу и определяя действие или состояние (т. е. функционируя как «признак признака»), косвенные падежи существительных со временем могут утрачивать категории, свойственные именам, и превращаться в неизменяемые обстоятельственные слова — наречия, теряя при этом связь с другими, живыми формами тех же имен (ср. русск. *вглубь, вширь* и под., уже не соотносящиеся с предложными конструкциями существительных *глубь, ширь*, хотя сами эти существительные еще существуют: *глубь морей, ширь полей*).

В ряде случаев трудно провести границу между обстоятельственным употреблением косвенного падежа существительного и наречием, причем для старославянского языка такие переходные случаи обычны: **і҆ шедъши домови обрѣте отроковицѫ лежѧщѫ на одрѣ** (Мар. ев., *Мр.*, VII) — форма **домови** может быть воспринята и как дательный падеж существительного **домъ** («И, подойдя *к дому*, (она) нашла девушку лежащей на постели»), и как наречие («И, придя *домой*, (она) нашла девушку лежащей на постели»).

В ряде случаев отграничить обстоятельственное употребление косвенного падежа имени от наречия можно на основании различий в их значении: наречие обычно в известной степени теряет связь с буквальным значением существительного, от которого оно произошло, и поэтому уже не может иметь тех определений, которые характерны для существительного. Так, в русском языке наречие *вслед*, образованное из сочетания существительного *след* с предлогом *в*, указывает на движение «за кем-либо, чем-либо» и уже утратило связь со значением имени *след* — «отпечаток ноги или лапы животного», а потому не может иметь тех определений, какие свойственны этому имени (ср. *вглядывался в* ***лисий*** *след* или *в след* ***лисицы***). Для эпохи старославянских памятников указанный критерий не всегда может служить надежным основанием при отделении наречия от существительного. Так, во фразе **і҆дѣаше же въ слѣдъ его мъногъ народъ** [= «Шло *вслед* за ним много народа»] (Мар. ев., *Л.*, XXIII) **въ слѣдъ**

по своему значению могло бы быть определено как наречие (со значением «вслед» — не «в отпечатки ног»); но оно сохраняет возможность быть определяемым, как существительное: **въ слѣдъ его**, т. е. ***его** (Иисуса) след.* Иного рода колебания обнаруживает, например, словосочетание **дьнь сь** (после падения редуцированных **днес(ь)** — «сегодня», дословно — «(в) этот день»), которое в Супрасльской рукописи оказывается уже неизменяемым словом (**до дьнесь** — «до этого дня»), но в списках евангелия (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, XXVII) еще склоняется: **до сего дьне.**

Из сказанного очевидно, что более или менее точно очертить круг старославянских наречий, образованных из косвенных падежей существительных, невозможно. Можно лишь указать круг форм или предложных сочетаний, характеризовавшихся наречным значением и с течением времени пополнявших разряд наречий.

§ 364. Наречия со значением места действия могли пополняться за счет форм местного падежа (без предлога): **горѣ** — «вверху» (от **гора**), **долѣ** — «внизу» (от **долъ**), **връхоу** — «вверху» (от **връхъ**), **низоу** — «внизу» (от **низъ**), **кромѣ** — «на краю» (от **крома** — «край»), **срѣдѣ** — «посредине», а также с предлогом **по срѣдѣ** (от **срѣда**) и др. Формой местного падежа двойственного числа является **междоу** (от **межда** — «межа») — дословно: «находящийся среди двух».

Существительные, обозначающие различные отрезки времени, застывая в форме местного падежа, пополняли наречия времени: **зимѣ** — «зимою» (от **зима**), **оутрѣ** — «утром» (от **оутро**), **полоу дьне** — «в полдень» и **полоу нощи** — «в полночь» (от **полъ** — «половина»). Неясно по происхождению наречие **вьчера**, явно связанное с существительным **вечеръ**[1].

Наречия со значением направления могли пополняться за счет форм дательного падежа существительных (без предлога или с предлогом): **долоу** — «долой, прочь» (от **долъ**), **домови** — «домой» (от **домъ**), **горѣ** — «вверх» (от **гора**); возможен также и винительный падеж с предлогом: **въ слѣдъ** — «вслед».

---

[1] Иногда полагают, что **вьчера** — это родительный падеж существительного **вечеръ** с редукцией безударенного гласного в полузнаменательном слове (см., например: А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 379).

Дополнительная литература к § 346—364

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 138—144.

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 532—537 (стр. 377—379).

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

ПРЕДЛОГИ

§ 365. Старославянский язык унаследовал ряд индоевропейских приглагольных предлогов, которые в праславянском языке пополнялись новыми, образовывавшимися из наречий (или из других частей речи через посредство наречий). Условно такие предлоги можно назвать первичными. Предлоги, формировавшиеся в старославянском языке (также на базе наречий), можно условно назвать новыми.

Первичные предлоги

§ 366. 1) Некоторые первичные предлоги в старославянских памятниках встречаются лишь в функции приставок и никогда (или почти никогда) не употребляются при именах.

въз- (или **въс-**[1]) — из праслав. **ŭz-* (ср. лит. *už*) с развитием протетического [в] (см. § 59): **ŭz-* > **u̯ŭz-* > [въз-]; как префикс **въз-** (или **въс-**) указывал на движение вверх: **вънести, въсходити** и т. п. Старославянским памятникам известны редкие случаи остаточного употребления **въз** в качестве предлога со значением замещения одного другим: **отъ испльн҄ені҄ѣ его мы вьси приѩхомъ · благодѣть въз благодѣть** [= «От полноты его мы все восприняли благодать *за* благодать» (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Ин.*, I); **въс толико прѣбываниѥ · приѥмлѭтъ отъданиѥ** [= «За такое пребывание получают воздаяние»] (Супр. рук.).

про- — индоевропейский по происхождению предлог (ср. греч. πρό [prŏ] — «пред, прежде», лат. *pro* — «пред, за», древнеинд. *pra-* — «пред, за»); в старославянском языке употреблялся только как префикс со значением направленности вперед, через что-

[1] О других фонетических вариантах предлогов-приставок [въз-], [раз-], [бʼез-], [из-] в положении перед различными согласными см. в § 344.

либо: **про-вости** («проколоть»), **протесати** («прорубить проход»), **пройти** («пройти через что-либо») и т. д. (но ср. русск. *рассказывать про что-либо*).

прѣ- также является индоевропейским по происхождению предлогом, фонетически развившимся из **pĕr-* в результате метатезы (русск. *пере-*, ср. лат. *per* — «через, над, по» и как префикс *per-* со значением «очень», например, *per-spicio* — «вижу насквозь, хорошо вижу», греч. префикс περι- [pĕri-] — «очень», лит. *per̃* — «через» и как префикс со значением «очень»). В старославянском языке **прѣ-** употреблялся только как префикс со значением прохождения через что-либо (с глаголами: **прѣстѫпити** — «переступить») и со значением «очень» (с прилагательными: **прѣдобръ** — «очень добрый»).

раз- (или **рас-**) фонетически развился из **ŏrz-* (ср. русск. *роз-*, *рос-*: *роз-ыск*, *рос-пись;* может быть сопоставлен с древнеинд. *árdhaḥ* — «часть, сторона»; ср. еще лит. *ardýti* — «разделять, разъединять»); в старославянском языке употреблялся только как префикс со значением «в разные стороны»: **раздѣлити, распѧти** («растянуть») и т. д.

§ 367. 2) Никогда не употреблялся в качестве приставки предлог **къ**, в старославянском языке конкретизировавший значения дательного падежа (см. § 390—391): **пристѫпишѧ къ иісви** [= «Подошли *к* Иисусу»].

В праславянском языке этот предлог оканчивался носовым согласным, т. е. **kъn* < **kŭn* (или **kŭm*, ср. древнеинд. *kám* — «позади»). В период действия тенденции к построению слогов по принципу возрастающей звучности конечный носовой в предлоге утратился: **kŭn* > **kъn* > [къ]; но если знаменательное слово, с которым употреблялся предлог, начиналось с **j*, носовой сохранялся, а утрачивался после него **j*, как обычно, смягчая **nj* > [н'], при этом образовавшийся палатальный согласный оказывался в начале первого слога знаменательного слова. Результаты этого изменения можно обнаружить в сочетаниях предлога с формами местоимения **и** [jь]: **kъn-jemu* > [кън'ему], **kъn-jejь* > > [кън'ей] (но ср.: **къ томоу, къ тои**).

То же следует отметить и для предлогов-приставок **въ** и **съ**, которые в праславянском языке также оканчивались носовым

согласным: **въ нѥмь** [вън’ем˙ь[< **vъn-jemь*, **вънѩти** < **vъn-jęti* («вобрать»); **съ н’имь** < **sъn-jimь*, **сънѩти** < **sъn-jęti* («снять»); но: **въ томь, въходити; съ тѣмь, сънести.** Носовой согласный мог сохраняться также перед корнями, начинавшимися с гласных: **вънѹшити** (с корнем [-уш’-], следовательно [вън-уш’-ит˙и]), **вънѫтрь**, т. е [вън-ǫтр˙ь] (ср. **ѫтрь** — «внутри»). По аналогии с этими предлогами [-н’-] появляется впоследствии перед начальным гласным и после других предлогов-приставок (ср. русск.: *от него, отнять; у него, унять; при нем, принять* и т. д.); впрочем, в старославянском языке еще было возможно **оу ѥго, приѩти** и т. п.

§ 368. 3) Все остальные первичные предлоги в старославянском языке употреблялись как с именами (и местоимениями), так и с глаголами (т. е. в к а ч е с т в е п р и с т а в о к):

беꙁ (перед глухими согласными **бес** и т. д.) — индоевропейский по происхождению (ср. древнеинд. *bakiḥ* — «вне», лит. *be* и латышск. *bez*); в славянских языках употребляется как префикс и как предлог со значением отрицания, указания на отсутствие или недостаток чего-либо (ср. **безбрачьнъ, бесплодьнъ** и т. д.); как предлог **без** употребляется с родительным падежом: **бес пиръı** («без питья»), **бесапогъ**, т. е. **бес-сапогъ** и т. д.

въ (н) фонетически развился из **ŭn* < **ŏn* (где **ŭ* < **ŏ* в конечном закрытом слоге — см. § 84; ср. греч. ἐν [ĕn], лат. *in* — «в, на» — на вопросы *куда?* и *где?*); перед начальным **ŭ* > [ъ] должен был развиться протетический [в] (ср. § 59): **ŏn* > **ŭn* > > **u̯ŭn* > [вън] (о судьбе [н] см. в § 367). Основное значение — «внутрь, внутри чего-либо» (ср. значение приставки: **вънити,** русск. *войти*). В старославянском языке предлог **въ (н)** употреблялся при глаголах движения с винительным падежом, указывая на движение внутрь (отвечая на вопрос *куда?*): **в ъ домъ, в ъ храминѫ,** и при глаголах состояния — с местным падежом, указывая на нахождение внутри (отвечая на вопрос *где?*): **в ъ домоу, в ъ храминѣ.** Остальные, частные значения предлога являются производными от основного; например, использование предлога **въ (н)** с теми же падежами при указании на время содержало идею осуществления действия в границах (внутри) указанного

времени: **въ годинѫ вечерѧ** [= «*в* час ужина»] (Зогр. ев., *Л.*, XIV).

до может быть сопоставлен с индоевропейским аффиксом, указывавшим на направление движения *к* чему-либо: древнеиранск. *-da* (*vaēsmən-da* — «домой»), греч. δε (ἐνθά-δε [ĕnthá-dĕ] — «сюда», οἰκόν-δε [oįkŏn-dĕ] — «домой»), элемент латинских предлогов *en-do*, *in-do* («в, пре»), англосакс. *tō* («к, до»). Основное значение — указание на предел или направление к предмету (ср. в приставочных образованиях: **доходити, донести**, русск. *дописать, дойти, донести*). Предлог **до** употреблялся в старославянском языке только с родительным падежом: **до врьхоу горы, до храма** и т. д.

за — общеславянский предлог (он свойствен всем славянским языкам) не совсем ясного происхождения; основное значение — движение или нахождение позади чего-либо (ср. приставочные образования: **заити** — «зайти» (о солнце), **засѣсти** — «сесть в засаду» и т. п.; русск. *забежать за* что-либо); остальные многочисленные значения являются производными от основного (например, значение причины развилось из первоначального представления о причине как о том, что следует во времени после чего-либо: **погыбѫ за безаконение свое** [= «(Они) погибли *из-за* своих преступлений»] (Син. пс.) — гибель следует за преступлением). Предлог **за** с винительным падежом указывал на направление движения вслед за кем-либо, сзади кого-либо (чего-либо): **иди за мѧ** [= «Следуй *за* мной»] (Сав. кн., *Мт.*, IV; ср. отражение этого значения в русском фразеологизме *идти за муж*); отсюда производное значение замещения, оценивания: **око за око · зѫбъ за зѫбъ** (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, V; ср. русск. *око за око*, *услуга за услугу* и т. п., первоначально — указание на то, после чего, за чем должна следовать оценка, плата), объекта прикосновения: **имъ за оуздѫ конѣ** [= «взяв коня *за* узду»] (Супр. рук.; ср. русск. *взять за руку*) и др. С творительным падежом **за** указывал на нахождение сзади чего-либо: **зади за вьсѣми стоѩ** [= «стоящий *за* всеми сзади»] (Супр. рук.; ср. русск. *за столом, за окном* и т. п.).

из (перед глухими согласными **ис** и т. д.) индоевропейский предлог, из праславянского **iz*, вероятно, из более раннего **jьz* — с протетическим **j* перед начальным [ь] < **ĭ* (ср. греч. ἐξ [ĕks],

ἐκ [ĕk] — «из», лат. *ex*, *ē* — «из», лит. *iš* — «из»); по своему основному значению антоним к **въ(н)** (т. е. содержал указание на извлечение из чего-либо, «изнутри»; ср. приставочные образования: **изити** — «выйти из...», **испоустити** — «выпустить» и т. п.). Предлог **из** употреблялся только с родительным падежом: **ис кораблю, ис храма** и т. д.

на индоевропейского происхождения (ср. греч. ἄνα [ána] или ἀνά [aná] — «наверху», готск. *ana* — «на, над, к», следовательно, праслав. **ŏnŏ* > **nō* > [на]); основное значение «наверху» или «вверх», остальные значения являются производными от этого основного (например, значение цели движения — **поиде на село** — «пошел в поле», **на дворъ** — «во двор» и т. д. — вначале содержало идею перемещения на поверхности). Как и **въ(н)**, предлог **на** при глаголах движения употреблялся с винительным падежом, указывая направление на поверхность чего-либо (отвечая на вопрос *куда?*): **възиде на горѫ** [= «взошел *на* гору»], и при глаголах действия или состояния — с местным падежом, указывая на нахождение наверху, на поверхности чего-либо (отвечая на вопрос *где?*): **на горѣ, на мори.**

о и **об** являлись фонетическими вариантами предлога **ob* индоевропейского происхождения (ср. древнеинд. *abhi-*, лат. *ob-*, например, в *ob-eo* — «обхожу», *ob-lino* — «обмазываю» и т. д.); в соответствии с принципом возрастающей звучности слога [б] в конце предлога сохранился лишь перед более звучными звуками — перед гласными и плавными: **обоути** («обуть») (т. е. **об-оу-ти**, ср. **раз-оу-ти**), **обрѣзати** и т. д.; в сочетании с **v* после упрощения согласный предлога также сохранился, поскольку **bv* > [б] (см. § 137): **область** («власть, обладание») (из **ob-vŏldtь*), **обити** (из **ob-viti*); перед остальными согласными **b* утратился: **оградити** (из **ob-gŏrditi*), **осквѣрьнити**; то же при употреблении с именами: **о камень**, но **об онъ полъ** [= «*на* тот берег»]. Основное значение — «около, вокруг, со всех сторон» (ср. в приставочных образованиях: **обити** — «обвить, со всех сторон окружить чем-либо», **оградити** — «обнести забором», русск. *огородить*), остальные значения являются производными, первоначально связанными с основным. Предлог **о — об** употреблялся с двумя падежами: с винительным падежом указывал на предел распространения действия, место приложения действия, соприкосновения: **приде... об онъ**

полъ иоръдана [= «(Он) пришел *на* тот берег (реки) Иордана»] (Мар. ев., *Мт.*, XIX); **прѣтъкнеши о камен(ь)** [= «Ударишь *о* камень»] (там же, *Мт.*, VI); с местным падежом указывал на окружение или местонахождение с той или иной стороны: **сѣдѣаше о немь народъ** [= «Народ сидел *вокруг* него»] (Мар. ев., *Мр.*, III); **въвръзѣте о деснѫѭ странѫ мрѣжѧ** [= «Закиньте сети *по* правую сторону» или «направо»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Ин.*, XXI). В старославянском языке обнаруживается также развитие изъяснительного значения предлога **о** (**об**) с местным падежом (с оттенком причины и др.): **глаголати о немь** [= «говорить *о* нем»], **плака сѧ о неи** [= «плакал *о* ней»] и под.; например: **радость бѫдетъ на небесе о единомь грѣшьницѣ каѭшти сѧ неже о девѧти десѧтъ і девѧти правьдьникъ** [= «На небесах больше будут радоваться одному покаявшемуся грешнику, чем 99-ти праведникам»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XV).

отъ обычно сопоставляется с древнеинд. *áti* («сверх, свыше»), греч. ἔτι [ĕti] («уже, еще»), лат. *et* («и»). Судя по некоторым приставочным образованиям, в праславянском языке этот предлог оканчивался согласным; ср. **отити** («отойти») (т. е. **от-ити**), **отрокъ** («ребенок, юноша») (т. е. **от-рокъ**). Появление в предлоге [ъ] обычно объясняют аналогией таких предлогов, как **надъ, подъ, прѣдъ** и т. п., т. е. считают сравнительно поздним явлением (ср. лит. приставку *at-*, например *ãt-laikas* — «остаток» — без гласного в конце приставки). Однако, учитывая факты ряда индоевропейских языков (см. выше: *ati*, *eti*), можно, вслед за Ф. Ф. Фортунатовым, предположить, что в славянском **otъ* совпали два разных предлога — **otь* < **ŏtĭ* и **ot* (замена **ь* на **ъ**, действительно, могла быть результатом влияния других предлогов). Основное значение предлога **отъ** — удаление, отделение от чего-либо (ср. приставочные образования: **отити, отъстѫпити**, русск. *отойти, отступить*); предлог **отъ** употреблялся только с родительным падежом: **изиде отъ гроба** [= «вышел *из* склепа»], **отъ дрѣва** [= «*от* дерева» или «*из* дерева»] и т. д.

по — индоевропейский по происхождению предлог (ср. лит. *pō* — «по, после, под», латышск. *pa* — «по», лат. префикс *pŏ-*, например *po-tentia* — «сила, власть» (от *teneo* — «держу») и т. п.), в славянских языках употребляется с тремя падежами. С дательным падежом указывал на распространение действия по поверх-

ности, по какому-либо пространству: **иде по морю** [= «шел *по* морю»], **по брѣгоу, по пѫти** и т. д. (русск.: *плыл **по** морю, шел **по** берегу*); из этого общего развилось частное значение места соприкосновения с чем-либо: **биѣхѫ и по главѣ** [= «(Они) били его *по* голове»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, XXVII). С местным падежом предлог **по** указывал на следование за чем-либо в пространстве или во времени: **иде по немь** [= «пошел *за* ним»], **по изгънании** [= «*после* изгнания»] (русский литературный язык сохраняет лишь значение временной последовательности: *по приезде, по окончании* и т. д.); это же общее значение сохраняется и в известном некоторым славянским языкам употреблении предлога *по* с винительным падежом; ср. русское диалектное и просторечное: *сходи по воду, по грибы.*

при имеет точное соответствие в балтийских языках: лит. *prẽ* («у, при»), латышск. *prë*, прусск. *prei* («к»). Основное значение — близость к чему-либо (ср. в приставочных образованиях: **приближити** — «приблизить», **привести**). Предлог **при** употреблялся с местным падежом: **при мори, при брѣзѣ** [= «*у* берега, *около* берега»] и т. п. (ср. русск. *сад **при** доме*). Из основного значения близости развились частные значения того же предлога, например значение одновременности (из значения близости к указанному времени): **при девѧтѣи годинѣ** [= «*в* девятом часу»] (русский язык сохраняет это значение при именах собственных: ***при** Петре I, **при** Пушкине* и под.); в поздних славянских переводах, начиная с Супрасльской рукописи, **при** встречается со значением «в чьем-либо присутствии»: **при народѣ.**

съ (н) — из праслав. **sъn < *sŭn < *sūm* (ср. древнеинд. *sám*); о судьбе конечного **n* см. § 343, 367; в ранних приставочных образованиях перед менее звучным согласным **n* вместе с предшествующим гласным образовал [ǫ], откуда приставка **сѫ-: сѫсѣдъ** < **sъn-sědъ*, **сѫпрѫгъ** < **sъn-prongъ*. С родительным падежом предлог **съ (н)** обозначал то же, что и **отъ**, т. е. удаление, исходный пункт движения, но с оттенком удаления с поверхности: **съ горы, съ прѣстола, съ села** и т. п. (ср. русск.: *сойти с горы, низвергнуть с престола*); это же значение обнаруживается и в глагольной приставке: **сънити** («сойти»), **съпасти** («упасть»). С творительным падежом тот же предлог выражает идею совместности: **съ оучеником҄ь, съ нимь, съ вами**; развитием этого значения

является указание на орудие или обстоятельства, сопровождающие действие: **съ лопатоѫ; съ гнѣвомь, съ страхомь** и т. п. В южнославянских, восточнославянских и большинстве западнославянских языков этот предлог встречается также в конструкциях винительного падежа со значением эквивалентности (ср. русск.: *величиною с дом, прошли с километр*); в старославянских текстах таких конструкций нет.

оу — из праслав. **oų* или **aų* (ср. латинский префикс *au-*: *au-fero* — «уношу, отнимаю» — от *fero* — «ношу»); употребителен только с родительным падежом в двух значениях, из которых древнейшим является значение отделения, удаления: **просиши оу мене, възѧти оу отьца**; то же значение обнаруживает и приставка **оу: оуходити, оубѣжати** (ср. русск.: *убежать от чего-или кого-либо, унести* и т. п.). Типично славянским является значение близости: **постави оу гроба** («поставил у склепа, около склепа»), **оу града** («около города»).

§ 369. 4) От некоторых индоевропейских предлогов с помощью аффикса **-dъ* в праславянском языке были образованы новые предлоги, являющиеся общеславянскими:

надъ (из **na-dъ*, ср. *на*) указывает на положение более высокое, чем что-либо; в старославянском языке употреблялся с двумя падежами: с винительным падежом указывал на направление: **воини ведошѧ** (его) **надъ брѣгъ рѣкы** [= «Воины повели (его) *по* берегу реки»] (Супр. рук.); **приде надь нь** [= «наклонился *над* ним», дословно: «пришел *над* ним»] (Ассем. ев., *Л.*, X); с творительным падежом предлог **надъ** указывал на нахождение выше чего-либо: **напьсано надъ нимь** [= «написано *над* ним»], **область надъ бѣсы** [= «власть *над* бесами»]; ср. с отрицанием: **нѣстъ оученикъ надъ оучителемь** [= «ученик не выше учителя»].

подъ (из **po-dъ*, ср. *по*) является антонимом к **надъ** (т. е. указывает на положение менее высокое, чем что-либо) и в старославянском языке употреблялся с теми же падежами. С винительным падежом указывал на направление: **(вънити) подъ кровъ, подъ ноѕѣ** (ср. русск.: *залетел под облака, упал под ноги*); производным является значение близости во времени: **подъ**

вечеръ. С творительным падежом указывал на статическое положение: **подъ камыкомь** («*под* камнем»), **подъ ногама, подъ землкѭ.**

прѣдъ (из **pĕr-dъ*, ср. **прѣ-**), как и оба предыдущих предлога, употреблялся в старославянском языке с двумя падежами. Основное значение — движение или нахождение впереди кого или чего-либо: **иде прѣдъ нимь** [= «шел *впереди* него»], **стати прѣдъ, градомь, прѣдъ ногама**, в частности при указании на время: **прѣдъ съложениѥмь мира** [= «*перед* сотворением мира»]. Известны редкие случаи употребления предлога **прѣдъ** с винительным падежом со специфическим значением «поставить лицом к лицу для суда»: **прѣдъ владыкы же и црѧ · ведени бѫдете** [= «Поведут вас к владыкам и царям» — имеется в виду «для суда над вами»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, X); русский язык утратил такое употребление предлога **прѣдъ**, но древнерусскому языку оно было известно (еще в грамотах XVII в. можно постоянно встретить: *поставить* **перед** *царя* или *стать* **перед** *царя*).

Такого же происхождения, как и **надъ, подъ, прѣдъ,** существительное **задъ,** русск. *вад* (из **za-dъ*, ср. предлог **за**), которое в старославянском языке дало наречие **зади** (ср. русск. *сзади*, *позади*), а в южнославянских языках известно в функции предлога.

Новые предлоги

§ 370. В функции предлога может употребляться наречие если есть необходимость не просто указать на обстоятельства действия (движения, состояния), но и выразить отношения между предметами в процессе осуществления этого действия (ср.: *Он шел позади* и *Он шел позади командира*). Большинство таких отнаречных предлогов в старославянском языке использовалось для выражения пространственных отношений:

с родительным падежом: **тъ бѣ близъ илма** [= «Он был *вблизи* Иерусалима»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XIX); **приде же въ градъ... искрь вьси** [= «(Он) пришел в город *около (возле)* деревни»] (там же, *Ин.*, IV); **посълѥтъ ихъ кромѣ страны** [= «(Он) пошлет их *вон из* страны»] (там же, *Мр.*,V); **сѣдѣхѫ окрѫгъ тѣлесоу кю** [= «(Они) сидели *вокруг* их тел»] (Супр. рук.);

с дательным падежом: **вьсь градъ изиде противѫ исви** [= «Весь город вышел *навстречу* Иисусу»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, VII); **сѣдѧшти прѣмо гробоу** [= «сидя *напротив* склепа»] (там же, *Мт.*, XXVII);

с винительным падежом: **тѣлеса стъіихъ ношахѫ сѧ сквозѣ, водѫ** [= «Тела святых носились по воде»] (Супр. рук.);

с творительным падежом: **междю ол҄таремь и храмомь.** [= «*между* жертвенником и храмом»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XI)

Для выражения временны́х отношений использовался предлог **прѣжде** (с род. п.): **възлюбилъ мѧ еси прѣжде сложениѣ вьсего мира** [= «(Ты) полюбил меня *раньше* сотворения всего мира»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Ин.*, XVII).

В старославянских текстах встречаются постпозитивные предлоги, использовавшиеся для выражения причинных отношений (с род. п.): **лъжѫште мене ради** [= «Лгущие *ради* меня»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, V); **то вьсе врагъ дѣлꙗ бъіваатъ** [= «Все это бывает *из-за* врагов»] (Супр. рук.); **ха дѣл҄ьма съвлѣцѣмъ сѧ** [= «Разденемся *ради* Христа»] (там же).

Значение предлогов нередко получают устойчивые сочетания существительных с предлогами, частично утрачивающие конкретное лексическое значение и получающие более общее значение пространственных отношений. Поскольку для существительных наиболее характерно управление родительным падежом, то и предлоги, формирующиеся из наречий, произошедших от существительных, обычно употребляются с родительным падежом.

Примером предложной конструкции, часто встречающейся в старославянских памятниках со значением предлога, может служить **по срѣдѣ** (буквально: «по середине»): **корабь же бѣ по срѣдѣ морѣ** [= «Лодка же была *посреди* моря»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV); **а дроугое паде по срѣдѣ трьньѣ** [= «А некоторые (семена) упали *среди* терновника»] (там же, *Л.*, VIII) и т. д. Формально во всех подобных случаях — конструкция дательного падежа (с предлогом **по**) существительного **срѣда**, управляющего родительным падежом (**морꙗ, трьниꙗ**). Однако в действительности это уже не так: существительное **срѣда** в том значении, которое свойственно ему в конструкции **по срѣдѣ**, в формах других падежей не встречается (т. е. не встречается, скажем, **«срѣда морꙗ»**); вместе с тем при употреблении слова **срѣда** в собственном значении (т. е. «середина») в последнем примере предлог был бы

неуместен: должно было бы быть «паде на срѣдѣ», как в том же тексте несколькими строками ранее паде на камене, а ниже — паде на землꙗ. Все это и свидетельствует о превращении предложной конструкции по срѣдѣ в предлог (как обычно, через ступень наречия; ср.: плꙗса дъшти иродиꙗдина по срѣдѣ и оугоди иродови [= «Иродиадина дочь плясала *посредине* и угодила Ироду»] — Мар. ев., Мт., XIV).

Кроме по срѣдѣ, в старославянских текстах в функции предлогов нередко встречаются также конструкции въ мѣсто («вместо»), въс краи («на краю, с краю»), вън жтрь и др., все — с родительным падежом.

СОЮЗЫ И ЧАСТИЦЫ

§ 371. В индоевропейскую эпоху по существу не было различий между союзами и частицами: служебные слова, использовавшиеся как средства соединения предложений (или членов предложения), вместе с тем использовались и для выражения различных смысловых оттенков. Процесс разграничения союзов и частиц наметился, видимо, уже после разобщения древних индоевропейских диалектов; во всяком случае, в старославянских памятниках нашел отражение один из ранних этапов процесса «специализации» старых союзов-частиц. В связи с этим в старославянском языке нецелесообразно (а иногда и практически невозможно) разграничить эти две группы служебных слов, тем более что они тесно связаны друг с другом и по происхождению. Впрочем, в известной мере старославянский язык отражал преимущественно соединительную или преимущественно выразительную функцию того или иного служебного слова: слова, чаще использовавшиеся в функции союзов, занимали место в начале предложения; слова, в значительной степени сохранявшие значение частиц, в предложении сохраняли место после первого знаменательного слова.

§ 372. Наиболее употребительными в старославянском языке были союзы-частицы **и, а, нъ, да.** Все они в старославянских текстах чаще употреблялись в функции союзов (**нъ** — только в функции союза), а потому занимали место в начале предложения.

и — неясно по этимологии (иногда сопоставляют с греч. εἰ [ĕį] — «если», готск. *ei*, а также с отложительным падежом единствен-

ного числа *ēd* местоимения *е*; в этих сопоставлениях смущают сильные различия в значении); по значению **и** соответствовал русскому «также». Старое значение частицы **и** иногда встречается в старославянских текстах: **посъла і того** [= «(он) послал *также* его»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мр.*, XII; ср. русск.: *он и его послал* — с оттенком «даже его», «его *тоже* послал»); **сего ради и мы дльжни ѥсмъ трьпѣти** [= «Поэтому *и* мы должны терпеть»] (Супр. рук.) — с оттенком «*тоже* должны терпеть». Чаще **и** употреблялось для соединения (или присоединения) предложений или отдельных членов предложения: **и сьниде дъждъ · и придѫ рѣкы · и вьзвѣꙗшѧ вѣтри...** [= «*И* пошел дождь, *и* разлились реки, *и* подули ветры»] (Сав. кн., *Мт.*, VII); **чкь етерь съхождааше от ерслма вь ерихѫ · и въ разбоиникы вьпаде** [= «Некий человек шел из Иерусалима в Ерихон *и* попал к разбойникам»] (Ассем. ев., *Л.*, X).

В отрицательном обороте союзу **и** соответствовало отрицание **ни** с теми же значениями (т. е. «также» и как средство соединения в отрицательном предложении): **не зови дроугъ твоихъ · ни братриѩ твоеѩ...** [«Не зови своих друзей *и* (или *а также*) своих товарищей»] (Мар. ев., *Л.*, XIV).

а этимологически представляет старый отложительный падеж $*\bar{a}t < *\bar{o}t$ индоевропейского указательного местоимения (ср. древнеинд. *ā́t* — «потом, и», древнеиранск. *āat* — «потом, затем; и; но, однако», лит. *õ* — «и, но») и употреблялось со значением «потом», а также в качестве соединительного союза с оттенком противопоставления: **ова оубо падошѧ при пѫти... а дроугаѣ падошѧ въ трънии** [= «Некоторые же (семена) упали у дороги... *А* другие упали среди терновника»] (Зогр. ев., *Мт.*, XII); **жѧтва оубо мънога а дѣлатель мало** [=«Жатва ведь обильна, *а* работников мало»] (там же, *Мт.*, IX).

Будучи усилено различными частицами, **а** могло приобретать разные оттенки значения. Так, в соединении с вопросительной частицей **ли** союз **а** выступал как показатель более сильного противопоставления с оттенком вопроса, недоумения: **иніы съпасе · али себе не можетъ съпасти** [= «Других спас, а себя не может спасти!»] (Зогр., Мар. ев., *Мр.*, XV; в Ассеманиевом

евангелии: **а себе ли...** — в этом случае оттенок вопроса, недоумения усиливается: «*Неужели* не может спасти себя!»).

нъ этимологически восходит к индоевропейской частице **non* (ср. древнеинд. *nū*, древнеиранск. *nu* — «теперь», греч. νύ, νῦν [nü, nün] — «ну же! итак», лит. *nū* — «теперь, ну!», нем. *nun* — «теперь, ну» и т. д.); в старославянских текстах **нъ** использовалось для более сильного противопоставления, чем **а**: **єгда зъванъ бѫдеши на бракъ · не сѧди на прѣдьнимь мѣстѣ... нъ єгда зъванъ бѫдеши · шъдъ сѧди на послѣдьнимь мѣстѣ** [= «Когда будешь приглашен на свадьбу, не садись (сам) на почетное место... *Но*, когда будешь приглашен, придя, сядь на последнее место»] (Сав. кн., *Л.*, XIV); при соединении противопоставляемых однородных членов: **нѣстъ оумрьла · нъ спитъ** [= «(Девушка) не умерла, *а* спит»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, VIII).

да — этимологически из индоевр. **dō*[1] (ср. греч. δή [dē] — «конечно, в самом деле») — первоначально было частицей со значением «так, конечно»; это значение до сих пор сохраняет русское и болгарское утверждение **да** (например, русск.: ***Да**, я знаю это*). В старославянских текстах **да** — едва ли не самый употребительный союз (после **и**). Иногда **да** можно встретить со значением противопоставления и со свойственным частицам экспрессивным оттенком: **не дєсѧть ли ицѣлистиша сѧ · да девѧть како не обрѣтѫ сѧ** [= «Не десятеро ли очистились; *а вот (да только)* девятеро не нашлись!»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Л.*, XVII; в Остромировом евангелии вместо **да** употреблен союз **а**). Значительно шире союз-частица **да** употребляется с формами настоящего или будущего времени, выражая волеизъявление, желание, приказ: **повелѣ господь его да продадѧтъ и...** [= «Его господин приказал, *чтобы* его продали»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII; дословно: «Его господин приказал: *пусть продадут* его!»); **рьци братроу моемоу да раздѣлитъ...** [= «Скажи моему брату, *чтобы* (он) разделил (имущество)» (там же, *Л.*, XII; дословно: «Скажи моему брату: *пусть разделит!*»). Иногда для выражения тех же отношений союз-частица **да** употреблялся с сослагательным

---

[1] В Зографском и Мариинском евангелиях трижды вместо ожидаемого **да** встречается **до** из **dŏ* (т. е. с отражением сокращения безударенного **о* в несамостоятельном слове).

наклонением: **молѣаше же и единъ отъ фарисѣи да би ѣлъ съ нимъ** [= «Один же из фарисеев просил его, *чтобы* он ел с ним»] (Мар. ев., *Л.*, VII; дословно: «...*пусть бы* он *ел* с ним»). Нетрудно заметить, что во всех случаях **да** обнаруживает значение желательности (в соответствии с русским *пусть*), которое иногда становилось основным значением — при употреблении **да** в независимом предложении, где конструкция с **да** соответствовала формам повелительного наклонения: **да ститъ са имѧ твое · да придетъ црствие твое...** [= «*Пусть* будет свято имя твое. *Пусть* наступит царствие твое...»] (Зогр. ев., *Мт.*, VI); **да съѭдетъ сѧ реченое пророкомъ · ісаиемь...** [= «*Да* сбудется сказанное пророком Исайей!»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII) и др. В некоторых зависимых предложениях оттенка желательности уже не было, и союз **да** выступал в собственно соединительной функции со значением цели: **се ізиде сѣѩі да сѣетъ** [= «Вот вышел сеятель, *чтобы* сеять»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XIII — здесь явно выражены целевые отношения, которые в тех же памятниках в другом месте переданы супином: **изиде сѣѩи сѣатъ** — *Л.*, VIII).

§ 373. Наиболее распространенными частицами в старославянских памятниках письменности являются **бо, же, ли, не**, причем первые три постоянно использовались и как средство соединения предложений.

бо восходит к индоевропейской частице *bhe, использовавшейся для выделения какого-либо члена или подтверждения (старое значение сохраняется в чешск. и польск. *ba*, укр. *ба* — «конечно», ср. древнеиранск. *bā* — «да, действительно», греч. φή [fē] — «как, подобно», лит. *ba* — «да, действительно»). В старославянских памятниках сохранялась индоевропейская позиция частицы **бо** — после первого знаменательного слова в предложении; однако значение сильно изменено: отчасти сохраняя выделительное значение, **бо** обычно использовалась для выражения причинных отношений между предложениями: **ничесо же не обрѣте на неи тъкмо листвие · не бѣ бо врѣмѧ смокъвамъ** [= «(Он) ничего не нашел на ней (т. е. на смоковнице), кроме листьев, *так как* не время было плодам»] (Мар. ев., *Мр.*, XI; дословно: «*ведь* не время было плодам»); ср. еще: **не осѫждаите да не осѫждени бѫде-**

те · імъ же бо сѫдомъ сѫдите сѫдѧтъ вамъ [= «Не осуждайте, и не будете судимы (т. е. «чтобы не быть судимыми»); *ведь* каким судом судите, таким и вас судят»] (Мар. ев., *Мт.*, VII).

Частица **бо** соединялась с другими частицами и использовалась вместе с ними для выражения различных отношений между предложениями или выделения отдельных членов: **ибо** (откуда церковнославянский причинный союз *ибо* — «так как, потому что»): **...ібо и пси ѣдѧтъ** [= «*Но ведь* и собаки едят!»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XV); **оубо** (использовалось для выделения): **чьто оубо си сѫтъ** [= «Что *же* это такое?»] (Остр. ев., *Л.*, XV): **не пьцѣте сѧ оубо** [= «Не заботьтесь *же*»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, VI).

же — самая распространенная частица, постоянно использовавшаяся в старославянских переводах для соединения предложений со значением противопоставления и с выделением какого-либо члена; точно соответствовала греческой частице δέ [dĕ] (ср. древнеинд. *ha* — выделительная частица); частица **же** занимала в предложении место после первого знаменательного слова: **послѣдь же посъла къ нимъ сънъ свои** [= «Наконец (он) послал к ним своего сына»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **по приключаю же иереі единъ · идѣше пѫтьмь тѣмь** [= «По случаю *же* некий иерей шел той дорогой»] (Сав. кн., *Л.*, X) и т. д. Значение частицы **же** как средства соединения предложений ясно обнаруживается в тех случаях, где она употреблена параллельно **а**: **ова оубо падѫ при пѫти... дроугаа же падѫ на каменеихъ... а дроугаа падѫ въ тръниі... дроугаа же падѫ на земли добрѣ** [= «Некоторые (семена) упали при дороге... Другие *же* упали на каменистую почву... *А* иные упали среди терновника... Иные *же* упали на добрую почву»] (Мар. ев., *Мт.*, XIII).

Частица **же** очень широко использовалась для усиления наречий, местоимений, союзов и других частиц, образуя вместе с ними новые служебные слова. Так, с **да** образована частица **даже** (ср. русск. *даже*), с частицей **не** — **неже** или **нежели** — «чем» (ср. русск. церковнослав. *нежели*) и др.; как средство усиления отдельных знаменательных слов частица **же** особенно широко соединялась с отрицательными наречиями и местоимениями: **никъде же, никамо же, никогда же, никъто же, ничьто же.**

ли — вопросительная частица (этимологически ее иногда сопоставляют с латышск. *lai* — желательной частицей); в предложении **ли** занимала место после первого знаменательного слова: **ты ли еси цр҃ь іюдѣіскъ** [= «Ты *ли* царь Иудейский?»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVII).

Частица **ли** могла соединяться с другими частицами и союзами. Так, **ли**, присоединяясь к **а**, усиливала противопоставление, придавая ему вопросительный оттенок (об **али** см. выше, в § 372); соединяясь с союзом **и**, частица **ли** придавала ему значение разделительного союза (ср. русск. *или*): **вараввѫ ли іли ис҃а** [= «Варавву *или* Иисуса?»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, XXVII); **достоино ли естъ дати кинъсъ кесареви или ни** [= «Надлежит ли платить подать кесарю *или* нет?» (там же, *Мт.*, XXII). Частица **ли** могла усиливать и ряд других союзов (см. ниже).

не — основная отрицательная частица, индоевропейская по происхождению (ср. древнеинд. *ná* — «не», древнеперс. *na*, лит. *nè*— «как» и т. д.): **не осѫждаите да не осѫждени бѫдете** [= «*Не* осуждайте, чтобы *не* быть судимыми»] (Мар. ев., *Мт.*, VII). Осложненная другими частицами, частица **не** могла приобретать значение союза. Так, в соединении с **же** частица **не** получала значение союза, использовавшегося при противопоставлении, сравнении: **сидоноу отърадьнѣе бѫдетъ... неже вама** [=«Сидону лучше будет, *чем* вам»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XI); при отсутствии формы сравнительной степени: **радость бѫдетъ на небесе о единомь грѣшьници каѭшти сѧ неже о девѧти десѧтъ і о девѧти правьдьникъ** [= «Радоваться будут на небесах одному раскаявшемуся грешнику (больше), *чем* 99-ти праведникам»] (там же, *Л.*, XV); то же значение сравнения могло выражаться и соединением трех частиц — **нежели**. Значение предположительности могло выражаться соединением **не** с **къ** или **гъ** (из **го**) и **ли**, т. е. **некъли** или **негъли**: **посл҄ѭ сынъ мої вьзл҄юбленъі · некъли сего оусрамл҄ѣѭтъ сѧ** [= «Пошлю своего возлюбленного сына: *может быть*, его постыдятся»] (Зогр. ев., *Л.*, XX; в Мариинском евангелии здесь **негъли**).

§ 374. Некоторые старославянские союзы и частицы представляли славянские новообразования, хотя и достаточно древние, нередко восходящие к праславянской эпохе. Таковы условные союзы **аште** и **еда**.

аште (иногда **ѥште** — с развитием протетического [j] перед начальным [а]; в глаголических памятниках **ѣште**) — фонетически, несомненно, из праслав. **atje* (ср. древнерусск. *аче*, где [ч'] < < **tj* — см. § 129), представлявшего, видимо, соединение **а** с местоимением или частицей[1]. В старославянских памятниках **аште** широко использовалось в функции условного союза как при сослагательном, так и при изъявительном наклонении — в зависимости от наклонения поясняемого («главного») предложения: **аште би былъ прркъ · вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена** [= «*Если* бы (он) был пророком, то знал бы, что это за женщина»] (Мар. ев., *Л.*, VII); **аште просиши дамь ти** [= «*Если* попросишь, (я) дам тебе»] (там же, *Мр.*, VI) и т. п. **аште** могло распространяться другими частицами-союзами, которые придавали различные оттенки значения: **аште да** — усиленная обусловленность («пусть же если»); **аште ли** — одно из возможных условий, противопоставленное другому (например: **аште не творѭ дѣлъ оца моего · не емлѣте ми вѣры · аште ли творѭ... дѣломъ моимъ вѣрѫ имѣте** [= «*Если* я не совершу чудес отца моего, не верьте мне; *если же* совершу, то поверьте моим делам»] — Зогр., Мар. ев., *Ин.*, X).

еда, или **ѥда**, — частица, которая могла выполнять функцию условного союза с оттенком неуверенности или предостережения; обычно употреблялась в связи с отрицанием: **онъ же рече ни · еда въстръгаѭште плѣвелъ · въстръгнете коупьно съ н'имь і пьшеницѫ** [= «Он же ответил: — Нет! *Если* будете пропалывать сорняк, вместе с ним вырвете и пшеницу»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XIII; дословно: «...Нет! *Ведь*, вырывая сорняк, вместе с ним вырвете и пшеницу»); ⟨**не сади на прѣдьниимь мѣстѣ.**⟩ **еда кто чьстьнѣи тебе бѫдетъ зъванꙑхъ · и пришьдъ зъвавꙑ тѧ и оного · речетъ ти · даждь семоу мѣсто** [= «⟨Не садись на почетное место.⟩ *Если* кто-либо из приглашенных будет знатнее тебя, то, подойдя, звавший тебя и его скажет тебе: — Уступи этому место!»] (Сав.

---

[1] Бернекер полагал, что **atje* < **āt-jĕd*, т. е. из соединения союза-частицы **a* < **āt* < индоевр. **ōt* (см. § 372) с формой винительного падежа единственного числа среднего рода указательного местоимения **ѥ** — **je* < **jĕd*. Если так, то первоначальное значение «а то».

кн., *Л.*, XIV; дословно: «...*Ведь* кто-то из приглашенных будет знатнее тебя. И, подойдя, звавший тебя и его скажет...»).

§ 375. Функции пояснительных союзов или союзных слов в старославянском языке обычно выполняли наречия **ꙗко, кгда, иде** (или **иждe**), **кли, кльма, коли, прѣжде, любо** и др. Употребление наречия в качестве средства соединения предложений было тем шире и регулярнее, чем менее конкретным было его обстоятельственное значение; именно поэтому широко использовались для соединения предложений наречия от основы **j-* (см. § 348 и далее).

Наиболее широко использовалось в качестве средства соединения предложений наречие образа действия **ꙗко** (в глаголических памятниках **ѣко**), которое употреблялось для выражения самых различных обстоятельственных значений: образа действия: **не подобааше лі и тебѣ помиловати клеврѣта твоего ѣко и азъ тѧ помиловахъ** [= «Не следовало ли и тебе простить своего товарища, *как* я простил тебя»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII); причины: **градѣте · ѣко оуже готова сѫтъ вьсѣ** [= «Приходите, *потому что* все уже приготовлено»] (Мар. ев., *Л.*, XIV); условия: **чьто сътвор'ѭ · ѣко господь мої отъемлетъ строеньѥ домоу отъ мене** [= «Что буду делать, *если* мой хозяин отстранит меня от управления хозяйством?»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI); следствия: **і се трѫсъ великъ бъістъ въ мори · ѣко покръівати сѧ кораблю влънами** [= «И вот случилась в море сильная буря, *так что* лодку стало покрывать волнами»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII) и т. д., в том числе и изъяснительные: **і оувѣдѣвъши ѣко вьзлежитъ · въ храминѣ фарисѣовѣ...** [= «И, узнав, *что* (он) лежит в доме фарисея...» (там же, *Л.*, VII).

Наречие **кгда** использовалось для выражения временных отношений, нередко с оттенком причины или условия (в связи с последовательностью событий во времени): **і егда сѣаше · ово паде при пѫти** [= «И *когда* (он) сеял, некоторые (семена) упали при дороге»] (Зогр. ев., *Л.*, VIII), **егда зъванъ бѫдеши на бракъ · не сѧди на прѣдьниімь мѣстѣ** [= «*Когда* будешь приглашен на свадебный пир, не садись на почетное место»] (Сав. кн., *Л.*, XIV) — поскольку это совет, то временны́е отношения одновременно заключают в себе и условие: «*Если* ты будешь

приглашен...» Когда необходимо было подчеркнуть, что поясняемое действие (или состояние) целиком укладывается в указанный период времени, **кгда** осложнялось приставкой **въ(н)**, т. е. **vъn-jegda* > **вън'егда: вънегда възывахъ оуслъшя мя** [= «*В то время, когда* я звал, меня услышали»] (Син. пс.); вместе с тем ощущается и причинная зависимость: «*Так как* я звал...»

Временны́е, причинные и условные отношения могли также выражаться наречиями **иде** (или **иждe**), **кьлма, кли, коли, прѣжде** (обычно в соединении с **даже**) и др. Например: **даждъ ми въ заимъ три хлѣбы · їде дроугъ ми приде съ пѫти къ мьнѣ** [= «Дай мне взаймы три хлеба, *так как* ко мне зашел мой друг»] (Мар. ев., *Л.*, XI); **кьлма гнъ мои не вѣстъ... како могѫ азъ сътворити** [= «*Если* господин мой не знает, то как я могу сделать (это)»] (Супр. рук.); **прѣжде даже кокотъ не възгласитъ дъва краты · отъвръжеши ся мене три краты** [= «*Прежде чем* петух пропоет дважды, (ты) трижды отречешься от меня»] (Мар. ев., *Л.*, XIV) и т. п.

В качестве частицы **любо** (из наречия, образованного от прилагательного **люб-ъ**) могла придавать местоимениям и наречиям значение неопределенности: **кыи любо** («какой-либо»), **къто любо** («кто-либо»), **какъ любо** («как-либо») и т. д. (ср. русск. частицу *либо*). Вместе с тем **любо** могло использоваться и в функции союза для указания на одну из нескольких возможностей: **л'юбо въ вторѫѭ любо въ третиѭ стражѫ придетъ** [= «*Либо* во втором, *либо* в третьем часу (ночи) придет»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XII). Значение неопределенности выбора одной из возможностей обусловливало довольно частое употребление частицы **ли** при **любо: любо ли**; в результате контаминации **любо** с **ли** образовался союз-частица **либо**, известный и русскому языку.

§ 376. Частицы и союзы для выражения оттенков отношений в старославянском языке могли употребляться с предлогами (подобно **вън'егда** — см. § 350). Так, **иде**, когда указывало на время действия, с предлогом **до** получало значение «до этого (времени), до тех пор пока», употребляясь обычно с частицей **же: доидеже** или **дон'ьдеже** (из **do-n-jьde*); с различными предлогами (нередко также и с частицей **же**) мог употребляться и происходящий из наречия союз **кли: донелиже** (из **do-n-jeli*) — «до этого (момента), до тех пор пока» и **отънелиже** (из **otъ-n-jeli*) — «от того (момента),

с тех пор как»; например: **господь его прѣдастъ и мѫчителемъ · доньдеже въ(з)дастъ дльгъ весь** [= «Его хозяин передал его тюремщикам, *до тех пор пока* (он) не отдаст всего долга»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII); **донелиже · естъ годъ приимѣмъ съпасение свое** [= «*Пока* есть время (*до тех пор пока* есть время), давайте получим свое спасение»] (Супр. рук.); **отънели вънидъ не прѣста облобызаѭшти ногоу моею** [= «*С тех пор как* (я) вошел, (она) не переставала целовать мои ноги»] (Мар., Ассем. ев., *Л.*, VII; в Зографском евангелии **отънелиже**).

В функции причинного союза могло употребляться и местоимение **е** (в форме винительного падежа единственного числа среднего рода) с предлогами **по** и **за** (нередко также с частицей **же**): **понеже** (из **po-n-je*) или **занеже** (из **za-n-je*) — «поскольку, потому что» (это значение развилось из значения следования во времени, свойственного предлогам **по** и **за** с винительным падежом,— см. § 368; ср. причинное значение предлога *за* в русском языке: *наградили **за** хорошую работу*): **весь дльгъ твои отъпоустихъ тебѣ · понеже оумоли мѧ** [= «Весь твой долг я простил тебе, *поскольку* (ты) упросил меня»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII; первоначальное значение: «*после того как* ты упросил меня»); **і абие прозѧбошѧ зан'е не імѣаше глѫбины земл'ѣ · слъньцю въсиѣвъшю присвѧдѫ · (і) зане не імѣахѫ корениѣ (і) исъхошѧ** [= «И тотчас проросли (семена), *поскольку* земля была неглубокой; когда же пригрело солнце, завяли и, *так как* не имели корней, засохли»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XIII).

Дополнительная литература к § 365—376

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 258 (стр. 397—408).

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, § 551—564 (стр. 387—392).

ПОРЯДОК СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

§ 377. Старославянский язык во всем существенном сохранял особенности древнего индоевропейского предложения. Сохранялись и основные типы связи слов, в частности согласование и управление; причем синтетический строй языка обусловливал широкое распространение беспредложного управления.

Развитость флексий, т. е. четкое морфологическое оформление связи слов, обусловливала свободный порядок слов в старославянском предложении, который не имел грамматического значения и использовался как средство выразительности. Вообще же в старославянском предложении, в соответствии с индоевропейской синтаксической традицией, подлежащее обычно занимало место впереди сказуемого, а слова, пояснявшие главные члены, нормально следовали после господствующего слова.

Примером свободного расположения членов предложения может служить употребление согласованных определений, которые, как правило, были постпозитивными: **послѣдь же посъла къ нимъ сынъ свои глаголя · оусрамлѣѭтъ ся сына моего** [= «Наконец (он) послал к ним сына *своего*, говоря: — Постыдятся сына *моего*»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **чл҃къ единъ сътвори вечерѭ велиѭ** [= «Человек *некий* устроил ужин *большой*»] (там же, *Л.*, XIV); **оуподоблѭ его мѫжеви мѫдроу · иже створи храмъ свои на камене** [= «(Я) уподоблю его человеку *разумному*, который построил дом *свой* на камне»] (Сав. кн., *Мт.*, VII) и т. д. Вместе с тем в старославянских текстах согласованное определение нередко оказывается впереди определяемого слова: **виноградъ прѣдастъ инѣмъ дѣлателемъ** [=«(Он) отдаст виноградник *иным* работникам»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **створи своѭ храминѫ на пѣсцѣ** [= «(Он) построил *свой* дом на песке»] (Сав. кн., *Мт.*, VII); **не сади на прѣдьниимь мѣстѣ** [= «Не садись на *почетное* место»] (там же, *Л.*, XIV) и т. д. — препозитивное употребление определения вызвано необходимостью подчеркнуть важность данного признака в описываемых обстоятельствах.

То же касается и порядка следования главных членов: при обычной постановке подлежащего перед сказуемым (например: **чл҃къ етеръ съхождааше от ер҃слма вь ерихѫ** [=«Некий *человек шел* из Иерусалима в Ерихон»] — Ассем. ев., *Л.*, X; **господинъ домоу рече рабоу своемоу** [= «*Хозяин* дома *сказал* своему рабу»] — Мар. ев., *Л.*, XIV и т. д.) в случае необходимости подчеркнуть значимость указываемого действия (или состояния) сказуемое выдвигалось на первое место: **и рече г҃ь рабоу** [= «И *сказал хозяин* рабу»] (Мар. ев., *Л.*, XIV); **и сънide дъждь и придѫ рѣкы и възвѣаша вѣтри** [= «И *пошел дождь*, и *разлились реки*, и *подули ветры*»] (Сав. кн., *Мт.*, VII).

СВЯЗИ СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

ОСОБЕННОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ

§ 378. Согласование характеризовало связи прилагательного, местоимения, причастия с существительным в качестве господствующего слова, когда зависимое имя получало

форму того же рода, числа и падежа, что и главное: **оуподоблѭ его мѫжеви мѫдроу** [= «(Я) уподоблю его *умному* человеку»] (Сав. кн., *М.*, VII) — прилагательное **мѫдроу** употреблено в форме мужского рода, единственного числа, дательного падежа, так как согласовано с существительным **мѫжеви**; **посъла рабъ свои** [= «(Он) послал *своего* раба»] (Мар. ев., *Л.*, XIV) — местоимение **свои** согласовано с прямым дополнением **рабъ** и поэтому употреблено в форме мужского рода, единственного числа, винительного падежа; **і пристѫпи къ н'емоу едина рабын'и глѭшти** [= «И подошла к нему одна рабыня, говоря...», дословно «*говорящая*»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI) — причастие **глаголѭшти** (как и **едина**) согласовано с существительным **рабын'и** в форме женского рода, единственного числа, именительного падежа.

С существительными согласовывались в старославянском языке и счетные слова, обозначавшие числа 1, 2, 3 и 4: **едино дѣло сътворихъ** [= «(Я) сделал *одно* дело»] (Зогр. ев., *Ин.*, VII); **изъ кдинѣхъ оусть** [= «из *одних* уст»] (Супр. рук.); **видѣ дъва братра** [= «(Он) увидел двух братьев»] (Зогр. ев., *Мт.*, IV) — **дъва** согласовано с **братра** в форме мужского рода, двойственного числа, винительного падежа; **двѣ нозѣ імѫштю** [= «имеющему две ноги») (там же, *Мр.*, IX) — **двѣ**, согласуясь с **нозѣ**, употреблено в форме женского рода, двойственного числа, винительного падежа; **нікы же бо рабь не можетъ дъвѣма гднома работаті** [= «Никакой раб не может служить двум хозяевам»] (Ассем. ев., *Л.*, XVI) — **дъвѣма** согласовано с **господинома** в форме мужского рода, двойственного числа, дательного падежа; **даждъ ми въ заимъ три хлѣбы** [= «Дай мне взаймы три хлеба»] (Мар., ев., *Л.*, XI) — **три** согласовано с **хлѣбы** в мужском роде, множественном числе, винительном падеже; **отъ четырь вѣтръ** [= «от четырех ветров»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXIV) — **четыръ** согласовано с **вѣтръ** в форме мужского рода, множественного числа, родительного падежа, и т. п.

§ 379. Специальных замечаний требуют формы согласуемых слов при существительных типа **слоуга, старѣишина, сѫдии** и под. Если в единственном числе согласуемые слова при таких существительных последовательно употреблялись с окончаниями мужского рода (**слоуга мои** — Зогр., Мар., Ассем. ев., *Ин.*, XII; **ста-**

рѣишина жьрьчьскъ — Супр. рук. и т. д.), чему, видимо, способствовало осознание реального пола обозначавшихся этими словами лиц, то во множественном числе, когда указывалось на совокупность лиц и при этом мысль о реальном поле каждого из входящих в это множество отсутствовала, согласуемые слова обычно употреблялись при этих же именах с окончаниями множественного числа женского рода. Например, во всех списках евангелия (Зогр., Мар., Ассем. ев. и Сав. кн.) читаем: **слоугы... моѩ** (им. п.) — как **жены моѩ** (*Ин.*, XVIII) — вместо ожидаемого **слоугы мои**; **старѣишинамъ галилѣискамъ** (*Мр.*, VI) — вместо ожидаемого **галилѣискомъ**; ср. в двойственном числе: **слоузѣ сотонинѣ** (Супр. рук.) — вместо ожидаемого **сотонина**. Впрочем, иногда формы мужского рода встречаются: **правьдики сѫдиѩ** (Супр. рук.), **слоугы бижште** (Зогр., Мар. ев., *Мр.*, XIV).

§ 380. Особый случай согласования представляет связь глагола, являющегося сказуемым, с именем, выступающим в роли подлежащего, поскольку в этом случае возможно лишь согласование в числе: **чкъ етеръ съходждааше** (Ассем. ев., *Л.*, X) — **съходждааше** в форме единственного числа, так как связано с подлежащим **чловѣкъ**; **придѫ рѣкы** (Сав. кн., *Мт.*, VII) — **придѫ** в форме множественного числа, так как связано с подлежащим **рѣкы**.

В том случае, если сказуемое выражалось сложной глагольной формой, в состав которой входило причастное образование с суффиксом **-л-**, наблюдалось согласование не только в числе, но и в роде: **съ аште би былъ пркъ· вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена** [= «Если бы он («этот») *был* пророком, то *знал* бы, что это за женщина»] (Мар. ев., *Л.*, VII) — в сослагательном наклонении причастия **былъ** и **вѣдѣлъ**, согласуясь с подлежащим **съ** (т. е. **сь** «этот»), употреблены в форме мужского рода единственного числа; **дроуѕии бо ихъ изъ далече сѫтъ пришъли** [= «Ведь некоторые из них пришли издалека»] (Мар. ев., *Мр.*, VIII) — в перфекте причастие **пришъли**, согласуясь с подлежащим **дроуѕии**, употреблено в форме мужского рода множественного числа.

Именительный предикативный

§ 381. В старославянском языке именная часть сказуемого употреблялась в именительном падеже, т. е. была согласована с подлежащим: **блаженꙑи григории... цръноризъцъ бѣ въ манастꙑри свѧтааго апостола аньдреа** [= «Блаженный Григорий был *чернорызцем* в монастыре св. апостола Андрея»] (Супр. рук.); **бѣ бо противьнъ вѣтръ** [= «Ветер же был *встречным*»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV); **съ аште би бꙑлъ прк҃ъ. вѣдѣлъ би оубо кто и какова жена прикасаать сѧ емь. ѣко грешъница естъ** [= «Если бы он был *пророком*, то знал бы, что за женщина прикасается к нему: ведь она является *грешницей*»] (Мар. ев., *Л.*, VII). Такую форму именной части сказуемого принято называть именительным предикативным (творительный падеж именной части сказуемого соответственно называют творительным предикативным; ср. форму сказуемых в русском переводе старославянских фраз).

Творительный предикативный имен существительных изредка встречается на месте именительного предикативного в поздних старославянских памятниках. Почти все известные примеры творительного предикативного отмечены в Супрасльской рукописи: **и сиротоѭ дѣтишь не бѫдетъ** [= «И дитя не останется *сиротою*»], **дѣвоѭ бо бѣ еуа** [= «Ведь Ева была *девицей*»] и др. Тот факт, что подобные примеры характеризуют лишь один собственно старославянский памятник, заставляет думать, что в Супрасльской рукописи творительный предикативный отражает неюжнославянский (возможно, западнославянский) диалект писца этого памятника[1].

§ 382. Иногда особо выделяют именительный падеж при глаголах называния **нарещи, нарицати, прозъвати** и т. п. (а также при соответствующих причастиях): **и тꙑ... пророкъ вишьнꙗаго наречеши сѧ** [= «И ты назовешься *пророком* всевышнего»] (Остр. ев., *Л.*, I); **не нарицаите сѧ наставьници** [= «Не называйте себя *наставниками*»] (Мар. ев., *Мт.*, XXIII); **пришъдъше вои на мѣсто рекомое голъгафа. еже**

[1] Такое предположение высказано, например, Б. И. Скупским (см.: «Лекции по старославянскому языку», разд. V. Синтаксис. Махачкала, 1960, стр. 25—26).

нарицаєтъ сѧ краниєво мѣсто... [= «Воины пришли к месту, именуемому *Голгофой*, которое еще называется Краниевым *местом*»] (Сав. кн., *Мт.*, XXVII). Именительный падеж при подобных глагольных формах принято называть вторым именительным («первым» является именительный падеж подлежащего). Можно заметить, что в современном русском языке «второму именительному», как и именительному предикативному, соответствует творительный падеж.

Согласование «по смыслу»

§ 383. Согласование — тип связи, особенно четко отражающий зависимость подчиненного слова от господствующего. В тех случаях, когда грамматическая форма и значение господствующих слов оказываются в необычном соответствии, в старославянском языке отмечаются колебания в формах зависимых слов. Такого рода колебания в старославянском языке наблюдаются при согласовании в числе в двух случаях.

1) Один из таких случаев — связь определения или сказуемого (так как речь идет о согласовании в числе) с двумя или более подлежащими, если хотя бы одно из них употреблено в форме единственного или двойственного числа. В старославянском языке в этих случаях форма зависимого слова обычно согласовывалась с ближайшим господствующим словом: **ідє жє бо єстє дъва ли трьє събрани...** [= «Где же собраны двое или трое»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, XVIII) — связка, стоящая перед **дъва**, употреблена в форме двойственного числа, а страдательное причастие, находящееся после **трьє**, — в форме множественного числа; **придє исоусъ і оучєници єго** [= «Пришли (дословно: *пришел*) Иисус и его ученики»] (там же, *Ин.*, III) — глагол **придє**, стоящий впереди имени **исоусъ**, согласован с ним в форме единственного числа.

В отдельных случаях старославянские памятники отражают согласование «по смыслу»: представление о реальной численности предметов (или лиц), обозначенных господствующими словами, влияет на форму зависимого слова: **бѣ иосифъ и мати єго чюдѧшта сѧ** [дословно: = «Был Иосиф и его мать удив-

лены»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, II) — связка, предшествующая первому имени, употреблена в единственном числе, а причастие, следующее за вторым именем, употреблено в форме двойственного числа (ибо лиц двое).

§ 384. 2) Второй случай колебания относится к согласованию с собирательными существительными.

Собирательное имя по природе своей противоречиво: обозначая множество, оно грамматически характеризуется формой единственного числа. Эта противоречивость и вызывает колебания при согласовании с ним определения и сказуемого.

При собирательных именах, обозначавших предметы, зависимые слова обычно употреблялись в единственном числе, т. е. в соответствии с формой собирательного имени: **і възиде трънье и подави ѣ** [= «И разросся терновник и заглушил их (всходы культурных семян)»] (Мар. ев., *Мт.*, XIII) — при собирательном существительном **трънье** сказуемые **възиде** и **подави** употреблены в форме единственного числа. Однако при собирательных именах, обозначавших множество лиц, зависимые слова обычно употреблялись в форме множественного числа.

Такое согласование «по смыслу», т. е. со значением, а не с формой имени, возможно в старославянском языке как между определением и определяемым именем, так и между сказуемым и подлежащим: **ї се весь градъ їзиде противѫ ісоусови ї видѣвъше и молишѧ...** (Зогр. ев., *Мт.*, VIII) — здесь в единственном числе употреблено лишь ближайшее сказуемое **изиде**, в то время как причастие и второе сказуемое поставлены в форме множественного числа [= «И вот весь город вышел навстречу Иисусу и, увидев (дословно *увидевшие*) его, *просили*...»]; в списке Мариинского евангелия в этом же месте ближайший глагол также поставлен во множественном числе: **весь градъ изидѫ...** [= «Весь город вышли...»]. Ср. еще в тех же памятниках: **мъногъ народъ отъ галилеѩ по немь идошѧ** [= «Много народа *пошли* за ним из Галилеи»] (*Мр.*, III); **и весь народъ дивлѣхѫ сѧ** [= «И весь народ *дивились*»] (Мар. ев., *Мр.*, XI).

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

Беспредложное и предложное управление

§ 385. Управление—тип связи, характеризующий зависимость имени существительного (или другого имени, но всегда в значении существительного) от глагола, а также от другого имени. В случае зависимости управляемого имени от глагола говорят о приглагольных конструкциях; в тех случаях, когда одно имя управляется другим, принято говорить о приименных падежных конструкциях.

Различают беспредложное и предложное управление; при этом, как показывают исследования, для индоевропейских языков беспредложное управление является первичным. Праславянский язык, сохранявший почти все различия индоевропейских падежей, в значительной степени сохранял и беспредложные конструкции, где связь управляемого слова с управляющим выражалась только падежным окончанием. Вместе с тем уже в праславянском языке начали развиваться предложные конструкции, т. е. такие, в которых связь управляемого имени с управляющим словом осуществляется посредством предлога, уточняющего и осложняющего прежнее значение падежа. Старославянский язык, унаследовав из праславянского ряд предложных конструкций, продолжал развивать их, особенно в области выражения пространственных отношений.

Винительный падеж

§ 386. Винительный падеж является приглагольным. Основная его функция—указание на прямое дополнение при переходном глаголе (или причастии): **приімъ і҃с · хлѣбъ і блг҃вивъ прѣломи і** [= «Иисус, взяв *хлеб* и благословив, разломил *его*»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **і се принѣсѧ емоу ослабленъ жилами на одрѣ лежѧщъ** [= «И вот принесли ему *парализованного*, лежащего на носилках»] (Мар. ев., *Мт.*, IX) и т. д. Если при глаголе было отрицание, то прямое дополнение употреблялось в родительном падеже: **чтo же видиши сѫчецъ въ оцѣ братра твоего · а бръвьна еже есть въ оцѣ твоемь не чюеши** [= «Что же ты видишь

сучок в глазу своего брата, а *бревна*, которое в твоем глазу, не чувствуешь»] (Мар. ев., *Мт.*, VII) — в утвердительном обороте при глаголе **видиши** прямое дополнение в винительном падеже (**сѫчецъ**), при отрицании **не чюеши** — в родительном (**бръвьна**).

§ 387. Кроме функции прямого дополнения, винительный падеж беспредложный сохранял в старославянском языке и иные значения, в частности значение указания на направление движения: **прѣплоувъше рѣкѫ** [= «переплыв *реку*»] (Супр. рук.), **вьсѫ жидовьскѫ землʼѭ прошедъ** [= «пройдя *всю* Иудейскую *страну*»] (там же), **прохождааше ис҃ъ вься грады** [= «Иисус обходил *все города*»] (Мар. ев., *Мт.*, IX), **и прохождааше всѫ галилеѭ ис҃ъ** [= «И обходил Иисус *всю Галилею*») (там же, *Мт.*, IV) и т. п. — не только при указании на пространство, полностью охваченное движением (в этом случае современные славянские языки сохраняют беспредложный винительный падеж: *прошел всю страну, обошел все города, всю Галилею*), но и для выражения собственно направления: **доушѫ проидетъ** (Мар. ев., *Л.*, II) — ср. русск.: *пройдет сквозь душу*; **положѫ врагы твоѩ подъножие ногама твоима** (Мар. ев., *Мр.*, XII. и *Мт.*, XXII) — ср. русск.: *Положу врагов твоих к стопам твоих ног.*

При указании на движение внутрь или на поверхность винительный падеж употреблялся с предлогами **въ** и **на**: **идѣте въ градъ** [= «Идите *в* город»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **иди въ домъ свои** [= «Иди *в* свой дом»] (Мар. ев., *Мт.*, IX), **вьзиде на горѫ** [= «(Он) взошел *на* гору»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV) и т. п.; ср. также винительный при предлогах **надъ, подъ** и **прѣдъ** при указании на направление (§ 369).

§ 388. Для беспредложного винительного падежа характерно было также значение времени: **ютро же възвраштъ сѧ въ градъ възалка** [= «*Утром* же, возвратившись в город, (он) захотел есть»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **не вѣсте бо когда г҃ъ домоу придетъ. вечеръ ли ... ли ютро** [= «Ведь не знаете, когда вернется хозяин дома: *вечером* или *утром*»] (там же, *Мр.*, XIII), **i оубиѭть i и трети день въстанетъ** [= «И убьют

его, и (он) *на третий день* встанет»] (там же, *Мт.*, XVII). Наряду с беспредложными конструкциями в старославянском языке указание на время действия нередко осуществлялось формой винительного падежа с предлогами **въ** или **на**: **достоитъ ли въ соботѫ добро творити** [=«Должно ли *в субботу* делать полезные дела?»] (Мар. ев., *Мр.*, III); **въ единѫѭ же на десѧте годинѫ ишедъ · обрѣте дроугыѩ** [=«Выйдя же *в одиннадцать часов*, (он) нашел других (работников)»] (там же, *Мт.*, XX); **въздадѧтъ емоу плоды въ врѣмена своѣ** [= «Отдадут ему урожай *в свое время*», т. е. «своевременно»] (там же, *Мт.*, XX); **възратѧтъ сѧ на вѣчеръ и възлачѫтъ ѣко песъ** [= «Возвратятся *вечером* и захотят есть, как собаки»] (Син. пс.) и т. д. (ср. в русск.: *в тот год, в ту весну, на другой день* и под.).

При указании на весь обозначенный именем период времени действия в старославянских памятниках используется винительный падеж с предлогом **об(о)**: **ізиде въ горѫ молити сѧ и бѣ об ношть въ молитвѣ** [= «Взошел на гору помолиться и *(всю) ночь* провел в молитвах»] (Мар. ев., Л., VI).

Дательный падеж

§ 389. Дательный падеж является по преимуществу приглагольным, хотя возможен и при имени. Основная функция беспредложного дательного падежа — указание на адресат: **і прѣломь хлѣбы · дастъ оученикомъ** [= «И (Иисус), разломив хлеб, дал *ученикам*»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV); **просите и дастъ сѧ вамъ іщѣте и обрѧщете · тлъцѣте и отвръзетъ сѧ вамъ** [= «Просите — и *вам* дадут, ищите — и найдете, стучите — и *вам* откроют»] (Мар. ев., *Мт.*, VII); **чл҃къ единъ бѣ богатъ · иже насади виноградъ... и прѣдастъ і дѣлателемъ** [= «Был некий богатый человек, который разбил виноградник и отдал его *работникам*»] (Сав. кн., *Мт.*, XXI).

§ 390. Старославянский язык сохранял употребление беспредложного дательного падежа со значением направления: **і шедъши домови обрѣте отроковицѫ лежѧщѫ на одрѣ** [= «И, подойдя *к дому*, (она) нашла девушку лежащей на постели»]

(Мар. ев., *Мр.*, VII); **се цсрь твои градетъ тебѣ** [= «Вот царь твой едет *к тебе*»] (там же, *Мт.*, XXI); **и потъкѫ сѧ храминѣ тои** [= «И устремились (воды и ветры) *к тому дому*»] (Сав. кн., *Мт.*, VII). Вытеснение таких беспредложных конструкций предложными начинается рано и отражается уже в старославянских памятниках: **повели ми прити къ тебѣ по водамъ** [= «Вели мне прийти *к тебе* по воде»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV); **ідѣте въ градъ к етероу** [= «Идите в город *к некоему* (человеку)»] (там же, *Мт.*, XXVI); **приближи сѧ... къ горѣ елеоньсцѣ** [= «(Он) пришел ... *к горе* Елеонской»] (Мар. ев., *Мр.*, XI).

§ 391. Отмеченные значения объединяются общим значением направленности, которое для дательного падежа, видимо, следует считать первичным. Это общее значение могло характеризовать и формы имени при глаголах, не обозначавших движения, где оно реализовалось в частном значении предназначения: **иродъ рождъствоу своемоу вечерѭ творѣаше кънѧѕемъ своимъ и тысѧштьникомъ · і старѣишинамъ галилеискамъ** [= Ирод, по случаю дня своего рождения, устраивал пир *для князей, военачальников и старейшин Галилейских*»] (Мар. ев., *Мр.*, VI) — устройство пира имеет два «предназначения»: случай, которым этот пир обусловлен, и лиц, ради которых он устраивается; в обоих случаях соответствующие существительные употреблены в дательном падеже.

То же частное значение дательного падежа можно отметить и при глаголах говорения, где объект указывает, к кому обращена речь, для кого она предназначена. В старославянском языке в этом случае объект мог употребляться в дательном падеже как без предлога: **стоѩштеі рѣшѧ петрови** [= «Стоящие сказали *Петру*»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **по томь же дроугоумоу рече** [= «После этого (он) сказал *другому*»] (там же, *Л.*, XVI); **посъла дъва отъ оученикъ своихъ і глагола има...** [= «Послал (он) двоих из своих учеников и сказал *им*...»] (Мар. ев., *Мр.*, XI); **господинъ домоу рече рабоу своемоу** [= «Хозяин дома сказал своему *рабу*»] (там же, *Л.*, XIV), так и с предлогом **къ**: **пристѫпишѧ оученици кы ісу · глѭште къ н'емоу** [= «Пришли к Иисусу ученики, говоря *ему*»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **пакы начѧтъ глати къ стоѩштиимъ** [= «(Она) опять начала го-

ворить *стоящим*»] (Мар. ев., *Мр.*, XIV); **онъ же рече къ нємоу** [= «Он же сказал *ему*»] (Ассем. ев., *Л.*, X); **дѣлателе... рѣшѧ къ себѣ** [= «Работники... сказали *себе*»] (Сав. кн., *Мт.*, XXI); **глагола къ н'ємоу блаженъи** [= «Сказал *ему* блаженный»] (Супр. рук.).

§ 392. Приименный дательный падеж менее употребителен, чем приглагольный. Основным значением дательного приименного в старославянском языке было значение принадлежности, которое могло также выражаться родительным падежом или притяжательными прилагательными и местоимениями: **въ имѧ оученикоу** [= «именем *ученика*»] (Сав. кн., *Мт.*, X; ср. в Зогр. ев.: **въ імѧ оученичє**, в Мар. ев. родительный падеж: **въ імѧ оученика**); **настѫпати... на вьсѫ силѫ врагоу** [= «Наступать на всю силу *вражью*»] (Остр. ев., *Л.*, X; ср. в Зогр. ев. и Сав. кн.: **на всѫ силѫ вражиѭ**, в Мар. ев. родительный падеж: **на вьсѫ силѫ врага**); **отрокъ ми лежить въ храминѣ** [= «Ребенок *мой* лежит в доме»] (Сав. кн., *Мт.*, VIII; ср. в Зогр. ев. и Мар. ев.: **отрокъ мои**); **всакъ слышаі ми словеса...** [= «Всякий, слышащий *мои* слова...»] (Сав. кн., *Мт.*, VII; ср. в Зогр. и Мар. ев.: **словеса моѣ**); **лице оцю ми** (Сав. кн., *Мт.*, XVIII; ср. в Мар. ев.: **лице отъца моєго**); также: **снве оцю вашемоу** [= «сыновья вашего *отца*»] (Сав. кн., *Мт.*, V); **цѣсарь июдеомъ** [= «царь *иудеев*»] (Мар. ев., *Л.*, XXIII), **братръ же иѣковоу** (там же, *Мр.*, VI) и т. д.[1].

Вообще дательный падеж определения очень характерен для старославянского языка и употреблялся не только для обозначения принадлежности: **привали камень на двьри гробоу** [= «Привалил камень к дверям *гроба*», т. е. «входа в склеп»] (Мар. ев., *Мр.*, XV; ср. в Зогр. ев.: **на двьри гроба**); **приближи сѧ къ вратомъ градоу** [= «Приблизился к воротам *города*»] (Остр. ев., *Л.*, VII; ср. в Зогр., Мар. и Ассем. ев.: **къ вратомъ града**); **врѣмѧ плодомъ** [= «время урожая», т. е. «*плодов*»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI).

---

[1] Ср. отголоски такого употребления дательного приименного в русском языке: *Она* ***мне*** *мать, Он* ***тебе*** *друг,* ***Сыну*** *моему имя — Александр* и т. п. (т. е.: *Она* ***моя*** *мать, Он* ***твой*** *друг, Имя моего* ***сына*** *Александр*).

§ 393. Творительный беспредложный падеж почти исключительно приглагольный, хотя и возможен иногда при именах (отглагольных существительных или прилагательных).

Общим для всех значений творительного беспредложного является обстоятельственное значение средства совершения действия; даже указывая на направление или время действия, творительный падеж трактует их по-своему, представляя их как способ осуществления того или иного движения, состояния.

Из частных значений творительного падежа наиболее характерным является значение орудия действия: **единъ отъ воинъ · копиемь емоу ребра прободе** [= «Один из воинов *копьем* проколол ему ребра»] (Мар. ев., *Ин.*, XIX); **овы же камениемь побишѧ** [= «Некоторых же побили *камнями*»] (Сав. кн., *Мт.*, XXI); **повелѣ ... соукномъ въстирати раны ѥго** [= «Велел ... *сукном* протирать его раны»] (Супр. рук.).

В качестве орудия можно рассматривать и средство передвижения: **і идѫ въ поусто мѣсто кораблемь едини** [= «И (они) одни отправились *в лодке* в пустынное место»] (Зогр., Мар. ев., *Мр.*, VI; ср. русск.: *приехал поездом, прилетел самолетом*). В этом значении беспредложный творительный падеж уже в старославянском языке вытеснялся предложной конструкцией местного падежа с предлогами **въ** или **на**: **ис отиде от тоудѣ въ корабли** [= «Иисус отплыл оттуда *в лодке*»] (Мар. ев., *Мт.*, XIV); **сего на рамѣхъ ... носите** [= «Вы его носите... *на плечах*»] (Супр. рук.).

К значению орудия примыкает указание на материал, вещество или предмет, являющийся средством осуществления действия: **блажѫ іосифа и никодима... плаштаницеѭ бога покрывъша** [= «Славлю Иосифа и Никодима... покрывших бога *саваном*»] (Супр. рук.); **кровьѭ сего овьчѧте помазахъ прагы двьрии** [= «*Кровью* этого ягненка я вымазал дверные пороги»] (Сб. Клоца); **се на колесници златомъ пококанѣ сѣждѫ** [= «Вот я сижу на колеснице, окованной *золотом*»] (Супр. рук.). В этом же значении в старославянском языке встречается и родительный падеж с предлогом **отъ**: **и желааше насытіті сѧ отъ рожець**

тако ѣдѣахѫ свинна [= «И (он) хотел насытиться *рожками*, которые ели свиньи»] (Ассем. ев., *Л.*, XV); испльньи отъ рыбоу [= «наполненные *рыбами*»][1] (Мар. ев., *Мр.*, VI) и т. п.; ср., видимо, более древний беспредложный родительный с тем же значением: наплъните водоносы воды [= «Наполните ведра *водой*»] (Мар. ев., *Ин.*, II).

§ 394. С общим значением средства связано и употребление творительного падежа со значением стоимости: не пать ли птицъ вѣнитъ са пѣназема дъвѣма [= «Не пять ли птиц продается *за две монеты*?»] (Мар. ев., Ассем. ев., *Л.*, XII); коупимъ дъвѣма сътома пѣназъ хлѣбы [= «Купим *на двести монет* хлеба»] (Мар. ев., *Мр.*, VI). В этом значении творительный беспредложный уже в старославянском языке вытеснялся предложными конструкциями с винительным (с предлогом за) или местным падежом (с предлогом на): что бо дастъ чл҃вкъ ізмѣнѫ на д҃ши своеи (Мар. ев., *Мр.*, VIII) или за д҃шѫ своѭ (Зогр. ев., *Мр.*, VIII) [= «Что же даст человек взамен *за душу свою*?»].

Значение стоимости обнаруживается и в творительном беспредложном при прилагательном длъжьнъ: колицѣмь длъжьнъ еси господиноу своемоу · онъ же рече · р҃мь · (т. е. сътомь) мѣръ олѣа... сътомь коръ пьшеница [= «Сколько ты должен своему господину? — Он же ответил: — 100 мер масла... сто мер пшеницы»; дословно: «*Сколькими* ты должен... *сотнею* мер»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI); привѣса емоу длъжьникъ единъ длъженъ тъмоѭ талантъ [= «Привели к нему одного должника, который был должен 10 000 золотых монет», дословно: «Должен *десятью тысячами* монет»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII).

§ 395. Характерно для творительного падежа значение состояния или образа действия: і молаштю са отвръзе са небо · і сълиде д҃хъ с҃ты тѣлесьнъімь зракомъ · ѣко голѫбь на н'ь [= «И в то время как он молился, отверзлось небо и сошел на него дух святой *в образе* голубя»] (Зогр.,

[1] отъ рыбоу — родительный падеж двойственного, а не множественного числа, так как речь идет об «остатках» от двух рыб, якобы превратившихся в руках Христа в несчетное множество.

Мар. ев., *Л.*, III); **прѣлжкавъіи бо и нечистъіи врагъ ... въставъ на правьднаааго блждньіимъ кмоу нападе бѣсомъ** [= «Лукавый и нечистый враг (т. е. дьявол) ... поднявшись на праведника, блудным *бесом* напал на него»] (Супр. рук.); **и възьрѣвъ на нѧ гнѣвомъ скрьбѧ о окаменении срдць их ...** [= «И *гневно* (или *с гневом*) посмотрев на них, скорбя об окаменении их сердец...»] (Ассем. ев., *Мр.*, III).

§ 396. Старославянский язык сохранял беспредложный творительный со значением причины: **азъ же гладомь гыблѭ** [= «Я же погибаю *от голода*»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., Сав. кн., *Л.*, XV); **и вьсь миръ трѧсѫштъ сѧ страхомь...** [= «И весь мир, трясущийся *от страха*...«] (Супр. рук.); **вьси бо приемъшеи ножь ножемь погыбнѫтъ** [= «Всякий, взявший меч, *от меча* и погибнет»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, XXVI); **женоѭ въздрасте зъло и женоѭ истѣкаѭтъ лоучьшаꙗ** [= «Женщина — источник добра и зла»; дословно: «*Из-за женщины* выросло зло, и *от женщины* исходит все прекрасное») (Супр. рук.).

Известны старославянским памятникам и конструкции родительного падежа с предлогами **отъ, ради, за** и др. со значением причины, впоследствии вытеснившие в славянских языках беспредложный творительный причины: **ѡчи мои изнеможете отъ нищетъі** [= «Глаза мои изнемогли *от нищеты*»] (Син. пс.); **зависти ради прѣдашѧ и архиереи** [= «*Из-за зависти* (или *от зависти*) предали его архиереи»] (Зогр., Мар. ев., *Мр.*, XV); **егда же родитъ отроча · къ томоу не помнитъ скръби за радостъ** [= «Когда же (женщина) родит ребенка, тогда *от радости* забывает о болях»] (там же, *Ин.*, XVI).

§ 397. В старославянских памятниках встречается творительный со значением времени, полностью включающего процесс совершения действия (ср. винительный с предлогом **об** — § 388): **могѫ разорити црквь бжиѭ · і трьми дьньми созъдати ѭ** [= «Могу разорить божью церковь и *за три дня* (или *в течение трех дней*) восстановить ее»] (Мар. и Ассем. ев., Сав. кн., *Мт.*, XXVI); **можемъ бо се створити · аште хоштемъ · еді-**

нѣмь дьнемь [= «Ведь (мы) можем это сделать, если захотим, *за один день (в течение дня)*»] (Сб. Клоца); ср. русск. онареченные формы: *утром*, *днем*, *вечером*, *ночью; весною*, *летом*, *осенью*, *зимой*.

§ 398. Беспредложный творительный в старославянском языке мог указывать на место в пространстве, через которое происходит передвижение; в этом значении творительный падеж употреблялся с приставочными глаголами (с приставками **въ-** и **из-**): **въходѧи двьрьми · пастырь естъ овьцамъ** [= «Входящий *дверьми* (или *через двери*) — это пастух»] (Зогр., Мар. ев., *Ин.*, X); **вънидѣте ѫзъкыми вратъı** [= «Входите *через* узкие *ворота* (или *сквозь узкие ворота*)»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, VII.); **вьсѣко · еже въходитъ въ оуста... афедрономъ исходитъ** [= «Все, что попадает в рот... выходит *через*...»] (Мар. ев., *Мт.*, XV). Изредка с этим значением встречаются предложные конструкции с другими падежами; например: **вънити сквозѣ тѣснаѣ врата** (Зогр., Мар. и Ассем. ев., *Л.*, XIII).

Обычен также в старославянском языке беспредложный творительный падеж со значением направления: **инѣмь пѫтемъ отідѫ въ странѫ своѭ** [= «(Волхвы) ушли в свою страну *иной дорогой*»] (Ассем. ев., *Мт.*, II) и пространства, по которому осуществляется движение: **идѫщю і҆сви пѫтьмь ...** [= «Когда Иисус шел по дороге...»] (Сав. кн., *Л.*, IX); ср. в том же месте Мариинского евангелия: **идѫштемъ по пѫти**; ср. русск.: *идти лесом* и *по лесу*, *полем* и *по полю*.

Местный падеж

§ 399. Как и другие падежи, местный падеж первоначально был беспредложным и употреблялся в двух основных значениях: места и времени совершения действия (состояния).

В старославянских памятниках беспредложный местный падеж со значением места совершения действия встречается довольно редко: **стаго оца нашго ѳеодора архиепппа црриградѣ** [= «Св. отца нашего архиепископа Федора *в Царьграде*»]: **бывъша назианзии** [= «бывшего *в Назианзии*»] (оба примера из «Календаря» к Ассем. ев.); **съконьча стъıи нисиі оусоровѣ своѥи**

кмоу вьси [= «Скончался св. Нисий *в Усорове*, родной ему *деревне*»]; **сѫтъ съхран'ены кости наша семь мѣстѣ** [= «Захоронены кости наши *на* этом *месте*»] (оба примера из Супр. рук.); ср. еще онареченные формы: **сѫштоу петрови низоу на дворѣ · приде едина от рабынь** [= «Когда Петр был *внизу*, на дворе, (к нему) подошла одна из рабынь»] (Мар. ев., *Мр.*, XIV); **пришедъши ста връхоу** [= «Придя, (звезда) остановилась *вверху*»] (Ассем. ев., *Мт.*, II).

Шире распространен в старославянских памятниках предложный местный падеж со значением места: **вьзлежитъ · въ храминѣ фарисѣовѣ** [= «(Он) лежит *в доме* фарисея»] (Мар. ев., *Л.*, VII); **рождьшю сѧ въ віѳлеоми июд'еистѣмь** [= «Родившемуся *в Вифлееме* Иудейском»] (Ассем. ев., *Мт.*, II); **на селѣ скѫдельничи** [= «*в селе* Скудельниковом»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVII); **на одрѣ лежѧщъ** [= «лежащий *на носилках*»] (Мар. ев., *Мт.*, IX); **даси ми... на блюдѣ главѫ иоана крьстителѣ** [= «Дашь мне *на блюде* голову Иоанна Крестителя»] (Мар. ев., *Мр.*, VI).

Местный падеж существительных, обозначающих конкретные предметы или вещество, приобретает оттенок орудия или средства осуществления действия: **і на рѫкахъ възьмѫтъ тѧ** [= «И *на руках* понесут тебя»] (Мар. ев., *Л.*, IV); **въпоѭ... въ гѫслехъ** [= «заиграю *на гуслях*»] (Син. пс.); **въ водѣ кръстѧ** [= «крестивший *в воде* (или *водою*)»] (Мар., Зогр. ев., Сав. кн., *Ин.*, I; ср. в Мар. ев., *Мт.*, III: **кръщѫѭ вы водоѭ** [= «Крещу вас *водой*»]); **отиде ... въ корабли** [= «отплыл *в лодке*»] (там же, *Мт.*, XIV).

Указание на место, около которого (а не в пределах которого) происходит действие, в старославянском языке обычно осуществлялось конструкцией местного падежа с предлогом **при**: **ходѧ же при мори галилеіскѣмь видѣ симона** [= «Проходя *у моря* Галилейского, (он) увидел Симона»] (Зогр. ев., *Мр.*, I); **ова оубо падѫ при пѫти** [= «Некоторые же (семена) упали *у дороги*»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XIII); **ста ис҃ при брѣзѣ** [= «Исус остановился *у берега*»] (Мар. ев., *Ин.*, XXI).

§ 400. Достаточно широко употреблялся беспредложный местный падеж со значением времени (точнее, момента, в который совершается действие): **полоуношти же въпль бысть**

[= «*В полночь* раздался крик»][1] (Мар. ев., *Мт.*, XV); **не вѣсте бо кꙑгда гь҇ домоу придетъ · вечеръ ли · ли полоуноштѝ** [= «Не знаете ведь, когда вернется хозяин дома: вечером или *в полночь*»] (Зогр. ев., *Мр.*, XIII; ср. в Мар. ев.: **въ полоуноштѝ**); **а оутрѣ въ огнь въметомо бѫдетъ** [= «А *утром* будет брошено в огонь»] (Мар. ев., *Мт.*, VI); **і исцѣлѣ отрокъ томь часѣ** [= «И он тотчас *(в тот же час)* вылечил ребенка»] (там же, *Мт.*, XVII).

Случаи употребления местного падежа с предлогами (**въ, на, при**) в старославянских памятниках довольно редки: **въ дьнехъ мнозѣхъ** [= «в течение многих дней»] (Мар. ев., *Л.*, II); **дъшти моѣ на коньчинѣ естъ** [= «Дочь моя *при смерти*»] (там же, *Мр.*, V); **при вечерѣ** [= «вечером»] (там же, *Л.*, XXIV); **при четврътѣи стражи ноштьнѣи** [= «в четвертом *часу* ночи», т. е. «тогда, когда сменяется четвертая ночная стража»] (Зогр. ев., *Мр.*, VI; ср. там же, в отрывке *Мт.*, XIV, конструкцию с винительным падежом: **въ четвертѫѭ стражѫ ноштѝ**); **и отъвѣтъ пріемъше въ сьнѣ · не възвратіша сѧ къ иродоу** [= «И, получив во сне (т. е. *во время* сна) предупреждение (откровение), (они, т. е. волхвы) не вернулись к Ироду»] (Ассем. ев., *Мт.*. II).

§ 401. Оба отмеченных значения местного падежа объединяются тем, что в пространстве или во времени они как бы отмечают точку совершения действия (состояния), не распространяющегося за пределы указанных местным падежом пространственных или временны́х границ (для местного значения это — здесь, а не сюда, отсюда; для временно́го значения — в это время, а не к этому времени, после этого времени).

Однако старославянскому языку известны конструкции с совершенно иным значением местного падежа. Это конструкции с предлогом **по** со значением следования за чем- или кем-либо во времени или в пространстве.

Значение следования за чем-либо во времени известно

[1] Форма **полоуноштѝ** в старославянском языке по существу уже онаречена; внутри нее собственно формой местного падежа является лишь первая часть: **полоу ноштѝ**, т. е. [= «*в половине (в середине)* ночи»].

и русскому языку. Ср. старослав.: **и не по мнозѣхъ дъне-хъ · събравъ въсе мьнии снъ отиде на странѫ далече** [= «И *спустя несколько дней* (или *через* несколько дней), собрав все, младший сын отправился в далекую страну»] (Ассем. ев., *Л.*, XV); **по въскръсновении его · вънидошѧ въ стъı градъ** [= «*После воскрешения* его (или *после того как* он воскрес) (они) вошли в святой город»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVII); **по словесехъ сихъ** [= «*после* этих *слов*»] (там же, *Л.*, IX); **по томь гла то-мѣ · принеси пръста тво(е)го сѣмо** [= «*После этого* (он) сказал Фоме: — Дай сюда твой палец»] (Мар. ев., *Ин.*, XX) и т. п.; ср. русск.: *по окончании, по приезде, по возвращении.*

Значение следования за кем-либо (или за чем-либо) в пространстве специфично для старославянского языка: **оучителю идѫ по тебѣ** [= «Учитель! Я иду *за тобой*»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); **грѧди по мьнѣ** [=«Следуй *за мной*»] (там же); **по немь идѫ оученици его** [=«*За ним* последовали его ученики»] (там же); **і оставьша оца своего заведѣа въ ладии · съ наімьникъı по н'емь ідосте** [= «И, оставив отца своего Заведея вместе с работниками в лодке, они оба (Яков и Иоанн) последовали *за ним*]» (Зогр. ев., *Мр.*, I).

Наконец, следует отметить широкое употребление в старославянских текстах конструкций местного падежа с предлогом **о** с изъяснительным значением: **съказашѧ о глѣ** [= «рассказали о сообщении»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, II); **і млъвиши о мнозѣ** [= «и расскажешь о многом»] (там же, *Л.*, X). **въз-даждь · отъвѣтъ о приставл'ении домовьнѣемь** [= «Отчитайся об управлении хозяйством»] (там же., *Л.*, XVI); **не плачите сѧ о мнѣ** [= «Не горюйте обо мне»] (там же, *Ин.*, XXIII) и др.

Родительный падеж

§ 402. Славянский родительный падеж объединил два индоевропейских падежа: родительный и отложительный. Этим объясняется многообразие и несходство различных его значений.

Индоевропейский отложительный был падежом приглагольным, имевшим исходно-достигательное значение. В старославянском языке приставочные глаголы обычно сочетались

с беспредложным родительным с исходно-достигательным значением: **да съподобите сѧ оубѣжати въсѣхъ сихъ** [= «Удостойтесь же избежать всех *этих* (бедствий)»] (Мар. ев., *Л.*, XXI); **монастыра отъшъдъша** [= «отойдя *от* монастыря»] (Супр. рук.), **възврати сѧ не дошъдъ рѣкы** [= «(Он) возвратился, не дойдя *до* реки»] (там же).

Однако старославянский язык знает и конструкции с предлогами: **отити отъ нихъ** [= «отойти *от* них»] (Мар. ев., *Л.*, VIII); **отъстѫпите отъ мене** [= «Отойдите *от* меня»] (там же, *Л.*, XIII); **ишедъшемъ имъ отъ витаниѩ · въз(а)лка** [= «Когда они вышли *из* Витании, (он) захотел есть»] (там же, *Мр.*, XI); **извѣсѧ вонъ из винограда** [= «(Они) вывели (его) вон *из* виноградника»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **петръ же идѣаше... до двора архиереова** [= «Петр же шел *до* архиереева двора»] (там же, *Мт.*, XXVI); **доити до ефрата** [= «дойти *до* Евфрата»] (Супр. рук.; но здесь же, спустя несколько строк: **дотекъ ст҃лаго** [= «дойдя *до* святого»]) и т. п.

§ 403. К бывшему отложительному восходят формы родительного при глаголах, обозначающих проявление каких-либо чувств, переживаний: **ожидаѭштиимъ прихода твоѥго** [= «ожидающим твоего *прихода*»] (Супр. рук.); **прошѫ... главы иоана кр҃стителѣ** [= «хочу *головы* Иоанна Крестителя»] (Мар. ев., *Мр.*, VI); **і трѣбоуѭштаѩ ицѣлениѣ цѣлѣаше** [= «и (он) исцелял требующих *исцеления*»] (там же, *Л.*, IX); **і б҃а оубоѩтъ сѧ** [= «и побоятся *бога*»] (Сб. Клоца); **постыдѧтъ сѧ с(ы)на моего** [= «постыдятся моего *сына*»] (Сав. кн., *Мт.*, XXI) и др. В подобных случаях известны и конструкции с предлогом **отъ**: **не оубоите сѧ отъ оубиваѭштиихъ тѣло... оубоите сѧ имѫштаагo власть** [= «Не бойтесь *убийцы* — бойтесь *искусителя* (имеющего власть над вами)»] (Мар. ев., *Л.*, XII); **оужасъше сѧ отъ бывъшаaго крича и вьплѣ** [= «ужаснувшись случившегося *крика* и *вопля*»] (Супр. рук.).

Обычен в старославянском языке беспредложный родительный при глаголах с общим значением отделения (отказ, избавление, лишение и т. п.): **не отъречетъ сѧ всего своего имѣниѣ** [= «(Он) не откажется *от* всего своего имущества»] (Мар.

ев., *Л.*, XIV); **отъвръжеши ся мене три краты** [= «Ты отречешься *от* меня трижды»] (там же, *Мр.*, XIV); **і отъмѣтаяи ся васъ мене ся отъмѣтаатъ** [= «И отказывающийся *от* вас отказывается *от* меня»] (там же, *Л.*, X); **остани ся бѣснования своего** [= «Избавься *от* своего сумасшествия»] (Супр. рук.). В этом случае беспредложный родительный падеж также вытесняется со временем конструкцией с предлогом **отъ** (ср. русск.: *отказаться от кого-либо, избавить (ся) от болезни* и т. д.), что иногда находит отражение уже в старославянских памятниках: **ищисти ся отъ проказы** [= «очистился *от проказы*»] (Мар. ев., *Мт.*, V); **свободитъ ся отъ бѣса** [= «(он) освободится *от беса*»] (Супр. рук.); **і прахъ отъ ногъ вашихъ отътрясѣте** [= «и отряхните пыль с ваших ног»] (Мар. ев., *Л.*, IX).

§ 404. Остальные случаи употребления родительного падежа в старославянском языке связаны с индоевропейским родительным падежом[1]. Родительный такого происхождения, при всем многообразии его частных значений, обнаруживает единство общего значения — указание на лицо или предмет (лица или предметы), лишь часть которого принимает участие в осуществлении действия (или охватывается действием). Это общее значение обнаруживается в приглагольном и в приименном родительном падеже; с ним связано и употребление родительного в функции прямого дополнения, которая является типичной для собственно родительного падежа, относящегося к глаголу.

Родительный падеж в функции прямого дополнения в старославянских текстах встречается в двух случаях:

1) при отрицании: **видиши сѫчецъ въ оцѣ братра твоего · а бръвъна еже естъ въ оцѣ твоемь не чюеши** [= «В глазу брата своего сучок видишь, а в своем глазу и *бревна* не замечаешь»] (Мар. ев., *Мт.*, VII); **ни помѣтаите бисьръ вашихъ прѣдъ свиньѣми. да не попержтъ ихъ ногами своими** [= «Не мечите *бисера* своего перед свиньями, чтобы они не потоптали *его* своими ногами»] (там же); **і прозябъ оусъше · зан'е**

[1] К индоевропейскому отложительному, а не родительному падежу восходит еще славянский родительный при сравнительной степени прилагательных: **мъножѣиша пръвыхъ** [= «больше *первых*»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **чьстьнѣи тебе** [= «знатнее *тебя*»] (Сав. кн., *Л.*, XIV) и под.

не імѣаше влагы [= «И (семя), проросши, засохло, так как не имело *влаги*»] (Зогр. ев., *Л.*, VIII); **і пришедъ къ неи ничесо же не обрѣте** [= «И (он), подойдя к ней (смоковнице), *ничего* не нашел»] (Мар. ев., *Мр.*, XI);

2) при указании на охват действием лишь части вещества или предметов: **коупатъ брашьна себѣ** [= «(Они) купят себе *еды*»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV); **они же даша емоу... отъ бъчелъ сътъ** [= «Они же дали ему пчелиных *сот*»] (Мар. ев., *Л.*, XXIV); **никъто же пивъ вѣтъ҃ха абие хоштетъ новоуомоу** [= «Кто же, испив *старого (вина)*, захочет тут же молодого)»] (там же, *Л.*, V).

Употребление винительного падежа в подобных случаях указывает на охват действием всего объема вещества или всех возможных предметов. Так, например, во фразе **отъ того жде кадила възьмъ масло** [= «... взяв *масло* из той же кадильницы»] (Супр. рук.) употребление прямого дополнения в винительном падеже обусловлено необходимостью указать на то, что из кадильницы было взято все масло, а не часть его.

Стремление подчеркнуть, что от вещества или предметов, названных родительным падежом, берется лишь часть, приводит к развитию в старославянском языке конструкции с предлогом **отъ**: **прииметъ отъ плодъ винограда** [= «возьмет виноградных плодов»; дословно: «*из* плодов»] (Мар. ев., *Мр.*, XII); **дадите намъ отъ олѣа вашего** [«Дайте нам вашего масла»] (там же, *Мт.*, XXV).

При глаголах восприятия прямое дополнение возможно как в родительном, так и в винительном падеже: **видѣхъ дыма** [= «я увидел дым»] (Супр. рук.); **и свѣта сего видѣти** [= «и увидеть этот свет»] (там же), но: **виждъ съмѣрение мое** [= «Увидь мое послушание!»] (Син. пс.); **слоушаи словесе моего** [= «слышащий мои слова»] (Мар. ев., *Ин.*, V), **овьца моꙗ гласа моего слоушаѭтъ** [= «Мои овцы слушаются моего голоса»] (там же, *Ин.*, X), но: **се нынѣ слышимъ власвимиѭ его** [= «Вот теперь мы слышим его богохульство»] (Сав. кн., *Мт.*, XXVI).

§ 405. Родительный приименный во всех своих частных значениях указывает на родовое понятие или на то, из чего

берется часть или к чему относится (кому принадлежит) предмет, название которого управляет родительным падежом. Синтаксическая функция таких форм родительного падежа близка функции определения. Поэтому в ряде случаев форма родительного падежа оказывается синонимичной прилагательному или притяжательному местоимению.

Наиболее ярко определительное значение обнаруживается в так называемом родительном **отношения** или **принадлежности** (последнее — частный случай отношения): **при корении дрѣва лежитъ** [= «(он) лежит у корней *дерева*»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Л.*, III); **приближи сѧ къ вратомъ града** [= «приблизился к воротам *города*» или «к *городским* воротам»] (там же, *Л.*, VII); **отъвали камень отъ двьреи гроба** [= «(он) отвалил камень от дверей *гробницы* (от входа в склеп)»] (Мар. ев., *Мт.*, XXVIII); **брѣгъ рѣкы** [= «берег *реки*» или «*речной* берег»] (Супр. рук.); **сѣмѧ смокве** [= «семя *смоквы*» или «*смоковное* семя»] (Супр. рук.); **даждъ ми... главѫ иоана кр҃стителѣ** [= «Дай мне голову *Иоанна* Крестителя»] (Мар. ев., *Мт.*, XIV); **сѫчецъ въ оцѣ братра твоего** [= «Сучок в глазу твоего *брата*»] (там же, *Мт.*, VII); **въ домоу симона** [= «в доме *Симона*»] (там же, *Мт.*, XXVI); **съкры сърebро г҃на своего** [= «(он) спрятал деньги своего *хозяина*»] (там же, *Мт.*, XXV). Как было отмечено в § 392, это значение нередко выражалось в старославянском языке дательным падежом: **вrътъпъ разбоиникомъ** [= «разбойничий притон»] (Мар. ев., *Мр.*, XI); **лице оц҃ю ми** (Сав. кн., *Мт.*, XVIII; в Мар. ев.: **лице отьца моего**); **срьдьце чловѣкоу** [= «сердце *человека*» или «*человеческое* сердце»] (Супр. рук.) и т. д. То же значение могло выражаться прилагательным: **отъ плода виноградънааго** (Зогр. ев., *Л.*, XX; в Мар. ев.: **отъ плода винограда**); **въ домъ петровъ** (Мар. ев., *Мт.*, VIII; там же, несколькими строками выше: **въ домоу симона**).

При указании на материал в старославянском языке обычно употреблялся родительный с предлогом **отъ: ризы... ѿ власъ велъбѫждъ** [= «одежды *из* верблюжьей шерсти»] (Мар. ев., *Мт.*, III); **вѣнець отъ тrъниѣ** [= «венок *из* терновника»] (Син. пс.) и т. п.; ср. прилагательные с тем же значением: **тrъновъ вѣнецъ** [= «*терновый* венок»] (Мар. ев., *Мр.*, XV); **хлѣбъ**

ıѧчьнъ [= «*ячменный* хлеб» или «хлеб *из* ячменя»] (там же, *Ин.*, VI) и т. д.

§ 406. Наиболее отчетливо свойственное родительному падежу значение части проявляется при именах, указывающих на количество: **чашѫ стоуденъı водъı** [= «чашу холодной воды»] (Мар. ев., *Мт.*, X), **алавастръ мνροу** [= «алебастровый сосуд мира»] (там же, *Л.*, VII); **рыбъı печенъı часть** [= «кусок жареной рыбы»] (там же, *Л.*, XXIV); **часть имѣниѣ** [= «часть имущества»] (Ассем. ев., *Л.*, XV); **стадо свинии** [= «стадо свиней»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); **множьство водъ** [= «множество воды»] (Супр. рук.) и т. п.; то же и при указании на конкретное число (от 5-ти и далее): **і приемъ седмь тѧ хлѣбъ... даѣше оученикомъ своимъ** [= «И (Иисус), взяв те семь *хлебов*, дал своим ученикам»] (Мар. ев., *Мр.*, VIII); **·рмь· мѣръ олѣа** [= «сто *мер* масла»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI)[1]; **длъженъ тъмѫ таланть** [= «должен 10 000 золотых *монет*»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII); **десѧть прокаженъ мѫжь** [= «десять *прокаженных*»] (там же, *Л.*, XVII).

§ 407. От разобранных в § 406 конструкций с родительным падежом при обозначении количества следует отличать конструкции с так называемым «родительным разделительным», в которых управляющее имя выделяет часть из множества однородных предметов (или лиц), обозначенных родительным падежом множественного числа, причем предполагается, что таких предметов или лиц больше, чем указано (ср. в русском языке: *два моих ученика* и *двое из моих учеников*).

Как и в других случаях, «родительный разделительный» сначала был беспредложным; однако впоследствии он был полностью вытеснен предложной конструкцией — в русском языке с предлогом *из* (*один* ***из*** *учеников, некоторые* ***из*** *присутствующих, кто-то* ***из*** *вас*), в старославянском языке — с предлогом **отъ**.

Случаи «родительного разделительного» без предлога в старославянских памятниках нередки: **погъıблетъ единъ оудъ**

[1] В списке Мариинского евангелия в этом месте употреблен родительный падеж с предлогом **отъ: сътомь мѣръ отъ олѣа.** Вероятно, здесь сказалось влияние так называемого «родительного разделительного» (см. § 407).

твоихъ [= «погибнет один *из* твоих *членов*»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, V), **единѫ же соботъ** [= «в одну *из суббот*»] (там же, *Ин.*, XX); **посъла дъва оученикъ своихъ** [= «Послал (он) двоих *из* своих *учеников*»] (Мар. ев., *Л.*, XIX); **їже васъ без грѣха** [= «Кто *из вас* не грешен?»] (там же, *Ин.*, VIII); **еда кто чьстьнѣи тебе бѫдеть зъванъıхъ** [= «Ведь кто-то *из приглашенных* будет знатнее тебя»] (Сав. кн., *Л.*, XIV); **дроуѕии бо ихъ изъ далече сѫтъ пришъли** [= «Некоторые же *из них* пришли издалека»] (Мар. ев., *Мр.*, VIII).

Вместе с тем в старославянских памятниках очень широко представлены конструкции с предлогом **отъ**: **единъ отъ васъ прѣдастъ мѧ** [= «Один *из вас* предал меня»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **приде една отъ рабынь архиереовъ** [= «Подошла одна *из* архиереевых *рабынь*»] (Мар. ев., *Мр.*, XIV); **посъла дъва отъ оученикъ своихъ** [= «послал (он) двоих *из* своих *учеников*»] (там же, *Мр.*, XI); **і се едини отъ кънижъникъ рѣшѧ вь себѣ...** [= «и вот некоторые *из книжников* сказали про себя...»] (там же, *Мт.*, IX); **кто отъ мрътвыхъ въскрьснетъ** [= «Кто *из мертвых* оживет?»] (там же, *Л.*, XVI).

Конструкции с «двойными падежами»

§ 408. Своеобразной особенностью старославянского синтаксиса были конструкции с косвенными падежами, находившимися в двойной зависимости. Такие конструкции употреблялись при глаголах, указывавших на переход лица или предмета в иное состояние. Сущность конструкций с двойной связью заключалась в том, что имя (существительное, прилагательное или причастие), раскрывавшее содержание действия, т. е. указывавшее на состояние, в которое переводится лицо или предмет, и, следовательно, связанное с глаголом, согласовывалось в падеже с существительным (или замещавшим его словом), обозначавшим лицо или предмет, на который распространяется действие; таким образом, характеризуясь зависимостью от глагола, это имя одновременно связывалось и с объектом действия («первым» косвенным падежом).

С течением времени связь «вторых» косвенных падежей с глаголом усиливалась, т. е. усиливалась их предикативная функция. В результате на их

месте в русском языке развился предикативный творительный падеж (см. § 381—382): *назначили его* ***старостой*** (форма *старостой* указывает на новое состояние, в которое переводится объект, выраженный формой винительного падежа *его*), *быть ему* ***битым*** (форма *битым* указывает на состояние, которое неизбежно ожидает объект инфинитивного предложения *ему*).

§ 409. Наиболее распространены в старославянских текстах конструкции со «вторым винительным», характеризовавшим действие переходных глаголов и, следовательно, согласовывавшимся с прямым дополнением (последнее и принято называть «первым винительным», всю конструкцию — «двойным винительным», поскольку она состоит из двух имен в винительном падеже). Например: **створѭ ва ловьца чловѣкомъ** [= «Сделаю вас (обоих) *ловцами* людей (человеческих душ)»] (Зогр. ев., *Мт.*, IV) — переходный глагол **створѭ** имеет при себе прямое дополнение **ва** — в винительном падеже двойственного числа («первый винительный»); имя, раскрывающее содержание действия **створѭ**, употреблено также в винительном падеже двойственного числа (**ловьца** — «второй винительный»), т. е. согласовано в падеже с прямым дополнением. Точно так же: **да знаѭтъ тебе единого истинънааго б҃а** [= «Пусть только тебя одного считают истинным *богом*»] (Мар. ев., *Ин.*, XVII) — состояние (**бога**), приписываемое прямому объекту (**тебе** — «первый винительный»), обозначено также формой винительного падежа (**бога** — «второй винительный»).

Особенно широко представлен в старославянских памятниках «второй винительный», выраженный прилагательными и причастиями: **обрѣте и съдравъ** [= «(он) нашел его *здоровым*»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); **имѣи мѧ отъроуъна** [= «считай меня *отказавшимся*»] (там же, *Л.*, XIV); **оставльше и елѣ жива** [= «Оставив его еле *живым*»] (Ассем. ев., *Л.*, X); **обрѣте и... сѣдѧшть** [= «Нашел его *сидящим*»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Л.*, II) и мн. др.

§ 410. Кроме конструкций со «вторым винительным», в старославянских памятниках встречаются также конструкции со «вторым родительным» и «вторым дательным». Сущность этих конструкций та же; различия же в форме «вторых» падежей определяются различиями формы дополнения (т. е. «первых» косвенных падежей).

Конструкция «двойного родительного» — это то же, что и «двойной винительный», но в отрицательном обороте, где при отрицании прямое дополнение употреблялось, как обычно, в родительном падеже (см. § 404, п. 1): **юже не глж васъ рабъ** [= «уже не называю вас *рабами*»] (Мар. ев.).

Конструкция «двойного дательного» характеризовала предложения с инфинитивом **быти**, в которых название лица (или предмета), состояние которого должно быть изменено, выражено формой дательного падежа («первый дательный»): **дастъ имъ власть чѧдомъ божиемъ быти** [= «(Он) дал им власть быть *детьми* божьими»] (Мар. ев., *Ин.*, I); **подобаатъ емоу ... оубьеноу быти** [= «Надлежит ему быть *убитым*»] (там же, *Мт.*, XVI); **подобаетъ емоу... искоушеноу быти** [= «Надлежит ему быть *искушаемым*»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XVII).

Дополнительная литература к § 377—410

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, § 116—129. (стр. 201—227).

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 524—531 (стр. 370—376).

А. Б. Правдин. Аблативные значения родительного падежа в старославянском языке. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 25. М., 1958.

А. Б. Правдин. Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках. «Ученые записки Института славяноведения», т. 13. М., 1956.

«Творительный падеж в славянских языках», под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1958.

В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961.

К. И. Ходова. Система падежей старославянского языка. М., 1963.

ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ВЫРАЖЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО

§ 411. Для большинства старославянских предложений характерно отсутствие формально выраженного подлежащего. В одних случаях это определялось односоставным типом предложения (безличное, определенно- или неопределенно-личное — см. ниже), в других отсутствие словесно выраженного подлежащего следует рассматривать как признак неполноты предложения, которое по

структуре своей является определенно-личным, двусоставным. Приведем типичный пример[1]:

(1) чловѣкъ бѣ домовитъ · (2) іже насади виноградъ · і оплотомъ і огради · і іскопа вь немь точило · і созъда въ немь стлъпъ · і вдасты и дѣлателемъ · и отиде · (3) егда же приближи сѧ врѣмѧ плодомъ · (4) посъла рабы своѩ · къ дѣлателемъ · приѩти плоды его · (5) емъше же дѣлателе рабы его ового бишѧ ового же оубишѧ. ового же камениемь побишѧ. (6) пакы посъла ины рабы · мъножѣишѧ пръвыхъ · (7) і сътворишѧ имъ то жде · (8) послѣдь же посъла къ нимъ сынъ свои глаголѧ · (9) оустрамлѣѭтъ сѧ сына моего · (10) дѣлателе же (11) егда оузьрѣшѧ сынъ · (10) рѣшѧ вь себѣ · (12) сь есть наслѣдъникъ · (13) придѣте (14) оубимъ і. і оудръжимъ достоѣние его · (15) і емъше и извѣсѧ вонъ из винограда і оубишѧ и · (Мар. ев., *Мт.*, XXI).

В этом отрывке, содержащем 15 простых предложений, имеется всего 6 словесно выраженных подлежащих; при этом из остальных 9-ти предложений только два являются односоставными определенно-личными (13 и 14), а безличных или неопределенно-личных предложений в отрывке нет. Главным действующим лицом этой евангельской притчи является хозяин виноградника, который упоминается лишь в самом начале рассказа; в дальнейшем при глагольных формах 3-го лица единственного числа, указывающих на то, что действующим является одно лицо, подлежащее отсутствует, если этим действующим лицом является все тот же хозяин виноградника (см. предложения 4, 6, 8). Другая группа активно действующих лиц — работники; после первого упоминания о них как субъекте действия в предложении 5 они упомянуты вновь лишь однажды, в предложении 10, когда рассказчик желает обратить внимание на то, до какой крайности они дошли в своем непокорстве; в остальных случаях при сказуемом в форме множественного числа упоминания о работниках (или хотя бы местоимения) нет (см. предложения 7, 9, 11, 15).

Отсутствие указания на подлежащее обычно в старославянских текстах даже в том случае, если субъект был упомянут ранее не в качестве активно действующего лица, но из контекста

[1] Цифры в скобках поставлены перед каждым простым предложением, независимо от того, является ли оно самостоятельным или входит в состав сложного.

ясно, что в дальнейшем мог вмешиваться в события именно он. Так, в евангельской притче о блудном сыне читаем:

(1) **иждивъшоу же емоу вьсѣ· бы гладъ крѣпокъ на странѣ тои · (2) и тъ начатъ лишати сѧ · (3) и шедъ прилѣпи сѧ единомъ · отъ житель страны тоѩ · (4) и посъла и на села своѣ пастъ свинии · (5) и желааше насытити сѧ · отъ рожець (6) ѩже ѣдѣахѫ свиниѩ · (7) и никто же даѣаше емоу...** (Ассем. ев., *Л.*, XV).

В предложении 2 употреблено местоимение **тъ** в функции подлежащего (оно замещает слово **сынъ**); в следующих трех предложениях (3, 4 и 5), в которых сказуемые выражены формами 3-го лица единственного числа (следовательно, предполагают одно действующее лицо), подлежащие отсутствуют; но действующие лица здесь разные: в предложениях 3 и 5 это — герой рассказа (т. е. блудный сын), а в предложении 4 — тот самый *один из жителей*, к которому промотавшийся герой поступил в услужение. Ситуация такова, что после упоминания об *одном из жителей* читателю ясно, что только он мог послать голодающего блудного сына пасти свиней, точно так же как в дальнейшем только блудный сын (но не *один из жителей*!) мог иметь желание насытиться свиным кормом.

Подобное построение предложений без подлежащего, легко восстанавливаемого на основании содержания повествования, является типичным для старославянских повествовательных евангельских текстов. Следует лишь отметить, что эта особенность распространяется на случаи, когда подлежащим должно быть наименование активно действующего лица; названия же животных, предметов, явлений и под., если они оказываются в роли грамматического подлежащего, обычно в предложении не опускались.

§ 412. В тех случаях, когда была необходимость в употреблении подлежащего, оно обычно выражалось именем существительным в именительном падеже или любой частью речи в значении существительного: **тъшта же симонова·лежааше огн'емь жегома** [= «Симонова же *теща* лежала, сжигаемая огнем», т. е. «в горячке»] (Зогр. ев., *Мр.*, I); **і тъ начатъ лишати сѧ** [= «И он (дословно: *тот*) стал нуждаться»] (Ассем. ев., *Л.*, XV); **оузърѣ**

и дроугаѣ · игл҃а емоу... [= «Увидела его *другая* и сказала ему...»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **и пришъдъ зъвавы тѧ и оного · речетъ ти** [=«И, подойдя, *звавший* тебя и его скажет тебе...»] (Сав. кн., *Л.*, XIV). Во всех случаях подлежащее определяет форму 3-го лица сказуемого, типичную для повествования.

Личные местоимения в функции подлежащего

§ 413. В диалоге действие или состояние нередко приписывается говорящему (1-е лицо) или собеседнику (2-е лицо); в этих случаях подлежащее может быть выражено соответствующими личными местоимениями (ср. в русск.: ***Я** сдал экзамены, **Ты** выступишь на собрании, **Вы** бы завтра зашли ко мне*). Однако в старославянском языке функционирование личного местоимения в качестве подлежащего практически определялось его смысловой, логической нагрузкой.

Дело в том, что лицо в старославянском языке всегда выражалось формой сказуемого, и это лишало личные местоимения их основного грамматического смысла. В силу этого для старославянского языка было обычным отсутствие личного местоимения в функции подлежащего в тех случаях, когда оно могло иметь только грамматическое значение: **не вѣмь чьто гл҃еши** [= «*(Я)* не знаю, о чем *(ты)* говоришь»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI) — форма **вѣмь** указывает на 1-е лицо единственного числа, а форма **глаголеши** — на 2-е лицо единственного числа, поэтому в местоимениях **азъ** и **ты** нет необходимости; **колицѣмь дльжьнъ еси господиноу своемоу** [= «Сколько *(ты)* должен своему хозяину?»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI) — форма глагола-связки **еси** указывает на 2-е лицо единственного числа, поэтому нет необходимости в употреблении местоимения **ты**; **се колико лѣтъ работаѭ тебѣ и николи же заповѣди твоѥѩ не прѣстѫпихъ и мънѣ николи же не далъ ѥси козьлѧте · да съ дроугы моими · възвеселилъ сѧ быхъ** [= «Вот уже сколько лет *(я)* работаю на тебя, и ни разу *(я)* не ослушался тебя; но *(ты)* ни разу не дал мне даже козленка, чтобы *(я)* повеселился со своими друзьями»] (Остр. ев., *Л.*, XV) — формы **прѣстѫпихъ** и **възвеселилъ сѧ быхъ** указывают на 1-е лицо единственного числа, а форма **не далъ ѥси** — на

2-е лицо, в связи с чем нет необходимости в употреблении личных местоимений **азъ** и **ты**.

§ 414. Личные местоимения в функции подлежащего употреблялись в тех случаях, когда говорящему (автору) было необходимо особо подчеркнуть действующее лицо, т. е. тогда, когда, помимо выражения грамматического значения (указания на лицо), местоимение наделялось еще и определенной смысловой нагрузкой.

Так, в евангельском рассказе об апостоле Петре, испугавшемся, что с ним поступят так же жестоко, как с Иисусом, и поэтому публично отрекшемся от своего учителя, одна из женщин, опознавшая Петра, говорит: **и ты бѣ съ і҃сомь галилѣіскъімь** [= «И *ты* был с Иисусом Галилейским»] (Мар. ев., *Мт.*, XXVI); здесь употребление подлежащего **ты** обусловлено необходимостью подчеркнуть, что именно этот человек, а не другой кто-то, был учеником судимого в тот момент Христа.

В притче о «милосердном самарянине» рассказывается о том, как прохожий, подобравший на дороге незнакомого ограбленного и израненного человека, привез его на постоялый двор, позаботился о нем и, уезжая, дал хозяину постоялого двора деньги на содержание пострадавшего, предупредив: **и аште что иждивеши · азъ егда възвраштѫ сѧ · въздамь ти** [= «И если еще что истратишь, *я*, когда возвращусь, отдам тебе»] (Сав. кн., *Л.*, X); в этой реплике употребление местоимения **азъ** обусловлено его большой смысловой нагрузкой: говорящий хочет подчеркнуть, что именно сам он, а не пострадавший или кто-то другой, оплатит хозяину постоялого двора все расходы.

Таким образом, употребление личных местоимений в функции подлежащего определялось ролью, отведенной в излагаемых событиях действующему лицу, указание на которое и должно подчеркнуть эту роль, т. е. имело стилистическое значение.

ВЫРАЖЕНИЕ СКАЗУЕМОГО

§ 415. Сказуемое в старославянском языке могло быть глагольным и именным.

Глагольное сказуемое могло быть простым (**чл҃къ етеръ съхождааше от ѥр҃слма вь ерихѫ** [= «Некий человек

шел из Иерусалима в Ерихон»] — Ассем. ев., *Л.*, X) и составным (**и тъ начатъ лишати сѧ** [= «И он *стал нуждаться*»] — там же, *Л.*, XV). При этом с составным глагольным сказуемым не следует смешивать простое, выраженное сложной глагольной формой; так, в предложении **и тогда начьнеши съ стоудомъ послѣдьнее мѣсто дрьжати** (Сав. кн., *Л.*, XIV) сказуемое **начьнеши дрьжати** простое, так как это сложное будущее время глагола **дрьжати** (поэтому на русский язык переводится: «И тогда (ты) со стыдом *займешь* последнее место»). Простым является также сказуемое, выраженное перфектом, плюсквамперфектом, сослагательным наклонением, будущим сложным II, например: **дроузии бо ихъ изъ далече сѫтъ пришъли** [= «Ведь некоторые из них *пришли* издалека»] (Мар. ев., *Мр.*, VIII).

В именном составном сказуемом именная часть могла быть выражена существительным (**блаженыи григории... църноризъцъ бѣ въ манастыри · свѧтааго апостола аньдреа** [= «Блаженный Григорий был *черноризцем* в монастыре св. апостола Андрея»] — Супр. рук.), прилагательным (**чловѣкъ бѣ домовитъ** [= «Человек был *хозяйственным*»] — Мар. ев., *Мт.*, XXI), причастием, причем не только страдательным (**егда зъванъ бѫдеши на бракъ · не сѧди на прѣдьниимь мѣстѣ** [= «Когда будешь *приглашен* на свадьбу, не садись на почетное место»] — Сав. кн., *Л.*, XIV), но и действительным: **не сь ли естъ сѣдѧи и просѧ** [= «Не этот ли *сидит* и *просит* (милостыню)?»] (Мар. ев., *Ин.*, IX; дословно: «Не этот ли является *сидящим* и *просящим?*»); **бѣ иосифъ и мати его чюдашта сѧ** [= «Иосиф и мать его удивлялись»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, II; дословно: «Иосиф и его мать были *удивляющимися*»).

Употребление связки

§ 416. В именном составном сказуемом интересно употребление связки, выраженной формой настоящего времени глагола **быти**.

Настоящее время имеет два основных значения: 1) указание на действие или состояние вневременное, т. е. постоянное для данного субъекта; 2) указание на действие или состояние, совпа-

дающее с моментом речи, т. е. собственно настоящее время. В соответствии с этими значениями настоящего времени в индоевропейском праязыке существовало два типа предложений с именным сказуемым, унаследованных праславянским языком и в значительной степени сохраненных старославянским. В предложениях с вневременным значением именное сказуемое соединялось с подлежащим без помощи связки: **никто же благъ тъкмо единъ богъ** [= «Никто не свят, кроме бога»] (Мар. ев., *Мт.*, XIX); **доухъ бо бъдръ а плоть не мощьна** [= «Дух бодр, а плоть слаба»] (там же, *Мт.*, XXVI); **коль жзъка врата** [= «Как тесны ворота!»] — речь идет о «вратах», ведущих к «праведной жизни» (там же, *Мт.*, VII).

В предложениях со значением собственно настоящего времени именная часть сказуемого в старославянском языке соединялась с подлежащим при помощи связки **быти** в форме настоящего времени: **сь естъ наслѣдъникъ** [= «он наследник»] (Мар. ев., *Мт.*, XXI); **юже не достоинъ есмъ нарещи ся сн҃ъ твои** [= «Я уже не достоин называться твоим сыном»] (Ассем. ев., *Л.*, XV; ср. отсутствие связки в русском переводе этого предложения, где для указания на 1-е лицо оказывается необходимым употребление местоимения *я*); **ты ли еси цр҃ь иоудѣискъ** [= «Ты ли царь Иудейский?»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVII); **оуже готова сѫтъ вьсѣ** [= «Все уже готово»] (Мар. ев., *Л.*, XIV).

Замечено, что в старославянских переводах евангелия связка в настоящем времени употребляется даже там, где ее нет в греческом оригинале; в этом, видимо, и проявлялось стремление переводчиков подчеркнуть план собственно настоящего времени. Так, греческая фраза μεγάλη σου ἡ πίστις (*Мт.*, XV), где связка отсутствует, переведена на старославянский: **велиѣ естъ вѣра твоѣ** [= «Велика твоя вера»] (см. в Мар. ев.), ибо переводчик соотносил указанный здесь признак с моментом речи. Подобные факты свидетельствуют о том, что употребление связки, выраженной глаголом **быти** в форме настоящего времени, в период создания старославянских переводов было живой славянской особенностью.

Дополнительная литература к § 411—416

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 539 (стр. 380—381).

СТАРОСЛАВЯНСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЕКСТЕ

§ 417. Определяя понятие «предложение», обычно указывают на то, что оно представляет собой смысловое, грамматическое и интонационное единство, причем каждый из указанных признаков в отдельности не дает основания для выделения границ предложения.

К сожалению, применительно к письменному старославянскому языку мы полностью лишены такого важного критерия выделения границ предложения, как интонация. Поэтому в старославянских текстах с уверенностью можно выделять в законченном по смыслу отрывке (смысловом единстве) грамматически связанные единства, являющиеся простыми предложениями, которые могли либо быть самостоятельными, либо входить в состав сложных.

§ 418. Решение вопроса о границах самостоятельных предложений в старославянских письменных памятниках затрудняется еще и тем, что такие формальные показатели связи предложений, как союзы и частицы, здесь отнюдь не обязательно указывают на объединение простых предложений в одно сложное.

Дело в том, что для старославянского повествовательного текста характерно «нанизывание» предложений, как правило, сопровождающееся присоединением одного простого грамматического единства к другому при помощи союзов (**и, а, да, нъ** и др.) или частиц (**же, бо, оубо** и др.): высказав определенную мысль, автор как бы замечает, что с нею связана (или противопоставляется ей) следующая мысль или следующее сообщение, а с этим следующим — следующее за ним и т. д. Такое «нанизывание» предложений обнаруживается в любом цельном по содержанию отрывке. Например[1]:

(1) всакъ (2) иже слышитъ ми словеса и творитъ ꙗ · (1) оуподоблѭ его мѫжеви мѫдроу · (3) иже створи храмъ свои на камене (4) и сниде дъждъ · (5) и придѫ рѣкы · (6) и възвѣꙗшѧ

[1] Как и в отрывках, приводившихся в § 411, цифра в скобках ставится перед каждым простым предложением, независимо от степени его самостоятельности.

вѣтри · (7) и потъкѫ сѧ храминѣ тоі · (8) и не паде сѧ · (9) основана бо бѣ на камене · (10) и всакъ слꙑшѧі ми словеса си · и не творѧ их · оуподобитъ сѧ мѫжеви боую · (11) иже створи своѭ храминѫ на пѣсцѣ · (12) и сънидє дъждъ (13) и придѫ рѣкꙑ · (14) и възвѣѩшѧ вѣтри · (15) и потъкѫ сѧ храминѣ тоі (16) и паде · (17) и бѣ разорение єі велиє зѣло (Сав. кн., *Мт.*, VII).

Вот как выглядит синтаксически точный перевод этого отрывка, в котором выделены средства соединения предложений: «(1) Всякого, (2) *кто* (дословно: «он *же*») слышит мои слова и следует им, (1) уподоблю его мудрому человеку, (3) *который* (дословно «он *же*») построил свой дом на камне. (4) *И* пошел дождь, (5) *и* разлились реки, (6) *и* подули ветры. (7) *И* (все это) устремилось к тому дому. (8) *И* не упал (он): (9) основан *ведь* был на камне! (10) *И* всякий, слышащий эти мои слова и не следующий им, уподобится глупому человеку, (11) *который* (дословно: «он *же*») построил свой дом на песке. (12) *И* пошел дождь, (13) *и* разлились реки, (14) *и* подули ветры. (15) *И* (все это) устремилось к тому дому. (16) *И* (он) упал. (17) *И* разрушение его было очень большим».

Подобное присоединение одних предложений к другим с помощью союзов или частиц очень характерно для литературно не обработанного народного повествования[1], а потому, видимо,

---

[1] См., например, в записях связной диалектной речи: *Был от'éц од'ин. Дóцка у йих былá. А у дóцк'и былá мáцчеха. Ну и вот от'éц йу хот'éл вáмуш оддáт'. А йéй н'е ндрáв'илса кавал'éр. А с н'им уш вговор'úл'ис'. А йу вы́в'езла т'óта в другý д'ер'éвн'у. А йéй другóй там ндрáв'илса...* и т. д. (цит. по пособию: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева. Практические занятия по диалектологии. Л., 1957, стр. 27—28). Ср. еще чеховскую стилизацию в «Ваньке»: *А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать... А еды нету никакой... А спать мне велят в сéнях, а когда ребятенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку...* и т. д.

С. Е. Крючков заметил, что такие связи «естественны для устной, непринужденной речи вообще» (см.: «О присоединительных связях в современном русском языке». Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 400).

отражает одну из особенностей живой славянской повествовательной речи периода кирилло-мефодиевских переводов.

Таким образом, выделяя в старославянском тексте простые предложения, можно рассматривать также грамматические средства соединения простых предложений (простых грамматических единств) друг с другом в связном тексте, т. е. средства связи простых предложений. Употреблять по отношению к таким объединениям простых предложений термины «сложно-сочиненное» или «сложно-подчиненное» предложения было бы неосторожным, так как у нас нет уверенности в том, что в каждом конкретном случае это действительно были предложения, а не объединения простых грамматических единств, поясняемых одно другим внутри текста, представляющего сложное смысловое единство.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Отрицательные предложения

§ 419. Всякое высказывание или сообщение (как в повествовании, так и в диалоге) — это либо утверждение, либо отрицание. Специальные грамматические показатели имеет лишь предложение, что-либо отрицающее; отсутствие показателей отрицания является признаком утверждения.

Обычным показателем отрицания в старославянском языке была частица **не**; ее старое место в предложении — перед глаголом: **не ѩмѣашѧ землѧ҄ ѩ многы** [= «(Семена) *не имели* глубокой почвы»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIII); **не дадите с҃тго псомъ** [= «*Не давайте* святыни псам»] (Мар. ев.. *Мт.*, VII). В этой позиции происходило слияние отрицательной частицы с формами настоящего времени глагола **быти: нѣсмь достоинъ нарешти сѧ сынъ твои** [= «(Я) недостоин называться твоим сыном»] (Остр. ев., *Л.*, XV) — **нѣсмь** < ***не есмь** (т. е. *ее > *ē > [ě]); **нѣстъ неоу никто же отъ чл҃къ вьсѣлъ** [= «(На молодого осла) никогда никто из людей не садился»] (Мар. ев., *Мр.*, XI) — **нѣстъ** < ***не естъ.**

Отрицание могло находиться перед любым знаменательным словом, на которое падало логическое ударение: **юже не много г҃лѭ съ вами** [= «Уже *не долго* я буду говорить с вами»] (Зогр.

ев., *Ин.*, XIV); **тако и събираѩи себѣ · а не въ ба богатѧ сѧ** [= «Так и собирающий для себя, а *не для бога* обогащающийся»] (Сав. кн., *Л.*, XII) и т. п. — здесь отрицается не само действие или состояние, а лишь частные, сопутствующие ему моменты.

§ 420. Усилением отрицания являлась частица **ни** — отрицательный вариант союза-частицы **и** (со значением «даже»). При обычной позиции **не** перед глаголом дополнительное отрицание **ни** употреблялось только перед словом, на которое падало логическое ударение: **ни въ из(дра)ли толикы вѣры не обрѣтъ** [= «*Даже* в Израйле не найдя такой веры»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); **не хотѣаше ни оучию възвести на небо** [= «(Он) не хотел (здесь в значении «не решался, не смел») *даже* глаз поднять к небу»] (там же, *Л.*, XVIII).

К глаголу **ни** относилось только в том случае, если отрицание повторялось при однородных глагольных конструкциях; при этом **ни** появлялось вместо **не** перед вторым членом: **не дадиде стаго псомъ · ни помѣтаите бисьръ вашихъ прѣдъ свиньѣми** [= «Не давайте святыни псам и не мечите бисера своего перед свиньями»] (Мар. ев., *Мт.*, VII); **не сѣѭтъ ни жьнѭтъ** [= «Не сеют, не жнут»] (там же, *Л.*, XII).

При местоимениях и наречиях отрицание **ни** обычно усиливалось частицей же: **никъто же (ни оу кого же), ничьто же (ни оу чесо же), никъде же** и т. д. (ср. § 373).

§ 421. В современном славянском отрицательном предложении обязательным является отрицание *не* — даже в том случае, если есть *ни* (ср. русск.: ***ни*** *один* ***не*** *пришел,* ***никто не*** *сказал*). В старославянском же языке в тех случаях, когда слово, характеризовавшееся частицей **ни**, находилось впереди глагола, отрицание **не** могло отсутствовать: **ни въ из(дра)ли толикы вѣры обрѣтъ** [= «Даже в Израйле не найдя такой веры»] (Ассем. ев., *Мт.*, VIII); **и никто же даѣаше емоу** [= «И никто не давал ему»] (там же, *Л.*, XV); **никъто же плода сънѣждь** [= «Никто не съест плода»] (Зогр. ев., *Мр.*, XI); **и никъто же емоу можаше отъвѣшати слово** [= «И никто не мог ему слова сказать в ответ»] (Сав. кн., *Мт.*, XXII). Однако нередко отрицание **не** в подобных случаях все же употреблялось: **ни въ из(дра)ли толикы вѣры не обрѣтъ** (Зогр. и Мар. ев., *Мт.*, VIII); **ничесо же**

не обрѣте на неи [= «Ничего не нашел на ней»] (Мар. ев., *Мр.*, XI); **никотеры же рабъ · не можетъ дъвама г҃нома работати** [= «Никакой раб не может служить двум хозяевам»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI).

Отсутствие второго отрицания (типа **никъто же можетъ**) — явление индоевропейское, характерное и для греческого языка. Напротив, наличие в предложении двух отрицательных частиц — типично славянское новообразование. В связи с этим принято считать, что факты отсутствия второго отрицания — результат калькирования греческого оригинала; появление второго отрицания — это отражение в старославянских текстах живой славянской особенности, свойственной речи переводчиков.

В том случае, когда после глагола с отрицанием **не** следовало несколько однородных членов, частица **ни** появлялась перед вторым членом перечисления: **не зови дроугъ твоихъ · ни братриѩ твоеѩ · ни рождениѥ твоего · ни сѫсѣдъ богатъ** [= «Не зови *(ни)* друзей своих, ни товарищей, ни родственников своих, ни богатых соседей»] (Мар. ев., *Л.*, XIV); **вь день слъньце не ожежетъ тебе · ни лоуна ноштиѭ** [= «*(Ни)* солнце тебя не согреет днем, ни луна — ночью»] (Син. пс.); **не вѣдѫште кънигъ · ни силы б҃жиѩ** [«Не знающие *(ни)* книг, ни силы божьей»] (Мар. ев., *Мр.*, XII) и т. п. В этих примерах ярко отражается присоединительная функция союзов-частиц в старославянском языке: после того как уже высказано определенное отрицательное суждение (например, **не зови дроугъ твоихъ**), к нему добавляются другие возможные варианты (**ни братриѩ твоеѩ** и т. д.), которые в утвердительном предложении были бы присоединены союзом **и**, а в отрицательном — его эквивалентом при отрицании **ни**.

Иногда можно встретить и случаи появления частицы **ни** перед первым членом отрицательного перечисления: **не възмѣте на пѫт ни жъзла · ни пиры · ни хлѣба...** [= «Не берите в дорогу ни посоха, ни питья, ни хлеба»] (Ассем. ев., *Л.*, VII). Однако такие случаи в старославянских памятниках еще редки.

Виды предложений по цели высказывания

§ 422. По цели высказывания различают повествовательные, восклицательные, побудительные и вопросительные предложения.

Наиболее обычным является повествовательное предложение, сообщающее о том или ином факте действительности без выражения эмоций, сопровождающих это сообщение: **ѹкъ етеръ бѣ богатъ** [= «Некий человек был богатым»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI); **и съниде дъждъ · и придѫ рѣкы · и вьзвѣꙗшѧ вѣтри** [= «И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры»] (Сав. кн., *Мт.*, VII) и т. д.

Остальные виды предложений (восклицательные, побудительные, вопросительные) всегда произносятся с особой интонацией, которая и отличает их от повествовательных предложений. Однако мы не имеем, как уже отмечалось, данных об интонационном оформлении старославянского предложения, а точнее — о том, как представлял себе интонационное оформление того или иного высказывания переводчик или переписчик.

Все же в отдельных случаях можно встретить указания на произношение предложения с повышенной интонацией; при этом наиболее определенны грамматические показатели побудительных и вопросительных предложений.

§ 423. Собственно восклицательные предложения (не заключающие в себе побуждения или вопроса), как было сказано, обычно специальных показателей восклицания, кроме интонации, не имеют. Однако в ораторской речи (а старославянские тексты были предназначены для публичного чтения во время литургии или молитв, а потому могут рассматриваться как образцы ораторской речи) существуют приемы, которые обычно сопровождают восклицательные предложения, следовательно, могут восприниматься как показатели восклицания. Одним из них являются риторические обращения, которые постоянно встречаются в наставлениях Христа: **⟨чьто же видиши сѫчецъ въ оцѣ братра твоего · а брьвьна еже естъ въ оцѣ твоем не чюеши...⟩ лицемѣре · ізьми прѣвѣе брьвьно из очесе твоего** [= «⟨Почему же ты видишь сучок в глазу своего брата, а в своем глазу и бревна не чувствуешь?⟩ *Лицемер*! Вынь сначала бревно из своего глаза!...»] (Мар. ев., *Мт.*, VII) — выделенное обращение свидетельствует о том, что следующая фраза должна была произ-

носиться с гневом, т. е. характеризовалась восклицательной интонацией.

Несомненным показателем восклицательных предложений могут считаться междометия, которые в старославянских памятниках встречаются, как правило, при обращениях: **ѡ роде не вѣрънъı и развраштенъı** [= «*О* хитрое и развращенное племя!»] (Мар. ев., *Мт.*, XVII); **ѡ жено · велье естъ вѣра твоѣ** [= «*О* женщина! Велика твоя вера!»] (там же, *Мт.*, XV). В списках евангелия дважды (*Мт.*, XXVII и *Мр.*, XV) встречается междометие **оува,** передающее οὐά [*uá*] греческого оригинала. Междометием следует считать и **горе** в такой фразе, как: **горе вамъ кънигъчиѩ и фарисѣи · лицемѣри** [= «*Горе* вам, книжники и фарисеи! Лицемеры!»] (Мар. ев., *Мт.*, XXIII). В Супрасльской рукописи это междометие иногда усиливается еще и междометием **оу: оу горе мьнѣ окаанѣи... оу горе мьнѣ ꙗко сънѣдь ѥсмь огнꙗ вѣчьнаа-го · оу горе мнѣ ꙗко жилиште ѥсмь диꙗвол'е** [= *О! горе* мне, окаянной! *О! горе* мне, ибо я пища огня вечного! *О! горе* мне, ибо я жилище дьявольское!»].

§ 424. Определенны и постоянны грамматические показатели побудительных предложений, выражающих различные оттенки волеизъявления: приказ или запрещение, просьбу, совет, желание. Характерным грамматическим показателем побудительного предложения является форма повелительного наклонения: **⟨і примъ чашѫ ... дастъ імъ гла⟩ · пиите отъ неѩ вси** [= «⟨И (он), взяв чашу, дал им, говоря:⟩ — *Пейте* из нее все!»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI) — приказание; **не възмѣте на пѫт ни жьзла · ни піры · ни хлѣба...** [= «*Не берите* в дорогу ни посоха, ни питья, ни хлеба»] (Ассем. ев., *Л.*, VII) — запрещение; **⟨и рече менъші сн҃ъ оц҃ю ·⟩ ѡ҃че даждъ мі достоинѫѭ часть имѣниѣ** [= «⟨И сказал младший сын отцу:⟩ — Отец! *Дай* мне положенную часть имущества»] (там же, *Л.*, XV) — просьба; **просите ⟨и дастъ сѧ вам ·⟩ иштѣте ⟨и обрѧштете ·⟩ тлъцѣте ⟨и отвръзетъ сѧ вамъ⟩** [= «*Просите* — и вам будет дано; *ищите* — и найдете; *стучите* — и вам откроют»] (Мар. ев., *Мт.*, VII) — наставление (совет).

Побудительное предложение в старославянском языке могло усиливаться союзом **да**, который приобретал в этом случае функцию частицы, сохранявшей побудительное значение как при формах повелительного наклонения, так и при формах настоящего (или будущего) времени. **Да** придавало побудительному предложению оттенок приказания или категорического предупреждения: **да оувѣсте ‹ѣко власть имат҃ъ сн҃ъ ч҃лвчскъı на земли отъпоущати грѣхъı›** [= «*Так узнайте же*, что сын человеческий имеет на земле власть отпускать грехи»] (Мар. ев., *Мт.*, IX); **да продадѧтъ и · и женѫ его и чѧда...** [= «*Пусть продадут* его (самого), и жену его, и детей»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII).

Побудительный оттенок могли приобретать безличные отрицательные предложения со значением запрещения: **не достоитъ ти имѣти ѥѩ** [= «Не до́лжно тебе обладать ею!»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XIV): **не добро есть бъıти чловѣкоу ѥдномоу** [= «Не подобает человеку быть одному»] (Супр. рук.).

§ 425. Распространенным показателем вопросительного предложения была в старославянском языке частица **ли**, которая в предложении всегда занимала место после первого знаменательного слова: **достоитъ ли намъ кесареви дань дати** [= «Надлежит *ли* нам платить подать кесарю?»] (Мар. ев., *Л.*, XX); **достоитъ ли въ соботѫ добро творити** [= «Подобает *ли* в субботу делать добро»?] (там же, *Мр.*, III); **тъı ли еси ц҃рь июдѣискъ** [= «Ты *ли* царь Иудейский?»] (Зогр. ев., *Мр.*, XXVII) и т. д. С отрицанием эти предложения приобретали характер риторического вопроса, что характерно для ораторской речи: **не отъ женъı ли роди сѧ** [= «Не от женщины ли родился (он, т. е. Христос)?»] (Супр. рук,); **не моси ли дастъ вамъ законъ** [= «Не Моисей ли дал вам законы?»] (Мар. ев., *Ин.*, VII).

Частица **ли** использовалась обычно в тех случаях, когда ответа требовало вопросительное высказывание в целом, т. е. когда на поставленный вопрос мог последовать ответ «да» или «нет». В тех случаях, когда под вопросом находился какой-либо определенный член предложения, использовались заменявшие этот член относительные местоимения или наречия, которые получали значение вопросительных: **къто прикоснѫ сѧ ризъ моихъ** [= «*Кто* дотронулся до моих одежд?»] (Зогр. ев., *Мр.*, V); **что страшиви**

есте маловѣри [= «*Чего* вы испугались, маловеры?»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); **чесо ради мүро се не продано бысть** [= «*Почему* (дословно «*ради чего*») не продано было это миро?»] (там же, *Ин.*, XII); **колико имате хлѣбъ** [= «*Сколько* у вас хлебов?»] (там же, *Мр.*, VII); **къде хоштеши ꙇ оуготоваемъ ти ѣсти пасха** [= «*Где* ты хочешь, чтобы мы тебе приготовили пасху?»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **когда оубо си бѫдѫтъ** [= «*Когда* же это будет?»] (Зогр., Мар. ев., *Л.*, XXI); **въскѫѭ вы мыслите зъло въ срдцихъ вашихъ** [= «*Зачем* вы замышляете зло в своих сердцах?»] (Мар. ев., *Мт.*, IX) и т. д.

В тех случаях, когда вопросительному предложению надо было придать оттенок сомнения или удивления, использовалась частица **еда** («разве, неужели»): **еда азъ есмь рав'ви** [= «*Разве (неужели)* это я, учитель?»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI). Значение сомнения, свойственное частице **еда**, определяло ее обычное употребление при риторическом вопросе, предполагающем отрицательный ответ: **еда можетъ слѣпьць слѣпца водити** [= «*Разве* может слепой водить слепого?»] (Зогр. ев., *Л.*, VI); **еда обьем'ѭтъ отъ тръниѣ гроздъı ли отъ рѣпьѣ смокъви** [= «*Разве* снимают виноград с терновника или фиги с репейника?»] (там же, *Мт.*, VII)[1].

Односоставные предложения

§ 426. Как было отмечено выше (см. § 411), для старославянского языка характерны бесподлежащные предложения. В ряде случаев, как известно, отсутствие подлежащего было признаком «неполноты» предложения. Так, в предложении **ꙇ ицѣли многы недѫжьнъıѩ** [= «И исцелил многих больных»] (Зогр. ев., *Мр.*, I) отсутствие подлежащего не связано со структурными особенностями предложения: при глаголе в 3-м лице единственного числа субъект действия должен быть назван, ибо это не говорящий или его собеседник, а определенное лицо, о действиях которого повествует предложение; и если подлежащее здесь не названо, то

[1] В церковнославянских памятниках в значении **еда** обычно употреблялось **дѣеши > дѣѣши** — от глагола **дѣꙗти** («говорить»), встречающееся уже в Супрасльской рукописи: **дѣѣши ли не вѣдѣѣше кде погребенъ естъ** [= «*Разве* не знал, где он похоронен?»].

лишь потому, что действующее лицо было указано раньше и известно читателю.

От подобных случаев опущения подлежащего следует отличать отсутствие словесно выраженного подлежащего при сказуемых с глагольными формами 1-го или 2-го лица (см. § 413). В предложении **село коупихъ и имамь нѫждѫ изити и видѣти е** [= «(Я) купил поле и должен пойти и осмотреть его»] (Мар. ев., *Л.*, XIV) субъект действия не «подразумевается» — он указан глагольной формой 1-го лица единственного числа (**коупихъ** и **имамь** указывают на то, что действующим лицом является сам говорящий). По своей структуре такие предложения являются односоставными (в них отсутствует состав подлежащего), а по характеру действующего лица — определенно-личным.

§ 427. В старославянских текстах встречаются односоставные предложения, в которых действующее лицо мыслится неопределенно, поскольку оно не имеет существенного значения, хотя и является производителем действия. Такие предложения можно назвать неопределенно-личными. Сказуемое неопределенно-личных предложений обычно выражалось формой 3-го лица множественного числа: **і се принѣсѧ емоу ослабленъ жилами** [= «И вот *принесли* к ему (т. е. Иисусу) парализованного»] (Мар. ев., *Мт.*, IX); **приношаахѫ же къ немоу и младенъцѧ · да би сѧ ихъ коснѫлъ** [= «К нему *приносили* младенцев, чтобы он прикоснулся к ним»] (там же, *Л.*, XVIII); **аще же рекѫтъ вамъ · се въ поустыни естъ · не изидѣте** [= «Если же вам *скажут:* — Он в пустыне, — не ходите»] (там же, *Мт.*, XXIV).

Такие предложения, видимо, были характерны для живой славянской речи, так как в греческом оригинале им, как правило, соответствуют страдательные обороты, которые в ряде случаев переведены довольно точно: **с҃нъ же ч҃скы іҁдетъ ѣко же естъ псано о н҄емь** [= «Сын же человеческий приходит, как *написано* о нем»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); **не осѫждаите да не осѫждени бѫдете** [= «Не осуждайте, и тогда сами не *будете осуждены*»] (Мар. ев., *Мт.*, VII) и под.; ср. замену греческого страдательного оборота славянским неопределенно-личным предложением: **не сѫдите да не сѫдѧтъ вамъ** [= «Не осуж-

дайте, тогда и вас не *осудят*»] (*Л.*, VI; приводившееся выше **аште же рекѫтъ вамъ** также представляет перевод греческого оборота «если вам будет сказано»).

Иногда в старославянских текстах с неопределенно-личным значением употребляются формы 3-го лица единственного числа: **пишетъ · не о хлѣбѣ единомъ поживетъ чловѣкъ** [= «Пишут (т. е. «сказано, *говорят*»): не одним только хлебом живет человек»] (Зогр. ев., *Мт.*, IV; в Ассем. ев. и Сав. кн. калька с греч.: **пісано естъ**).

§ 428. В старославянских памятниках значительное место занимают обобщенно-личные предложения. Особенно характерны они для отрывков, содержащих разного рода поучения. Такие предложения оформлялись как односоставные, если сказуемое в них выражалось формой 2-го лица: **видиши сѫчецъ въ оцѣ братра твоего · а бръвъна еже есть въ оцѣ твоемь не чюеши** [= «В глазу брата своего сучок *видишь*, а в своем глазу и бревна не *чувствуешь*»] (Мар. ев., *Мт.*, VII); **егда зъванъ бѫдеши на бракъ · не сѧди на прѣдьнимь мѣстѣ** [= «Если *будешь приглашен* на свадьбу, не *садись* на почетное место»] (Сав. кн., *Л.*, XIV) и т. д.

В поучительном тексте могли принимать значение обобщенно-личных предложения с относительным местоимением в функции подлежащего, т. е. двусоставные: **аште кто ходитъ въ дьне не потъкнетъ сѧ... аште кто ходитъ ноштиѭ · потъкнетъ сѧ** [= «Тот, *кто ходит* днем — не *спотыкается;* а *кто ходит* ночью — *спотыкается*»] (Мар. ев., *Ин.*, XI).

§ 429. Безличные предложения в старославянском языке были довольно разнообразны и представляли несколько сильно отличавшихся друг от друга типов.

Наименее многочисленны предложения с главным членом, выраженным возвратным глаголом в форме 3-го лица или страдательным причастием в форме среднего рода (со связкой): **мьнитъ ті сѧ** [= «кажется (думается) тебе»] (Ассем. ев., *Л.*, X); **ізволи сѧ... мьнѣ** [дословно: «дозволилось мне», т е. «свыше была дана возможность и право что-то сделать»] (там же, *Л.*, I); о безличных конструкциях со страдательным причастием типа **писано естъ** (или **бъість**) «(было) написано» и об их появлении в старославян-

ских переводах было сказано выше (см. § 427). Пассивное действующее лицо в конструкциях отмеченных типов выражалось формой дательного падежа (см. в русск.: ***мне*** *кажется*, ***ему*** *было сказано*).

Более характерны для старославянских текстов безличные предложения с главным членом, выраженным предикативным наречием со связкой. Наречие, образованное от прилагательного, указывало на признак или состояние, приписываемое какому-либо лицу или предмету, название которого (как и в предыдущих типах) выражалось формой дательного падежа: **тγроγ и сидоноγ · отърадьнѣе бѫдетъ** [= «(Городам) Тиру и Сидону будет отраднее»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XI); **соγлѣе емоγ бъıстъ** [= «Ему было лучше»] — о здоровье (там же, *Ин.*, IV); **немоштьно юмоγ естъ** [дословно: «Невозможно ему», т. е. «Он не может»] (Супр. рук.) и т. п. В тех случаях, когда из контекста ясно, о каком состоянии идет речь, предикативное наречие могло замещаться относительным словом: **тако бѫдетъ и родоγ семоγ лѫкавоγемоγ** [= «*Так* будет и с этим лукавым племенем»] (Зогр., Мар. ев., *Мт.*, XII); **како бъıс͡т бѣсъноγмоγ** [= «*Как* было с бесноватым»] (там же, *Мр.*, V).

Особенно распространены такие конструкции с инфинитивом, указывавшим на то действие или состояние, которое утверждается (или отрицается) в предложении: **оγдобѣе естъ вельбѫдоγ · сквозѣ оγши игълинѣ проити · неже богатоγ въ ц͞рьствие б͞жие вьнити** [= «*Легче* верблюду *пройти* сквозь игольное ушко, чем богатому *войти* в рай»] (Мар., Ассем. ев., Сав. кн., *Мт.*, XIX); **тако бо подобьно намъ естъ съконьчати** [= «Так же *надобно* и нам *судить*»] (Зогр., Ассем. ев., *Мт.*, IV); **не моштьно ти юстъ покаати сѧ** [= «Невозможно тебе покаяться»] (Супр. рук.).

С точки зрения логической грамматики, инфинитив выполняет в таких предложениях функцию подлежащего, а **оγдобѣю, подобьно, не моштьно** и т. д. являются именной частью сказуемого, т. е. **покаати сѧ — не моштьно юстъ** [«Покаяться (покаяние) — невозможно»]. Такое логико-грамматическое значение инфинитива отчетливо выступает в характерных для старославянского языка предложениях с глагольным сказуемым в спрягаемой форме: **не достоитъ тебѣ имѣти женъı филипа братра своего** [= «Не *пристало* тебе *обладать* женою брата твоего Филиппа»] (Мар. ев., *Мр.*, VI); **дьнесь бо подобаатъ ми въ домоγ твоемь бъıти**

[= «Ведь сегодня мне *надлежит быть* в твоем доме»] (там же, *Л.*, XIX); **не подобааше ли и тебѣ помиловати клеврѣта твоего** [= «Не *следовало* ли и тебе *простить* своего товарища?»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII) и т. д. Такие конструкции характеризовались значением долженствования и в том случае, если в спрягаемой форме при инфинитиве употреблялся глагол **быти: бысть вънити ісви · въ домъ єдиного кънѧза фарисѣіска** [= «*Надлежало* Иисусу *войти* в дом одного фарисейского вельможи»] (Сав. кн., *Л.*, XIV).

Старославянскому языку известны безличные предложения с инфинитивом в качестве главного члена со значением необходимости, неизбежности; объект в таких предложениях также выражался дательным падежом: **⟨і се трѫсъ великъ бъıстъ въ мори.⟩ ѣко покрывати сѧ кораблю влънами** [= «⟨И вот в море началась сильная буря,⟩ так что судно стало захлестывать волнами»] (Мар., ев., *Мт.*, VIII; дословно «*покрываться судну* волнами»; ср. русск.: ***Сидеть ему*** *здесь весь день!*). С отрицанием такие конструкции означали категорическое запрещение: **не клѧти сѧ вамъ... небомь**, т. е. «Не смейте клясться небом!» (Зогр. ев., *Мт.*, V).

Безличными становились предложения с отрицанием бытия, существования; имя, обозначавшее отрицаемый предмет (или лицо), в таких предложениях употреблялось в родительном падеже (в соответствующих утвердительных оборотах — именительный падеж): **кораблѣ иного не бѣ тоу** [= «Не было там иного *судна*»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Ин.*, VI; ср.: **бѣ корабль тоу** [= «Было там *судно*»] — с именительным падежом); **иса не бъıстъ тоу ни оученикъ его** [= «Не было там ни *Иисуса*, ни его *учеников*»] (там же); **и нѣстъ иного развѣ его** [= «И нет (никого) *другого*, кроме *него*»] (там же, *Мр.*, XII); **свѣта да не сиѩетъ** [= «Пусть не будет *света*»] (Супр. рук.; ср. утвердительную конструкцию: **свѣтъ да сиѩетъ** [= «Пусть будет (сияет) *свет!*»]).

Дополнительная литература

А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1951, § 253—254, 257 (стр. 389—392, 395—397).

А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, п. 538—550 (стр. 380—387).

§ 430. Будучи образованными от глагольных основ и сохраняя ряд глагольных категорий (вид, залог, отчасти — время), причастия характеризовались формами словоизменения имен прилагательных и могли выполнять в предложении функции, свойственные прилагательным, в частности определять имя, указывая на признак, вытекающий из его действия или состояния: **видѣ симона · і҆ анъдрѣа брата того симона. въметѫща мрѣжѧ в мор҄е** [= «(Он) увидел Симона и Андрея, Симонова брата, *бросающих* сети в море»] (Зогр. ев., *Мр.*, I); причастие **въметѫшта** определяет прямые объекты **симона** и **анъдрѣа**, указывая на признак, вытекающий из их действия.

Однако в функции определения или именной части сказуемого действительные причастия употреблялись не часто. Четко осознаваемое значение действия или состояния, особенно свойственное действительным причастиям, определяло иную роль их в старославянском предложении. В том случае, когда возникала необходимость указать на ряд действий или состояний, характеризовавших субъект или выполнявшихся субъектом, спрягаемой глагольной формой обозначалось лишь главное, наиболее существенное в данной ситуации или в данный момент действие (состояние): остальные же действия (состояния) субъекта обозначались действительными причастиями. Таким образом, действительные причастия, согласуясь с подлежащим в роде, числе и падеже как определения, фактически обозначали второстепенное действие, а не признак подлежащего (наподобие современного русского деепричастия, а не причастия): **і оувѣдѣвъши ѣко вьзлежитъ въ храминѣ фарисѣовѣ · принесъши алавастръ мѵроу · і ставъши зади при ногоу его · плачѫшти сѧ начѧтъ мочити нозѣ его слъзами · и власы главы своеѩ отираше** [= «И (грешница), *узнав*, что он остановился в доме фарисея, *принеся* алебастровый сосуд мира и *став* сзади, у его ног, *плача*, стала обливать его ноги слезами и вытирала волосами головы своей»] (Мар. ев., *Л.*, VII). Значение действия, а не признака для действительных причастий было настолько заметным, что иногда они соединялись со сказуемым союзом **и** — как однородные члены:

прішедъ ис̃ъ въ домъ петровъ и видѣ тъштѫ его [=«Иисус, *войдя* в дом Петра, *(и) увидел* его тещу»] (Ассем. ев., *Мт*., VIII).

Такое употребление причастий для указания на побочные, сопутствующие основному действия (или состояния) субъекта было удачно названо А. А. Потебней «второстепенным сказуемым». Функция «второстепенного сказуемого» в старославянских памятниках могла получить такое широкое распространение под влиянием греческого оригинала переводов, ибо она характерна для причастий в греческом языке евангелий. Но эта функция не была чужда и славянским причастиям; именно она привела к образованию современных русских деепричастий (из форм именительного падежа действительных причастий), указывающих на второстепенное действие субъекта.

«Дательный самостоятельный»

§ 431. В старославянских текстах очень распространен причастный оборот, составлявший в смысловом отношении относительно самостоятельное единство; он характеризовал обстоятельства (время, причину, условия и т. д.) совершения действия, указанного в том предложении, к которому примыкал. Главными элементами этого самостоятельного причастного оборота были дополнение, выраженное существительным или местоимением в дательном падеже, и согласованное с ним причастие (обычно — действительное) вместе с зависимыми словами. Такой обособленный причастный оборот обычно называют «дательным самостоятельным», подчеркивая этим его формальный признак (дательный падеж главных элементов) и относительную смысловую самостоятельность.

Поскольку «дательный самостоятельный» выражал относительно законченную мысль и указывал на обстоятельства совершения действия, то на современный русский язык он обычно переводится обстоятельственным придаточным предложением. При переводе дополнение (в дательном падеже) преобразуется в подлежащее, а причастие — в простое глагольное сказуемое придаточного предложения.

Обычно обстоятельственные значения «дательного самостоятельного» не дифференцированы. Так, в предложении ішьдъшю же

ємоу въ врата · оузърѣ и дроугаѣ (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI) «дательный самостоятельный» **ишьдъшю же ємоу въ врата** может пониматься и как указание на совпадение действий во времени [«*Когда* (или *в то время как*) он выходил из ворот, его увидела другая»], и как указание на причинную связь («*Так как* он вышел из ворот, его увидела другая»); то же и во многих других случаях: **і сѫштоу петрови низоу на дворѣ · приде єдина отъ рабъінь архиереовъ** [= «*В то время как* (или *так как*) Петр находился внизу, на дворе, к нему подошла одна из архиереевых рабынь»] (Мар. ев., *Мр.*, XIV); **начєнъшю же ємоу сътѧзати сѧ о словеси · привѣсѧ ємоу длъжьникъ єдинъ** [= «*Когда* (или *так как*) он начал производить расчет, к нему привели одного должника»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII).

Однако иногда контекст вполне определенно указывал либо на временное, либо на причинное значение «дательного самостоятельного». Так, в предложении **і въ оутрьнии ишедъшемъ имъ отъ витаниѩ · въз(а)лка** (Мар. ев., *Мр.*, XI) несомненно значение времени: «И утром, *когда* они вышли из Витании, (он) проголодался» (он, т. е. Иисус, мог проголодаться в то время, когда он вышел из Витании, но не потому, что он оттуда ушел). Несомненно значение причины в предложении **не имѫштоу же ємоу чесо въ(з)дати · повелѣ господь єго да продадѧтъ и... и отъдаті** [= «*Так как* ему (рабу) нечем было заплатить, хозяин его приказал, чтобы его продали и отдали (долг)»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII) — «дательным самостоятельным» указывается причина приказания о продаже раба, а не время или иные обстоятельства этого приказания.

Дополнение в составе «дательного самостоятельного» могло отсутствовать, если действующее лицо уже было упомянуто и не вызывало сомнений; причастие в составе «дательного самостоятельного» обязательно. Например: 〈**се ізиде сѣѩі да сѣєтъ ·**〉 **сѣѭштюмоу ова оубо падошѧ при пѫти...** [= «〈Вот вышел сеятель сеять·〉 *В то время когда* (он) *сеял*, некоторые (семена) упали при дороге»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIII).

Сочинительные связи

§ 432. Как было отмечено выше (см. § 418), в старославянском тексте простые предложения «нанизывались» друг на друга, образуя сложное смысловое единство — законченный по содержанию отрывок. При этом формальных показателей связи с соседними предложениями (союзов, частиц) не имело лишь первое предложение главы или законченного по содержанию отрывка, а также, в ряде случаев, предложения в составе прямой речи.

Не располагая сведениями об интонации, следует рассматривать каждое простое предложение в старославянском тексте как относительно самостоятельное, а связи между простыми предложениями — как присоединительные (см. § 418). Средства присоединения были различными в зависимости от смысловых отношений между соединяемыми предложениями.

Если одно из связанных с помощью союзов или частиц простых предложений не поясняло другое, а лишь продолжало развитие излагаемых событий внутри цельного отрывка, можно говорить о сочинительной связи между ними.

Наиболее распространенными средствами сочинительного присоединения в старославянском языке были союзы **и**, **а**, **нъ** и частица **же**, а также **ни** (эквивалент **и** в отрицательных предложениях), **или** (т. е. **и** в соединении с вопросительной частицей **ли**) и некоторые другие.

§ 433. В тех случаях, когда следовавшие друг за другом предложения сообщали о последовательных событиях или о событиях, составляющих вместе нечто единое (не противоречащих друг другу), для их связи обычно использовался союз **и**: **ч҃лкъ етеръ имѣ дъва с҃ны · и рече меньши с҃нъ о҃цю... і раздѣлі има имѣние · и не по мноѕѣхъ дьнехъ съвравъ вьсе мьнии с҃нъ · отиде на странѫ далече · и тоу сы расточи имѣние свое** [= «Некий человек имел двух сыновей. *И* сказал младший сын отцу... *И* (он) разделил между ними имущество. *И* через некоторое время, собрав все, младший сын ушел в далекую страну. *И*, будучи там, растратил свое имущество»] (Ассем. ев., *Л.*, XV) — присоединенные посредством союза **и** предложения сообщают о по-

следовательно сменявших друг друга событиях; **вьсѣкъ бо просѧи приемлетъ · і ищѧи обрѣтаатъ. і тлъкѫщюмоу отвръзаатъ сѧ** [= «Всякий же просящий получает, *и* ищущий — находит, *и* стучащему — открывается» (Мар. ев., *Мт.*, VII) — соединенные союзом **и** простые предложения развивают одну мысль, дополняя, а не противореча друг другу. При отрицании те же отношения выражались союзом **ни: не дадите стаго псомъ · ни помѣтаите бисьръ вашихъ прѣдъ свиньѣми** [= «Не давайте святыни псам. *И* не мечите бисера своего перед свиньями»] (Мар. ев., *Мт.*, VII); **в день слъньце не ожежетъ тебе · ни лоуна нощтіѫ** [= «(И) солнце не согреет тебя днем, *и* луна — ночью»] (Син. пс.).

Эквивалентом **и** в вопросительных предложениях выступала частица **ли**, выполнявшая в этом случае функцию присоединительного союза, а потому перемещавшаяся в начало предложения: **⟨что же видиши сѫчецъ въ оцѣ братра твоего. а бръвъна еже естъ в оцѣ твоемь не чюеши.⟩ ли како речеши братроу твоемоу. остави и изъмѫ сѫчецъ из очесе твоего · і се бръвъно въ оцѣ твоемь** [= «⟨Почему же (ты) видишь сучок в глазу своего брата, а бревна, которое в твоем глазу, не замечаешь?⟩ *И* как же ты скажешь своему брату: — Давай, я выну сучок из твоего глаза! — ведь в твоем глазу — бревно!»] (Мар. ев., *Мт.*, VII).

§ 434. Если последующее предложение содержало сообщение о событиях (действиях, состояниях), логически не вытекавших из содержания предыдущего предложения или противоречивших, противопоставленных ему, то присоединение осуществлялось с помощью союза **а** или частицы **же** (о сходстве значений союза **а** и частицы **же** как средств присоединения предложений см. в § 373): **і се трѫсъ великъ бысть въ мори. ѣко покрывати сѧ кораблю влънами · а тъ съпаше** [= «И вот в море случилась сильная буря, так что судно стало захлестываться волнами. *А* он (Иисус) спал»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII); **бѣ бо кораб'ль по срѣдѣ мор'ѣ · а҅ сь единъ на земл'и** [= «Судно ведь было в море, *а* он (Иисус) один на берегу»] (Зогр. ев., *Мр.*, VI); **о҅моучи съ мноѭ в солило рѫкѫ · тъ мѧ прѣдастъ · снъ же чскы ідетъ ѣко же естъ псано о н'емь** [= «Опустивший (вместе) со мною руку в блюдо предал меня. Сын *же* человеческий идет, как сказано о нем (как ему предназна-

чено)»] (там же, *Мт.*, XXVI); **і пристѫпи къ нємоу єдина рабꙑнꙇ · глѭшти · і тꙑ бѣ съ ісомь галилѣіскꙑимь · онъ же отъвръже сѧ прѣдъ всѣми** [= «И подошла к нему одна рабыня, говоря: — И ты был с Иисусом Галилейским! — Он *же* отрекся при всех» или «*Но* он отрекся при всех»] (там же).

Более сильное противопоставление, противоречие выражалось союзом **нъ: и отъвѣтъ пріємъше в сьнѣ · не възвратіша сѧ къ иродоу · нъ инѣмь пѫтемь отідѫ въ странѫ своѭ** [= «И, получив во сне предупреждение свыше («откровение»), (они) не возвратились к Ироду; *но* (или *а*) иной дорогой ушли в свою страну»] (Ассем. ев., *Мт.*, II); **онъ же не хотѣаше нъ ведъ и въсади и въ темъницѫ** [= «Он же не хотел (ждать), *но*, отведя его, посадил его в тюрьму»] (там же, *Мт.*, XVIII); ⟨**єгда зъванъ бѫдеши на бракъ · не сѧди на прѣдьниимь мѣстѣ...**⟩ **нъ єгда зъванъ бѫдеши. шъдъ сѧди на послѣдьниимь мѣстѣ...** [= ⟨«Когда будешь приглашен на свадьбу, не садись на почетное место...⟩ *Но*, когда будешь приглашен, придя, сядь на последнее место»] (Сав. кн., *Л.*, XIV).

Пояснение

§ 435. В ряде случаев одно из предложений текста поясняло другое, т. е. раскрывало или уточняло его содержание или поясняло какой-либо из его членов.

В тех случаях, когда поясняющее предложение уточняло содержание всего поясняемого предложения в целом, они могли соединяться при помощи тех же союзов и частиц, посредством которых осуществлялось и сочинительное присоединение. Например, в одном из евангельских рассказов уверенность присутствующих в том, что Петр является одним из учеников Иисуса, передана так: **въ істинѫ і тꙑ отъ нихъ єси · і бесѣда твоѣ авѣ тѧ творитъ** (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI), что дословно может быть переведено: «Ты действительно из их числа, *и* твой разговор (диалект) выдает тебя»; союз **и** здесь соединяет предложения, которые в смысловом отношении поясняются одно другим (ср.: *Ты действительно из их числа,* **потому что** *говоришь на том же диалекте*). В том же отрывке, несколькими строками выше, сообщается о том,

как ученики, явившись к Иисусу, спрашивают: **къде хоштеши і оуготовлемъ ти ѣсти пасха** [= «Где (ты) хочешь, *и* (мы) приготовим тебе съесть пасху»]; второе предложение в этом высказывании поясняет предыдущее, поэтому в современном языке та же мысль была бы оформлена иначе: *Где ты хочешь,* ***чтобы*** *мы приготовили тебе пасху?*

С пояснительным значением мог употребляться и союз **а**: **а бы сьде былъ · не бы оумрълъ братъ наю** [= «*Если* бы (ты) был здесь, не умер бы наш брат»] (Супр. рук.; дословно: «*А* был бы ты здесь, не умер бы наш брат») — противопоставление, усиленное сослагательным наклонением, приобретает значение условия.

Очень распространенным показателем пояснения была частица **бо**, указывавшая на причинные отношения: **і аште отпоущѫ ѩ не ѣдъшѧ въ домы своѩ · ослабѣѭтъ на пѫти · дроузии бо ихъ из далече сѫтъ пришьли** [= «И если (я) отпущу их по домам голодными, (они) ослабеют в дороге, *так как* многие из них пришли издалека» (Мар. ев., *Мр.*, VIII; дословно: «...*ведь* многие из них пришли издалека»); **і пришедъ къ неи ничесо же не обрѣте не неи тъкмо листвие · не бѣ бо врѣмѧ смокъвамъ** [= «И, подойдя к ней (смоковнице), (Иисус) ничего на ней не нашел, кроме листьев, *потому что* еще не время было плодам»] (там же, *Мр.*, XI; дословно: «...*ведь* еще не время было плодам»); **просите и дастъ сѧ вамъ ... вьсѣкъ бо просѧи приемлетъ** [= «Просите — и вам будет дано, *ибо* всякий просящий получает»] (там же, *Мт.*, VII; дословно: «...*ведь* всякий просящий получает»).

Целевые отношения могли выражаться союзом-частицей **да**: **помилоуи мѧ и приими. да не бѫдѫ звѣрьми изѣдена** [= «Пожалей меня и впусти, *чтобы* не съели меня звери»] (Супр. рук.; дословно: «...*пусть* не буду я съедена зверями») — желание, с которым высказывается просьба, приобретает значение цели.

§ 436. Старославянский язык отражает формирование специальных формальных показателей пояснения, используемых при переводе придаточных предложений греческого оригинала. Такими показателями обычно являлись местоимения и наречия, выполнявшие функции союзов или союзных слов (перечень их был дан выше, в § 348—351, 375—376). Местоимения и наречия в этом случае указывали

на поясняемые обстоятельства совершения действия или проявления состояния, признака и т. п. Порядок следования поясняющего и поясняемого предложений обычно соответствовал реальному соотношению событий, о которых сообщалось.

Например, предложения, пояснявшие время совершения действия (состояния), имели в своем составе наречие **ѥгда**, буквальное значение которого «тогда, в то время»; предложения с **ѥгда** всегда предшествовали поясняемому, так как указывали на время, с которым связано сообщение, содержащееся в поясняемом предложении, следовательно, сообщали о событиях, имевших место ранее: **і егда приближи сѧ въ и҃лмъ... посъла дъва отъ · оучєникъ своихъ (въ весь)** [= «И когда (Иисус) пришел к Иерусалиму, послал двоих из своих учеников (в село)»] (Мар. ев., *Мр.*, XI) — пришел раньше, чем послал, что и отражено в порядке следования предложений. Предложения с **ѥгда** нередко указывали на временну́ю последовательность как условие осуществления действия поясняемого предложения: **егда же оубо придетъ господинъ винограда · чьто сътворитъ дѣлателемъ тѣм** [= «*Когда* (или *если*) же явится хозяин виноградника, что он сделает с теми работниками?»] (там же, *Мт.*, XXI); **егда зъванъ бѫдеши на бракъ не сѧди на прѣдьниимь мѣстѣ** [= «*Когда* (или *если*) будешь приглашен на свадьбу, не садись на почетное место»] (Сав. кн., *Л.*, XIV) и т. д.

Всегда впереди поясняемого оказывались и «чисто» условные предложения с союзом **аще**, поскольку осуществление действия поясняемого предложения возможно лишь при наличии условий, сформулированных в поясняющем: **і аште отпоущѫ ѩ не ѣдъшѧ въ домы своѩ · ослабѣѭтъ на пѫти** [= «И *если* (я) отпущу их по домам голодными, (они) ослабеют в дороге»] (Мар. ев., *Мр.*, VIII).

В тех случаях, когда необходимо было указать на пределы осуществления действия (или состояния) во времени, поясняющее предложение присоединялось к поясняемому с помощью местоименных наречий, образованных из сочетаний с предлогами, указывавшими на соответствующие временные отношения. Если при этом событиями, отраженными в поясняющем предложении, заканчивалось действие поясняемого, то последнее, естественно, оказывалось

впереди: **коупа̀ дѣите доньде же придѫ** [= «Торгуйте, *пока* (или *до тех пор пока*) я приду»] (Мар. ев., *Л.*, XIX); **і абие оубѣди оученикы вълѣсти в корабь. і варити і на ономь полоу доньде же отъпоустить народы** [= «И (он) тотчас уговорил учеников сесть в лодку и ждать его на том берегу, *пока* (он) отпустит людей»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV). Поясняющее предложение оказывалось впереди, если сообщало о событиях, с которых начинается поясняемое действие: **отънели вънидъ не прѣста облобызающти ногоу моею** [= «*С тех пор как* (я) вошел, (она) не переставала целовать мои ноги»] (Мар., Ассем. ев., *Л.*, VII; в Зогр. ев. и Сав. кн.— **отънели же**). То же при пояснении причины: **зане не імѣахѫ корениѣ і исъхошѧ** [= «*Так как* (ростки) на имели корней, то засохли»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIII); дословно: «*Из-за того (что)* не имели корней...»; о причинном значении предлога **за**, соединенного здесь с местоимением **н**, см. в § 376) — относительная самостоятельность поясняющего и поясняемого предложений внутри текста (смыслового единства) подчеркивается здесь присоединением поясняемого предложения посредством союза **и** (по списку Мариинского евангелия этот союз предшествует поясняющему предложению: **і зане не имѣхѫ корениѣ...**).

Отражая реальные отношения, предложения, пояснявшие цель действия, всегда оказывались после поясняемого: **помилоуи мѧ и приими · да не бѫдѫ звѣрьми изѣдена** [= «Пожалей меня и впусти, *чтобы* (я) не была съедена зверями»] (Супр. рук.); **приношаахѫ же к немоу і младѣнъцѧ · да би сѧ іхъ коснѫлъ** [= «К нему (т. е. к Иисусу) приносили еще и младенцев, *чтобы* (он) прикоснулся к ним»] (Зогр. ев., *Л.*, XVIII; дословно: «...*пусть* бы он прикоснулся к ним»). Пояснительный характер связи подчеркивается различием модального и временного планов в поясняемом и поясняющем предложениях: в примере из Супрасльской рукописи — повелительное наклонение и будущее время изъявительного наклонения; в примере из Зографского евангелия — прошедшее время изъявительного наклонения и сослагательное наклонение.

При отрицании на первом месте оказывалось предложение, сообщавшее о действии, которого еще не будет (или не было) в момент осуществления действия, о котором сообщено в следующем предложении: **прѣжде даже кокотъ не възгласитъ дъва**

кратъı · отъвръжеши сѧ мене три кратъı [= «*Прежде чем* петух пропоет дважды, (ты) трижды отречешься от меня»] (Мар. ев., *Мр.*, XIV; т. е.: «Петух еще *не* пропоет дважды, а ты уже трижды от меня откажешься»).

Последовательность предложений, не соответствующую последовательности событий, можно отметить при указании на причину при употреблении союза **поне же** (из местоимения с предлогом — см. § 376): **весь дльгъ твои отъпоустихъ тебѣ · поне же оумоли мѧ** [= «Весь твой долг (я) простил тебе, *потому что* (ты) упросил меня»] (Ассем. ев., *Мт.*, XVIII) — реальная временнáя последовательность событий уточняется союзом: «Простил *после того*, (как) ты упросил меня».

§ 437. Пояснительную функцию выполнял союз **ꙗко**, образованный из местоименного наречия (см. § 353) и первоначально имевший значение «так, вот, ведь». Это самый распространенный в старославянских текстах союз пояснения, причем указание на пояснение — его основное и в период древнейших переводов едва ли не единственное значение. Анализируя смысловые связи между предложениями, соединенными посредством **ꙗко**, мы обнаруживаем между ними самые разнообразные отношения: изъяснение, сравнение, образ действия, время, причину, цель, условие, следствие и т. д. (см. о разнообразии отношений между предложениями, соединенными посредством **ꙗко**, в § 375). Порядок следования предложений зависел от смысловых отношений между ними, при этом чаще поясняющее (с союзом **ꙗко**) следовало за поясняемым: **вѣвѣ ѣко сь естъ снъ наю · ї ѣко слѣпъ сѧ роди** [= «(Мы двое) знаем, *что* он наш сын и *что* (он) родился слепым»] (Мар. ев., *Ин.*, IX; дословно: «...*ведь* этот — наш сын») — изъяснение; **і похвали господинъ домоу ікономѧ · не правьдъного · ѣко мѫдрѣ створи** [= «И похвалил хозяин дома нечестного управляющего, *что* он мудро поступил»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI; дословно: «... *ведь* он мудро поступил») — изъяснение с причинным оттенком; **дадите нам отъ олѣѣ вашего · ѣко свѣтильници наши оугасѫтъ** [= «Дайте нам вашего масла, *так как* наши светильники гаснут» (там же, *Мт.*, XXV; дословно: «...*ведь* наши светильники гаснут») — пояснение причины; **чьто створ'ѭ · ѣко господь мої отъемлетъ строениѥ домоу отъ мене** [= «Что я буду делать, *если* мой хозяин лишит меня управления хозяйством?»]

(там же, *Л.*, XVI; дословно: «...*весь* хозяин мой лишит меня управления хозяйством») — поясняются условия; **съберѣте пръвѣе плѣвелъ · ї съвѧжате ꙗ въ снопы ѣко жешти ꙗ** [= «Соберите сперва сорняк и свяжите его в снопы, *чтобы* сжечь его»] (там же, *Мт.*, XIII; дословно: «...*так* сжечь его») — поясняется цель; **і се трѫсъ великъ бꙑстъ в мори · ѣко покрꙑвати сѧ кораблю влънами** [= «И вот в море случилась сильная буря, *так что* (дословно: «*и вот*») судно стало захлестываться волнами»] (Мар. ев., *Мт.*, VIII) — поясняется следствие, вытекающее из событий, изложенных в первом предложении; **отвръсѧ на мѧ оуста своѣ ѣко левъ въсхꙑштаѩ і рікаѩ** [= «Разинули на меня свои пасти, *как* голодный и рычащий лев»] (Син. пс.; дословно: «...*так* голодный и рычащий лев») — **ѣко** присоединяет сравнение; **ѣко възнесъ низъвръже мѧ** [= «*Как* (ты) вознес, (так и) низвергнул меня» (там же; дословно: «*Так*, вознеся, низвергнул меня») — поясняется образ действия, при этом в соответствии с реальными отношениями поясняющее оказывается впереди поясняемого (сначала *вознес*, затем *низвергнул*); очень распространено пояснение, которое может восприниматься и как сравнение, и как способ действия: **отъпоусти намъ длъгꙑ нашѧ · ѣко и мꙑ отъпоуштаемъ длъжьникомъ нашимъ** [=«Прости нам наши долги, *как* мы прощаем своим должникам»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, VI; дословно: «...*вот так* и мы прощаем своим должникам»).

Все это кажущееся многообразие функций союза **ꙗко** (в глаголических памятниках **ѣко**) объясняется многообразием смысловых отношений, связанных с пояснением. Союз же **ꙗко** везде имеет лишь одно значение: он вводит пояснение, указывает на смысловую зависимость одного предложения по отношению к другому. Вот почему **ꙗко** нередко дополнялся другими союзами (или наречиями в функции союзов), которые уточняли пояснительную связь. Так, например, при указании на целевые отношения к союзу **ꙗко** мог добавляться союз **да**, обычно служивший для указания на цель: **искаахѫ лъжасъвѣдѣтелѣ на исоуса · ѣко да оубиѭтъ и** [= «(Они) искали против Иисуса лжесвидетеля, *чтобы* убить его»] (Зогр., Мар., Ассем. ев., *Мт.*, XXVI; дословно: «...*вот пусть* убьют его!»).

§ 438. В старославянских памятниках можно отметить предложения, поясняющие какой-нибудь член — глагол или имя другого

предложения. В этих случаях пояснительное предложение содержало местоимение или наречие в качестве поясняемого члена.

Предложения, пояснявшие глагол, содержали в своем составе вопросительно-относительные местоимения в различных падежных формах или наречия: **кого хоштете отъ обою · отъпоуштѫ вамъ** [= «*Кого* из двоих хотите, (я) отпущу для вас»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVII) — **кого** замещает дополнение, относящееся к глаголу другого предложения *(отпущу кого?)*; **разоумѣхъ чьто сътворѭ** [= «(Я) понял, *что* сделаю»] (там же, *Л.*, XVI) — **чьто** замещает дополнение, относящееся к глаголу другого предложения *(понял что?)*; **въставъ дастъ емоу елико трѣбоуоутъ** [= «Встав, даст ему, *сколько* (он) просит»] (Мар. ев., *Л.*, XI) — местоименное наречие **елико** замещает дополнение, относящееся к глаголу другого предложения, указывая при этом на количественное измерение объекта *(даст сколько?)*.

§ 439. Распространены в старославянских текстах предложения, поясняющие имя. Такие предложения содержали в своем составе местоимение **иже** («он же») (в любой форме), замещавшее поясняемое имя: **чкъ етеръ бѣ богатъ · їже їмѣаше приставьникъ** [= «Был богатый человек, *который* имел управляющего», дословно: «Человек был богат. *Он же* имел управляющего»] (Зогр. ев., *Л.*, XVI); **чл҃къ единъ съхождааше отъ иема в ерихѫ · ї въ разбоиникы вьпаде · иже и съвлъкъше и · и ѣзвы възложъше отидѫ** [= «Некий человек шел из Иерусалима в Ерихон и попал к разбойникам, *которые* (дословно: «*они же*»), и раздев его и избив, ушли»] (Мар. ев., *Л.*, X); **їдѣта въ вьсь ѣже естъ прѣмо вама** [= «Идите в деревню, *которая* (дословно: «*она же*») прямо перед вами»] (Зогр. ев., *Мр.*, XI); **се мънасъ твоѣ юже имѣхъ** [= «Вот мина (гривна) твоя, *которую* (дословно: «*ее же*») я берег»] (Мар. ев., *Л.*, XIX); **и жєлааше насытіті сѧ · ѡтъ рожець ѩже ѣдѣахѫ свинии** [= «И (он) хотел наесться стручками, *которыми* (дословно: «*ими же*») питались свиньи»] (Ассем. ев., *Л.*, XV).

Такие предложения следовали непосредственно за поясняемым именем, нередко вклиниваясь внутрь другого предложения, напоминая этим современные вставные (или вводные) конструкции:

придѣтъ гнъ раба того вь дьнь вь ньже не чаетъ · ї въ часъ въ ньже не вѣстъ · ї протешетъ і полъма [= «Явится хозяин того раба в день, *в какой* (он) не ждет (его), и в час, *которого* (он) не знает, и рассечет его пополам»; дословно: «...в день (*его же* не ждет) и в час (*его же* не знает)...»] (Мар. ев., *Мт.*, XXIV); вьсѣкъ оубо иже слъшитъ словеса моѣ си и творитъ ѣ · оуподоблѭ и мѫжѫ мѫдроу. иже създа храминѫ своѭ на камене [= «Всякого же, *кто* слышит эти мои слова и следует им, (я) уподоблю разумному человеку, *который* построил свой дом на камне»; дословно: «Всякого же (*он же* слышит эти мои слова и следует им) я уподоблю его разумному человеку. *Он же* построил свой дом на камне»] (там же, *Мт.*, VII).

§ 440. Пояснительный характер связи нередко подчеркивался наличием в поясняемом предложении указательного местоимения или наречия, которое и пояснялось следовавшим за ним (или предшествовавшим ему) предложением: не вѣмь члвка сего его же глте [= «Я не знаю *этого* человека, *которого* (вы) называете»; дословно «...*его же* называете»] (Мар. ев., *Мр.*, XIV); горе же чкоу томоу · імь же снъ чскы прѣданъ бѫдетъ [= «Горе *тому* человеку, *которым* (дословно: «*им же*») будет предан сын человеческий»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXVI); да пригласѧтъ емоу рабы ты · їмъ же дастъ съребро [= «Пусть позовут ему *тех* рабов, *которым* (дословно: «*им же*») дал (он) серебро»] (Мар. ев., *Л.*, XIX); кто оубо естъ вѣрънъ рабъ и мѫдры · его же постави гъ надъ домомь своимъ [= «*Кто* же из рабов предан и умен, *того* и поставит хозяин во главе дома» (там же, *Мт.*, XXIV); когда възидошѧ братиꙗ его · тогда и самъ възиде [= «*Когда* взошли его товарищи, *тогда* (он) и сам взошел»] (Остр. ев., *Ин.*, VII); ꙗдоу же ... исходъ съмрьть имѣ · тѫдоу же животъ въходъ сътвори [= «*Куда* выходит смерть, *туда* и жизнь сделала для себя вход»] (Супр. рук.). Относительное слово могло представлять собой ссылку на то, что было высказано в предшествующем предложении: аште сѧ сълоучааше не имѣти кмоу ничьсо же дати кмоу, то котыгѫ (...) дадѣаше ништоуоумоу [= «*Если* у него не находилось что дать, *то* (он) отдавал нищему верхнюю одежду»] (Супр. рук.).

§ 441. Простейшим способом передачи чужой речи является п р я м а я р е ч ь. В старославянских текстах прямой речи обычно предшествуют в повествовании слова **реч҄е** или **рѣшѧ** — «сказал(а), сказали», **глагола(шѧ)** — «сказал(и)», **глаголѩ (глаголѭшти, глаголѭште)** — «говоря», **отъвѣштавъ рече** (или **глагола**) — «отвечая, сказал» и под.: **пристѫпишѧ къ н҄емоу · оученици его глѭште · поусто естъ мѣсто · і година минѫ юже · отъпоусти народы · да шьдъше въ ближьнѩѩ градьцѧ · коупѧтъ брашьна себѣ · ис же рече імъ · не трѣбоуѭтъ отити · дадите імъ вы ѣсти · они же глашѧ емоу · не імамъ сьде · тъкмо · д҃. хлѣбъ · і · в҃· рыбѣ** [=«Подошли к нему (к Иисусу) его ученики, *говоря:* — Место пустынное, и время уже позднее; отпусти людей, чтобы, пойдя в ближние селения, купили себе еды.— Иисус же *сказал* им: — (Они) не хотят уходить. Дайте вы им поесть.— Они же *сказали* ему: — У нас здесь нет (ничего), кроме 5-ти хлебов и 2-х рыб»] (З о г р. е в., *Мт.*, XIV); **і ѣдѫштемъ імъ рече. ѣко единъ отъ васъ прѣдастъ мѧ · і скръбѧште зѣло начѧшѧ глати емоу · единъ кождо іхъ · ѥда азъ есмь ги · онъ же отъвѣштавъ рече · омочиі съ мноѭ въ солило рѫкѫ · тъ мѧ прѣдастъ** [=«И когда они ели, (Иисус) *сказал:* — Вот, один из вас предал меня.— И, сильно опечалившись, (ученики) *стали говорить* ему друг за другом (дословно: «каждый из них по одному»): — Неужели это я, господи? — Он же, *отвечая, сказал:* — Опустивший со мною (вместе) руку в блюдо — тот предал меня»] (т а м ж е, *Мт.*, XXVI).

В старославянских текстах прямая речь является о с н о в н ы м с п о с о б о м п е р е д а ч и ч у ж о й р е ч и, что вполне соответствует способу мышления: рассказчик как бы дает точную «фотографию» речи персонажа, не подвергая ее дополнительной переработке. Если говорящий просил передать кому-либо его слова или высказывал предположение, указание и т. п., то соответствующее высказывание присоединялось к предшествующему предложению прямой речи (как правило, содержавшему слова **прошѫ, молѭ** — «прошу», **рекѫ, глаголѭ** — «скажу, говорю» и под.) так, как обычно

присоединяется прямая речь к авторскому тексту: **молѭ та імѣі ма отрекъша сѧ** [= «*Прошу* тебя: считай меня отказавшимся»] (Зогр. ев., *Л.*, XIV); **ї въ врѣмѧ жѧтвѣ рекѫ дѣлател'емъ · съберѣте пръвѣе плѣвелъ · і съвѧжате ѩ въ снопы ѣко жешти ѩ** [= «И во время жатвы (я) *скажу* работникам: соберите сначала сорняки и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их»] (там же, *Мт.*, XIII); **ї азъ глѭ вамъ · просите и дастъ сѧ вамъ · їштите и обрѧщете** [= «И я *говорю* вам: просите — и вам будет дано, ищите — и найдете»] (Мар. ев., *Л.*, XI).

§ 442. Как отмечалось в § 432, внутри старославянского текста (т. е. не в начале главы или законченного в смысловом отношении отрывка) почти не встречается предложений, которые не имели бы формальных показателей связи с другим предложением. Относительно немногочисленные бессоюзные связи предложений внутри старославянских законченных по смыслу отрывков можно встретить лишь в речи персонажей, т. е. в составе прямой речи: **⟨ис же рече імъ ·⟩ не трѣбоуѭтъ отити · дадите імъ вы ѣсти** [= «⟨Иисус же сказал им:⟩ — Они не хотят уходить. Дайте вы им поесть»] (Зогр. ев., *Мт.*, XIV); **⟨і дашѣ оученикомъ своімъ і рече ·⟩ примѣте ѣдите · се естъ тѣло мое** [= «⟨И (он) дал ученикам своим (хлеб) и сказал:⟩ — Возьмите, ешьте: это тело мое»] (там же, *Мт.*, XXVI); **⟨і рече імъ ·⟩ дрьзаіте · азъ есмь не боіте сѧ** [= «⟨И (он) сказал им:⟩ — Смелее! Это я: не бойтесь»] (там же, *Мр.*, XI) и т. п. — во всех примерах в прямой речи нет формальных показателей, которые характеризовали бы связи между предложениями. Такое необычное для повествовательных старославянских текстов соединение предложений (в значительной степени свойственное и греческому оригиналу) может иметь психологическое объяснение: при передаче диалога, видимо, «ощущалась» интонация говорящего, что не требовало формальных показателей связи предложений, как это обычно и бывает в живой речи.

§ 443. Современным языкам известен более сложный способ передачи чужой речи, обычно именуемый косвенной речью. Старославянские тексты не дают достоверных примеров косвенной речи, на основании чего можно предполагать, что более сложная (по сравнению с прямой) косвенная речь в X—XI вв. в языке славян еще не оформилась, хотя элементы этого

способа передачи чужой речи в старославянских памятниках находят отражение; таковым является союз **ꙗко**, который довольно часто используется в старославянских текстах для присоединения прямой речи к авторской: **і пакы отъвръже сѧ съ клѧтвоѭ · ꙗко не знаѭ ч҃ка** [= «И (он) опять отрекся с клятвою: — *Ведь*, (я) не знаю (этого) человека»] (Зогр. ев., *Мт.*, XXV); **рече бо ꙗко б҃жии с҃нъ есмь** [= «Ведь сказал (он): — *Вот*, я божий сын»] (там же, *Мт.*, XXVI) и т. п. Учитывая функции союза **ꙗко** в старославянском языке, такие конструкции следует воспринимать как переходные от прямой речи к косвенной: «Отрекся с клятвою, *что я не знаю* (этого) человека», «Сказал (о себе!), *что я* сын божий».

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Введение

Понятие о старославянском языке (§ 1—2) 5
Значение изучения старославянского языка (§ 3—8) 8
Славяне и славянские языки 13
Группировка славянских языков (§ 9—11) . . . . —
Древнейшие сведения о славянах (§ 12—13) 16
Происхождение старославянского языка 20
Деятельность славянских первоучителей (§ 14—19) . . . . . —
Народно-разговорная основа старославянского языка (§ 20) . 26
Славянские азбуки и их происхождение (§ 21—24) 27
Дополнительная литература к § 9—24 39
Важнейшие старославянские памятники письменности (§ 25) . . . —
Глаголические памятники (§ 26) 40
Кириллические памятники (§ 27—28) 45
Дополнительная литература к § 25—28 53
Кириллическая азбука . . . . —
Буквы и их звуковое значение (§ 29—31) 53
Числовое значение кириллических букв. Надстрочные знаки (§ 32—35) 56
Из истории разработки старославянского языка (§ 36—45) . . . 59
Дополнительная литература к § 36—45 86

Фонетика

Звуковая система старославянского языка 87
Общие замечания (§ 46) . . . . —
Система гласных звуков (§ 47—48) 88
Позиционные изменения гласных (§ 49) 89
Редуцированные [й] и [ы̆] (§ 50—51) 90
Сильное и слабое положение редуцированных (§ 52—54) . . 91
Падение редуцированных (§ 55—56) 93
Гласные в начале слова (§ 57—59) 96
Система согласных звуков (§ 60—64) 98
Позиционные изменения согласных (§ 65—66) 101
Позднейшие изменения согласных (§ 67—69) 103
Строение слога (§ 70—72) 105
Дополнительная литература к § 46—72 108
Звуки старославянского и других славянских языков в сравнительно-историческом освещении 109
Общие замечания (§ 73) . . . . —
Происхождение гласных звуков 110
Система гласных звуков праславянского языка (§ 74) . . . —
Интонация (ударение) (§ 75) 111

Судьба долгих и кратких гласных (§ 76—84) 112
Древнейшие чередования гласных (§ 85) 117
а) Количественные чередования (§ 86—89) 118
б) Качественные чередования (§ 90—92) 119
в) Цепи чередований (§ 94—97) 120
Монофтонгизация дифтонгов (§ 94—97) 121
Чередования, обусловленные монофтонгизацией дифтонгов (§ 98—99) 125
Образование носовых гласных (§ 100—101) 127
Судьба сочетаний гласных с плавными 128
Развитие неполногласных сочетаний (§ 102—104) . . . . . —
Начальные сочетания перед согласными (§ 105—106) . . . 133
Сочетания плавных с редуцированными (§ 107—109) . . . 134
Дополнительная литература к § 73—109 138
Происхождение согласных звуков . . . . —
Происхождение твердых согласных (§ 110—114) . . . . . . —
Происхождение мягких согласных (§ 115—116) 142
Переходные смягчения задненебных 143
I переходное смягчение (§ 117—118) . . . . . . —
II переходное смягчение (§ 119—121) 145
III переходное смягчение (§ 122—124) 147
Смягчение сочетаний задненебных и зубных согласных (§ 125—126) 150
Судьба сочетаний согласных с *j* (§ 127) 152
а) Переднеязычные сонорные (§ 128) . . . . —
б) Зубные и задненебные (§ 129—130) . . . . . . —
в) Губные (§ 131) 154
Диссимиляция и упрощение групп согласных (§ 132—138) . . . 155
Дополнительная литература к § 110—138 159

Морфология

Части речи (§ 139) 160
Имя существительное 161
Основные грамматические категории имени существительного в старославянском языке (§ 140—143) . . . . —
Склонение существительных 164
Типы склонения (§ 144) . . . . —
Основы на *ā, *jā (§ 145—148) 166
Основы на *ŏ, *jŏ (§ 149—152) 169
Основы на *ĭ (§ 153—155) 173
Основы на *ŭ (§ 156—159) 176
Основы на согласные (§ 160—163) 179
Основы на *ū (§ 164—165) 184
Категория лица — начальный этап развития категории одушевленности (§ 166—168) 185
Происхождение падежных окончаний (§ 169—171) 188
Дополнительная литература к § 140—171 192

Образование имен существительных (§ 172) 192
Бессуффиксальные тематические образования (§ 173—176) 193
Суффиксальные тематические образования (§ 177—195) . . 195
Сложные имена (§ 196) 206
Дополнительная литература к § 172—196 208
Местоимения . . . . —
Личные местоимения (§ 197—202) . . . . —
Неличные местоимения 212
Грамматическая противопоставленность личных и неличных местоимений (§ 203—206) . . . . —
Местоименное склонение (§ 207—211) 214
Происхождение окончаний местоименного склонения (§ 212—213) 220
Способы обозначения 3-го лица или предмета (§ 214) . . . 224
Дополнительная литература к § 197—214 226
Имя прилагательное . . . . —
Склонение прилагательных (§ 215) . . . . —
Склонение именных форм (§ 216—217) 227
Образование членных форм (§ 218—220) 228
Формы сравнительной степени (§ 221—227) 231
Дополнительная литература к § 215—227 238
Образование прилагательных 239
Тематические гласные (§ 228—229) . . . . —
Словообразование и разряды прилагательных (§ 230—231) . 240
Суффиксальные образования (§ 232—238) 241
Суффиксы притяжательных прилагательных (§ 239—242) 244
Дополнительная литература к § 228—242 246
Слова, обозначающие числа (§ 243—247) . . . . —
Дополнительная литература к § 243—247 251
Глагол . . . . —
Основные грамматические категории глагола в старославянском языке (§ 248—253) . . . . —
Формообразующие глагольные основы 254
Две основы глагола (§ 254—257) . . . . —
Типы глагольных основ (§ 258—260) 256
Спрягаемые формы глагола 258
Настоящее время (§ 261—268) . . . . —
Тематические глаголы (§ 261—262) . . . . —
Нетематические глаголы (§ 263—264) 260
Происхождение окончаний настоящего времени (§ 265—268) 261
Система будущих времен (§ 269—270) 264
Будущее сложное I (§ 271—272) 265
Будущее сложное II (преждебудущее) (§ 273) 266
Система прошедших времен (§ 274) 268
Аорист (§ 275—279) . . . . —
Имперфект (§ 280—284) 276
Простые прошедшие времена глагола **быти** (§ 285) . . . 282

Перфект (§ 286—287) 283
Плюсквамперфект (§ 288) 285
Ирреальные наклонения 286
Повелительное наклонение (§ 289—292) . . . . —
Сослагательное наклонение (§ 293—294) 289
Дополнительная литература к § 248—294 291
Именные формы глагола (§ 295) . . . . —
Причастия (§ 296) 292
Действительные причастия (§ 297—308) 293
Страдательные причастия (§ 309—311) 302
Инфинитив (§ 312—313) 306
Супин (§ 314) 307
Дополнительная литература к § 295—314 308
Образование глагольных основ . . . . —
Классы старославянского глагола (§ 315—316) . . . . . . —
I класс (§ 317—320) 309
II класс (§ 321—323) 312
III класс (§ 324—325) 313
IV класс (§ 326—328) 315
V класс (§ 329—332) 317
VI класс (§ 333—337) 320
VII класс (§ 338—340) 324
VIII класс (§ 341) 327
Глагольные приставки (§ 342—345) . . . . —
Дополнительная литература к § 315—345 332
Наречия . . . . —
Местоименные наречия (§ 347) 333
Обозначение места (§ 348—349) 334
Обозначение времени (§ 350—351) 336
Обозначение меры и образа действия (§ 352—354) 338
Отыменные наречия (§ 355) 339
Аффиксальные образования (§ 356—362) 340
Косвенные падежи существительных (§ 363—364) 344
Дополнительная литература к § 346—364 346
Служебные слова . . . . —
Предлоги (§ 365) . . . . —
Первичные предлоги (§ 366—369) . . . . —
Новые предлоги (§ 370) 354
Союзы и частицы (§ 371—376) 356
Дополнительная литература к § 365—376 365

Синтаксис

Порядок слов в предложении (§ 377) 366
Связи слов в предложении 367
Особенности согласования (§ 378—380) . . . . —
Именительный предикативный (§ 381—382) 370
Согласование «по смыслу» (§ 383—384) 371

Особенности управления 373
Беспредложное и предложное управление (§ 385) . . . . . —
Винительный падеж (§ 386—388) . . . . —
Дательный падеж (§ 389—392) 375
Творительный падеж (§ 393—398) 378
Местный падеж (§ 399—401) 381
Родительный падеж (§ 402—407) 384
Конструкции с «двойными падежами» (§ 408—410) 390
Дополнительная литература к § 377—410 392
Главные члены предложения . . . . —
Выражение подлежащего (§ 411—412) . . . . —
Личные местоимения в функции подлежащего (§ 413—414) 395
Выражение сказуемого (§ 415) 396
Употребление связки (§ 416) 397
Дополнительная литература к § 411—416 398
Старославянское предложение 399
Проблема границ предложения в тексте (§ 417—418) . . . . . —
Простое предложение 401
Отрицательные предложения (§ 419—421) . . . . —
Виды предложений по цели высказывания (§ 422—425) . . 403
Односоставные предложения (§ 426—429) 407
Дополнительная литература к § 417—429 411
Функции причастий в предложении (§ 430) 412
«Дательный самостоятельный» (§ 431) 413
Соединение предложений 415
Сочинительные связи (§ 432—434) . . . . —
Пояснение (§ 435—440) 417
Передача чужой речи (§ 441—443) 425
Приложение: Карта расселения славян в VI—XI вв.

Георгий Александрович Хабургаев

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Редактор *Г. В. Карпюк*. Оформление художника *Г. И. Фишера*. Художественный редактор *Н. А. Володина*. Технические редакторы *В. И. Корнеева* и *З. М. Кузьмина*. Корректоры *М. М. Крючкова* и *Л. П. Михеева*. Сдано в набор 19/I 1973 г. Подписано к печати 6/XI 1973 г. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бум. тип. № 2. Печ. л. 27+0,25 л. вкл. Уч.-изд. л. 23,42+0,14 вкл. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3-20. А10666. Издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8. Цена без переплета 84 коп. Переплет 21 коп.

1р. 05к.

Г. А. ХАБУРГАЕВ • СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

„Просвещение", 1974 г.

СЛАВЯНЕ в VIII–IX вв.

Г. А. Хабургаев „Старославянский язык"

Редактор Пащенко О. В.

Подписано к печати 20.11.73 г. К-200 Отпечатано в 1974 г.